

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

(Улан-Удэ, 27–29 июня 2017 г.)

Ответственный редактор Д. Ш. Цырендоржиева

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2017

УДК 001
ББК 71
С 696

Журнал размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки
Elibrary.ru

Редакционная коллегия

К. А. Багаева, канд. филос. наук, ст. преподаватель
О. Б. Бальчиндоржиева, д-р филос. наук, доцент
О. Ю. Рандалова, канд. филос. наук, доцент
Т. Б. Гнеушева, аспирант

Текст печатается в авторской редакции

С 696 Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции:
материалы всероссийской научной конференции с международным участием / отв.
ред. Д. Ш. Цырендоржиева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверсите-
та, 2017. — 260 с. ISBN-978-5-9793-0059-7

В сборник научных трудов включены материалы Всероссийской научной конференции с меж-
дународным участием, состоявшейся 27-29 июня 2017 г. по следующим направлениям: социально-
политические процессы в современном мире, социокультурные изменения в обществе, проблемы
системной трансформации современного общества, межнациональные отношения и толерантность в
эпоху глобализации.

Публикации представлены на русском и английском языках.

Socio-Cultural Processes in Modern Conditions of Integration and Disintegration:
Materials of the Russian Scientific Conference with International Participation / sci. ed.
D. Sh. Tsyrendorzhieva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department,
2017. — 260 p. ISBN 978-5-9793-0059-7

The volume of scholarly papers includes materials of the Russian Scientific Conference with Interna-
tional Participation, June 27–29 2017, in the following spheres: socio-political processes in the modern
world, socio-cultural changes in society, issues of systemic transformation of modern society, interethnic
relations and tolerance in the ear of globalization.

The papers are presented in Russian and English. Spelling and stylistics are author's

УДК 001
ББК 71

ISBN-978-5-9793-0059-7

© Бурятский госуниверситет, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном обществе происходят процессы не только интеграции, но и дезинтеграции, а это требует нового восприятия социально-культурных процессов и тенденций. Цель конференции - привлечь ученых к системному анализу особенностей социальных и культурных процессов на современном этапе; определить новые подходы к исследованию социокультурных процессов в полиэтничном обществе; выявить тенденции политических, социальных, культурных, национальных изменений в современных условиях; раскрыть стратегии социокультурной интеграции; пути решения межнациональных конфликтов. Процессы интеграции и дезинтеграции оказывают значительное влияние на дальнейшие перспективы развития всего человечества, общечеловеческие, глобальные и региональные проблемы. В современных российских условиях социальных, экономических и политических реформ процессы межэтнического взаимодействия и их стабилизация приобретают особую значимость. Помимо разносторонних внутрисоциальных факторов на межэтническое взаимодействие в РФ оказывает влияние развернувшийся мировой процесс борьбы с международным терроризмом, попытки экстремистских кругов рассорить народы, противопоставив друг другу этнические общности. В этих условиях возникает сложная задача компетентного управления всеми сторонами межэтнического взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности общества. При решении проблем межнациональных отношений следует выявить роль и значение толерантности. В современных условиях не менее актуальной является проблема безопасности личности, национальной безопасности.

В работе конференции приняли участие 93 автора из различных городов Российской Федерации (Барнаул, Иркутск, Казань, Красноярск, Кубань, Москва, Нерюнгри, Ноябрьск, Томск, Улан-Удэ, Уфа, Челябинск, Чита, Хабаровск, Якутск), а также 6 ученых, исследователей из Германии, Казахстана, Колумбии, Монголии. Тема конференции привлекла не только философов, но и историков, экономистов, юристов, литераторов, социологов, педагогов, филологов, культурологов, психологов, политологов и др.

Выражаем признательность всем авторам за актуальные, интересные, содержательные доклады.

Д. Ш. Цырендоржиева
ответственный редактор

© И. И. Осинский
Улан-Удэ, Россия
д-р филос. наук, профессор кафедры философии,
Бурятский государственный университет
e-mail: intellige2007@rambler.ru

Некоторые проблемы социокультурного развития Бурятии как компоненты ее модернизации

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социокультурного развития Республики Бурятия во взаимосвязи с процессами ее модернизации. Раскрывается содержание понятия «социокультурное развитие», его основные компоненты, их влияние на обновление различных сфер общественной жизни, уровень их «зрелости». Подвергаются анализу особенности социального и культурного прогресса в республике. Большое внимание уделяется раскрытию факторов, препятствующих осуществлению модернизации. В числе таких факторов отток специалистов из Бурятии в другие регионы России и за рубеж, высокая смертность населения, низкий уровень урбанизации, невысокий уровень продолжительности жизни. Выявляются причины этих негативных явлений, в частности, миграционные процессы объясняются дороговизной жизни, низкой заработной платой, наличием безработицы и др. Обращается внимание на роль позитивных факторов, к которым относятся рост уровня образованности населения, увеличение количества высококвалифицированных специалистов, ученых, развитие научных исследований, увеличение заявок на выдачу патентов на изобретения. Отмечается активизация инновационной деятельности в сфере экономики, рост регионального ВВП.

Ключевые слова: социокультурное развитие, модернизация, миграция, урбанизация, продолжительность жизни, образованность, научные исследования, инновационная деятельность.

© I. I. Osinskii
Ulna-Ude, Russia
Doctor of Philosophy, Professor
Department of Philosophy
Buryat State University

Some Issues of Socio-cultural Development of Buryatia as Components of its Modernization

Abstract. The paper considers issues of socio-cultural development of the Republic of Buryatiya in connection with the processes of modernization. It analyses the concept of 'socio-cultural development', its main components, their influence on the renewal of various spheres of social life, the level of their 'maturity'. It analyses the features of social and cultural progress in the republic. It considers factors that hinder modernization. Among such factors are outflow of the specialists from Buryatia to other regions in Russia and abroad, high mortality, low life expectancy. The paper analyses the causes of these negative phenomena, in particular migration processes are explained by high cost of living, low wages, unemployment, etc. The paper draws attention to the role of positive factors that include increase in the level of education, increase in the number of highly qualified specialists, scientists, development of scientific research, increase in applications for invention patents. The paper notes innovation activity in economy, growth of regional GDP.

Keywords. Socio-cultural development, modernization, migration, urbanization, life expectancy, education, research, innovation.

Исследование проблем социокультурной эволюции России, ее регионов в настоящее время приобретает особый смысл не только в силу значимости самого феномена «социокультурное развитие» но и того, что он неразрывно связан с процессом модернизации, является ее неотъемлемой частью. От характера социокультурного развития общества зависят содержание и темпы модернизационных процессов, переход от структур традиционного общества к современным, к modernity. Модернизация – сложный процесс, охватывающий все сферы общественной жизни, в ходе которого на основе достижений науки и техники обеспечивается переход к современному развитому обществу. В этой связи представляет интерес опыт Центра исследования модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН). С помощью разработанного центром инструментария китайские ученые ежегодно с 2001 г. измеряют стадии, их уровни и фазы динамики всемирной модернизации – для 131 страны с населением не менее 1 млн. человек каждая. В них живут 97% населения Земли. С использованием опыта ЦИМ КАН было проведено подобное исследование Институтом философии РАН в 83 регионах России. Согласно методике Хе Чуаньци, который разработал систему индексов, позволяющих оценить стадию и конкретный этап каждой стадии модернизации в 131 странах мира. Первая стадия модернизации – это переход от традиционного общества к индустриальному (первичная модернизация). Ее осуществили десятки стран Запада еще в прошлом веке. Вторая стадия – переход к информационному обществу, основанному на знаниях (вторичная модернизация). В рейтинге первичной стадии все-

мирной модернизации Россия в 2010 г. находилась на 41-м месте (из 131-й страны). Нашими соседями по индексу первичной модернизации являлись Украина, Болгария, Чили. На основе указанных индексов специалисты ЦИМ КАН выделили 4 группы стран: развитые, среднеразвитые, предварительно развитые, отстающие. США занимают первое место среди развитых стран, Россия входит в группу среднеразвитых. Китай – предварительно развитая страна, а Индия – отстающая [1, с. 8–9]. Следует подчеркнуть, что только через вторичную модернизацию можно перейти к постиндустриальному обществу.

Как справедливо отмечает В. Н. Стегний, модернизация страны в направлении постиндустриального общества качественно отличается от предвещаемой и ее содержание включает: а) нанотехнологии; б) биотехнологии; в) информационные технологии; г) когнитивные технологии. В данном производстве 2–3% населения, видимо, будут заняты в сельском хозяйстве; 17–18% в промышленном производстве, а около 80% в сфере обслуживания, что требует другого типа работника, личности, культуры, очень высокого уровня образования и профессиональной подготовки [2, с. 169]. Это свидетельствует о том, что России необходимо пройти немалый путь в своем развитии, чтобы соответствовать модели постиндустриального общества. Сегодня Россия значительно отстает от всех развитых стран мира и от «азиатских тигров и драконов» по показателю качества отраслевой структуры ВВП и по качеству технологической структуры промышленности [3, с. 27-61]. Низка производительность труда, сокращение продолжительности жизни людей, коррупция обрела всеобщий характер, началась нравственная деградация общества. Эти негативные явления в той или иной мере охватили как Россию в целом, так и его отдельные регионы, которые находятся на разных уровнях первичной и вторичной модернизации, располагают неодинаковыми социальнокультурными ресурсами для перехода на следующий уровень развития.

Социокультурная компонента Республики Бурятия включает в себя как общие черты, присущие России в целом, так и специфические, отражающие исторические, этнические, конфессиональные, географические, культурные особенности жизнедеятельности региона.

Бурятия входит в состав Сибирского федерального округа (СФО). По численности населения находится на 9 месте (из 12 субъектов) в СФО и на 56 – в РФ. Численность постоянных жителей республики составила 982,3 тыс. чел. (на 1.01.2016 г.), что на 3,8 тыс. больше, чем год назад. Характеризуется низкой плотностью населения: 2,8 чел. на 1 км² (в СФО – 3,7 чел.).

Согласно данным Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (2010 г.) Бурятия по степени вовлеченности в процессы модернизации относится к ниже среднему уровню. К такому же уровню в СФО относятся республики Алтай, Тыва, Хакасия, Алтайский и Забайкальский края, Иркутская и Кемеровская области, к среднему – Омская область, к выше среднему – Красноярский край и Новосибирская область, к высокому – Томская область [1, с.21-22]. 47 регионов из 83 были определены как уровни «ниже среднего». В Бурятии индекс (уровень) первичной модернизации в 2010 г. составлял 96 (при среднем по России 99), а индекс вторичной – 59 (при средней по стране 83). По некоторым позициям были достигнуты показатели вторичной модернизации, хотя в республике не была завершена первичная. Бурятия, как отмечается в анализе полученных результатов относится к отстающим регионам.

Одной из серьезных проблем, препятствующих модернизации Бурятии, является отток населения. В республике стабильно фиксируется отрицательное сальдо миграции. С 1990 г. по 2001 гг. прибыло в Бурятию 156,1 тыс., а выбыло 187, 6 тыс. Миграционная убыль составила 31,5 тыс.чел. За последние пять лет (с 2011 по 2015 г.) этот показатель равнялся 15,7 тыс.чел. По сравнению с 90-ми годами в последние 5 лет уровень миграции возрос. Примерно $\frac{3}{4}$ выезжающих – это люди трудоспособного возраста, многие из них имеют высшее образование. Нельзя не отметить, что миграционные передвижения получили этническую окраску. В потоке выезжающих в другие регионы доминируют русские, а в потоке въезжающих в республику – представители бурятского этноса. С 1989 по 2010 г. число русских в Бурятии уменьшилось на 95,4 тыс. Бурятское население, напротив, увеличилось за этот период на 37,3 тыс. чел. Рост произошел за счет более высокой рождаемости и миграции из других регионов России, в основном сопредельных, что положительно сказывается на тенденции концентрации представителей титульного этноса в местах его исторического обитания. Так, если в 1959 г. в Бурятии проживало 54% всех российских бурят, то в 1989 г. – 59,8%, а в 2010 г. – 62,2%. В то же время это не означает стремления к некоей замкнутости, обособленности. Буряты, так же как и русские, активно участвуют в миграционном процессе.

Основными причинами миграционной подвижности, как русского, так и бурятского населения являются дороговизна жизни, низкая заработная плата, высокий уровень бедности, ограниченные возможности для реализации своих знаний молодыми специалистами.

Согласно исследованиям ВЦИОМ 2012 г. благоприятной обстановкой на Востоке России (в том числе в Бурятии) видят лишь 10% населения во всех целевых группах. При этом главный негативный фактор, который отмечают почти половина сибиряков и дальневосточников – дороговизна жизни (46%). Из-за всего этого 40% жителей регионов Сибири и Дальнего Востока рассматривают возможность покинуть эти территории. Из них 60% намерены уехать в другой город России, а 20% вообще в другую страну (еще 23% точно собрались уезжать, но пока не решили куда) [4, с. 51].

Отрицательным фактором в осуществлении модернизации в Бурятии является высокая смертность населения, особенно среди людей трудоспособного населения, а также в сельской местности (в селе в 2015 г. смертность была выше на 20%). И хотя с 2005 г. ее показатели заметно уменьшились (в 2005 г. умершие составили 15,7 тыс.чел, в 2016 г. этот показатель снизился до 11,4 тыс.чел.).

По-прежнему высока смертность среди лиц трудоспособного возраста, особенно среди мужчин. Смертность в свою очередь влияет на показатели продолжительности жизни. Правда, в последние полтора десятилетия возросла продолжительность жизни. В 2003 г. она составляла 60,9 года, в 2015 г. – 69,2 года, то есть увеличилась на 8,3 года.

Сократился разрыв в показателях продолжительности жизни населения Бурятии и России. В 2003 г. он составлял 3,9 года, в 2015 г. – 2,2 года. Уменьшилось различие по данному показателю между мужским и женским населением с 13,9 до 10,8 лет.

Тем не менее, Бурятия, как и Россия в целом по данному показателю существенно отстает от многих стран мира. По данным ООН в 2010 г. продолжительность жизни, например в Китае составляла 72,7 года, в США 77,9, в Германии – 80,6, во Франции – 81,8, в Японии – 83,7. В России – 66,7 (в Бурятии – 66,1 г.). Между тем, продолжительность жизни является одним из основных критериев модернизации. Значение которого на этапе вторичной модернизации, согласно стандарту равняется 80 годам. До стандартного значения жители Бурятии не доживают 10,8 лет.

Развитие модернизации требует увеличения уровня урбанизации. В настоящее время доля горожан составляет 59,0%.

Как известно для успеха модернизации важна роль образования, высококвалифицированных специалистов, ученых. В 2010 г. в Бурятии 56,6 % населения имело высшее и среднее профессиональное образование. Динамика численности студентов высшего профессионального образования за прошедшие четверть века выглядела следующим образом: в 1990/91 уч. году их было 20,6 тыс. чел., в 2000/01 уч. году – 24,2 тыс., в 2007/08 уч. году -42,3 тыс., в 2015/16 уч. году – 33,5 тыс. чел. В последние несколько лет ежегодно выпускается из вузов республики 3,1 тыс. – 3,6 тыс. специалистов, что примерно в 1,5-2 раза меньше, чем десять лет назад.

Осуществление модернизации неразрывно связано с деятельностью ученых, их научно-исследовательскими поисками. За последние два десятилетия произошли заметные качественные изменения в среде исследовательского персонала.

Таблица 1

Численность исследователей Бурятии

	1995 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.
Всего	834	848	556	686
в т.ч. доктора наук	47	86	107	141
кандидаты наук	194	378	354	439

Несмотря на то, что за рассматриваемый период общее количество исследователей уменьшилось, докторов наук увеличилось в 3 раза, кандидатов наук – в 2,3 раза.

В широких масштабах велась подготовка кандидатов и докторов наук. В 2015 г. проходили подготовку в аспирантуре 669 чел., в докторантуре - 11 чел. В последние годы наметился рост расходов на научные исследования и разработки. В 2015 г. эти затраты превысили 1 млрд.рублей. В том же году было подано 67 заявок на выдачу патентов на изобретения, 17 на полезные модели, 3 на промышленные образцы. Постепенно активизировалась инновационная деятельность организаций в сфере экономики.

Росло участие Бурятии в формировании ВВП России. В 2014 г. его объем по сравнению с 2011 г. увеличился на 20,3%. Почти на столько возрос валовый региональный продукт на душу населения.

Положительным является рост в республике числа работников и организаций, использующих информационные технологии. Наиболее активно в последние годы распространялись такие инновационные информационные технологии, как Интернет, электронная почта и локальные вычислительные сети.

Итак, модернизация Бурятии, как и России в целом – сложный, многоаспектный процесс, требующий немалых усилий и продолжительного времени. Постепенное осуществление социокультурной

составляющей модернизации явится важным фактором решения модернизационной проблемы в целом.

Литература

1. Лапин Н. Н. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: Сборник материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С.6–23
2. Стегний В. Н. Критерии модернизации России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. – Уфа: АН РБ, Гилем. –2012. С.121–124
3. Возможна ли модернизация в России? (Материалы круглого стола) // Мир России. –2008. – № 2. С.69–92
4. Немировский В. Г., Половинко В. С. Возможности модернизации регионов Сибирского федерального округа // Социологические исследования. – 2015. С. 27–34

УДК 24-256

© Л. Л. Абаева
г. Улан-Удэ, Россия
д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник
Отдела философии, культурологии и религиоведения
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
e-mail:luba-abaeva@mail.ru

Социокультурный контекст эволюции религиозных культур в полиэтнической и поликонфессиональной России

Аннотация. Статья автора затрагивает проблемы эволюции религиозных культур в полиэтнической и поликонфессиональной России в контексте их социокультурного развития с точки зрения современной науки. Основная идея, заложенная на страницах статьи, гласит, что религиозная и этноконфессиональная ситуация в России представляет собой сложную и достаточно комплексную структуру. Этнос, традиционно населяющие Российскую Федерацию с устоявшимися религиозными и конфессиональными устоями все еще пока не готовы к модернизации религиозной культуры, происходящих в контексте современных социокультурных процессов, происходящих в обществе. Проблема рассматривается посредством современных методов и методологии комплексного религиоведения, в которых также учитываются и процессы глобализации. Религиозные символы в культурах многих народов в процессе своей эволюции лишь в некоторой степени потеряли свою полноту и все же остались в приоритетах этнокультурных обычаев, обрядов и ритуалов. При этом адаптация религиозных теорий и практик мировых религий, таких как буддизм, христианство, ислам, а возможно, и иудаизм, кроме ярко выраженного интеграционного характера носила в какой-то степени и глобализационный характер, изменяя религиозные традиции существования в локусе их распространения и инкорпорируя и адаптируя многие элементы традиционных локальных религиозных культур, изменяя также и ментальность этносов, воспринявших мировые религиозные культуры. Необходимо также учитывать, что конкретное пространство повседневного бытия общества и человека (их локусы) всегда были сакрально детерминированы и регламентированы.

Ключевые слова: этническая культура, этнокультурные традиции, модернизация, трансформация, религиозная ситуация, современное общество, эволюция, ментальность, культурная компетентность

© L. L. Abaeva
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Historical Studies, Chief Researcher
Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies

Sociocultural Context of the Evolution of Religious Cultures in Polyethnic and Polyconfessional Russia

Abstract. The paper examines the issues of evolution of religious cultures in polyethnic and polyconfessional Russia within the context of sociocultural development of modern science. The main concept of the paper is that the religious situation in the modern Russia is rather complicated. Ethnos of the Russian Federation with established religious and confessional foundations are still not ready to change their religious traditions according to the contemporized processes of modernization and transformation of the society. The paper analyses the issuedrawing on the methods and methodology of the modern religious science taking into account the processes of globalization. In the course of their evolution, religious symbols in cultures of many ethnos have only somewhat lost its completeness and still remain in priorities of ethno cultural customs, ceremonies, and rituals. At the same time, the adaptation of religious theories and practices of the world religions, such as Buddhism, Christianity, Islam, and Judaism, in addition to a pronounced integration character also carried to some extent globalization character changing religious traditions of existence in a locus of their distribution both incorporating and adapting many elements of traditional local religious cultures, changing mentality of the ethnos which have apprehended world religious cultures. It is also necessary to consider that the concrete space of the lifestyle of the society and the person (their locuses) has been always sacrally determined and regulated

Keywords: ethnic culture, ethno cultural traditions, modernization, transformation, religious situation, modern society, evolution, mentality, cultural competence.

Постперестроечный кризис, до сих пор переживаемый постсоветским пространством обнаружил системные связи между существующей структурой современного общества и социокультурными кризисами, в которых периодически фиксируется политическая и экономическая, этническая и куль-

турная нестабильность. В сознании общества, а также и конкретной личности, на рубеже тысячелетий наблюдается деградация позитивного общественного идеала, выразившаяся в интеллектуальной растерянности и апатии. При этом социокультурная нормативность современного общества как особый срез с реального общественно-исторического процесса формирования кросскультурного разнообразия жизненного опыта людей в разных социальных группах, обществах и культурах, образования системы ценностей, норм, идеалов гармонического, достойного человеческого бытия, как показывают последние исследования многих социологов, антропологов, философов, теософов, религиоведов и культурологов, все чаще проявляется интерес к этноконфессиональным характеристикам, религиозной культуре этносов, населяющих нашу полиэтническую и поликонфессиональную Российскую Федерацию и все планетарное человечество в целом. Характерным является то, что каждая конкретная группа внутри религиозной традиции по-своему трактует, объясняет и комментирует статус человека в обществе, его этнокультурный физический потенциал и возможности, роль власти в жизни общества и распределение ресурсов, какими оно обладает.

Сформировавшись внутри определенной системы религиозной культуры, образцы культурных практик конкретных этнических и межэтнических групп, их социальные взаимодействия и символические средства коммуникации существенным образом дифференцируются между собой, хотя очевидно - исторически этноконфессиональные общности и культуры регулировали такие ключевые понятия, как «культура, власть, идентичность, гендер, равенство - неравенство, образование и воспитание».

Религиозные символы в культурах многих народов в процессе своей эволюции лишь в некоторой степени потеряли свою полноту и все же остались в приоритетах этнокультурных обычаев, обрядов и ритуалов. При этом адаптация религиозных теорий и практик мировых религий, таких как буддизм, христианство, ислам, а возможно, и иудаизм, кроме ярко выраженного интеграционного характера носила в какой-то степени и глобализационный характер, изменяя религиозные традиции существования в локусе их распространения и инкорпорируя и адаптируя многие элементы традиционных локальных религиозных культур, изменяя также и ментальность этносов, воспринявших мировые религиозные культуры. Необходимо также учитывать, что конкретное пространство повседневного бытия общества и человека (их локусы) всегда было сакрально детерминировано и регламентировано.

В теории и практике культуры определение, выявление и анализ ценностных ориентаций и систем каждого конкретного этнокультурного социокультурного сообщества представляется нам одним из доминирующих аспектов, так как аксиологический ряд, а иногда и целые комплексные ряды в каждой конкретной этнической культуре, характеризующейся специфическим набором и иерархией ценностей, выступают как целостная система этносоциальной регуляции, причем достаточно высокого уровня. При этом аксиология как самостоятельная область философской традиции присутствует или возникает лишь тогда, когда понятие бытия как философской категории представляется в виде двух элементов – реальности, в которой оказалась та или иная культурная общность, и теории существующих ценностей этой общности как традиционных, так и подвергавшихся трансформации (в меньшей или большей степени). Аксиологические проблемы при этом могут решаться с позиций натуралистических, онтологических, этнологических, психологических, трансцендентальных, религиоведческих, социологических и культурологических.

Человек как субъект в его глобальном, а также этно- и социокультурном измерении представляется нам уникальным феноменом социальной истории человечества со всеми вытекающими характеристиками ценностей, обусловленных прежде всего конкретными историческими религиозными традициями. Религиозные символы в культурах народов в процессе на протяжении многих столетий европейские страны в своем большинстве преодолели процесс секуляризации общества. Уже в XVI-XVII вв. христианские каноны заменяются гражданским правом, религиозные христианские границы переходят в сферу нравственной регуляции человека и общества и в основном касаются проблем внутренней жизни индивида.

В условиях глобализации во многих регионах мира, нашей стране и нашем регионе в частности проблема идентификации личности как внутри конкретного этнического сообщества, своеобразном микромире, вернулась в политику, экономику, право, образование, причем, в новых, зачастую крайне интересных и иногда даже парадоксальных, формах.

Россия как полиэтническое, поликультурное и поликонфессиональное социальное сообщество представляет для социокультурноантрополога уникальную территорию, так как именно в Российской Федерации с точки зрения этносоциальной и этнополитической тенденции данного общества должна сформироваться единая общероссийская идентичность и общее российское самосознание. При этом необходимо подчеркнуть, что особенностями российского пространства со всеми присутствующими православными, буддийскими и исламскими традициями является тенденция к объемной и, как под-

черкивает В.И.Корнев, известный религиовед, масштабной мифологизации тех или иных религиозных своей эволюции лишь потеряли свою полноту, но и все же остались в приоритетах этнокультурных обычаев, обрядов и ритуалов [2]. Общеизвестно, что во взаимоотношениях «культура – общество», «человек – общество», «человек – религия» особый акцент делается на выявлении особенностей их проявления на разных уровнях, в разных сферах и на разных этапах истории культуры. Тема раскрытия специфики ментальности креативного общества и человека внутри этого общества через призму религиозной культуры представляется нам особо актуальной, так как изучение феноменов культуры разных исторических эпох и разных этнических традиций способствуют не только выявлению внешних признаков как индикаторов этничности, но и осмыслению некоторой сущностной специфики этнокультурной общности, которая отличает ее от других этносоциальных групп.

В современных исследованиях религиозных традиций в последнее время все больше преобладает особое и пристальное внимание к религиозной культуре как специфическому фактору индивидуального и социального развития.[1, с. 164-169]. Осмысление явления глобализации, наблюдающейся на рубеже тысячелетий, к нашему глубочайшему изумлению, не предусматривает практически четко выраженной теории, тенденции и перспективы развития обществ, сообществ и человеческого мира в целом и его культуры в частности. И здесь возникает проблема, в какой зависимости в процессе глобализации необходимо рассматривать человеческую природу и динамику культуры, религиозную культуру и категории ценности, способы и методы культурной интеграции, а также проблемы и методы свободы и несвободы в стратегии развития культурной перспективы.

Литература

1. Абаева Л.Л. Буддийская культура: инновации и традиции в эволюции религиозных верований монгольских народов // Мир буддийской культуры: духовное наследие и современность. – Чита–Агинское–Улан-Удэ. – 2006. – С. 164–169.
2. Корнев В. И. История мировых религий. Инновационный проект XXI века. М.: Логос, 1999. – 241с.

УДК 338.2 (510)

© К.А. Будаев
Улан-Удэ, Россия
канд. юрид. наук, профессор кафедры конституционного,
административного и муниципального права,
Бурятский государственный университет
E-mail: kmkaf@yandex.ru

Конституционно-правовое регулирование внедрения рыночной экономики в Китайской Народной Республике

Аннотация. Исследуются конституционно-правовое регулирование внедрения рыночной экономики в КНР, которая началось в конце 1978 года с принятием решения о «модернизации» сельского хозяйства, промышленности, обороны и науки. Были внесены изменения в Конституцию КНР 1978 года, приняты законы об управлении предприятиями, об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств разных уровней, о выборах в ВСНП и местные СНП и разных ступеней. К концу 1982 года были приняты около 300 новых законов, указов и других норм и правил, в том числе четвертая Конституция КНР, принятая 4 декабря 1982 года. В Конституции была закреплена многоукладная экономика, поправками к Конституции (1988 г.) официально признаны частные предприятия, в 1993 году были внесены новые поправки в том, что государственный сектор экономики является не единственным, формулировка «сельская народная коммуна» была исключена, определен правовой статус новой формы кооперации «семейный подряд».

Сначала отношение власти к национальному предпринимательству была ограничительной, не признавались равноправие различных форм собственности, затем наметился прорыв с принятием общих налоговых положений Закона КНР о личном подоходном налоге и подоходном налоге с предприятий. В марте 1999 года были внесены новые поправки в Конституцию, в результате изменений частный сектор экономики стал важной составляющей социалистической рыночной экономики. Четвертая поправка в Конституцию КНР была внесена в марте 2004 года, она наиболее обширна и, главное, имела очень важное значение для защиты прав частной собственности. К 2013 году число частных предприятий в Китае составило более 10 млн., а число индивидуальных предпринимателей достигло 40 млн.

Ключевые слова: Конституция КНР, законы КНР, рыночная экономика, частная собственность, защита прав собственников.

Constitutional-legal Regulation of Implementation of the Market Economy in the People's Republic of China

Abstract. The paper examines constitutional - legal regulation of implementation of the market economy in the People's Republic of China (hereinafter referred to as 'PRC') that started in the late 1978 with the decision on 'modernization' of agriculture, industry, military defense, and science. Amendments to the PRC Constitution of 1978 were made. Laws on business administration, on organization of the local people's congresses and local people's governments, on its elections at different levels were adopted. By the end of 1982 about 300 new laws, decrees, and other legal rules and regulations were passed, including the fourth PRC Constitution, adopted on December 4, 1982. A mixed economy was established in the PRC Constitution. By amendments made to the Constitution (1988) private enterprises were officially recognized. In 1993, further changes were made: the state sector of the economy became as not the only one, the wording 'rural people's commune' was excluded, legal status of a new form of cooperation – 'family contract' - was determined.

At first, the authorities' attitude to the national entrepreneurship was restrictive; the equality of various forms of ownership was not recognized. Then there has been a breakthrough with the adoption of the general tax provisions of the PRC Law on personal income tax and income tax of enterprises. In March 1999, new amendments to the PRC Constitution were made. As a result of the changes private economy became an important part of the socialist market economy. The fourth amendment to the Constitution of the PRC was made in March 2004. It was the most extensive and, above all, was very important for the protection of private property rights. By 2013, the number of private enterprises in China amounted to more than 10 million and the number of individual entrepreneurs has reached 40 million.

Keywords: the Constitution of the People's Republic of China, the People's Republic of China legislation, market economy, private property, protection of property rights.

Как известно, в конце 1978 года в КНР было принято решение о «модернизации» сельского хозяйства, промышленности, обороны и науки. В Китае ее называют курсом «четырёх модернизаций». Для этого было начато конституционно-правовое регулирование проводимых реформ. В течение 1979 – 1980 гг. в Конституцию КНР 1978 года (это третья Конституция в истории КНР, первая была принята в 1954 году, вторая – в 1975 году) были внесены ряд изменений и дополнений: были упразднены ревкомы, ликвидированы аграрные коммуны, земля была передана в аренду для семейного землепользования, разрешена мелкая торговля. Государственным предприятиям была предоставлена свобода экономической деятельности. Активизировалась деятельность Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) – парламента страны. Стали регулярно проводиться заседания Постоянного комитета ВСНП (в составе около 80 депутатов). Он обладал полномочиями коллективного главы государства, организовывал выборы в ВСНП, занимался толкованием законодательства, издавал нормативные акты, осуществлял контроль за должностными лицами, ратифицировал международные договоры и т.д., а с 1955 года получил конституционное право на самостоятельное принятие законов.

Решением ВСНП (1979 г.) в структуре Постоянного комитета появились новые комитеты: по делам национальностей, бюджетный и законодательных предложений. Собрания народных представителей всех уровней после длительного перерыва в результате «культурной революции» стали заниматься законотворческой деятельностью, осуществлять контроль за исполнением законов, изменениям и дополнениям в Конституцию и подготовлены проекты заисполнительными органами власти. Была создана правовая комиссия ПК ВСНП [1], восстановлена работа Министерства юстиции страны [3], которое не функционировало более 20 лет. Летом 1979 года правовой комиссией был подготовлен и принят закон КНР об управлении предприятиями, использующими совместный китайский и «зарубежный капитал». Также были приняты законы об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств разных уровней, о выборах в ВСНП и местные СНП разных ступеней. Затем, на основе этих законов во второй половине 1979 года были сформированы постоянные комитеты местных СНП. В следующем году они уже работали на провинциальном уровне, а также в городах и уездах. Восстановление собраний народных представителей и их постоянных комитетов от уезда и выше сыграло положительную роль для деятельности исполнительной власти, в целом укрепило государственную власть. СНП и их постоянные комитеты на уровне провинций были наделены полномочиями издавать собственные законы, не противоречащие Конституции КНР и другим общегосударственным законам и нормативным актам.

Предоставление прав иметь собственное законодательство по всем вопросам развития своих административных территорий имело большое значение для внедрения рыночной экономики сначала в отдельных административно-территориальных единицах, а затем и по всей стране. В ноябре 1979 года Постоянный комитет СНП Синьцзян-Уйгурского автономного района принял три местных закона

об управлении рыночной торговлей на своей территории. Такая практика была и в других административных единицах. С ноября 1979 года по июнь 1978 года в Постоянный комитет ВСНП поступило на регистрацию с мест 296 местных законов, из которых 12 были приняты местными СНП, а 284 – их постоянными комитетами [7].

Впервые семейный подряд в китайской деревне появился по инициативе самих крестьян народной коммуны Фэньян провинции Аньхуэй. Они перед угрозой голодной смерти решили разделить землю коммуны по дворам, тем самым изменили характер землепользования, оставаясь при этом арендаторами земли, принадлежащей государству. Ранее существовавшее коллективное хозяйство в китайской деревне заменилось системой, при которой крестьянская семья отбирала у народной коммуны свой семейный участок земли. Крестьяне передавали часть собранного ими урожая в виде налогов, оставшаяся часть становилась их собственностью, и они распоряжались ею самостоятельно. Первоначально такая практика не нашла поддержки в центре, а была поддержана провинциальным руководством. Одной из первых провинций, где местное руководство решило внедрить у себя семейный подряд, стала провинция Сычуань, затем эта практика распространилась и на другие регионы страны. Впоследствии она была поддержана центральной властью, которая приняла соответствующие нормативные акты. Земля перешла в наследственное владение или пользование крестьянских дворов, были разрешены наем батраков и свободная закупка сельскохозяйственной техники. Новая система хозяйствования сразу принесла результаты, начался рост урожайности, увеличилось сельскохозяйственное производство и это создало условия для проведения реформ в других секторах экономики.

Закон КНР о совместных предприятиях был принят с целью привлечения в страну иностранных инвестиций, углубления международного сотрудничества и обмена технологиями с зарубежными партнерами. По закону были предоставлены льготные условия для иностранных капиталовложений в промышленность КНР, устанавливалось частичное или полное освобождение от уплаты налогов. Смешанным предприятиям разрешалось сбывать свою продукцию на территории Китая и за границей [2].

Правительство также изучало успешные экономические системы своих соседей (Тайваня, Гонконга, Японии и пр.) с целью разработки экономической стратегии, которая привела бы к подъему экономики Китая. Реформы должны были поддержать небольшие коллективы, вдохновить частных предпринимателей и обеспечить постепенную приватизацию государственной промышленности.

Самые грандиозные реформы были проведены в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Выбор этих провинций отнюдь не был случайным – его предопределила их близость к двум огромным источникам иностранных инвестиций – Гонконгу и Тайваню. В 1980 году Гуандун и Фуцзянь была предоставлена свобода в торговых и финансовых отношениях с зарубежными партнерами. Были созданы специальные экономические районы (СЭР), провинциальные чиновники могли предложить иностранным предпринимателям особые соглашения, в частности рождественские каникулы и льготы на использование земельных участков. С 1979 г. по 1992 г. на 4 специальные экономические зоны в Шэньчжэне, Чжухае и Шаньтоу в провинции Гуандун и Сямэне в провинции Фуцзянь приходилось почти 50% иностранных инвестиций Китая.

Со временем стало очевидным, что экономический рост в этих провинциях заметно опережает развитие экономики других китайских провинций, а потому многие из реформ, опробованных в них, были проведены и в других регионах страны.

Дэн Сяопин считал, что его реформы должны проводиться медленно, обеспечивая постепенное, плавное преобразование китайской экономики. Они ни в коем случае не должны походить на «большой скачок». Дэн подчеркивал, что процесс реформирования экономики страны подобен «пересечению реки, под водой которой расставлены сети». Сначала следовало запускать пробный шар, и только после тщательного анализа достигнутых результатов возможно приступить к осуществлению реформы в национальных масштабах [6, с. 159].

В сентябре 1980 года ВСНП принял законы: о браке, о гражданстве, о подоходном налоге с совместных предприятий и о подоходном налоге с частных лиц [4]. В декабре 1981 года были приняты законы об экономическом договоре и о подоходном налоге с иностранных предприятий. ВСНП и собрания народных представителей на местах активно занимались формулированием законодательной базы для создания благоприятных условий экономического развития и особенно для привлечения в страну технологий и капиталов из зарубежных стран.

Наряду с активизацией деятельности представительных органов государственной власти (ВСНП и его органов на местах) оживилась и нормотворческая работа Государственного Совета (Правительства КНР) и его органов на местах [5]. К концу 1982 года по стране было опубликовано около 300 новых законов, указов и других административных норм и правил, в том числе – четвертая Конституция КНР, принятая 4 декабря 1982 года. Появились юридические консультации, открылись нотариальные

конторы, где работали тысячи специалистов, имеющих юридическое образование.

В сентябре 1980 года на 3 сессии ВСНП 5 созыва было принято решение о создании комиссии по подготовке проекта новой Конституции страны. Эта работа проводилась более двух лет. За это время было собрано, изучено и обсуждено большое количество предложений и замечаний. С учетом этих предложений в феврале 1982 года был подготовлен проект новой Конституции, который несколько раз обсуждался на заседании комиссии. Были получены предложения и замечания по отдельным статьям проекта Конституции из ЦК КПК, Госсовета (Правительства), Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, Всекитайского комитета Народного политического консультативного Совета Китая, министерств и ведомств, от командования НОАК (Народно-освободительной армии Китая), руководства демократических партий и общественных организаций. После очередного обсуждения на заседании комиссии по решению ПК ВСНП проект Конституции был опубликован для всенародного обсуждения. 4 декабря 1982 года после рассмотрения и обсуждения на 5 сессии ВСНП пятого созыва была принята новая Конституция КНР, четвертая в истории страны, которая действует по настоящее время с поправками, внесенными в 1988, 1993, 1999 и 2004 годах.

Такая практика обсуждения и принятия Конституции страны в Китае произошла впервые и она позволила наиболее полно отразить мнения разных слоев населения по поводу главных направлений дальнейшей жизни китайского общества, политического и экономического развития КНР. В принятой Конституции 4 раздела и 139 статей (в Конституции 1978 года было 60 статей).

В Конституции была закреплена многоукладная экономика: к общественным секторам добавили единоличный, разрешено создание смешанных китайско-иностранных предприятий, на конституционном уровне была легализована деятельность иностранных частных предприятий. Поправками к Конституции (1988 г.) официально признаны частные предприятия как самостоятельные субъекты хозяйствования, устанавливается возможность передачи в аренду права землепользования. В ст. 10 (ч. 4) было закреплено положение о разрешении аренды земли, а в ст. 11 была введена ч. 3, которая допускала существование и развитие частного хозяйства, являющегося дополнением к социалистической экономике, а государство охраняло его законные права и интересы.

Общественный и индивидуальный статус индивидуальных и частных предприятий, хозяйств, формы их деятельности далее были закреплены во многих нормативных правовых актах, принятых за 1981 – 1988 гг. органами представительной и исполнительной власти в центре и на местах.

Следующие поправки были внесены на 1 сессии ВСНП 8 созыва в марте 1993 года. Во введении Конституции появились новые формулировки «Китай находится на начальной стадии социализма», этот социализм стал характеризоваться как «социализм с китайской спецификой». В ст. 7 было введено новое положение: «государственный сектор экономики был преобразован в «сектор экономики, основанный на государственной собственности», эта формула дает возможность о переводе права владения государственной собственностью другими хозяйствующими организациями.

Поправки к статье 8 исключили формулировку «сельская народная коммуна», определен правовой статус появившихся в стране по инициативе самих крестьян новой формы кооперации – «семейного подряда». Конечно, очень важным, основополагающим конституционным изменением стал отказ от плановой экономики, планового хозяйства и переход к «системе социалистической рыночной экономики». В статьях 16, 17 Конституции были внесены изменения в систему хозяйствования, установлено право на хозяйственную самостоятельность предприятий различных форм собственности.

В.В. Чуванкова отмечает, что до начала 1990-х годов официальная политика в отношении национального предпринимательства была во многом ограничительной. В этот период законодательством не признавалось равноправное положение различных форм собственности, и законы, и нормативные акты составлялись отдельно для предприятий каждого сектора экономики. В отношении индивидуальных и частных хозяйств действовала особая система налогообложения с более высоким номинальным уровнем налоговых ставок. Они практически не имели доступа к кредитным ресурсам государственных банков, не имели прямого выхода на внешний рынок, не могли выпускать акции на биржу, были ограничены в сферах хозяйственной деятельности [8].

Прорыв намечился с распространения на предпринимательство действия общих налоговых положений – Закона КНР о личном подоходном налоге и Временных положений КНР о подоходном налоге с предприятий, изданных в конце 1993 года.

В середине 1990-х годов продолжался переход от ограничительной политики в отношении общественных секторов экономики, в целом, и индивидуальной и частной форм хозяйствования, в частности, к разрешительной. Велся активный поиск реальных форм поддержки и стимулирования развития частного и индивидуального секторов экономики. Уделялось серьезное внимание созданию единой законодательной системы для всех субъектов хозяйствования, уже не по формам собственно-

сти, а по организационной структуре предприятий, совершенствованию действующих нормативных актов одновременно с разработкой новых в целях создания необходимых условий для равноправного участия в рыночной конкуренции, повышения уровня контроля за исполнением законов на местах.

Третья поправка к Конституции КНР 1982 года была внесена 15 марта 1999 года на II сессии ВСНП 9-го созыва. Во введении Конституции были изменены ряд формулировок: положение «Китай находится на начальной стадии социализма» заменено на «Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма», добавлена новая задача «развивать социалистическую рыночную экономику». В ст. 6 было закреплено положение о том, что «на первоначальной стадии социализма государство поддерживает экономическую систему, при которой общественная собственность доминирует и другие формы собственности развиваются параллельно; придерживается системы, при которой распределение по труду доминирует при сосуществовании с другими формами распределения». В ст. 8 Конституции было уточнено положение роли семейного подряда в сельскохозяйственном производстве. Из этого можно сделать вывод, что коллективное хозяйство остается в системе сельскохозяйственного производства на втором уровне, при этом семейный подряд остается основой системы хозяйствования. В результате изменений, внесенных в ст. 11 Конституции, частный сектор экономики стал «важной составляющей социалистической рыночной экономики».

Четвертая поправка к Конституции КНР была внесена 14 марта 2004 года, она была наиболее обширна в сравнении с предыдущими и имела очень важное значение в усилении роли частного сектора и главное – защите прав частной собственности. В ст. 10 Конституции КНР в новой редакции говорится, что для общественных нужд и на основании закона может быть произведено изъятие земли за компенсацию, ранее о компенсации речи не было. В ст. 11 появилось важное положение о том, что государство поддерживает и направляет развитие необщественного сектора экономики, то есть индивидуальных и частных хозяйств. Ст. 13 ныне гласит: «запрещено посягательство на законное частное имущество граждан».

Как следует из документов сессий ВСНП 10-го и 11-го созывов, Китай намерен не только сохранить предпринимательство на достигнутом уровне, но и в условиях обостряющейся внутренней и международной конкуренции обеспечить его органичное вхождение в процесс модернизации народного хозяйства, превратить частные и индивидуальные предприятия в высокорентабельную и конкурентоспособную часть экономики страны.

Важным шагом в решении этой задачи стала разработка и реализация в 2005 – 2007 гг. ряда установок и мер в целях создания более благоприятного правового и рыночного климата равноправной конкуренции в интересах поощрения, поддержки и ориентирования развития индивидуального, частного и других необщественных секторов экономики. Среди них следует выделить такие документы, как некоторые соображения Госсовета КНР о мерах поощрения, поддержки и направления развития индивидуального, частного и других видов необщественного сектора экономики (2005 г.), Закон КНР о банкротстве предприятий (2006 г.), а также принятые в 2007 г. Закон КНР о подоходном налоге с предприятий, Закон КНР о вещном праве, Закон КНР о трудовом договоре, Закон КНР о содействии трудоустройству, Закон КНР об арбитраже в решении трудовых споров [8].

Конституционные поправки 2004 года, хотя и не считаются коренным пересмотром Конституции 1983 года, все же имели важное значение для дальнейшего развития рыночной экономики в стране.

Таким образом, в Конституцию КНР 1982 года были внесены принципиальные изменения, юридически уравнившие в стране все формы собственности, государство стало гарантом безопасности и поддержания равных возможностей, это регулировалось хорошо разработанным и своевременно принятым законодательством в сфере гражданско-правовых и других правоотношений.

В 2013 году общее число зарегистрированных частных предприятий в Китае составило более 10 млн., число индивидуальных предпринимателей достигло 40 млн. Выдвинутая в свое время задача увеличить ВВП страны в четыре раза к 2000 году успешно выполнена, поставлена задача построить к 2020 году общество средней зажиточности, а к 2050 году достичь уровня развитых стран. Китайские руководители и ученые объясняют, что проводимые реформы направлены на совершенствование и развитие социалистического строя, построение социализма с китайской спецификой. Сегодня КНР по своему экономическому потенциалу прочно занимает второе место в мире после США, ВВП страны составляет более 30 трлн. юаней (5 трлн. долларов). Такая последовательная, неторопливая, тщательно продуманная реформа перевода экономики на рыночные рельсы и достигнутые результаты заслуживают всяческой поддержки и служат хорошим примером для других стран, в том числе и России.

Литература

1. Жэньминь жибао. 24.02.1979.

2. Жэньминь жибао. 09.07.1979.
3. Жэньминьжибао. 14.09.1979.
4. Жэньминьжибао. 10.09.1980.
5. Жэньминьжибао. 03.10.1980.
6. ВанессаЛайдУиткомб, МайклБенсон. Современный Китай. М.: АСТ. Астрель. 2006. –159 с.
7. История политической системы КНР / гл. ред. Чи Фулинь, Тянь Фу. Пекин, 1998. – 394 С.
8. Чуванкова В.В. Реформы в КНР: опыт развития и государственной поддержки частного предпринимательства // Тезисы докладов 17 Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», Москва, 22 – 24 октября 2008 г., РАН, Институт Дальнего Востока. 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, удачи. Часть I. М., 2008.

УДК 338.47

© Н.Н. Булатова
г. Улан-Удэ, Россия
д-р экон. наук, профессор кафедры
«Экономика, организация и управление производством»,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
e-mail: bulatova_nad@mail.ru

Приоритеты участия России, Монголии и Китая в трехстороннем международном сотрудничестве

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы международного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России, Монголии и Китая в рамках программы формирования Экономического коридора «Россия - Монголия - Китай». Основной идеей данной программы является возможность совмещения Евразийского экономического союза, разработанной Китаем масштабной концепции «Экономического пояса Шелкового пути» и предложенной Монголией идеи «Степного пути». В связи с этим в статье выделены приоритеты и целесообразность участия в программе Экономического коридора каждой из этих стран. Участие Монголии в данном мегапроекте связано со строительством транспортных коридоров, линий связи и электропередач, маршрутов доставки энергоносителей, выступая при этом страной-транзитером. Идея участия Китая в программе связана с созданием эффективных транспортно-логистических систем, модернизации инфраструктуры и логистики, нацеленных на освоение емкого европейского рынка для продукции, произведенной в регионе. Основным приоритетом участия России в программе является формирование в регионах Сибири и Дальнего Востока очаговых транспортно-промышленных поясов, интегральной инфраструктурной макросистемы, и как следствие нового технологического и социо-уклада. Обозначена необходимость разработки новой транспортной стратегии, направленной на формирование интегрированной транспортно-логистической системы Байкальского региона.

Ключевые слова: экономический коридор, международное сотрудничество, транспортная инфраструктура, трансконтинентальные коридоры, общество, государство.

© N.N. Bulatova
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Economy, Professor
Department of «Economy, Production Organization and Management»
East-Siberian State University of Technology and Management

Priorities of Participation of Russia, Mongolia and China in Three-way International Cooperation

Abstract. The paper discusses the issues of international trade, economic and investment cooperation between Russia, Mongolia, and China within the framework of the program for the formation of the Economic Corridor 'Russia - Mongolia – China'. The main idea of this program is the possibility of combining the Eurasian Economic Union, a large-scale concept of the 'Economic belt of the Silk Road' developed by China, and an idea of the 'Steppe Road' proposed by Mongolia. In this regard, the paper highlights the priorities and expediency of participating in the program of the Economic Corridor of each of these countries. The participation of Mongolia in this megaproject is connected with the construction of transport corridors, communication lines and power lines, routes for the delivery of energy carriers, standing as a transitory country. The idea of China's participation in the program is connected with the creation of efficient transport and logistics systems, modernization of infrastructure and logistics aimed at developing of the capacious European market for products produced in the region. The main priority of Russia's participation in the program is the formation in Siberia and the Far East region of focal transport-industrial belts, integrated infrastructure macro system, and as a consequence of a new technological and socio-way of life. The need to develop a new transport strategy aimed at the formation of an integrated transport and logistics system of the Baikal region is indicated.

Key words: economic corridor, international cooperation, transport infrastructure, transcontinental corridors, society, state

В июне 2016 г. на саммите ШОС в Ташкенте была принята Программа формирования экономического коридора «Россия - Монголия - Китай», нацеленного на расширение международного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества этих стран. Речь идет о возможности совмещения в рамках этой программы Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе России, Казахстана, Белоруссии, Киргизии и Армении, разработанной Китаем масштабной концепции «Экономического пояса Шелкового пути» и предложенной Монголией идеи «Степного пути» [5]. В рамках Экономического коридора была составлена Дорожная карта, которая определила ряд направлений трехстороннего сотрудничества: обустройство пограничных пунктов пропуска, связанных с активизацией приграничных связей, развитие транспортной инфраструктуры, в том числе формирование

транспортных и энергетических коридоров, улучшение условий торговли и перевозок, совершенствование таможенного контроля, финансовой и инвестиционной сферы, развитие туризма, энергетики, сельского хозяйства, экологии и охраны окружающей среды.

У каждой из трех стран появляется возможность расставить приоритеты и определить целесообразность своего участия в проекте [2].

Монголия. Идея Степного пути заключается в модернизации железных дорог, строительстве авто-трасс, нефтегазового трубопроводного транспорта и высоковольтной линии электропередачи. В рамках экономического коридора будет состыкован Степной путь с Транссибом и с Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП). Есть перспективные проекты торгово-экономической кооперации России и Монголии, в том числе и формирование единой приграничной зоны международной торговли. Особое внимание заслуживают вопросы развития железнодорожной инфраструктуры Монголии на основе модернизации АО «Улан-Баторская железная дорога», причем с ответвлениями на восточное и западное направление к природным ресурсам, при этом планируется увеличение мощности грузоперевозок до 100 млн. тонн в год. Данные проекты дадут возможность проведению геологоразведочных работ и разработки месторождений полезных ископаемых на территории Монголии. По проекту «Степной путь» Монголия должна оказаться на основной линии коммуникаций между Россией и Китаем, стать страной-транзитером, для чего предполагается прокладка пяти коридоров – железнодорожного, автодорожного, электроэнергетического, газопроводного и нефтепроводного. Монгольская сторона выступила с предложением о строительстве международной скоростной автодороги параллельно ныне действующей автодороге центрального коридора в рамках Экономического коридора. Воздушное пространство Монголии в целом рассматривается как авиа - перевозочный коридор, в котором уже открыты три коридора для китайских внутренних авиаперевозок. В случае правильной организации полётов между Европой и Азией по воздушным путям России, Монголии и Китая, все три государства могут иметь существенную прибыль. В связи с этим, Монгольская сторона обратилась с предложением о трёхстороннем сотрудничестве в эффективном использовании воздушного пространства и сейчас этот вопрос находится на стадии обсуждения. Ключевую роль в совместной реализации программы Экономического коридора будет играть предложенный монгольской стороной совместный центр инвестиционного проектирования, основной задачей которого является финансовая проработка новых предложений по сотрудничеству в области транспорта, строительства линий связи и электропередач, маршрутов доставки энергоносителей и т.д.

Китай. В основе китайской концепции лежит идея создания эффективных транспортно-логистических систем, модернизации инфраструктуры и логистики. В рамках этих целей предполагается строительство трех железнодорожных коридоров (северного, проходящего через территорию России, центрального и южного через Центральную Азию), обеспечивающих быструю транспортную доступность европейского рынка для продукции китайских товаропроизводителей [5]. Для государств - членов ЕАЭС объем грузовых перевозок к 2020 г. может достигнуть 490 млн. т., что в 4 раза выше показателей 2000 г. [7]. При этом Монголии и России необходимо обратить внимание на то, что инвестируя в развитие инфраструктуры, Китай взамен требует обеспечить допуск к добыче природных ископаемых, причем с привлечением китайских компаний и своей рабочей силы. В ближайшее время Китай намерен инвестировать в Центральную Азию более 50 млрд долл., и при такой крупномасштабной кредитно-инвестиционной экспансии в регионе, он наибольшим образом заинтересован в скорейшем развитии именно транспортной инфраструктуры. Если принять во внимание, что Китай - мировой лидер в области высокогорного железнодорожного строительства и то, что Экспортно-кредитный банк Китая давно является крупнейшим кредитором правительств республик региона, то становится очевидным, что у Китая широкие перспективы и возможности для реализации предложенных проектов программы Экономического коридора.

Россия. Очевидно, что во взаимодействии в трехстороннем формате на передний план выдвигается сотрудничество восточных регионов России, Монголии и Китая. С российской стороны – Забайкальский край, Бурятия, Тыва, Хакасия, а также Иркутская, Новосибирская, Кемеровская области и Алтайский край. Именно Сибирь и российский Дальний Восток являются опорными регионами для трехстороннего сотрудничества.

Для России участие в данной программе даст возможность развитию собственного проекта Транс – Евразийского пояса развития (ТЕПР), как особого способа организации евразийского пространства (Евросоюз, Китай, Япония, Корея, Монголия). При этом для регионов Сибири и Дальнего Востока открываются широкие перспективы образования очаговых транспортно-промышленных поясов, основным элементом которых является интегральная инфраструктурная макросистема, объединяющая транспорт, энергетику, телекоммуникации, транспортировку воды, нефти, газа, обеспечив при этом

формирование нового технологического и социо-уклада.

В рамках этой программы обозначена стратегия кооперирования с китайскими железными дорогами для дальнейшего развития Транссиба и БАМа, как альтернативного маршрута по Евразийскому трансконтинентальному пути.

Достигнута договоренность о китайском участии в создании высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва - Казань», которая включена в проект Евразийского высокоскоростного транспортно-коридора «Москва–Пекин», Приморье-1, Приморье-2 [4].

Подписан договор о поставках природного газа в течение 30 лет стоимостью в 400 млрд. долл. в рамках запуска строительства газового трубопровода «Сила Сибири», который проходит через пограничную реку Амур.

Всего между Китаем и Россией подписано около 100 документов о сотрудничестве в нефтегазовой области, угледобывающей, атомной и в других энергетических отраслях, в авиационной, аэрокосмической, судостроительной промышленности, в сфере технических инноваций, финансового сектора, торговли, транспорта, интернета, в сельском хозяйстве и экологии. Особое внимание заслуживает вопрос сотрудничества России и Китая в Арктике, совместного использования Северного морского пути.

Интенсивное использование в транзитных перевозках маршрута АН-3 сети Азиатских автодорог (Улан -Удэ – Кяхта / Алтанбулаг – Дархан – Улан- Батор – Сайншанд – Замын-Удэ / Эрлян – Внешний Пекин – Тяньцзинь) привело к изучению экономического обоснования строительства скоростной автомобильной дороги в этом направлении.

Как видно, развитие транспортной инфраструктуры - это ключевые сферы, обуславливающие углубление экономической интеграции. Однако транспортный аспект взаимодействия в рамках экономического коридора является проблемным, что вызвано отсутствием общей транспортной стратегии и плана развития инфраструктуры, основанной на соблюдении интересов всех участников трехстороннего сотрудничества. В связи с этим России для участия в программе экономического коридора необходима разработка новой транспортной политики, нацеленной на формирование интегрированной транспортно-логистической системы, особенно это касается именно Байкальского региона в целом, формирование опорной сети транспортно-логистических центров, построенной по вертикальному принципу.

Реализация поистине грандиозных перспектив создания трансконтинентальных коридоров, отвечающих коренным интересам народов трех стран может стать мощным драйвером успешного экономического роста регионов России, Китая и Монголии, стать надежным фундаментом совместного процветания трех государств, связанных между собой давними историческими узами и общими стратегическими интересами.

Участие России в реализации данного мегапроекта закрепит за Сибирью и дальним Востоком статус территории опережающего развития. В этих условиях, Россия, выходя на этап продвижения собственной стратегии участия в данной программе должна не только изучить инвестиционный климат, политическую, правовую и законодательную среду, но и оценить все риски с целью извлечения преимуществ международной торгово-экономической интеграции в трехстороннем формате.

Литература

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
2. Булатова Н.Н. Перспективы развития региональной экономики в условиях формирования Экономического коридора «Россия-Монголия-Китай» Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки / 2017. – Том 10. – № 1. С.90–99.
3. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. Аналитический доклад /Научный руководитель А. А.Кокошин. Режим доступа: <http://econom.nsc.ru/ieie/Izdan/trudi/korjubaev/doklad.pdf>
4. Россия, Китай и Монголия создадут экономический коридор. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/23/html>
5. Самойленко В. Россия – Китай – Монголия: перспективы трехстороннего сотрудничества / Журнал: Международная жизнь. – Июнь. - 2016. – С.12-23.
6. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. Аналитический доклад /Научный руководитель А. А.Кокошин. Режим доступа: <http://econom.nsc.ru/ieie/Izdan/trudi/korjubaev/doklad.pdf>
7. Транспортные проекты Китая в Центральной Азии Режим доступа: www.webeconomy.ru/index.php?cat=mc&mc=153&newsid=2795&p=5&page=cat&type=news
8. Формирование модели организации приграничного сотрудничества в рамках международных транспортных коридоров: монография / Н.Н. Булатова, В.М. Алексеев, В.В. Алексеева - Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2010. – 347 с.

Сетевая агрессия как форма современного интолерантного дискурса

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются формы сетевой агрессии. Ее распространение объясняется тенденциями, вызванными нарастанием социального неравенства, нестабильностью социально-политических и экономических отношений. Социальные потрясения, военные катастрофы, террористические акты и прочие проявления деструктивных целей и форм их достижения в реальных социальных стратегиях сохраняют деструктивность и в коммуникативном поведении. Изменения коммуникативного поля есть свидетельство распространения деструктивности и интолерантности социальных отношений. Социальная неустойчивость, подогреваемая современным принятием амбивалентности морали, порождает новые формы коммуникаций. Сетевая агрессия характеризует все социальные группы, в том числе детскую. Чаще сетевая агрессия выражена в таких формах как пранкерство, троллинг, буллинг, астротурфинг, флейминг и другие. Деструктивный характер данных тенденций определяет значимость сохранения максимально возможной положительной коннотации политического дискурса и его ориентации на конструктивные формы взаимодействий. Сетевая агрессия выступает не только объектом, но и субъектом, актором социального конструирования, распространения и усиления степени деструктивности в социальном взаимодействии. Маргинализация дискурса разрушает позитивный опыт контактов и противоречит бесконфликтному будущему, что нарушает условия поддержания социальной стабильности.

Ключевые слова: дискурс, инвектива, интолерантность, сетевая агрессия и ее виды, социальные медиа, фейк, пранк.

Network Aggression as a Form of Modern Intolerant Discourse

© O.B. Istomina
Irkutsk, Russia
Doctor of Philosophy, Professor
Department of Socio-Economic Studies
Irkutsk State University

Abstract. This paper considers the forms of network aggression. Its distribution is explained by the tendencies caused by an increase of social inequality, instability of the socio-political and economic relations. Social shocks, military accidents, acts of terrorism, and other manifestations of the destructive purposes and forms of their achievement in real social strategy keep its disruptiveness also in communicative behavior. Changes of the communicative field are the evidence of distribution of disruptiveness and an intolerance of the social relations. The social instability heated up by modern adoption of ambivalence of morals generates new forms of communications. Network aggression characterizes all social groups, including children. Network aggression is usually present in such forms as pranking, trolling, bullying, astroturfing, flaming, and others. Destructive character of these tendencies defines the importance of preservation of the greatest possible positive connotation of a political discourse and its orientation to constructive forms of interactions. Network aggression acts not only as an object, but also as a subject, the actor of social designing, distribution, and strengthening of a degree of disruptiveness in social interaction. Marginalization of a discourse destroys positive experience of contacts and contradicts the frictionless future that violates conditions of maintenance of social stability.

Keywords: discourse, invective, intolerance, network aggression and its types, social media, fake, prank call.

Современное социокультурное пространство характеризуется расширением интолерантных форм проявлений мировоззренческих позиций. Коммуникативное поведение напрямую зависит от характера социальных процессов. Социальные потрясения, военные катастрофы, террористические акты и прочие проявления деструктивных целей и форм их достижения в реальных социальных стратегиях сохраняют деструктивность и в коммуникативном поведении: «дискурс и социокультурная реальность обуславливают друг друга: дискурс формирует общество и культуру так же, как и сам формируется ими; их взаимосвязь диалектична. Это означает, что каждый факт применения языка делает свой небольшой взнос в процесс воспроизводства или трансформации общества и культуры, включая властные отношения» [цит. по: 4, с. 44]. Коммуникативное поведение, подобно лакмусу, выполняет роль «социального зеркала» и отражает характер социальных, экономических, политических, межэтнических, межконфессиональных контактов. Следовательно, изменения коммуникативного поля есть свидетельство распространения деструктивности и интолерантности социальных отношений. Как отмечал Ф. де Соссюр: «Язык никогда, наперекор видимости, не существует вне социального факта, ибо он есть семиологический феномен. Его социальная природа – одно из его внутренних свойств; полное его определение ставит нас перед лицом двух неразрывно связанных явлений» [5, с. 340-345]. Коммуникативная динамика фиксирует трансформацию социальных связей и отношений.

Сетевая агрессия как форма современного коммуникативного поведения обусловлена разрастанием тенденций социального напряжения. Однако, следует учитывать, что сетевая агрессия выступает

не только объектом, но и субъектом, актором социального конструирования, распространения и усиления степени деструктивности в социальном взаимодействии.

Сетевая агрессия распространяется ввиду вариативности ее форм и доступности Интернет-изданий и социальных сетей. Социальные сети обладают рядом преимуществ перед иными каналами информирования, среди них, прежде всего, массовость, доступность, в том числе, содержательная и стиливая, информативность, возможность повторного обращения, возможность ответной реакции и обмена мнениями, доверительный тон, размывание территориальных и социальных границ и мн. др. Данные свойства популяризируют социальные сети в широких кругах, особенно внедряются в молодежном общении. Анонимность, способность к общению по вымышленным именам (ником), наделяет социальные круги типичными свойствами квазигруппы с разрушительным характером – толпы. Анонимность обычно сопровождается ощущением большей свободы и добавляет смелости в поступках. Данная «обезличенность» способствует распространению агрессии [подробнее см.: 1].

Социально-политическая напряженность, экономическая неустойчивость порождает распространение различных видов сетевой агрессии. Ее формы разнообразны, наиболее часто встречаются пранкерство, троллинг, буллинг, астротурфинг, флейминг. У данных форм есть общие черты – это, прежде всего распространение ложных или правдивых, но обязательно компрометирующих сведений через сеть, наличие жертвы, продуманный и спланированный характер действий, склонение объекта буллинга к определенному, заранее намеченному типу действий.

Сетевая агрессия затрагивает все возрастные контингенты, особенную опасность представляет распространившийся в подростковой среде хеппислепинг – распространение через сеть видеороликов о фактах жестокого обращения к одноклассникам, пожилым людям, лицам без определенного места жительства, к любым категориям населения или вовсе к животным.

Сетевая агрессия часто выливается в троллинг (форму социальной провокации или издевательства), буллинг (психологический террор), астротурфинг (выполнение роли квакера через привлечение современного программного обеспечения или оплаченных пользователей, которые будут формировать общественное мнение на основе указанных позиций); флейминг (оскорбительные, вульгарные и непристойные комментарии или сообщения, их цель – вызвать негативные реакции у объекта преследования).

В самостоятельный вид современной политической журналистики выделился пранк (от англ. prank – выходка, шалость, шутка) – телефонный розыгрыш. Сегодня выделяют виды пранка:

- «хард» (от англ. hard – тяжёлый) – телефонный разговор с целью доведения жертвы до гнева (может использоваться арготированная лексика и брань);

- «лайт» (от англ. light – лёгкий) – телефонный разговор с целью шуточного розыгрыша, вызывающий смех;

- «конференция» – соединение двух или более жертв в конференц-звонок;

- «пранк-журналистика» – разновидность лайт-пранка с целью получения от жертвы необходимой информации, как правило, недоступной для получения другим образом. Сведения размещаются в СМИ, например, телепередача НТВ «Звонок». Выбор «жертвы» определяется актуальностью, социальным или политическим интересом аудитории к данным персонам и, конечно, наличием громкого информационного повода. В политическом дискурсе пранк активно используется для формирования общественного мнения, для «уточнения» политической карьеры оппонента, а также для получения конфиденциальной информации. Пранкерство не преследуется законом во всем мире, т.к. не влечет ни уголовной, ни административной ответственности [3].

Распространение сетевой агрессии крайне опасно. Риск представляет массовость сетевого поля и способность к манипулированию сознанием. Угрожающей представляется возможность рассмотрения подобных действий как вполне допустимых, а главное, высоко эффективных способов достижения поставленных целей. Сетевая агрессия, действительно, в силу своих объективных качеств, быстро добивается подавления воли реципиента, «выведения его из строя» [подробнее см.: 2].

Амбивалентность морали современной действительности, к глубокому сожалению, допускает и «разрешает» сетевую агрессию ради достижения цели. Однако, надо понимать, что деструктивность агрессивного дискурса провоцирует распространение деструктивности в иных социальных действиях, что нарушает условия поддержания социальной стабильности. Маргинализация дискурса разрушает позитивный опыт контактов и противоречит бесконфликтному будущему. Позитивные установки и регулярный внутренний контроль – единственные, действительно верные и долгосрочные методы эффективных коммуникаций.

Литература

1. Истомина О.Б. Дискурс социальных медиа // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы V межд. науч.-практ. конф., 27 марта 2016 г. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – №1 (5). – С.24–27.
2. Истомина О.Б. Инвектива как способ социально-психологического маркирования дискурса // Европейский журнал социальных наук. – 2015. – №3. – С. 200-207.
3. Режим доступа: <http://chtooznachaet.ru/prankery.html> (23.03.2017).
4. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – 177 с.
5. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики (извлечения) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – 466 с.

УДК 130.1

©Д. М. Коломыц

Казань, Россия

доцент кафедры международных отношений, мировой политики
и зарубежного регионоведения,

Приволжский федеральный университет

E-mail: kolomits@list.ru

Мифология фашизма как способ осуществления глобалистского проекта

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с распространением идеологии неонацизма потому, что в начале XXI века он оказался составной частью осуществления мондиалистского проекта. Рассматриваются цивилизационные и психологические причины устойчивости мифологии фашизма в Европе, и каким образом социал-дарвинистские мифы, лежащие в основе фашистской идеологии, оказались востребованы как главное идеологическое оружие психологической войны на Украине. Фашизм - это политическая концепция крайнего социал-дарвинизма. Теория нацизма стала завершением с одной стороны европейского социал-дарвинизма, с другой – немецкой геополитической концепции «жизненного пространства». Социал-дарвинизм возник в европейской культуре как обоснование колониальной политики. По-сути социал-дарвинизм – это мифология, в которой европейские народы объявлялись антропологически превосходящими другие народы мира. Неонацизм стал главным идеологическим оружием психологической войны на Украине в начале XXI века. После политического переворота в феврале 2014 года новые власти приступили к уничтожению русского языка на Украине, открыто утверждая право на уничтожение его носителей, тех, кто отказался признать превосходство «украинства». Повторяя путь нацизма, украинские фашисты также видят главного врага в России, как носителя русского языка и оси Русского мира. В итоге борьба с неонацизмом в Европе приобрела для России стратегическую важность. Это крайне важно для обеспечения безопасности России и предотвращения будущих войн.

Ключевые слова: мифология, глобализм, неонацизм, Россия, Русский мир, информационная война, украинский кризис, идеология.

Mythology of Fascism as a Way of Implementing a Globalistic Project

© D.M. Kolomyts

Kazan, Russia

Assistant Professor

Department of International Relations, Global Politics and Foreign Regional Studies

Privolzhsk Federal University

Abstract. The paper considers the issues related to a spread of the neo-fascism ideology. Since at the beginning of the 21st century it turned out to be an integral part of the implementation of the mondialist project. We study civilizational and psychological reasons for a stability of the fascism mythology in Europe. The paper also analyses the ways by which the social Darwinian myths underlying the fascist ideology have proved their relevance as a main ideological weapon of the psychological war in Ukraine. Fascism is a political concept of extreme social Darwinism. The theory of Nazism was the completion of European social Darwinism, on the one hand, and the German geopolitical concept of ‘expansion space’ (‘Lebensraum’), on the other hand. Social Darwinism arose in European culture as a rationale for colonial policy. In fact, social Darwinism is a mythology in which European people were declared anthropologically superior to other people of the world. After the political coup in February 2014, the new authorities began to destroy the Russian language in Ukraine openly asserting the right to eliminate its native speakers, those who refused to recognize the superiority of ‘Ukrainism’. Repeating the path of Nazism, the Ukrainian fascists also see the main enemy in Russia, as the native speaker of the Russian language and the axis of the Russian world. As a result, the struggle against neo-fascism in Europe has become of strategic importance for Russia. This is extremely important for ensuring Russia's security and preventing future wars.

Keywords: mythology, globalism, neo-fascism, Russia, Russian world, information war, Ukrainian crisis, ideology.

В мире XXI века вопросы о толерантности, глобализации как единственной прогрессивной закономерности оказываются идеологической завесой за политикой мондиализма. По сути дела это означает, что происходят два встречных движения, открыто столкнувшихся в войнах в Сирии и на Украине – регионализации мира по границам цивилизаций и либеральной глобализации.

В начале XXI века мир оказался в эпохе осуществления мондиалистского проекта. Сущность этой геополитической концепции заключается в утверждении над миром власти глобалистов. Глобалистами являются некоторые мировые элиты и транснациональные корпорации. В конце XX века основ-

ным геополитическим проектом Западного мира можно считать неоатлантический проект. Но после распада Советского Союза на Западе возобладали настроения в пользу мондиалистского проекта глобализации. Проект создания единого человечества предполагал усреднение людей, лишение их этничности, религии, семьи, государства, народных традиций, группового мировоззрения. Взамен предлагается усреднение через индивидуализацию всего. Глобализация Западного типа стала представлять угрозу национальной безопасности России со времени Югославских войн.

Но в ответ возросло сопротивление этому проекту в виде политики регионализации. Он предполагает создание геополитических объединений в основном по границам цивилизаций.

По какому пути будет мир двигаться дальше – глобализации или регионализации, зависит от того, сможет ли в мире устоять миропорядок на основе независимых государств.

Кроме собственно глобализации, глобалисты развернули два сопутствующих геополитических проекта - неофашизм и исламизм. Они должны были уничтожить сопротивление глобализму со стороны цивилизационно-региональных проектов. Для России это означает войну против Русского мира, находящегося, в основном, в границах Советского Союза. Кроме того, Россия представляет серьёзное препятствие для глобалистов, потому что стала лидером или одним из лидеров военных и политических блоков ОДКБ, ШОС, БРИКС.

Угол зрения, представленный в данной статье, предлагает посмотреть на события на Украине как на системную политику по разрушению цивилизации «Русского мира». Предположительно первоначальная системность антироссийского подхода заключалась в сочетании методов тайных операций, информационной войны и экономического разрушения с целью полного и быстрого политического, военного и экономического захвата Украины со стороны Запада. Но после неудачи этого плана, выразившегося в потере Украиной Крыма, начала войны на Донбассе, политическим противостоянием неофашистских и антифашистских сил и потерей управляемости в государстве, стал реализовываться другой сценарий. Скорее всего, это план по мировоззренческому разрушению русского мира посредством фашизации сознания на Украине.

Исторически фашизм является политическим выражением крайнего социал-дарвинизма. Концепция социал-дарвинизма стала основой государственных идеологий и общественного сознания ещё в эпоху колониальных войн. В начале XXI неофашизм представлен его украинской версией потому, что он стал государственной идеологией, а также фашистскими движениями в Прибалтике опять таки потому, что стала идеологией, поддержанной государственной властью.

М.Ю. Попов сделал вывод, что события на Украине с 2014 года случились потому, что «мировое сообщество не обрело баланса интересов, поэтому не удалось минимизировать риски» [6. с. 13]. Обосновывая свою точку зрения, он пишет: «Запад (государства и ТНК) имел стремление включить в сферу своего влияния бывшие социалистические страны Европы. В итоге утвердилось мнение, что в Европе сложилась обстановка, подобная кануну Первой мировой войны» [6. с. 14]. Надо сказать, что обстановка напоминает, скорее, канун Второй мировой войны потому, что, как и тогда, был выбран объект геополитического воздействия: тогда - СССР, в начале XXI века - Россия. Возникшая после развала СССР иллюзия успеха породила у глобалистской элиты завышенные ожидания по поводу скорой победы мондиализма.

Неофашизм стал главным идеологическим оружием психологической войны на Украине в начале XXI века. В военно-стратегической философии англо-саксонского мира признание ведения психологической войны против какого-либо государства равносильно признанию этого государства врагом. Это происходит из определения объекта психологической войны: «психологическая война ведётся в умах людей, живущих во вражеской стране» [2, с. 236].

Украинский национализм прошёл весь путь нацизма – от националистической идеологии фашистских групп до милитаризации с целью «зачистки» от неугодных лиц и целых народов. Б.Ю. Даренский видит в этом реанимацию нацистской политики – войны за «жизненное пространство на востоке» [1, с. 39]. На первый взгляд неожиданное превращение неонацизма из маргинальной идеологии в государственную политику на Украине и в квазифашистскую политику в Прибалтийских государствах имеет свои закономерности. Часть западных элит увидели в фашистской идеологии восточно-европейских носителей силу для наступления на Русский мир. Дело в том, что Русский мир намного шире границ России. В Прибалтике и на Украине миллионы людей причисляют себя к нему. Поэтому выбор такой цели означает ещё более плотное сжатие «кольца анаконды» вокруг России и развёртывание войны русских против русских.

Дело в том, что фашизм представляет собой идеологию, встроенную в глобальный проект либерального «нового мирового порядка». Фашизм крайне трудно остановить на границах отдельных государств, если он станет идеологией широких масс. Этим европейский фашизм отличается от фашист-

ских режимов Латинской Америки, столь многочисленных в XX веке. Там они выполняли задачу защиты интересов США. В Южной Америке эти режимы имели узкую социальную базу и держались за счёт армий и компрадорской буржуазии. Европейский фашизм берёт начало в европейском представлении о врождённом неравенстве народов – концепции социал-дарвинизма.

Нацизм представляет собой самый агрессивный вид фашизма. Теория нацизма стала завершением с одной стороны европейского социал-дарвинизма, с другой – немецкой геополитической концепции «жизненного пространства». Социал-дарвинизм возник в европейской культуре как обоснование колониальной политики. По сути социал-дарвинизм – это мифология, в которой европейские народы объявлялись антропологически превосходящими другие народы мира. Фашизм – это политическая концепция крайнего социал-дарвинизма. Он возник в 20-е годы XX века как европейская идеология колониального господства. Фашистский проект должен был превратить народы Европы в нацигосударства. Он был предназначен для преодоления классовых противоречий на почве европейского превосходства над другими народами. Сплочённая таким образом Европа должна была стать безраздельным хозяином мира в условиях внутреннего классового мира. Главным внешним врагом стал Советский Союз и как экзистенциальный враг, и как социалистическое государство, преодолевшее классовые противоречия путём ликвидации эксплуататорских классов. Как любая мифология фашизм стал верой и переживался своими последователями как чувство превосходства европейца на основе презрения и отвращения к другим народам. Социал-дарвинизм немецкие фашисты превратили в концепцию «расового превосходства арийцев». В ней немецкие «раса», и «арийцы» 20-30-х годов XX века были чисто политическими мифами. «Жизненное пространство» немецкий фашизм нашёл в окружающих Германию государствах, особенно на Востоке.

По идейному содержанию украинский фашизм почти калька с немецкого вида фашизма – нацизма. Украинские националисты утверждают превосходство собственной нации, выбрав для этого русских и другие народы, проживающие рядом с ними. После политического переворота в феврале 2014 года они, прежде всего, приступили к уничтожению русского языка на Украине, открыто утверждая право на уничтожение его носителей, тех, кто отказался признать превосходство «украинства». После чего в стране началась гражданская война. Создание чувства собственного превосходства – крайняя точка самоутверждения, основанная на истинных или завышенных способностях и, очень важно, ожиданиях человека. Стремление почувствовать себя сверхчеловеком, отделиться от «недочеловеков» или от «неверных» имеют одну онтологическую природу. Отсюда проистекают названия противников украинского майдана – «колорады», «ватники» и пр.

Г. Лебон, один из основоположников фашизма, наделил свои «низшие народы» всеми чертами человека с высокой температурой к тому же подчиняющегося только животному началу, а свои «высшие народы» чертами человека с превосходством воли, которая создаёт духовность [3. с. 5-7]. «Некоторые из неравенств, разделяющих индивидуумов и расы, были слишком очевидны, чтобы приходилось серьёзно их оспаривать», – писал он [3. с. 1]. Наследственность определяет, по Лебону, характер народа – это его способ мышления и волевого действия [3. с. 14]. Поэтому высшие народы всегда будут превосходить низшие. Ещё один вывод Лебона заключается в том, что у европейцев как у цивилизованных народов накапливается всё больше различий внутри наций между высшими и низшими слоями [3. с. 16-17]. Отсюда проистекает политика социального апартеида по отношению к своим же соотечественникам, которые признаны фашиствующими кругами как неполноценные. Подлинным выражением политики украинского неонацизма по отношению к русским может служить высказывание Лебона, что «всякий низший народ, приходящий в столкновение с высшим, фатально осуждён на скорое исчезновение» [3. с. 17]. Эта выражение вошло в фашистскую идеологию для оправдания уничтожения низших народов в нацизме. Оно объясняет тот напор, который предпринимают украинские неонацисты по вытеснению всего русского с Украины. Ф. Меллентин описывал русских солдат с таким же чувством собственного превосходства [5. с. 261] Немецкий солдат мог противостоять сильному русскому солдату потому, что обладал «более высоким уровнем умственного и духовного развития» [5. с. 356].

Европейский либерализм оказался настолько узкой по своей социальной базе концепцией, что возникла значительная идеологическая пустота, которая заполнилась националистическими и профессиональными идеологиями, многие из которых стали представлять угрозу как Русскому миру, так и самой Западной демократии. Надо задаться вопросом – каким образом в начале XXI века расчеловечивание стало массовым явлением. Это происходит при разрушении цельности человеческого духа. Под видом науки была создана мифология отдельных потребностей. Потребности тела утверждаются отдельно от потребностей сознания. Примеры – всё большая свобода половых извращений, проповедуемая и политически поддержанная западным либерализмом. Далее духовный уровень разделяется

на непреодолимую противоположность личного и общественного. Это идеология индивидуализма и защиты прав личности отдельно от обязанностей. Затем личная духовность дробится на противоположность материального и духовного потребления. Это идеология потребительства. Обоснованию правомерности такого разделения служит теория А. Маслоу, выраженная в «пирамиде Маслоу», утверждающая необходимость первичного удовлетворения материальных потребностей и только затем духовных [4]. На высшем уровне идёт утверждение собственного превосходства до права на уничтожение всех, кто имеет нетерпимые для данной идеологии отличия. Это отличия по расе (расизм, апартеид), этносу (национализм), религии (религиозный фанатизм), идеологии (фашизм, камбоджийский маоизм). Выражается он в открытом насилии, в крайней форме обретая черты геноцида. При этом тело также не остаётся без внимания – к потребностям тела присовокупляют искусственно раздуваемые животные начала в области применения насилия, ограничиваемые в традиционных обществах нравственностью. Для этого всем приверженцам даётся индульгенция на преступление. Яркие примеры – гитлеризм, украинский фашизм, исламский радикализм.

Правомерно предположить, что стремление многих людей ощущать чувство собственного превосходства есть преобразованное культурой стремление приспособления человека к общественной жизни. В своём начальном состоянии самоутверждение служит способом обеспечения собственной безопасности через утверждение своего положения в обществе посредством доказательства своей полезности, а в лучшем виде – незаменимости. С этой точки зрения искажённые общественными пороками способы самоутверждения включают в себя мифологию потребительства – достижение безопасности через накопление. В крайней форме это выражение социальной незащищённости, отчуждённости человека от сознательного участия в осуществлении законов общественного развития.

Повторяя путь нацизма, украинские фашисты также видят главного врага в России, как носителя русского языка и оси Русского мира. В итоге на границе России возникло фашистское по своему политическому режиму государство, утверждающее, что ведёт необъявленную войну с Россией. Это открыло дорогу антироссийским силам Запада посредством агрессивного фашистского режима проводить геополитические действия против России: в экономике (санкции), в культуре (запреты на въезд), в спорте (отлучение российских спортсменов и организаций от международных соревнований), в политике (личные санкции, лишение России прав участия в деятельности международных организаций), в СМИ (информационная война), в военной сфере (окружение России военными базами с новейшим вооружением), попытки полной изоляции России и попытки создавать в России атмосферу военной угрозы со стороны НАТО. В этих условиях естественным выглядит возможное возрождение неофашизма как политической всеевропейской силы при его успехе в прибалтийских государствах и на Украине. Целью восточноевропейских неофашистов является закрепление в пространстве Русского мира доказательств его отсутствия и ненависть к самим себе и тем самым его саморазрушение.

Взращенный в 30-е годы XX века фашизм должен был уничтожить СССР. Западные демократии Великобритании, Франции, США, Польский режим Пилсудского и его последователи поддерживали стремление германского нацизма на восток. В конечном итоге западные демократии и фашистские режимы Европы в 1938 году в Мюнхене заключили соглашение, позволившее фашистским государствам развязать войну, ставшую мировой. В первое десятилетие XXI века страны Евросоюза открыто стали поддерживать неофашистские движения в Прибалтике и на Украине по той же причине – борьбы с Россией. Европейские глобалисты повторяют шаги европейских руководителей 20-40-х годов XXI века. Неофашизм впервые со времени окончания Второй мировой войны получил поддержку европейских правительств. Но фашизм остаётся видом продвижения глобализма. Укрепившись в Восточной Европе, его сторонники получили широкое поле для распространения своих идей в Западной Европе. В итоге неофашистская опасность возросла в странах Евросоюза.

В итоге борьба с неофашизмом в Европе приобрела для России стратегическую важность. Фашизм на Украине привёл страну к гражданской войне. Русский мир как цивилизация оказался втянут в войну с украинским неофашизмом. Возросла опасность втягивания России в эту войну. Это означает, что уничтожение неофашизма как политики и идеологии крайне важно для обеспечения безопасности России и предотвращения будущих войн.

Литература

1. Даренский Б.Ю. Причины феномена массового национализма на современной Украине // Свободная мысль, № 5, 2016. С. 39–52
2. Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. – М.: Центрполиграф, 2013. – 445 с.
3. Лебон Густав. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. – 240 с.
4. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 272 с.

http://royallib.com/book/lebon_gustav/psihologiya_narodov_i_mass.html

5. Меллентин Ф. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне. - М.: ООО "АСТ"; Спб.: ООО "Полигон", 2003. – 437 с.

6. Попов М.Ю. Россия и Украина: объекты политического экстремизма в условиях глобализации? // Историческая и социально-образовательная мысль, 2014, № 3. С. 13–16

УДК 316.6 + 516

© Н.Г. Хвесьюк
Челябинск, Россия
канд. псих. наук, доцент, зав. кафедрой социологии и политологии,
Южно-Уральский государственный университет
e-mail: public74@mail.ru

Корпоративизм как основа социальных отношений в системе власть – бизнес – общество

Аннотация. Формирование социальных отношений в системе «власть – бизнес – общество» строятся в соответствии с реализуемой государством политикой, но с учетом бизнес-процессов, коллективным осмыслением происходящих процессов.

Корпоративная система хозяйствования является исторически обусловленной для России (общинный, артельный принцип – экономисты, историки признают наиболее эффективным способом экономической и социальной жизнедеятельности общества), а мировой опыт, в частности реализация программы ESOP доказывает ее эффективность. Использование корпоративизма как основы системы власть – бизнес – общество, может гарантировать гармонизацию личностных, коллективных и государственных интересов.

Анализ понятия «собственник» сегодня строится на получении материальных благ «здесь и сейчас», без соблюдения интересов акционеров. И, несмотря на признание неэффективной систему отношений хозяин – наемный работник, большинство россиян предпочитает работу на предприятиях с полным или частичным участием государства, как субъекта экономических отношений. В то же время юридическая коллективная форма ведения хозяйствования (с различной степенью государственного участия или без него) признается наиболее эффективной и результативной как с экономической, так и социальной точки зрения, поскольку объективным является факт: чем больше в стране собственников, тем стабильнее государство.

Ключевые слова: корпоративизм, власть, бизнес, общество, социальные отношения, корпоративные отношения, корпорация, собственник, социальные интересы.

Corporativism as a Basis of Social Relations in the System of Power – Business – Society

© N.G.Khvesyuk
Chelyabinsk, Russia
Candidate of Psychological Studies, Assistant Professor
Head of Department of Sociology and Politics
South-Ural State University

Abstract. The formation of social relations in the ‘power-business-society’ system is built in accordance with the state-implemented policy but taking into account business processes, collective understanding of the processes that are taking place.

The corporate management system is historically conditioned for Russia (the community, cartel principle that economists and historians recognize as the most effective way of economic and social life of society). And the world experience, in particular the implementation of the ESOP program, proves its effectiveness. The use of corporatism as the basis of the system of power-business-society can guarantee the harmonization of personal, collective, and state interests.

Analysis of the concept of ‘owner’ is now built on the receipt of material wealth ‘here and now’ without respect for the interests of shareholders. And despite the recognition of an ineffective system of relations between the owner and the wage worker, the majority of Russians prefer working in enterprises with full or partial participation of the state as a subject of economic relations. At the same time, the legal collective form of management (with varying degrees of state participation or without it) is recognized as the most effective and efficient both from an economic and a social point of view, since the objective fact is that the more of the owners are in the country, the more stable the state is.

Keywords: corporatism, power, business, society, social relations, corporate relations, corporation, owner, social interests.

Современные социальные отношения – очень динамичные. Постоянное изменение политической системы, экономической системы приводит к непрерывным изменениям и в социальной системе.

В основе формирования социальных отношений лежит государственное управление, от результативности которого и зависит эффективность социальных отношений в целом. Объективные изменения условий жизни и труда приводят к расширению общественный опыт, пути анализа сложившейся ситуации, а, следовательно, к изменению в массовом политическом сознании.

Р.В. Рывкина указывает, что новые модели поведения субъектов – как «верхов», так и «низов» меняют реальную среду обитания жителей страны – и экономическую, и социальную[4, с.82-83]. Таким образом, государство путем реализации реформ, программ реализует множественность социальных отношений, которые с точки зрения повседневности воплощаются в огромном количестве конкретных ситуаций, при чем каждый «шаг» государства формирует разнонаправленные социальные послед-

ствия. В экономике это может быть и развитие государственных корпораций, и расширение наемного труда, и увеличение доли малого и среднего бизнеса. Политические отношения напрямую изменяют систему социальных отношений: затрагивая каждого индивида, многоаспектная государственная политика вызывает естественные социальные реакции, в том числе и новые модели поведения. Это доказывает мнение экспертов [2, 3, 1], что одних только экономических методов для выхода из кризиса недостаточно. Отсутствие социальных отношений, построенных на хозяйском отношении к собственности, страх, паника, перестраховка, мотив получения прибыли по принципу – здесь и сейчас, использование дешевой рабочей силы (гастарбайтеров), размах коррупции, бюрократии, инсайдерство, отсутствие истинной информации не позволяют компаниям и корпорациям осуществлять свою деятельность с максимальным эффектом и результатом.

Если мы посмотрим на развитые страны, то увидим, что они давно признали систему «хозяин-наемный работник» недееспособной. Потому и растет в них количество сохозяев, акционеров. И это не сторонние акционеры, а «акционеры своих рабочих мест». Вот данные «приватизации рабочих мест»: в США 12 млн. бывших сотрудников стали акционерами своего производства, это более 30% акций всех предприятий. В целом, в Японии 95% населения являются собственниками, в США – 70% (1, 260). Еще в 60-х годах XX века 16 передовых стран мира объединились под общей программой ESOP (Employee Stock Plan). Инициатором и первым экспериментатором были США. Суть этой программы выражается решаемыми с ее помощью задачами: 1) расширение числа собственников (экономическая демократизация); 2) формирование структур: «сверхкорпорация» – микробизнес, когда в них, особенно в микробизнесе значительная часть капитала контролируется не только главным собственником, но и наемными работниками, ставшими сохозяевами. На сегодняшний день инвестиции США в «человеческий капитал» в некоторых случаях даже превосходят инвестиции в промышленность, информационные и пр. технологии.

Накладывая этот опыт на российскую почву, можно сделать вывод: в теории, по соответствию требованиям закона ментальной идентичности, России этот подход ближе, чем западным странам, но на практике, при реализации либеральных рыночных реформ, мы оказались дальше, хотя все время при этом ссылаемся на зарубежный опыт. Заметим, что программа ESOP строилась, реализовалась на основе деприватизации – перехода к личностно-коллективной модели корпоративного управления.

Полноценная реализация государственной политики возможна только путем реализации диалога власти и общества. А эффективным «посредником» должен выступать бизнес, поскольку с одной стороны, он в первую очередь призван реализовывать эту самую государственную политику, с другой стороны, в рамках бизнеса реализуются индивидуальные притязания. Таким образом, бизнес-структуры способны гармонизировать личные, коллективные и государственные интересы.

В ходе исследований, проведенных с 1998 г. [5] доказано, что для эффективной реализации личностно-коллективной формы собственности необходимы простор для развития малого бизнеса; истинная, а не мнимая информация о состоянии экономики; механизмы защиты личной собственности граждан; участие государства и институтов гражданского общества в экономике; решение на новой основе проблем подготовки и переподготовки кадров – следует остановить разрушение интеллектуального потенциала России.

Но социальные отношения собственности, складывающиеся в нашей стране имеют следующую социальную структуру: 7,4% – полные хозяева собственности; 14,8 – не полные хозяева, совладельцы; 3,3% – владеют акциями других предприятий; 74,4 – работают по контракту, без владения собственностью.

Состояние социальных отношений, строящихся в институтах собственности, проявление имманентных свойств собственника у предпринимателей в значительной степени являются индикатором готовности человека стать собственником, хозяином: только 12,6% опрошенных хотели бы трудиться в статусе единоличного хозяина; 39,6% согласились бы быть сохозяином, совладельцем в частной фирме, т.е. реализовать право на часть собственности; при этом более трети согласны быть наемными рабочими независимо от того, на кого бы пришлось работать – государство, хозяина или на свою семью (в рамках последнего варианта – без права на собственность).

Такое нежелание значительной части россиян становиться собственниками, связано не столько с пониманием ответственности деятельности в роли хозяина, сколько с незнанием роли собственника и привычкой работать на другого, как правило, на государство, что, в свою очередь, понятно, предсказуемо и стабильно.

Отчужденность от собственности, отсутствие чувства хозяина, ответственного за успех личного дела, – это массовое проявление российской ситуации с собственностью: только небольшая часть россиян чувствует себя хозяином на рабочем месте – всего 9,4% (тогда как на вопрос: «Чувствуете ли

вы себя в настоящее время хозяином на рабочем месте?» ответили «скорее нет, чем да» - 24,7%; «определенно нет» - 37,5%).

На сегодняшний день в России существует не только объективная потребность в масштабном расширении слоя собственников как одном из главных стабилизирующих факторов общества, но и выраженная субъективная готовность граждан брать на себя ответственность распоряжаться собственностью: более половины из числа опрошенных (52,2%) хотели бы иметь свою долю собственности на своем предприятии. Еще 16,3% колеблются между да и нет. Т.е. в той или иной мере две трети опрошенных хотели бы приобщиться к управлению собственностью своего предприятия. Заметим, не быть полноправным хозяином предприятия, фирмы, а только иметь долю собственности. Владеть акциями – это одно дело. Совсем другое, когда ты единоличный собственник и несешь ответственность за успех дела личными деньгами, капиталом. Оказывается, только каждый третий россиянин - 32,3% хотел бы иметь свое собственное дело.

Правда, около 30% не желают иметь собственное дело, вести свой личный бизнес. Если суммировать тех, кто затруднился ответить на данный вопрос или не ответил вообще, то получается, что примерно половина россиян не хочет заниматься своим бизнесом.

Смысловую и установочную ориентацию менеджмента российских компаний в значительной степени объясняет различие в степени реализации ими статуса собственника.

В наибольшей степени ориентированы на обеспечение получения максимальной прибыли единоличные хозяева и совладельцы компаний – почти все они считают, что именно в этот проявляется эффективный собственник (94,1% и 96,5% соответственно).

Среди простых акционеров данной компании или других предприятий ориентированных на получение максимальной прибыли значительно меньше – в 2-3 раза (46,2% и 30,4% соответственно) Зато простые акционеры обращают внимание, в первую очередь, на развитие своего дела, усиление конкурентоспособности, своевременное обновление основных фондов и работу с кадрами. Другими словами, держатели небольших пакетов акций хотели бы, чтобы эффективные собственники думали о будущем компании, о долговременном получении пускай не максимальной, но стабильной прибыли.

Именно среди этой категории опрошенных наиболее значительна доля тех, кто считает эффективным собственником тех предпринимателей, которые заботятся о гарантировании прав других собственников (26,1%). Среди владельцев и совладельцев компаний доля придерживающихся такого мнения в 5-7 раз меньше (5,9% и 3,5% соответственно).

Владельцы и совладельцы компаний, помимо ориентации на получение максимальной прибыли, чаще всего обращают внимание на развитие своего дела (82,4%) и на своевременное обновление основных фондов (47,1%). Они в значительно меньшей степени считают, что эффективный собственник должен внедрять международные стандарты ведения бизнеса, по сравнению с простыми акционерами или наемными менеджерами (17,6% против 53,8% и 30,9% соответственно).

Таким образом, у менеджеров, работающих по контракту и не владеющих собственностью данной компании, сложился несколько иной образ эффективного собственника. Да, они так же, как владельцы и совладельцы на первом месте видят умение получать максимальную прибыль и развивать свое дело. А вот что касается эффективной работы с кадрами и внедрения международных стандартов ведения бизнеса, то здесь менеджеры-контрактники значительно чаще обращают внимание именно на эти аспекты деятельности собственника, чем владельцы и совладельцы компаний (44,5% и 30,9% против 11,8% и 17,6% соответственно).

Что касается выбора эффективной формы собственности, то в 1998 г. опрошенные в большей степени ориентировались на государственно-общественную и государственно-коллективную виды собственности, считая их наиболее эффективными для России - в целом такой позиции придерживались более 40% опрошенных, тогда как позднее почти 40% считает более эффективной личную и частную собственность и еще примерно такая же доля опрошенных отдает предпочтение коллективно-государственной и коллективно-ассоциированной формам собственности.

Несмотря на то, что в 1998 г. опрошенные наиболее эффективной для России считали государственно-общественную и государственно-коллективную формы собственности, свой капитал (при прожективной ситуации: Получив капитал, какую форму собственности Вы бы положили в основу своего предприятия?) наиболее значительная часть респондентов вложила бы в предприятие с личной, частной собственностью, но в большей мере – в предприятие с коллективно-ассоциированной формой собственности - почти 60%. При этом крупный бизнес более чем в половине случаев (51,3%) сделал бы ставку на смешанную форму собственности – на коллективно-ассоциированную или же на коллективно-государственную.

Таким образом, корпоративизм, путем транспонирования экономического опыта на политический,

позволяет гармонизировать личностные, коллективные и государственные интересы, выстроить в режиме диалога социальные отношения в системе власть – бизнес – общество.

Наша экономическая идеология может быть сформирована с учетом, например, опыта по реализации программы ESOP, практического приоритета в экономической системе малого и среднего бизнеса, отвечающего принципу ментальной идентичности, глубинной психологии своего народа (а также опыта Японии, Индии, Китая, скандинавских стран и ряда азиатских). Перспективной является такая экономическая идеология, которая является скрепом единства, целостности научного, массового и индивидуального сознания, личных, коллективных и общественных интересов. А результативность социальных отношений, строящихся на корпоративных основах проявляется и на локальном, и на глобальном уровнях:

- на уровне компании – эффективные корпоративные отношения обеспечивают получение компанией максимальной прибыли при соблюдении интересов акционеров и всех заинтересованных лиц;
- на уровне государства – эффективные корпоративные отношения способствуют развитию частного сектора, фондового рынка и экономики в целом;
- на мировом уровне – эффективные корпоративные отношения позволяют снизить риски наступления финансового кризиса при формировании структуры международного финансового рынка.

Литература

1. Кушлин В.И. Государственное регулирование экономики. – Москва: Экономика, 2013.– 496 с.
2. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисциплинар. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов. М.: Институт экономических стратегий, 2010.–800 с.
3. Попов В.Д. Культура управления в информационном обществе. – Москва, 2012 – 206 с.
4. Рывкина Р.В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. – Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 440 с.
5. Хвесьюк Н.Г. Корпоративное управление отношениями собственности: социологический анализ. М.: Столичный бизнес, 2012. – 322 с.

УДК 316:343.8

©М.К. Гайдай
г. Иркутск, Россия
д-р социол. наук, профессор кафедры философии,
психологии и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: mkgfip@mail.ru

Реформа уголовно-исполнительной системы России глазами осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов

Аннотация. В статье рассмотрены особенности реформирования пенитенциарной системы России. Обозначены существенные изменения, внесенные в Концепцию развития Уголовно-исполнительной системы России до 2020 г. распоряжением Правительства Российской Федерации в 2015 г. Автором используются данные анкетного опроса особой категории осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов, которые отбывают уголовное наказание в специальных исправительных учреждениях. Поднимается проблема отсутствия реальных механизмов обеспечения прав и законных интересов лиц, изолированных от общества. Отмечается, что по вопросу обеспечения прав и законных интересов осужденных мнения респондентов зависят от вида и режима исправительного учреждения, в котором они отбывают наказание. При этом исследование выявило, что чем жестче режим исправительного учреждения, тем меньше возможности для защиты своих прав и законных интересов видят осужденные. Обращается внимание на обозначенную в изменениях к Концепции, необходимость проработки вопроса об исключении обязанности труда осужденных к лишению свободы, приведены мнения исследователей по данному вопросу и его отражение в Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы 2017-2025 годы», принятой в декабре 2016 г.

Ключевые слова: реформирование, уголовно-исполнительная система, пенитенциарная система, осужденные, осужденные к лишению свободы, осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов.

Reform of the Penal Correction System of Russia in the Eyes of Convicts – the Former Employees of Courts and Law Enforcement Agencies

© М.К. Gaidai
Irkutsk, Russia
Doctor of Sociology, Professor
Department of Psychology and Socio-Humanitarian Studies

Abstract. The paper considers features of reforming of a penal system of Russia. It points out the essential changes made to the Concept of development of the Penal correction system of Russia till 2020 by the order of the Government of the Russian Federation in 2015. The author uses the questionnaire data of a special category of convicts – the former employees of courts and law enforce-

ment agencies who serve criminal sanction in special correctional facilities. The paper examines a problem of lack of real mechanisms of ensuring the rights and legitimate interests of the persons isolated from society. It is noted that in regards to ensuring the convicts' rights and legitimate interests of the respondents' opinions depend on a look and the mode of correctional facility in which they serve sentence. At the same time, the research revealed that the more rigid the mode of correctional facility is, then the convicts see less opportunities for protection of the rights and legitimate interests. The paper point out, as designated in changes to the Concept, the need to work on an exception of labor obligation for convicts to imprisonment. The paper examines scholarly opinions on the matter and its reflection in the Concept of the federal target program «Development of a Penal Correction System 2017-2025» adopted in December, 2016.

Keywords: reforming, penal correction system, penal system, convicts, convicts to imprisonment, convicts - former employees of courts and law enforcement agencies.

Современная пенитенциарная политика, особенностью которой является реформирование уголовно-исполнительной системы России, направлена на установление порядка и условий исполнения и отбывания уголовных наказаний, а также на выработку мер по превенции преступности и исправлению осужденных. Однако следует отметить, что реформирование уголовно-исполнительной системы России носит несколько затянувшийся характер. Отсутствие учета экономических факторов на ранних этапах реформы, когда формулировалась и принималась Концепция развития Уголовно-исполнительной системы России до 2020 г.[1], привело к тому, что реформы оказались нестабильными, непоследовательными и как следствие, не способными привести к запланированному результату. В то же время, преобразовательный, реформенный характер уголовно-исполнительной системы государства накладывает определенный отпечаток как на сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний России, на их деятельность, так и на осужденных, которые отбывают уголовные наказания и изолированы от общества по приговору суда, т.к. именно эти социальные категории в первую очередь, ощущают на себе перемены (какими бы они ни были). Поэтому изучение вопросов реформирования уголовно-исполнительной системы России видится актуальным и практически ориентированным.

В виду наличия целого ряда проблем, касающихся практической реализации реформирования, в сентябре 2015 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. №1877-р [2] в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 г. вносятся изменения. Число поправок велико, многие разделы документа подверглись серьезной корректировке.

Перемены коснулись совершенствования отдельных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы. В частности, был введен подраздел, касающийся обеспечения прав и законных интересов лиц, изолированных от общества. Включение в документ, формулирующей основные направления, формы и методы совершенствования и развития пенитенциарной системы России стратегий по обеспечению прав и законных интересов осужденных, в правовом государстве видится оправданным. Связано это с тем, что на практике отсутствуют реальные механизмы по обеспечению законных интересов и прав лиц, изолированных от общества. К примеру, проведенный нами анкетный опрос изучаемой категории осужденных (бывших работников судов и правоохранительных органов), выявил, что тех, кто видит сложности в реализации защиты своих прав и интересов в условиях пенитенциария больше половины 55,1% (44,9% отметили, что защитить права в принципе можно). Отметим, что анкетирование проводилось в специализированных пенитенциарных учреждениях, где в соответствии с ч. 3 ст. 80 уголовно-исполнительного кодекса России отбывают наказание бывшие работники судов и правоохранительных органов. Кроме того, по вопросу обеспечения прав и законных интересов осужденных мнения респондентов зависят от вида и режима исправительного учреждения, в котором они отбывают наказание (чем жестче режим учреждения, тем меньше возможности для защиты прав и интересов видят осужденные).

Изменена редакция подраздела Концепции, касающегося трудовой деятельности и профессиональной подготовки осужденных. Особое значение здесь имеет обеспечение государственных гарантий трудовых прав осужденных в соответствии с Трудовым кодексом России. К их числу отнесены: право на условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда; право на отдых, включающее предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска; право на оплату труда не ниже установленного МРОТ; право на сохранение рабочего места в период болезни (временной нетрудоспособности). Кроме того, отмечена необходимость обеспечения основных госгарантий по оплате труда; проработка возможности повышения заработной платы осужденных и увеличения размера заработанных денежных средств, направляемых на лицевой счет осужденного и др. Многие вопросы, обозначенные в данном подразделе видятся актуальными, т.к. велико число осужденных (290 тыс. на конец 2016 г.) не обеспеченных работой. Как показало наше исследование – многие осужденные готовы и хотят работать, однако отмечают, что оплата труда должна соответствовать выполняемой деятельности и быть хотя бы приближенной к аналогичной за пределами пенитенциария.

Обращает на себя внимание, обозначенная в изменениях к Концепции, необходимость проработки вопроса об исключении обязательности труда осужденных к лишению свободы. Отраженная в законе обязательность привлечения осужденных к труду давно привлекала исследователей, которые выражали, по данному вопросу кардинально противоположные мнения. Так, ещё в конце девяностых годов XX века Н.Н. Дерюга, А.Я. Петров, отмечали, что: «... надо отказаться от принципа обязательности труда и заменить его принципом добровольности в условиях изоляции» [3, с. 82]. Иную позицию выражала С. Абасова, указывая, что «...некоторые ученые стали высказывать мнение, что в сложившихся условиях труд осужденных следует признать свободным: если осужденный не желает трудиться и у него есть средства на оплату своего содержания, то он может не работать... забывая видимо, о том, что труд – важнейший фактор всестороннего развития личности» [4, с. 22]. На наш взгляд, обязательный характер труда необходим, т.к. он стимулирует не только осужденных, но и администрацию и сотрудников исправительных учреждений. Первых трудиться (а в некоторых случаях учиться труду, привыкать к нему), вторых организовывать трудоустройство осужденных. Более того, в принятой в конце 2016 г. Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы 2017-2025 годы» [5], обязательное привлечение осужденных к общественно-полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства, способствует их исправлению, ресоциализации и правопослушному поведению в период отбывания наказания, создает предпосылки для успешной адаптации в обществе после освобождения. Даже на концептуальном уровне по данному сложному вопросу видится противоречие. Изменения, которые были внесены в концепцию, не ограничиваются теми, на которые мы обратили внимание выше. Заслуживает внимания идея создания условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, которая, по сути, заменила предполагавшийся первой редакцией Концепции переход на тюремный режим и изменение всей структуры учреждений уголовно-исполнительной системы и другие вопросы.

Что касается мнения осужденных к лишению свободы из числа бывших работников судов и правоохранительных органов относительно реформирования уголовно-исполнительной системы России, то большинство опрошенных – 62,5% слышали о данной реформе, остальные же 37,5% указали, что нет, и что они этим вопросом не интересовались.

Из числа тех, кто знает о реализуемом реформировании, многие видят какой-то позитив и отмечают необходимость реформ. Таковых в общей сложности более половины. При этом положительные стороны в вопросах касающихся содержания осужденных видят 21,4%, положительные изменения только для сотрудников данной системы нашли в реформе 23,1%. Позитив, причем как для сотрудников, так и для осужденных, в реформировании отметили 11,4%. Многие опрошенные (32,8%) отметили, что в реализуемой в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы России реформой есть и плюсы, и минусы, как для осужденных, так и для работников уголовно-исполнительной системы. Из числа бывших работников судов и правоохранительных органов только 2% указали, что реформа содержит лишь отрицательные моменты для обеих сторон. 6,5% признались, что им безразлична эта реформа (и это несмотря на то, что с одной стороны, до осуждения они работали в правоохранительной системе и возможно часть в пенитенциарной, а с другой, в настоящий момент все отбывают уголовное наказание и результаты реформирования могут отразиться на них в первую очередь). 2,8% выразили свою позицию (встречались такие противоположные мнения как: «потребность в реформе назрела давно» и что с реформой «ничего не изменится» и др.).

В заключение отметим, что необходимость реформирования отечественной уголовно-исполнительной системы назрела давно. Однако реформы должны быть преемственными, учитывать реальное положение дел, как в самой системе, так и в экономике и социальной политике страны и базироваться на прочном научном фундаменте. Проанкетированные нами осужденные из числа бывших работников судов и правоохранительных органов в большинстве своем знают о реализуемом реформировании, признают его необходимость и видят позитивные составляющие реформ.

Литература

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020. – М., 2010.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. № 1877-п // СЗ РФ 2015. №40. Ст. 5581.
3. Дерюга Н.Н., Петров А.Я. Принцип обязательности труда для осужденных и его развитие в уголовно-исполнительном кодексе России // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 80–85.
4. Абасова С. Аспекты воспитательной работы // Преступление и наказание. – 2003. – № 8. – С. 20–22.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 года №2808-п // СЗ РФ 2017. №2. Ст. 413.

Проблема цивилизационного выбора в контексте перспектив развития экологической цивилизации

Аннотация. Мы анализируем экологическую цивилизацию в контексте идей Лапина о многомерном цивилизационном выборе в XXI веке и диалоге культур как пути к достижению консенсуса по фундаментальным ценностям цивилизации, а также на основе анализа исследований китайских и российских ученых в области экологической цивилизации. Автор обосновывает тезис о том, что осмысление проблем экологизации мышления и осознания необходимости перехода к экологической цивилизации может и должно стать основой для подлинного диалога западной и восточной культур. В статье рассмотрены подходы к пониманию экологической цивилизации в китайской культуре (в рамках которой наиболее активно в настоящее время разрабатывается данная категория). В контексте китайской культуры и философии экоцивилизация соотносится с концепцией «гармонии». Гармония это основной принцип общения, основное правило регулирования, а также отношения между людьми, между человеком и обществом, между государствами. С древних времен большое внимание уделялось социальной гармонии как основе взаимопонимания, разрешения конфликтов, сотрудничества и взаимной поддержки. Эта культура гармонии, которая отличает китайскую традицию от западных культур. Также отдельно выделены подходы к осмыслению экологической цивилизации российских ученых. Мы предоставляем анализ философских аспектов возникновения экологического общества, возможность возрождения экологического сознания, основанного на традиционной культуре.

Ключевые слова: экологическая цивилизация, гармония, диалог культур, цивилизационный выбор.

© O. B. Balchindorzhieva
 Ulan-Ude, Russia
 Doctor of Philosophy, Associate Professor
 Department of Philosophy
 Buryat State University

The Problem of the Civilizational Choice in the Context of Development Prospects for Ecological Civilization

Abstract. The paper analyzes ecological civilization in the context of Lapin's ideas on multivariate civilizational choice in the 21st century and the dialogue of cultures as a way to reach a consensus on the fundamental values of civilization. The paper argues that understanding the problems of the ecologization of thinking and understanding of the necessity to move to an ecological civilization should become the basis for a dialogue between Western and Eastern cultures. The paper shows the approaches to understanding of ecological civilization in the Chinese culture (within the framework of which this category is most actively developed at present). In the context of Chinese culture and philosophy, ecocivilization correlates with a concept of 'harmony'. That is a basic principle of communication, basic rule of regulation, and of relations between people, between an individual and the society, between the states. Since ancient times, much attention was paid to a social harmony as a basis of mutual understanding, conflict solving, cooperation, and mutual assistance. It is that culture of harmony that distinguishes Chinese tradition from Western cultures. Also, the paper demonstrates approaches to understanding of ecological civilization in Russia. It provides the analysis of philosophical aspects of the emergence of ecological society, possibility of revival of ecological consciousness that is based on traditional culture.

Keywords: ecological civilization, harmony, civilizational choice, dialogue of cultures

В последние годы ведутся активные дискуссии по вопросу перспектив развития человечества в XXI веке. Среди многообразия мировоззренческих альтернатив выделим особо, такие теории как: постиндустриального общества, устойчивого развития, постмодернизации, множественности современностей, рефлексивной модернизации, экологической модернизации, а также концепция экологической цивилизации.

Большинство исследователей согласны с тем, что в условиях глобальных вызовов современности необходим глубокий ценностный сдвиг в общественном сознании. Одним из главных требований выдвигаемых современными обществоведами к мировому сообществу является отказ от ценностей техногенно-потребительской цивилизации.

Один из последователей Франкфуртской школы Г. Маркузе заостряет наше внимание на глубокой трансформации человеческой личности под воздействием процесса массового производства и потребления. Основным противоречием эпохи массового производства становится не противоречие между максимизацией прибыли и рационализацией производства, а между бесконечным производством и необходимостью сбыта. Потребительское общество формирует не автономного, ответственного индивида, а усредненного массового человека [1].

Неудивительно, таким образом, почему «вместо научного «общества знания», каким оно замыш-

лялось в логике Модерна, «информационного общества» представило сегодня лишь его «проклятую сторону» – электронно-развлекательно-потребительский эрзац [2, с. 197]. Согласимся с видным общественным деятелем и основателем Римского клуба А. Печчеи, что самой главной проблемой инновационного цивилизационного дискурса является проблема «человеческих качеств». Совершенно верно отметил Э. Фромм: «Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце большинства людей – все еще в каменном» [3]. Возникает вопрос, какая теория могла бы стать фундаментом современной цивилизации, показать адекватные пути для преодоления глобального кризиса, поставившего человечество на грань выживания? Одной из теорий, отвечающих на эти актуальные вопросы является концепция экологической цивилизации.

На сегодняшний день, термин экологическая цивилизация чаще используется в контексте развиваемой китайскими учеными и принятой на государственном уровне идеи строительства экологической цивилизации. В трудах китайских ученых выработан подход к пониманию экологической цивилизации как новой ступени развития человеческого общества, наступающей после индустриального общества. Мы предлагаем рассматривать такой подход как необходимый цивилизационный выбор, который предстоит сделать китайскому обществу. Отмечается, что строительство экологической цивилизации является сложным и комплексным проектом, основанном на отказе от утилитарной концепции развития, создании новой концепции гармоничного развития человека и природы, развития и совершенствования экологического сознания людей [4, с. 36]

Однако данный термин используется и в российской науке. Так, Мантатов В.В. анализирует перспективы Байкальского региона как особого месторазвития глобализирующейся евразийской цивилизации как территории устойчивого развития [5, с. 11-13]. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. отмечают особое значение Алтая как естественной «стартовой площадки» для перехода к духовно-экологическому или ноосферному типу цивилизационного существования [6]. Специалист в области геоботаники, А.В. Галанин обосновывал идею существования и развития в течение нескольких тысячелетий Арктической экологической цивилизации, призывая к ее сохранению и поддержанию.

Анализируя и обобщая вышеуказанные подходы и точки зрения мы находим множество точек соприкосновения и сходства в основополагающих идеях, такие как, убежденность в необходимости развития методов регулирования и гармонизации противоречий и конфронтаций в системе «человек-природа», развития экологического сознания и экологического поведения общества в целом, и наконец, прежде всего развития духовных ценностей и духовного производства и потребления, а не только материального.

Именно понимание того, что экологическая цивилизация – это такой способ существования людей, который, при котором обеспечивается компенсация вызванного ими же дисбаланса в обмене веществ и энергии, опирающийся на духовные ценности.

Лапин Н.И. пишет о новом типе цивилизационного взаимодействия: «Созидание такой цивилизации – длительный исторический процесс комплексных изменений, который можно предположить как следующую, третью стадию уже совершающейся модернизации человеческой цивилизации – ее гуманистическую модернизацию. В настоящее время можно говорить лишь о возможности и желательной подготовке такой модернизации. Участие или неучастие в ее подготовке – это и есть реальный цивилизационный выбор, который может сделать каждая страна, цивилизация или субцивилизация, каждый человек, гражданин и просто житель планеты Земля. Конечно, с учетом культурно-исторического своеобразия каждого такого субъекта» [7].

В своей статье Лапин Н.И. обозначает контуры цивилизационного выбора следующим образом: человеческая жизнь, человеческое достоинство и ненасилие. Это действительно глобальные ценности, однако для их признания необходимо найти баланс между культурным релятивизмом и универсальными стандартами. В контексте западной культуры эти ценности мы можем соотнести с понятиями «фундаментальных прав человека», «толерантности», справедливости и равенства и др. В контексте восточной культуры и философии мы находим традиция осмысления таких концептов как «гармония», единство мира и человека, доверие, сострадание, срединность и т.д. Возможно, что идея «экологической цивилизации» как «самой прогрессивной и гуманной формы человеческого общежития, где общество в состоянии обеспечить устойчивое развитие и глобальную безопасность» [8, с. 416] открывает новые перспективы для развития и укрепления «диалога культур», достижения консенсуса в глобальном масштабе.

Литература

1. Бальчиндоржиева О.Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ // дисс. на соискание уч. степ. д-ра филос. н. – Улан-Удэ, 2015. –383 с.

2. Мартыанов В.С. Политический проект Модерна. От мирэкономике к мирполитике. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 197 с.
3. Э. Фромм. Бегство от свободы. – М.: Академический проект, 2008. – 256 с.
4. Шаося У. Экологическая цивилизация – неизбежный выбор эволюции человеческой цивилизации // Вестник университета Цзяннань. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – №2. – С. 36–38.
5. Мантатов В.В. Геофилософия глоболизирующей евразийской цивилизации (на примере Байкальской природной территории) // Проект евразийской экологической цивилизации (на примере устойчивого развития Байкальского региона). – Улан-Удэ, 2016. – С. 59-67
6. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. – Барнаул, 2001. – 90 с.
7. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии, №4. – 2015. – С. 8–19
8. Мантатова Л.В. Проект евразийской экологической цивилизации (Пролегомены) // Проект евразийской экологической цивилизации (на примере устойчивого развития Байкальского региона). – Улан-Удэ, 2016.

УДК 321.01

©Д.Ш. Цырендоржиева
Улан-Удэ, Россия
Д-р филос.наук, профессор кафедры философии
Бурятский государственный университет
e-mail: dari145@mail.ru

©А.А. Никифоров
Улан-Удэ, Россия
Канд. филос.наук, старший преподаватель кафедры философии
Бурятский государственный университет
e-mail: 618778@mail.ru

Системный подход к исследованию государственной власти

Аннотация. В статье государственная власть представлена как сложная социальная система. Выявлены характерные признаки социальной системы, которые позволяют определить государственную власть как систему. Мы представили основные элементы государственной власти как системы: законодательная, исполнительная и судебная. Законодательная ветвь власти – это есть власть воли. Она упорядочивает ресурсы силы и права. Воля является в данном случае первоисточником. Власть силы обуславливает направленность и динамичность субъектного носителя от силы к праву. Основным и единственным источником является сила, которая, в свою очередь, создает и организывает волю и право. Власть права формирует взаимодействие в сторону силы и воли. Право является главенствующим источником самой власти. Направление динамики развития направлено от права к силе. Субъект действует в рамках предоставленных ему полномочий. Элементы системы обладают относительной самостоятельностью, но общий характер их действия и поведения подчинен общей цели системы, ею направляется и детерминируется. Сами элементы системы «государственная власть» можно рассматривать как подсистемы, т.е. системы меньшего размера, имеющие свои элементы. Государственная власть представляется как иерархически построенная система, что позволяет выявить субординацию частей и выделить ее структуру.

Ключевые слова: государственная власть, система, социальная система, структура, элемент, воля, сила, право.

© D.Sh. Tsyrendorzhieva
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Philosophy, Professor
Department of Philosophy
Buryat State University

© A.A. Nikiforov
Candidate of Philosophy, Senior Lecturer
Department of Philosophy
Buryat State University

System Approach to the Study of State Power

Abstract. The paper views the state power as a complicated social system. The paper identifies the main features of the social system. The paper offers the following main elements of the state power as the system: legislative, executive, and judiciary. The legislative branch of power is a power of will. It organizes the resources of power and law. The will here is a primary source. The power of force determines direction and dynamics of the subject carrier from force to law. The main and only source is the force that, in turn, creates and organizes the will and law. The power of law forms interaction towards the force and will. The law is a dominant source of a power itself. The direction of development is from the law towards the force. The subject operates within an authority given to them. The system elements have certain autonomy. But the general nature of their actions and behavior is subordinated to the overall goal of the system, is determined and directed by it. The elements of ‘the state power’ system can be viewed as subsystems, that is, smaller sized systems that have their own elements. The state power is presented as a hierarchically built system that allows to identify subordination of elements and its structure.

Keywords: state power, system, social system, structure, element, will, power, law

При исследовании общественных процессов эффективным и адекватным представляется применение системного метода исследования, предполагающего изучение объекта как нечто единого целого, во взаимосвязи его внутренних и внешних связей и отношений. В основе системного подхода лежит философское понятие «система». Наше исследование основывается на определении системы, данном Д.Ш. Цырендоржиевой, которая рассматривает систему как «совокупность взаимосвязанных объектов, образующих целостное единство» [1]. В связи с этим на передний план выдвигаются задачи изучения взаимодействия компонентов (частей, элементов) в составе целого. При этом необходимо делать акцент не на том, что целое состоит из частей, а на том, что поведение и свойства целого зависят от взаимодействия его частей. В конкретной системе прослеживается специфичное взаимодействие элементов этой системы, соответственно, система обладает в целом специфичными ей свойствами, особенностями. Системный подход предполагает не просто изучение элементов объекта, а главным образом характера связей и отношений между составляющими элементами, общих закономерностей развития объекта [2,122].

Применение системного метода позволяет рассмотреть государственную власть как систему. Государственная власть представляется как система, т.е. совокупность взаимосвязанных объектов, образующих целостное единство. Социальная система – сложная, упорядоченная, самоорганизующаяся целостность множества общественных отношений, носителем которых являются индивид и те социальные группы, в которые он включен. Характерные черты социальных систем:

1. Социальная система обладает развитой взаимосвязью своих свойств как целого и свойств составляющих ее элементов.
2. Социальная система имеет сверхсложное и иерархическое строение.
3. Социальная система есть функционирующая и развивающаяся целостная система.
4. Социальная система является самоорганизующейся и самоуправляемой системой.
5. Социальная система является открытой системой.
6. Человек – главный компонент социальной системы.
7. Отличительная черта социальной системы – свойства членов общества накапливать и передавать знания.
8. Наличие у социальной системы особых законов функционирования развития [2,85].

Так, в развитии государственной власти, как общественной системы (в отличие от природных систем), процессы не происходят независимо от сознания и воли людей. Иными словами самоорганизация в социальных системах дополняется организацией, что является исключительной особенностью именно социальных систем. Кроме того, сознательный характер деятельности людей предполагает объективный характер развития государственной власти. А также немаловажно и то, что государственная власть это сложная и большая система, где задействовано большое количество лиц, что усложняет управление системой. Все эти аспекты являются характерными чертами социальных систем. Хотелось бы подчеркнуть, что в условиях трансформирующегося российского общества, существуют разветвления траекторий движения, возможны существенные изменения системы. В общем, отмечается динамический характер развития государственной власти как социальной системы.

Государственная власть - это обусловленная историческим развитием каждого народа связь между государственными институтами и эффективностью их функционирования, характер которой обусловлен тем, насколько они органичны для конкретной страны и на конкретном этапе ее развития, насколько она адекватна восприятию населения. И как справедливо было замечено Г.В. Мальцевым: «Власть - это стержень и политики, и права; через власть дано их единство...»[3]. Очень точно определяет государственную власть высказывание А.И. Елистратова: «Организуя общество, государственная власть не оставляет незатронутой ни одной стороны общественной жизни, ни одного сколько-нибудь значащего уголка этой жизни»[4]. По мнению И.А. Ильина выделяется шесть аксиом государственной власти: «государственная власть не может принадлежать никому помимо правового полномочия»; «в пределах каждого политического союза должна быть едина»; «должна осуществляться «лучшими людьми»; «преследует общие интересы»; «программа власти может включать в себя только осуществимые меры и реформы»; «принципиально связана распределяющей справедливостью»[5]. По истечении многих столетий главная определяющая роль в нашей жизни со стороны государства - государственной власти - не изменилась, она только развивается, обретая новые качества. Государственная власть, на наш взгляд, обладает своим собственным консолидированным субъектом власти и характеризуется набором специфических признаков, что обуславливает ее социальную сущность.

Анализ государственной власти как системы требует особого рассмотрения структуры государственной власти. Любой системе присуща особенная структура. «Структуре принадлежит огромная

роль в системе. Именно структура интегрирует, связывает элементы, придает им определенную целостность, вызывает возникновение новых системных качеств»[2,91]. Понятие структуры отражает форму упорядоченности элементов и характер взаимодействия между их свойствами [2,90].

Элементы и структура представляют собой единство противоположностей: элементы имеют тенденцию постоянно изменяться, а структура характеризуется относительной устойчивостью, неизменностью. В целом диалектику взаимосвязи элементов и структуры можно представить как конкретизацию взаимосвязи содержания и формы[2,92].

С точки зрения внутренних составляющих факторов, власть выражается в трех основных составляющих: воля, сила и право. Власть воли конструируется как конструкция, направленная на организацию баланса силы и права. В данном случае воля является ее первоисточником. Она упорядочивает ресурсы силы и права. Власть силы определяет направление и динамичность субъектного носителя от силы к праву. Главенствующим и единственным источником является сила, которая, в свою очередь, создает и организует волю и право. Власть права формирует взаимодействие в сторону силы и воли. Право является главенствующим источником самой власти. Направление динамики развития направлено от права к силе. Субъект действует в рамках предоставленных ему полномочий. В концептуальном определении воли он выделяет закономерность. В представленной третичной системе усматриваются три традиционные ветви государственной власти: законодательная (власть воли), исполнительная (власть силы) и судебная (власть права). В момент подписания и принятия законов, постановлений, законодательная ветвь власти проявляет волю государства. Исполнительная ветвь выражает и проявляет общие силы государства. Непосредственное исполнение законов и охрана прав человека и всех субъектов социального взаимодействия. Так, данная система «государственная власть» состоит из основных ее компонентов: законодательной, исполнительной и судебной власти. Элементы этой системы обладают относительной самостоятельностью, автономностью, но общий характер их действия и поведения подчинен общей цели системы, ею направляется и детерминируется.

При этом законодательную, исполнительную и судебную власти можно рассматривать и как своеобразные подсистемы, что, впрочем, в целом характерно для иерархически организованных систем. Эти подсистемы представляют собой системы меньшего размера. Подсистемы участвуют в осуществлении единой цели всей системы, соответственно, их функционирование и деятельность подчинены задачам общей системы и управляются ею. В то же время в рамках системы они осуществляют свои специфические функции, поэтому обладают относительной самостоятельностью, когда каждая часть обладает своими специфическими чертами, особенностями и характеристиками[6]. Государственная власть представляется как иерархически построенная система, что позволяет выявить субординацию частей и выделить ее структуру. Система обладает развитой взаимосвязью своих свойств как целого и свойств составляющих ее элементов. В целом в системе выявляются процессы, которые приводят к согласованному поведению компонентов системы (ветвей власти), которые в синергетике принято называть кооперативными процессами.

Кроме того, государственную власть недостаточно понимать лишь как власть государственного аппарата («машины»). В этом случае логически недоказуема зависимость государственной власти от интересов класса (как и любых других, в том числе «всеобщих», «общенациональных» и прочих интересов, кроме интереса бюрократической иерархии), - она полностью заслоняется «превращенностью форм». Поэтому, например, политический суверенитет как субстанциальная характеристика государства ставится «на голову», приобретая в рефлексии видимость субстанциальной принадлежности аппарата.

Рассматриваемая в самом общем плане государственная власть есть постоянно воспроизводящая себя во властной деятельности форма организации общества. Таким образом, можно сделать вывод, что государственная власть есть не просто система, а самоорганизующаяся система. Государственная власть как форма организации общества обладает свойствами: неравновесность, динамичность, способность к альтернативным путям развития.

Литература

1. Цырендоржиева Д.Ш. Системный метод исследования общества. – Москва: Компания Спутник+, 2002. – 123 с.
2. Цырендоржиева Д.Ш. Системный метод и синергетика в социальном познании. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – 123 с.
3. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – Москва : Прометей, 1999. – 419с.
4. Елистратов А.И. Административное право. – Москва: Тип. т-ва ИД. Сытина, 1911. – 235 с.
5. Ильин И. Общее учение о праве и государстве. – Москва: АСТ, 2006. – 512 с.
6. Цырендоржиева Д.Ш. Социальная система и ее строение // Актуальные проблемы современной науки. – 2002. – № 2.– С. 124-126.

УДК 113

© И.С. Болдонова
г. Улан-Удэ, Россия
д-р филос. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Бурятский государственный университет
E-mail: irina_duncan@mail.ru

© А. А. Надагурова
г. Улан-Удэ, Россия
аспирант
Бурятский государственный университет
E-mail: alevtinanav@mail.ru

Коммуницируемость традиции в евразийском пространстве: герменевтический взгляд

Аннотация. Статья посвящена изучению межкультурной коммуникации на Евразийском фронтире России, Монголии и Китая через герменевтическое осмысление особенностей традиции в коммуникативном пространстве. Автор подчеркивает эвристическую значимость герменевтических понятий и категорий в анализе межцивилизационного диалога в ситуации трансграничья и интенсивных контактов трех стран. За основу исследования берется традиция как часть действенно-исторического сознания народа и его сформировавшейся культуры. Предметом анализа стали традиционные тэнгрианские ценности кочевой цивилизации бурят-монгольских народов, особая интерпретация времени, включенность в межцивилизационный диалог ценностей русских староверов, историчность как ядро конфуцианских традиций. Среди герменевтических категорий автор особо выделяет герменевтический круг как символ незавершенности человеческих знаний, и основной способ получения знаний в герменевтической методологии. В конце статьи приводятся выводы. Интерпретация духовных традиций в новых условиях складывающегося трансграничного бытия является фактором создания евразийской гуманистической культуры глобализирующейся региональной цивилизации.

Ключевые слова: культура, коммуникации, традиции, ценности, цивилизация, кочевая цивилизация, герменевтический круг.

© I.S. Boldonova
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Philosophy, Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Buryat State University

© A.A. Nadagurova
Ulan-Ude, Russia
PhD Student
Buryat State University

Communicative Nature of Tradition in Eurasian Space: a Hermeneutic View

Abstract. The paper studies intercultural communication on the Eurasian frontier of Russia, Mongolia, and China through hermeneutic comprehension of traditions in the communicative space. The author emphasizes the heuristic significance of hermeneutic concepts and categories in the analysis of intercivilizational dialogue in terms of transborder and intensive contacts of the three countries. The research views a tradition as a part of the effective historical consciousness of the people and their culture. The subject of the analysis is the traditional Tengrian values of the Buryat-Mongolian nomadic civilization, their special interpretation of the time, inclusion of the Russian Old Believers' values in historic intercivilizational dialogue, and historicity as the core conception of Confucian traditions. Among the hermeneutic categories, the author emphasizes the hermeneutic circle as a symbol of incompleteness of human knowledge and the main way of obtaining knowledge in hermeneutical methodology. At the end of the paper conclusions are given. Interpretation of moral traditions in the new conditions of emerging transborder being is a factor in creating the Eurasian humanistic culture of a globalizing regional civilization.

Keywords: culture, communications, traditions, values, civilization, nomadic civilization, hermeneutic circle.

Коммуникация и общение являются важнейшей частью человеческой жизни и культуры. Тот или иной вид культуры порождает свой тип общения и на каждом из трех: коммуникативном, интерактивном и перцептивном уровнях, где коммуникаторы отражают особенности своей культурной традиции. В XXI веке, говоря о роли социальной коммуникации в широком социокультурном, политическом, экономическом контексте современного общества, необходимо констатировать изменившуюся ситуацию в коммуникативном постсоветском пространстве.

Герменевтические концепции, опираясь на такие категории, как предрассудки, действенно-

историческое сознание, интерпретация, герменевтический круг, предвосхищение совершенства, традиция, язык, горизонт вопрошания, диалектика вопроса и ответа формируют методологическую основу для изучения межкультурной, межкультурной коммуникации в самых разных проявлениях. Главный эвристический стержень герменевтики состоит в универсальности понимания и признания принципиальной диалоговости коммуникативной деятельности. В XX и XXI веке это стало главным принципом исследований в области коммуникативистики и других социально-гуманитарных наук.

Традиция лежит в основе любого диалогового взаимодействия, охватывает сознание, отношение и оценку бытия, культурный код, повседневный опыт межкультурных контактов. Практика также свидетельствует о том, что в поликультурном обществе евразийского фронта жизнедеятельность опиралась на межкультурную коммуникацию, т.е. диалог культур, в основе которого лежит идея толерантности и взаимопонимания. Так, трансграничное взаимодействие традиционно варьировалось от приграничных обменов, частных визитов, туристических поездок, согласованной эксплуатации природных объектов до широкого сотрудничества объединений и стран на основе межгосударственных соглашений.

Становлению и развитию национального и индивидуального менталитета способствует все более углубляющийся и расширяющийся диалог культур, их разнообразных форм и уровней. Поликультурная среда евразийского фронта формировалась веками путем взаимопроникновения и взаимовлияния различных национальных и региональных культур, и личности всегда было сложно выделить или предпочесть ту или иную культуру в качестве духовного ориентира. На современном этапе исследования культуры и межкультурного взаимодействия особое внимание уделяется ментальным установкам и отдельных индивидов, и общества в целом. Коммуницируемый на пограничье тип культуры есть некий модус, способствующий не только взаимодействию, но и процессу саморефлексии участников диалога, самопознанию культурой самой себя, своего потенциала в новых условиях трансграничного глобализирующегося пространства.

Основы саморефлексии в герменевтике заложены в анализе действенно-исторического сознания, предполагающего предпосылочность любого мыслительного процесса. Историчность нашего субъективного бытия обосновывается существованием культурно-исторической традиции, куда вовлечен каждый индивид, и на которого влияет особенности культурно обусловленных фоновых знаний. Например, для сосуществования больших и малых народов на евразийском пространстве нужен герменевтический анализ традиционных тенгрианских ценностей, когда-то формировавших наиболее фундаментальные евразийские ценности кочевой цивилизации монгольского суперэтноса. Герменевтический тип рефлексии позволяет поднять из глубин исторической памяти эффективные средства воспроизводства бурят-монгольской этничности для поддержки сначала групповой идентичности, а затем конструирования и евразийской региональной идентичности с помощью переосмысления культурных маркеров [2].

Так, монгольские народы имеют специфическую точку отсчета своей ориентации в межкультурных контактах – это особая интерпретация времени. Чтобы не забылось время прошлое, его нужно зафиксировать посредством уникальных культурных феноменов. Л.А. Абаева подчеркивает характерную черту этнической культуры монгольских народов в идентификации локуса времени, она выражается в абсолютно целостном его восприятии как некой качественной категории и восприятии как постоянно повторяющегося циклического процесса. Необратимость времени у монголов характеризуется Л.А. Абаевой как сложная система взаимодействия и воздействия множества природных систем друг на друга, что можно использовать в понимании основ этнического мировоззрения, и это нужно для дальнейшего продуцирования основ межкультурного диалога [1].

В межкультурный диалог исторически также были включены русские старожилы, неизбежность традиций которых стала одним из маркеров так называемой Сибирской ментальности.

Интересный материал для герменевтической рефлексии представляют традиции китайского общества. Конфуций создал целый свод правил, т.е. этический кодекс, по которому общество должно жить. Свою теорию Конфуций основывал как продолжение древних китайских традиций. Ядро традиции составляет «историчность», согласно которой история рассматривается как со-бытие, свершение заданного смысла здесь и теперь, традиции конфуцианства осваиваются в новых условиях, захватывая самих китайцев и всех тех, кто интересуется культурой Китая.

Традиция соединяет прошлое, настоящее и существует в надвременной форме. Поэтому так важно учитывать условия понимания, в том числе предрассудки как отголоски предания, продуктивное и непродуктивное их качество, дифференцировать и отбирать только те, которые влияют на ход дальнейших сообщений. В герменевтически ориентированной межкультурной коммуникации

необходимо производить анализ негативных предрассудков для возможности выйти за пределы шаблонов, использовать преимущество герменевтической рефлексии, нацеленной на осмысление своего мыслительного процесса.

Среди герменевтических категорий особое место занимает герменевтический круг как символ незавершенности человеческих знаний, цикличной природы понимания и основной способ получения знаний в герменевтической методологии. Изучая двенадцатилетний цикл календарного летоисчисления у монгольских народов, напоминающий малый круг внутри большого – шестидесятилетнего большого круга, приходим к выводу о том, что наше понимание ведет нас к глубинным смыслам кругового движения циклов. В философии М. Хайдеггера идея круга приобретает онтологический характер, и круговая природа интерпретации предопределена самой структурой человеческого существования [3]. Следовательно, можно прийти к мысли о том, что каждый год лунного календаря как часть спирали является этапами герменевтического понимания взаимообусловленности природы и человека. Летоисчисление по восточному календарю движется по кругу непрерывности духовного опыта человечества, и через этот герменевтический круг реализуется циклический принцип мировосприятия представителей кочевой цивилизации.

В герменевтическом круге находятся территории субъектов Российской Федерации каждая по отдельности в своей относительной автономии – они ассоциируются с частями единого целого. В то же время, образуя такой географический, социокультурный, экономический ареал как Байкальский регион, ареал северо-восточных провинций Китая, или северо-западная часть Монголии, территории евразийского фронта формируют единое трансграничное пространство как целое, где движение по герменевтическому кругу отражает многовековую историю их взаимоотношений. В последние десятилетия проблема отношений восточного, западного и российского миров выходит из собственно культурной в коммуникативную плоскость, и далее в межцивилизационное взаимодействие.

Интерпретация духовных традиций в новых условиях складывающегося трансграничного бытия является фактором создания евразийской гуманистической культуры глобализирующейся региональной цивилизации. Новая духовная парадигма обосновывает важность культурно-исторической традиции в герменевтическом понимании, включенности каждого индивида в формирующуюся ментальность нового типа.

Внутренние механизмы мирного сосуществования во многом кроются в многовековой истории совместной борьбы с суровыми природно-климатическими условиями, общими хозяйственно-экономическими проблемами, бытовыми заботами, общей классовой борьбе и строительстве новой жизни в контексте всей страны, особенностях евразийской сибирской ментальности. Социально-экономические условия не разделили народы, исторические катаклизмы только сплотили людей, разум восторжествовал над мракобесием межконфессиональной распри. Расширяется поле интеграции по использованию географического, природного потенциала смежных территорий стран-участников евразийского фронтального партнерства для развития стратегического партнерства по разным направлениям совместной деятельности, и традиции народов фронтального пространства играют немаловажную роль, выступают гарантом полноценного цивилизационного диалога.

Литература

1. Абаева Л.А. Традиционное мировоззрение монгольских народов в локусе пространства и времени // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – Вып. 14а. – С.244–249.
2. Болдонова И.С. Евразийский фронт в диалоге культур Востока и Запада. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2016. – 236 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – 2-е изд. испр. – Санкт-Петербург : Наука, 2002 – 450 с.

© С.Е. Туркулец
Хабаровск, Россия
д-р филос. наук, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины»
Дальневосточный государственный университет путей сообщения

© А.В. Туркулец
Хабаровск, Россия
д-р филос. наук, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины»,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Философско-правовой подход к анализу социальной реальности

Аннотация. В статье представлен философско-правовой подход к анализу социальной реальности. В рамках философско-правового познания право изучается, прежде всего, в его онтологическом, гносеологическом и аксиологическом измерениях. Правовая онтология трансформирует вопрос о том, «что такое право», в вопрос «как соотносятся сущность и существование права». Основная задача правовой гносеологии состоит в изучении предпосылок и условий достоверного познания права, в достижении истинного знания о праве и правовых явлениях. Правовая аксиология имеет в качестве своей предметной области и основной тематики проблемы понимания и трактовки права как ценности и соответствующие ценностные суждения о правовом значении закона и государства, о том, какие общечеловеческие ценности защищаются посредством права.

Для формирования более полного представления об особенностях философско-правового подхода к анализу социальной реальности предлагается обратить внимание на такие его разновидности, как культурологический и антропологический.

Авторы отстаивают мнение, что право обладает гуманистическим потенциалом, выступает действенным средством социальной защищенности личности и может выступать эффективным средством оптимизации современного социума.

Ключевые слова: человек, социальная реальность, право, гуманизм, социум, онтология права, гносеология права, аксиология права.

© S.E. Turkulets
Khabarovsk, Russia
Doctor of Philosophy, Professor
Department of Criminal-Legal Disciplines
Far-East State University Transport University

© A.V. Turkulets
Khabarovsk, Russia
Doctor of Philosophy, Professor
Department of Criminal-Legal Disciplines
Far-East State University Transport University

Philosophical and Legal Approach to the Analysis of Social Reality

Abstract. The paper presents a philosophical-legal approach to the analysis of social reality. In the framework of the legal philosophy the law is studied primarily in its ontological, epistemological, and axiological dimensions. Legal ontology transforms the question of 'what is law' into question 'how does the essence and existence of law correlate'. The main objective of legal epistemology is to study the prerequisites and conditions for valid cognition of law, of achieving the true knowledge about law and legal phenomena. Legal axiology examines what universal values are protected by law. For a more complete understanding of the features of philosophical-legal approach to the analysis of social reality an attention should be paid to such its varieties as cultural and anthropological. The authors defend the view that the law has humanistic potential, is an effective means of social protection of the individual, and can be an effective means of optimization of the modern society.

Keywords: person, social reality, law, humanity, society ontology of law, epistemology of law, axiology of law.

Жизнь человека в обществе регламентирована множеством социальных регуляторов. Каждый из них имеет свою специфику, но цель у них одна – обеспечить порядок в обществе. Однако порядок может быть установлен как путем жесткого диктаторского управления, так и демократическими способами. В контексте данной работы нас интересует, прежде всего, такой регулятор, фундаментальным принципом действия которого выступает гуманизм.

Известный тезис античной философии «Человек есть мера всех вещей» является воплощением максимы, которой должно руководствоваться право как важнейший регулятор отношений в обществе. Гуманистический характер права проявляется не только в том, что оно открывает личности доступ к различным благам, но также и в том, что оно выступает действенным средством ее социальной защищенности. В условиях современной российской действительности именно от права многие слои населения ждут надежных гарантий от непродуманных экономических реформ, волюнтаристских решений.

Ценность права для человека заключается и в том, что оно выступает мощным фактором прогресса, источником обновления общества в соответствии с историческим ходом общественного развития. Его роль особенно возрастает в условиях крушения тоталитарных режимов, утверждения новых рыночных механизмов. Право в таких ситуациях призвано создавать качественно новую сферу, в которой только и способны утвердиться новые формы общения и деятельности.

Роль права в жизни общества исследуется издавна, с самых различных теоретико-методологических позиций, в самых разных областях социогуманитарного знания: философии, правоведении, политологии, социологии, психологии и др. Каждая из наук, имея собственный предмет, методологическую базу, категориальный аппарат, предпринимает попытки изучения данного социального феномена, используя также богатый опыт смежных отраслей научного знания. Продуктивность комплексного исследования очевидна в силу сложности и многоаспектности права. Русский правовед Н.Н. Алексеев так выразил общую тенденцию в использовании различных методологий при исследовании права: «Все определения права, построенные и общей юридической теорией, и философией права, одинаково имеют характер некоторой одномерности. На самом деле сведение к одному основному моменту не может не быть неизбежной потребностью и эмпирических, и априорных теорий, ищущих определения права... В указанном смысле одинаково одномерны такие определения, как «право есть норма», «право есть воля», «право есть интерес», «право есть порядок», «право есть свобода» и т.д. Главное затруднение, исходящее из подобных определений, заключается в том, что правовые феномены во всей их полноте никак не могут в них уместиться. Не нужно прилагать особых усилий к тому, чтобы доказать, что ни одно из них не точно, что право может быть не только волей, но и нормой, не только интересом, но и свободой и т. д. – словом, что право не сводимо к одному измерению» [1, с. 71].

Традиционная трактовка права, опираясь на обширный исторический опыт социального познания, исходит из распространенных теоретических посылок, что право является эффективным средством социального управления (регуляции), а также представляет собой стратегическое направление социального развития. Первая посылка обусловлена нормативистской трактовкой права, вторая опирается на отождествление права с социальным порядком и на концепцию правового государства. И первая, и вторая посылки в той или иной степени присутствовали в различных теоретических подходах.

Философский подход существует в виде отдельной области теоретического знания – философии права. Необходимо учитывать ее глубокую взаимосвязь с общей теорией права.

Предмет философии можно определить в значительной степени условно. Все зависит от того, какая философская парадигма используется («исповедуется») исследователем. Очевидно, что предмет философии экзистенциализма не будет тождественным предмету марксистской философии. Апеллируя к традиционному определению философии как науки об общих закономерностях развития природы, общества и мышления, можно заключить, что изучение права философия осуществляет через призму указанных закономерностей. Обратимся к разделу философского знания – философии права. Выступая за необходимость обсуждения вопроса о предмете философии права, А.А. Гусейнов образно сравнил данный вопрос с вопросом о том, что такое время в интерпретации Августина: «Я знаю, что такое время, пока меня не спрашивают, что это такое» [3, с. 14].

По вопросу о предмете философии права как особой научной дисциплины в литературе издавна ведется дискуссия. Еще Гегель считал философию права философской наукой о праве, которая имеет своим предметом идею права. Русский философ С.Л. Франк понимал философию права как учение об общественном идеале. В современной философии права ее предмет также определяют по-разному. Так, Д.А. Керимов утверждает, что «...философия права, будучи одним из основных направлений общей теории права, разрабатывает основополагающие проблемы диалектики, гносеологии и логики правового бытия, обслуживающих как саму общую теорию права, так и весь комплекс отраслевых юридических наук» [6, с. 47]. Согласно мнению В.С. Нерсесянца, «...философия права занимается исследованием смысла права, его сущности и понятия, его оснований и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества» [9, с. 7]. Это широкий смысл предмета философии права. В более узком смысле В.С. Нерсесянец под предметом философии права понимает «право в его различении и соотношении с законом» [9, с. 10].

По мнению И.И. Кального, «...цель философии права заключается в том, чтобы вскрыть онтологические основания права, показать его подлинную сущность и определить его значение в жизни человека, живущего по привычке и под знаком страха или по убеждению и под знаком совести» [5, с. 39]. Сопоставляя различные точки зрения на природу философии права, можно констатировать, что имеются два кардинально различающихся взгляда: один исходит из убеждения, что философия права – особая юридическая теория; второй – что философия права – часть философии. От того, какого взгляда придерживается исследователь, зависит его трактовка предмета и назначения философии права.

И все же есть общее, что объединяет всех философов права. Единогласно они выступают за утверждение, что философия права сосредоточила в себе общенаучную методологию юридического познания, что она является мировоззренческим основанием права и что в фокусе ее внимания находится человек.

В контексте нашей темы представляется важным понимание специфики философского постижения действительности, заключающейся в том, что «в философии всякий акт постижения реальности одновременно является актом предписывающим, нормирующим. То в философии, что преподносится как анализ (структур рассуждения, языка и т.д.) или даже простое описание (природной реальности, феноменов сознания и т.д.) в действительности является не только схватыванием чего-то существующего, но одновременно скрытым предписанием, рекомендацией определенных действий» [7, с. 142].

В рамках философско-правового познания право изучается, прежде всего, в его онтологическом, гносеологическом и аксиологическом измерениях.

Правовая онтология трансформирует вопрос о том, «что такое право», в вопрос «как соотносятся сущность и существование права». Основная задача правовой гносеологии состоит в изучении предпосылок и условий достоверного познания права, в достижении истинного знания о праве и правовых явлениях. Правовая аксиология имеет в качестве своей предметной области и основной тематики проблемы понимания и трактовки права как ценности и соответствующие ценностные суждения о правовом значении закона и государства, о том, какие общечеловеческие ценности защищаются посредством права.

Для формирования более полного представления об особенностях философско-правового подхода к анализу человеческой реальности следует обратить внимание на такие его разновидности, как культурологический и антропологический.

Культурологический подход, являясь по своей сути комплексным, все же имеет свою специфику, которая заключается в рассмотрении права как социокультурного феномена. И хотя часто бывает достаточно сложно выявить специфику культурологического подхода, последний, по мнению некоторых отечественных ученых, обнаруживает свою особенность в том, что предполагает «...видение права не только во взаимодействии с некоей социокультурной средой, но и в качестве неотъемлемого компонента культуры... В этой связи встает вопрос о более подробном изучении самого понятия права и его развития как самобытного, автономного, и в то же время связанного с иными явлениями культуры, феномена» [4, с. 4].

Культурология трактует право как часть культуры, которая понимается, в свою очередь, как способ, каким человек делает мир «своим». Определений понятия культуры существует множество. Культурология использует понятие культуры, которое раскрывает сущность человеческого бытия как реализацию творчества и свободы. В данном контексте наиболее важным аспектом, раскрывающим смысл права как части культуры в рамках культурологии, выступает, прежде всего, ценностный аспект права.

Представляется необходимым заметить, что следует различать ценности в праве (т.е. те, которые реализуются при помощи права, но выходят за его пределы: честь, достоинство, деловая репутация, здоровье, собственность и др.) и ценности права (т. е. ценности, присущие самому праву: свобода, равенство, порядок, справедливость, ответственность). Если в первом случае право соединяет в своем действии этические, экономические, политические, эстетические и иные элементы социальной культуры, при этом приобретая собственную ценность, то ценности самого права выступают в виде вполне определенных ориентиров, стандартов, целей общественного развития.

Длительное время в нашей стране ценность права измерялась исключительно инструментально-политически. В общественном сознании право воспринималось с негативной стороны, как область предписаний, запретов и санкций. Право как гарантия осуществления свободы человека и как справедливая мера этой свободы не было востребовано в условиях весьма искаженного социального пространства нашей реальной жизни. Сегодня в России начала XXI века роль права и понимание его ценности меняется. Весьма актуальными и часто обсуждаемыми становятся вопросы соотношения права и равенства; позитивных и негативных правовых ценностей; подлинной ценности права, заключающейся в устанавливаемом им порядке или справедливости.

Разделяя мнение большинства участников дискуссии, известных специалистов в области права на тему «Право как ценность», проводимой в Институте «Открытое общество» [11], подчеркнем, что оспаривать ценность права бессмысленно. Можно отрицать его пользу (как делали и делают некоторые теоретики), однако нельзя опровергнуть социальную ценность права. В целом следует отметить, что под ценностью права в самом общем смысле понимается способность служить целью и средством для удовлетворения социально значимых потребностей индивидов и общества, утверждать справед-

ливые и гуманные начала во взаимоотношениях личности и власти, выступать силой, противостоящей произволу.

Антропологический подход базируется на философско-антропологической концепции, которая направлена на систематизацию знания о человеке. «Не заявляя абсолютных принципов, она ставит вопросы о смысле бытия человека и его сущности, рассматривая человека как творца и как творение, вскрывая онтологические основания его свободы и смысла жизни» [5, с. 140; 8; 12]. Стремление ученых изучать право через призму человека известно издавна. Так, еще Ф. Бэкон в своем трактате «Великое восстановление наук» утверждал идею о том, что правовые вопросы следует изучать посредством таких наук, которые «...прекрасно знают человеческую природу и природу общества, а также природу общественного блага, естественной справедливости, нравы различных народов, различные формы правления и способы вынесения суждения на основе принципов и положений как естественной справедливости, так и общественной пользы» [2, с. 509].

Современная эпоха ответила на стремление объединить правовые и антропологические исследования созданием особой науки – юридической антропологии. Возникла она на стыке юриспруденции и целого ряда гуманитарных дисциплин (социальной антропологии, социологии, культурологии, истории, философии, этнологии и др.). «Юридическая антропология – наука о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках. Она изучает правовые формы общественной жизни людей от древности до наших дней» [10, с. 1]. Круг вопросов, изучаемых этой наукой, весьма широк: от правовых норм, отношений, идей и институтов до процедур и способов регуляции поведения, защиты порядка и разрешения конфликтов в различных сообществах, у разных этносов, в разные эпохи. На первом этапе своего становления юридическая антропология основное внимание уделяла правовым аспектам традиционных, архаических обществ, но постепенно в сферу ее внимания стали включаться и правовые системы современного общества.

Антропологический и культурологический подходы к праву очень тесно переплетены. Американский антрополог У. Гуденау, утверждавший, что культура общества состоит из того, что необходимо знать и во что необходимо верить его членам, чтобы действовать взаимоприемлемым способом и исполнять любые значимые для них роли, связывал культуру и право через нормы и ценности. Он писал, что право есть часть человеческой культуры, которая содержит «...образцы, помогающие решить, что существует и что может существовать (взаимосвязи); как относиться к тому, что есть и что может быть (ценности); что с этим делать и как это делать (нормы)» [14, р. 36].

Нам импонирует подход к праву другого американского антрополога – Клиффорда Гирца, который утверждал, что «Право – это составная часть способа представлять себе реальность» [13, р. 312]. Переформулировав данное высказывание в контексте темы настоящей работы. Можно отметить, что право – это способ конструирования человеческой реальности.

Кардинальное преобразование человеческого общества на базе ценностей гуманизма, достижение в нем демократического мира, согласия, общественного спокойствия все чаще связывается в сознании людей с правом, с правовым государством, с правосудием, с правами человека. Изучение философско-правовых оснований анализа человеческой реальности представляется важным шагом на пути оптимизации современного социума.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1998. – 465 с.
2. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Соч.: В 2 т. Т.1. М., 1971. – 590 с.
3. Гусейнов, А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / пред. В.В. Миронов, Ю.Н. Солонин; издание Московско-Петербургского философского клуба. М.: Летний сад, 2010. – 320 с.
4. Гусейнов А.И. Право как феномен культуры: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра. юрид. Наука, М., 2007. – 46 с.
5. Кальной И.И. Философия права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 259 с.
6. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2008. – 521 с.
7. Лекторский В.А. Философия как проектирование человеческой реальности. Специальное заседание XXII Всемирного философского конгресса // Философские науки. 2009. №2. С.142.
8. Марков Б.В. Философская антропология. СПб., 1997 –
9. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Издат. группа ИНФРА.М-Норма, 1997. – 652 с.
10. Нерсесянц В.С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина (вступит. статья) / В.С. Нерсесянц // Рулан Н. Юридическая антропология / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Изд-во НОРМА, 2000.
11. Право как ценность: Материалы дискуссии. М.: Гардарики, 2002. – 100 с.
12. Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. - СПб., 1997.
13. Geertz Cl. Fact and Law in Comporative Perspective // Cl. Geertz. Local Knowledge. Further Essays in Interpretive Anthropology, N.Y.: Basic Books, 1983.
14. Goodenough W. Cultural Anthropological and Linguistics Language. N.-Y., 1964.

Некоторые штрихи к стратегии обеспечения национальной безопасности России

Аннотация. В постсоветский период Россия столкнулась с новыми вызовами и угрозами как внутри страны, так и за ее пределами, которые заставляют политическую элиту осуществлять постоянный поиск оптимальных управленческих решений. Завершение эпохи биполярного мира, стремительное изменение геополитической ситуации, нарастающее внешнеполитическое напряжение, создание коалиции государств во главе с США и их активная антироссийская деятельность, наличие комплекса внутривнутриполитических и социально-экономических проблем, вызывают обеспокоенность и актуализируют вопрос обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В современных условиях необходимо разработать определенную стратегию, четкий план действий, который поможет выстоять в непростой внешнеполитической ситуации, сопровождающейся экономическими и иными санкциями против нашей страны, отрицательно влияющими на состояние всех социальных сфер государства. В настоящей статье автор обращает внимание на ряд проблем и негативных факторов, имеющих в России: ориентация экономики на экспорт топливно-сырьевых ресурсов, техническая отсталость от других стран, изношенность инфраструктурных систем, несовершенство законодательства, отсутствие профессиональных кадров и другие. Решение данных проблем, по мнению автора, должно стать составной частью стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность России, политическая элита, стратегия, экономика, природные ресурсы, техническое оснащение, инфраструктура, собственность.

© V.M. Ochirova
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Politics, Senior lecturer
Department of constitutional,
administrative and municipal law
Buryat State University

Some Points to the Strategy of the National Security of Russia

Abstract. In the post-soviet era, Russia faced new challenges and threats both inside the country and out of it. All of this forces the policy elite to search continuously of the optimal regulatory solutions. The end of the bipolar world epoch, quick change of the geopolitical situation, increasing foreign policy pressure, the coalitionforming of some states with the USA in the head and their active anti-Russian position cause the disquietude and actualize the problem of the national security of Russia. In the current context, it is necessary to work out the definite strategy, the clear plan of actions which can help us to stand in the complicated foreign policy situation that is full of economic and other sanctions against Russia. In this paper the author gives full attention to the issues and negative factors in Russia: reliance of the economy on fuel and raw materials resources, technological backwardness, worn-out state of infrastructure systems, imperfection of the legal system, the absence of professional personnel, and others. In the author's opinion the solution of these problems must become the part of the strategy of national security of Russia.

Keywords: national security of Russia, political elite, strategy, the economy, natural resources, technique, infrastructure, ownership.

С 2000 г. Российская Федерация вступила в новый этап своего развития, характеризующийся стабилизацией социально-экономического положения и укреплением своих позиций на внешнеполитической арене. Непреклонное отстаивание Россией собственных интересов и взглядов на существующий миропорядок, самостоятельность в выборе ориентиров и стратегических партнеров вызвали неожиданную антироссийскую реакцию со стороны отдельных государств, которая спровоцировала рост внешнеполитического напряжения. В подобных условиях, сопровождающихся экономическими и иными санкциями, России необходима четкая стратегия обеспечения национальной безопасности, включающая в себя устранение имеющихся в стране проблем и негативных факторов. Не претендуя на их полное изложение, перечислим некоторые из них. В первую очередь необходимо обеспечить экономическую безопасность России, которая является одним из важнейших факторов, гарантирующих национальную безопасность страны в целом. Считаем, что угрозу экономической безопасности современной России составляют, в основном, следующие факторы:

1) Ориентация отечественной экономики на экспорт топливно-сырьевых ресурсов и иных природных богатств страны. Россия, как известно, обладает различными природными ресурсами. Однако, богатство нашей страны, как это ни парадоксально, является ее слабым местом («ресурсным проклятьем»), так как благосостояние России зависит от экспорта природных ресурсов и цен на них. Исходя из этого, мы считаем справедливым мнение представителей российской элиты, что одной из главных проблем нашей страны является «слабость экономики, ее сырьевой характер». Данный вариант занял второе место (набрав 18,5%) среди главных национальных угроз России по результатам исследования, проведенного в 2007 г. под руководством М. Тарусина [9, с. 200]. 69,35% респондентов считали задачу избавления от сырьевой

зависимости ключевым пунктом экономической стратегии России [9, с. 185-186].

2) Техническая отсталость России от других стран. К сожалению, приходится констатировать, что в области технического оснащения различных отраслей отечественного производства имеются существенные проблемы. Например, в пищевой и перерабатывающей промышленности только 20% оборудования соответствует современным требованиям, более трети же требуют списания. Похожая ситуация и в сельском хозяйстве, две трети техники уже давно выработали свой срок службы. В данной связи предпочтительными пунктами экономической стратегии России, согласно упомянутому исследованию М. Тарусина, должны стать такие положения: «создать условия для инновационного бума, направить серьезные инвестиции в высокотехнологичное производство, закупку и создание новых технологий» (44,2%), «резко увеличить инвестиции в производство» (37,42%) [9, с. 186]. Безусловно, сегодня крайне необходимо вводить и внедрять современные технологии, модернизировать и технически переоснащать производство, укреплять индустриальную мощь путем строительства высокотехнологичных комплексов и заводов и т.п. Это позволит повысить конкурентоспособность отечественной экономики, обеспечить ее рост, завоевать новые товарные рынки, наладить выпуск разнообразной продукции, в том числе и инновационной. Реализация указанных нами мер положительно отразится не только на развитии экономики России, но и на благосостоянии и качестве жизни всех граждан.

3) Изношенность инфраструктурных систем страны (энергетики, транспорта, коммуникаций, ЖКХ и др.). По состоянию на конец 2008 года, износ сооружений, машин / оборудования и транспортных средств в России составил, соответственно, 46,6%, 50,6% и 41,6%. Износ инфраструктуры ЖКХ находится на уровне 60–70%. Состояние транспортных коммуникаций в России явно оставляет желать лучшего. Указанные факты говорят о том, что изношенность инфраструктурных систем является одной из «болевых» точек экономики России. Она становится причиной возникновения техногенных катастроф, дорожно-транспортных происшествий, социальных конфликтов и пр. Отсюда следует, что для динамичного развития страны требуются современная система коммуникаций (автомобильных, железнодорожных, авиационных), модернизированная система жилищно-коммунального хозяйства и т.п. В противном случае неразвитость инфраструктуры негативно отразится на всех сферах российского социума.

4) Наличие в стране неблагоприятных условий для развития экономики и вложения в нее финансовых средств. В этом отношении характерны результаты опросов населения и государственных служащих, полученные О.В. Крыштановской в нач. 2000-х гг. Ответы на вопрос «Что сегодня препятствует быстрому экономическому росту страны?» были ранжированы следующим образом: «коррупционность нынешней экономической и политической элиты» (население – 49,9%, госслужащие – 35,4%), «влияние Запада» (население – 37,5%, госслужащие – 34,6%), «несовершенство существующих законов» (население – 27,7%, госслужащие – 28,8%), «низкий профессионализм управленцев» (население – 23,7%, госслужащие – 23,7%), «утечка мозгов на Запад» (население – 21,9%, госслужащие – 22,6%). Были отмечены и такие варианты как «низкая правовая культура народа и власти», «отсутствие патриотизма у молодежи», «курс на рыночные реформы» [4]. Тем самым развитию экономики препятствуют в первую очередь коррупция, несовершенство российского законодательства и кадровый состав органов власти и управления. Наличие указанных факторов, безусловно, оказывает негативное влияние на развитие отечественной экономики [6].

На перечисленных выше неблагоприятных условиях далее хотелось бы остановиться подробнее, так как они оказывают отрицательное воздействие не только на экономику, но и на все социальные сферы. Поэтому их устранение, на наш взгляд, должно стать составной частью стратегии обеспечения национальной безопасности России. Наибольшую тревогу среди них вызывает коррупция. В данной связи приведем некоторые итоги собственного социологического исследования. В 2009-2010 гг. автором было проведено анкетирование, в ходе которого опрошено 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные / представительные и муниципальные органы власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва (для анализа отобрано 576 анкет) [5]. Исследование показало, что подавляющая часть политических элит всех республик (от 70% до 90%) в той или иной степени согласна с мнением о том, что в России широко распространена коррупция. Данная точка зрения лидирует среди всех видов элит. Такого же мнения придерживается и большая часть населения. Субъективные мнения россиян подтверждаются данными международного центра антикоррупционных исследований и инициатив «Transparency International». Оценка по 10-тибалльной шкале (индекс в 10 баллов означает наименьший уровень восприятия коррупции или идеальную честность, индекс в 0 баллов – самый высокий уровень восприятия коррупции) показывает, что Россия, по степени коррумпированности государственной власти, входит в число наиболее неблагоприятных стран мира. В 2008 г. Россия набрала 2,1 балла по индексу восприятия коррупции (заняла 147 место из 180 возможных), в 2009 г. – 2,2 балла (146 место из 180), в 2010 г. – 2,1 балла (154 место из 178), в 2011 г. – 2,4 балла (143 ме-

сто из 183), в 2016 г. – 131 место из 176 [2].

Логично напрашивается вопрос, а как же нужно бороться с коррупцией в России? Среди способов борьбы с коррупцией у опрошенных нами респондентов лидировали варианты: «работать с кадрами и совершенствовать государственную кадровую политику в органах власти» (Бурятия - 26%, Тыва - 24,2%) и «необходимо привести в порядок законодательство, устранить имеющиеся в нем противоречия» (Саха (Якутия) - 25,8%). Между ними же разделилось мнение большинства представителей различных видов элит. Помимо данных вариантов, часть респондентов указала, что необходимо «усилить наказание за коррупцию», «обеспечить контроль средств массовой информации за работой органов власти», либо же «достаточно соблюдать (использовать) те законы, которые предусматривают наказание за использование служебного положения». Фактически не было сторонников точки зрения, что никаких специальных мер по борьбе с коррупцией предпринимать не нужно. Более того, респонденты предложили ряд дополнительных способов борьбы с рассматриваемым явлением: Бурятия – обеспечение общественного контроля и реальной независимости трех ветвей власти, воспитание людей; Саха (Якутия) - повышение престижа госслужбы, увеличение доходов чиновников, обеспечение контроля над деятельностью государственных служащих со стороны гражданского общества, обновление кадрового состава органов правосудия, создание ситуации реальной независимости судебной и прокурорской систем от исполнительной власти; Тыва – изменение государственной политики в данной области, исключение родственных связей в органах власти (при приеме на работу, занятии должности и т.п.), поднятие духовности в обществе.

Итак, среди представителей республиканских политических элит, как, впрочем, и всего населения, преобладает полная уверенность в широком распространении коррупции в России. Ликвидировать коррупцию, по мнению респондентов, можно преимущественно правовыми способами: совершенствованием государственной кадровой политики, устранением противоречий в существующем законодательстве, усилением наказания за коррупцию и т.п. Помимо этого, анкетированные совершенно справедливо заметили, что необходимо также обеспечить открытость власти, которая бы позволила осуществлять общественный контроль над деятельностью чиновников (на важность прозрачности действий власти указали и 33% россиян [9, с. 171]). Безусловно, есть необходимость и в воплощении реальной независимости трех ветвей власти. К сожалению, приходится констатировать, что сегодня исполнительная ветвь зачастую обладает гораздо большим весом, чем законодательная или судебная. В обществе уже давно бытует мнение, например, об отсутствии в стране действительно независимого института суда. Все указанные способы борьбы с коррупцией, по нашему мнению, будут успешными только в случае изменения ценностных ориентаций, психологии людей. Добиться этого возможно, на наш взгляд, путем духовно-нравственного воспитания, либо, ужесточением наказания за коррупционные преступления. В нашей стране более действенным, как нам представляется, будет второй путь. На нем, кстати, настаивает и значительная часть россиян - 60,2% [9, с. 171]. Находит поддержку даже предложение ужесточить наказание за особо тяжкие коррупционные деяния вплоть до смертной казни: за это высказались в сер. 2000-х гг. 36,6% госслужащих и 46,2% населения. На их взгляд, это позволит существенно снизить уровень коррупции. Оптимальным, безусловно, является сочетание двух путей, применение их в совокупности позволит изменить жизненные ориентиры людей. Бороться же с коррупцией необходимо системно, используя комплекс различных, в том числе и приведенных нами, мер. Причем в этой борьбе должны участвовать не только правоохранительные органы, но и все общество, людям нужно организовать массовое сопротивление коррупции. Возглавить же эту борьбу могут те, кто не имеет отношения к коррумпированной системе – общественники и правозащитники, обладающие юридическими знаниями и высоким уровнем правосознания. Однако, пока это только гипотетическая возможность, реализация которой видится лишь в отдаленной перспективе [7]. Для этого необходимо, в первую очередь, желание политической элиты, которого пока не наблюдается. Между тем ей нужно помнить о последствиях разгула коррупции: разложение демократических институтов, дискредитация проводимых реформ, недоверие населения к органам власти, рост организованной преступности, подрыв моральных устоев общества, общее ослабление государства и др. Многие из перечисленного уже является приметой сегодняшнего дня, а, значит, решение указанной проблемы больше откладывать нельзя.

Исходя из вышесказанного, следующим неблагоприятным фактором, требующим пристального внимания политической элиты и общественности, является несовершенство имеющегося законодательства. Преобразования н. 1990-х гг., к сожалению, привели к значительному расширению поля произвола и беззакония в различных социальных сферах, включая и все уровни государственной власти. Действующее законодательство не всегда обеспечивает четкое правовое регулирование той или иной области жизни, имеются пробелы и несовершенства. Данный факт становится причиной появ-

ления многих негативных общественных явлений, в том числе и коррупции. По мнению представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, причины коррупции в России, в первую очередь, заключаются в чрезмерной бюрократизации, больших властных полномочиях чиновников (к тому же еще и слабо контролируемых) и «пробелах» в существующем законодательстве, не позволяющих эффективно работать механизму правового регулирования жизни общества. Соответственно необходима целенаправленная работа по совершенствованию системы нормативно-правовых актов России.

Другим неблагоприятным фактором, на наш взгляд, является дефицит профессиональных кадров в органах власти. Причина подобного факта заключается в существующей кадровой политике, которая также не совершенна. Основным недостатком постсоветского подбора кадров является отбор не по квалификации, а исходя из преданности и близости к руководству, принадлежности к территориальным либо корпоративным общностям. Любопытно, что на существующей проблеме в свое время акцентировал внимание и Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, по его словам, «решения о замещении должности порой принимаются по знакомству, по принципу личной преданности или, что наиболее отвратительно, за деньги, то есть должности продаются» [3, с. 4]. Таким образом, для современной системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице характерно применение неформальных механизмов, где решающую роль играют родство, отношения личной преданности и покровительства и др. [8] Успех сегодня во многом обеспечивается принадлежностью к «команде», работающей на влиятельного лидера, обретением покровителя, то есть вступлением в патрон-клиентарные отношения. Это предопределяет клановый принцип формирования элиты, для которого характерны отношения личной преданности, корпоративная ориентация, закрытость. Видимо по этим причинам в органах власти наблюдается рост числа неподготовленных и инертных людей. Использование неформальных механизмов рекрутирования, естественно, является недопустимым. Изжить их, конечно, весьма затруднительно. Однако работу в данном направлении вести, безусловно, нужно. Здесь многое будет зависеть от уровня культуры руководителей организаций, эффективной работы контрольных ведомств и кадровых подразделений. Роль последних наиболее значительна, так как они являются своеобразным «фильтром», осуществляющим отбор лучших специалистов на основе современных кадровых технологий. Подбор работников должен быть процедурой серьезной, объективной, прозрачной и равной. Возможность пополнить состав политической элиты и государственных служащих должна быть у представителей различных социальных слоев, соответствующих выдвигаемым требованиям. При рекрутировании специалистов необходимо учитывать только профессиональные характеристики, такие как квалификация, интеллектуальная самостоятельность, исполнительность, опыт работы и т.п. В процессе совершенствования кадровой политики считаем целесообразным перенять многие элементы советской системы рекрутирования руководящих кадров, которая, по нашему мнению, была более эффективной и справедливой. В целом, современная система рекрутирования кадров в России требует внесения существенных корректив, без которых невозможно сформировать работоспособный государственный аппарат. Нужно проводить более грамотную кадровую политику, причем, на основе обновленной законодательной базы.

Таким образом, для современной России характерно наличие ряда проблем и негативных факторов, которые оказывают отрицательное воздействие на развитие страны и составляют угрозу для ее безопасности. Устранение указанных в статье факторов, как представляется автору, должно войти в стратегию обеспечения национальной безопасности России.

Литература

1. Горшков М.К. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) / М.К. Горшков // Власть. – 2011. – № 12. – С. 11–22
2. Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatia-korruptcii/blog>
3. Кафтан Л. Власть создает «скамейку запасных» / Л. Кафтан // Комсомольская правда. – 2008. – 18 ноября. – С. 4
4. Крыштановская О.В. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов [Электронный ресурс] / О.В. Крыштановская. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.isras.ru>
5. Очирова В.М. Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества / В.М. Очирова; науч. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. – 512 с.
6. Очирова В.М. Динамика развития экономики России в оценках региональных политических элит // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. Культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. – 2012. – Вып. 14. – С. 114–120
7. Очирова В.М. Коррупция в России: состояние и перспективы / В.М. Очирова // Власть. – 2014. – № 9. – С. 105–111
8. Очирова В.М. Механизмы рекрутирования политических элит полиэтнических регионов России // Вестник Читинского государственного университета. – Чита: ЧитГУ. – 2011. – № 4 (71). – С. 78–84
9. Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты / М. Тарусин, М. Боков, А. Механик, Н. Попов и др. – М.: Типография Наука, 2008. – 296 с.

К вопросу об информационной этики как методологии решения проблемы информационной безопасности

Аннотация. Существующий диссонанс между информационно-техническим развитием и степенью развития культуры и нравственности в обществе оказывают первостепенное влияние на формирование информационной безопасности. В условиях ускорения социальных процессов, повышения мобильности ориентирования в информационной действительности и поиска путей решения сложившихся противоречий роль регулятивной функции информационной этики становится решающей. В статье раскрыты основные составляющие регулятивной функции информационной этики, представленные в качестве наиболее актуального и эффективного способа регуляции поведения человека в современном информационном обществе.

Постоянно расширяющееся поле деятельности информационной этики еще раз утверждает необходимость принятия ее принципа ненасилия, роль которого в плане обеспечения безопасности неизмеримо возрастает. Рассмотрена основная идея понятия «насилие», на основании чего раскрывается понимание принципа ненасилия, принципиальная роль в которой принадлежит дефиниции «ахимса».

Данный принцип определяет ценностные ориентиры и позволяет морально регулировать деятельность в процессе применения информационных технологий. Проведен анализ мировоззренческих образов западной (техногенной) культуры и традиционалистской системой восточных ценностей, в результате чего автор приходит к выводу о том, что синтез указанных противоположностей необходимо связать с корреляцией, векторной взаимозависимостью. Диалог культур – это источник создания новых стратегий цивилизационного развития.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная этика, регулятивная функция, моральные противоречия, принцип ненасилия.

© О.М. Manzhuyeva
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Philosophy, Assistant Professor
Department of Information and Communication Technologies
East-Siberian State Institute of Culture

To the Question of Information Ethics as Methodology to Solve the Problem of Information Security

Abstract. The dissonance between information technology development and the degree of development of culture and morality in the society exert a paramount influence on the formation of information security. In conditions of accelerating social processes, the role of the regulative function of information ethics becomes decisive. The paper reveals the main components of the regulatory function of information ethics as an effective way of regulating human behavior in the modern information society.

The expanding field of the activity of information ethics affirms the necessity of adopting the principle of non-violence which role in the sphere of ensuring security is immeasurably increasing. The main idea of the concept of "violence" is considered on the basis of which an understanding of the principle of non-violence is revealed, where the fundamental role belongs to the definition of "ahimsa".

This principle determines value guidelines and allows one to morally regulate activities in the process of application of information technology. The paper analyses the views of the western (technogenic) culture and the traditional system of oriental values. The paper comes to the conclusion that the synthesis of opposites must be related to correlation, vector interdependence. Dialogue of cultures is a source of the creation of new strategies for civilizational development.

Keywords: information security, information ethics, regulatory function, moral contradictions, principle of nonviolence.

Развитие мировой цивилизации подступило к рубежу, когда следует отступить от ряда принятых менталитетов, обеспечивающих до недавнего периода социальный и технологический прогресс. Сегодняшняя критика методов масштабного информационного насилия по отношению к человеческим обществам ставит проблему пересмотра прежних ценностей. Следствием описанной ситуации является необходимость формулирования и популяризации теории информационной этики, представленной в виде механизма прогрессивного разрешения этих противоречий. Информационная этика представляет, прежде всего, не рефлексивные, а инструментальные решения выявленных моральных противоречий. Регулятивная функция информационной этики позволит поддерживать обеспечение информационной безопасности во всех сферах жизнедеятельности человека. В современном информационном обществе, возможно, это наиболее актуальный и эффективный способ регуляции поведения человека. Важными моментами, характеризующими процесс безопасного применения информационных технологий, являются: а) выбор направленности развития (функция ориентации, которую вы-

полняют идеалы и ценности); б) определение рамок, направляющих движение в заданном ключе (функция ограничения, которая обеспечивается соблюдением нравственных принципов и норм); в) прогнозирование результатов еще на начальных этапах процесса разработки с целью предотвращения возможных негативных последствий (функция прогноза, осуществляемая посредством знания и чувства); г) анализ с целью внедрения модификаций в ход различных явлений и процессов (функция контроля, основанная на знаниях и оценках).

Полноценная регуляция процесса обеспечения и поддержания состояния информационной безопасности возможна только в совокупности, в слаженной работе составляющих элементов. В связи с этим, ориентационную, прогнозирующую, функцию ограничения и контроля необходимо рассматривать, как функции информационной этики, определяющие процесс регуляции в целом. Рассматриваемая структура не является абсолютной, так как вероятность существования единой схемы организации элементов, единого закона их связи отсутствует. Раскрытие новых свойств информационной этики позволит внести некоторые коррективы в данную структуру. В свою очередь, существенные характеристики морали всегда останутся основными составляющими структуры функции регуляции.

В процессе осуществления морального типа регуляции важно осознавать то, что заданные нормы имеют индивидуальный характер. Они воспринимаются людьми полностью или частично, поскольку процесс их осмысления и принятия осуществляется индивидом самостоятельно. Только при выполнении данного условия, они позволят реализовать регулирующие функции. Такую тонкую грань иллюстрирует этическая концепция М. Ганди, принципиальная роль в которой принадлежит дефиниции «ахимса». Ахимса означает отказ от насилия, значимая составляющая для мировоззренческих установок Ганди: «Истина – не просто категория познания, это моральный принцип, обладающий широким применением» [1, с. 8]. Ахимса является основанием для поиска истины. Как рассуждал Ганди, поиск истины напрасен, если он не построен на основании ахимсы. Здесь важно отметить, что в данном случае отказ от насилия, заложенный в идею ахимсы, служит нормой морального типа регуляции. Идея ненасилия прямым образом связана с идеей технологий деятельности. Отталкиваясь от данной точки зрения, можно зафиксировать, что идея насилия комбинирует с определенным способом понимания самой деятельности.

Стоит сказать, что особое понимание насилия и власти в европейской культуре представлено наиболее четко. Здесь социальные феномены и процессы определяются в качестве объектов, требующих целенаправленного преобразования посредством приложения человеческих сил, кроме того прослеживаются представление о самом человеке, как о материале, подвергающемся изменению в процессе воспроизводства над ним каких-либо социальных действий. При этом акт преобразования расценивается в качестве силового давления на объект, с целью придания ему некоторой задуманной формы под воздействием средств деятельности человека.

Отсюда появляется характерный смысл идеи насилия. Насильственное давление на объект, силовое воздействие по отношению к человеческой массе, которая требует преобразования, втягивающее в революционное переустройство прежнего мира. Анализ смысла насилия как одного из элементов категориальной матрицы культуры, социальных и биологических предпосылок ненасилия в процессе формирования человеческого общества [3], доказывает всю непрочность идеала ненасилия, и, одновременно, его неукорененность в сознании общества.

На наш взгляд, теория о ненасильственных моделях деятельности, получая свое дальнейшее развитие в рамках информационной этики, позволит обрести новые ценностные ориентиры и стратегии безопасного социального развития. Только, рожденная в недрах формирующего информационного общества, новая этика способна интерпретировать происходящие информационные процессы и найти особые подходы для решения кризиса современной культуры.

В структуре мировоззренческих образов и ценностей западной (техногенной) культуры человек противостоит окружающему миру, градиент его активности адресован в сторону преобразований. В свою очередь, традиционалистская система восточных ценностей видит человека аннексированным в природный организм, при этом вектор его активности направлен на самовоспитание, включение в традицию.

С нашей точки зрения, синтез указанных противоположностей необходимо связать с корреляцией, векторной взаимозависимостью. Результатом данного синтеза будет не восточная и не западная система ценностей, а нечто третье, объединяющая успехи современной техногенной культуры и некоторые образы традиционных культур, звучащие сегодня по-новому. Иначе, диалог культур – это источник создания новых стратегий цивилизационного развития и новых ценностей.

Предпосылки подобного синтеза актуальны благодаря осмысливанию угроз глобальной антропологической и экологической катастрофы, опасности грядущего апокалипсиса, а также осознанию

необходимости поиска ценностных ориентиров и этических регулятивов в человеческой деятельности. Эти предпосылки, без сомнений, окажут свое должное влияние на современные тенденции технического и научного развития в рамках информационной безопасности.

Литература

1. Ганди М. К. Моя жизнь. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959. – 447 с.
2. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. Москва: Молодая гвардия, 1988. – 271 с.
3. Гусейнов А. А. Великие моралисты. Москва: Республика, 1995. – 351 с.
4. Гусейнов А. А. Философия. Мораль. Политика. Москва: Академкнига, 2002. – 304 с.
5. Степин В. С. Стратегии ненасилия в развитии цивилизации // Философия и этика: сборник научных трудов к 70-летию А. А. Гусейнова. – Москва: Альфа, 2009.

УДК 304.5

© В.В. Корягин
г. Улан-Удэ, Россия
соискатель кафедры философии,
Бурятский государственный университет
E-mail: koryagin.v.v@mail.ru

Особенности развития современного информационного общества

Аннотация. В статье проводится исследование особенностей развития информационного общества. Выделяются характерные черты современного общества. Обосновывается методология исследования, в частности обозначается необходимость выделения диалектической и метафизической исследовательских традиций, служащих развитию западного и русского типов общества. Исследуются особенности метафизических номиналистских и реалистских теорий информации и информационной реальности, опирающихся на формальную логику (индуктивную и дедуктивную). Индуктивные теории информации раскрываются как теории, использующие аппарат теории вероятностей, математической статистики и служащие развитию техногенной информационной реальности. В свою очередь дедуктивные теории информации раскрываются как теории, основанные на строгой двужначной логике и активно формирующие современную информационную картину мира. Обосновывается актуальность и естественность дедуктивных и индуктивных теорий информационной реальности для развития западного индивидуалистического общества, в центре внимания которого находятся права и свободы человека. Далее исследуются особенности диалектической теории информационной реальности как теории опирающейся на диалектическую логику. Информационная реальность в этом случае раскрывается как формы и результаты отрицательного вклада в энтропию. Обосновывается актуальность диалектической теории информационной реальности для возможности развития русского общества, в центре внимания которого исторически находится необходимость совершенствования общественных отношений, противодействия внешним и внутренним угрозам. В заключении подводятся итоги исследования.

Ключевые слова: информационное общество, информация, информационная реальность, индуктивная логика, дедуктивная логика, метафизические принципы, диалектика, диалектическая логика, западное общество, российское общество.

© V.V. Koryagin
Ulan-Ude, Russia
Applicant at the Department of Philosophy
Buryat State University

Development Features of the Modern Information Society

Abstract. The paper studies the development features of the information society. It determines the characteristic features of the modern society. Then the research methodology is identified, in particular dialectical and metaphysical research traditions that are relevant to the development of the Western and Russian types of society. The paper examines the metaphysical theory of information and informational reality that are based on formal logic (inductive and deductive). Inductive theory of information is a theory that uses the apparatus of probability theory, mathematical statistics, and helps the development of the technological informational reality. Deductive theory of information is a theory based on a strict two-valued logic and actively shapes the information picture of the world. The paper substantiates the relevance of deductive and inductive theories of informational reality to the development of the Western society that focuses on human rights and freedoms. The research examines the features of dialectical theory of information reality as a theory based on dialectical logic. The information reality presents as the results of a negative contribution to the entropy. The papers substantiates the actuality of the dialectical theory of information reality for the development of the Russian society that is historically focused on improving public relations and fight against destruction. At the end of the paper we make the general conclusions.

Keywords: information society, information, information reality, inductive logic, deductive logic, metaphysical principles, dialectic, dialectical logic, Western society, Russian society.

Вопросы развития современного общества, которое в силу определяющей роли в нем информации получило название «информационного», являются одними из самых актуальных. При этом можно отметить, что если исследователи 60-80-х годов XX в. (Д. Белл, А. Турен, Э.Торфлер, П. Драйер, З. Бжезински, Й. Масуда и др.) писали об ожидаемом росте определенности социальных процессов

вследствие роста роли знаний и образования, то современные авторы в основном отмечают противоречивый характер и негативные явления, свойственные современному обществу. Так В.А. Кутырев пишет, что «в сверхсложных нелинейных системах, каким является современное общество, отдельные рациональные решения в совокупности могут приводить к непредсказуемым и неожиданным результатам» и, в итоге, породить общий иррационализм [1, с. 10]. Исследователи А.Б. Денисова, В.Г. Сенюшина делают вывод о перемещении жизни современного человека в виртуальную компьютерную реальность, нарушении сложившегося в процессе эволюции единства эмоциональной и рациональной сфер, изменении стиля мышления человека в сторону формально-логичного, технократичного, абстрактного мышления лишённого диалектики, и эмоций [2]. Ряд исследователей (Г. Вейман, Н.Л. Волконский, В.П. Емельянов, А. Исаков, А. Кота, А. Кулибаба, В.А. Кульба, А.А. Мухин, И.Н. Панарин, Г.Г. Почепцов, Е.Е. Рыбакова, У. Тафойа и др.) выделяют такие отрицательные явления современной цивилизации как информационные войны и информационный терроризм. Д.В. Иванов отмечает общую ошибочность ранее сделанных выводов относительно сущности информационного общества, как общества, опирающегося на знания, в силу распространения в современном обществе симуляций, симулякров, удвоения реальности [3, с. 19-20]. Таким образом, общество характеризуется не ростом устойчивости, а напротив – ростом будущей неопределённости. В то же время перечисленные особенности современной цивилизации не могут считаться чуждыми и должны иметь определённые предпосылки.

Необходимо заметить, что, несмотря на то, что науку часто считают однородной, работы ряда как отечественных, так и зарубежных авторов (Д. Блура, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, Н.А. Князева, Т. Куна, Е.А. Мамчура, И.А. Майзеля, Т.В. Мельниковой, А.А. Корниенко, К. Поппера, В. М. Свидерского, Н.М. Чуринова, С. Шейпина и др.), свидетельствуют о необходимости различать метафизические и диалектические принципы построения научных теорий, а также типы общества в зависимости от актуальных исследовательских традиций. В этом случае, для общества, опирающегося на метафизику, характерен способ существования науки («проект науки» – Н.М. Чуринов, А.Н. Князев), раскрывающийся многообразием теорий, имеющих в качестве основы формальную (дедуктивную и индуктивную) логику. В свою очередь, для общества, опирающегося на диалектику характерен способ существования науки с опорой на диалектическую логику, которая сегодня во многом выступает как логика реализации антиэнтропийных процессов.

Таким образом, развитие информационной реальности, как реальности (по О. Тоффлеру) определяющей развитие всех остальных типов реальности (физической, биологической, социальной) [4], оказывается, возможно в соответствии с тремя основными научно-концептуальными подходами:

- Первый основан на принципах неоминалистской версии метафизической исследовательской традиции и раскрывается многообразием индуктивных теорий информации и информационной реальности;

- Второй подход разработан на основе неореалистской версии метафизической исследовательской традиции и раскрывается многообразием дедуктивных теорий информации и информационной реальности;

- Третий разработан в отечественной философии и основан на принципах диалектической исследовательской традиции, диалектическом сущностном исследовательском подходе, соответствующей методологии и раскрывается в теориях информации, опирающихся на диалектику и в диалектической версии информационной реальности;

Соответственно, каждому типу общества оказываются адекватны свои представления о природе информации и информационной реальности. Для западного типа общества первостепенным является признание прав и свобод человека, его материальной заинтересованности, исторически принятыми выступают метафизические принципы субъективизма, агностицизма, антропоцентризма и др. В этом случае информационная реальность раскрывается исследователями в индуктивных и дедуктивных метафизических теориях.

Для индуктивных теорий в целом, и индуктивных теорий информации в частности, характерно решение задач на исчисление, измерение, нахождение количества и ценности с помощью методов математической статистики, методов теории вероятностей и т.п. [5]. В этом случае задействуется методология свойственная номиналистам и неоминалистам Нового и Новейшего времени, и имеющая под собой основу многозначной индуктивной логики. К числу таких теорий можно отнести синтаксические теории информации Р. Хартли, К. Шеннона, прагматические теории А.А. Харкевича, М.М. Бонгарда, Г. Франка, семантические теории Р. Карнапа, И. Бар-Хиллела, концепции Н. Винера, У.Р. Эшби и др. В настоящее время развитие данных теорий привело к осмыслению информационной реальности как реальности бытия информационной техники и технологий, виртуальной компьютер-

ной реальности, реальности информационных сообщений СМИ, источников, пользователей информации и пр.

В номиналистской версии метафизики в развитии различных сфер общества правят демократические принципы и либеральные взгляды. Здесь отсутствует директивность развития, - движение вперед осуществляется на пути изучения спроса и его удовлетворения путем совершенствования сферы бытия объектов техногенной информационной реальности, что способствует прогрессу технологий, росту производительности труда, развитию наукоемких отраслей, общему ускорению технического развития общества.

В то же время на сегодняшний день накоплены значительные негативные проявления данного варианта информационной реальности. Реализация прав и свобод граждан является большим достижением цивилизации. В связи с этим демократическое государство и западный образец развития общества часто считают эталонами. Однако права и желания человека не защищают его от ошибок, а общество от уничтожения. Слепое следование данной модели развития ведет к чрезмерной концентрации внимания человека на потреблении, к деградации культуры и морали, появлению и развитию целого ряда экономических, экологических и пр. угроз. Причинами в этом случае выступают, прежде всего, сами принципы метафизического исследовательского подхода, находящегося в основе развития общества, и особенности формальной индуктивной логики как методологической базы.

Для дедуктивных теорий информации характерно создание изначальной идеальной модели и ее дальнейшее подтверждение с помощью фактов, аксиом, формальных языков и т.п. [5]. В этом случае задействуется метафизическая методология, свойственная еще античным софистам и юристам, средневековым схоластам, а в дальнейшем реалистам и неореалистам Нового и Новейшего времени, и имеющая под собой основу стройной двужначной дедуктивной логики. К числу подобных теорий информации можно отнести семантическую теорию Ю.А. Шрейдера, топологический подход Н.П. Рашевского, Г. Карремана, Э. Тракко, информатиологию Э.В. Евреинова и И.И. Юзвизиной, идеалистические теории М. Полани, Р. Генжа, К. Вейцеккера, Ч.Б. Тэкстона и др.

Реализм, как версия метафизики имеет под собой основу из тех же основных принципов, что и номинализм (плюрализма, антропоцентризма, агностицизма). Данное направление также во главу угла ставит права, свободы и потребности человека, но реализуются метафизические принципы совершенно иначе. Реализм обладает ключевой особенностью – направленностью, директивностью, изначальным формулированием результата, к которому необходимо прийти, либо который необходимо доказать.

Информационная реальность в соответствии с реализмом изначально выступает как вышедшая из исследований журналистики и работ классиков теории информации, а потому, как и в номинализме, сегодня (если не учитывать идеалистические концепции) в целом ассоциируется со СМИ и техногенной стороной информационной реальности. В то же время, описательные методы свойственные номинализму в настоящее время, сменились агрессивными директивными методами, и, как результат, можно говорить о наличии версии информационной реальности, которая развивается в соответствии с основными отличительными особенностями реализма. Информационная реальность здесь - целенаправленное формирование информационной картины мира с помощью средств массовой информации, создания симуляций, симулякров, ведения информационных войн, информационного терроризма, информационных политических компаний, маркетинговых рекламных компаний формирования спроса и т.п. Информационная картина мира при этом выступает как предварительно сформулированная, авторски заданная и представляет собой идеальный объект, требующий воплощения, путем привлечения и манипуляций фактами, с помощью создания формальных языков, и других средств двужначной дедуктивной логики. В этом случае, концепции имеют характер теорий на доказательство в противоположность описательному характеру номиналистских теорий.

Необходимо отметить, что индуктивные и дедуктивные теории воплощаются не только в концепциях информации и информационной реальности, но и в целом во всех сферах общества. Исследователи А.Н. Уайтхед, Р.Ф. Мизес, А. Тарский, А. Ракитов, А.А. Ляпунов, М.В. Попович, Ю.Л. Ершов, В.Н. Садовский, Е.А. Палютин, С.А. Толкачев и др. признают, что формальная логика сегодня является методологической базой не только отдельных теорий, но и наук [6]. В этом случае, одни и те же метафизические принципы лежат в основе изучения и развития всех сфер жизни общества. В случае номиналистских индуктивных теорий – это идеалы демократии в политической сфере, когда решение определяется статистическими методами большинства голосов; для науки – это идеалы неопределенности, погрешности, вероятности тех или иных событий; для экономической сферы жизни общества – это идеалы рыночной экономики («голосование рублем»); для культурной сферы – это идеалы свободного самовыражения человека без учета моральных принципов, уроков истории, религиозных

чувств других людей и пр.

В свою очередь для реалистских дедуктивных теорий – это идеалы духовной власти над властью светской, реализованные в консервативных нередко тоталитарных моделях политического устройства; для науки – это идеалы строгих доказательных теорий, а также теорий основанных на общепризнанном авторитете исследователей; для экономической сферы жизни общества – это идеалы плановой экономики, контроля всех субъектов экономической деятельности; для культурной сферы – это верховенство идеологии в искусстве, науке, подчинение человека и образа его мышления принятой идеальной модели и пр.

В практике развития западного индивидуалистического общества реалистские плановые теории выступают как дополняющие либеральные номиналистские теории. Они нередко чередуются, сменяя друг друга, что можно видеть в циклическом развитии политической и экономической сфер жизни общества, когда в политике к власти приходят то демократы, то консерваторы, а в экономике рыночные принципы сменяются принципами большего контроля и наоборот.

Наряду с метафизическими теориями информации и информационной реальности существует также диалектическая теория информационной реальности (автор Н.М. Чуринов) [7]. Она была сформулирована в 80-х годах XX в. как продолжение исследований атрибутивной (А.Д. Урсул, В.С. Готт) и функциональной (Д.И. Дубровский) диалектических теорий информации. В настоящее время данная теория также вобрала в себя результаты исследований явлений энтропии и негэнтропии (К. Шеннона, Э. Шредингера, Л. Бриллюэна, У.Р. Эшби, Н. Винер и др.), явлений аддитивности, неаддитивности, эмерджентности, синергии (А.А. Богданова, И.Р. Пригожина, Г. Хакена, М. Полани, Е.Г. Мерсера, К. Денбаи, П.В. Щербакова, Э. Скерри, С.Д. Брода и др.). В соответствии с диалектикой информационная реальность раскрывается системностью, упорядоченностью, организованностью, противоречивостью мира, как результатами реализации антиэнтропийных (информационных) процессов, определенных в силу присущих им свойств, атрибутов, функций, качеств и пр., которые выступают как формы отрицательного вклада в энтропию и, согласно негэнтропийному принципу информации Л. Бриллюэна [8, с. 34] представляют собой явления информации (а также неинформации, метаинформации, коинформации и т.д.).

Диалектическая теория информационной реальности не ограничивается рамками узких технических дисциплин, изучающих передачу сигналов по каналам связи, реальностью информационных сообщений СМИ, виртуальной компьютерной реальностью и пр. Она отталкивается не от потребительской ценности информационных технологий и техники (как номинализм), и не от идеальных моделей информационной картины мира (как реализм). В данной теории первостепенное значение приобретают способы противодействия энтропии (в том числе социальной энтропии) или иначе говоря, способы поддержания и развития системности, организованности, упорядоченности, гармоничности окружающего мира и общества.

Диалектическая теория информационной реальности является соответствующей российскому типу общества, как исторически развивающемуся по пути аристократического общества, о чем пишут В.Н. Татищев, Ф. Прокопович, И.Т. Посошков, Н.А. Бердяев, В.Д. Калашников, Н.М. Чуринов, И.В. Кириевский, С.Л. Франк, Н.Я. Данилевский, П. Новгородцев, В.О. Ключевской и др. В данном случае движущей силой выступает социальный авангард - «люди лучшие в своей добродетели» (Аристотель), представляющие собой «доминантные очаги», «часть общества большую, чем целое» (Н.М. Чуринов). Основным способом существования общества является совершенствование общественных отношений, противодействие внешним и внутренним угрозам, (а не слепое следование правам и потребностям человека). В этом видится основной залог процветания и устойчивого развития.

В заключении можно отметить, что при оценке той или иной теории информационной реальности для нужд развития информационного общества, любая теория должна выступать как обусловленная всей предыдущей историей развития науки и философии того или иного типа общества. Модель информационной реальности не может быть успешно реализована без необходимых исторических, политических, культурных, природных и пр. предпосылок. Более того, попытки претворения в жизнь метафизических теорий, свойственных западному обществу в практике развития российского общества ведут к разрушению последнего. В свою очередь, реализация диалектических теорий в условиях западного общества также невозможна без нарушения естественных закономерностей. Соответственно, каждое общество должно относиться к предлагаемым теориям развития с полным пониманием своих особенностей.

Основные выводы:

1) Развитие информационной реальности возможно в соответствии с адекватной каждому типу общества исследовательской традицией (метафизической либо диалектической).

2) Для западного типа общества естественными являются номиналистские и реалистские модели информационной реальности, представляющие собой продолжение предшествующих традиций западной науки и философии, в центре внимания которых находятся права и свободы человека. Обладая определенными преимуществами, прежде всего в техническом и технологическом плане, данные концепции информационной реальности в настоящее время выступают источниками нестабильности и глобальных угроз. Описательные номиналистские теории сменяются агрессивными реалистскими теориями активного формирования информационной картины мира.

3) В свою очередь для российского общества – адекватной является диалектическая теория информационной реальности, в центре внимания которой находится стремление к привнесению отрицательного вклада в окружающую энтропию (развитие системности, упорядоченности, организованности окружающего мира). Уделяя меньшее внимание правам и свободам человека, данный тип общества в то же время нацелен на совершенствование общественных отношений, а также на гармоничное взаимодействие между обществом и природой, что имеет под собой лучшую основу для устойчивого развития.

Литература

1. Кутырев В.А. Любовь к мудрости на пороге Нового века // Вестник МГУ : Философия. – 1998. – № 3.
2. Денисова А.Б., Сеньюшина, В.Г. Влияние информационной реальности на человека // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7792> (дата обращения: 23.02.2016).
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. – 96 с.
4. Тоффлер Э. Третья волна. - М.: «Издательство АСТ», 2004. – 261 с.
5. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. / Н.М. Чуринов; Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 712 с.
6. Чуринов Н.М. Русский экономический проект – V. (Построение теории и науки) // Чуринов, Н.М. // Теория и история. – 2011. – №2. с. 173–220.
7. Чуринов Н.М. Проблема социально-информационной реальности // Развитие научного и технического знания как фактор ускорения развития производства: Материалы региональной научно-теоретической конференции. – Кемерово, 1986.
8. Бриллион Л. Научная неопределенность и информация. – М.: Мир, 1966. – 272 с.

УДК 294.3

© С.П. Нестеркин
Улан-Удэ, Россия

д-р филос. наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
e-mail: sn3716@gmail.com

«Вовлеченный буддизм» как форма социального активизма на Западе

Аннотация. В работе рассматриваются история, основные принципы и главные направления деятельности «социально вовлеченного буддизма» – влиятельного направления современного буддийского социального активизма, особенно популярного в странах Запада, но также имеющего организации в странах традиционного распространения буддизма. Отмечается, что его востребованность вызвана необходимостью выработки новых форм взаимодействия буддизма с социумом, обусловленной столкновением с идеологией и социальными практиками модерна, а также последствиями процесса глобализации, поскольку, по мнению идеологов «социально вовлеченного буддизма», традиционные формы социальной активности буддийской сангхи перестали отвечать вызовам современности. Основными областями приложения сил этого движения стали: 1) проблемы окружающей среды; 2) проблемы расизма и этно-культурного разнообразия; 3) благотворительная и воспитательная работа с заключенными; 4) женское движение и проблемы гендера. Движение «социально вовлеченного буддизма» довольно быстро приобрело институализированные формы. Причем если первоначально его активность развивалась в рамках азиатских буддийских организаций, имеющих отделения в странах Запада, то позднее появились и собственно западные общины. Эти структуры довольно активно проводят издательскую, образовательную и тренинговую деятельность, так что в настоящее время движение «социально вовлеченного буддизма» является одной из наиболее влиятельных форм социальной активности буддизма в странах Запада.

Ключевые слова: вовлеченный буддизм, необуддизм, гуманистический буддизм, глобальный буддизм, модерн, западный буддизм, социальный активизм, мультикультурализм.

© S.P. Nesterkin
Ulan-Ude, Russia

Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Leading Researcher
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of SB RAS

‘Engaged Buddhism’ as a Form of Social Activism in the West

Abstract. The paper deals with the history, main principles, and directions of the activity of ‘socially engaged Buddhism’ - an influential trend of the modern Buddhist social activism, especially popular in the Western countries. It is noted that its relevance is caused by the need to develop new forms of interaction with the society caused by a clash with ideology and social practices of mo-

dernity, the consequences of the globalization process. Because, according to the ideologists of "Socially Engaged Buddhism", the traditional forms of sangha social activity ceased to meet the challenges of modernity. The main areas of application of the forces of this movement were: 1) environmental problems; 2) problems of racism and ethno-cultural diversity; 3) charitable and educational work with prisoners; 4) women's movement and gender issues. The movement of 'engaged Buddhism' quickly acquired institutionalized forms. Moreover, if initially its activity had developed within the framework of Asian Buddhist organizations that have branches in the countries of the West, later the actual Western communities appeared. These structures conduct publishing, educational, and training activities quite actively. So that at present the 'engaged Buddhism' movement is one of the most influential forms of Buddhism social activity in the Western countries.

Keywords: Engaged Buddhism, Neobuddhism, humanistic Buddhism, global Buddhism, modernity, Western Buddhism, social activism, multiculturalism.

Под «Социально вовлеченным буддизмом» (Socially Engaged Buddhism) или просто «Вовлеченным буддизмом» в буддийской литературе обычно понимается движение в современном буддизме, ставящее своей целью применить учение Дхармы и опыт практики медитации к решению проблем социальной, политической, экологической и экономической сфер жизни с целью способствовать уменьшению присутствующих в них страданий и несправедливости.

Акцентирование социального аспекта буддизма как чего-то для буддизма нового (что было характерно для раннего этапа развития вовлеченного буддизма на Западе) выглядит парадоксом. Дело в том, что традиционный буддизм всегда уделял большое внимание социальной сфере и активно в ней участвовал. Так, в странах буддизма тхеравады роль буддийской сангхи в жизни общества всегда была чрезвычайно велика, решение ни одного значимого социального вопроса не обходилось без ее участия. Буддизм махаяны в Центральной Азии (в Тибете и Монголии) долгое время был государственной религией, его иерархи (Далай-Лама, Богдо Гэгэн) были главами центрального правительства, а монастыри играли важнейшую роль в региональном управлении. Огромную роль в социальной жизни народов ареала своего распространения играл также и дальневосточный буддизм. Однако в период, когда влияние идеологии и социальных практик модерна на жизнь традиционных обществ, исповедующих буддизм, стало велико, когда мир традиционного буддизма столкнулся с процессами глобализации, традиционные формы социальной активности сангхи перестали отвечать вызовам современности, что привело к необходимости выработки новых форм.

Термин «Engagedbuddhism (социально вовлеченный буддизм)» был введен вьетнамским Учителем Тхиен (кит. Чань, яп. Дзен) буддизма Тик Нат Ханом (Thích Nhất Hạnh), который в серии своих статей обратил внимание на необходимость буддийской сангхе занимать более активную позицию в решении назревших социальных вопросов. Он вдохновлялся идеями буддийского реформаторского движения в Китае, развиваемого учителем школы Чань Дайси (Tàixū, 1890–1947) и учителем школы Саньлунь Юньшунем Даоши (Yinshùn Dǎoshī, 1906–2005) (это движение в Китае получило название «Гуманистический буддизм»). Впоследствии эти идеи получили распространение на Тайване благодаря усилиям Женъяня (Zhèngyán; p. 1937) и Синюня (Xīngyún; p. 1927).

Первоначально Тик Нат Хан называл разрабатываемые им подходы «мирской буддизм». Во время войны во Вьетнаме он и его сангха стремились откликнуться на страдания, которые они видели вокруг, и прилагали для этого много сил. Они рассматривали эту деятельность как часть их практики медитации и осознанности. Свое видение того, какие установки необходимо воспитывать в себе в новых условиях деятельности буддийской общины Тхить Нат Хан изложил в четырнадцати «заповедях» социально вовлеченного буддизма.

1. Не преклоняйся перед какой бы то ни было доктриной, теорией или идеологией, даже буддийской. Все системы мысли – это средство для руководства, они – не абсолютная истина.

2. Не думай, что знание, которым ты в настоящее время обладаешь – неизменная абсолютная истина. Избегай мыслить узко и привязываться к сегодняшним взглядам. Изучай и практикуй непривязанность к взглядам, чтобы быть открытым для других точек зрения. Истина находится в жизни, а не только в концептуальном знании. Будь готов учиться на протяжении всей своей жизни и исследовать реальность в себе и в мире постоянно.

3. Не заставляй других, в том числе детей, любыми средствами принимать ваши взгляды – используя власть, угрозы, деньги, пропаганду или даже образование. Однако через сострадательной диалог помогай другим отказываться от фанатизма и узости.

4. Не избегай контакта со страданием и не закрывай на него глаза. Не теряй осознание существования страдания в мире. Найди способы быть с теми, кто страдает, любым образом – посредством личных контактов, встреч, образов, звуков. С помощью подобных средств, пробуждай себя и других к реальности страдания в мире.

5. Не накапливай богатства, в то время как миллионы голодают. Не принимай целью жизни известность, богатство, выгоду или чувственные наслаждения. Живи просто и разделяй время, энергию

и материальные ресурсы с теми, кто в нужде.

6. Не поддерживай гнев или ненависть. Как только возникает гнев и ненависть, практикуй медитацию на сострадании, чтобы глубоко понять людей, которые вызвали гнев и ненависть. Учитесь смотреть на других людей глазами сострадания.

7. Не потеряй себя в рассеянии. Изучай практику дыхания для того, чтобы восстановить душевное равновесие тела и ума, практикуй осознанность и развивай сосредоточение и понимание.

8. Не говори слов, которые могут вызвать раздор и послужить причиной разрушения сообщества. Сделайте все возможное, чтобы примирить и разрешить все конфликты.

9. Не лги, будь то ради личной выгоды или чтобы впечатлить людей. Не говори слов, которые вызывают разделение и ненависть. Не распространяй новости, если вы не уверены в их достоверности. Не критикуй и не осуждай, если не уверены. Всегда говори правдиво и конструктивно. Имейте мужество, чтобы открыто говорить о несправедливости, даже если это может угрожать вашей собственной безопасности.

10. Не используйте буддийское сообщество для личной выгоды, не превращайте вашу общину в политическую партию. Религиозная община, тем не менее, должна занимать ясную позицию против угнетения и несправедливости должны стремиться изменить ситуацию, не вовлекаясь в конфликт.

11. Не живи призванием, которое приносит вред человеку и природе. Не инвестируй в компании, которые лишают других шансов в жизни. Выбери призвание, которое помогает реализовать ваш идеал сострадания.

12. Не убивай. Не позволяйте другим убивать. Найти любые средства для защиты жизни и предотвращения войны.

13. Не бери ничего, что должно принадлежать другим. Уважайте собственность других, но отвращайте других от обогащения за счет человеческих страданий или страданий других живых существ.

14. Не истязай свое тело. Учись обращаться к нему с уважением. Не рассматривай свое тело только как инструмент. Сохраняй жизненную энергию (сексуальную, дыхательную, духовную) для реализации Пути. Не должно быть секса без любви и преданности. В сексуальных отношениях надо осознавать те страдания, которые они могут вызвать в будущем. Оберегайте счастье других, уважайте права и обязательства других. В полной мере осознай ответственность принести новую жизнь в мир. Медитируй о мире, в который ты приносишь новую жизнь.

Перечисленные выше положения каждое само по себе не является чем-то новаторским для буддизма. Они описывают вполне традиционные для буддизма «три предмета изучения»: нравственность, сосредоточение и знание. Однако обращает на себя следующее обстоятельство: список открывается положениями, относящимися к когнитивной сфере, к знанию, в то время как практике сосредоточения посвящен только один пункт (8), а пункты, относящиеся к нравственности, список завершают. Если же обратиться к принятому в традиции порядку перечисления (и, соответственно, практики) мы увидим, что нравственностью этот список открывается, а знанием – завершается, и это принципиально важное отличие. В предписаниях, описывающих нормативное отношение к знанию, подчеркивается конвенциональный (и потому ложный) характер его словесного выражения, что вполне согласуется с положениями школы Чань о невыразимости истины в словах (в отличие от учения тибетской школы Гелук, где все-таки признается возможность корректной формулировки абсолютной истины в слове). Однако традиционно подобное отношение вырабатывается как результат практики нравственности и сосредоточения. Формулировка этого положения вне контекста (вернее, впереди него) традиционной практики может быть понята как отрицание абсолютного, безусловного основания знания и нравственности, что, конечно, не соответствует традиционной трактовке.

Вне традиционного контекста перечисленные пункты, касающиеся условности истины могут быть прочитаны как весьма сходные с постмодернистскими положениями о конвенциональности истины и нравственности, так что 14 положений, сформулированные Тик Нат Ханом, весьма естественно легли на западную посттрадиционную ментальность. Кроме того, отсутствие привязки к традиционному школьному учению весьма способствовало популярности учения Тик Нат Хана в качестве обоснования социальной практики, в которой могут объединяться школы разной доктринальной направленности, и даже принадлежащие к различным конфессиям.

В новой социокультурной среде западного мира формы социальной активности, сложившиеся «на Родине», в тех традиционных обществах, откуда проповедники буддизма прибыли на Запад, не могли воспроизводиться в неизменном виде, как в силу различия социальных структур, так и того (очень скромного) места, которое буддийские школы на Западе заняли, став там маргинальными. Если во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии буддизм активно был включен в проблематику войны и социального насилия, а в мирное время традиционно играл важную роль в реализации социальных программ, то

переместившись на Запад, он был вынужден радикально изменить сферу своей социальной активности.

Областями приложения сил движения социально вовлеченного буддизма стали: 1) проблемы окружающей среды; 2) Проблемы расизма и этно-культурного разнообразия; 3) Благотворительная и воспитательная работа с заключенными; 4) Женское движение и проблемы гендера.

Как мы можем заметить, эти сферы деятельности являются вполне традиционными для либерального активизма, и социально вовлеченный буддизм здесь воспользовался готовыми лекалами. Одной из причин этого является, по-видимому, то, что либеральная интеллигенция – именно та среда, где в основном это движение распространяется.

Движение «вовлеченного буддизма» довольно быстро приобрело институализированные формы. Причем если первоначально его активность развивалась в рамках азиатских буддийских организаций, имеющих отделения в странах Запада, то позднее появились и собственно западные общины, такие как «Буддийское содружество за мир» (BuddhistPeaceFellowship), «Международная сеть социально вовлеченного буддизма» (InternationalNetworkofEngagedBuddhists), «Центр экодхармы» (EcodharmaCentre) и другие. Эти структуры довольно активно проводят издательскую, образовательную и тренинговую деятельность, так что в настоящее время движение «вовлеченного буддизма» является одной из наиболее влиятельных форм социальной активности буддизма в странах Запада.

Литература

1. Badiner Allan Hunt (ed.). Dharma Gaia: A Harvest of Essays in Buddhism and Ecology. Berkeley: Parallax Press, 1990.
2. Batchelor Martine, and Kerry Brown (eds.). Buddhism and Ecology. London: Cassell, 1992.
3. Jones Ken. Beyond Optimism: A Buddhist Political Ecology. Oxford: Carpenter, 1993.
4. Kaza Stephanie, and Kenneth Kraft (eds.). Dharma Rain: Sources of Buddhist Environmentalism. Boston: Shambhala Publications, 1999.
5. Adams Sheridan (ed.). Making the Invisible Visible: Healing Racism in Our Buddhist Communities (2nd ed.), 2000.
6. Baldoquín Hilda Gutiérrez. Dharma, Color, and Culture. Berkeley: Parallax Press, 2004.
7. Williams Angel Kyodo. Being Black: Zen and the Art of Living with Fearlessness and Grace. New York: Viking Compass, 2000.
8. Masters Jarvis. Finding Freedom: Writings from Death Row. Junction City, CA: Padma Publishing, 1997.
9. Whitney Kobai Scott. Sitting Inside: Buddhist Practice in American Prisons. Boulder, CO: Prison Dharma Network, 2002.
10. Arai Paula. Women Living Zen: Japanese Soto Buddhist Nuns. New York: Oxford University Press, 1999.
11. Batchelor Martine. Women on the Buddhist Path. London: Thorsons, 2002.
12. Cabezón Jose Ignacio. Buddhism, Sexuality, and Gender. Albany: State University of New York Press, 1992.

УДК 94 (515+510)

© У.Б. Жамбаева
Улан-Батор, Монголия
Канд. филос. наук, доцент, начальник отдела науки
Улан-Баторский филиал,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: uliya100186@yaandex.ru

Исторический экскурс Тибета и Китая: политическая игра

Аннотация. Известно, что Тибет был в составе Китая со времен правления династии Цинь и Юань, а после крушения Циньской династии, Тибет считался независимым, самостоятельным государством вплоть до 1950 гг. Также необходимо упомянуть, что Тибет обладал важными юридическими признаками некой государственности, которые полностью соответствуют современным законам международного права.

На сегодняшний день считается, что с седьмого по девятый век Тибет был сильной и значимой империей, конкурировавшей по своему международному влиянию с китайской империей Танг. И именно в этот период не возникает вопроса наличие существования тибетского государства как такового. В этот временной период Тибет достиг вершины своего могущества, неоднократно побеждая и захватывая территории династии Танг. Так 18 ноября 763 года н.э. тибетские войска захватили территорию Тангской столицы города ЧаньЯнь и определили на китайский престол Ли Чин Хуна, правнука тангского императора Ли Джи, китайский император был возведен на престол по усмотрению тибетцев. Далее Лин Чин Хун объявил новое правление под слоганом «Да Шу».

Ключевые слова: право, государство, договор, буддизм, религия, традиция, система.

© U. B. Zhambeva
Ulaanbaatar, Mongolia
Candidate of *Philosophy*, Associate Professor
Head of Department of Science,
Ulan-Bator branch
Russian University of Economy by G. V. Plekhanov

Historical Background of Tibet and China: a Political Game

Abstract. It is known that Tibet was part of China since the Tsin and Yuan dynasty. And after the collapse of the Tsin dynasty until 1950, Tibet was considered an independent state. It is also necessary to mention that Tibet had important legal characteristics of a certain statehood, which fully comply with the current international law. Today, it is believed that from the seventh to the ninth century Tibet has been a strong and important empire that competed in its international influence with the Chinese Tang Empire. And regarding this period, there is no question on the existence of the Tibetan state itself. During this period, Tibet reached the height of its power, repeatedly defeating and capturing the territory of the Tang dynasty. So, on November 18, 763 AD, Tibetan troops occupied capital city of Chan Yan, part of Tang territory, and put Lee Chin Hoon on the Chinese throne, who was a great-grandson of Tang Emperor Li Ji. The Chinese Emperor was enthroned at the discretion of the Tibetans. Further Chin Lin Hong has announced a new rule under the slogan 'DaShu'.

Keywords: law, government, agreement, Buddhism, religion, tradition, system.

При тибетском правителе Ти Рол Пачене, Тибет вступил в переговоры с Тангской империей. В 821 году на территории Чань Яня и в 822 году на территории Лхасы был заключен тибето-китайский договор, который выбили на четырех колоннах, который поставили в Лхасе и в Чань Яне и на границе с двух сторон. Оба государства рассматривались независимыми и равноправными. В договоре было указано, что великий царь Тибета является божественным проявлением Цэнгпо и великий китайский правитель Хуандзи является небесным императором, заключили великий договор и ратифицировали соглашение, что и Тибет и Китай будут держать свои страны в пределах которыми владеют на данный момент, вся область к востоку от той которой есть великий Китай и вся область к Западу которой есть страна великий Тибет, по обе стороны этой границы не будет военных действий, вражеских захватов территорий, что на данный момент владения являются родственными и заключен великий договор о мире и поэтому следует продолжать сохранять дружественные связи. Посланцы с обеих сторон должны следовать дорогой, основанной в давние времена. Согласно дружеским отношениям между двумя правителями, следует практиковать почтение по отношению друг к другу. Не следует проявлять взаимную враждебность даже в словах. Для того чтобы данное соглашение, устанавливающее великую эру когда каждый народ будет счастлив в своей стране заключено так, чтобы оно никогда не было изменено. В этом и заключается четкое определение того, что Тибет и Китай являются двумя различными странами. Далее в десятом веке Тибет потерял свое влияние и распался на ряд владений.

Некоторые ученые считают, что послужило этому наличие буддизма, другие же полагают, что в образовавшемся распаде был виноват тибетский царь Дарма, который был известен в истории Тибета тем, что производил гонения на религию буддизма. У Ландармы прямых наследников не существовало, и данный факт указывает на то, что данное положение внесло определенный дисбаланс в данной ситуации. Считается, что в этот период фрагментации закончился период монгольского завоевания Тибета. Важнейшим событием в этом процессе монгольского завоевания был поход 1240 года под командованием Ле Дже и Дорд Дархан. Этот отряд находился под верховным командованием Гадана, который был в свою очередь внуком Чингис хана. Таким образом, это были контакты, которые как считается, сыграли достаточно значимую роль в распространении буддизма. Гадан отправил приглашение в Тибет Сакья Пандите Кунга Гьялтсену, который был главой Сакья одной из школ тибетского буддизма. Считается, что Гадан руководствовался тем, что школа Сакья придерживалась старых традиций и была достаточно влиятельной по всему Тибету. А также монголов привлекала сама тантра, своего рода короткий путь для достижения просветления путем практик и различного рода техник. Более того монгольское общество было достаточно сходным устоем жизни с тибетским обществом. Даже религия Бон, которая существовала в Тибете до прихода буддизма, также имеет общие корни с монгольским шаманизмом. Во времена князя Гадана монгольско-тибетские отношения продолжали развиваться. «Тибет был официально инкорпорирован в состав Китая при династии Юань», - утверждает Ван Цзявэй» [1, с. 20]. Ему вторит Цзинь Бингао: «В 1246 г. Чингисид Годан встретился с Сакья-пандитой Сапан Гунга Гьянцен и установил конкретные условия подчинения Тибета монголам. Центральная власть династии Юань признала руководящее положение школы Сакья в Тибете, и с этих пор... Тибет официально стал административным районом Китая» [2, с. 261]. В 1253 году племянник Сакья Пандите Кунги Гьялтсена, Пагба лама обратил в буддизм монгольского принца Хубилая, тем самым установив с ним духовные отношения, наставник и покровитель (чой-йон). Монгольский отряд принца-чингисиды Годана установил отношения как раз с одной из таких школ – самой могущественной в то время школой Сакья. передачу власти над Тибетом Сакья-пандите Пагпа-ламе в 1254 г. подтвердил Хубилай, но, как и в случае с Годаном, это было сделано не от лица всемонгольского хана (им был Мунке), а от чингисиды, которому было поручено завоевание китайского государства Южная Сун» [3, с. 86]. Отношения наставник и покровитель, проявляются следующим образом,

один из них учит дхарме, другой взамен награждает своего наставника. В 1271 году завоевал Китай и провозгласил династию Юань. «Гражданские и военные дела были переданы особому чиновнику пончену, который назначался монгольским ханом на определенный срок. Тибет был разделен на 13 областей, назначение начальников которых также зависело от монголов. В 1268, 1287, 1334 гг. монголы провели в Тибете три обследования для определения размера дани, что показывает реальное осуществление ими определенной власти в Тибете» [4, с. 205]. С того момента высшие ламы буддийской школы Сакья правили Тибетом. Считается, что Хубилай, провозгласив в Китае династию Юань, стал китайским императором и с тех пор Тибет последовательно управлялся китайскими династиями Юань, Мин и Цинь. «Тернист был путь Хубилая к «кормилу власти». Его жизнь и восхождение к трону, управление величайшей страной мира приходится на переломную эпоху расцвета и краха самой большой по территории империи в мировой истории. Он родился в 1215 году, когда его дед захватил Пекин. До 1241 г., года смерти великого хана Угэдэя, его влияние при монгольском дворе не было заметным, так как его отец Толуй, самый младший сын Чингиз-хана, равно как и его потомки, не рассматривались в качестве претендентов на великоханский трон, потому сведений о ранних годах жизни Хубилая немного. Однако известно, что юный Хубилай с азартом учился верховой езде и стрельбе из лука. Как и большинство монголов, он любил охоту, на которую часто выезжал и в пожилом возрасте, что нашло отражение в художественных полотнах» [5, с. 13]. С точки зрения китайской историографии никаких принципиальных изменений в осуществлении императорской власти над Тибетом не произошло с приходом династий Мин и Цин. В результате известно, что Китай управлялся китайскими династиями согласно древней китайской традиции.

Свою страну сами китайцы называют Джунго, то есть Срединное государство или Тянь Ся, Поднебесная, по принципу того, что Китай считался самым главным в мире государством. Следовательно, и монголы и маньчжуры захватившие Китай становились частью Китая. Это архаическая синнецентрическая концепция, но она продолжает использоваться в истории политики КНР. Однако если изучать историю вне этой синнецентрической модели, то можно прийти к совсем иному выводу. Название Джунго, Срединное государство, использовалось для обозначения разных государств и в разных пределах. Варварские государства включали ханьский Китай, где находятся ханьцы которые создали данную страну. Однако, вне рамок китайской культуры было невозможно создать легитимную династию в Китае, где ханьцы составляли достаточно огромное большинство населения и после присоединения Китая к империям иноземцев, в этих империях большинство тоже становились ханьским. Перед завоевателями появлялась проблема, и вследствие этого иноземные завоеватели приспособили китайскую государственную систему к себе и провозглашали династию своей для того чтобы легитимировать себя в глазах данного ханьского большинства. И так, что касательно империи Юань, то эта империя не была Китаем, Китай был её частью, это было сугубо монгольское государство, включавшее в себя Китай. В пределы империи Юань входили не только собственно Монголии прилегающие страны, но и все территории завоеванные монголами от тихого океана до атлантического, а также и сама Русь. Так границы империи Юань были не совсем определенными. Тогдашнее ханство, управлявшееся Чингисидами, золотая орда, они были независимыми, но формально они признавали себя вассалами великого хана, чья резиденция находилась на территории Пекина. Данная зависимость не относится в отношении монгольских ханов с представителями тибетской школы Сакья, они не являлись имперскими вассалами, это были отношения наставника и покровителя и окончательно данные отношения оформились при Хубилае. Формально источником мирской власти над Тибетом, глава школы Сакья был наделен монгольским ханом, но и сам хан, претендовавший на вселенскую власть легитимировал её по религиозному мандату своего наставника. В данный период была создана концепция двух порядков, её автором является Сакья Пандита Кунга Гьялтсен, данная концепция описывает идеал отношений великих императоров с религией. Все живые существа хотят спастись, духовное спасение состоит в полном освобождении от страданий, а мирское в благополучии, согласно вышеуказанной концепции. Так духовное спасение возможно только при постижении бодхичитты. Бодхичитта (санскр. бодхи «просветление» и читта «сознание»; тиб. byang chub ku'i sems) является важнейшим понятием буддизма, означающим совершенное состояние индивидуума, лишённое негативных препятствий. Бодхичитта зарождающаяся из великого сострадания трактуется и как гармония внутренних и внешних проявлений. Это состояние чистое и совершенное, находящееся вне времени и пространства.

Литература

1. Wang Jiawei. The Historical Status of China's Tibet / Wang Jiawei, Nyima Giancain. – Pekin: China Intercontinental Press, 1997 – С.20

2. Чжунго гунчаньдан миньцзу гунцзофачжан яньцзю. [Исследование развития национальной политики КПК]. В 3 и. Т. 2 / Глав. Ред. Цзинь Бингао. – Пекин: Изд-во Центрального университета национальностей, 2007. – С.261
3. Кычанов Е.И. История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е.И Кычанов, Б.Н. Мельниченко. - М.: Восточная литература, 2005. – С.86
4. Клинов А.С. Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. - конец XX в.) / А.С. Клинов – Майкоп, 2000. – С. 205
5. Rossabi M. Khubilai Khan. His life and Times. University of California, Berkeley - Los Angeles - London, 1988. – С.13

УДК 1:316

© А.С. Насибулина
г. Улан-Удэ, Россия
магистрант кафедры философии,
Бурятский государственный университет
E-mail:dn.nastia@gmail.com

Глобальная биоэтика в стратегии устойчивого развития Humankind

Аннотация. В настоящее время непрерывно ведется поиск альтернативных путей социального развития, с целью решения глобального кризиса современной цивилизации. Среди ряда возможных альтернативных направлений социального развития обособленно выступает концепция устойчивого развития, которая рассматривается едва ли не единственной реальной перспективной возможностью стабильного развития человечества в условиях современных вызовов. Стратегия устойчивого развития общества в настоящий момент располагает достаточно основательной методологической базой, а также широким инструментарием для ее реализации. В данной статье рассматривается роль и место глобальной биоэтики в формировании стратегии устойчивого развития современной цивилизации. В рамках устойчивого развития глобальная биоэтика является важным фактором формирования философии выживания, выступает в качестве всеобъемлющей и всеохватывающей этики, имеющей универсальный характер, главной целью которой является приемлемое выживание человечества. Подразумевается не только биологическое выживание, но и социальная стабильность, устойчивое развитие общества, сохранение и развитие здоровой экосистемы. Глобальная биоэтика предполагает оптимальное соотношение интересов человека и природы, обеспечивающее их взаимно скоординированное развитие. По мнению авторов, глобальная биоэтика способна разрушить потребительское отношение к природе и способствовать формированию нового экологического мировоззрения.

Ключевые слова: глобальная биоэтика, устойчивое развитие, экологический кризис, биоэтика, общественное развитие, кризис цивилизации, коэволюция человека и природы.

© A.S. Nasibulina
Ulan-Ude, Russia
Graduate Student
Buryat State University

Global Bioethics in the Strategy for Sustainable Development of Humanity

Abstract. Currently, there is an ongoing search for alternative ways of social development in order to solve the global crisis of modern civilization. Among a number of possible alternative directions of social development, the concept of sustainable development stands apart, which is considered almost the only real prospect of sustainable development of humankind in the face of current challenges. At the moment, the strategy of sustainable development of society has a sufficiently thorough methodological base as well as broad tools for its implementation. This paper examines the role and place of global bioethics in shaping the strategy of sustainable development of modern civilization. Within the framework of sustainable development, the global bioethics is an important factor in the formation of the philosophy of survival. It acts as a comprehensive and inclusive ethic that is universal in nature. Its main goal is the acceptable survival of humankind. It implies biological survival but also social stability, sustainable development of society, conservation, and development of a healthy ecosystem. The global bioethics presents an optimal balance of human and nature interests ensuring their mutually coordinated development. According to the authors, the global bioethics is capable of destroying the consumer attitude towards nature and contributing to the formation of a new ecological worldview.

Keywords: global bioethics, sustainable development, environmental crisis, bioethics, social development, crisis of civilization, co-evolution of human and nature.

Стремительное неконтролируемое развитие науки, техники и медицины породило ряд этических, экологических и социальных проблем, затронувших всё мировое сообщество. Необходимо определить пути решения данных проблем. Американский ученый В. Р. Поттер писал: «Человеческая цивилизация нуждается в объединении биологии и гуманистического знания. Из этого мировому сообществу предстоит выковать науку выживания, с помощью которой установить систему приоритетов. Наука выживания должна быть не просто наукой, а новой мудростью, которая объединила бы два наиболее важных и крайне необходимых элемента – биологическое знание и общечеловеческие ценности» [1, с. 9]. Исходя из этого, Поттер предложил новый термин, обозначающий данную науку – биоэтика. Биоэтика - первая попытка мыслить «глобально» в сфере этики. В центре исследования – будущее жизни и человечества. Глобальная биоэтика, обозначает более высокий статус биоэтики. Концепция глобальной биоэтики, следуя принципам устойчивого развития, помимо всех живущих людей, охватывает будущие поколения, все живые организмы в целом, а также природу и окружаю-

щую среду. На современном этапе развития социума глобальная биоэтика проявляет себя как часть глобальной этики, которая консенсуализирует культурно-цивилизационное и этическое разнообразие современного мира в целях совместного решения проблем охраны биосферы. Как фактор универсальности и культурного разнообразия глобальная биоэтика является важным элементом становления новых моральных принципов.

Японский профессор Сакамото Хякудай говорит о глобальных ценностях в проекте «глобальной биоэтики». Под глобализацией Сакамото Хякудай понимает не универсализацию западных стандартов, а абсолютно новый путь согласования каждого различия и конфликта между всеми культурными и социальными общностями в мире, возникающими из многообразия современных культурных и социальных инноваций. Х. Сакамото разработал концепцию «технологии межкультурной социальной адаптации» - инновационную стратегию межкультурной коммуникации в условиях кризиса. Суть концепции заключается в создании глобальной этики, для реализации которой, нужно принимать и согласовывать каждое проявление антагонистических ценностей в мире. Нужно выработать технологию, выходящую за рамки современного европейского гуманизма. При этом понятия «прав человека», принятые в современном обществе, могут потерять значение, имевшееся в прошлом биоэтическом мышлении западного мира. Вероятнее всего, универсализация и внедрение европейских принципов повлечет за собой политические и морально-этические конфликты в азиатских обществах, так как, по утверждению Сакамото Хякудай, в восточноазиатских культурах практически отсутствует почва для идей «универсальности» и «фундаментальных прав человека». По его словам глобальная биоэтика должна исходить из единственного принципа - достижение консенсуса любым способом. Так называемая «политика диалога и согласования» - единственно возможный и приемлемый путь реализации азиатского идеала гармонии в условиях современного глобализма [2].

Система ценностей биоэтики и основана на том, что процветание Жизни на Земле представляет собой высшую ценность и цель. При условии, что современное общество понимает и принимает требование коэволюции человека и природы в качестве нравственно-экологического императива, общество является дееспособным в преодолении глобального экологического кризиса. В этом случае и в природоохранной политике общества приоритетным становится принятие того факта, что разнообразные природные объекты должны быть сохранены исключительно по причине их внутренней самоценности. Человечеству необходимо не только не допускать потери в биоразнообразии, но и заботиться о правах биоса, проявляя гуманный подход, предполагающий пересмотр традиционных этических и юридических принципов и формирование новых.

Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека, принятая ЮНЕСКО 19 октября 2005 года, является важным шагом в поиске глобальных стандартов. Одна из статей декларации напрямую связана с идеями глобальной биоэтики и называется «Защита окружающей среды, биосферы и биоразнообразия». Несмотря на большое количество существующих международных принципов, заявлений и деклараций, касающихся биоэтики, Всеобщая Декларация ЮНЕСКО вносит заметный вклад в данную тему. Стоит отметить, что это первый международно-правовой инструмент, который всесторонне освещает связи между правами человека и биоэтикой. Независимо от слабых сторон, сам факт того, что в этой, довольно спорной области практически все государства достигли всеобъемлющего соглашения, сам по себе является большим достижением [3].

В контексте устойчивого развития глобальная биоэтика должна разрушить потребительско-негуманное отношение к природе, основанное на антропоцентрической парадигме мышления, и утвердить новое экологическое мировоззрение. В основе биоэтики лежит идея о благополучии будущих поколений, о сохранении биосферы, в которой гармонично сосуществует человек и другие представители эко- и биосистем. Именно такое мировоззрение может обеспечить устойчивое развитие человечества, сохранив окружающую среду стабильной и благоприятной для жизни в течение неограниченно долгого времени.

Глобальная биоэтика должна основываться на современном европейском гуманизме и экологической этике, при этом включать в себя азиатский образ мышления и восточные ценности. Нужно отстаивать признание широкого спектра системы ценностей в мире, чтобы построить глобальную биоэтику, которая необходима для развития методов регулирования и гармонизации противоречий и конфликтов современного мира, а так же для достижения целей устойчивого развития. Глобальная биоэтика выступает как методологическая, мировоззренческая основа устойчивого развития человечества.

Литература

1. Potter V. R. Bioethics: Bridge to the Future // Prentice-Hall. 1971.
2. Sakamoto Hyakudai. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology / East Asian Culture Seminar

Развитие политических партий на региональном и муниципальном уровне как гарантия демократических основ в Российской Федерации

Аннотация. Развитая политическая система является необходимым атрибутом демократического общества. Участие политических партий в процессах государственного управления, формирования органов государственной власти повышает доверие общества, осуществляет доступ общества к этим процессам. В статье рассмотрены правовые механизмы гарантирующие развитие политической системы, участия политических партий в избирательных процессах на федеральном, региональном и муниципальных уровнях. Степень закрепления правовых норм, гарантирующих участие политических партий в формировании органов государственной власти – различно. Дальнейшее совершенствование политической системы, не возможно, без развития законодательства регулирующего деятельность политических партий.

В данной статье приведена практика субъектов Российской Федерации, касающаяся соотношения одномандатных округов и партийных списков при формировании законодательных (представительных) органов государственной власти. В статье приведены правовые основы для формирования органов муниципальной власти, которые обязательны для дальнейшего развития политической системы. Показаны отличительные особенности участия политических партий в формировании органов государственной и муниципальной власти. Обозначены некоторые проблемы деятельности политических партий, на федеральных, субъектовых и муниципальных уровнях власти, решение которых необходимо для совершенствования избирательного законодательства, касающегося деятельности политических партий.

Ключевые слова: политические партии, избирательные процессы, органы государственной власти, органы местного самоуправления, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, партийное строительство, партийные списки, одномандатные округа, мажоритарная избирательная система, смешанная избирательная система, пропорциональная избирательная система.

Development of Political Parties at the Regional and Municipal Level as a Guarantee of Democratic Foundations in the Russian Federation

Abstract. A developed political system is an indispensable attribute of a democratic society. Participation of political parties in the processes of public administration, the formation of public authorities increases the trust of society, provides public access to these processes. The paper examines legal mechanisms guaranteeing the development of political system, participation of political parties in electoral processes at the federal, regional, and municipal levels.

The degree of consolidation of legal norms guaranteeing the participation of political parties in the formation of public authorities is different. Further perfection of the political system is not possible without the development of legislation regulating the activities of political parties. This paper shows the practice of the subjects of the Russian Federation concerning the ratio of single-member districts and party lists in the formation of legislative (representative) bodies of the state power. The paper provides the legal basis for the formation of the municipal authorities, shows the distinctive features of the participation of political parties in the formation of the state and municipal authorities. The problems of the activity of political parties are identified, the solution of which is the need to improve the electoral legislation concerning the activities of political parties.

Key words: Political parties, electoral processes, public authorities, local governmental bodies, legislative (representative) bodies of the subjects of the Russian Federation, party building, party lists, single mandate constituencies, majority election system, mixed election system, proportional election system.

3 февраля 2015 года вступил в силу Федеральный закон №8 «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Данным законом устанавливаются ограничения для депутатов представительного органа муниципального образования в виде запрета выдвигаться кандидатом при проведении досрочных выборов того же представительного органа муниципального образования, при условии, если выборы назначены в связи с досрочным прекращением полномочий представительного органа, в результате действий (бездействия) и установленных в отношении данных лиц виновных действий и распущенного на ос-

новании пункта 2.1 части 2 статьи 73 Федерального закона от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Существенным является и то, что в соответствии с положениями данного закона порядок избрания главы муниципального образования предусмотрена возможность в соответствии с законом субъекта Российской Федерации и уставом соответствующего муниципального образования нового способа формирования органов местного самоуправления, при котором глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. Общее число членов конкурсной комиссии в муниципальном образовании устанавливается представительным органом муниципального образования.

Во многих субъектах Российской Федерации в связи с принятием данного закона, в законодательстве субъектов РФ внесены данные новации. Не осталась в стороне и Республика Бурятия. Народным Хуралом Республики Бурятия 7 июля 2015 года был принят Закон Республики Бурятия №1160-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в сфере местного самоуправления». В пояснительной записке к данному закону написано: «Конкурсная процедура избрания глав способствует привлечению более профессиональных и адаптированных к нынешним условиям кадров, а также с целью повышения роли Совета депутатов при выборе глав поселений, усилению их ответственности при принятии данного решения».

Таким образом, предложенные новым законом изменения направлены на дальнейшее совершенствование правового регулирования вопросов организации муниципального устройства в Республике Бурятия.

Данные новации, бесспорно, повлекут за собой снижение финансовых издержек бюджетов муниципальных образований. В первую очередь, в связи с отменой выборов глав поселенческого уровня. Но с другой стороны, главы поселенческого уровня являются участниками политических процессов, например таких, как выборы Главы Республики Бурятия.

Яркий пример, в пункте 1 статьи 26 Закона Республики Бурятия от 27.06.2012 № 2740-V «О выборах Главы Республики Бурятия» в поддержку выдвижения кандидата на выборы главы Республики Бурятия, должны быть собраны подписи депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований находящихся на территории Республики Бурятия. Но количество таковых в перспективе будет уменьшаться. В связи с принятыми изменениями, главы поселенческого уровня вообще не будут избираться, а лишь назначаться конкурсной комиссией.

Говоря о выборах федерального и регионального уровня, следует отметить, что «муниципальный фильтр» это серьезное испытание для альтернативного кандидата и избирательного объединения, которое может стать не преодолимой преградой, при выдвижении оппозиционной фигуры. В Законе Республики Бурятия «О выборах Главы Республики Бурятия» установлено, что число подписей таких депутатов и (или) глав муниципальных образований должно составлять 7 процентов от общего числа депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов.

Логично, на мой взгляд, если бы, законодатель, упростив процедуру сбора подписей при выдвижении кандидата от политической партии применил нормы, предусмотренные Федеральным законом от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» статьей 35.1 п. 3-4, и статьей 26.1 Закона Республики Бурятия от 17.09.2003 N 419-III (ред. от 05.05.2015) «О выборах депутатов представительного органа муниципального образования в Республике Бурятия», либо оставил право за кандидатом собирать подписи, в рамках так называемого «муниципального фильтра».

Литература

1. Федеральный закон от 03.02.2015 N 8-ФЗ "О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // ИПС Консультант Плюс.

2. Закон Республики Бурятия от 7.07. 2015 года №1160-V «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в сфере местного самоуправления»// ИПС Консультант Плюс Регион.

3. Закона Республики Бурятия от 27.06.2012 № 2740-V «О выборах Главы Республики Бурятия»// ИПС Консультант Плюс Регион.

4. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»// ИПС Консультант Плюс.

5. Закон Республики Бурятия от 17.09.2003 N 419-III (ред. от 05.05.2015) «О выборах депутатов представительного органа муниципального образования в Республике Бурятия» (принят Народным Хуралом РБ 16.09.2003) //ИПС Консультант Плюс Регион

Концепт судебной власти: социально-философский аспект

Аннотация. Статья раскрывает социально-философский аспект понятия «судебная власть», так как определение данного понятия является одной из важных составляющих исследования феномена судебной власти. Автором приводятся и анализируются различные точки зрения ученых, исследующих данное явление, и отмечается, что судебная власть – это одна из ветвей государственной власти, являющаяся независимой и самостоятельной по отношению к другим ветвям государственной власти. В статье приводятся позиции ученых, в соответствии с которыми судебная власть определяется либо как разновидность государственной власти, либо как ветвь государственной власти или как форма государственной власти. Автором отмечается, что отнесение судебной власти к форме или виду власти является не совсем правильным, так как судебная власть независима и независимость выступает основным ее качеством. Форма и вид не могут отражать основной черты судебной власти. Автор приходит к выводу о том, что различные представления ученых о судебной власти не противоречат, а дополняют друг друга. Феномен судебной власти многогранен, а проведенные исследования в этой области свидетельствуют о возрастающем к нему научном интересе.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, государственная власть, судебная система, ветвь власти, форма власти, вид власти.

©Е.В. Gneusheva
Ulan-Ude, Russia
Postgraduate Student
Department of Philosophy,
Buryat State University

Concept of Judicial Power: Socio-philosophical Aspect

Abstract. The paper examines the socio-philosophical aspect of the concept of «judicial power». Since to define this concept presents one of the important components of the study of the phenomenon of judicial power. The paper presents and analyzes various scientific views studying this phenomenon and notes that the judiciary is one of the branches of the state power that is independent in relation to other branches of the state power. The paper analyzes the scholarly views according to which the judiciary is defined either as a type of the state power, or as a branch of the state power, or as a form of the state power. The paper notes that referring the judiciary as the type or form of power is not entirely correct, since the judiciary is independent and independence is its main quality. Form and type can not reflect the main features of the judiciary. The paper comes to the conclusion that the various scientific views about the judiciary do not contradict, but supplement each other. The phenomenon of the judiciary is multifaceted, and the studies carried out in this field testify to the growing scientific interest in it.

Keywords: judicial authority, justice, state power, judicial system, branch of power, form of power, type of power.

В социально-философской литературе такое явление как «судебная власть» практически не рассматривалось. Это указывает на неопределенность данного феномена и потребность его определения. Данный термин очень часто обсуждается в научной литературе, в связи с тем, что судебная власть на современном этапе развития общества имеет важное практическое значение. Необходимо подчеркнуть, что сам термин «судебная власть» стал употребляться только в XX веке.

Одни исследователи (Ю. А. Дмитриев, Г. Г. Черемных) под судебной властью понимают автономное публичное образование, представленное в виде системы государственных и муниципальных органов. Данные органы имеют властные полномочия, предусмотренные законом и преследующие такие цели как: разрешение споров, наказание виновных, восстановление справедливости, установление истины. Решения государственных и муниципальных органов должны безоговорочно исполняться всеми лицами, которым они адресованы [4, с. 48].

Такая точка зрения в научной литературе подвергается критике, а подход называется «механическим». Например, Л. К. Савюк говорит о том, что судебная власть – это вид власти, которую нельзя отождествлять с судом и судебной системой. Он также указывает на необходимость обеспечения их единства, так как «... нерезультативная судебная система бросает тень на судебную власть, а судебная власть, оторванная от судебной системы, превращается в пустое сотрясение воздуха» [11, с. 71].

Данный подход разделял К. Ф. Гуценко. Он подчеркивал, что «судебная власть – это роль, но не актер, это полномочия, функция, но не исполнитель» [3, с. 43]. Следовательно, судебную власть как разновидность государственной власти необходимо трактовать не как должностное лицо и не как определенный орган (суд), а в зависимости от того какими ресурсами и способностями она обладает. К. Ф. Гуценко говорил, что понятие «судебная власть» включает в себя две составляющие: во-первых, возможность реализации данной власти только специализированными учреждениями – судами; во-вторых, обладание данными органами исключительно специфическими способностями и

возможностями воздействия. Эти признаки, присущие судебной власти являются зависимыми друг от друга и не подлежат разделению.

Соотнесение судебной власти только с судами, как органами ее осуществляющими, является ошибочным. На самом деле, власть – это очень широкое понятие, которое может воздействовать на государство, общество для достижения определенных целей. В этой связи при формулировании понятия «судебная власть» надо учитывать и функциональные возможности.

Существует множество исследований, в которых судебная власть определяется как ветвь государственной власти. Так, А. П. Гуськова утверждает, что «судебная власть – это самостоятельная, независимая ветвь государственной власти, разрешающая социальные конфликты на основе норм права, и осуществляющая контроль за соответствием нормативных правовых актов Конституции РФ и другим законам» [2, с. 71].

Аналогичной точки зрения придерживается И. Л. Петрухин. Он также определяет судебную власть как самостоятельную и независимую ветвь государственной власти, которая создана в целях разрешения конфликтов, возникающих в обществе между государством и гражданами, юридическими лицами; в целях защиты нарушенных прав граждан органами исполнительной власти и должностными лицами; в целях проведения контроля при оперативно-розыскной деятельности за соблюдением прав граждан; установления фактов и состояний, имеющих важное значение [9, с. 15].

Мы полагаем, что данное определение может быть дополнено включением в него правотворческой деятельности и толкованием нормативных правовых актов, поскольку под судебной властью подразумевается не только разрешение конфликтов и защита прав граждан.

По мнению Е. В. Пономаренко судебная власть – это ветвь государственной власти, которая и есть инструмент управления обществом. Внутренняя политика государства всегда была сопряжена с судом [10, с. 19].

Распространенной является позиция в соответствии с которой судебная власть это и есть правосудие. По мнению В. А. Лазаревой судебная власть определяется как властное полномочие судов РФ по разрешению споров путем отправления правосудия в особой процессуальной форме и вынесения решений, обязательных к исполнению [7, с. 27].

Такие теоретики, например, как И. С. Масликов дают определение судебной власти, проанализировав принципы и формы ее организации. Это дает возможность определять судебную власть как форму деятельности государства, которая реализует свои полномочия посредством судов – специальных государственных органов в процессуальной форме, установленной законом для охраны прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя, организаций, учреждений и других объединений [8, с. 12].

В Конституции РФ термин «судебная власть» охватывает судебную систему, ее организацию, принципы работы судов. Также вместе с данным термином используется термин «правосудие». Он обозначает содержание судебной деятельности, соответствующей требованиям закона. Необходимо отметить, что в литературе термин «судебная власть» и термин «правосудие» очень часто используются как синонимы.

Понятие «судебная власть», на наш взгляд, является более широким понятием, чем «правосудие», поскольку может включать в себя иную деятельность, кроме правосудия.

Достаточно обоснованной является позиция Н. А. Колоколова в том, что категория «судебная власть» не представляет собой необъяснимое и непознаваемое явление, а есть вид государственно-управленческой деятельности, а именно форма взаимоотношений, принятая обществом. В силу этих взаимоотношений большая часть людей признает властные полномочия, сосредоточенные в руках судебной олигархии как необходимость и соответственно подчиняется ей [5, с. 101].

Многообразие точек зрения ученых оставляет открытым вопрос о том, чем же на самом деле является судебная власть: формой, видом или ветвью государственной власти?

В научной литературе существуют точки зрения ученых, которые рассматривают судебную власть одновременно как вид и ветвь государственной власти. Так, О. А. Алехина под судебной властью понимает ветвь власти государства, которая в свою очередь обособлена от иных видов власти государства и реализует свои властные полномочия в порядке, установленном законом [1, с. 175]. То есть в данном случае имеет место смешение понятий ветвь и вид государственной власти.

В других источниках судебная власть интерпретируется как вид государственной власти, которая осуществляется судом в порядке установленном законом и преследует цель осуществление правосудия и контроля в форме гражданского, уголовного, конституционного и административного судопроизводства [6, с. 23].

В высшем нормативно-правовом акте государства – Конституции РФ судебная власть трактуется

как форма государственной власти.

Такие исследователи как А. П. Гуськова, И. Л. Петрухин относят судебную власть к ветви государственной власти.

На наш взгляд, отнесение судебной власти к форме или виду власти является не совсем правильным, так как судебная власть независима и независимость выступает основным ее качеством. Форма и вид не могут отражать основной черты судебной власти. Более верной, на наш взгляд, является интерпретация судебной власти как одной из ветвей власти государства, которая имеет свою форму. Последняя же в свою очередь должна соответствовать содержанию.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что судебная власть – это одна из ветвей государственной власти, являющаяся независимой и самостоятельной по отношению к другим ветвям государственной власти. Она проявляется в форме отправления правосудия в соответствии с закрепленными за ней полномочиями.

Таким образом, рассмотренные представления о судебной власти не противоречат, а дополняют друг друга. Феномен судебной власти многогранен, а проведенные исследования со стороны ученых свидетельствуют о возрастающем к нему научном интересе. Явление судебной власти – это понятие, нуждающееся в непрерывном изучении и дополнении, поскольку изменение социальной реальности влечет за собой изменение данного понятия. Мы не можем в полной мере познать феномен судебной власти, но можем попытаться понять его на определенном этапе развития общества.

Литература

1. АLEXИНА О. А. Парадигма правового суда как носителя самостоятельной и независимой судебной власти // Право и образование. – 2006. – №2. – С.170–183.
2. Воскобитова Л. А. Сущностные характеристики судебной власти. Монография. – Ставрополь: Ставропольский университет, 2003. – 160 с.
3. Гуценко К. Ф., М. А. Ковалев. Правоохранительные органы: учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Зерцало, 1997. – 368 с.
4. Дмитриев Ю. А., Черемных Г. Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 44 – 49.
5. Колоколов Н. А. Судебная власть: о сущем феномене в логосе. М.: Юрист, 2005. – 560 с.
6. Косолапов М. Ф. Суд в системе государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Саратов, 2001. – 24 с.
7. Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: Проблемы теории и практики: дис.... д-ра. юрид. наук: 12.00.09. – Самара, 2000. – 420 с.
8. Масликов И. С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 1997. – 217 с.
9. Петрухин И. Л. Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. – 2000. № 7. С. 15–21.
10. Пономаренко Е. В. Роль судебной власти в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Российский судья. – 2005. - № 4. – С. 10–12.
11. Савюк, Л. К. Правоохранительные органы: учебник. – М.: Юрист, 2001. – 509 с.

УДК 314.5

© С.Н. Курило
г. Уфа, Россия
заместитель начальника научно-исследовательского отдела
Уфимский юридический институт МВД России

Развитие института семьи в свете изменений, происходящих в обществе

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как на фоне происходящих изменений в обществе меняются формы семьи и характер семейных отношений. Семья представляет собой малый коллектив, а общество состоит из множества таких коллективов. Вследствие этого процесс развития общества, сопровождающийся кризисом, находит свое отражение в процессе становления института семьи. Новые отношения, развивающиеся во всех сферах общества, способствуют появлению и новых форм семейных отношений. Семья – это первая общность, с которой сталкивается на своем жизненном пути человек, и от того, как будут складываться взаимоотношения между членами семьи, зависит дальнейшее поведение и пребывание человека в обществе. Именно семье отводится главная роль в формировании полноценной личности. Семья представляет собой гибкую систему, которая может подвергаться изменениям. Рассмотрение основных тенденций развития современной семьи, с точки зрения различных концепций, имеет большое теоретическое значение. Сегодня необходим поиск эффективных путей, направленных на укрепление института семьи. Исследование этапов развития семьи, с учетом исторических традиций и менталитета российского общества, способствует осмыслению причин изменений структуры, функций семьи, внутрисемейных отношений в контексте преобразований, происходящих в российском обществе. Семья, подвергаясь трансформации, все равно остается единственной системой человеческих отношений, которая помогает выжить человеку в трудных ситуациях.

Ключевые слова: семья, общество, кризис, традиция, брак, культура, ценности.

Development of the Family Institute in the Light of Changes Occurring in the Society

Abstract. The paper discusses the question of how, on the background of the changes taking place in society, the forms of the family and the nature of family relations are changing. The family is a small collective. And the society consists of many such collectives. As a result, the process of social development accompanied by a crisis is reflected in the process of formation of the institution of the family. New relations that develop in all spheres of society contribute to the emergence of new forms of family relations. The family is the first community that a person encounters on their way of life. And the further behavior and stay of a person in society depends on how the relations between family members would develop. It is the family that plays the main role in the formation of a full-fledged personality. The family is a flexible system that can be changed. Consideration of the main trends in the development of the modern family drawing on the various scientific concepts is of great theoretical importance. Today, it is necessary to find effective ways to strengthen the institution of the family. The study of the stages of family development, taking into account the historical traditions and mentality of Russian society, contributes to understanding of the causes of changes in the structure, functions of the family, intra-family relations in the context of the transformations that take place in the Russian society. The family, being transformed, still remains the only system of human relations that helps people survive in difficult situations.

Keywords: family, society, crisis, tradition, marriage, culture, values.

Семья является одним из социальных институтов общества, и представляет собой механизм, играющий большую роль в развитии общественных отношений. Как составляющая часть общества семья не является чем-то статичным. Она проходит с обществом все его ступени развития. «О переходном состоянии настоящего социума говорят снижение рождаемости, брачности, увеличение разводимости, смертности от суицида, преступности, рост числа психических и нервносоматических заболеваний, распространение наркомании, алкоголизма, табакокурения, и ряд других явлений, свидетельствующих о нарастании социальных контрастов и противоречий» [7, с. 151-155].

Современное общество испытывает кризис в духовно-нравственной сфере, одной из причин которого является, на наш взгляд, разрушение устоев семьи. Падение культуры, духовно-нравственных ценностей, уход от семейных традиций приводит к тому, что на смену целеустремленному и активному поколению приходят несамостоятельные, бездеятельные, не умеющие правильно ставить и добиваться цели молодые люди. «Потребительство, социально-политическая и гражданская индифферентность, правовой нигилизм и имморализм в оценке своих и чужих поступков, безразличие к будущему собственной страны и отсутствие интереса к ее прошлому, даже его активное неприятие, – все это характеризует духовную атмосферу российского общества сегодня» [12, с. 33]. Понятие семьи невозможно определить только с точки зрения гендерных характеристик, или в разрезе родственных отношений. Семья – понятие многогранное.

В процессе изучения семьи и семейных отношений ученые определили основные типы семей. С точки зрения структуры выделялись семьи: «нуклеарные, состоящие из одной супружеской пары и ее детей; многопоколенные, включающие три и более поколения, и живущих вместе; полные, куда входят оба супруга с родными или усыновленными детьми; и неполные, состоящие из одного родителя за отсутствием второго в результате развода или при рождении одинокой матерью. С точки зрения распределения власти и обязанностей отмечались семьи «авторитарные, когда идет жесткое подчинение главе семьи, и эгалитарные при равном участии супругов в принятии решений и добровольном распределении обязанностей» [3, с. 96-100].

До наступления глобальных перемен в обществе наиболее распространенными по отношению к семье были 3 типа: патриархальная, детоцентрическая, супружеская, выделенные С.И. Голодом. Исторически патриархальная традиционная семья изначально представлялась как модель счастливой семьи: родители жили ради будущего своих детей, а дети в свою очередь должны были родителей уважать и быть помощниками. Для них существовал только один беспрекословный авторитет – авторитет родителей. Нужно отметить, что традиционные семьи отличались еще и численностью, чаще всего это были многодетные семьи. При таких обстоятельствах семью, во-первых, нужно было прокормить, а во-вторых, «вывести в люди», то есть, дать профессию и подготовить к самостоятельной жизни. В большой семье этого можно было достичь через личный пример родителей, которые, исполняя роль авторитетного лица и на правах старших, устанавливали жесткую дисциплину, приучая детей как можно раньше к труду. В каждом ребенке виделся помощник в ведении домашнего хозяйства, у каждого были свои обязанности, не выполнить которые не имел права никто из детей. Но после второй мировой войны «традиционная семья начинает претерпевать изменения, появляется новая модель – модель малодетной семьи» [6, с. 189-192].

В советское время семье уделялось особое внимание, она находилась под контролем государства и партии, которая была заинтересована в материнстве, как важнейшей социальной и государственной функции женщины. «Государство поддерживало его и морально и материально, а также брало на себя ответственность за воспитание, образование, охрану здоровья и детей и т.д.» [11, с. 166-176]. Однако со временем семейные отношения приобрели новый характер. Кардинальное изменение претерпели отношения между супругами, между детьми, между родителями и детьми.

Традиционная семья стала уступать детоцентрической (детоцентристской) семье. «В связи с тем, что создание семьи в середине XX века становится затруднительным процессом, особенно для женщин, то соответственно стала развиваться тенденция к снижению рождаемости. Ребенок стал рассматриваться как смысл создания семьи» [3, с. 96-100]. Таким образом, «в детоцентрической семье главной задачей родителей считалось обеспечение счастья ребенка. Семья существовала только для ребенка. Воздействие осуществлялось, как правило, снизу вверх (от ребенка к родителям). «В результате у ребенка формировались высокая самооценка, ощущение собственной значимости, но возрастала вероятность конфликта с социальным окружением за пределами семьи» [4, с. 133].

Формированию семьи супружеского типа способствовали добровольный брак (без вмешательства родителей, самостоятельно сделанный партнерами выбор) и изменение социального положения женщин. Исходя из того, что женщина стала более свободной и равноправной по отношению к мужчине, исключительной особенностью супружеской семьи является гармония семейных отношений. Целью супружеской семьи стало взаимное доверие, принятие и автономность членов, то есть, при равных правах мужчине и женщине необходимо было находить определенный баланс, золотую середину, чтобы не ущемлять достоинство каждого. Не было гармонии, не было семьи. Воспитание развивалось по горизонтали, диалог родителей и ребенка строился на равных. В семейной жизни всегда учитывались взаимные интересы, причем, чем старше был ребенок, тем больше учитывались его интересы. Вместе с тем, у детей, воспитанных в таких семьях, мог отсутствовать навык подчинения требованиям практически всех социальных институтов, что способствовало плохой супружеской адаптации в среде, построенной по «вертикальному принципу» [1, с. 26]. В такой семье на первое место выступало в эмоциональное взаимодействие супругов, наряду с ведением хозяйства и воспитанием детей. «Супружеский тип семьи формировался в условиях более рационализирующегося общества, вытесняющего семью, дом на периферию жизни и полагающего средоточием существования человека работу, требующую все больше времени и концентрации усилий» [10, с. 110-138].

В быстро меняющемся мире наряду с традиционным мнением о семье, где присутствуют обязательно муж, жена и дети, появляются иные, а нередко и противоположные устоявшимся представлениям формы брачно-семейных отношений, так называемые нетрадиционные или альтернативные семьи. «Понятие нетрадиционных или альтернативных семей ввела Вирджиния Сатир, известный исследователь семейных отношений» [3, с. 96-100]. По ее мнению для альтернативных форм семьи характерны: одиночество, незарегистрированное сожителство. Люди сознательно идут на бездетный брак. Превалирует число разводов и повторного вступления в брак. В отношениях присутствует равенство мужчины и женщины. «В нетрадиционных семьях широкое распространение получают внебрачный секс, обмен партнерами, интимная дружба; гомосексуальность; групповой брак, жилые сообщества и коллективные семьи» [13, с. 56]. Таким образом, в свете происходящих перемен в жизни общества меняются формы семейных отношений. В связи с этим возникает вопрос, как в дальнейшем будет развиваться институт семьи.

«Сегодня мнение современных российских ученых, занимающихся проблемами семьи, можно условно поделить на сторонников двух точек зрения: переживает ли она свой кризис или происходит процесс ее обновления» [2, с. 111-118]. В. А. Борисов, А. И Антонов, Л. Е. Дарский являются сторонниками концепции «кризиса семьи» и указывают в качестве подтверждения следующие: «подмена социальных норм деторождения (отрицание многодетности семьи), снижение значимости семьи как необходимой формы социального бытия человека и ломка его нравственных устоев, деформация семейного производства и перемещение его во второстепенные средства общественной экономики и др. В целом аргументами «парадигмы кризиса» семьи является утрата либо замещение общественными институтами основных социальных задач семьи» [14, с. 345]. Сторонники данной точки зрения утверждают, что кризис носит объективный характер.

Другой концепции «модернизация семьи» придерживаются Вишневский А.Г. и его единомышленники. Под модернизацией они понимают: «макропроцесс перехода от “традиционного общества” к современному – обществу модерна, в котором человек модерна все больше ориентируется на себя, становится личностью, неспособной жертвовать во имя любых социальных

общностей, ставить общие (групповые) интересы выше частных» [14, с. 345]. Сторонники данной концепции полагают, что институт семьи переживает не кризис, а обновление, и при всех сопутствующих процессах – низкой рождаемости, уменьшении населения, увеличении числа разводов, неполных семей в целом носит прогрессивный и позитивный характер. Какие бы концепции сегодня не существовали: «кризис семьи» или «модернизация семьи», тем не менее, все, что происходит сегодня с семьей как социальным институтом, является следствием «низкого уровня общей культуры, образования, который в последние полтора десятилетия заметно снизился» [9, с. 133].

Конечно, изучение и наблюдение сегодня за процессом развития семейных отношений дают нам на первый взгляд неоптимистичную перспективу того, что «современная российская семья характеризуется долговременным нарушением репродуктивной функции, проявляющимся в прогрессирующем падении рождаемости и в тенденции, ведущей к демографической катастрофе» [5, с. 19]. Однако рано говорить о массовом «закате» семьи. «По-видимому, семья является инвариантной системой, люди всегда будут вступать в брак, обзаводиться детьми и тем самым участвовать в родственно-семейных отношениях» [6, с. 105-110]. До сих пор не существует другой формы совместного проживания мужчины и женщины, как семья, и она является важной составляющей основы общества.

Литература

1. Арутюнян М. Педагогический потенциал семьи и проблема социального инфантилизма молодежи // Отец в современной семье. Вильнюс, 1988. – С.26–33
2. Вишневецкий А.Г. Вызовы демографического развития современной России / Судьба семьи – судьба Отечества. М.: Изд-во РГСУ, 2005. – с.111–118
3. Гейжан Н. Ф. Тенденции развития семьи и семейного просвещения // Человек и образование. 2009. №3. С. 96–100.
4. Дружинин В.Н. Психология семьи. СПб.: Питер, 2012. – 176 с.
5. Карцева Л.В. Российская семья на рубеже двух веков. Казань: РИЦ «Школа, 2001. – 292 с.
6. Ляушева С. А. Влияние модернизации общества на институт семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология . 2010. № 2. С.105–110.
7. Мухина Е.А. Кризис нравственности в современном российском обществе (по материалам социологического опроса) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 4. С. 151–155.
8. Нагевичене В. Я. Гендерные ролевые девиации как факторы кризиса семьи // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки . 2012. № 10 (269). С. 189–192.
9. Осинский И.И., Гылыкова Э.В. Бурятская городская семья на рубеже XX-XXI веков. Социологический анализ. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2003. – 156 с.
10. Потаповская О.М. Ценностные приоритеты семейного воспитания в России // Вестник. Серия 4: Педагогика. Психология. 2011. № 20. С. 110–138.
11. Рабжаева М.В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект// Общественные науки и современность 2004. № 2. С. 166–176.
12. Руденко В.А. Духовный кризис современного российского общества как следствие догоняющей модернизации // Общество: политика, экономика, право. 2009. № 1–2. С. 33.
13. Сатир В., Бэндлер Р., Гриндер Д. Семейная терапия: Практическое руководство / пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. – 244 с.
14. Юрданова М.Э. Семья в фокусе современных социальных проблем общества // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 2. Выпуск 15. – С. 245

УДК 211

© Ю.В. Гаврилова
г. Чита, Россия
канд. филос. наук, доцент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет
E-mail: Julia.voitsuk@yandex.ru

Социальные изменения как фактор синкретизма религий¹

Аннотация. Синкретизм сопровождает эволюцию религий на протяжении всей многовековой истории их существования. Зарождение религий, их гибель, либо трансформации во многом объясняются синкретизмом. Под синкретизмом религий в статье понимается объективный процесс слияния элементов различных религий и религиозных систем в целостную,

¹Статья публикуется при поддержке гранта совета по НИИДЗабГУ номер 228-ГР на тему «Человек в социокультурном пространстве Российской провинции (на примере Забайкальского края)»

единую, активно функционирующую культовую систему. Отмечая ведущую роль синкретизма в процессах эволюции религий, необходимо исследовать особенности синкретизма, закономерности его возникновения и протекания. Это возможно в ходе изучения факторов и причин синкретизации религий. В системе факторов синкретизма религий особое место принадлежит социокультурным факторам, среди которых важнейшим являются социальные изменения. Для определенного исторического периода характерно наличие своеобразного спектра социальных отношений, которые находятся в постоянной динамике и накладывают отпечаток на формирование особого рода религиозных идей, учений, ритуалов, лежащих в основе различных форм и видов религий. Однако синкретизм религий не только зависит от социальных условий, он также способен приводить к возникновению некоторых социальных практик и влиять на их изменение. Поэтому участие индивидов в социальных практиках, формируемых синкретическими религиями, вызывает трансформации некоторых компонентов социальной реальности.

Ключевые слова: синкретизм, религия, религиозное сознание, общество, социальные изменения, трансформация, факторы.

© Yu. V. Gavrilova

Chita, Russia

Candidate of Philosophy, Assistant Professor

Zabaikalsk State University

Social Changes as a Factor of Religious Syncretism

Abstract. Syncretism accompanies evolution of religions throughout the long history of their existence. The origin of religions, their decline, or transformations is largely explained by syncretism. By the syncretism of religions, the paper refers to the objective process of merging the elements of various religions and religious systems into an integral, unified, actively functioning cult system. Noting the leading role of syncretism in the processes of the evolution of religions, it is necessary to investigate the features of syncretism, the laws of its origin and flow. This is possible in the course of studying the factors and causes of syncretization of religions. In the system of factors of religious syncretism, a special place belongs to socio-cultural factors, among which the most important are social changes. A certain historical period is characterized by the existence of a peculiar range of social relations, which are in constant dynamics, imprint on the formation of a special kind of religious ideas, teachings, rituals, which underlie different forms and types of religions. However, the syncretism of religions does not only depend on social conditions, it is also capable of leading to and influencing the change of certain social practices. Therefore, participation of individuals in social practices formed by syncretic religions causes transformation of certain components of social reality.

Keywords: Syncretism, religion, religious consciousness, society, social changes, transformation, factors.

Религии, возникнув сотни веков назад, не утратили своего значения и на современном этапе развития социума. Повсеместное распространение религий и столь прочные позиции, которые они занимают в сознании индивидов во многом обусловлены их непрерывной динамикой и синкретизмом. Специфика синкретизма религий характеризуется их включенностью в общественно-историческое развитие, предполагающее наличие непрерывных социальных изменений. Так известный исследователь религий Востока Л.С. Васильев, отмечая роль социальных изменений для синкретизма религий, писал: «Изменяющиеся условия бытия оказывают корректирующее влияние на формы и методы религиозной активности, на сущность верований и культов, характер религиозных организаций» [2, с. 14]. Уровень социального развития и степень социальных изменений определяют интенсивность синкретизма религий и прочность их существования. Замедленные, либо ускоренные темпы общественного развития тех или иных регионов определяют различные формы религий. Так, например, религиозные представления народов Африки, Австралии, Севера России, демонстрируют крайне низкий уровень развития общественного бытия, поэтому для данных регионов характерны примитивные, «отсталые» религиозные верования. Таким образом, правомерно говорить о зависимости синкретизма религий, предполагающего определенные, зачастую радикальные, перемены в религиях, от изменений социальной реальности.

Социальные изменения, выступающие как исторически обусловленный «переход социальных явлений, элементов, структур, связей, из одного состояния в другое», сущность которого заключается в определенных «модификациях в структуре общества, сферах его жизни, образцах поведения и мышления составляющих его социальных групп и индивидов» - неотъемлемый элемент социального процесса [6, с. 970]. Социальные изменения, протекающие не только на микро-уровне, включающем отдельных индивидов, социальные группы и общности, но и на макро- и мезо-уровнях, объединяющих международные системы, нации, государства, социальные институты, зависят как от внешних по отношению к социальной системе, так и входящих в неё, внутренних составляющих. Таким образом, в различные периоды истории, социально-историческое бытие конструируется взаимодействием индивидов, одновременно обуславливая и организуя деятельность и сознание последних, начиная с возникновения форм «субъект - объектных» отношений, которые приводят к процессу объективации. Способность сознания к объективации, то есть превращения каких-либо наблюдаемых явлений и событий в мысленный объект, обдумывание и наделение смыслом объектов и явлений окружающей реальности делает возможным зарождение и эволюцию религиозного сознания, которое в ходе обще-

ственно-исторического развития подвергается определенным преобразованиям под влиянием динамики социальных условий, в свою очередь, оказывая модифицирующее воздействие на общественное бытие [5, с. 192].

Изменения социальных условий существования индивидов, так же как и их сознания, от которого неотделимо самосознание, обусловлены как «естественными» - природными, так и социальными факторами, «...всей предметной деятельностью общества, включая практическое общение людей друг с другом» [5, с. 177]. Социальная реальность, формируясь и находясь в состоянии постоянной динамики, является продуктом взаимодействия индивидов, а процесс развития их сознания обеспечивает прогресс в развитии самого общества. Также, религиозное сознание, выступая итогом религиозной деятельности, представляет совокупность веры, моральных норм, особого мировосприятия в соответствии с ритуалами, применяемыми той или иной религиозной организацией и выступает базовым элементом сложной структуры любой религии. Синкретизм, прежде всего, охватывает религиозное сознание, а в дальнейшем, через него распространяется на все другие элементы религий. В ходе исторического процесса содержание религиозного сознания меняется в зависимости от содержания знания, полученного в результате практической деятельности, формирующей общественное бытие присущее тому или иному уровню общественного развития.

Синкретизм религий представляется сложным противоречивым процессом, приводящим к тому, что те или иные религии в течение определенного периода времени зарождаются, эволюционируют, распространяются, исчезают, уступая место другим, подчас резко отличающимся по содержанию. Кроме того, те или иные религиозные верования, могут легко утвердиться в сознании индивидов занимающих определенную нишу социального развития и не иметь успеха у других, находящихся на ином этапе конструирования социальной реальности.

Синкретизм религий предполагает слияние различных религиозных доктрин, вероучений, заимствование, преемственность, преобразование составляющих как концептуального, так и обыденного компонентов религиозного сознания. Стоит отметить, что процессы видоизменения религий в той или иной степени затрагивают все их компоненты. Изменения протекают как на уровне религиозной идеологии, так и на уровне обыденных представлений верующих, включающих комплекс чувств, привычек, норм, ценностных установок, порождаемых, определенными социальными условиями. Видоизмененные «старые» и вновь возникшие «новые» религиозные концепции становятся таковыми и получают широкое распространение лишь при их соответствии представлениям, настроениям индивидов и условиям их бытия.

Обыденное религиозное сознание в конкретно-исторические периоды времени сосуществует и тесно переплетается с бытовыми, культурными, национальными и этническими особенностями и традициями того или иного народа, с господствующими в определенные исторические периоды, идеями и взглядами, выраженными в категориях морали, философии, права, политики, а также с ранее существовавшими религиозными концепциями. Таким образом, «для обыденного сознания характерен синкретизм, мозаичное соединение образов и представлений из различных религиозных систем» [1, с. 22].

Синкретизму обыденного религиозного сознания индивидов во многом способствуют социальная среда и специфические для данной исторической эпохи социальные условия, предполагающие наличие определенного уровня развития экономических, политических, культурных и других составляющих социальной системы. Кроме того, психологическая индивидуальность личности, на которую накладывается получаемая индивидом информация из различных источников функционирования социальной среды, приводит к тому, что в сознании верующего формируется собственный образ религии, отчасти уникальный.

Экономическая, политическая, культурная ситуация присущая тому или иному обществу, исторически изменяясь, сопровождается трансформацией отдельных религиозных установок и норм, способствующих процессу формирования всех структурных элементов религии, что в свою очередь приводит к упадку и отмиранию тех или иных религий, которые не отвечают потребностям конструирования, существования и нормального функционирования социальной реальности. Одновременно идет постепенный процесс новообразований в религиозном сознании, как на уровне религиозной идеологии, так и на уровне обыденного сознания. Причем трансформирование может осуществляться на собственной, присущей той или иной религии идейной основе и может быть привнесено извне в процессе как мирного, так и насильственного распространения религий и даже политических идеологий. Изменения религиозного сознания, а, следовательно, эволюция и синкретизм религий, практически всегда совпадали с коренными изменениями социальной реальности и во многом зависели от данных изменений. Так, первые религиозные верования, характерные для первобытно-общинной эпохи - фе-

тишизм, тотемизм, анимизм - как известно, представляли собой процесс отражения раннеродового бытия человека, а их развитие тесно связанное и обусловленное эволюцией мышления, всегда зависело от форм общественно-исторической деятельности индивидов, связанной с удовлетворением своих потребностей.

Трансформационные процессы в религиях, могут выступать стимулятором социальных изменений, оказывая определенное влияние на становление тех или иных социальных отношений. Причем, религиозная доктринальность, способная повлиять на изменение окружающей индивида социальной реальности, должна быть полностью или частично, основана и переплетена с существующими и активно функционирующими политическими, экономическими, духовными установками и достаточно прочно укоренившимися в обществе обыденными представлениями и переживаниями индивидов. В противном случае она будет обречена на гибель, так и не встретив поддержки среди её потенциальных сторонников. «История свидетельствует, что старые традиционные воззрения всегда привлекаются для обоснования новой системы мировоззрения» [4, с. 51].

Наиболее отчетливо взаимовлияние религиозного сознания и общественного бытия проявилось в период становления капиталистического строя в странах Западной Европы.

Протестантизм, выступая обновленной формой религиозного сознания, христианского толка, носивший достаточно яркую антифеодальную, антикатолическую направленность сопровождал раннебуржуазные революции в качестве идейных основ деятельности наиболее прогрессивных общественных слоев периода генезиса капитализма. Основные требования буржуазии - разрушение средневекового цехового строя, развитие частной инициативы и предпринимательства, бережливость и многие другие были выражены в виде религиозных принципов и доктрин, основанных на спасении личной верой.

Следует подчеркнуть, что протестантизм не был единым, целостным учением, принимая своеобразные формы в различных странах. Хорошим примером двуединого процесса воздействия религии на общество и изменения самой религии под воздействием социальных факторов, является Англия периода генезиса капитализма, в которой обновленное религиозное сознание приняло форму протестантизма пуританского толка.

Известный социолог Макс Вебер, изучавший влияние религии на экономическую и социальную сферу в разных культурах, в частности, вклад протестантизма в развитие стран Запада, отмечает: «Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного, рационального с экономической точки зрения образа жизни <..> Пуританизм стоял у колыбели современного «экономического человека» [3, с. 202]. Провозглашение английскими протестантами принципа рационального использования богатства, на достижение практических, полезных человеку и обществу целей и одновременное осуждение роскоши характерной королевским дворам феодальной эпохи способствовало формированию и активному распространению особого мировоззрения «...которое мы здесь определили как «дух» капитализма» [3, с. 201]. Причем данное мироощущение, столь прочно укоренившееся в сознании индивидов, носило явно религиозную окраску. Стремление к богатству, трудолюбие, накопление материальных средств и удачное вложение последних в экономический сектор трактовалось как Божье благословение. Оправдание же социального и материального неравенства Божественной мудростью и Божественным провидением позволяло сохранять определенную стабильность в обществе и привлекала на сторону новой для Англии того периода времени религиозной идеологии, значительное число последователей. Новое религиозное сознание, в условиях падения монополистической промышленности Англии, находящейся под покровительством официальной католической идеологии, способствовало развитию новых отраслей английской промышленности, основанной на рациональном предпринимательстве протестантов. Одновременно формировавшиеся новые социально-экономические отношения, порождали, отличные от предшествующего исторического периода, потребности индивидов, социальных групп и общества в целом. Возникают новые виды экономической, политической, духовной деятельности, на основе которых появляются специфические для данной эпохи, идеалы, убеждения, представления, эмоциональные переживания и чувства индивидов, основанные на религиозной вере и новой догматической структуре, что характеризует процесс трансформации религиозного сознания в период изменения социального бытия - генезиса, а в дальнейшем и успешного развития капитализма.

Однако, исследуя религию в качестве фактора, способствующего социальному прогрессу, стоит отметить её консервативность, приводящую к тому, что изменение религиозных представлений не всегда происходит параллельно с эволюцией общественного бытия. Изменение последнего не всегда приводит к коренным трансформациям религиозного сознания, поэтому взаимодействие данных процессов не должно определяться как механическое. Формирование нового религиозного сознания возможно лишь на основе существовавших ранее религиозных представлений и норм, что часто, приво-

дит к достаточно устойчивому сохранению тех или иных, зачастую не отвечающих требованиям времени, уровню и характеру современного сознания, религиозных традиций, канонов, основ вероучений и других не менее значимых составляющих религии. Это является серьезным препятствием на пути к изменениям и модернизации социальной реальности, что позволяет трактовать религии, в частности стран Востока, в качестве барьера на пути общественного прогресса.

Исследование синкретизма религий невозможно без анализа религиозного сознания, эволюции религий, в ходе которой протекают процессы трансформации, приводящие к отмиранию отдельных компонентов религиозного сознания, утрате возможности его функционирования в конкретных общественно-исторических условиях и возникновению новых его форм.

Возникнув на заре человечества и складываясь веками на основе отражения в мышлении людей реальных объективных процессов в природе и обществе, религии выступают одной из сфер духовной жизни общества, групп, индивидов и являют собой способ практически духовного освоения мира, функционируя как продукт взаимодействия человека с действительностью. Синкретизм религий возникает, действует и развивается в процессе деятельности индивидов. Таким образом, общий механизм синкретизма религий построен на диалектическом единстве человеческого вклада в конструирование социальной реальности и воздействия данной реальности на общественное сознание, одной из форм которого выступает религия.

Литература

1. Борунков Ю.Ф. Структура религиозного сознания. М.: Мысль, 1971. – 176 с.
2. Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М.: Высш. шк., 1983. – 368 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 805 с.
4. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. – 208 с.
5. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М.: Мысль, 1973. – 527 с.
6. Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. - Мн.: Книжный Дом, 2003. –1312 с.

УДК 316.73

© Е. Н. Струк
г. Иркутск, Россия
д-р филос. наук, доцент,
зав. кафедрой социологии и социальной работы
Иркутский национальный исследовательский технический университет

Пределные состояния культурных систем в современном мире

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации, сложившейся в культуре современного общества. Автор отмечает, что сегодня наблюдается не только очередной кризис социокультурной системы, но и возникает феномен социально-культурного предела, в котором выражается культурный разрыв в представлениях о жизни общества в эпоху коренных социальных трансформаций и социальных изменений. В рамках социально-философского подхода, социально-культурные пределы определены как проявление необходимости перехода к принципиально иной социокультурной системе. При этом социально-культурные пределы ведут к сущностным изменениям в духовном мире, менталитете, психике, системе ценностей, во всем поле экзистенции человека и общества. В представленной работе выделены и описаны следующие виды социально-культурных пределов: целевые, деятельностные, символические и коммуникативные. В концептуальном плане социально-культурные пределы проявляются в виде ценностно-целевых пределов общества. Отсутствие цели как смысла, фиксируется в деятельностных социально-культурных пределах. Нормативные системы часто натываются на коммуникативные пределы — пределы взаимодействия, которые коррелируются с распадом символических систем, где символы могут иметь разное значение или интерпретироваться неоднозначно разными группами. При этом отмечено, что социально-культурные пределы имеют двойственную, амбивалентную природу. Они разрушительны и в то же время конструктивны, созидательны, так как инициируют процесс самодостраивания социальных систем.

Ключевые слова: культура, социально-культурные пределы, идея общества, ценностно-целевые пределы общества, деятельностные социально-культурные пределы, коммуникативные пределы, символические социально-культурные пределы, проект, коммуникационный разрыв, символ.

© E.N. Struk
Irkutsk, Russia
Doctor of Philosophy, Assistant Professor
Head of Department of Sociology and Social Work
Irkutsk National Research Technical University

Limit of Fcultural Systems in the Modern World

Abstract. The paper analyses the situation that exists in the culture of the modern society. The paper notes that today there is not only a crisis of the socio-cultural system, but there is a phenomenon of socio-cultural limit in expressing the cultural gap in views about society in the era of radical social transformations and social change. In the socio-philosophical approach, socio-cultural limits are defined as a manifestation of the need to move to a fundamentally different socio-cultural system. While the socio-cultural limits lead to essential changes in the spiritual world, mentality, mentality, system of values, in all fields of human existence and society. The paper identifies and describes the following types of socio-cultural boundaries: targeted, activity-related, symbolic, and communicative. From a conceptual perspective, the socio-cultural limits appear in the form of value-target limits of society. The lack of purpose is manifested in activity-related socio-cultural limits. Regulatory systems are often encountered on the communicative limits — interference limits that correlate with the collapse of a symbolic system, where symbols can have different meanings or be interpreted differently by groups. Thus, it is noted that the socio-cultural limits have a dual, ambivalent nature. They are destructive and at the same time, constructive and creative so as to initiate the process of self-adjustment of social systems.

Keywords: culture, socio-cultural limits, idea of a society, value-oriented margins of society, activity-related socio-cultural limits, communicative limits, symbolic, socio-cultural limits, project, communication gap, symbol.

Наблюдая и анализируя происходящие в современном мире изменения в ценностно-нормативной системе общества нетрудно заметить, что происходит замена христианских общечеловеческих ценностей ценностями иного порядка (ценностями выживания отдельного индивида или отдельной группы, а не общества как коллективной составляющей, основанной на солидарности и коммунитарности), происходит распад социального, как целостности.. Возникает феномен социально-культурного предела, в котором выражается культурный разрыв в представлениях о жизни общества в эпоху коренных социальных трансформаций и социальных изменений. В рамках интегрального подхода социально-культурные пределы есть проявление полноты (избыточности) смысла культуры и социальной необходимости перехода к принципиально иной социокультурной системе, обусловленной ростом количественных изменений в наличной социокультурной системе. Мы можем выделить следующие социально-культурные пределы: целевые социально-культурные пределы, деятельностные социально-культурные пределы, символические социально-культурные пределы, коммуникативные социально-культурные пределы.

Высшим уровнем социально-культурных пределов является предел, связанный с концептуальным проектом, в котором реализуется воля общества к самосохранению и самоутверждению. «Большинство из нас не ищет новостей и перемен. Нам нужна ориентированность на будущее, ясность в запутанном мире» [1, с. 26].

В концептуальном плане социально-культурные пределы проявляются в виде ценностно-целевых пределов общества и отдельных личностей, суть которых состоит в том, что эти ценности и цели (идеи) не должны подвергаться сомнению, а тем более как-то изменяться. Без цели существовать невозможно, так как если «нет цели, нет ответа на вопрос — «почему?»» (Ф. Ницше). Как правило, цель общества оформляется в виде набора догм или некоторых метафизических принципов, в религии или идеологии. Изменение этих принципов ведет к коренным социальным трансформациям, возникает феномен «культурной травмы»: «Вероятно, в природе человека есть что-то тяготящее к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемуся. Этим удовлетворяется наше стремление к экзистенциальной безопасности. Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире» [2, с. 9—10]. Отсутствие цели как смысла, фиксируется в деятельностных социально-культурных пределах, где обнаруживается факт обречённости индивида в его тотальной ограниченности. Тотальная ограниченность не определяется внешними условиями жизни, а выступает как принципиально неустранимая глубинная определенность бытия самого человека. При этом существование человека выступает как собственный предел, вечный переход от себя к себе, собственная цель и смысл, изнутри изничтожающим человеческое естество. При этом предел бесформенный, вязкий, текучий, неуловимый переход, «гнусная противоречивость» («тошнота», в трактовке Ж.-П. Сартра).

Ситуация предела — это ситуация безысходности и пораженчества, т.е. отсутствия каких-либо положительных перспектив и немыслимость выхода. «Поражение выявляет статус индивида или общности в утрате (дома, отечества, имени, смысла, роли, значения, влияния); лишения (жизни, власти, собственности, прав, наград, почестей); умаления и принижения (достоинства личности, ценностей, идеалов, целей, статуса), приводящими к вынужденному или добровольному отказу от определенных прав существования в единстве с полномочиями и социальными обязанностями» [3, с. 93]. Утрата без надежды на восстановление часто приводит человека к осознанию своего ничтожества, пустоты всякого будущего. Ситуация предела это такое радикальное положение человека в бытии, которое, во-

первых, оказывается чрезвычайным, исключительным по своему экзистенциальному напряжению и, во-вторых, определяется негативно как невозможность какого-либо утвердительного основания и удобного решения. Экзистенциальное пространство предела оказывается чисто субъективным, где объективный мир «вынесен за скобки» (Э. Гуссерль).

Попытка снять «радикальное положение человека в бытии» через осмысления предела положена в понятии проект (от лат. *project* — выброшенный вперед) Ж.-П. Сартра. При этом предел в виде проекта все же не снимает экзистенциального напряжения, а резонирует его и многократно усиливает, так как в нем скрыта сущность предельного существования, а достижение предела немислимо без движения ему навстречу. Движение к самому себе обусловлено неполнотой существования «здесь» и «сейчас», ущербностью мимолетного настоящего, в котором дальний предел всегда останется впереди. Следовательно, проект — это виртуальный предел, который недостижим, хотя и положен. Таким образом, какие бы выходы за пределы не предлагали те или иные философы, они всегда выходят на сам предел.

Против взгляда на «социальных актёров, как марионеток» выступает структурный конструктивизм П. Бурдьё. «Действие — это не просто выполнение правила, подчинение правилу. Социальные агенты в архаических обществах, как и в наших, не являются больше автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им не ведомы» [4, с. 21].

Вся жизнь человека упорядочена рутинными правилами. Эти правила основаны как на собственном прошлом опыте, так и на опыте, приобретённом у других людей. Прошлый опыт превращается в запас знания в виде опорной схемы для дальнейшего истолкования мира. Вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия составляет социальную структуру. Важнейшими структурными переменными являются позиция, роль и статус, благодаря которым происходит институциональное упорядочение отношений деятелей в социальной системе [5, с. 260]. П. Бурдьё считает, что в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта лежат структуры габитуса, т.е. ментальные, когнитивные структуры. Эти структуры имеют социальный генезис, поэтому продукты габитуса всегда лимитированы историческими и социальными условиями его собственного формирования. Свобода, даваемая габитусом, обусловлена и условна, эстетический выбор зависит во многом от нашего социального происхождения, нормы которого сидят в нас очень глубоко, а также от места, которое мы занимаем в социальной иерархии.

Наши сформированные нормы часто натываются и на коммуникативные пределы — пределы взаимодействия, которые замечательно «выхвачены» Ж. Батаем. Все феномены социальной жизни он переводит в логику коммуникативного акта, в котором основной проблемой становится осознание границы коммуникативной сопричастности, признание и уважение границ даже представителей негативного «сообщества тех, кто не имеет ничего общего», «сообщества тех, кто лишен сообщества». Такое сообщество живет в режиме траты, траты абсолютной, бессмысленной, разрушающей систему. Оно абсолютно противоположно и противостоит традиционному («естественному») обществу, основанному на экономике накопления и экспансии ресурсов. Мотив траты наиболее четко и полно воплощается в фигурах маргиналов и социальных отщепенцев, избегающих участия в общественном производстве. Эти презируемые, изгоняемые обществом на периферию люди, составляющие своего рода «сообщество на окраинах общества», единственные кто сопротивляются однородности общества, а, следовательно, и его превращению в однородный производящий механизм. Ж. Батай пишет о современном обществе как обществе «колоссальной подделки, когда истина его богатства исподтишка перешла к нищете. Подлинная роскошь... нашего времени принадлежат нищему, остаются за тем, кто лежит на Земле и всем пренебрегает» [6, с. 69]. Языки «естественного сообщества» и «негативного сообщества» настолько различны, что порождают коммуникационный разрыв, который препятствует коммуникативным взаимодействиям. В этих условиях рождается сообщество тех, кто лишён языка — языковое отребье — чья речь не совпадает с «аппаратом власти», находится с ним в разладе, и потому «неприемлема». Это своего рода дискурсивное гетто, не объединённое общим пространством. Члены дискурсивного гетто вынуждены молчать, поскольку не владеют языком власти. Всё что приходится на долю безмолвного сообщества-гетто — это унижение и несправедливость — о нём невозможно сказать, поскольку политическое пространство речи уже давно непроницаемо. О безмолвной жизни «бесславных людей», жизни, не имеющей никакого значения, писал Мишель Фуко. Практические исследования жизни таких членов общества были проведены в начале XXI века в Бурятии под руководством философа И. И. Осинского. В исследовании отмечается, что «деятельность бездомных в целом непроизводительна. Они не создают ни материальных, ни духовных ценностей. Существуют и могут существовать благодаря производительной деятельности других людей» [7, с. 57]. Эти люди составляют сообщество тех, чьи гражданские права оказались полностью девальвиро-

ваны (национальные меньшинства, беженцы, бездомные, люди без гражданства, перемещенные лица и т.п.). Но также это «меньшинства» в самом широком смысле слова, не описываемые в рамках существующего политического языка, но образующие сообщества, несущие в самих себе язык собственного описания, который никто не слышит. Данные сообщества — это сообщества борьбы, поскольку сам способ их существования противоречит господствующим практикам интерпретации социальной реальности.

Коммуникативный разрыв и порожденные им феномены маргинализации и отчуждения проявляются также и в символическом социально-культурном пределе. Разрушение символической жизни, символического контекста ведут к гибели традиций общества. Такая гибель происходит благодаря влиянию извне, но всегда в самой культуре. «Секс, наркотики, рок-н-ролл», кока-кола, жвачка и джинсы изменили мир не меньше, чем компьютеры и атомная бомба. Поэтому и сам символ можно понимать как средство процесса предела, в котором он характеризует переоценку старых ценностей и формирование новых, т.е. сам процесс развития и изменения культуры. Символ выступает как начальный этап формирования новых ценностей. «Поэтому именно символика становится единственным средством проникновения в те сложные и неоднозначные процессы переоценки старых и формирования новых ценностей и смыслов, которые всегда характеризуют процесс развития культуры (особенно в периоды переходности)» [8, с. 23]. Несмотря на потенцию изменений, находящуюся в символе, он является и механизмом памяти культуры, транслируя различные семиотические образования (тексты, сюжетные схемы) из одного пласта культуры в другой. Благодаря феномену двойственности символ не даёт культуре распасться на изолированные временные пласты. Двойственность и переходность — суть феномена предела, а символ — его отражение. Именно поэтому изучение особенностей проявления символического в культуре доминирует в исследованиях культурологов, философов и социологов культуры XX—XXI вв.

Символические изменения и пределы происходят под влиянием новых средств аккумуляции, закрепления, передачи и потребления символов, в первую очередь в языке. «Гибель всякой данной культуры осуществляется, насколько это можно понять, всегда одним и тем же путем — путём изоляции элементов культуры, то есть когда ушёл символизм в результате изменившихся условий жизни, то язык, как изолированный элемент культуры, был тем самым уже обречён» [9, с. 191—192]. «Обречёнными» могут стать и символы из так называемого «пантеона богов» — пантеона героев, которые символизируют идеал человека конкретного общества.

Любое общество, находящееся в состоянии порядка, имеет чёткую символическую систему, и только в эпоху социального предела она распадается на множество символических систем. Каждый человек становится «животным, создающим символы» (Э. Кассирер). В итоге символы являются не только «носителями» и средствами коммуникации «значений», но и превращаются в «органы реальности», так как только благодаря их действию любая реальность становится объектом интеллектуального познания и как таковая делается видимой для нас. Так, в современных условиях построением символической ценностной системы занимается не столько государство и общество (в лице социальных институтов, литературы и т.д.), сколько реклама. При этом она формирует не устойчивую символическую систему, а фрагментарно-мозаичную, где символы могут иметь разное значение или интерпретироваться неоднозначно разными группами (например, реклама пива).

Разрыв с прошлым привел к сдвигу в типе культуры современного общества, он настолько индивидуализирован, что отсутствует понятие целостной культуры. Но при этом исчезает и целостная личность. Недаром одной из серьезных проблем стал поиск самотождественного индивида, который свидетельствует о кризисе идентичности современного человека. Постмодернистский «расщеплённый субъект» вынужденно рефлексивен, он сам творит культуру в отсутствии заданных образцов. Вся его жизнь превращается в создание и преодоление ограничений и пределов, в непрерывный поиск новых культурных моделей и образцов для восстановления утраченной целостности.

Социально-культурные пределы имеют двойственную, амбивалентную природу. Они разрушительны (сложные системы в развитых состояниях могут быть чувствительными к малым хаотическим изменениям на микроуровне). И в то же время пределы конструктивны, созидательны. Именно они необходимы для того, чтобы система вышла на заданную траекторию, на иной режим развития, они способны инициировать процесс самодостраивания.

Литература

1. Нейсбит Д. Старт! Или Настраиваемый ум!: Перестрой мышление и загляни в будущее / Д. Нейсбит. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 286 с.

2. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
3. Липовая Л. П. Победа и поражение: экзистенциально-онтологический анализ: автореф. дис.... д-ра философ наук. 09.00.13 / Л. П. Липовая. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т., 2003. – 195 с.
4. Бурдые П. Начала. Choses dites / П. Бурдые; пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
5. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. М.: Логос, 2000. – 432 с.
6. Батай Ж. Проклятая доля / Ж. Батай; пер с фр. Б. Скуратова. М.: Изд-во Гнозис, Изд-во Логос, 2003. – 208 с.
7. Осинский И. И. Бездомные — социальное дно общества / И. И. Осинский, И. М. Хабаева, И. Б. Балдаева // Социс. 2003. № 1. С. 53—58.
8. Фадеева И. Е. Теория и культурно-историческая феноменология символа: дис. ... д-ра культурологических наук : 24.00.01 / И. Е. Фадеева. СПб., 2004. – 413 с.
9. Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке [Электронный ресурс] / А. М. Пятигорский, М. К. Мамардашвили. М.: Эзотерика.ру. Библиотека эзотерической литературы. — Режим доступа: <http://www.ezoterika.ru/index.php>.

УДК 2-67 (470)

© К.А. Багаева
Улан-Удэ, Россия
канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии
Бурятский государственный университет
e-mail: ksyusha.81@mail.ru

К вопросу о взаимодействии государства и нетрадиционных религиозных организаций в России

Аннотация. В статье рассматриваются особенности религиозной ситуации в постсоветской России, которая обусловлена наличием нетрадиционных религиозных организаций. Дается определение нетрадиционным религиям. Рассматриваются причины и факторы возникновения нетрадиционных религий. Отношения между государством и нетрадиционными религиями объясняются в рамках двух этапов. Автор отмечает, что в государственной политике существует тенденция к искоренению нетрадиционных религий. Данный факт объясняется тем, что государство ведет выборочную политику взаимодействия с нетрадиционными религиозными организациями. Это связано с тем, что некоторые нетрадиционные религии имеют противоборствующий, а зачастую и деструктивный характер по отношению к официальному мировоззрению. Несмотря на провозглашенную свободу совести и вероисповедания, что предполагает равенство всех конфессий на территории России. Следует указать, что фактически существует ступенчатое расположение религий, в которой нетрадиционные религии занимают одну из нижних позиций. Автор отмечает, что на конфессиональную политику сильно влияние РПЦ, которая, в свою очередь, является в некотором роде, проводником идей государства. По существу, сложившаяся ситуация сигнализирует об отсутствии внятной государственно-религиозной концепции.

Ключевые слова: государство, общество, отношение, религия, нетрадиционные религиозная организация, секта, конфессия.

© K.A. Bagaeva
Ulan-Ude, Russia
Candidate of Philosophy, Senior Lecturer
Department of Philosophy
Buryat State University

To the Question on the Interaction of the State and Non-traditional Religious Organizations in Russia

Abstract. The paper considers the peculiarities of the religious situation in post-Soviet Russia, which is due to the presence of nontraditional religious organizations. The paper offers a definition of non-traditional religions. It discusses the causes and factors of non-traditional religions. The relationship between the state and non-traditional religions are explained in two phases. The author notes that there is a tendency to eradicate non-traditional religions in public policy. This fact is explained by the fact that the government has a selective policy of engagement with non-traditional religious organizations. This is due to the fact that some non-traditional religions have a contradictory and often destructive character in relation to the official ideology. That is despite the proclaimed freedom of conscience and religion, which implies the equality of all confessions in Russia. It should be noted that there is actually religious hierarchy in which non-traditional religions are on the lower positions. The author points out the strong influence of the Russian Orthodox Church the confessional policy. The Church, in turn, is in some way an agent of the state. Essentially, the current situation signals the lack of a coherent state religious concept.

Keywords: state, society, relationship, religion, non-traditional religious organization, sect, confession.

Одной из черт религиозной ситуации России является широкое распространение нетрадиционных религий, что стало закономерным результатом процессов секуляризации и глобализации, также связывается с началом «перестройки». Распространение нетрадиционных конфессий объясняется еще и изменением правовой базы, гарантировавшей свободу совести, кроме того, поток иностранных миссионеров, создававших новые церкви. На наш взгляд, можно сюда прибавить и намерение политической элиты копировать и создать на национальной основе западную культурную модель, что подго-

товило почву для роста нетрадиционных религий иностранного и отечественного происхождения. Следует отметить, нетрадиционные религии на территории России были представлены всегда, даже если вспомним XVII- XIX века, то это секта хлыстов, или христоверов, секта скопцов, духоборчество - и это все только христианское сектантство [1, с. 235-240].

Собственно, нетрадиционные религии, представляют собой, как пишет известный исследователь нетрадиционных религий Е. Балагушкин: «типологическое явление иной религиозности, радикально отличающейся от традиционной для данного общества в рассматриваемый исторический период. Для них характерна интенсификация социальных функций религии, а часто и пропаганда новых социально-религиозных утопий обновленческой, оппозиционной либо альтернативной направленности, разработанных на основе радикально измененных (обычно нетрадиционных) вероучений» [2, с. 17]. В аспекте того, что нетрадиционные религии – это утопии, на наш взгляд, несколько категорично, поскольку тогда все религии нужно называть утопиями, но это невозможно, поскольку нельзя отрицать деятельность любых религий здесь и сейчас, также как и нетрадиционных. Они выполняют функцию социализации, приобщения и коммуникации в данный момент. Допустим, православно ориентированный сектовед А.Л. Дворкин утверждает, что нетрадиционные религии – это с необходимостью тоталитарные секты, имеющие деструктивный характер, они манипулируют людьми для достижения своих целей [3, с. 145]. Вместе с тем его определение не всегда можно применить к нетрадиционным религиям, потому как не все имеют цель разрушить личность человека.

Поэтому мы считаем, что нетрадиционные религии это некое религиозное образование, имеющее совершенно новый тип религиозности, по сравнению с традиционными религиями, существовавшими на данной территории определенное время. В основном они либо трансформируют религию, либо противопоставляют себя ей, возможно даже модернизируют в соответствии с социокультурной ситуацией забытые культы. Ведь в советский период религиозная деятельность строго контролировалась, поэтому любая попытка внедрения нового, зарубежного строго пресекалась. Конечно, можно отметить возникновение после «хрущевской оттепели» в ситуации неблагоприятной духовной обстановке восточных культов и их последователей в лице рериховского движения, индуизма, йоги, буддизма. Возможно деятельность этих религиозных обществ прошла незаметной для широкой общественности в связи с малым количеством членов.

Итак, с началом перестройки в России активизируют свою деятельность такие нетрадиционные религии: протестантского толка, Церковь Объединения, Церковь сайентологии, неоориенталистские культы, Аум Синрике, Белое Братство, Церковь последнего завета (Виссариона) и другие. Также по причине процессов, происходящих внутри самого православия, его слабости в то время выделяются такие направления как Российская православная свободная церковь (РПАЦ), Истинно-православная церковь (ИПЦ). Можно отметить и возрождение славянского язычества.

Таким образом, мы видим, что нетрадиционных религий в российском государстве достаточное количество, которые в отличие от представленных на Западе, могут существовать довольно долго. Там нетрадиционные религии модернизируются с течением времени, либо вообще исчезают, здесь же они, наоборот, отделяются от общества совсем и функционируют тайно [4]. Поэтому возникает сложность в выстраивании с ними правовых отношений, поскольку они могут быть даже юридически не оформлены. Тем не менее, многие из этих организаций выражают свое несогласие с разными вопросами. В виду этого, государственно-религиозные отношения с этими религиями складываются особым образом.

Отношения между государством и нетрадиционными религиозными движениями можно представить в виде двух этапов. Относительно первого периода российский социолог религии С. Филатов пишет, что « В первые годы после падения коммунизма (1988-1992 гг.) в общественном мнении России произошла реабилитация религии без всяких вероисповедных различий. Одновременно с всеобщими восторгами по поводу торжественного официального празднования 1000-летия Крещения Руси и начавшимся массовым открытием церквей наблюдался взрыв интереса и симпатий к католицизму и протестантизму (западные миссионеры никогда больше не вызывали такого интереса и таких симпатий), буддизму и индуизму. Почти все вновь возникшие церкви, деноминации, «культы» и «новые религиозные движения» (как иностранного происхождения, так и родившиеся в России), существующие сейчас в России, появились в это время безбрежного интереса и симпатий к религии» [4].

И именно тогда государство было отстранено от этих организаций, что и позволило им так распространиться и завладеть умами и душами россиян. Поэтому нетрадиционные религии оказывали влияние на межкультурное взаимодействие и на изменение социокультурного фона. Поскольку существовал религиозный плюрализм, то отношения в религиозной сфере, как и во всем государстве, строились на рыночных отношениях, то есть конкуренции. Позднее с середины 90-х годов интерес к

новым религиям не то чтобы угас, но внимание переключилось на традиционные религии. Такой поворот связан, прежде всего, со сближением государства и православия. Возникает некое сопротивление и неприятие нетрадиционных религий со стороны общества и государства.

Переломным, на наш взгляд, для отношений государства и нетрадиционных религий стал 1997 г., когда был принят новый закон «О свободе совести и религиозных организациях». Этот закон по существу разделил религии на традиционные, о которых сказано так: «признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры; уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Соответственно, существуют и нетрадиционные, хотя такое понимание, что есть традиционные конфессии и иные наличествует в массовом сознании, поэтому государству оставалось только поддерживать это клише.

Второй период ознаменован указом Президента РФ «О концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 10.01.2000г. [5], который стал основанием для контроля за деятельностью нетрадиционных религий. Начинается вытеснение и давление, как со стороны государства, так и со стороны РПЦ, для которой необходимо было устранение конкурента. Поэтому массированная атака православия на нетрадиционные религии вылилась в оценку их как деструктивных или тоталитарных культов. Хотя не все нетрадиционные религии следует причислять к таковым. Государство со своей стороны, после проведения религиоведческой экспертизы, в состав которой, в основном входили проправославные сектоведы, отказывало в регистрации недавно образованных религиозных организаций [6]. Более того, можно утверждать, что складывается практика государства по искоренению нетрадиционных религий при помощи традиционных религий.

Такое положение вещей привело к тому, что можно констатировать возникновение противостояния со стороны нетрадиционных религий, ибо преследования так или иначе приводят к убеждению об их неравноправии. Ведь сравнивая начало 90-х годов, можно отметить, что тот либеральный закон о свободе совести давал возможность справедливой конкуренции и защищенности законом. Тогда как 2000 годы стали примером антисектантской пропаганды со стороны общественности, Русской Православной Церкви.

Соответственно, ясно, что взаимодействие государства и нетрадиционных объединений в России неоднозначно. Государство, выделив часть тех религий, которые имеют право на существование, и тех, которые не имеют, проводит политику либо разрешения, либо противодействия.

Интересен факт, что в 1998 г. был создан Межрелигиозный Совет при инициативной поддержке митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла и глав ислама, буддизма и иудаизма. Этот Совет по существу – единственная структура, созданная не без помощи государства, и функционирующая на территории страны с кем взаимодействует РПЦ, потому как связи с остальными христианскими организациями сократились

Конечно, не следует отрицать факт того, что для большей части нетрадиционных религий характерно сопротивление официальному мировоззрению, ведь как указывает Е.Балагушкин - исследователь нетрадиционных религий в своей работе «Проблемы морфологического анализа религий»: «в первоначальный период с их стороны наблюдалось резкое негативное отношение к традиционным церковным и светским институтам» [7. с.128]. Естественно, что провозглашаемая ими исключительность и изоляционизм порождают неприятие посторонних. Но тут вопрос еще и в том, что эти религии имеют особенность эволюционировать и приспосабливаться к социокультурной ситуации, становятся частью общества, что и происходило на Западе. Понятно, что в условиях российской государственности такое невозможно, также и берущий истоки в советском прошлом тотальный контроль и как выражается Филатов С. «западные миссионеры, и лидеры аутентичных культов совершали одну и ту же ошибку» [6]. Эта ошибка в том, что за время советской власти «была не только разрушена организованная религиозная жизнь» [6], но и последующее затем возрождение религии всегда связано с культурным, национальным восстановлением. Вот почему, мы указывали ранее, рассматривая традиционные религии, именно они в русле национального самосознания стали мировоззренческой основой.

Итак, процесс социальной трансформации привел к увеличению числа религиозных организаций, направлений и росту религиозности общества.

Создание в 90-х годах правовой основы для религиозного плюрализма привело к обострению в межконфессиональной сфере. Возрастание роли религии в обществе используется не только религиозными деятелями, но и политиками, бизнес-элитами, что, в конечном итоге, приводит к политизации религии, с одной стороны, и клерикализации общества, с другой.

Отечественный опыт государственно-религиозных отношений, построенный на «симфонической» модели, показал свою несостоятельность применительно к православию, а тем более и другим кон-

фессиям. В современном мире в условиях глобализации большую жизнеспособность показывает американский вариант сепарационной модели государственно-религиозных отношений. Когда государство сотрудничает с теми религиозными организациями, которые имеют опыт такого сотрудничества, в основном, выбор падает на традиционные религии, однако есть и исключения, например, Свидетели Иеговы.

Нам кажется, что, начиная с 1988 по 1993 года, российское государство внедряет американский вариант сепарационной модели на советской почве. Что означало рост религиозной свободы при невмешательстве государства. Что на деле привело к росту количества религиозных организаций, в том числе нетрадиционных и увеличению общественного интереса к религии, и к использованию ее государством и властными элитами в прагматичных целях.

Начиная с 1993г. по 1997 года государство избавляется от негативных последствий религиозного плюрализма и религиозной свободы. Однако, несмотря на усилия и разного рода программы в это время не возникло ни одной концепции государственно-религиозных отношений, поскольку не было четкого понимания места и роли религии в общественном развитии.

По существу, заложенное в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» ступенчатое расположение религий сохраняется по сей день.

В самом низу государственно-религиозной пирамиды находятся религиозные образования, которые не могут быть зарегистрированы по разным причинам. Соответственно, их статус и роль в обществе не заметна. Затем расположились те организации, которые подтвердили 15-летний срок деятельности на территории РФ. К ним относят нетрадиционные религии. Более высокую степень по отношению к нетрадиционным занимают религии традиционные, т.е. ислам, буддизм, иудаизм. На самой вершине государство, как было исторически всегда заведено, расположило Русскую Православную Церковь.

Также хотелось бы отметить, что все-таки государственно-религиозные отношения это взаимный процесс, т.е. религиозные организации с необходимостью влияют на эти отношения. В особенности, сильно влияние РПЦ на указанные отношения, которая исторически признает только ислам и буддизм, с остальными как бы просто существует рядом. С одной стороны такая ситуация характеризует наличие религиозной свободы, вместе с тем показывает инертность государства, а попросту отсутствие адекватной государственно-религиозной концепции.

Литература

1. Религиоведение: Учебное пособие.- под ред. Шахнович М.М. – Санкт-Петербург: Питер, 2007.— 432с.
2. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в России: морфологический анализ. –Ч.1.Москва,1999. – 244с.
3. Дворкин А.Л. Введение в сектоведение. Н.Новгород,1998. – 237 с.
4. Филатов С. Современная Россия и секты // (Электронный ресурс) Режим доступа http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/rusgod/sekt/ (дата обращения: 02.08.2016)
5. <http://kremlin.ru/acts/bank/14927/page/1>
6. Филатов С. Парадоксы современной российской религиозности // (Электронный ресурс) Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/filatov/?library=1001> (дата обращения 02.08.2016)
7. Балагушкин Е.Г. Проблемы морфологического анализа религий. Москва,2003. – 218с.

УДК 304

© Б.Ц. Жамбаев
Улан-Удэ, Россия
канд. филос. наук, доцент
кафедры политологии, философии и истории,
Бурятский институт инфокоммуникаций
филиала Сибирского государственного университета
телекоммуникаций и информатики
e-mail: Bair1961@yandex.ru

Изучение структурно-динамического аспекта новых форм этнических общностей

Аннотация. Продвижение мирового сообщества по пути всё большей интеграции, исходя, главным образом из экономической целесообразности порождает тенденцию не столько разрушающую этнокультурное многообразие, а сколько расширяющую горизонты восприятия данного многообразия. Ведь самобытность всего этнического во многом определяется посредством ее сравнения, прежде всего, со сходными культурами.

По всей видимости, на уровне этнической ментальности наличествует имманентно присущее чувство единства разных этносов, проистекающее из единой расово – антропологической основы. Оно всегда сводится к изначально более внимательному изучению всё же одноликих культур с целью выявления, как общего, так и особенного. Здесь традиционно разграничительной линией становится языковая градация, с одной стороны, уклад жизни, обусловленный хозяйственной спе-

циализацией, ландшафтом и территориальной разобщенностью – с другой. Констатация же существующих этнокультурных различий в современном мозаичном мире отнюдь не способствует определению места этноса в нём.

Неизбежное взаимопроникновение культур в полиэтничном государстве сопровождается в значительной степени психологической ломкой одних в подавляющем окружении других, что является источником психологического неравенства. Здесь мы видим неизменный рост числа маргиналов, что рассматривается нами лишь как попытка аккультурации дезориентированных субъектов в определенной среде пребывания.

Ключевые слова: этничность, интеграция, самобытность, культура, развитие, структура, трансляция.

© B. Ts.Zhambaev
Ulan-Ude, Russia
Candidate of *Philosophy*, Associate Professor
Department of political science,
philosophy and history
Buryat Institute
Of Infocommunications branch
of Siberian state University of
Telecommunications and Informatics

Study of Structural and Dynamic Aspect of New Forms of Ethnic Communities

Abstract. The promotion of the world community towards greater integration that is based mainly on economic expediency leads to tendency that not so much destroys ethnic and cultural diversity, but widens the horizons of perception of diversity. After all, ethnic identity is largely determined by its comparison, primarily with similar cultures. Apparently, at the level of ethnic mentality, there is inherent sense of unity of different ethnic groups arising from a common racial-anthropological basis. It always comes down to initially a more careful study of still single-faceted cultures in order to identify both general and special features. Traditionally, on the one hand, a dividing line here becomes a linguistic gradation. On the other, it is the way of life due to economic specialization, landscape, and territorial disunity. A statement of existing ethnic and cultural differences in the contemporary mosaic world does not contribute to defining the place of ethnicity in it.

The inevitable interpenetration of cultures in the polyethnic state is accompanied by a largely psychological breaking of ones in the vast environment of others that is the source of psychological inequality. Here, we see a steady increase in the number of outcasts that the paper considers only as an attempt of acculturation of disoriented subjects in a particular environment.

Keywords: ethnicity, integration, identity, culture, development, structure, stream.

На наш взгляд, процесс глобализации даёт уникальный шанс исследовать возможные пути развития этнической интеграции посредством волевых усилий, прежде всего, самих носителей этнической культуры. В этом смысле, гораздо интереснее выявлять единые стереотипные основы поведения, связанные с психологией, а более уже с природой бессознательного, позволяющих выстраивать иного порядка этническую структуру, базисной основой которой может служить имманентное чувство единства, проистекающее как выше отмечено из расово-антропологической дифференциации. Не случайно, имея в виду проблему определения критериев социального прогресса, философы обращаются к самочувствию самого человека, в смысле его комфортности в среде пребывания.

Так, фундирующими факторами целостности этнических ареалов могут быть: этническая музыка, функционально-семантическое поле языковой системы, «иероглифическое мышление», одухотворение предметного мира. Причем данные факторы имеют ярко выраженное поведенческое проявление, формирующее, в том числе, природу этничности.

Общеизвестно, что музыка имеет коммуникативное назначение, порождающее единое эмоциональное побуждение, которое по своей сути связано со способностью восприятия определенной звуковой тональности пульсирующего мира. Можно полагать, что этническая музыка является следствием тонкого настроя внутреннего слуха на определенной волне абстракций. Данное своеобразие обуславливает собой и специфику проявления абстрактного мышления.

Известный исследователь культуры Китая академик В.М. Алексеев ввел понятие «мыслить иероглифически», утверждая, что «иероглифика – это картина, картина же усваивается иначе, чем разговор о ней» [1, с. 301]. Своеобразие данного типа мышления заключается в том, что в большей степени сохраняется его образное составляющее за счет единения в нём живописного и литературного языков. Именно в иероглифической письменности создается «совершенно недоступное иным письменностям и языкам, не зависимое от звучания речи психическое переживание» [2, с. 91].

Данное «психическое переживание» находит свой отклик во всех сферах общественной жизни и формирует собой ментальность «восточного человека», с последующим выходом в целом на восточную культуру. Наиболее содержательно-осмысленное оформление оно получает в системе религиозно-философских знаний. Следует подчеркнуть идею того, что особенное психическое переживание собой продуцирует нормативные ценности в архитектуре, этике, искусстве, в том числе в боевых видах восточного единоборства и т.д. Хотя генеральной идеей, как продукта психического пережива-

ния, всё же является особый стиль одухотворения предметного мира, где имеет место поиск гармонии между внутренним миром самого человека и природой как венца творения.

Что касается языка, то и здесь происходят существенные изменения, характеризующиеся изучением его функционального аспекта. Именно функционально-семантический подход к языку позволяет «рассматривать категорию побуждения как функционально-семантическое поле (ФСП), обладающее своим планом содержания и планом выражения. ФСП побудительности объединяет средства разных уровней языка, выполняющих одну функцию – побудить некоторое лицо к исполнению действия» [3, с. 6]. Есть все основания считать, что ФСП едино не только для родственных групп языков, но и для всего этнического ареала, который базируется, в том числе на расовых составляющих отличиях. Это допущение строится на основе природы этничности, когда отношения между людьми выстраиваются в определенной системе координат – похожие на нас и непохожие. Причем непохожесть становится источником конфликта между этносами, в том числе и на языковой основе. Хотя, общеизвестно, что «... непохожесть – это колоссальный капитал для развития страны, ведь в нынешнем веке главным богатством и залогом конкурентоспособности будут запасы пресной воды и культурное своеобразие» [4]. При этом именно расовое составляющее в природе этноса служит своеобразным барометром самочувствия человека в иноэтническом окружении. Значимость расового составляющего в этносе заключается и в том, что на этой основе у диаспоры может возникать даже двойное этническое самосознание.

С точки зрения внутреннего содержания природы этноса в полиэтничном государстве этнический процесс отображает лишь технологию осуществления власти, представляя собой совокупность относительно самостоятельных действий субъектов, структур и институтов, связанных различными целями и интересами. Другими словами, этнический процесс отображает политическую волю власти, с одной стороны, реальные взаимодействия индивидов, групп и институтов – с другой. Этот процесс сопровождается взаимоисключающими тенденциями - консолидацией и дивергенцией.

Можно полагать, что в этнически разнородном обществе последняя тенденция обусловлена природой информационной культуры, которая выступает как социальная память человечества, обеспечивающая связь прошлого, настоящего и будущего посредством языка, обычаев, традиций и главным образом единого происхождения. Следует отметить, что на современном этапе развития человечества складываются совершенно новые формы отношений, позволяющие преодолеть разного рода барьеры и вернуться к своим истокам. Речь идет о формировании виртуальных сообществ, в том числе этнических, в условиях информационной революции. Отдельный представитель этноса может находиться в значительном отдалении и в тоже время принимать активное участие в общественной жизни этнического ядра, то есть фактор интеграции пространственных характеристик этноса получает дополнительное измерение – интерсубъективное. Именно в данном контексте мы говорим о новых формах этнических общностей, имея в виду этническую структуру, интернализированную в знании, чувствах и оценках её членов.

Есть понимание того, что прямая трансляция некоей обобщенной культуры приводит лишь к некоторой пространственно-культурной дезориентации одних в силу локализации их сознания. И, в той же мере, есть обратного порядка понимание того, что культура не передается как некая установка, а есть следствие многовекового формирования образа мыслей, поступков и действий, характеризующих природу этноса как особенное проявление его внутренней и внешней жизни.

Литература

1. Алексеев В.М. В старом Китае. Москва: Изд-во вост. лит., 1958. – 312с.
2. Альбедиль М.Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. – СПб. Наука, 1991. —170 с.
3. Абаева Ю.Д. Интонация побуждения в монгольских языках и диалектах северо-восточного ареала Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2006. —168с.
4. Дроздов Д. 10 лет с народами России // Аргументы и факты. — №52, 2009.

Концепция длинных экономических волн Н. Д. Кондратьева и смена мировоззренческих парадигм

Аннотация. В статье рассматривается теория известного русского ученого Н.Д. Кондратьева, который вывел закономерность в смене подъемов и спадов экономического развития. Большой интерес вызывает тот факт, что ученый, говоря о волнообразном развитии, утверждает его системный характер, охватывающий экономику, социальную сферу жизни общества, культурное и духовное творчество. Автор статьи обращает внимание на то, как проходило движение волны в СССР накануне его распада и констатирует изменение мировоззрения социума в ситуации кризиса. Вызывает особый интерес тот факт, что современная волна, которую переживает сейчас Россия, не обладает такими ярко выраженными системными характеристиками, как предыдущие. Автор высказывает сомнение в том, что кризис преодолен, так как не наблюдается позитивных изменений в экономике России, которая держится на плаву лишь за счет добычи и продажи полезных ископаемых, уровень жизни страны невысок. Отсутствуют также позитивные изменения в мировоззрении россиян, продолжается искажение исторических завоеваний народа при отсутствии ясных перспектив. В то же время усиление неравновесного состояния системы должно стать началом ее самоорганизации, истоки которой, возможно, мы просто еще не в состоянии распознать.

Ключевые слова: кризис, мировоззрение, уровень жизни, экономическая волна, Россия, СССР, общество.

© E.D. Chagdurova
 Candidate of Philosophy, Assistant Professor
 Buryat State University

The Concept of Long Economic Waves by N.D. Kondratiev and the Change of Ideological Paradigms

Abstract. The paper analyses the theory of the famous Russian scientist N.D. Kondratiev who recognized the pattern in changing ups and downs of economic development. The scientists peaking of wavy development affirms it systemic nature, embracing the economy, social sphere of society, cultural and spiritual creativity. The paper draws attention to how the wave movement developed in the USSR on the eve of its disintegration and ascertains a change in the world outlook of the society in a crisis situation. Of particular interest is the fact that the current wave that Russia is experiencing does not have such pronounced systemic characteristics as the previous one. The author doubts that the crisis has been overcome as there are no positive changes in the Russian economy, which is kept afloat only by mining and selling minerals, the standard of living of the country is bad. There are also no positive changes in the worldview of Russians, falsification of the historical achievements of the people continues in the absence of clear prospects. At the same time, the strengthening of the non equilibrium state of the system should be the beginning of its self-organization, the sources of which, perhaps, we are simply not yet able to recognize.

Keywords: crisis, world view, economic wave, standard of living, Russia, the USSR, society.

Кризисное состояние современного российского социума, продолжающееся уже не одно десятилетие, требует пристального внимания и всестороннего изучения. Понимая и принимая неизбежность наступления кризисов в жизни, человечество, тем не менее, жаждет нахождения путей выхода из них и рецептов их переживания с минимальными потерями.

Исследования динамики культурных изменений выявили в первую очередь закономерность в ритмичности экономического развития общества. Наличие ритмичности в этой сфере проследил английский экономист Джозеф Китчин, определивший закономерности ее подъемов и спадов в течение 3-4 лет, затем 7-11-летний цикл нашел Клеман Жюгляр – французский врач и статистик, следом 15-25-летний цикл выделил Саймон Кузнец – американский экономист [1]. Самое большое обсуждение вызвали исследования Н.Д. Кондратьева – русского ученого, который утверждал существование большой экономической волны раствором 45-60 лет и выделил конкретные даты циклов, в которых нашли свое гармоничное место циклы Китчина, Жюгляра и Кузнеца [2].

Согласно концепции Кондратьева, в период с 1939-1950 по 1984-1991 гг. СССР прошел через очередную волну и сейчас мы находимся в следующей большой волне, начавшейся в 1984-1991 гг. Закончиться эта волна должна в 2029-2041 гг. Согласно логике кондратьевских стадий, начинается волна с повышательного этапа, затем идет перелом, понижательный этап и переход. Несомненной заслугой автора является системный подход к характеристике динамики экономического развития – он уделяет немалое внимание социальным преобразованиям, благодаря которым повышается качество жизни рядового человека – уровень базового благосостояния.

Статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что Советский Союз добился высокого уровня благосостояния, вполне сравнимого с аналогичными показателями стран Запада. Для сравнения в литературе приводятся сведения о ВВП, производстве продуктов питания, добыче при-

родных ресурсов, промышленном производстве, строительстве жилья, уровне и качестве образования, здравоохранения, доходах граждан [3]. В СССР к 80-м годам уровень базового благосостояния был достигнут, о чем говорит жажда престижного потребления, вспыхнувшая повсеместно и породившая недовольство государством, не обращавшим внимания на проблему утоления этой жажды.

Можно сказать, что в ходе движения большой волны, к концу 70-х годов XX века произошли кардинальные изменения в мировоззрении человека – сложился уникальный феномен «советский человек». Мы сегодня с гордостью и ностальгией можем утверждать, что «советский человек» обладал высокой нравственностью, воспитанностью, образованностью, патриотизмом и интернационализмом.

На исходе большой волны начались негативные сдвиги в мировоззрении. Появились «диссиденты», недовольные невозможностью удовлетворения престижного потребления, желающие реализовывать накопленные средства в более комфортабельных условиях. На смену патриотизму стали приходить идеи о том, что жить надо там, где удобнее, перспективнее, выгоднее. (Вспомним анекдот о папе-черве, отвечающем на вопрос сына «Почему мы живем в грязи, когда вокруг синее небо, зеленая трава и яркое солнце?»: «Есть такое слово, сынок – Родина»). Начали звучать речи о том, что лучше было бы, если бы Германия одержала победу. В стране, потерявшей более 20 миллионов человек в Великой Отечественной войне, в которой нет семьи, не почитающей память своего родственника – Героя войны, появились скинхеды, фашисты, нацисты, крушащие памятники Великой Победы и преследующие азиатов и кавказцев. На смену высокой нравственности пришли «понятия», по которым живет ныне страна, вместо семейных ценностей – образцы однополых браков, неполных семей, «гражданских» и «пробных» браков, возврат к промискуитетным отношениям среди молодежи. На смену всеобщей образованности пришло поколение малограмотных, не читающих конформистов, мечтающих лишь о комфортном существовании по принципу «где бы ни работать, лишь бы не работать». На смену коллективизму, уверенности в том, что в трудную минуту тебя поддержат друзья, коллеги, товарищи, общество пришел индивидуализм, родилось чувство одиночества в мире. И эти новые ориентиры не только не трансформируются во что-то более позитивное, а углубляются и расширяется поле проблем, способствующих их усугублению.

Думается, что концепция длинных экономических волн Н.Д. Кондратьева, разработанная им на материале прошлых веков, в ситуации гибели супердержавы, какой был СССР, дала сбой. В настоящее время Россия должна была бы переживать этап повышательной волны и двигаться к очередному пику своего экономического могущества, социальной стабильности и оптимизма. На деле же мы наблюдаем все те же депрессивные явления, как в экономике, так и в умонастроениях людей. Об этом свидетельствуют сухие статистические данные: «В 2016-2017 году... Россия в мировом списке занимает 61 место при общем количестве в 142 пункта, расположившись между Шри-Ланкой и, внимание, Вьетнамом» [4]. Речь здесь идет об уровне жизни, индикаторами которого является целый перечень, утвержденный ООН и включающий в себя следующие показатели: рождаемость, смертность и продолжительность жизни; санитарно-гигиеническую обстановку; количество потребляемого продовольствия; жилищные условия; качество образования и культуры; уровень занятости, условия труда; баланс доходов и расходов; цены для потребителей; состояние транспортной инфраструктуры; рекреационная система; уровень социального обеспечения; права и свободы людей. Место, занимаемое Россией в этом рейтинге, говорит само за себя.

Российская экономика сегодня полностью зависит от мировых цен на нефть и курса доллара и евро. В стране осуществлена реиндустриализация, крупные производства, за исключением военно-промышленного комплекса, отсутствуют. Производство средств производства прекращено, страна не в состоянии сама себя одеть, обуть, накормить, обеспечить современную транспортную систему...

Картина мира современного россиянина сегодня еще более лишается позитивной национальной идентичности в результате продолжающейся дискредитации истории СССР, достижений советского народа, отсутствия позитивных изменений в настоящем и ясных притягательных перспектив развития в будущем. Характерный для периодов затянувшихся кризисов плюрализм мнений еще более расшатывает внутреннюю устойчивость личности, вынужденной постоянно метаться в поисках адекватного ответа на ежечасно возникающие различного рода вызовы и коллизии.

В то же время стоит отметить, что неустойчивость системы, порожденная неравномерностью протекающих в ней процессов, необратимых по своему характеру, еще более усиливает ее неравновесное состояние. Мы должны понимать, что любой переходный период не может длиться бесконечно, итогом его закономерно должно стать вступление в новую стадию, в новое состояние. В теории «кондратьевских» циклов именно транзитивный период в истории является периодом наивысшей инновационной активности, рождения новых идей, элементов, отношений и связей. Поэтому стоит внимательнее присмотреться к тем росткам нового, которые являются органичными для нашей культуры, сни-

жают градус отчаяния и бездуховности, способствуют развитию процессов самоорганизации и взаимопомощи. Скорее всего, эти явления наличествуют в нашей сегодняшней реальности, надо только суметь их увидеть.

Литература

1. Википедия. Словари и энциклопедии на Академике: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1410490> - Дата обращения 20.05.2017
2. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. Изд.3. – М., URSS. 2010. 336 с. Режим доступа: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=218&Itemid=1 – Дата обращения 18.03.2017
3. М.Кудрявцев, С.Миронин и Р.Скорьнин. Статистика уровня жизни в СССР // Аналитический клуб. Школа информационного анализа и управления. Режим доступа: <http://analysisclub.ru/index.php?page=stalin&art=2563> – Дата обращения: 15.05.2017.
4. Уровень жизни в России и странах мира в 2016-2017 году. – Режим доступа: http://finansiko.ru/uroven_zhizni_naseleniya_rossii_stran_mira_2014/ - Дата обращения: 22.05.2017.

УДК 1(091)

© М.В. Бадмаева
Улан-Удэ, Россия
д-р филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии
Бурятский государственный университет
e-mail: badmaeva_maria@mail.ru

П. А. Сорокин о методологии исследования социокультурных явлений

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению позиции П.А. Сорокина в отношении применения причинно-функционального и логико-смыслового методов при исследовании социокультурных процессов и явлений.

Ученый считал, что при выборе адекватных методов научного познания любых социальных явлений необходимо учитывать существующую зависимость выбора методологии от формы интеграции социокультурной системы, ставшей предметом изучения. Поскольку основными формами интеграции культуры являются причинно-функциональные и логико-смысловые единства, Сорокин сосредотачивает внимание на возможностях соответствующих методов познания.

Оба метода - причинно-функциональный и логико-смысловой - представляют собой средства упорядочения бесконечного хаоса комплексных феноменов социокультурного мира в постижимые единства, целостные образования. При этом целью причинно-функционального метода является установление единообразия, повторяемости, тенденции, что позволяет изучать развитие причинно-следственных связей в историческом процессе культуры и вскрывать изменение функций одних и тех же или сходных культурных явлений в различной социальной среде. Однако, возможности данного метода ограничены. В частности, его применение в исторических исследованиях культуры не объясняет, например, возникновение неравномерностей в развитии культуры, а также оставляет без внимания анализ структурных взаимодействий внутри системы.

Эти и другие ограничения могут быть сняты посредством применения логико-смыслового метода, который, по мысли Сорокина, позволяет за кажущимися совершенно различными, несвязанными фрагментами культурного комплекса увидеть тождество смысла, которое соединяет их в единый стиль и общетипические формы.

В статье приводятся необходимые ссылки, подтверждающие теоретическую позицию ученого и критические замечания в отношении оценки Сорокиным эвристических возможностей рассматриваемых методов познания.

Ключевые слова: культура, история, социокультурные изменения, форма интеграции культуры, методы исследования культуры, причинно-функциональный метод, логико-смысловой метод.

© M.B. Badmaeva
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Philosophy, Assistant Professor,
Head of Department of Philosophy,
Buryat State University

P. A. Sorokin on Research Methodology of Socio-cultural Phenomena

Abstract. The paper examines P.A. Sorokin's views on application of the casuative-functional and logical-semantic methods when studying socio-cultural processes and phenomena. The researcher believed that when choosing adequate scientific methods of studying any social phenomena it is necessary to take into account existing dependence of the choice of methodology on the form of integration of the socio-cultural system that is being studied. Sorokin focuses on the possibilities of research methods because casuative-functional and logical-semantic unities are the main forms of cultural integration. Both methods – casuative-functional and logical-semantic – present the means of ordering the endless chaos of complex phenomena of the socio-cultural world into intelligible unities, integral entities. The aim of the casuative-functional method is to establish uniformity, repetability, and tendency. That allows to study the development of cause-effect connections in the historical cultural processes. It allows to reveal functional changes in the same or similar cultural phenomena in a different social environment. However, the possibilities of this method are limited. In particular, its application in historical studies of culture does not explain, for instance, the appearance of unevenness in cultural development. It also pays no attention to the analysis of structural interactions inside the system.

These and other limitations might be solved by applying of the logical-semantic method. That method, according to Sorokin, allows to see the meaning behind seemingly different unrelated fragments of cultural complex. That unites them into a single style and common-type forms.

The paper contains necessary references confirming theoretical views of the researcher and criticisms of Sorokin's assessment of heuristic possibilities of these research methods.

Keywords: culture, history, socio-cultural changes, form of integration of culture, research methods of culture, casuative-functional method, logical-semantic method.

Изучение социокультурных изменений предполагает вдумчивый и обоснованный выбор применяемых методов исследования, ибо деятельность наделенного сознанием человека, субъекта социокультурного процесса и одновременно объекта научного анализа, неизбежно ставит вопрос об объективности и достоверности получаемых результатов. В этой связи особый интерес представляет позиция Питирима Александровича Сорокина, автора фундаментальной четырехтомной работы под названием «Социальная и культурная динамика», выпущенной в свет в период с 1937 по 1941 годы.

Вопросам методологии исследования культуры Сорокин придавал огромное значение ставил ее в зависимость от формы интеграции культуры. Как известно, ученый сформулировал 4 формы интеграции

культуры: 1) пространственное или механическое сосуществование; 2) косвенное объединение культурных явлений по внешнему фактору (географическому или биологическому); 3) причинная или функциональная интеграция и, наконец, 4) логико-смысловая интеграция явлений культуры.

Первые две формы связи - это случайные культурные скопления, «свалки», не обладающие ни подлинным единством, ни взаимной зависимостью. С точки зрения Сорокина, основными формами интеграции культуры являются причинно-функциональные и логико-смысловые единства и из них логико-смысловая форма является высшей. С каждой из форм интеграции культуры П. Сорокин связывает специфический для нее метод исследования культурных явлений: он является и методом ее интеграции - в реальной жизни культуры - и методом её исследования - в науке о культуре и ее истории. Таким образом, методы исследования культуры, по мысли Сорокина, имеют объективное основание.

Критерием причинно-функциональной связи является, по Сорокину, ощутимая и заметная взаимозависимость различных явлений культуры по отношению друг к другу и к культурной системе в целом. Сорокин формулирует два условия всякой функциональной связи: 1) устранение одного из важных элементов влияет на функции и структуру остальной части синтеза и 2) отдельный элемент, будучи перемещенным в совершенно другой синтез, либо не сможет существовать в нем, либо должен будет подвергнуться глубокому изменению, чтобы стать его частью.

Совершенно иначе обстоит дело с логически интегрированными единствами культурных явлений. Сорокин считает, что логико-смысловая связь гораздо глубже, чем функциональная ассоциация. Под термином «логический» Сорокин подразумевает не столько точное соблюдение законов мышления, сколько проявление «внутренней последовательности и постоянства стиля» самой культуры. Сорокин поясняет эту мысль так: «Если бы, допустим, были в разных местах найдены торс Венеры Милосской и ее голова, то их легко можно было бы соединить вместе. Если же голову Венеры посадить на тело египетского сфинкса, то дисгармония сразу будет обнаружена» [1, с. 26].

Оба метода - причинно-функциональный и логико-смысловой - представляют собой, по Сорокину, средства упорядочения бесконечного множества комплексных феноменов социокультурного мира в постижимые системы. Социокультурный мир - сложный и нескончаемый хаос бесконечного множества различных фрагментов, начиная от рождений, смертей, женитьб, игры в бридж, дискуссий в парламенте и кончая коммунистической революцией.

Один из основных способов упорядочения хаоса как вселенной, так и социокультурного мира - причинно-функциональные формулы интеграции. Эти формулы дают нам модели единообразия, которые должны быть найдены в связях громадного количества индивидуальных компонентов этого бесконечного хаоса. С помощью этих формул мы можем свести хаос к ряду постижимых систем, в которых нам уже гораздо легче ориентироваться и которые позволяют нам отличать более важные аспекты от менее важных. Таков, например, ньютоновский закон тяготения. Таким образом, целью причинно-функционального метода является установление единообразия, повторяемости, тенденции в связях различных явлений социокультурного мира.

Причинно-функциональные связи в мире культуры трактуются Сорокиным в типично неопозитивистском духе, как логические орудия упорядочения исследователем хаоса объективного материала истории мировой культуры. Трактовка всего процесса истории мировой культуры становится крайне субъективистской.

Причинно-функциональное единство Сорокин усматривает лишь в интегрированных явлениях культуры. В скоплениях или свалках культурных ценностей, принадлежащих к различным типам или не подходящим ни к одному из типов культуры в сорокинской их классификации, нет такого интегрированного единства. Поэтому причинно-функциональный метод, по Сорокину, имеет естественную ограниченность: он не применим к пространственным скоплениям, к чисто внешним объединениям культурных ценностей, т.е. всюду, где компоненты культуры не имеют прочных причинно-функциональных связей, и где культура в силу этого не представляет собой интегрированного единства.

Сорокин убежден в том, что причинно-функциональный метод исследования социокультурных явлений имеет существенное значение для открытия тенденций изменения культуры. Он советует применять его в историческом плане, т.е. анализировать развитие причинно-следственных связей в историческом процессе культуры и вскрывать изменение функций одних и тех же или сходных культурных явлений в различной социальной среде.

Высокая оценка данного метода и признание объективности закономерностей в сфере социокультурного мира, не объясняет, например, возникновение неравномерностей в развитии культуры, а также оставляет без внимания анализ структурных взаимодействий внутри системы.

Выход из ограниченностей причинно-функционального метода Сорокин ищет в обращении к самому высшему методу исследования социокультурных явлений, а именно, к логико-смысловому. Логико-

смысловой или феноменологический метод является единственным, по мнению Сорокина, способом проникновения во внутренний аспект культуры, в ее духовное содержание. При этом ученый особенно подчеркивает принципиальную несводимость рассматриваемого метода к психологической интерпретации, недостоверность и ограниченность психологического истолкования культурных явлений. Он отвергает всеобщую значимость дильтеевского психологического «понимания», «вчувствования», отвергает психологическую герменевтику по причине ее крайнего субъективизма.

Он также не считает возможным для науки ограничиться микросоциологическими исследованиями культурных явлений и процессов, отвергая попытки микросоциологии отыскать некий «социальный атом», способный объяснить всю специфику социума.

П.Сорокин по-своему подходит к постановке задач культурологического исследования: «Классификация культур представляет собой способ упорядочения бесконечного хаоса культурных явлений в несколько систем. Логико-смысловой метод понимания культуры позволяет обнаружить логические связи в большом количестве культурных явлений. Так эти явления из царства хаоса переходят в постижимое единство» [1, с. 152].

Сорокин превозносит эвристическое значение этого метода, противопоставляет его причинно-функциональному и вносит в трактовку логико-смыслового метода элементы знания непосредственного, интеллектуально-интуитивного. При этом исследователь пытается найти объективную основу для разграничения и противопоставления данных методов. Он пишет: «Причинная интеграция в основном существует в неорганическом, органическом и суперорганическом мире. Логико-смысловые единства можно искать лишь в области феноменов, включающих человеческую мысль и воображение, т. е. в области человеческой культуры, и то, лишь в той ее части, которая является результатом деятельности человеческого разума, независимо от того, является ли эта деятельность научной, религиозной, художественной, философской, моральной или технической» [1, с. 28].

Логико-смысловой метод упорядочения хаоса отличен от причинного по регулятивному принципу. Здесь упорядочивающим элементом является не причина, а тождество смысла. За кажущимися совершенно различными, несвязанными фрагментами культурного комплекса скрывается тождество смысла, которое соединяет их в единый стиль и общетипические формы.

Как видим, трактовка логико-смыслового метода интеграции у Сорокина также выдержана в духе методологии неопозитивизма: логические связи накладываются на хаотический исходный материал и упорядочивают его; объективный характер процессов интеграции культуры упускается из вида, зато подчеркивается интегрирующая функция категорий логического анализа.

Процесс восхождения к наиболее общим логико-смысловым формулам в исследовании интегрированной культуры принципиально отличается, по Сорокину, от процесса исследования причинно-функциональных связей. Он пишет: «Мы не можем разбить сложные социокультурные накопления на «атомы» подобно тому, как это можно сделать в науке. Вместо этого, мы должны действовать в обратном направлении, т.е. искать всеобъемлющие понятия, которые включают в себя каждый индивидуальный момент огромного комплекса» [1, с. 30]. При этом Сорокин убежден в том, что причинный метод обязательно связан с поисками атомарных частиц, а в логическом методе эти поиски невозможны и бесплодны. Духовная культура, в противоположность материальной, представляет собой, по Сорокину, неделимое целое. Это и исключает применение анализа.

Это утверждение, безусловно, вызывает возражение, т.к. причинный анализ вовсе не всегда предполагает обнаружение первичного «атома» исследуемого явления. Он служит и для накопления фактического материала, нужного науке, и для объяснения этого материала. Сорокин же полностью лишает причинный метод всякого эвристического значения и принижает причинный анализ до уровня элементарного описательного метода.

Таким образом, Сорокин в своем учении о методе фактически размежевывает анализ и синтез, вводит в исследование изрядную долю интуитивизма, дискриминирует причинно-функциональный метод в науках и лишает его эвристической ценности. Все это предпринимается для того, чтобы перенести всю эвристическую значимость исследования в сферу логико-смыслового метода, который в действительности не имеет объективной основы.

Литература

1. Sorokin, P.A. Social and Cultural Dynamics. Vol.1/ P.A. Sorokin. –Vols.1–4. N.Y.: American Book Company, 1937–1941.

Культуроцентричность образования в контексте парадигмы качества жизни

Аннотация. В статье исследуется процесс взаимодействия образования и качества жизни, анализируются задачи, стоящие перед современным образованием как одним из механизмов обеспечения достойного качества жизни. Доказывается, что в условиях современной социокультурной ситуации российского общества только культуроцентричность образования вообще и социального образования в частности является условием формирования социально активной личности, а также основой фундаментализации и технологизации подготовки кадров для всех сфер жизнедеятельности общества, что обеспечивает социальное благополучие человека и его семьи. В современном образовании выделяются следующие типы парадигм: знаниево-ориентированная, личностно-ориентированная, компетентностная, культуроцентрично-ориентированная и др. Все существующие парадигмы образования ориентированные на запоминание фактов, отработку определенных строго заданных технологий, отвечали задачами требованиям плановой экономики. Рыночной же экономике нужен человек, умеющий работать с информацией, эффективно реагировать на изменения, быстро решать проблемные задачи. В связи с чем, наряду с компетентностным, личностно-ориентированным и «знаниевым» подходами формируется новый подход, связанный с культуроцентричностью, культуросообразностью. Культуроцентричность выступает как обращенность к изучению культурных оснований жизнедеятельности личности, определяющих ее развитие в рамках существующей социокультурной действительности.

Ключевые слова: качество жизни, образование, социальное образование, культуроцентричность, личность, цивилизация.

© M.B. Liga
Chita, Russia
Doctor of Sociology, Professor
Dean of the Social Faculty
Zabaikalsk State University

Culture Centricity of the Education in the Context of Paradigm of Quality of Life

Abstract. The paper examines the process of interaction between education and quality of life, analyzes the tasks of modern education as one of the mechanisms for ensuring a decent quality of life. It is proved that under the conditions of the modern socio-cultural situation of the Russian society, only the culture centricity of the education in general and social education in particular is a condition for the formation of a socially active person as well as the basis for fundamentalizing and technologizing of the training of personnel for all spheres of society's life. That ensures the social well-being of an individual and their family. In modern education, the following types of paradigms are distinguished: knowledge-oriented, person-oriented, competence, culturecentric-oriented, and others. All existing paradigms of education are focused on memorizing of the facts, working out certain strictly prescribed technologies, meeting the requirements of the planned economy. The market economy needs a person who can work with information, effectively respond to changes, quickly solve problematic problems. In this connection, along with competency, personality-oriented and "knowledge" approaches, a new approach is formed that is connected with culture-centricity, cultural appropriateness. Cultural-centricity appears as an appeal to the study of the cultural foundations of the life activity of an individual, determining their development within the framework of the existing socio-cultural reality.

Key words: quality of life, education, social education, culture-centricity, personality, civilization.

Одним из факторов, оказывающих влияние на качество жизни человека в современном обществе, является образование. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что дальнейшая судьба цивилизации будет определяться интеллектуально-образовательным потенциалом человека.

В условиях современного общества происходит смена приоритетов образования: от вооружения знаниями к формированию творческой способности как фундаментальной основы существования человека и общества, от обучения к образованию личности, формированию личности с современным социальным мышлением.

Решение задач, стоящих перед современным образованием, позволит усилить степень влияния образования на качество жизни.

В конце XX в. необходимо было переориентировать цели образования России, пересмотреть его функции и определить в качестве основной, приоритетной культурную функцию, соответствующую новым тенденциям социально-экономического и культурного развития. Образование должно было учитывать такие составляющие развития общества, как антропоцентризм, демократизм, гуманизм и духовность. А при отборе содержания образования необходимо было обратить внимание на его развивающий личностный потенциал, так как образование не может ориентироваться только на определенный объем знаний, пусть даже очень новых и актуальных. В содержание образования очень

важно было включить материал, способствующий воспитанию эмоционально-ценностного отношения к миру; формированию нравственных ценностей, норм, определяющих стратегию деятельности в самых разных жизненных ситуациях. Но этого в тот период сделано не было, как не были осуществлены изменения во взаимоотношениях власти с интеллектуальной, образованной частью населения, которая, в конечном счете, и должна была принять активное участие в процессе радикальных изменений, выстроить траекторию этого изменения, определить его цели, задачи, основные направления. В России сложилась своеобразная модель взаимоотношения образованных людей с властью, которая мало ценила высококвалифицированный труд, не учитывала профессиональный уровень, богатый интеллектуальный потенциал нации. Но в то же время государство создавало все условия для развития образования, хотя знания людей не получали должной материальной оценки.

Образование, отражая процессы, происходящие в обществе, неразрывно связано с существующей в обществе культурой. Каждому типу культуры соответствует определенный тип образования. Так, архаичной культуре соответствовал традиционный тип образования; индустриальной культуре соответствовал инструктивный тип образования; постиндустриальной культуре соответствует креативный, инновационный тип образования.

Динамично развивающаяся действительность предполагает изменение мировоззрения личности. Отличительной чертой личности нового типа в современном обществе становится неустойчивость, нестабильность мировоззренческих установок. Человек оказывается в ситуации постоянного выбора своего поведения, жизненной стратегии. Современный человек часто не может оценивать ситуации по принципу «хорошо – плохо», так как социальный выбор у него чрезвычайно широк. В то же время отсутствует строго определенная направленность этого выбора. В этой ситуации большое значение приобретают ценностные, нормативные установки, которые играют роль стабилизирующих сил. В связи с этим образование должно включать в себя не только усвоение знаний, но и формирование ценностей. Более того, уровень функционального совершенствования специалиста зависит от того, насколько успешно соединены интеллектуальные знания и гуманитарная подготовка в его профессиональном образовании. Миру нужен человек, который руководствуется в своей жизни нравственными, ценностными составляющими интеллекта. В настоящее время чрезвычайно опасным для всей цивилизации может стать личность с технократическим типом мышления.

Изменения, происходящие в обществе, начинаются с культуры. Культура становится структурообразующим началом человеческой деятельности, пространством, порождающим жизненные смыслы; основой, которая соединяет, связывает людей. Культура разъединяет и обособляет людей, вследствие чего возникает несоответствие между изменяющейся культурой и существующим образованием, которое изменяется значительно медленнее.

В условиях бурного развития знаний обостряется кризис между образованием и культурой. Знание опережает развитие культуры, ее ценностей, норм, но знания не замещают духовности, они не в состоянии обеспечить процесс целостного развития личности. В настоящее время развитые постиндустриальные страны переживают процессы, которые были характерны и для образовательной системы Советского Союза. В этих странах происходит резкий рост количества лиц, имеющих диплом о высшем образовании, но падает престиж самого диплома. В этих условиях большое значение начинают иметь личные качества, «личный багаж», культурный уровень специалиста, возрастает значимость его умений и навыков.

Образование определяет социальное положение личности, ее место в социальной структуре, уровень удовлетворения потребностей, умение воспроизводить и совершенствовать свои жизненные силы, индивидуальную и социальную субъектность. Оно выступает тем фактором, от которого зависит социальное благополучие человека и его семьи, его личные успехи и профессиональные достижения. Значение системы образования в социальном и экономическом развитии общества и повышении благосостояния его граждан трудно переоценить. Многогранность и сложность воздействия образования на общество и индивидуумов находят отражение в качестве жизни.

В «мире изменений», т.е. такой формы социального и технологического бытия человечества, при которой темпы обновления знаний, технологий, «вещного мира», экологической ситуации, социально-экономических отношений стали такими большими, что привели к моральному устареванию знаний и профессионализма за последние годы на направлениях передовых технологий, достижение достойного качества жизни будет определяться уже не уровнем образования, а качествами личности, сформированными в ходе получения образования[1]. Качество жизни понимается как совокупность показателей, характеризующих взаимовлияния, взаимозависимость и взаимообусловленность жизненных сил социального субъекта и его жизненного пространства, что позволяет учитывать как объ-

ективные, так и субъективные индикаторы оценки качества жизни [2].

Личность сможет достичь достойного качества жизни только на основе непрерывного образования, поддержания определенного уровня интеллектуальной инициативы, социального интеллекта, необходимых для осуществления профессиональной деятельности в данный период. К числу других качеств личности, позволяющих ей добиться достойного качества жизни, можно отнести высокий уровень интеллектуальной готовности к самообучению, самообразованию, саморазвитию, профессиональной переквалификации.

Качество жизни определяет качество образования, его приоритеты, основные направления развития; в свою очередь образование детерминирует качество жизни через такие его составляющие, как уровень экономического развития, качество здравоохранения, качество культуры, социальную политику. Высокий уровень качества образования способствует формированию такого качества жизни, которое создает условия для формирования новых потребностей и ценностей.

Для обеспечения достойного качества жизни личность должна получить от образования высокий уровень воспитания, культуры, развитые личностные качества (организаторские способности, самостоятельность в принятии решений, чувство ответственности за свои действия), необходимые для жизни в постоянно изменяющемся мире; высокий уровень профессионализма (кругозор, уровень интеллекта), позволяющий решать творческие задачи в различных отраслях деятельности. Рост уровня и качества образования будет способствовать улучшению социально-экономического положения страны и достижению достойного качества жизни.

Смена ценностных приоритетов общественного развития, изменение условий и способов деятельности, использование новых источников и ресурсов (интеллектуальные технологии, знание), обеспечивающих социальное благополучие, усиливают значимость образования в современном мире. Переход от техногенной цивилизации к цивилизации качества жизни требует воспитания человека с совершенно другим набором личностных качеств. Обществу нужны люди, способные осуществлять профессиональную деятельность в изменяющихся условиях, оказывать влияние на ситуацию, изменять, корректировать ее состояние и развитие, не привязанные к определенной специальности. Только человек, обладающий свободной интеллектуальной жизнью, знающий ценности культуры, способен на создание нового социального опыта, научных теорий и концепций.

Литература

1. Субетто А.И. Система управления качеством в вузе (модель). Под науч. ред. Н.А. Селезневой и А.И. Субетто. Изд. 2-е. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. – 25 с.
2. Лига М.Б. Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности. – М.: Гардарики, 2006. – 223 с.

УДК 316.35+821.512.31+821.512.156

С. С. Имixelова
Улан-Удэ, Россия
д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Бурятский государственный университет
e-mail:223015@mail.ru

Художественное осмысление проблемы национального самоопределения в тувинской и бурятской литературе (1990–2000-е гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются литературные произведения периода 1990–2000-х гг. как важного этапа на пути национального самоопределения народов Сибири. На материале тувинской и бурятской литературы этих лет утверждается, что писатели активно откликнулись на изменения в общественном сознании, выразившиеся в обостренном внимании к историческому прошлому народа. Анализируя в сравнительно-сопоставительном плане драму-эссе Э. Мижита «Кто ты, Субедей-Багатур?» (1997) и пьесу Б. Гаврилова «Чингисхан» (2001), автор статьи утверждает, что историческая тема позволяла писателям решать актуальную для данного времени проблему национальной идентификации. Осуществлен сравнительный анализ поэмы А. Даржая «Плач игила» (1996) и пьесы «Небесный аргмак» П. Павлова (2006), который показал сходство в осмыслении их авторами своих национальных истоков. Художественной интерпретации в рассмотренных произведениях подверглись созданные народом предания и легенды, посвященные национальным музыкальным инструментам – игилу и моринхуру. Общим для поисков писателей стал дискурс национального возрождения, запечатленный с помощью знаковых образов-символов. Обозначена авторская позиция в тувинских и бурятских произведениях в социокультурной ситуации рубежа XX–XXI вв., актуализирующая проблему национальной идентичности и на личностном уровне.

Ключевые слова: национальное самосознание, Чингисхан, Субедей, ретроспекция, нравственный выбор исторической личности, игил, моринхур, национальная идентификация личности.

Artistic comprehension of the Issue of National Self-determination in the Tuvinian and Buryat Literature (1990-2000)

Abstract. The paper reviews the literature of the 1990s-2000s, as this period was an important period for self-identification of the peoples of Siberia. Drawing on the Tuvinian and Buryat literature the author claims that the writers actively responded to the changes of public consciousness in that time when people paid increased attention to their historical past. The paper presents a comparative analysis of the drama-essay 'Who are you, Subedey-Bagatur?' by E. Mijit (1997) and the play 'Genghis Khan' by B. Gavrilov (2001). The paper argues that the historical subject allowed writers to solve the problem of national identification that was relevant for that time. The comparative analysis of the plays 'Crying of the Igil' by A. Darjai (1996) and 'Heavenly Argamak' by P. Pavlov (2006) shows similarity in the playwrights' comprehension of their national origins. The legends dedicated to the national musical instruments - igil and morinkhur - were artistically interpreted in these works. The discourse of national revival was captured with the help of iconic images-symbols, and it was common for both plays. The paper shows the authors' position on Tuvinian and Buryat literature that actualizes the problem of national identity at the personal level in the sociocultural situation in the turn of the 20th and 21st centuries.

Keywords: national self-consciousness, Genghis Khan, Subedey, retrospection, moral choice of historical personality, igil, morinkhur, national self-identification of person

Уже немало написано об общем движении тувинского, бурятского, других монголоязычных и тюркоязычных этносов к национальной идентичности в 1990-е – начале 2000-х годов. Историки, политики, культурологи, этнографы национальных республик Сибири активно изучали тенденцию всплеска национального самосознания, выразившегося в обостренном стремлении общества обратиться к тому духовному наследию, которое отложилось в исторической памяти народа. Неудивительно, что данный процесс этнической идентификации как обостренное возвращение к истории своего рода, собственным истокам сопровождался на личностном уровне глубокими эмоциональными переживаниями и с неизбежностью отразился в литературе и искусстве. Это «возвращение» образно выразил бурятский поэт Б. Дугаров в стихотворении «На исходе тысячелетия»: «Крутые волны бытия / Смели с планеты след монгольского коня. / Но предков дух возвысить до вселенной / Сумела Степь в свой звездный час. / И песнь ее сказаньем сокровенным / Сквозь времена во мне отозвалась» [3, с. 97].

Процесс этнокультурного возрождения вполне закономерно совпал с общей направленностью творческой деятельности писателей, которые отдали немало усилий актуализации проблемы этничности. Их произведения, оказывали не меньшее воздействие на общественное сознание тех лет своим необычайно эмоциональным накалом, художественно сильно выраженным чувством личной причастности к судьбе народа. Произведения бурятских и тувинских писателей конца 1990-х – начала 2000-х отличает интерес к исторической теме, и совсем не случайно особое внимание приковано к эпохе и личности Чингисхана.

Так, пьеса народного писателя Тывы Э. Мижита «Кто ты, Субедей-Багатур» (Кым сен, Субедей-Маадыр?), поставленная в Тувинском музыкально-драматическом театре им. В. Кок-оола в 1997 г., посвящена знаменитому урянхайскому (тувинскому) полководцу Субедею, соратнику Чингисхана. Любопытно сравнить ее с пьесой бурятского драматурга Б. Гаврилова «Чингисхан», написанной на русском языке и поставленной в переводе на бурятский язык на сцене Бурятского академического театра драмы им. Х. Намсараева в 2001 г., поскольку обе они стали важными достижениями национального искусства. Тем более, что им присуще одинаковое звучание поэтической речи, идущей от «Сокровенного сказания монголов», упоминание одних и тех же легендарных имен. Сходство возникает и благодаря ретроспективному построению: главные герои существуют в разных временных пластах – в настоящем и прошлом, вспоминая о событиях, предшествующих их взлету как великих полководцев.

Драматический конфликт в обеих пьесах связан с противоречивым отношением к личности Чингисхана, отложившимся в сознании современников: дикий, кровавый завоеватель, носитель зла или великий деятель, сакральная личность. В бурятской пьесе, как видно из названия, в центре сам Чингисхан в разные периоды своей жизни, чьи человеческие черты и качества испытываются самой эпохой, требующей жестоких решений ради установления гармонии и порядка. В тувинской пьесе фигура монгольского завоевателя появляется в отдельных сценах – воспоминаниях его знаменитого соратника, тувинца-урянхайца Субедея, где Чингисхан объясняет причины своей жестокости, безжалостности к татарам, убившим его отца: он будет воевать до тех пор, пока не закончатся войны и кро-

вопролития в Великой Степи.

Налицо дискуссионность авторской позиции в двух произведениях, воплощенная в драматическом конфликте. В пьесе Э. Мижита старый Субедей, великий полководец, не проигравший ни одного сражения, чувствует ответственность за сохранение, защиту своего тувинского народа и, когда убеждается, что защита эта произошла «миром, без крови», продолжает воевать, захватывая все новые земли и города. Он объясняет своему подопечному и ученику Батыю: жестокостью его решений правит ответственность за сыновей и внуков Чингисхана, чтобы, представ перед ним на небесах, держать достойный ответ. Дискуссия достигает кульминации в финале пьесы, когда ни отец с братом, ни шаман Билди-Хам, ранее помогавшие Субедею во всем, не понимают, почему надо по-прежнему раздувать огонь войны, идти по велению Великого Предка «до последнего моря». Ведь даже Батый повернул часть своего войска назад, в столицу Кара-Курум, где на курултае будет решаться, кто же станет правителем империи, созданной его предком. Субедей приносит себя в жертву, ведь сама историческая реальность, взывая его к жестокости для блага своего народа, потребовала от него этого самопожертвования. Здесь позиции героя и автора совпадают: идеализация снимается, как того требует принцип историзма, и вступает психологическое обоснование внутреннего конфликта. С горечью принявший выбор Батыя, рвущегося к власти, Субедей делает свой выбор: отправляет на родину сыновей, выросших вдали от нее, с наказом достойно управлять народом урянхай-тыва. И, движимый долгом, предрекает наследникам Чингисхана печальное будущее: «Если таковыми останутся, они развеят завоеванное Великим Предком государство, как песок по ветру» [3, с. 175; здесь и далее перевод Л. С. Мижит].

Историческая драма Э. Мижита освещает время в соответствии с последними историческими исследованиями: «Бату был скорее организатором похода <...> военные операции планировал и осуществлял один из величайших полководцев Средневековья – Субудэ» [8]. Но драматург следует дальше в своей историософской концепции, давая «прочсть» в далеком предке тувинцев, верном соратнике Чингисхана и личность самого великого завоевателя, шедшего до конца в своих походах за высокой целью – отвести угрозу от установленного им миропорядка и, в конечном счете, гармонизировать пространство всего мира на новых началах.

Точно так же и в пьесе Б. Гаврилова «Чингисхан» действие подчинено утверждению высокого призвания Тэмуджина, прошедшего долгий путь от обыкновенного юноши до Великого Кагана, от сомневающегося, страдающего земного человека до небожителя, уверенного в своем высоком предназначении. Личность героя предстает в двойственном измерении – между любовью и ненавистью, между «небом и адом». Старый Чингисхан так и исповедуется сыну-наследнику Угедю: «...чтобы стать Небом, ты должен быть адом! Чтобы подняться как можно выше, иногда падаешь очень низко... Знал бы ты, мой сын, через что пришлось пройти мне... твоему отцу...» [1, с. 490].

Авторская позиция в пьесе Б. Гаврилова так же дискуссионна, как и у тувинского драматурга. Чингисхан в самом начале пьесы воскликнет, обращаясь к соратникам: «Небо посылает нас в поход! <...> Пусть иные нарекут вас святыми, а другие – демонами жестоких степей...» [1, с. 475]. И эти слова перекликаются с заключительной фразой Субедея в тувинской пьесе: «Когда всевышнее небо заберет меня из этого мира, многие будут меня восхвалять, прославлять, захотят воздвигнуть памятник, а многие – будут проклинать, желать хотя бы кости мои растоптать и сжечь» [4, с. 176]. Объединяет двух героев и жертвенное согласие на свое высокое предназначение «созидать Высшее Добро на земле, покрытой мраком». И хотя будущий великий правитель верит в слова шамана Кокчу: «Чтоб правильно созидать, приходит время и разрушать... Чтобы народилось новое, приходит время уничтожать...», – но человек по имени Темуджин беспомощно произнесет в ответ на эти слова: «Слишком много крови! Смогу ли я?» [1, с. 482].

В авторской позиции драматургов заключено и различие их исторической концепции: если Э. Мижит представляет исключительный дар Субедея-полководца без какого-либо мистического ореола, то Б. Гаврилов «превозносит Тэмуджина над остальными людьми не с точки зрения его природного таланта или полководческого гения, а говорит о посвященности Тэмуджина в сокровенные тайны мироздания» [7, с. 127]. Особенностью пространственно-временной организации в пьесе Б. Гаврилова, таким образом, становится связь между двумя мирами, которая проявляется в столкновении высоких притязаний небожителя и таких простых чувств обыкновенного человека, как любовь, страх, сомнение, месть, которые, по мнению Кокчу, мешают молодому Темуджину поверить в свою исключительность. Человеческое в герое подчеркнуто множественностью связей и точек зрения, их противопоставленностью: наложницы-жены ненавидят любвеобильного хана и в то же время не могут совладать с любовью к нему, такое же чувство любви-ненависти испытывают к Темуджину-Чингисхану брат Хасар и друг-анда Джамуха. Да и сам герой мучается, когда вынужден отправлять на казнь обо-

их братьев, родного и названного, страдает от противоречивого чувства к Борте и сыну-первенцу Джучи, так как отравлен сомнением в отцовстве. И все-таки в нем побеждает любовь – чувство, которое ведомо обыкновенным людям, таким как любимая жена Борте или строгая мать Оэлуи, но одновременно это вселенски-космическое чувство, обращенное ко всему миру: «Мы шли с любовью! И мир принял нас! Нас было мало... Всего лишь горстка... но мы сделали много... Объединили народы... Дали им праведные законы... Яса. Нас называют карой божьей... Нет, мы не кара божья! Мы божья любовь» <...> Мне так хочется обнять планету Земля и согреть людей своей любовью...» [1, с. 490].

Ситуация нравственного выбора и самоопределения героя по отношению к силам Хаоса и Порядка придает и бурятской, и тувинской пьесам философское звучание, отражающее некий всеобщий закон: «...постижение истории связано с индивидуальным переживанием пограничной ситуации – условия, дающего толчок к обретению бытийного сознания, когда экзистенция... с особой силой открывается самому человеку» [0, с. 88].

Ситуация нравственного выбора, конечно же, продиктована современностью, социально-философским ее «заказом»: история не просто очередной «урок» для общества, но и глубоко нравственный импульс для сознания каждого читателя/зрителя. Обе рассмотренные пьесы заострены на авторской интенции, обращенной непосредственно к современнику: стоит ли тебе гордиться великим предком несмотря на сложившуюся мифологию о его кровавых завоеваниях? Ясно, что и для Э. Мижита, и для Б. Гаврилова эта историческая фигура стала частью дискурса о национальном возрождении, знаковым образом-символом для обновления исторического и национального сознания.

Интересно сопоставить еще два произведения тувинской и бурятской литературы: поэму «Плач игила» А. Даржая (1997) и пьесу П. Павлова «Небесный аргамак» (2006). Они перекликаются интересом к легендарному происхождению национальных музыкальных инструментов. И тувинский игил, и бурят-монгольский моринхур воспеты в фольклоре – сказаниях и легендах, сочиненных кочевыми народами в благодарность своему другу – коню.

Известно тувинское предание об Аран-Чула – коне божественного происхождения, который рождается один-единственный раз среди десяти тысячи лошадей. Герой предания – сильный человек достойного происхождения находит этого коня, пройдя множество испытаний. Уран-Чула окажется верным и преданным конем своему хозяину и спасет его от смерти ценой своей жизни. И хозяин после смерти дорогого существа в память о нем «смастерил игил, обтянув его кожей с конского лба... после этого тувинцы стали украшать гриф игила конской головой, обтягивать игил кожей с головы коня, струны игила делать из волос конской гривы-хвоста. Поэтому тувинское выражение “сила духа” связано с конем, говорят. Крылатый конь, конь Аран-Чула, имеет такую историю, поэтому эта история связана с игилом» [5, с. 285].

Эта легенда до сих пор живет в тувинском народе, и она положена в основу поэмы А. Даржая «Игил ызы» («Плач игила»). Поэма воспроизводит легендарный сюжет, но повествование в ней обращено к современному читателю: простой табунщик, вышедший брошенного жеребенка, стал обладателем прекрасного скакуна. И когда злоба, зависть сильных мира сего привела к гибели прекрасного коня, герой тоскует по любимому другу, и тот приходит ему на помощь во сне как божественная сила небес. Душа погибшего скакуна научит юношу, как из кожи его щек, из волос хвоста и гривы, и также из лиственницы сделать музыкальный инструмент игил. И если от сердца играть на его струнах, то душа его друга-скакуна вернется к нему с неба. Юноша стал музыкантом, и его мелодии, его игра на волшебном игиле «наполнили край благодатный»:

Играл для людей он до смерти.

А умер – оставил в наследство

Всем добрым, всем чистым душою

Игил свой, его обессмертив:

Ведь мир существует, покуда

Есть добрые люди на свете,

И песни поются, покуда

Есть нежность в душе и любовь [2, с. 120].

Пьеса для кукольного спектакля бурятского драматурга П. Павлова (режиссер Т. Бадагаева) «Небесный аргамак» также тесно связана с народными преданиями и легендами. Метафорически происхождение музыкального инструмента монголов и бурят – моринхура (бурят.-монг. *морин* – лошадь, *хур* – голос) соотносилось с проблемой их этнической идентификации. Одна из монгольских легенд приписывает изобретение инструмента мальчику по имени Сухэ. После того, как злой хан убил любимую белую лошадь Сухэ, дух лошади явился к мальчику во сне и велел ему сделать себе музыкальный инструмент из ее тела, чтобы Сухэ и его лошадь по-прежнему оставались неразлучны.

Согласно легенде, Сухэ создал первый моринхур, сделав его целиком из останков любимого коня [6].

В бурятской пьесе и спектакле действие основано на поэтическом сюжете о том, как первому человеку на земле был дан божественный дар в виде спутника – небесного аргамака. Прекрасный конь с чудесными крыльями учит человека строить жилище, делать оружие и защищаться от диких зверей, исполняет просьбу человека оживить глиняную фигурку женщины. Но Лис-оборотень подбрасывает к жилищу человека волшебный ящик и выпускает на волю нечисть – ледяные ветры, голод, а вместе с ними – и зависть, гордыню, которые вселяются в Женщину. Она отрезает крылья у небесного аргамака – и он погибает. Человек тоскует по небесному другу, но он является к нему во сне и учит, как сочинять моринхур, звуки которого будут напоминать о небесном аргамাকে. И с тех пор моринхур живет в народе, радуя его своими божественными мелодиями.

Национальный, самобытный колорит пьесы «Небесный аргамак» как нельзя лучше передавал чувство современного зрителя – причастность к истории своего народа, ведь в легенде, как в музыке, слышится душа народа, его победа над силами зла. Объединяет произведения тувинского и бурятского писателей образ коня – любимого друга кочевника, который выступает символом божественной энергии, защищающей человека от зла, болезней, одиночества. Единство всех национальных музыкальных инструментов, как гласят народные легенды, заложено в их сакральной связи с высшей, божественной инстанцией. А единство сюжетного построения двух рассмотренных произведений заключается в том, что музыка не знает национальных границ, взывая к добру и благородству.

Вместе с тем рассмотренные произведения тувинской и бурятской литературы, выходя к осмыслению связи национальной истории и современности, указывают на то, что живущая в народе память о исторических личностях, о древней музыке неистребима, помогая укреплению во всякую эпоху вечного национального духа. Причем литература, искусство, отражая процесс национального и социального поиска народами самоопределения, позволяют и на личностном уровне определять, осознавать значение и место своего «я» в народной судьбе.

И образ великого предка, установивший божественный закон на земле, и национальная музыка с ее божественными звуками придают произведениям бурятской и тувинской литературы поэтическое звучание, усиливают лирическую позицию автора, благодаря которой стихия неба с его сакральным смыслом не отменяет личного выбора героя. А изображенная в них история, вся пронизанная национальным духом, рождает восторг и восхищение у читателя, апеллирует к его активному индивидуальному отклику и как любое художественное обобщение устанавливает нерасторжимую связь национального и общечеловеческого.

Литература

1. Гаврилов Б. Чингисхан: драматические сцены // Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: в 3 т. Т. III: Драматургия / сост. С. С. Имхелова. – Улан-Удэ, 2011. – С. 472–494.
2. Даржай А. А. Избранное. Поэзия и проза / на рус. яз. – Кызыл: Тываполиграф, 2016. – С. 120.
3. Дугаров Б. Азийский аллюр. – Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2013. – 208 с.
4. Мижит Э. Б. Кым сен, Субедей-Маадыр? (Кто ты, Субедей-Багатур?) // Оргул (Жертвоприношение): драматические произведения / на тув. яз. – Кызыл: «Тываполиграф», 2010. – С. 103–176.
5. Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2010 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28). – С. 284–285.
6. Моринхур [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Моринхур> (дата обращения 9.03.2017).
7. Савинова Т. Б. Жанровые особенности бурятской исторической драматургии второй половины XX – начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2015. – 163 с.
8. Ходаков И. Реабилитация Чингисхана [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/109798-reabilitaciya-chingishana.html> (дата обращения 14.05. 2017).
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории: сб. / пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

УДК 004.056.5:34

© Л.Д. Рассказов
г. Красноярск, Россия
канд. филос. наук, доцент кафедры
философии и социально-гуманитарных наук
Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого
e-mail: rasskazov.ld@gmail.com

Россия в условиях трансформации: философский анализ кризисных социально-культурных и социально-медицинских тенденций

Аннотация. Россия в настоящий период оказалась в условиях системного кризиса, охватившего все сферы общества. Под влиянием глобализационных процессов происходят качественные изменения на всех уровнях и во всех сферах жизне-

деятельности социума. Трансформационные процессы сегодня особенно активно отразились на социально-культурной и социально-медицинской областях общества. Одним из показателей, на примере которого анализируются кризисные тенденции, выступает общественное сознание в неразрывной связи с общественным бытием. Автор настоящего исследования предпринял попытку систематизировать, обобщить и структурировать проблемы, вызванные глобализацией как объективным общественным явлением, охватившим всю человеческую цивилизацию и глобализмом как субъективным процессом, навязанным определенной социальной группой человечеству.

В статье сравниваются бинарные оппозиции интеграция и дезинтеграция в аспектах диалектического метода всеобщей связи и развития явлений и процессов социального характера, а также концепции ноосферного, устойчивого и коэволюционного пути развития общества. Проблема, которую поднимает автор исследования – противоречие между традиционным и инновационным подходами в медицине и культуре, которое необходимо разрешать на основе традиционалистско-консервативной парадигмы в ее современном прочтении. Она имеет более давнее происхождение, чем либеральная, принятая в России в начале XXI века.

Ключевые слова: глобализация, глобализм, инновация, коэволюция, кризис, культура, медицина, традиция, трансформация.

© L.D.Rasskazov

Krasnoyarsk, Russia

Candidate of Philosophy, Assistant Professor

Department of Philosophy, Sociology and Humanities

Krasnoyarsk State Medical University

Russia in Conditions of Transformation: Philosophical Analysis of the Crisis Socio-cultural and Socio-medical Trends

Abstract. Russia currently finds itself in terms of a systemic crisis affecting all sectors of society. Under the influence of globalization processes qualitative changes occur at all levels and in all spheres of society. Transformation processes today have a particularly active impact on the socio-cultural and socio-medical spheres of society. One of the indicators on which the crisis trends were analyzed supports the public consciousness in indissoluble connection with the public being. The author has attempted to systematize, consolidate, and structure the challenges posed by the globalization as an objective social phenomenon in all of human civilization and globalism as a subjective process imposed by the particular social group of humanity.

The paper compares the binary opposition of integration and disintegration in aspects of the dialectical method of universal communication and development of the phenomena and processes of a social nature as well as the concept of noosphere, sustainable, and co-evolutional ways of social development. The author investigates the contradiction between traditional and innovative approaches in medicine and culture that need to be solved on the basis of traditionalist-conservative paradigm in its modern interpretation. It has a long-standing origin than the liberal approach that was adopted in Russia in the early twenty-first century.

Keywords: globalization, globalism, innovation, co-evolution, crisis, culture, medicine, tradition, transformation.

Постановка проблемы. Россия – это большое общество, сложное и слабо структурированное с точки зрения культурно-цивилизационного и социально-культурного подходов. Ключевым моментом в решении социально-культурных и социально-медицинских проблем, на наш взгляд, может выступить традиционалистско-консервативная парадигма, которая вскрывает источник ведущего противоречия современности, называемого «разрывом полюсов» единого целого – российского общества. Под полюсами имеется в виду бинарные оппозиции: «стихия рынка – государственное регулирование», «возможности медицины – риски общества» и др. Р.И. Соколова, исследуя причины глобального кризиса в России, пришла к выводу о том, что «согласно «теории катастроф», систему, оказавшуюся в кризисе, можно вывести из этого состояния только одним способом – установить и найти архетипы – антагонисты «или – или», вызвавшие «разрыв полюсов» единого целого» [13, с. 282–283]. А.С. Ахиезер, систематизируя судьбу большого общества России также на основе «теории катастроф», заключает: «Необходимость постоянного нахождения меры смысла между полюсами экстраполяции и интерпретации имело место из-за социокультурного раскола, т.е. существования в одном обществе прямо противоположных систем смыслообразования, а, следовательно, ценностей и действий» [2, с. 6–7]. По мнению ученого, «раскол – важнейший фактор, определяющий характер и динамику большого общества, судьбу государственности в России. Он выразился в активном противостоянии массового догосударственного сознания (в основном крестьянского) и той формы сознания, которая культивировалась непосредственно в системе государства, в правящем слое (период правления Петра I и после него)» [Там же, с. 6–7]. Р.И. Соколова предлагает перейти от мышления либерального общества «или – или» к традиционалистско-консервативной парадигме, которая основана на мышлении типа «и – и», имеющей более давнее происхождение, чем либеральная» [13, с. 290]. Так сложилось, что наше общество, испытав раздробленность (разрыв) общественного бытия, обрело, соответственно, раздробленное (деформированное) общественное сознание.

Философский анализ кризисных социально-культурных тенденций. Исследуя социально-культурные тенденции в России, мы вынуждены признать, что она может быть охарактеризована как

«большое общество» – сложная, слабо структурированная, не уравновешенная, не сбалансированная система, состоящая из множества разнородных и противоречивых социально-культурных элементов, которые проявляются в непримиримых интеграционно-деинтеграционных процессах и явлениях. Социокультурный подход в аспектах социально-философской методологии – это системное видение, которое исследует общество и его элементы как единство культуры и социальности, познаваемые, регулируемые и преобразуемые деятельностью человека. Человек при социокультурном подходе рассматривается как общественный элемент, связанный системой отношений и культурой в единстве и многообразии норм, ценностей и смыслов. Социокультурный подход, на наш взгляд, должен опираться на следующие актуальные методологические принципы, вскрывающие противоречия современности и указывающие пути разрешения этих противоречий: 1) принцип коэволюции, который позволяет исследовать и регулировать социально-культурные общественные явления в системе природа-общество-человек в их диалектической взаимосвязи и развитии; 2) тектологический принцип, который исследователя и практика выводит на новый мировоззренческий и методологический уровень познания социума в его организационно-деорганизационном историческом пространственно-временном континууме; 3) классический *homoactivus* принцип, согласно которому человек является био-социо-культурным существом, осознающим, что его действия являются компонентом взаимодействия с другими субъектами; 4) принцип консервативного традиционализма, который в противовес принципу демократического либерализма, активно продвигаемому в нашем обществе, позволяет в новом свете увидеть и применить накопленные веками культурные ценности и нормы, а также социальные смыслы многоконфессионального и многонационального российского социума; 5) принцип гуманизма или (антропоцентризма), который исследует человека как главную движущую силу в системах общество-природа и общество-человек.

На рубеже XX-XXI вв. Россия вступила в эпоху глобального социального кризиса, охватившего все сферы жизни общества, который, по утверждению П.А. Сорокина «носит не обычный, а экстраординарный характер, затрагивающий одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты и заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий» [14, с. 429]. Анализируя творчество ученого, М.В. Бадмаева отмечает, что «основными проявлениями кризиса стали кризис культуры, ухудшение социальной и природной среды обитания человека, углубляющееся в мире социального неравенства и т.д.» [3, с. 3], «смена выделенных Сорокиным основных социокультурных суперсистем (идеациональной, идеалистической, чувственной)» происходит в силу динамичности самой природы культуры как глобальной системы. Ни одна из конкретных форм культуры не абсолютна в своих созидательных возможностях. Когда же созидательные силы той или иной культуры исчерпаны, она (и общество в целом) переходят в новую фазу» [3, с. 10]. Следовательно, общество с точки зрения социально-культурной динамики не разрушается окончательно, но переходит в новую фазу своего развития. О.А. Андреева, исследуя социокультурную деятельность современной России, полагает, что «кризис бытия, а, в след за ним и кризис культуры – это еще не конец света, а лишь прохождение определенной части исторического цикла» [1, с. 10]. Если подходить с позиции «воспроизводства» российского общества, то оно неизбежно распадается на два условно отдельных компонента: биологическое (естественное) – потребности первого или гомеостатического уровня, и социальное (искусственное) – потребности второго или адаптационно-регулятивного (курсив наш) уровня. Биологическое основание лишено творчества, и оно стремится к норме, статике. Социальное основание выражено когнитивным и преобразовательным компонентами, приобретенными в процессе эволюции. Сегодня проблема состоит в том, чтобы культурно-цивилизационный и социально-культурный аспекты уравновесить и регулировать в соответствии с общечеловеческими принципами, которые сохраняют жизнь, поддерживают здоровье, создают условия для безопасного и творческого диалога и сотрудничества многонационального и поликонфессионального социума России и всего человечества.

Проблему отношения культурного и социального можно выразить с помощью понятия «общественное сознание», которое, как полагает В.П. Майкова, «представляет собой духовную сферу общества. Через и посредством общественного сознания формируется в обществе правопорядок, осуществляется согласование усилий индивидов, различных социальных групп общества в решении проблем общественного развития» [10, с. 3]. К сказанному добавим, что в условиях кризиса общественное сознание, сохраняя свое «архетипическое ядро», находится в поисках оптимального основания; изменяет верхний «инновационный слой»; стремится к балансу «среднего консервативного слоя». Способом разрешения противоречий современности в аспектах духовного и материального может послужить сбалансированная и уравновешенная связь между общественным

бытием и общественным сознанием как ведущих социальных явлений. Потому что отставание или забегание вперед одного из них приводит к разрыву связей в социально-культурной системе.

Философский анализ кризисных социально-медицинских тенденций. Кризис социально-культурного пространства нашего общества дополняет группа «новых» проблем, которые можно объединить под названием «социально-медицинские», сформированные противоречиями между человеком и природой. В свое время И. Гердер, исследуя сущность взаимодействия общества с природой, пришел к выводу о том, что «врожденная, генетическая жизненная сила по-прежнему присуща, имманентна живому существу, ибо только благодаря ей живое существо есть живое целое, которое сохраняется, растет, действует» [7, с. 183]. Однако уже через двести лет, ситуация на планете Земля, как и в Европе, радикально изменилась, о которой З. Бауман в конце XX-го начале XXI-го вв., писал следующее: «Нас всех «глобализуют» – а быть «глобализуемым» означает в общем одно и то же для всех, кто подвергся этому воздействию» [4, с. 9], «в наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны; их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы» [5, с. 14]. Он говорит о том, что «здоровье как стандарт» уже не актуально, а состояние «физической подготовленности», напротив, занимает все большее пространство деятельного субъекта общества и выглядит как «гонка преследования стандартов» [Там же, с. 85–86]. Поэтому сегодня такие явления как глобализация и медиализация создали беспрецедентные по своим техническим, информационным и морально-нравственным основаниям условия, в которых современный человек не столько стремится к некоторым пределам – нормам устойчивости, сколько уходит от них, преодолевая беспредел – ненормированную дестабилизацию. Мир пришел в движение, он раз и навсегда разбалансирован и стремится не к равновесию, а к своему крайнему положению – убеганию/преследованию ускользающего стабилизационного начала, о чем М. Фуко так писал: «Весьма возможно, что мы принадлежим к критической эпохе отсутствия основополагающей философии, о котором нам напоминает в каждый момент господство и неизбежность: эпохе разума, которая непоправимо отделила нас от обычного языка» [15, с. 16]. С 1972 г. американский психиатр Т. Шаш полагает, что «медиализация – это не медицина и не наука, это социально-семантическая стратегия, которая выгодна одним лицам и несет угрозы другим» [17, с. 129]. Исследуя проблему медиализации общества, Ж. Делез вводит понятие «тело без органов (ТБО)» [8, с. 249], которое характеризуется своим становлением, а «становление – это ризома, глагол со всей его консистенцией; оно нее сводится и не возвращает нас к «появляться», «быть», «соответствовать» или «производить» [8, с. 393]. У. Бек в аспектах своей теории «рисков» вводит понятие «риски здоровья», которые давно уже являются темой рационализации и связанных с ней социальных конфликтов, гарантий (и исследований)» [6, с. 25]. Так формируется «субполитика медицины» [6, с. 306]. В результате проведенного анализа трудов зарубежных ученых, можно сделать вывод о том, что медицина, помноженная на силу научно-технических достижений и власть врачей (медиков), перешагнула порог «естественного» и создала свои пределы морально-этические и физические, которые приближаются все больше к «искусственному», оставляя все меньше места для первородного и метафизического основания социально-культурного, где тело человека стало предметом непрерывных изменений.

Теоретизирование вопросов медиализации общества нашло отражение в творчестве наших ученых. Например, В.П. Казначеев полагает, что «истинного же медицинского осмотра при диспансеризации, при профилактических осмотрах, но обычных приемов врача уже нет. Консилиумов почти не созывается. Мы не знаем, что грозит нашим будущим поколениям при той гигиене семьи, культуре и нравственности» [9, с. 79]. Плохо то, что общественные процессы современной России имеют множество векторов развития – экономический, политический, религиозный и другие. Среди них особое место занимает «медиализация, - по мнению В.Р. Шухатовича, – это процесс, в ходе которого происходит распространение влияния медицины на все новые сферы общественной жизни» [16]. Под медиализацией следует понимать процесс распространения влияния медицины на все сферы общественной жизни, связанные со здоровьем и болезнью человека и известен он еще со времен Древней Греции, когда медицина заняла значимое место в культуре. С философской точки зрения медиализация – это явление, свойственное современному обществу и тесно связано с изменением культурной антропологической парадигмы в XXI в. О медиализации Д.В. Михель пишет, что «первые публикации по вопросу о медиализации появились еще в 1960-е гг., когда возросла социальная и политическая роль медицины в современном обществе» [12, с. 256]. Однако медиализация для России и мирового сообщества – это не проблема, проблема – неконтролируемое расширение и распространение на все сферы жизни человека и

общества медицины. В этой связи В.В. Мантатов и Л.В. Мантатова предлагают «синергические стратегии», которые позволят выявить сущность наступающего «капиталистического общества потребления, опасность которого – следствие невозможности поддерживать высокий уровень материального потребления в западных странах, приводящий к экологической и социальной депривации огромных масс людей во всем мире» [11, с. 19]. В результате проведенного анализа, установлена связь между российскими кризисами и медиализацией общества и выражается она в медиализации, которая служит индикатором социального беспокойства общества, но также может стать альтернативой социокультурного развития. Сегодня налицо кризис общественного сознания, который выражается в том, что человек, воспитанный на мифах и идеалах научно-технического прогресса, уверовавший в могущество человеческого разума, зашел в тупик: будущее как устойчивое наступление на природу через познание ее законов – неизвестно, а возврат к зависимости от природы через ожидание от нее милостей – современный человек себе позволить уже не может. Мы рекомендуем для разрешения кризисной ситуации в России и России на мировой арене установить уравновешивающие обменные связи в области общественного сознания – между индивидуалистическим и коллективистским началом, в области общественного бытия – между инновационным и традиционным подходами. В результате сохранится культурно-историческое наследие общества в богатстве его национальных и государственных образований, а также обнаружатся потенциальные возможности для преодоления социальных кризисов и ликвидации кризисных последствий общества.

Литература

1. Андреева О.А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития/http://society.polbu.ru/andreeva_stability/ch01_iv.html
2. Ахиезер А.С. Россия как большое сообщество // Вестник российского философского общества. – 1993. – №1. – С.3–19.
3. Бадмаева М.В. Социальная философия Питирима Сорокина: сущность, особенности: автореф ... д-ра филос. наук : 09.00.11. – Улан-Удэ, 2006. – 46 с.
4. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 188 с.
5. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
6. Бек У. Общество риска. На пути к модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
7. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: «Наука», 1997. – 704 с.
8. Делез Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
9. Казначеев В.П. Здоровье нации, просвещение, образование. – Москва-Кострома: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Костромской государственной педагогической университет. 1996. – 248 с.
10. Майкова В.П. Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной России : диссер ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Москва, 2014. – 259 с.
11. Мантатов В.В. Синергические стратегии для человеческого развития и окружающей среды / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2013. – №6. – С.14–19.
12. Михель Д.В. Медиализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. – 2011. – № 4 (60). Выпуск 2. – С. 256-263.
13. Соколова Р.И. Глобальный кризис и российское государство: социально-философский аспект: диссер... д-ра филос. наук : 09.00.11. - Москва, 2007. – 324 с.
14. Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
15. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998. – 307 с.
16. Шухатович В.П./http://sociology_encyclopedia.academic.ru
17. Szasz T.S. The Medicalization of Everyday Life: Selected Essays. - Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2007. – 202 p.

УДК 364.65:325.254.4(075.8)

© П.А. Чукреев
г. Улан-Удэ, Россия
д-р социол. наук, профессор
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
E-mail: chykreev00@mail.ru

© А.В. Саргаев
г. Улан-Удэ, Россия
канд. социол. наук
ООО «Технология-комфорт»
E-mail: sargaev_a@mail.ru

Влияние толерантного отношения принимающего общества на социально-культурную и правовую адаптацию мигрантов (на примере Республики Бурятия)

Аннотация. Исследуются процессы социально-культурной и правовой адаптации иностранных граждан в современном российском обществе, критерии, факторы и содержание адаптационных процессов, способы решения задач по их оптимизации.

ции на материалах Республики Бурятия, а также социально-культурные и правовые характеристики мигрантов, определяющие их социальный статус.

Уточнены определение и содержание понятий социально-культурной и правовой адаптации в современных условиях развития российского общества, проанализированы правовые основы обеспечения адаптационных процессов, выявлены проблемные области правовых актов и пути их совершенствования, формы и методы работы органов государственного управления, местного самоуправления и общественных организаций по обеспечению условий для социально-культурной и правовой адаптации иностранных граждан в местах вселения:

Разработаны методологические подходы и методика исследования социально-культурной и правовой адаптации иностранных граждан, выявлены роль и место иностранных граждан в социальной структуре современного российского общества, исследованы скрытые подсознательные показатели, влияющие на адаптационные процессы. В целях исследования скрытых подсознательных показателей был использован социально-психологический метод семантического дифференциала, измеряющий направленность социальных установок путем построения группового семантического пространства с помощью биполярных градуированных шкал.

Предложены мероприятия по оптимизации процессов социально-культурной и правовой адаптации иностранных граждан в РФ.

Ключевые слова: адаптация, толерантность, мигранты, социальный статус, правовая адаптация, население, места вселения, конфликты, адаптационные процессы.

© P.A. Chukreev
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Sociology, Professor
East-Siberian State University of Technology and Management

©A.V. Sargaev
Ulan-Ude, Russia
Candidate of Sociology
'Tekhnologiya-Komfort', Lmd.

Impact of Tolerant Attitude of the Host Society on Socio-cultural and Legal Adaptation of Migrants (the Case of the Republic of Buryatia)

Abstract. The paper examines the processes of socio-cultural and legal adaptation of foreign citizens in the contemporary Russian society. It also examines criteria, factors, and content of adaptation processes, ways of decision of tasks of optimization in the case of the Republic of Buryatia. Also, it analyses socio-cultural and legal characteristics of migrants that determine their social status.

The paper clarifies the definition and concepts of socio-cultural and legal adaptation in modern development conditions of the Russian society, analyzes the legal framework for ensuring adaptive processes, identifies areas of concern in the legal acts and ways of improvement of forms and methods of work of the state administration bodies, local self-government, and public organizations to establish the conditions for socio-cultural and legal adaptation of foreign citizens in places of settlement.

The paper develops methodological approaches and research methods of socio-cultural and legal adaptation of foreign citizens, the role and place of foreign citizens in the social structure of modern Russian society, investigates hidden or subconscious factors influencing adaptation processes. In order to study the hidden subconscious indicators, the paper uses the socio-psychological method of semantic differential which measures the orientation of the social attitudes of the group by constructing a semantic space using a graduated bipolar scales.

The paper proposes measures for optimization of processes of socio-cultural and legal adaptation of foreign citizens in the Russian Federation.

Keywords: adaptation, tolerance, migrants, social status, legal adaptation, population, place of settlement, conflict, adaptation processes.

В современном мире миграция - процесс естественный и постоянный, который неразрывно связан с процессом трудоустройства. Необходимость исследования миграционных потоков во многом обуславливается социально-экономическим развитием Российской Федерации, поскольку потенциал современной российской экономики не может в полной мере реализоваться за счет внутрисубъективных трудовых ресурсов.

Согласно прогнозам Федеральной миграционной службы РФ, дальнейший приток мигрантов в нашу страну будет только расширяться. При этом внешние мигранты, способны оказывать существенное влияние на общество страны резидента, на характер его экономического, социального и культурного развития. Перед обществом встает вопрос проведения грамотной миграционной политики по интеграции и адаптации мигрантов в социальную структуру принимающего общества.

Существенную роль на успешность прохождения мигрантами процессов социально-культурной и правовой адаптации играет уровень толерантности принимающего общества.

Откуда бы ни приехал мигрант, его культура так или иначе отличается от той культурной среды, в которой он вынужден адаптироваться. Поэтому, в первую очередь, необходимо учитывать, что иностранный гражданин – носитель специфической культуры и субкультуры.

Нередко низкий уровень толерантности местного населения становится причиной раздражения, непонимания, приводит к появлению взаимной нетерпимости, следствием которой становятся социальные и межэтнические конфликты. Необходимо учитывать, что иностранные граждане являются

носителями своей уникальной национальной культуры, само их присутствие в принимающем социуме запускает многие социальные процессы, в том числе обогащает и привносит этнокультурное разнообразие в общество страны резидента. На сегодняшний день проживающие в г. Москве иностранные граждане из Африки и стран ближнего зарубежья являются постоянным объектом недовольства и негативного отношения. Социальная изоляция и трудности в социальной адаптации являются реальностью жизнедеятельности иностранных граждан из дальнего зарубежья. Только небольшое количество способно завести близкие и дружеские знакомства среди местных жителей. Вследствие этого даже после продолжительного периода проживания в России мигранты не осваивают русский язык и не включаются в социокультурную и даже правовую структуру принимающего социума.[1, с. 83]

Существует острая необходимость совершенствования работы, направленной на развитие принципа толерантности и нивелирование таких негативных явлений как ксенофобия и дискриминация по национальному признаку. Эта необходимость обусловила еще в 2010 году создание в структуре Федеральной миграционной службы специального подразделения - Управление содействия интеграции. Данное управление, являясь самостоятельным структурным подразделением создано в целях обеспечения участия ФМС России в содействии интеграции иммигрантов в российское общество на основе уважения к российской культуре, обычаям, традициям и жизненному укладу россиян, а также формирования и развития терпимости в отношениях между местным населением и выходцами из других стран в целях предотвращения этноконфессиональных конфликтов.

Вместе с тем ситуация в Республике Бурятия имеет свои особенности. Так, согласно проводимым опросам Управления Федеральной миграционной службы по Республике Бурятия случаев ксенофобии и дискриминации в отношении иностранных граждан на территории нашего субъекта не выявлено. Также согласно результатам экспертного опроса, состояние межнациональных отношений в Республике Бурятия характеризуется респондентами как спокойное (75%) и очень хорошее (25%). Иностранные граждане с большим желанием приезжают в республику, в том числе из других регионов Российской Федерации с целью осуществления трудовой деятельности, а также на постоянное место жительства. По их словам здесь они себя чувствуют более раскрепощено, местное население проявляет к ним толерантное отношение.[2]

В рамках анализа этнокультурной интеграции мигрантов было установлено, что Республика Бурятия, являясь субъектом, социальная система которого фактически существует на стыке нескольких национальных культур, создает благоприятные условия для прохождения культурной адаптации. Мигранты, привнося в жизнь нашей республики этнокультурное разнообразие, благодаря высокой толерантности местного населения к инородным обычаям и традициям, испытывают наименьшие трудности с прохождением культурной адаптации и не встречают отторжения своих национальных особенностей среди коренного населения.

При анализе данного социального процесса необходимо учесть тот существенный фактор, что Бурятия является субъектом, социальная система которого фактически существует на стыке нескольких национальных культур. Приезжая в Республику Бурятия, мигранты благодаря высокой толерантности местного населения к инородным обычаям и традициям, не испытывают больших трудностей с прохождением культурной адаптации.

В целях анализа этнокультурного взаимодействия в анкету был включен вопрос о том, были ли у мигрантов проблемы по соблюдению культурных обычаев и традиций в районе поселения. Подавляющее большинство (87%) не испытывали проблем, 13% отметили, что да испытывали проблемы. Как было установлено культурная адаптация вызвала наименьшие трудности при её прохождении, всего 11% респондентов назвали её наиболее трудной. При исследовании показателей культурной адаптации стоит учитывать, что многим гражданам в Республике Бурятия с детства привита толерантность к инокультурным обычаям и традициям. Близкие по значению данные получены в ранее проведенных исследованиях (З.А. Данилова, Н.В. Прокушева) где выявлено, что по самооощениям мигрантов отношение жителей Бурятии к ним более лояльное, по сравнению с соседними регионами. Мигранты, привнося в жизнь нашей республики культурное разнообразие, не встречают отторжения своих культурных особенностей среди коренного населения.

Таким образом, на примере социологических данных полученных в результате исследования адаптационных процессов на территории Республики Бурятия, можно сделать выводы о наличии благоприятных условий для культурной адаптации мигрантов, являющихся следствием толерантности населения.

Данные полученные в результате нашего исследования позволяют говорить о высоком потенциале и высокой степени предрасположенности к этнокультурной интеграции, когда между мигрантами и принимающим населением устанавливаются тесные контакты, происходит объединение в единое общество, при этом каждая из групп сохраняет свою культуру.

Доходы и заработная плата мигрантов выше чем у себя на родине, однако, социальные составляющие перекрывают экономические выгоды, поскольку мигранты испытывают давление со стороны властей, работодателей и даже, не смотря на то что, основная часть мигрантов ощущает высокую удовлетворенность социальной средой принимающего социума, наличие большого количества трудностей таких как: отсутствие государственных программ социально-культурной адаптации, недостаток мер социальной поддержки, стремления основной части мигрантов покинуть принимающее государство и, как следствие, низкой потребности в прохождении социально-культурной адаптации, а также недостатка свободного времени и малого количества контактов с местным населением, реальной интеграции не происходит.

Мигранты-предприниматели (всего 11% респондентов) по результатам нашего исследования в основном находятся в Республике Бурятия свыше 3-х лет, они стараются больше общаться с местным населением, заводить знакомства и связи, имеют друзей. Их показатели говорят о достаточно высокой степени интеграции. Они соблюдают и уважают обычаи и традиции местного населения, при этом сохраняют свою национальную культуру.

Как было отмечено, показатели правовой адаптации достаточно редко попадают в поле зрения исследователей. Изучение данного процесса раскрывается через такие социологические переменные как правовая осведомленность, правомерное поведение, социальная установка по отношению к органам государственной власти, потребность в прохождении процесса правовой адаптации, наличие правовых проблем, ощущаемых мигрантами на новом месте поселения.

Значительная часть мигрантов (41%) независимо от возрастной категории отмечают более высокую необходимость и проблематичность прохождения процесса правовой адаптации, по сравнению с другими видами. При исследовании правовой адаптации, необходимо отметить важность данного процесса, поскольку он напрямую связан с правомерным поведением. Мигранты, не прошедшие правовую адаптацию, маргинализируются, начинают вести асоциальный и преступный образ жизни, тем самым порождая угрозу правовым основам нашего государства. Примером этому может служить китайский рынок 90-х годов, известный как «Шанхай» в г.Иркутске. Как указывает профессор В.И. Дятлов до его создания (1993г.) китайцы торговали с рук на некоторых центральных улицах, что создавало там жуткую толчею и антисанитарию. Ни о каком лицензировании и взимании налогов не могло идти и речи. Поэтому власти отвели китайским торговцам место в центре города, первоначально там собиралось 500-600 продавцов, к 1998г. площадь «Шанхая» выросла уже втрое.[3, с. 129]

Из простой площадки для торговли он превратился в своеобразный социальный организм с довольно жесткой структурой, нормами, правилами, обычаями. Помимо официальной администрации здесь эффективно функционируют различного рода неофициальные управленческие структуры, лидеры, хозяева. Они жестко организованы, структурированы, связаны сложной системой взаимных обязательств и ответственности. Экономическая деятельность китайских мигрантов, процессы их внутренней самоорганизации не замыкаются «Шанхаем». Неофициально, но от этого не менее эффективно, функционирует развитая сеть нелегальных финансовых учреждений («китайских банков»), подпольных мастерских по производству поддельных документов, казино и т.д. Представители правоохранительных органов уверенно говорят о китайской организованной преступности и о ее тесных связях как с российскими «коллегами», так и с криминалом в КНР [4]

Так же следует учитывать, что при выборе региона вселения, одним из условий, влияющих на выбор мигрантов, является степень социально-культурных различий по сравнению со страной выхода мигранта. Выбрав регион наиболее близкий к традициям и обычаям его национальной культуры, он тем самым может облегчить прохождения социально-культурной адаптации или вообще не испытывать необходимость в её прохождении. В отношении правовой адаптации мигранты лишены такой возможности, необходимость в правовой адаптации будет присутствовать всегда, поскольку Российская Федерация обладает единым правовым пространством, действие законов распространяется на всю ее территорию. Таким образом, мигрант независимо от места вселения испытывает на себе действие законов, он обязан не нарушать их, а также соблюдать все установленные предписания.

Часто по незнанию, мигранты не пройдя какие-либо регистрационные процедуры, попадают вне поля действия закона и хотя государство закрепляет одинаковый объем прав, в реальности мигрант лишается в определенной степени их гарантии и защиты. Так З.А. Данилова в своем исследовании отмечает, что лишь четверть мигрантов чувствуют себя защищенными от произвола чиновников и правоохранительных органов, две трети мигрантов ощущают защиту от иных преступных посягательств, причем у мигрантов-предпринимателей данный показатель в два раза ниже.[5, с. 120] Практически за последние пять лет мало, что изменилось. Если права мигранта были нарушены, то после депортации отсутствует потерпевшее лицо, соответственно и нет необходимости проводить след-

ственные мероприятия.

Поскольку первоначальным этапом правовой адаптации является получение правовых знаний о законах принимающего государства, правовая осведомленность является одним из важнейших показателей данного вида адаптации. На вопрос знаете ли вы законы Российской Федерации и Республики Бурятия, 34% опрошенных респондентов ответили, что знают, 34% ответили отрицательно, 32% указали, что скорее нет, чем да.

Знание законов во многом определяется продолжительностью пребывания. Мигранты, находящиеся в республике свыше трех лет обладают более высокими показателями правовой осведомленности, по сравнению с мигрантами, находящимися в нашей стране не так давно (1-2года).

Правовая осведомленность также во многом связана с потребностью и стремлением в прохождении процесса правовой адаптации. Так, среди мигрантов-предпринимателей показатели правовой грамотности наиболее высоки – почти все указали, что знают законы РФ и Республики Бурятия, при этом, почти все они проживают в республике более 3-х лет. Почти четверть мигрантов-рабочих, порядка 26% отметили высокое знание законов нашего государства, большинство из них также проживают в республике более 3-х лет. Данные мигранты стремятся закрепиться в России на долгосрочной основе, у них присутствует ярко выраженная потребность и стремление овладеть новыми правовыми знаниями и использовать их для достижения своих целей.

Для исследования потребности в прохождении правовой адаптации в анкету был включен вопрос о способе, с помощью которого мигранты желают получать информацию о законах РФ. Около половины (41%) мигрантов выразили мнение, что эту информацию им должны предоставлять сотрудники УФМС, 17% мигрантов считают, что этим должны заниматься социальные службы. Оставшаяся часть мигрантов (42%) указали, что для получения знаний необходима разработка специальной программы правовой адаптации.

Приведенные данные показывают, что среди мигрантов-предпринимателей и части мигрантов-рабочих существует достаточно высокая потребность в правовой адаптации. В отношении тех мигрантов, которые не желают оставаться в республике на длительный срок, можно сделать вывод, что они стремятся овладеть правовыми знаниями на уровне, необходимом для получения заработка.

Таким образом, для большинства рабочих-мигрантов характерен, низкий уровень правовой осведомленности, однако это не указывает на их низкую правовую культуру. Поскольку её уровень во многом зависит от страны выхода мигранта, и может быть достаточно высоким благодаря сформированной до миграции системе моральных или религиозных ценностей.

Мигранты-предприниматели, по сравнению с мигрантами-рабочими, испытывают большую потребность в правовой адаптации, поскольку частная, индивидуальная предпринимательская деятельность связана с необходимостью большего объема регистрационных процедур и требует знаний не только связанных с правом на трудовую деятельность физических лиц, но и основ законодательства о деятельности юридических лиц, предпринимательской деятельности и сферы налогообложения. Среди основных законов можно отметить Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства», Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и другие.

Мигранты, прибывшие в нашу страну для прохождения образовательных программ, отметили низкую потребность в правовой адаптации, всего 10% учащихся, это объясняется тем, что регистрационные процедуры проходят при поддержке учебных заведений страны выхода и страны резидента, производятся по специальным программам или предварительным договоренностям. Их круг общения в основном ограничивается учебным заведением, местом проживания, посещением развлекательных мест или культурных достопримечательностей, в связи с этим потребность в правовой адаптации и уровень правовой осведомленности, по сравнению с мигрантами рабочими и предпринимателями значительно ниже.

В целях исследования правомерного поведения в анкету были включены вопросы о соблюдении мигрантами законодательства Российской Федерации и причинах, по которым мигранты нарушают закон. Почти все респонденты (96%) указали, что выполняют требования законов нашего государства, 4% ответили отрицательно, при этом на вопрос о причинах нарушения ответили всего десять процентов респондентов, 8% указали что, нарушение произошло из-за незнания законов, 2% знали, что идут на правонарушение, но обстоятельства были сильнее.

Таким образом, основная часть мигрантов (99,75%) предпочитает соблюдать законы принимающего государства, среди них не наблюдается явного пренебрежения к основам правопорядка, при этом необходимо отметить, что правомерное поведение может быть обусловлено, наличием моральной установки, системы религиозных ценностей или жесткой правоохранительной системой стран

доноров или даже наличием высокого уровня правовой культуры. Тем не менее, говорить о развитом правовом сознании следствием которого становится признание права как высшей ценности и способствование всеми силами укреплению сложившегося правопорядка в обществе затруднительно, скорее всего, законы соблюдаются мигрантами из-за страха перед наказанием, а также более суровым отношением представителей органов власти к ним как гражданам иного государства. Необходимо также отметить, что нарушение миграционного законодательства может привести к такой крайней мере как депортация, с последующим лишением права въезда на территории нашего государства, что фактически лишает мигранта дальнейшей возможности отправиться на заработки в Россию.

Литература

1. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. –М.: 2001.
2. Управление федеральной миграционной службы России по Республики Бурятия / Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Республике Бурятия по реализации государственной политики в сфере миграции в регионе за 2013г. // URL:<http://www.ufmsrb.ru> (дата обращения 10.04.2014г.)
3. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). –М.:Наталис, 2000.– 190 с.
4. Газета. Восточно-Сибирская правда, 1998, 9 апреля.
5. Данилова З.А. Трудовые иммигранты: адаптация в принимающем обществе. (региональный аспект) /Монография. – Улан-Удэ; Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 233с.

УДК 316.74:2(571.54)

© Т.Б. Бадмацыренов
г. Улан-Удэ, Россия
канд. социол. наук, доцент кафедры политологии и социологии,
директор Центра социально-политических исследований БГУ «Альтернатива»,
Бурятский государственный университет
e-mail: batorovitch@mail.ru

© Г.В. Тартыгашева
г. Улан-Удэ, Россия
канд. социол. наук, доцент кафедры политологии и социологии,
Бурятский государственный университет
e-mail: tarty@yandex.ru

Социокультурные особенности интеграции буддийских сообществ современной Бурятии²

Аннотация. В современной России происходит динамичное развитие буддийских сообществ. Ключевым вопросом для них является интеграция систем социальных статусов-ролей и практик, в которой соотношение ценностного ядра, идей и действий является важнейшим фактором построения нормативных границ сообществ. Целью данной статьи является изучение социокультурных особенностей интеграции буддийских сообществ. Изучение способов интеграции буддийского сообщества как сложной конфессиональной общности верующих сопряжено с рядом методологических трудностей. Сложная структура этой социальной общности включает в себя множество интегративных элементов, функционирующих на глобальном, международном, национальном и местном уровнях. Существуют социокультурные модели буддийского сообщества, отражающие как региональную этнокультурную специфику, так и воспроизводящие культурные образцы разных направлений и школ. Течения, школы и направления принято считать весьма важными структурами в описании буддийских сообществ. Вместе с тем, представления буддистов о такой дифференциации могут довольно сильно отличаться от научных и доктринальных классификаций. Кроме того, социальные границы и практики включения этого сообщества весьма неопределенны, ориентированы как на большие номинальные общности, так и реальные группы. Интеграция буддийских сообществ представляет собой малоизученный процесс, в котором происходит формирование общностей нескольких типов. Интегративная система буддийского сообщества включает нормативные институты, буддийские религиозные философско-этические и моральные ценности, оформленные в религиозные нормы, предписания, правила, традиции и обеты, разделяемые представителями «буддийского» сообщества.

Ключевые слова: буддизм, интеграция, буддийские сообщества, Бурятия, социокультурные особенности.

©Т.В. Badmatsyrenov,
Ulan-Ude, Russia
Candidate of Sociology, Associate Professor
Department of Political Science and Sociology
Director of the Center for Social and Political Studies of the Buryat State University "Alternative",
Buryat State University

² Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-06-00340 А "Разработка математических моделей виртуальных буддийских сообществ в социальных сетях"

Socio-cultural Peculiarities of the Integration of Buddhist Communities in Contemporary Buryatia

Abstract. In contemporary Russia, there is a dynamic development of Buddhist communities. The key issue for them is the integration of systems of social statuses, roles, and practices in which the correlation of the core values, ideas, and actions is the most important factor in building the normative boundaries of communities. The purpose of this paper is to study the socio-cultural peculiarities of the integration of Buddhist communities. The study of the integration of the Buddhist community as a complex faith-based community of believers involves a number of methodological difficulties. The complex structure of this social community includes many integrative elements functioning at the global, international, national, and local levels. There are socio-cultural models of the Buddhist community, reflecting both regional ethno-cultural specifics, and reproducing cultural patterns of different directions and schools. Movements, schools, and directions are considered to be very important structures in the description of Buddhist communities. At the same time, Buddhist representations of such differentiation may quite differ from scientific and doctrinal classifications. In addition, the social boundaries and practices of including this community are highly uncertain, geared towards both large nominal communities and real groups. The integration of Buddhist communities is a received little scholarly attention. It is a process in which communities of several types are formed. The integrative system of the Buddhist community includes normative institutions, Buddhist religious philosophical and ethical and moral values framed in religious norms, prescriptions, rules, traditions, and vows that are shared by representatives of the "Buddhist" community.

Keywords: Buddhism, Integration, Buddhist communities, Buryatia, socio-cultural peculiarities

Проблема социальной интеграции в социологии является центральной исследовательской темой. Изучение способов обеспечения целостности общества в целом, так же как и его частей, стали неотъемлемой частью предметной области социологического знания. В классических социологических теориях одним из важнейших институтов интеграции общества представлялась религия. Целью данной статьи является изучение социокультурных особенностей интеграции буддийских сообществ.

Изучение способов интеграции буддийского сообщества как сложной конфессиональной общности верующих сопряжено с рядом методологических трудностей. Сложная структура этой социальной общности включает в себя множество интегративных элементов, функционирующих на глобальном, международном, национальном и местном уровнях. Существуют социокультурные модели буддийского сообщества, отражающие как региональную этнокультурную специфику, так и воспроизводящие культурные образцы разных направлений и школ. Течения, школы и направления принято считать весьма важными структурами в описании буддийских сообществ. Вместе с тем, представления буддистов о такой дифференциации могут довольно сильно отличаться от научных и доктринальных классификаций. Кроме того, социальные границы и практики включения этого сообщества весьма неопределенны, ориентированы как на большие номинальные общности так и реальные группы. Существенно, что во многих исследованиях указывается на определяющее воздействие генезиса буддийских философских систем на институциональную эволюцию сангхи. Так, Лысенко В. Г. в исследовании ранней буддийской философии выделяет досистемную и системную стадии ее развития, причем, «если первому, досистемному этапу отвечал тот период развития буддийского сообщества – сангхи, когда оно представляло собой группу странствующих монахов-одиночек, объединенных только целью собственного спасения, то второму – сангха, которая стала постепенно превращаться в организацию, выполнявшую уже гораздо более сложные и многочисленные функции». [4, с. 125] С. Ю. Лепехов выделяет ряд факторов, способствующих возникновению новых школ или выделения новых из состава старых. Во-первых, «диалог с правителем» в котором лидеры религиозных групп рассчитывали не только на политическую, но, что еще важнее, на материальную поддержку властей. Во-вторых, углубление и детализация отдельных пунктов буддийского учения, а также инкорпорацию в него элементов учения небуддийских философских направлений, которая осуществлялась бывшими адептами этих направлений, перешедшими по тем или иным причинам в буддизм. В-третьих, отражение местной специфики (зачастую на уровне каких-то внешних признаков). [3, с. 8]

Интегративная система буддийского сообщества включает нормативные институты, буддийские религиозные философско-этические и моральные ценности, оформленные в религиозные нормы, предписания, правила, традиции и обеты, разделяемые представителями «буддийского» общества. Социетальная система определяет границы сообщества: индивид, статус которого не соотносится с каким-либо из этих статусов, занимает внешнее положение по отношению к системе буддийского социума, монашеской, тантрической или мирской общине.

Сюда включена система норм, регулирующих взаимодействие социальных статусов-ролей в рам-

ках буддийского сообщества, на основе которых формируется его групповая солидарность. Прежде всего, это положения Винаи, предписывающие стандарты поведения различных категорий буддийского духовенства и мирян, а также обеты бодхисаттвы и тантры. Обеты Пратимокши представляют собой комплекс восьми обетов нравственной дисциплины, на основе которых конституируются социальные статусы от мирянина до монаха.

В современной России происходит динамичное развитие буддийских сообществ. Важным элементом их функционирования выступает интеграция членов сообществ в системе статусов-ролей и совместных социальных практик. В буддийских сообществах вопрос о ценностном ядре и соответствующих идеях и действиях является важнейшим фактором построения их нормативных границ. И для центра, и для периферии этих сообществ вопрос о признаваемых стандартах является не схоластическим и теоретическим, а прямо направлен на определение жизненных социальных стратегий функционирования институтов авторитета, престижа и членства. Более того, процесс нормативной интеграции и разработки нормативного видения является центральной практикой включения членов сообществ.

Со времени возникновения буддийская четырехчастная община — сангха — включала сангху монахов и монахинь и сангху мирян и мирянок.

Монашеская сангха, община монахов (санскр. бхикшу, тиб. гелонгов, бур. гелунов) и монахинь (санскр. бхикшуни, тиб. гелонгма), включала также и переходные статусы «неполных» монахов и монахинь. В процессе развития буддийских школ сформировалось несколько линий передачи этико-нормативного канона – Винаи. В настоящее время сохранилось три линии Винаи – Дхармагуптака (дальневосточный буддизм), Тхеравада (буддизм Юго-Восточной Азии) и Муласарвастивада (буддизм Гималайского региона, Монголии, России) Следует отметить, что географические коннотации здесь указаны скорее в историко-культурном смысле, поскольку региональные особенности буддизма вариативны, особенно в свете изменений XX и XXI вв.

Интеграционный потенциал буддийских сообществ часто рассматривается через призму этнического измерения. Авторы доклада Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования считают, что буддийские религиозные общности выступают консолидирующим признаком для «разбросанного» по регионам бурятского этноса [6, с. 12]. Многие исследования показывают значимость буддийской идентичности для бурят. Так, по данным исследования И.Э. Елаевой, в 1996-1997 гг. буддизм в качестве этноидентифицирующего признака указали 35,2 % респондентов, в 2002-2003 гг. году – 46,7% [2, с. 215]. По результатам исследований Ц.Б. Будаевой, две трети респондентов-верующих – православные, около трети – буддисты, причем 87% респондентов, назвавших себя буддистами в 2011 г. – буряты (в 2009 году среди респондентов-буддистов было 95,5% бурят)[5, с. 44].

Вместе с тем, этническая и религиозная идентичность совпадают лишь частично. В современной России возникли буддийские группы смешанного этнического состава, и для них религиозная идентичность связана с этнической в гораздо меньшей степени. С. Б. Филатов и Р. Н. Лункин различают «этнический принцип» в изучении религиозности и «культурную религиозность», основанную на религиозной самоидентификации. Самопричисление индивида к религиозным общностям, как считают эти авторы, имеет большое значение для мировоззрения, культурной, нравственной и политической ориентации, хотя он может не разделять его верования, не участвовать в обрядах и не входить в религиозную общину [7, с. 35].

Традиционно для бурятского буддизма была характерна дацанская монастырская организация, наряду с которой существовали внемонастырские йогические отшельнические сообщества, группы т.н. «степных» и «бродячих» лам и приходские общины мирян. Дацаны воспроизводят традиционные церковные институты должностной иерархии, управления, образования и религиозной практики в форме монастыря, который конституировался на основе монашеской общины. Большинство современных дацанов Бурятии входят в состав Буддийской традиционной сангхи России, три находятся в составе ЦРО «Майдар» и несколько сохраняют автономный статус. Другой тип буддийских общин, также воспроизводящих традиционные институты, но не в монастырской форме, часто называют дуганами. Дуган в тибетском, монгольском и бурятском языках это молитвенный зал или отдельный храм в монастыре. В постсоветское время этот термин также начали использовать для обозначения помещений, используемых буддийскими общинами в населенных пунктах и приспособленных для религиозной деятельности. Таким образом, в современной Бурятии сформировалось два типа сообществ профессиональных буддийских священнослужителей. Буддийские священнослужители профессионально заняты в сфере отправления буддийского культа, специальной религиозной подготовки (образования), управления буддийскими религиозными организациями, имеют квалификацию «лама», приняли обеты религиозной дисциплины генина, гецула, гелонга, входят в состав буддийских религиозных объединений и обладают признанием со стороны других

буддийских священнослужителей и мирян. При этом в данную группу нами включается группа хуварарков, лиц, получающих специальное религиозное буддийское образование, на основании того, что они отвечают всем критериям, определяемым для группы «ламы», хотя и не имеют соответствующих им квалификации и статуса [1, с. 126].

Миряне как термин обозначает верующих, остающихся в «миру», то есть в обществе, в отличие от монахов, ведущих аскетический образ жизни в монастырях или в уединении. Такое различие мирянин/монах в целом имеет христианоцентричный смысл, но довольно давно вошло в буддологический обиход и довольно полно отражает систему различий между двумя социальными общностями – буддистами-мирянами и буддийскими монахами. Различия между верующими буддистами основывались на положениях Пратимокша-сутры Винаи, в которой содержатся требования буддийской этики в отношении к социальным статусам, дифференцированным по дисциплинарным обетам и полу. Миряне и мирянки, входившие в буддийскую общину, принимали Прибежище в Будде, Дхарме и Сангхе и соблюдали Панчашилу, состоящую из пяти обетов: не брать не принадлежащего себе, не принимать опьяняющие вещества, не убивать, не лгать и не прелюбодействовать. Мужчины-миряне таким образом занимали статус упасака (тиб. генин, монг., бур.убаши), женщины-мирянки — статус упасика (тиб. генинма, монг. бур. убасанза, шабаганса). Существует практика принятия частичных обетов мирянина, при которой индивид придерживается отдельных обетов, вплоть до какого-то одного. Обеты принимаются на определенный период или на всю жизнь. Иногда мирянами практикуется принятие обета безбрачия. Следует отметить, что в целом, практика мирских обетов индивидуального освобождения (обетов Пратимокши) не слишком различается в буддийских странах, в то время как линии монашеской Винаи, а их в современном мире сохранилось три, характеризуются различиями, касающимися различных нюансов монашеской этики.

Среди сообществ буддистов-мирян можно выделить два основных типа. Первый из них охватывает локальные группы прихожан буддийских дацанов-монастырей этнической Бурятии. Эти группы складываются в рамках территориальной «приходской» организации современных буддийских монастырей, воспроизводящей с определенными изменениями сложившуюся к началу XX века систему. Для приходских сообществ характерно отсутствие индивидуального формального членства, индивиды в них входят на условиях коллективного аскриптивного территориального и родового членства.

В другом типе сообществ представлены общины буддистов-мирян, организованные вокруг конкретных лидеров и учителей. Для этих групп характерно индивидуальное членство, и, хотя локальные группы и организации формируются на территориальной основе, для них в большей степени характерно внелокальное воспроизводство. В рамках данной работы представлено исследование сообщества учеников геше Джампа Тинлея и Еше-Лодой Ринпоче.

Особо следует отметить немногочисленные йогические отшельнические сообщества, хотя их исследование весьма затруднено ввиду их относительной закрытости.

Неструктурированные диффузные сообщества, включающие людей, слабо интегрированных в буддийские практики и идеи, охватывают весьма значительное число верующих, ориентированных на более определенные группы, монастыри, дуганы или мирские общины. Интерес представляют также сообщества в сети Интернет, в которых формируются новые религиозные и квазирелигиозные представления и действия, многие из которых ориентированы на буддийские идеи.

Таким образом, буддийские идеи, ценности и практики выступают интегрирующим фактором для сообществ нескольких типов. Нормативная интеграция тесно связана с процессами формирования социальной структуры этих сообществ и является ключевым компонентом их развития.

Литература

1. Бадмацыренов Т.Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа (на материалах Республики Бурятия). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2012. – 146 с.
2. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период) - Иркутск: Изд-во РПЦ «Радан», 2005. – 246 с.
3. Лепехов С. Ю. Монастыри и философские школы как основные структурообразующие элементы буддийской цивилизации. // Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность. Материалы конференции. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 3-39.
4. Лысенко, В.Г., Терентьев, А.А., Шохин, В.К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 383 с.
5. Межнациональные, религиозные, этнопсихологические реалии Бурятии и вопросы гражданской активности населения (отв. ред. Ц. Б. Будаева). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. – С. 44.
6. Религиозные общности в современной России и их консолидирующий потенциал: предварительные выводы / Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 3. – М.: Научный эксперт, 2013. – 48 с.
7. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005 – № 6. – С. 35.

Оценка населением качества услуг учреждений культуры

Аннотация. В настоящее время качество услуг регламентируется международным стандартом «Административное управление качеством и элементы системы качества». Поэтому повсеместно большое внимание уделяется вопросам замера качества услуг, предоставляемых учреждениями культуры, путем установления обратной связи с потребителями услуг.

Статья посвящена анализу уровня удовлетворенности жителей Бурятии качеством услуг, предоставляемых учреждениями культуры. В работе большое внимание уделено исследованию дифференциации данного показателя в разрезе социально-демографических групп населения. Выявлено, что качеством услуг, предоставляемых учреждениями культуры, больше других удовлетворены лица, имеющие высшее образование. Среди возрастных групп населения меньше других удовлетворены пожилые граждане (60 лет и старше). За последние годы наблюдалась положительная динамика уровня удовлетворенности жителей Бурятии качеством услуг учреждений культуры.

В работе подчеркнута роль институтов гражданского общества (союза писателей, журналистов, театральных деятелей и т.д.) в формировании культурных потребностей населения, в т.ч. путем проведения разъяснительной и просветительской работы среди разных категорий населения, особенно менее образованных и пожилых. Активизация деятельности институтов гражданского общества не только обеспечит взаимодействие власти и общества, что естественно, но и приведет к улучшению взаимодействия ячеек гражданского общества с населением.

Ключевые слова: культура, роль культуры в развитии общества, качество муниципальных и государственных услуг, удовлетворенность населения качеством услуг, предоставляемых учреждениями культуры.

© D.Ts. Budaeva
 Ulan-Ude, Russia
 Candidate of Politics, Assistant Professor
 Department of Menegement
 Buryat State University

Public Assessment of Cultural Bodies' Service Quality

Abstract. Currently, the quality of services is regulated by the international standard 'Administrative management of quality and elements of quality system'. Therefore, a lot of attention is paid to measuring of service quality by cultural bodies by establishing of feedback from customers.

The paper analyses the level of satisfaction of Buryatiya residents with the quality of services provided by the cultural bodies. The paper examines differentiation of this indicator in the context of socio-demographic groups. The paper established that people with higher education are more satisfied with the quality of services provided by the cultural bodies. Among the age groups, older people (60 years and older) are less satisfied than others. In recent years, there was a positive dynamics among Buryat residents with the level of satisfaction with the services provided by the cultural bodies.

The paper stresses out the role of civil society institutions (i.e. unions of writers, journalists, theatrical figures) in shaping public cultural needs, including by conducting explanatory and education works among different categories of the population, especially less educated and elderly people. Increasing activities of civil society institutions would not only ensure interaction between the government and society but would also lead to better interaction between civil society cells.

Keywords: culture, role of culture in social development, quality of municipal and governmental services, public satisfaction with quality of services provided by cultural bodies

В 2005 году органы власти Российской Федерации, повернувших лицом в сторону решения социальных проблем³, «забыли» сферу культуры. Между тем культура – это не только специализированная область творческой деятельности, но и вся совокупность структур, образцов, вся специфика восприятия и истолкования реалий человеческой деятельности. Поэтому культура служит духовным фундаментом государственности; формирует патриотические чувства; служит связующей нитью всех народов и народностей, проживающих в Российской Федерации; оказывает большое влияние на формирование качества жизни населения и на улучшение социального самочувствия людей. Не случайно поэтому 2014 год объявлен годом культуры. Цель проведения года культуры – это привлечение внимания общества к вопросам развития культуры, сохранение культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире.

Важной информационной базой разработки и принятия системных мер, направленных на развитие культуры, служат материалы, собранные в ходе проведения опросов общественного мнения населения. Они проводятся во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

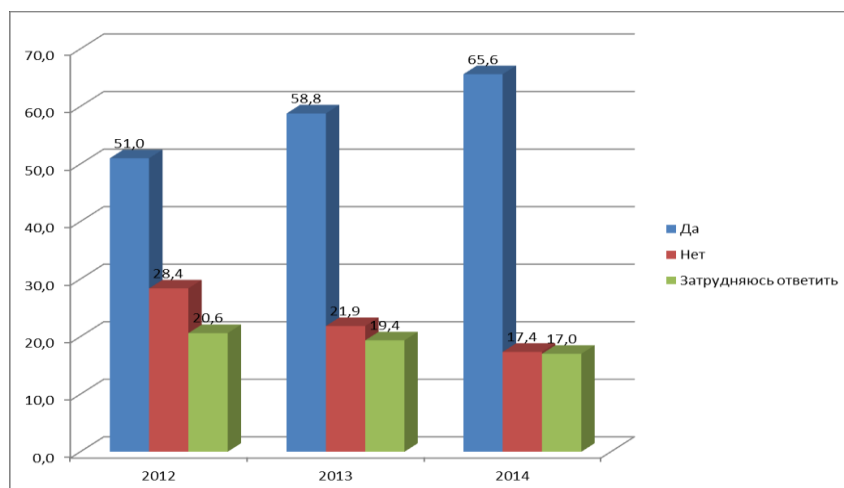
³ В 2005 году был дан старт четырем национальным проектам: «Образование», «Здоровье», «Доступное жилье», «Развитие агропромышленного комплекса».

ской Федерации», а также во исполнение Указа Президента Республики Бурятия № 101 от 10.03.2009 г. «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Бурятия». До 2015 года опросы общественного мнения проводились методом формализованного интервью по месту жительства респондента. Начиная с 2015 г., ежегодный мониторинг общественного мнения населения проводится по IT-технологии, в рамках которого исследуется узкий круг показателей. А именно:

- удовлетворенность населения организацией транспортного обслуживания в муниципальном образовании;
- удовлетворенность населения качеством автомобильных дорог в муниципальном образовании;
- удовлетворенность населения жилищно-коммунальными услугами: уровнем организации теплоснабжения, водоснабжения (водоотведения), электроснабжения;
- удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления (в том числе главы муниципального района/городского округа, администрации муниципального района/городского округа, совета депутатов муниципального района или городского округа). Поэтому имеющаяся информация, раскрывающая уровень удовлетворенности населения качеством услуг учреждений социальной сферы (в том числе культуры), заканчивается 2015 годом.

Анализ имеющейся в нашем распоряжении информационной базы позволяет заключить, что за 2012-2014 гг. заметно возрос уровень удовлетворенности населения качеством услуг, предоставляемых учреждениями сферы культуры (рис.1)

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «В целом Вы удовлетворены или нет качеством услуг сферы культуры?»

Однако данный показатель имеет заметный разброс в разрезе возрастных групп населения. При переходе от молодых к старшим и пожилым возрастным группам населения снижается уровень удовлетворенности качеством услуг, предоставляемых учреждениями культуры (табл.1).

Таблица 1

Удельный вес лиц, удовлетворенных качеством услуг учреждений культуры в разрезе возрастных групп, в %

Показатель	Возрастные группы (лет)				
	18-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Уровень удовлетворенности качеством услуг учреждений культуры	63,9	63,3	63,1	60,5	53,9

Ранжировка ответов в разрезе образования показал, что при переходе от менее образованных групп к более образованным группам неуклонно растет доля лиц, удовлетворенных качеством услуг, предоставляемых учреждениями культуры. Так, уровень удовлетворенности населения качеством услуг учреждений культуры среди лиц, имеющих неполное среднее образование, составил 50,5%, общее среднее – 60,8%, среднее специальное – 61%, высшее – 64,4%.

Примерно 40% лиц, имеющих высшее образование, устраивают услуги, предоставляемые учреждениями культуры. Данный факт, видимо, говорит о том, что именно они составляют основной ко-

стак потребителей услуг учреждений культуры. Среди взрослого населения Бурятии доля лиц, имеющих высшее и неполное высшее образование, составляет примерно 33%.

Какой же вывод можно сделать на основе полученных данных. По мнению жителей Бурятии, наблюдается улучшение качества услуг, предоставляемых учреждениями культуры республики. Однако не полностью удовлетворяются потребности массовой публики, интересующейся в основном развлекательными мероприятиями.

Для более полного удовлетворения запросов населения надо серьезное внимание уделить разъяснительной и просветительской работе среди разных категорий населения, особенно менее образованных. Эта работа должна обеспечить формирование культурных потребностей населения и потребление продукции профессионального искусства, в значительной мере элитарного искусства.

В этом деле большую роль должны играть и институты гражданского общества (то есть союзы писателей, союзы журналистов, театральные деятели и т.д.). Ведь именно институты гражданского общества призваны активизировать диалог власти и общества, служить народу, заниматься просвещением местного сообщества, содействовать формированию культурных запросов.

Если государственные и муниципальные органы власти совместно с общественными организациями не будут проводить разъяснительную и просветительскую работу среди разных категорий населения, особенно менее образованных, если не пробудят интерес общества к продукции учреждений культуры, то концертные и театральные залы могут быть полупустыми, а картинные галереи мало посещаемыми.

Далее, надо развивать те виды услуг, которые соответствуют уровню развития потребностей разных групп населения (молодежи, пожилых людей, менее образованных категорий населения и т.д.). Одним словом, должна быть проведена адресная работа.

Для дальнейшего сохранения устойчивости страны органы власти всех уровней и общественные организации, призванные содействовать развитию культурного потенциала страны, не должны останавливаться на достигнутом. Надо уделить серьезное внимание вопросам общественной поддержки, формированию социальной базы. Только такой подход может обеспечить вывод культуры на ту высоту, которая отвечает запросам разных категорий населения и общества в целом.

УДК 323.1 (571.54)

© Б.Э. Пуиг Порталь
канд. филос. наук, преподаватель-исследователь Центра теологических и религиоведческих исследований Факультета гуманитарных наук; директор академической программы Свободных искусств по направлению «социальные науки»
Университет Росарио
Богота, Республика Колумбия

Ключевые проблемы языковой политики в Республике Бурятия

Аннотация. В условиях глобализации языковая политика является одной из первостепенных тем повестки дня для мультикультурных обществ многонациональных государств. С конца XX-го века в Российской Федерации был принят ряд законов, регулирующих права коренных народов, главным из которых является Федеральный закон «О национально-культурной автономии», также Россия является участником Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, определяющей важные направления этнической политики. Несмотря на это, развитие миноритарных языков продолжает находиться в критическом состоянии. Особенно острая ситуация наблюдается в регионах совместного проживания коренных народов и численно преобладающего русского населения, где обучение в общеобразовательных школах ведется только на русском языке. В результате отсутствия необходимых условий для изучения и развития бурятского языка, а также невозможности получения бурятами образования на родном языке умножаются поколения одноязычных русскоговорящих бурят. Стремительное сокращение числа носителей бурятского языка за последние десятилетия в Республике Бурятия и уровень владения им обусловили резкое функциональное сужение использования языка. В статье рассматриваются причины угрозы исчезновения бурятского языка в их историческом ракурсе и на фоне общемировых проблем сохранения языков национальных меньшинств. Также дается оценка сложившейся ситуации в области языковой политики в Бурятии и предлагаются возможные пути сохранения бурятского языка, которые могут обеспечить действительно равные возможности развития для двух государственных языков республики.

Ключевые слова: выбор языка, языковая ассимиляция, лингвоцид, деэтнизация, двуязычное образование, культурное разнообразие, русификация, культурная ассимиляция, сохранение языка, защита языка, расширение прав языка.

© B.E. Puig Portal
Ph.D., Assistant Professor Research fellow and lecturer in the Center for Theological and Religious Studies, School of Human Sciences; Director of the Program of Liberal Arts in Social Sciences
Del Rosario University
Bogota, Republic of Colombia

Key Problems of Language Policy in the Republic of Buryatia

Abstract. In the context of globalization, language policy is one of the foremost topics of the agenda for multicultural societies of polyethnic states. Since the end of the 20th century, the Russian Federation has enacted several laws regulating the rights of native peoples, the main being the Federal Law "On National and Cultural Autonomy", also Russia is a party to the Framework Convention for the Protection of National Minorities that defines important focal points of ethnic policy. Despite this, the development of minority languages remains in a critical condition. A particularly acute situation is observed in regions of cohabitation of native peoples and numerically predominant Russian population, where instruction in regular school is delivered only in Russian. As a result of the absence of the required conditions for the learning and development of the Buryat language as well as the impossibility of getting education by the Buryats in their native language generations of monolingual Russian-speaking Buryats multiply. In the last decades, the rapid reduction in the number of Buryat language speakers in the Republic of Buryatia and the level of ownership determined an abrupt functional narrowing of its usage. The article examines the reasons for the threat of disappearance of the Buryat language in their historical perspective and against the background of the global problems of preservation of minority languages. Besides, an assessment of the current situation in the field of language policy in Buryatia is given and suggestions of possible ways for preserving the Buryat language are made, those which can provide truly equal development opportunities for the two state languages of the republic.

Keywords: language choice, language shift, linguicide, de-ethnization, bilingual education, cultural diversity, russification, cultural assimilation, language maintenance, language defense, language empowerment.

Со времени включения бурятского языка (2001 г.) в Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения ЮНЕСКО [24] обсуждение проблемы его бедственного положения в Республике Бурятия приняло официальный и более широкий характер. Однако существенных изменений в сторону радикального улучшения ситуации с бурятским языком не происходит. Подобная картина с миноритарными языками наблюдается с незначительными различиями в регионах Российской Федерации [1], где проживает, кроме русских, более 90 коренных народов, не имеющих своего государства, автономии или значительного присутствия за рубежом, превышающем численность в России [17; 12]. Ситуация с этими языками особенно критическая, т.к. их выживание зависит исключительно от целенаправленной государственной языковой политики. Изучение факторов, влияющих на конфликтные ситуации между языками в отношении приоритетности и расширения ареала использования одного языка и постепенного исчезновения других языков, может содействовать созданию равноправных отношений между языками и преодолению известных стереотипов так называемых языковых империй, непосредственно связанных с историей политических империй.

В виду сложившихся исторических условий большинство российских колоний, в отличие от колоний западноевропейских государств, соединялось со своей метрополией сплошной территорией. Это обстоятельство наряду с такими историко-географическими факторами, как сравнительная малочисленность населения, «неосвоенность» земель и отсутствие государственных образований западного образца на большей части этих территорий, обусловило отношение к фактическим колониям как к неотъемлемой части русского национального государства [11; 16; 23], в то время как заморские колонии западноевропейских держав традиционно рассматривались как территории, захваченные в ходе экспансии. Такой взгляд мировой общественности обусловил отношение к этим территориям как к несправедливо оккупированным, что привело в конечном итоге к международному признанию в XX веке прав коренного населения Африки, Южной и Юго-Восточной Азии на политическое самоопределение. В отличие от названных регионов независимость стран Северной и Латинской Америки, Австралии и ЮАР от европейских метрополий явилась лишь номинальной, т.к. привилегированное положение потомков колонистов, европейской культуры и языков было в значительной степени сохранено. Коренные народы этих регионов не только не получили реального самоуправления и культурной независимости, но и были отброшены на периферию общественно-политической и экономической жизни. Таким образом, фактически возникает своеобразное явление завуалированного колониализма, который в купе с капиталистической системой ограничивает возможности равноправного развития культур и языков во многих странах с колониальным прошлым и настоящим. Распад Советского Союза как эпохальное историческое событие XX века окончательно решил судьбу союзных республик в плане самоопределения, тогда как автономные республики и другие национальные образования остались в составе Российской Федерации в ситуации политической и экономической зависимости, усугубляющейся из-за периодических мировых кризисов. И вышеупомянутое отношение к ним как к неотъемлемой части русского национального государства влечет за собой восприятие территории расселения коренных народов России как зоны безусловного влияния русской культуры и языка. Кроме того, если принять во внимание значительный демографический перевес русского народа, возникает ситуация существенного дисбаланса в возможностях эффективного продвижения этнополитических интересов. Тогда, как справедливо замечают С. В. Соколовский и др., «будущее страны и перспективы ее развития неразрывно связаны с задачей решения этнополитических проблем, упрочением политического единства многонационального народа Российской Федерации, под-

держкой его языковой и этнической многокультурности» [20, с. 42]. Закон «О языках народов Российской Федерации» (1991 г.) предусматривает совершенствование системы образования в целях развития языков народов, входящих в Федерацию [7]. Закон «О языках народов Республики Бурятия» (1992 г.) признал бурятский язык государственным наравне с русским языком и гарантировал право народов Бурятии на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [6]. 14 статья Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, участницей которой является Россия с 1995 г., гласит о праве национальных меньшинств обучаться родному языку или обучаться на этом языке [18]. Подобные документы на международном, федеральном и республиканском уровнях призваны служить гарантом сохранения и защиты языков национальных меньшинств. Однако сегодняшние российские реалии продолжают свидетельствовать об угрозе исчезновения этих языков, а в некоторых случаях и их немногих носителей [21]. Отсюда закономерно напрашивается вывод о слабой эффективности государственной языковой политики в полиэтничной стране.

Причины критического положения языков национальных меньшинств в разных странах имеют общую основу, обусловленную историческими, социальными, экономическими, культурными, психологическими факторами. Обычно при этом государство с тенденцией к централизации проводит языковую политику с определенной позиции имперского диктата в отношении миноритарных малочисленных народов. Их языковая идентичность представляет собой результат той или иной степени лингвоцида, проявляющегося через языковую ассимиляцию, когда миноритарное этническое сообщество от поколения к поколению прекращает говорить на своем языке из-за давления языка-доминанта, так называемого более престижного языка [26, р. 21].

С появлением контактов с коренным народом русский язык постепенно охватывает первоочередные по степени важности торгово-экономические, административные, образовательные сферы вследствие чего миноритарный язык, уступая эти сферы, сужается в своем использовании в лучшем случае до семейно-бытовых границ. Вынужденное функциональное сужение обуславливает определенный застой в развитии языка. Непонимание этого приводит к несправедливой оценке степени функционально-стилистической развитости языка, служащей основным аргументом в необоснованном определении его фактического статуса как недостаточно развитого. В Российской Федерации прослеживаются все признаки сужения сфер использования миноритарных языков, ведущего в дальнейшем к языковой ассимиляции. Угроза исчезновения этих языков возникает, когда в рамках государственной языковой политики не создаются условия для их эффективного изучения, владения, развития и функционирования, а коренные народы под влиянием доминирующего языка добровольно, на первый взгляд, прекращают использовать родной язык. Повышение образовательного уровня в системе русскоязычного образования, согласно исследованиям, сказывается также на вытеснении родного языка из внутрисемейного общения [22, с. 48]. Но повышение общего уровня образования всего этноса и изменение национальных ценностных ориентаций в сторону возрождения языка, обусловленных тенденцией роста этнического самосознания, могут способствовать созданию действенной языковой среды на родном языке. В силу исторических условий своего развития не все миноритарные языки располагают требуемыми функциональными стилями, призванными выполнять различные общественные функции. И это все-таки не позволяет ограничивать возможности эволюции этих языков семейными и локально-бытовыми рамками. В.А. Тишков аргументирует не трагичность последствий для языка при условии его функционирования в узком объеме и предлагает сосредоточиться на задачах государственной поддержки и стимулирования бытовой сферы использования языка [20, с. 273]. Однако нельзя полагать, что миноритарный язык потенциально не способен на дальнейшее развитие. Как любой язык, он имеет свойство отражать изменения, происходящие в окружающем мире, поэтому он находится в постоянном эволюционном развитии и имеет все возможности для лексического и структурного обогащения. Наличие национальных СМИ дает возможность миноритарным языкам расширять свои функциональные границы. Также очень важно в этой связи подчеркнуть значение имеющегося у каждого этноса фольклора, традиционного коллективного творчества, отражающего народные идеалы, принципы и воззрения, которое вовсене ограничивается семейно-бытовой сферой. В рамках языковой политики целесообразней предусмотреть правильную функциональную дистрибуцию русского языка и миноритарных языков с учетом их потенциальных возможностей.

В условиях современной России в системе школьного образования преподавание большинства миноритарных языков не имеет возможности претендовать на достаточное количество часов в силу тезиса о их не востребоваемости и неконкурентоспособности с русским и иностранными языками. Коренные народы, с одной стороны, вынуждены овладевать доминирующим языком в условиях нехватки или полного отсутствия национальных педагогических кадров и преподавания на родном языке. С другой стороны, при отсутствии долгосрочной программы поддержки по развитию языка и культуры

коренных народов происходит постепенное количественное уменьшение и исчезновение последних носителей языка.

При изучении истории бурятской школы с её первоначальных этапов можно выделить роль школ, которую отводил им царский режим для осуществления своей националистической политики. Используя естественную заинтересованность бурятского населения в просвещении, правительство содействовало открытию школьных учреждений с обучением бурят на русском языке и одновременным запретом преподавания на родном языке, преследуя цель христианизации и русификации бурят [3; 9, с. 394, 416]. С начала русско-бурятских контактов в XVII–XVIII вв. можно отметить состояние некоторых паритетных отношений между русским и бурятским языками, когда появлялись взаимные заимствования лексических единиц и первые попытки овладения языком с обеих сторон [9, с. 114]. Исторические документы кон. XIX – нач. XX вв. дают некоторое основание полагать, что в дореволюционной России были заложены начальные основы для развития бурятско-русского двуязычия, которое после установления Советской власти получило активное развитие, включая перевод делопроизводства на бурятский язык [9, с. 413, 416; 10, с. 129–131]. На фоне массового овладения бурятами русским языком, продолжавшимся, в основном, в 20-х – 70-х гг. XX в., преподавание на родном языке в большинстве национальных школ было заменено на русский язык [10, с. 409]. Образовательный фактор имел большое значение для бурятского народа, начиная с дореволюционных времен, на протяжении всего периода Советской власти и до сегодняшнего дня [3]. В свою очередь, возникавшие в народе опасения о возможности забвения родного языка не могли стать предметом серьезных общественных дискуссий, принятия судьбоносных для народа решений, т.к. его интеллектуальные лидеры были большей частью репрессированы [10, с. 125]. Впоследствии национальное самосознание находилось под влиянием идеологического концепта о едином советском народе, имеющем одни исторические корни и единый универсальный русский язык [1, с. 19]. Таким образом, во II-ой половине XX в. бурятский народ волновали преимущественно проблемы общей грамотности и наличие системы начального, среднего и высшего образования [9, с. 416]. Серьезные требования гарантий обучения на родном языке не выдвигались, что привело народ к сегодняшней официальной квалификации бурятского языка как находящегося под угрозой исчезновения. Возникшая ситуация обязывает сконцентрировать все силы национальной интеллигенции республики на поисках эффективных путей возрождения родного языка как одного из самых важных отличительных признаков национальной идентичности бурят. Мнение о том, что этническая принадлежность может исключать критерий владения родным языком [29], служит оправданию ошибок в существующей языковой политике, в результате чего и возникло трагическое положение с языками национальных меньшинств. В свете научных теорий язык является одним из важнейших условий существования любой социальной общности, и именно в тесной связи с языком рассматриваются понятия национальной и этнической идентичности [5, с. 3].

В последние годы в республике отмечается некоторый положительный сдвиг в решении первоочередных задач возрождения бурятского языка. Министерство образования и науки с 2011 г. осуществляет Государственную программу по сохранению и развитию бурятского языка. Тем не менее бурятский язык продолжает играть символическую роль, изучается с малой интенсивностью, не используется активно в общественно-политической и повседневной жизни республики. Число носителей языка неуклонно сокращается, отсутствует мотивация для изучения и использования родного языка в повседневной жизни. Основная причина этого процесса видится в том, что система образования и в регионах компактного проживания бурят, и их совместного проживания с русским населением основывается исключительно на русском языке.

Передача культурного наследия и сохранение национальной самобытности народов являются первоочередными функциями образования. Язык же выступает важнейшим строительным материалом общественного полномочия [31]. В виду тесной связи языка и национальной культуры человек при получении образования на иностранном языке приобретает мировоззрение, присущее народу-носителю данного языка. Невозможность получения коренными народами общего образования на родном языке создает ситуацию планомерной дегнизации и лингвоцида, когда в определенных условиях сужение или полное сокращение сферы функционирования языка приводит к его постепенному исчезновению [19, с. 283]. В такой ситуации часть потомков носителей языка в силу собственного прагматического выбора или в силу лишения возможностей подвергается ассимиляции родственной или чуждой культурой, переходя на её язык [27]. Гораздо сложнее найти оправдание сравнительно большому народу, каковым является бурятский народ (по сравнению с малочисленными национальными меньшинствами Российской Федерации), не сумевшему защитить свой язык при отсутствии прямого запрета на его использование или запрета на общественно-политическую активность. Это больше похоже на добровольный отказ от прав на развитие родного языка в угоду полити-

ке стирания языковых границ и, следовательно, границ национальной идентичности. Ограничиться только внедрением изучения родного языка не является выходом. Подобные меры принимались и принимаются, но не способствуют эффективному развитию бурятского языка, не повышают процент владеющих языком на должном уровне.

Общественное мнение целенаправленно подвергается воздействию идеи ненужности, непрестижности и бесперспективности владения родным языком [20, с. 248]. Обязательное обучение на русском языке, повсеместное его использование в качестве главного коммуникативного средства при численном превосходстве русскоязычного населения, нахождение коренного народа в среде инородного языка с детского дошкольного возраста есть процесс практического отчуждения бурятского народа от родного языка. Язык, на котором не развивается мышление, становится чужим, люди не чувствуют близости с языком, на котором не могут полноценно излагать свои мысли. Поэтому большинство бурят переходит полностью на русский язык как в сфере межнационального, так и внутринационального и внутрисемейного общения. Возникающий эффект снежного кома подтверждается результатами переписи 2010 г., согласно которой население республики, владеющее бурятским языком, сократилось с 23,6% в 2002 г. до 13,7% в 2010 г., а доля владеющих родным языком среди бурят снизилась с 81,4% до 43,6% [4]. Кроме естественной убыли носителей языка, на этих результатах сказалось и то обстоятельство, что возникающий вакуум в количественном составе носителей языка не заполняется в виду отсутствия передачи языка от поколения к поколению в городах аналогичной ситуации в сельской местности. Сегодняшние одноязычные русскоговорящие буряты представляют собой конечный продукт образовательной системы без наличия в ней национально-регионального компонента. В такую образовательную среду попадает абсолютное большинство учащихся-бурят, не знающих родной язык и не владеющих общей этнической культурой. Возникает картина языковой ассимиляции на всех уровнях с истощением источников бурятского населения в первую очередь посредством одноязычной системы образования. Современное старшее поколение в отличие от предыдущих не владеет в достаточной мере родным языком и редко использует его в семейном общении, именно это исключает возможность передачи родного языка между поколениями. Этот важнейший критерий степени сохранности языка в ближайшее время может изменить статус бурятского языка от находящегося под угрозой исчезновения до статуса серьезно уязвимого по шкале Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения ЮНЕСКО.

Согласно социологическим опросам, опубликованным Г.А. Дырхеевой в 2014 г., только 13,9% бурят выразили желание о получении их детьми образования в бурятской школе с изучением русского языка [4]. Очевидно, что такое продиктованное приспособленческими соображениями волеизъявление идет вразрез с интересами возрождения языка. В более поздних опросах основным мотивом против изучения бурятского языка в школе независимо от национальности учащихся выступает его «непригодность в жизни» [4]. Эти факты свидетельствуют о влиянии на вытеснение бурятского языка ценностных установок индивидуализма, прагматизма и материализма, свойственных для обществ, основанных на рыночных отношениях [25, р. 72, 73]. Пренебрежение собственным языком толкает бурятский народ к национальной катастрофе – полной потере языкового суверенитета и связанного с ним культурного наследия. Процесс обнищания и исчезновения языков сопровождается эрозией колоссального здания народных знаний, кропотливо выстроенного на протяжении тысячелетий [27], знаний, связанных с этноботаникой, этнозоологией, традиционной религией и медициной, фольклорным и литературным наследием.

Изучение разрушительного эффекта доминирующего языка можно проанализировать на примере влияния английского языка на язык индейцев навахо, живущих в крупнейшей резервации США Навахо-нейшн: если в 70-х гг. XX в. более 95% дошкольников при поступлении в школу говорили только на своем родном языке и почти или совсем незначительно знали английский язык, к концу века уже 54% дошкольников говорили только на английском языке, 18% детей владели только родным языком и 28% были двуязычными [25, р. 73, 74]. Языковая среда в Бурятии обстоит хуже, если принять во внимание некомпактное проживание бурят, отсутствие возможности, в отличие от индейцев США, обучаться по билингвальным программам. Примечательно, что среди молодых навахо говорение на родном языке воспринимается как проявление деревенской отсталости и неразвитости [25, р. 74], мнение, бытующее и среди молодежи Бурятии по отношению к бурятскому языку.

Аргумент о неконкурентоспособности выпускников национальных школ представляется манипуляторским, и неуместность такого подхода к делу возрождения миноритарного языка совершенно очевидна. Вопрос о том, должны ли бурятские дети получать образование на родном языке, не может ставиться или предоставляться для свободного выбора бурятских семей, т.к. это безусловный элемент для выхода из сложившейся ситуации. Вопрос должен ставиться о том, каким образом обеспечить

необходимый уровень билингвального образования, при котором учащиеся национальных школ смогут в совершенстве овладеть родным языком и русским как государственным языком федерации. Проблемы с овладением русским языком вряд ли могут возникнуть, хотя бы потому что весь бурятский этнос находится в «среде изучаемого языка» – русского языка.

Подобно тому, как экономические препоны способствовали укрупнению Иркутской области и Забайкальского края за счёт ликвидации бурятских автономных округов, искусственно создаются условия, при которых бурятский язык не может развиваться в виду фактической разделённости народа и возникшего под влиянием многих взаимообусловленных факторов индифферентного отношения к защите и сохранению национального языка. Неоднократно на разных уровнях утверждается, что в случае получения образования на языке, отличном от русского, выпускники будут неконкурентоспособными на рынке высшего образования и в дальнейшей профессиональной деятельности [1, с. 21], игнорируя возможности успешного билингвального обучения. Такие действия официальных властей можно сравнить с усилиями британской администрации, направленными в свое время на предотвращение использования родного языка аборигенами Австралии ради их «цивилизации» [31]. Как справедливо отмечает G. Zuckermann, языки не умирают сами по себе, как нам часто пытаются внушить, а целенаправленно уничтожаются колонистами и колониальными властями [31]. История коренных народов России свидетельствует о последствиях неравноправного положения, в котором оказался и пытается сосуществовать с доминирующим языком язык меньшинства, исчезающий в то время, как представители этих народов становятся носителями языка большинства, «добровольно» отказавшись от родного языка [8, с. 16].

Как отмечалось выше, в начальный период взаимоотношений бурятского и русского языка существовал некоторый паритет, но дальнейшая история служит лишь подтверждением неравноправия состояний, характеризующих оба языка. Тяжесть неравноправия просматривается и в том, что даже в случае превращения бурятского языка в язык образования он все еще будет сохранять свое невыгодное положение по сравнению с русским, если же реформа языка обучения не будет осуществлена, шансов на выживание и развитие практически не остается.

Политическая тенденция выгоды владения русским языком во всех аспектах жизнедеятельности на территории страны не нова, прослеживается на протяжении нескольких веков и опирается на естественную мотивацию представителей национальных меньшинств. В Российской империи мотивация для освоения русского языка, как и любого доминирующего языка в империях Нового времени, объяснялась тем, что овладение языком давало качественно иные возможности социальной мобильности, в том числе заработка и карьеры [16, с. 62]. Однако в случае, когда овладение неродным языком происходит в ущерб родному языку, очевиден вред, наносимый и конкретному индивиду, и этническому сообществу в целом, т.к. таким образом, осуществляется политика стирания границ этнического разнообразия и национальной культурной идентичности. Общеизвестна официальная российская поддержка русскоязычных меньшинств Украины, Молдовы, стран Прибалтики в их борьбе за право на получение образования на родном русском языке. В связи с этим возникает проблема политики двойных стандартов: то, что объявляется несправедливостью в третьей стране, внутри России по отношению к коренным народам, лишенным возможности получать образование на родном языке, несправедливостью не считается. А ведь знание языков народов России, не только связано с задачей поддержания исчезающих языков, но может иметь свои преимущества, т.к. языковое родство с языками приграничных стран открывает особые перспективы и жизненные возможности.

В вопросе выживаемости языка N. Denison выделяет число носителей и социальную престижность в качестве двух важнейших факторов [26, р. 16]. Из-за менее выгодного положения бурятского языка по обоим этим факторам его шансы на самостоятельное выживание представляются ничтожными. Поэтому образование на бурятском языке как одно из условий языкового развития необходимо подкреплять пропагандой родного языка среди народа, рассматривать бурятский язык как национальную ценность и поднимать его престижность.

Наличие в стране острых экономических проблем со времен СССР постоянно отодвигало на второй план проблемы экологии и сохранения культуры коренных народов. Достаточно вспомнить судьбу Аральского моря, сложную экологическую ситуацию озера Байкал, рецидивный характер лесных пожаров в Восточной Сибири, значительный список исчезнувших и исчезающих видов флоры и фауны, исчезающие народы. По отношению к народам слово «исчезнувшие» равнозначно термину «ассимилированные», т.к. генетическое наследие, неподкрепленное культурными знаниями и идентичностью, равносильно небытию. В настоящий момент сложно определить, явилось ли исчезновение этих народов естественным историческим процессом, и какую именно роль в этом сыграла государственная политика в отношении этих малых народов. Сравнение положения языков, подвергаю-

щихся языковой ассимиляции, с почти высохшим Аральским морем не случайно. При попустительстве чиновников и недостаточной активности экологов море, лишенное из-за действий человека животельной поддержки питающих его рек, иссохло, также и языки, не получающие реальной поддержки для своего функционирования, обречены на исчезновение, как сотни видов организмов, обитавших в бассейне Аральского моря. Утверждать, что язык будет сам по себе развиваться, равносильно ожиданию возрождения моря, лишенного поступления воды.

В биотехнологии разработаны техники контроля вредных для сельского хозяйства насекомых с использованием большого количества стерильных самок, что ведет к быстрому исчезновению популяции: стерильное насекомое не производит потомства. Выпускники-буряты современных школ также абсолютно «стерильны» по отношению к родному языку и отчасти к своей национальной культуре. В перспективе процесс воспитания их детей происходит в том же русле, что и у родителей: этот своеобразно «стерильный, немой» человек не может без посторонней помощи воспитать носителя языка. Создается полная картина обрусения и ассимиляции, что, непременно, приведет к смерти языка.

Тесная взаимосвязь всех форм жизни на Земле, связь между языковым и биологическим разнообразием отмечается в работе L. Maffi, в которой дается научное обоснование тому, что лингвистическое, культурное и биологическое по существу разделяют общую участь [30]. С помощью научного прогнозирования можно вычислить конечные даты фатального исхода для бурятского языка, если не будут предприняты радикальные меры его возрождения на государственном и республиканском уровнях, если не активизируется национальное самосознание бурятского народа. Поколение, родившееся в конце XIX начале XX вв. в совершенстве владело бурятским языком, те из них, кто обладал грамотой, владели также старо-монгольской письменностью, тогда как многие не владели русским языком или владели в незначительной степени. Изменение социальной функции бурятского языка в 20–30-х гг. XX в. привело к тому, что овладение русским языком у бурят трансформировалось в процесс постепенной потери родного языка. Поколения середины XX в., выросшие при развитой системе советского образования, лучше знали русский язык, нежели свой родной. Буряты, родившиеся после третьей четверти XX в., владеют и пользуются в общении преимущественно русским языком при общем незнании родного языка. Лишь в семьях энтузиастов ставится задача обучения детей бурятскому языку в частном порядке. В сельской местности бурятский язык частично сохраняется на уровне языка бытового общения, но этот уровень при сложившейся ситуации невозможно сопоставить со сложностью литературной грамотности. Таким образом, закономерным следствием политики игнорирования проблем бурятского языка, разрушения языковой среды посредством его неравноправного использования при доминантном влиянии русского языка стало нарушение языковой экологии, ведущее к потере языкового разнообразия, которое, в свою очередь, является серьезной угрозой культурной экологии.

Следует отметить соблюдение в России свободы вероисповедания, но совершенно очевидно, что национальная идентичность не может основываться исключительно на религиозном единстве. Язык как неотъемлемая часть культуры является хранителем информации, независимой от традиционных религий. Языковую ситуацию в Бурятии можно сравнить с ситуацией коренного коптского меньшинства в Египте. Сохранив христианство, копты постепенно утратили свой язык, перейдя полностью на арабский язык. Без принятия необходимых мер это является, без преувеличения, будущим бурятского языка и народа. Если в случае с коптами и иудеями коптский и иврит испокон веков сохранялись в качестве литургических языков, то в буддийской традиционной Сангхе литургическим языком является тибетский, и в гораздо меньшей степени используются монгольский и бурятский языки. Что касается традиционной религии бурят, отсутствие сугубо религиозных письменных источников, основательных религиозных институтов и проблем с непрерывностью традиционных знаний, а также сравнительная малочисленность последователей затрудняет сохранение языка исключительно в лоне этой религии. Стоит также обратиться к примеру лингвистической истории парсов, полностью перешедших на гуджарати – язык большинства. Как и копты, парсы сохранили литургические языки авестийский и пехлеви, а также этнорелигиозную идентичность. Однако языковой суверенитет утерян вместе с большей частью доисламской персидской словесности. Другой печально известный пример: ирландский гэльский язык, который в виду полуторавекового нахождения Ирландии в колониальной зависимости от Великобритании подвергся процессу планомерного лингвоцида и сохраняется лишь в отдаленных регионах острова [28, р.1]. Бурятский народ на данном этапе своего развития идет следом за вышеизложенными народами по пути забвения родного языка.

Из вышеизложенного становится ясно, какую роль сыграла и продолжает играть монополия русскоязычной общеобразовательной школы в процессе постепенного исчезновения бурятского языка и появления бурят, не владеющих родным языком. Отсюда закономерен вывод о положительной роли

национальной школы с обучением на бурятском языке, способной обеспечить его знание, полноценное владение им и его сохранность. Это подтверждается и теорией взаимоотношений языка с обществом, культурой и этносом [15]. В этой теории подчеркивается основная роль школы, в которой язык базового образования становится основным языком жизнедеятельности человека в силу своего функционально-стилистического богатства, что гарантирует его сохранение [15, с. 160]. Открытие школ с системой одновременного преподавания школьных дисциплин на родном и русском языках представляются наиболее эффективными мерами решения задач по сохранению и развитию языка коренных народов. Одновременное активное обучение на двух языках является неоспоримым преимуществом модели билингвального образования. Организация качественного образования на бурятском языке, его интенсивное изучение с учетом нейролингвистических факторов смогут обеспечить развитие мыслительных способностей, полноценных речевых навыков и превратить базовый образовательный язык в родной язык, имеющий первостепенное значение в становлении национальной идентичности. При изучении родного языка и литературы учащиеся усваивают социальные и этические нормы своего этноса, знакомятся с языковой картиной мира, при этом своевременно формируется этническое самосознание, развиваются национальные алгоритмы мышления. При выборе образовательной модели национальной школы большого внимания заслуживает международный и отечественный положительный опыт. Особый интерес представляют образовательные модели в регионах компактного проживания этноязыковых меньшинств в разных частях Швейцарии, в Бельгии, модель 3+1 языка для разных штатов в Индии, в Татарстане, Башкортостане и Северной Осетии-Алании в Российской Федерации. Удостоенная высших оценок международной экспертизы ЮНЕСКО полилингвальная, поликультурная система образования разработана североосетинскими учеными с целью сохранения лингвистического и культурного разнообразия и воспитания личности, открытой к взаимодействию с представителями разных этносоциумов [13, с. 189]. Основную роль в реализации концепции национального образования играет созданная для консолидации научного, методического, кадрового и финансового потенциала лаборатория полилингвального образования. Полилингвальная образовательная модель с учетом принципа эффективного использования национального, государственного и иностранных языков как языков обучения и воспитания обеспечивает трёхязычие и грамотность на трех языках как часть общего образования в поликультурной школе. Учащиеся целенаправленно обучают выражать свои мысли на изучаемых языках, говорить по теме, дискутировать, используя терминологическую лексику, поэтапно формируются национальная и российская гражданская идентичность, воспитывается ответственность за свою планету, частью культурного пространства которой видят себя учащиеся [14].

С учетом критического положения бурятского языка становится очевидной необходимость срочного внедрения двуязычного образования в Республике Бурятия, предусматривающая преподавание общеобразовательных предметов на родном языке, предметов этнокультурного содержания по истории и литературе, углубленное изучение бурятского языка. Внедрение обучения на родном языке, безусловно, потребует реорганизации школ в процентном соотношении (30:70) соответственно национальному составу двух основных этносов республики. Обучение учащихся русской национальности бурятскому языку не представляется реальной задачей в современных условиях. Примечательно в этом отношении замечание В. М. Алпатова о нежелании русских изучать языки национальных меньшинств [2]. В этом просматривается некое проявление имперской идеи о своеобразной господствующей нации, которой нет никакой необходимости изучать язык покоренных народов, а они, эти коренные народы, обязаны, в свою очередь, приобщаться к господствующей высокой культуре и языку.

Проект разработки и последующего внедрения билингвального обучения предполагает первоначально разработку образовательной программы, охватывающей в комплексном плане образовательные учреждения, начиная с детского сада (языковое гнездо), начальной, средней общеобразовательной школы и заканчивая педагогическими отделениями средних специальных заведений и факультетами бурятской филологии и педагогики высших учебных заведений. К работе над проектом следует привлекать специалистов, имеющих опыт проектной педагогической и административной работы. Им предстоит за сравнительно короткий промежуток времени изучить мировой опыт билингвального обучения, ознакомиться с подобным опытом внутри страны и на основе этого предложить собственный проект системы билингвального обучения учащихся бурятской национальности с учетом лучших мировых образовательных моделей. В работе над проектом также возможно участие занимающихся диссертационными и выпускными дипломными исследованиями по данной тематике аспирантов и студентов, школьных учителей и преподавателей средних специальных и высших учебных заведений. Конкурс с целью выбора лучшего образовательного проекта может существенно ускорить выполнение работы. Подготовка квалифицированных педагогических кадров, владеющих родным языком и прошедших специализацию по методике преподавания общественных и естественных наук, является

важным звеном и требует особого подхода. Также среди первоочередных задач возникает необходимость повышения статуса и престижа учителя национальной школы и одновременного решения проблемы путей и форм экономического поощрения кадров национального образования. Комплексная программа по возрождению бурятского языка возлагает, прежде всего, на учительские коллективы задачи по привитию учащимся любви к родному языку, уважения к своим национальным корням и воспитанию национального самосознания. В связи с этим справедливо высказывание о том, что «наделение особыми правами региональных языков не означает создания какой-либо преференции внутри государства для отдельных «народов» или «национальных меньшинств» и любых других сообществ, объединяющихся на основе языковой или культурной идентификации» [20, с. 55]. Следует также иметь в виду, что речь идет о необходимости государственной поддержки этнического многообразия и культурно-языковой независимости, а не о политической независимости этих этнических сообществ.

Каждый представитель национальных меньшинств должен осознать, что язык нельзя спасти в одиночку, только совместные усилия самого этнического сообщества могут способствовать защите, сохранности и развитию языка коренных народов. Поэтому большое значение имеет целенаправленная работа на всех уровнях по сохранению и развитию родного языка. Для управления и координации совместных действий целесообразно создать единый центр, возможно, по линии Конгресса бурятского народа, с целью объединения усилий Министерства образования и науки, Бурятского научного центра, вузов республики, национальных общественных организаций. В задачи центра войдет разработка комплексного плана действий по возрождению языка с учетом работы каждого структурного звена по финансовому, кадровому и научно-методическому направлению.

По сравнению с другими миноритарными языками бурятский язык имеет большое преимущество в процессе возрождения своих основных функций. Входя в большую группу монгольских языков, бурятский язык имеет возможность заимствовать из монгольского языка все необходимые средства для его полноценного функционирования в соответствии с современными нормами развития любого самодостаточного языка и его использования во всех сферах. Общие семантические корни дают возможность для таких родственных заимствований с целью лексико-грамматического обогащения и функционально-стилистического развития бурятского языка и приведения его в соответствие с современными реалиями.

Постоянный мониторинг актуальной ситуации с носителями языка, выявление уровней владения бурятским языком может служить критерием успешной работы по возрождению и сохранности языка. Для создания необходимой языковой среды, поддерживающей проект образования на родном языке, играют большую роль национальные СМИ, радио, кино, телевидение, выпуск в эфир привлекательных конкурентоспособных телепередач познавательного и развлекательного характера, появление новых литературных произведений и печатной продукции на бурятском языке. Помимо этого, видится необходимой организация групповой работы, как в свое время в кампании по ликвидации безграмотности были открыты школы для взрослых, избы-читальни, народные дома, женские объединения, красные юрты, школы бурятской молодежи различные клубы [10, с. 139]. В процессе любой совместной деятельности под руководством отлично владеющих бурятским языком «языковых мастеров» может успешно проходить языковая практика и тренировка в этих различных по величине социальных группах [8].

Исходя из этого, следует подчеркнуть роль ответственности самого этнического сообщества в целом и каждого его члена в частности в процессе возрождения языка. Как отмечает В. В. Степанов, «понимание важности поддержки культурной инициативы, предоставление возможностей гражданам развивать бытующие в России языки позволило бы государству в значительной мере преодолеть проблему так называемого этнического (и иных форм) экстремизма, проявлений межгруппового недовольства, сократило бы масштабы распространения националистической нетерпимости» [20, с. 247].

На основании опыта мировой истории неравноправного сосуществования миноритарных и доминантных языков с целью создания реального сбалансированного двуязычия в Российской Федерации необходимо признать:

во-первых, право коренных народов на сохранение и развитие родного языка как обязательные критерии здоровой языковой экологии и культурного разнообразия, а также защиту собственных этнических интересов;

во-вторых, принцип обязательности национального образования с национальным языком в качестве языка обучения для всего этнического сообщества и подготовки национальной интеллигенции на родном языке;

в-третьих, социальный заказ бурятского народа на возрождение родного языка как свидетельство

о мотивации представителей всего этнического сообщества, осознающих роль родного языка в социализации личности и национальном становлении;

в-четвертых, введение обязательного двуязычия в систему государственных органов и служб Республики Бурятия.

Насколько согласовано, правильно и эффективно будет определена языковая политика на федеральном и республиканском уровнях, насколько безотлагательно и в соответствии с принятыми решениями будут проводиться при поддержке всего народа Республики Бурятия необходимые преобразования, настолько гармонично будет функционировать вся система по фактическому сохранению и развитию миноритарных языков во имя согласия и процветания всех народов Российской Федерации.

Литература

1. Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Доклады и сообщения Международной конференции / под ред. А. Н. Биткеевой, В. Ю. Михальченко. – М.: Тезаурус, 2014. – С. 80–89.
2. Алпатов В. М. Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. – 2005. – № 2(23). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/языковaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 12.04.2017).
3. Андреев В. И. История бурятской школы: 1804–1962 гг. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1964. – 567 с.
4. Дырхеева Г. А. Языковые приоритеты Республики Бурятия: система образования // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 101–107.
5. Евсеева Л.Н. Роль языка в формировании национальной идентичности / Автореф. дисс. канд. филос. наук. – Архангельск: ПГУ, 2009. – 21 с.
6. Закон РБ от 10 июня 1992 года N 221-XII «О языках народов Республики Бурятия» // Верховный Совет Республики Бурятия.
7. Закон РФ от 25 октября 1991 года № 1807-I «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №50. с. 1740.
8. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? – Хельсинки, 2012. – 180 с.
9. История Бурятии: в 3-х т. – Т. 2. XVII – нач. XX века/ Под ред. Б. В. Базарова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 624 с.
10. История Бурятии: в 3-х т. – Т. 3. XX-XXI века/ Под ред. Б. В. Базарова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.
11. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5-и т. – Т. 2. Сибирь в составе феодальной России / Под ред. А. П. Окладникова, В. И. Шункова и др. – Л.: Наука, 1968. – 538 с.
12. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Приложение 5. Национальный состав населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики, 2015. [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab5.xls(дата обращения: 8.04.2017).
13. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы / под ред. М. И. Исаева. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. – 290 с.
14. Корнаева З. В. История билингвального образования и перспективы его развития в условиях национальных республик // Материалы международного научно-методического симпозиума Лемпертовские чтения V. – Пятигорск, 2003. – С. 16–18.
15. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
16. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение. 2006. – 248 с.
17. Народы России: Атлас культур и религий / под ред. А. В. Журавского, О. Е. Казьминой, В. А. Тишкова. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009. – 320 с.
18. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Страсбург: Совет Европы, 1995. [Электронный ресурс]: <https://tm.coe.int/168007cddc> (дата обращения: 7.04.2017).
19. Сулейменова Э. Д., Смагулова Ж. С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. – Алматы: Казак университеті, 2005. – 343 с.
20. Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / Под ред. В. А. Тишкова. – М.: ИП А. Г. Яковлев, 2011. – 288 с.
21. Трифонова Е. Путину предложат спасти вымирающие народы // Независимая газета. – 2016. – 29 ноября. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ng.ru/politics/2016-11-29/1_6871_etnos.html (дата обращения: 10.04.2017).
22. Тухватуллин Р.М. Язык как национальная ценность // Социологические исследования, 1997. – № 8. С. 47–49.
23. Anderson G. D. S. Russian colonialism and hegemony and Native Siberian languages // Language Empires in comparative perspective. Edited by C. Stolz. – Berlin: Walter de Gruyter, 2015. – 404 p.
24. Atlas of the World's Languages in Danger // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Edited by C. Moseley. – 2010. – 217 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001870/187026e.pdf>
25. Crawford J. At war with diversity: US language policy in an age of anxiety. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – 143 p.
26. Denison, N. Language death or language suicide? // International Journal of the Sociology of Language. – 1977. – № 12. Pp. 13–22.
27. Harrison K. D. When languages die: The extinction of the world's languages and the erosion of human knowledge. – New York: Oxford University Press, 2007. – 292 p.
28. Hindley R. The Death of the Irish Language: A Qualified Obituary. – New York: Routledge, 1990. – 364 p.
29. Khilkhanova E., Khilkhanov D. Language and Ethnic Identity of Minorities in Post-Soviet Russia: The Buryat Case Study //

Journal of Language, Identity, and Education. – 2004. – № 3(2). Pp. 85–100.

30. Maffi L. Language: A resource for Nature // Nature and Resources. – 1998. – № 34(4). Pp. 12–21.

31. Zuckermann G. Historical and moral arguments for language reclamation // History and Philosophy of the Language Sciences. – 2013. – 26 июня. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hiphilangsci.net/2013/06/26/historical-and-moral-arguments-for-language-reclamation/> (дата обращения: 16.03.2017).

УДК 316.346.32:316.356.2-053.81

© Л.И. Иванкина

г. Томск, Россия

д-р филос. наук, профессор кафедры истории и философии науки и техники

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

e-mail: iwankinali@mail.ru

Образ партнера и ролевые ожидания в семейных отношениях в современной молодежной среде

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соответствия идеального и реального образов партнера, сходства и различия в выборе у юношей и девушек, выявляются ролевые ожидания в семейных отношениях. Цель исследования – выявление представлений молодых людей об идеальном партнере и связи идеального образа с реальными характеристиками партнера. Задача исследования: реконструкция содержательного совмещения представлений идеального и реального партнера. В исследовании представлений о брачном партнере применены методы свободного сочинения и социологического опроса.

Полученные в ходе исследования результаты выявили стремление девушек и юношей видеть в партнере личность; несоответствие содержания идеального образа партнера его реальному восприятию, оцениваемому респондентами как неудовлетворенность реальным партнером; выделен набор осознанных качеств и ожиданий относительно будущего партнера, отличающийся выраженной доминирующей тенденцией эгоцентризма в использовании другого для собственного блага; также выявлено рассогласование гендерных ожиданий относительно ролевых позиций в семейных отношениях. Основным требованием к отношениям у молодых людей является то, что они должны устраивать, прежде всего, партнера, выбирающего другого, а не взаимными. На основании выявленной несогласованности ролевых функций сделан вывод о том, что в современном российском обществе представления о мужском и женском поведении в семье претерпевают значительные изменения.

Ключевые слова: идеальный образ партнера, реальный образ партнера, ценностные доминанты партнерства, семья, выбор партнера для создания семьи, модель выбора партнера, ролевые ожидания в партнерстве.

© L.I. Ivankina

Tomsk, Russia

Doctor of Philosophy, Professor

Department of History and Philosophy

National Research Tomsk Technological University

Image and Role Expectations of Partner in Family Relationships in the View of Modern Youth

Abstract. The paper analyses the outcomes of social research covering an ideal and real partner's images in the young people's views of modern Russia. It examines similarities and differences between male and female youth in selecting partners. The paper establishes their socio-role expectations in family relationships. The purpose of research is to deduce the young people's perception of an ideal partner and the connections between the ideal image and real characteristics of a partner.

The paper is to compare the ideal and real images of a partner. It draws on such methods as essay and opinion poll.

The research findings have revealed the following outcomes. Young people stated the desire to see personality in a partner. The respondents evaluated the discrepancy of the partner's ideal image and their realistic perception as dissatisfaction with the real partner. The paper identifies a set of supraliminal features and expectations of a future spouse characterized by the dominating egocentric tendency to use another person to their advantage. The paper revealed the disparity of gender expectations with regard to role positions in family relationships. The major requirement for the relationships was dissatisfaction with the partner that chooses another but not the mutual ones. Basing on the deduced discrepancy of the role functions it is concluded that the perception of male and female family behavior in the modern Russian society is undergoing significant changes.

Keywords: partner's ideal image, partner's real image, partnership dominant values, family, selecting a partner to found a family, partner selection model, role expectations in partnership.

В условиях трансформирования представлений относительно социальных институтов семьи и брака возникает необходимость выявить ценностные доминанты партнерства мужчины и женщины в браке в представлениях молодых людей в современном российском обществе. Выбор данной целевой группы в качестве объекта для исследования обусловлен тем, что в данной возрастной категории активно выражен процесс развития основных социогенных потенциалов человека.

Значимость рассмотрения данной проблемы обусловлена тем, что выбор будущего партнера – важный и во многом определяющий качество отношений и перспективы в создании семьи шаг. Возраст юности – это период формирования собственных идеалов и ценностей взрослого

человека под влиянием различных институтов социализации, в которые реально включен человек. Умение распознавать влияние идеального образа на отношения с реальным партнером – важный навык, позволяющий избегать разногласий из-за несоответствия идеального и реального образов партнера.

Идеальный образ, формируясь под влиянием разнообразных источников и групп референтного мнения, содержит в себе атрибуты должного. В случае образа-представления идеального брачного партнера идеал (в переводе с греческого – «образ», «идея») отражает требования к человеку, воплотившему в себе наиболее ценные, с точки зрения оценивающего, качества.

Процессом формирования идеала выступает идеализация как «мыслительное конструирование понятий об объектах, процессах и явлениях, не существующих в действительности, но таких, для которых существуют прообразы в реальном мире» [1, с. 480]. В идеальном образе воплощаются наиболее ценные и привлекательные человеческие черты [2, с. 173]. Поэтому идеал, предвосхищая воплощение того, к чему человек стремится, приобретает для него личностный смысл. Явленное и сокровенное в идеале представлено в его структуре, включающей эталонный знак (предмет), признанный совершенством, схему взаимодействия с эталоном и область экстраполяции знания об эталоне.

Существует ряд моделей, описывающих последовательность выбора брачного партнера. В исследовании нами была применена модель «стимул–ценность–роль» (автор Б. Мурштейн) [3], в соответствии с которой выбор партнера проходит три уровня фильтров: фильтр привлекательности, побуждения; фильтр достоинств, преимуществ и ролевой фильтр. Побуждение инициируется первым впечатлением, существенную роль в котором играет внешняя привлекательность объекта восприятия. Фильтр достоинств ориентирует на поиск признаков тождества (сходство интересов, предпочтений, ценностей, характера и пр.). При существенных различиях происходит оценка рисков – можно ли компенсировать выявленные расхождения достоинствами партнера. В случае положительного решения, заинтересованность в сближении с партнером возрастает, фиксируется в ролевых ожиданиях, где роль означает совокупность требований к выполнению конкретных функций в совместных отношениях.

Исследование проводилось на базе Института природных ресурсов Томского политехнического университета (ТПУ) в период с октября по декабрь 2016 г. В исследовании участвовали студенты в возрасте 18–19 лет, всего 80 чел., из них 40 девушек и 40 юношей. В выборку были включены только студенты из полной семьи.

Было выявлено настрой студентов на создание собственной семьи. Все студенты, принявшие участие в опросе, утвердительно ответили на вопрос о желании создать собственную семью, из них 19,0 % готовы создать свою семью уже на настоящий момент, для остальных респондентов (81,0%) создание семьи планируется в отдаленной перспективе, связанной с окончанием учебы и достижением карьерных успехов.

Было выявлено наличие у респондентов опыта отношений с противоположным полом. На момент опроса отношения с противоположным полом имели 72,5% (29 чел.) девушек и 80% (32 чел.) юношей, из них 38% (11 чел.) девушек и 47% (15 чел.) юношей продолжали на момент проведения исследования ранее установленные отношения.

В соответствии с моделью выбора партнера Б. Мурштейна, ожидания у девушек представлены фильтром достоинств и связаны с целеустремленностью (87,5%), верностью (87,5%), интеллектом (82,5%), добротой (80%), смелостью (80%), правдивостью (77,5%) партнера. Выбор качества сексуальности партнера (82,5%) связан с фильтрами привлекательности и с ожиданием партнерских отношений. Такие качества партнера, как любит детей (2,5%), заботливый (2,5%), ласковый (2,5%), умеет готовить (2,5%), романтичный (5%) относятся к не востребуемым. Для девушек не имеют значения вредные привычки у партнера, только 5 чел. (12,5%) из 40 опрошенных указали на желательное отсутствие у будущего избранника вредных привычек.

Социально-ролевые ожидания связаны с мужчиной-партнером. Приведем типичные примеры высказываний девушек-студенток об идеальном партнере: «целеустремленный, красивый, а главное, чтобы меня любил и уважал»; «должен первым делом любить свою девушку, даже если что-то с девушкой случится (станет инвалидом), любить и быть с ней до последних дней»; «самое главное, чтобы уважал меня, чтобы не унижал и прислушивался к моему мнению, чтобы мог обеспечить себя и меня, чтобы за плечами был багаж жизненного опыта и социальный статус, старше меня на 4–7 лет»; «всегда поддержит, будет любить вопреки, своей силой утешит, может написать стихи, осудит, но будет справедлив, кто любит, любит и будет любить такую, как я» и т.п.

Предпочитаемыми качествами образа идеальной партнерши в выборе студентов-юношей являются

ся качества, относящиеся к фильтру привлекательности и фильтру достоинств: красота (90%), правдивость (90%), интеллект (87,5%), доброта (82,5%), верность (82,5%), отзывчивость (77,5%), сексуальность (75%). Умение готовить, как традиционно ожидаемое качество женщины в семейной жизни, выбрали всего 10 респондентов (25% от общего числа), а отсутствие у будущей избранницы вредных привычек является важным требованием только для 6 чел. (15%).

Примерами типичных высказываний юношей-студентов об идеальной партнерше являются следующие высказывания: «это – маленькая принцесса, с которой ты не видишь мир, ты здесь и сейчас наслаждаешься моментом»; «любит быть доброй, отзывчивой, верной, симпатичной, чтобы была выше меня ростом, любила меня и моих родителей, отличалась заботой о близких, была счастлива со мной»; «с хорошим чувством юмора, любила меня, была сексуальной, главное, чтобы мне нравилась, а остальное – без разницы»; «которая может управлять мною, но такой пока нет» и т.п.

На основании представлений юношей об идеальном образе можно утверждать, что роль женщины в семье ассоциируется ими с ролью матери, что свидетельствует об отсутствии инициативы строить семейные отношения. Ответственность за качество отношений и инициатива в достижении определенности взаимодействий с другими возлагается на девушку. Данные социально-ролевые ожидания юношей не соответствуют ожиданиям девушек, ориентированных на активно действующего и предпримчивого партнера.

В целом, в исследовании выявлено, что представления девушек и юношей о желательных качествах брачного партнера не имеют значительных противоречий и согласуются. Степень совпадения образа идеального и реального партнера в среднем составила 55,0 %. Уровень совпадения у юношей оказался немного выше, чем у девушек, в среднем – на 5,0 %. Достоверные различия наблюдаются только для следующих качеств: целеустремленность, смелость, решительность, сила. Все выделенные качества характерны для выборов девушек. Для юношей, что характерно только для их выбора, большое значение имеет качество «красота». Качество ответственности как социально значимое для создания семьи не было выделено в ожиданиях ни у девушек, ни у юношей и, следовательно, не находится в зоне осознаваемого восприятия.

На выбор будущего партнера не влияет его финансовое положение. Образ партнера связывается респондентами с индивидуальностью и надежностью взаимодействия с ним как личностью. В партнерстве важны качества, имеющие выраженный индивидуальный характер – верность, справедливость, отзывчивость, интеллект. Такой важный параметр для семейных отношений как взаимность чувств и действий в ожиданиях не представлен и отсутствует как у девушек, так и у юношей.

В соответствии с моделью исследования выбора брачного партнера зафиксировано совпадение фильтров привлекательности и достоинств в выборах обеих групп респондентов, и не соответствие фильтра ролей представлениям относительно того, что должен делать партнер в совместных отношениях как муж и жена. В наборе черт идеального и реального партнера качества, связанные с ролевыми позициями в семейных отношениях, не представлены ни у девушек, ни у юношей. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что исходя из образов, имеющих у девушек и юношей относительно того, каким должен быть партнер, очевидно, что их брачные намерения не будут оправданы.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. – 1600 с.
2. Мерлин В.С. Психология индивидуальности. Избранные психологические труды. М.: МОДЭК, МПСИ, 2009. – 544 с.
3. Murstein B. Stimulus Value – Role: A Theory of Marital Choice // Journal of Marriage and the Family. –1970. – Vol. 32.

УДК 821.512.31.0

© М. Д. Данчинова
Улан-Удэ, Россия

Канд. фил. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Бурятский государственный университет

Конгломератность жизненных начал как основа гармонии (на примере рассказов С. Доржиева)

Аннотация. Современный бурятский писатель Сергей Доржиев представляет в своих рассказах размышления о жизни в ее самом широком эпическом плане. В центре художественного видения находится человек в его различных взаимоотношениях с миром. Писатель анализирует, прежде всего, проблемы взаимодействия человека с природой. В ракурсе данной проблемы проступают самые разнообразные вопросы жизни, затрагивающие как исторические, социально-политические стороны, так и духовно-нравственные аспекты человеческого общества. Особенно художника волнуют проблемы духовных

утрат: памяти, культурного наследия, религиозных основ. Писатель заставляет современного читателя задуматься над дальнейшими путями развития общества, призывает восстановить былые утраченные нравственные ценности, требует толерантного (90) отношения к людям. Не случайно рассказы объединены идеями буддийского, шаманистского мировосприятия. Где-то проступают гармоничные черты христианского видения. Буряты, эвенки, русские, китайцы одинаково равно воспринимаются писателем как единство человеческого общества, которое должно жить по правилам гармоничного сосуществования, толерантности. Писатель ненавязчиво, мягко, вместе с тем требовательно убеждает читателя в единстве всех духовных начал, выражающихся в разных религиях и вероисповеданиях. Автор безжалостен к тем, кто бездумно, ради собственного современного благополучия, не задумываясь о завтрашнем дне, следующем поколении людей безжалостно обращается с дарами природы. Алчность, корысть, ненависть, равнодушие и отстраненность подвергаются в рассказах С.Доржиева беспощадному суду. Только искоренением подобных отрицательных черт в человеческой природе, по убеждению писателя, можно восстановить гармоничный баланс всей земли.

Ключевые слова: рассказы, повествование, писатель, видение, буддизм, шаманизм, толерантность, природа.

© M.D. Danchinova

Ulan-Ude, Russia

Candidate of Philosophy, Assistant Professor

Buryat State University

Conglomeration of Life Beginning as a Basis of Harmony (the Case of Sergei Dorzhiev's Stories)

Abstract. Sergei Dorzhiev, a contemporary Buryat author, has deep thoughts about life that are shown in a vastly epic context in his works. The writer concentrates on a human being in their various relations with the world. First of all, Dorzhiev analyses problems of human interactions with nature. In the aspect of this problem, a wide variety of life issues become evident. The issues are of historical, social, political aspects as well as ethical and moral aspects of human society. In his works, Dorzhiev addresses the problems of spiritual loss, memory, cultural heritage, and religious foundations. The writer makes his readers think about varying levels of societal development. He argues for a restoration of formerly lost moral values, and tolerance towards others. That is why his works are united by the ideas of Buddhism and Shamanism. In some stories, we can even find harmonious features of the Christian vision. The writer perceives different nations (Buryats, Evenki, Russians, and Chinese) as a unifying force of human society, which must live according to the rules of harmonious coexistence and tolerance. In a gentle manner, the writer convinces the reader that all spiritual principles are connected, which are expressed in different religions and denominations. The author blames people who disrespect nature and are careless about consequences of the future, and how their actions could influence future generations. He also blames greed, apathy, hatred, indifference, and detachment. Dorzhiev suggests that the only way to restore the balance in nature is the eradication of negative aspects in human nature.

Keywords: short stories, narration, writer, vision, Buddhism, shamanism, tolerance, nature.

В рассказах писателя С. Доржиева гармоничность художественного мира соткана чертами многих национальных культур, разных жизненных начал. В подобном мировосприятии отразились прежде всего духовно-нравственные, религиозные истоки разных народов, полярных жизненных начал. Так на страницах рассказов находим и шаманское, буддийское, православное и католическое воззрения людей, сопоставление человеческого и природного мира. Заномерно замечание исследователя о том, что в художественном произведении определенные концептуальные основы мировоззрения всего человечества составляют неразрывное единство с «ценностными идейно-эмоциональными моментами» самого писателя [1, с. 10].

Художественное видение обязательно отличается определенными чертами субъективно-объективного отношения писателя к реальной действительности, в котором выражаются актуальные проблемы современного мира. В этом плане рассказы С.Доржиева поднимают едва ли не главную проблему современности - возможность людей XXI века гармонично выстраивать непростые взаимоотношения между собой. Так, подобное раскрытие проблемы находим в рассказе «Мой ангел в белой накидке». На примере жизни одной семьи, в которой все непросто и вместе с тем все разрешимо, автор представляет читателю поразмышлять об истоках рождающихся в жизни людей многочисленных проблем. Бурятское, китайское мировосприятие в конгломерате с западными духовными истоками создают основу гармоничного начала, которое должно подтолкнуть читателя к коренным изменениям в ходе всей современной жизни. Писатель подводит нас к пониманию значимости духовных основ в культуре разных народов.

Героиня рассказа Анна страдает от разлада в отношениях отца и матери. Она не может понять истоки этого разлада. Писатель психологически тонко представляет картину духовного распада семейного союза, где все любят и в то же время заставляют страдать друг друга. Автор словно задается вопросом, кто же виноват в подобных отношениях. Оттого его герой Алексей Бадмаевич, отец Анны, винит и жену, и себя за драматизм семейной жизни: «Зазвонил телефон. Это была жена. Лада, конечно, потеряла его, беспокоится. Она, ведь, он знал, его действительно любит, по-своему добра, образованна и умна» [2, с. 177].

Художественная нить авторских размышлений передает ощущение надлома, неправильности те-

чения жизни современных людей, где одни должны прощать любимых за глубокие душевные раны, страдая от этого, а другие, не теряя своих чувств к избранникам сердца, почему-то изменяют им.

Художник контурно набрасывает ответы, находя их в эгоизме, холодности и равнодушии одних, самолюбии и свехопеке других. Из-за дисгармоничности семейной жизни мучаются все. В первую очередь дети, которые усваивают в полной мере как хорошее, так и плохое начала. С позиции писателя в такой ситуации нет правых и виноватых. Все стороны одинаково равно должны нести ответственность за сохранение духовных основ.

В этом художественном ответе автор не случайно «отправляет» главную героиню в Китай, где Анна находит истоки той духовной гармонии, которой ей не хватало на родине. Именно здесь, в чужой стране она по-новому начала относиться к бурятской, русской культуре. Она по-настоящему стала понимать через призму китайского мировосприятия значимость не случайного соединения разных культур. Особенно это передано в раскрытии судьбы ее любимого Брендона Ли, заболевшего раком и нашедшего исцеление в католической церкви. Однако герой, восприняв судьбу и участь Иисуса Христа, представил в мыслях образ Небесного отца как Вселенскую Позитивную Энергию. И в молитвах обращался именно в ней. В этом плане прав его родной отец в напутствиях, что «Бог един на небе, только формы обращения к нему разные» [2, с. 190]. Так герои С.Доржиева в совершенно разных для себя культурах, верованиях – русской, бурятской, китайской, буддизме, христианстве находят духовные истоки для начала нового отсчета гармоничной жизни. В этом плане верна литературоведческая позиция И. Булгутовой в том, что «герои (С.Доржиева – М.Д.), ступив на неизведанное поле, открывают для себя стихию жизни, в которой любая случайность может сыграть свою роль, подчас случай определяет внезапный поворот, и поэтому человек несет особую ответственность за себя и за других» [3, с. 213].

Именно подобная гармоничная конгломератность культур, ее понимание не позволяют героине Анне отчаяться, пойти по нарушению нравственных устоев семейной жизни. Она остается верна своему Брендону Ли, одолеваяющему свой недуг.

В другом рассказе «Закон жизни» дан целый ряд подобных сочетаний, которые заставляют задуматься о жизни как едином гармоничном начале, сочетающем разные полярные истоки. Это сопоставление человеческого мира природному. Взаимоотношения людей, сознание человека раскрываются в призме природного вечного движения. На основе такого сопоставления писатель раскрывает проблему драматичности человеческой жизни, которая исходит от ее дискретности. Тогда как природный мир живет по законам вечного непрерывного круговорота. Это раскрывается в словах старого охотника молодому парню об убийце медведе-шатуне: «Ты пойми одно. Медведь-хищник, питается всем, что есть. Наступил голод, что он будет делать, а? Отказаться от пищи? А почему наш с тобой живот добра не помнит, а? А если бы мы с тобой медведями были, как бы поступали? Ты пойми, поступок медведя - это закон всего живого на этом свете, это закон жизни» [2, с. 141].

Образ старого Сарюты баабая словно специально создан писателем для воссоздания той нарушенной гармонии, что пролегла между человеческим и природным миром. В герое любая его деталь, особенно каждое слово несут черты восприятия жизни в ее вечности, нерушимости, а главное гармонии. Герой стремится пробудить в своих молодых, юных спутниках не чувства мести, злобы на разъяренного зверя, а утраченные людьми чувства благодарности природному миру, понимания незыблемости и нерушимости его круговорота. Старый охотник стремится научить молодых людей считаться с гармоничным сосуществованием всех живых представителей земного мира. Оттого строги его слова: «Нельзя унижать животное. Это равносильно тому, что унижать наш мир» [2, с. 142]. Слова старого охотника звучат для молодых не только обычным напутствием, а оборачиваются одним из законов самой природы, которым надо следовать. В раскрытии гармоничных основ жизни данное повествование не случайно представляет собой форму рассказа в рассказе. В основе рассказа сотканы несколько параллельных сюжетов, не имеющих, на первый взгляд, между собой ничего общего. Однако в сочетании разрозненных рассказов наблюдается воплощенность одной идеи автора – представить мир в ее гармоничном начале.

Так старый охотник рассказывает повествование о двух братьях. Из-за нарушения охотничьего закона младшим происходит трагедия для жизни обоих братьев. Старший убивает младшего. Одним выстрелом оказывается перечеркнутой жизнь обоих. Рассказывая об этой истории, старый охотник поучает своих юных спутников словами: «Охота, мой друг, требует от человека больших духовных сил. Не каждый может заниматься охотой. Здесь, кроме желаний, нужны старания и терпение, да и все лучшие качества ума и сердца, все добродетели человека» [2, с. 144]. Речь Сарюты баабая заставляет молодых охотников задуматься о жизни, круговороте ее разных начал.

В каждом рассказе писатель стремится раскрыть читателю мысль о сочетании разных, порой по-

лярных, жизненных начал в одном пространственно-временном континууме. При этом каждый пласт влияет гармоничность сосуществования всех уровней. Именно о нерушимости, ненарушаемости данной гармонии призывает С.Доржиев. Особенно мысль автора актуальна в наше время, когда нивелировке подвергаются все уровни культурно-духовной основы жизни всего человечества.

Литература

1. Осипов А.И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности. Минск, 1989.– 220 с.
2. Доржиев С.Д. Звезда наша путеводная. Сб. рассказов. Улан-Удэ, 2014. – 220 с.
3. Булгутова И.В. Свет путеводной звезды в кн. Доржиев С.Д. Звезда наша путеводная. Сб. рассказов. Улан-Удэ, 2014, 220 с., С. 211– 215.

УДК. 371.3

©Д.Т. Рудакова
Москва, Россия
канд. пед. наук, доцент кафедры информатизации образования
Московский городской педагогический университет
E-mail: doratim@mail.ru

Информационные технологии для организации познавательной деятельности и развития личности

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния информационной среды на становление личности и возможности создания педагогических условий для развития. Важнейшим аспектом организации образовательной деятельности с использованием информационных технологий является ее ориентация на формирование фундаментальных ценностей и смыслов. Современные информационные и педагогические технологии позволяют учителю нацелить познавательную деятельность не только на решение предметных ситуативных задач, но и на более глубокое понимание происходящих явлений и процессов окружающего мира, формирование самооценки и рефлексии. Наиболее сложным в процессе становления личности является формирование его смысловой сферы, умение проникать в смыслы, соотносить понятия. Умение работать с информацией в разных ее видах, анализировать, интерпретировать становятся определяющим фактором в образовательном процессе. Реализация деятельностного подхода, развитие умений самостоятельного решения проблем способствует рождению смысловых связей, вырабатывает личностное отношение. Организация исследовательской и творческой деятельности в условиях открытой информационной среды на основе использования информационных технологий носит продуктивный характер, способствует решению современных задач образования.

Ключевые слова: информация, образовательная среда, деятельность, развитие личности, понимание, смыслы, проблемный подход, проектная деятельность.

©D.T. Rudakova
Moscow, Russia
Candidate of Pedagogy, Assistant Professor
Department of Informatization of Education
Moscow City Pedagogical University

Information Technologies for the Organization of Cognitive Activity and Identity Development

Abstract. The paper considers the influence of the information environment on the identity formation and a possibility of creation of pedagogical conditions for development. The most important aspect of the organization of educational activity with use of information technologies is its orientation to formation of fundamental values and meanings. Modern information and pedagogical technologies allow the teacher to aim cognitive activity not only at the solution of subject situational tasks, but also at deeper understanding of the occurring phenomena and processes of the world around, formation of a self-assessment and reflection. The most difficult in the course of the identity formation is the formation of its semantic sphere, ability to get meanings, to correlate concepts. Ability to work with information in its different types, to analyze, interpret become a defining factor in educational process. Realization of activity approach, development of abilities of the independent solution of problems promotes the birth of semantic communications, develops the personal relation. The organization of research and creative activity in the conditions of the open information environment on the basis of information technologies has productive character, promotes the solution of modern problems of the education.

Keywords: information, educational environment, identity development, understanding, meanings, problematic approach, design activity.

Современное общество задает высокие требования к уровню информационной культуры человека, умению его адаптироваться к изменениям, анализировать ситуацию, принимать адекватные решения. Актуальной задачей перспективной системы образования становится деятельностная ориентация ее содержания, проникновение в смыслы познаваемого, изучение научных и культурных основ формирования информационной цивилизации и развитие навыков постоянного самосовершенствования и развития. Организация современного учебного процесса в информационном обществе проходит в от-

крытой образовательной среде. При проектировании образовательной среды необходимо учитывать возможности и особенности каждого компонента системы, ее нацеленность на развитие личности учащегося, овладение метапредметными навыками и умениями.

По данным современных исследователей, у школьников, родившихся в цифровом мире, где интернет и компьютер, мобильные телефоны и ноутбуки сопровождали их всегда, мышление становится отрывочным, чтение – поверхностным. Другие источники утверждают: возможности информационных технологий меняют привычную для мозга информационную среду, увеличиваются скорости восприятия и у нового поколения больше шансов реализоваться и достичь успеха. Положительные и отрицательные явления цифрового общества вызывают острые дискуссии и ждут своих исследователей. Сегодня современные дети отличаются от своих вчерашних сверстников и воспринимают учителей как «цифровых иммигрантов», быстро и свободно могут найти любую информацию в сети. Вместе с тем, подростки зачастую не имеют четких нравственных ориентиров, занимаются постоянным серфингом по интернету, что приучает их к состоянию рассеянного внимания, когда приходится следить за всем сразу, ни на чем не сосредотачиваясь. Поэтому особую актуальность приобретает проблема выбора ценностных ориентиров, организация образовательного процесса как проникновения в сущность и смыслы, обретение культурного кода, что становится основой личностного развития и саморазвития современных молодых людей.

Педагоги и психологи рассматривают проникновение в смыслы как одну из важнейших сторон человеческого бытия. Смысловая сфера личности формируется в процессе становления маленького человека, непосредственного его участия в самых разных учебных и жизненных ситуациях. Будучи ребенком он проявляет себя в определенных жизненных ситуациях, соотносит повседневное и непреходящее, разделяет ценности старших или противится их установкам. В этом сложном психологическом процессе, по утверждению Д.А.Леонтьева, следует рассматривать смысловую сферу личности как целое, подчеркивая значение смысловых связей, которые «рождаются в сложных, многогранных соотношениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким (собственно смыслообразующим) контекстам жизни». «Межпредметный» характер смысла акцентируется еще сильнее, вплоть до утверждения, что смысл – «...не жестко заданный предмет, вещь или действие, а вариативная связь между предметами, вещами, действиями, точнее, вырабатываемый личностный принцип связи, соединения» [2, с.247].

Характер деятельности определяется его целью, связанной с ситуационным смыслом, который психологи выделяют как низший уровень. Следующей ступенью является понимание смысла, сущности определенной деятельности группой, окружающей человека, т.е. группоцентрический уровень. Более высокая ступень, или уровень, включает общечеловеческий, общественный смысл, отражает нравственную позицию человека. Чем выше по ступеням понимание смысла, тем сложнее работа по формированию и осознанию их. Психологи подчеркивают сложность становления динамической смысловой системы, поскольку действительность, порождающая осознание смысла становится все более широкой и неопределенной [1, с.35].

В условиях открытой образовательной среды учитель имеет возможность совместно с учащимися организовать исследование в рамках проектной деятельности в широком информационном поле, на основе интеграции современных педагогических и информационно-коммуникативных технологий, формулируя вопросы и проблемы на разных уровнях. На первом уровне вопросы предметной направленности, на втором – проблемный вопрос в метапредметном ключе (проектная деятельность выходит за рамки одного школьного предмета); на третьем – основополагающий вопрос, который расширяет «смысловое пространство», приглашает к размышлению над сущностными вопросами, формулируя основной вопрос проекта в философском ключе. Это позволяет задуматься над изучаемой проблемой в социальном, философском плане, здесь нет готовых ответов, необходимо обозначение собственных позиций и аргументов, Постановка основополагающего вопроса в школьных исследованиях проектируется на зону ближайшего и перспективного развития, сложно и вместе с тем интересно ребятам проходить «по иерархическим ступеням смыслообразования», но в этом совместном творческом поиске и создается «динамическая смысловая система». В основе такой деятельности – непрерывное образование, умение работать с информацией в разных ее видах, универсальное умение «читать текст», когда под этим еще в начальной школе понимается не «складывать буквы», но «понимать» и соотносить тексты с действительностью, интерпретировать и структурировать, осознавать, что понято, какая часть вызывает вопросы, уточнения. Таким образом, приглашение учащихся к размышлению над вопросами и проблемами, решение которых не лежит на поверхности, но они становятся своего рода катализатором мыслительной и духовной работы, позволяющей подняться на более высокие уровни понимания смыслов, глубокого проникновения во взаимосвязи вещей и объектов,

явлений и процессов, окружающих сегодня человека, становится одним из векторов развития деятельности в образовательной среде [4, с.48].

Наиболее важным и значимым в эпоху информационной цивилизации, становится не просто знание фактов, обладание умениями и навыками, но понимание, умение постоянно производить рефлексию, осмысливая «что я знаю» и «что мне необходимо знать», и осуществлять деятельность по наметенному вектору развития. Именно умения вникать в смыслы, понимать контексты – видеть в малом большое, отражение более общих процессов, умение общаться, понимать собеседника, иметь ценностные ориентиры способствует становлению личности. Изменение содержания образования на основе включения современных инструментов познавательной деятельности, умение участников образовательного процесса удерживать смыслодеятельностный вектор развития является определяющим условием становления «единицы культуры и уникальной личности», способной отвечать вызовам информационной цивилизации [3, с.10].

В основе творческой и исследовательской деятельности лежит способность человека создавать образы, мысленные модели тех действий, которые ему предстоит совершить. «Прежде чем действовать, человек создает образ своего действия. Образ — одно из важнейших средств культуры. Так или иначе, человек способен совмещать сугубый практицизм и возвышенное духовное творчество, на первый взгляд совершенно бесполезное, однако необходимое ему самому и другим людям» (Л.Н.Боголюбов). Человек усваивает культуру из социального окружения, которое отчасти воспитывает ее в нем, отчасти же его ею пропитывает. В развивающемся информационном обществе умение работать с различными видами информации, владение информационными технологиями в образовании и профессиональной деятельности становится определяющим. На основе системного подхода, используя современные информационные технологии и методы информатики, можно изучать процессы и явления из разных предметных областей, как естественнонаучных, так и гуманитарных. Организация подобной деятельности по интеграции содержания разных предметов, ориентированной на исследование и творчество, носит продуктивный характер. При этом на основе развития системного мышления достигаются цели по реализации метапредметного подхода, развития универсальных учебных действий, закрепление знаний и умений, полученных учеником при изучении других школьных предметов.

Важнейшим фактором развития образовательной среды становится качество системных связей между пространственно-предметным и социальным компонентами обозначенной образовательной среды, которое собственно и обеспечивает тот или иной результат образовательного процесса: уровень методического обеспечения образовательного процесса, эффективность использования электронных образовательных ресурсов, направленность образовательного процесса на раскрытие и развитие личностного потенциала каждого учащегося; способность этой среды удовлетворить весь комплекс потребностей ребенка и сформировать у него систему социальных ценностей, обеспечивающих ему активную успешную адаптацию в современной изменяющейся образовательной среде, понимаемой в самом широком смысле.

Литература

1. Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / под ред А.Е.Войскунского, А.Н.Ждан, О.К.Тихомирова. М.: Смысл, 1999. —301 с.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3 –е изд. доп. – М.: Смысл, 2007. — 511 с.
3. Рубцов В.В. Развитие образовательной среды региона. М., 1997. – 312 с.
4. Рудакова Д.Т. Проблемы и возможности использования информационных технологий для реализации метапредметного подхода // «Вестник РУДН». Серия «Информатизация образования», № 3, 2015 г. с.45—49.

УДК 1 (091)

© Т.Б. Гнеушева
г. Улан-Удэ, Россия
аспирант кафедры философии,
Бурятский государственный университет
e-mail: tanyagneusheva88@mail.ru

Проблема наказания в Античной философии

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы формирования учения о наказании в философии Античности. Автор рассматривает представления о наказании во взглядах таких античных философов, как Сократ, Платон, Аристотель. Отмечается, что философами того периода сформулированы различные проблемы, связанные с осмыслением наказания, в частности, необходимость наказания, цели наказания, отношение к смертной казни, определение деяний, за которые должно следовать наказание и т.п. В Античной философии просматриваются попытки выявить сущность, цели наказания, в

том числе формулируются предложения по приведению людей к должному, общепринятому поведению. В то же время античные философы указывают на неотвратимость наказания, а также того, что суть справедливого наказания заключается в наложении на человека таких страданий, которые должны приводить к его нравственному исправлению. Однако философия античности не смогла выработать единого стройного учения о наказании, часто выражаясь в виде отдельных разрозненных положений.

В заключение автор приходит к выводу о том, что античные философы заложили основы учения о наказании и проложили дорогу последующим размышлениям о наказании эпохи Средневековья.

Ключевые слова: наказание, Античность, справедливость, цели наказания, философия, исправление.

©Т.В. Gneusheva
Ulan-Ude, Russia
postgraduate student, Department of Philosophy,
Buryat State University

The Issue of Punishment in the Ancient Philosophy

Abstract. The paper examines issues of the formation of the doctrine of punishment in the Ancient philosophy. The author draws on the ideas of punishment of such ancient philosophers as Socrates, Plato, Aristotle. It is noted that the philosophers of that period formulated various issues related to the interpretation of punishment, in particular, the need for punishment, the purpose of punishment, the attitude to the death penalty, the definition of acts for which punishment should follow, etc. In the Ancient philosophy, attempts were made to reveal the essence, the purposes of punishment, including the formulation of proposals for bringing people to due generally accepted behavior. At the same time, ancient philosophers pointed out the inevitability of punishment as well as the fact that the essence of a just punishment is the imposition on a person of such suffering that must lead to his moral correction. However, the Ancient philosophy could not develop a unified coherent doctrine of punishment but often presented in the form of separate disjointed provisions.

In conclusion, the author argues that the ancient philosophers laid the foundations of the doctrine of punishment and paved the way for subsequent meditations on the punishment in the Middle Ages.

Keywords: punishment, Ancient times, justice, punishment goals, philosophy, correction.

Социальная природа наказания и его понятие привлекали к себе внимание мыслителей с древнейших времен. Значительные успехи в осмыслении проблемы наказания были достигнуты в период Античности. Ранняя античная мысль была сосредоточена на практической общественной полезности любых политических установлений. Ценности моральные не просто отождествлялись, но подменили собой политические, а рассуждение о справедливости, добродетели – рассуждение о праве. От стремления к добродетели появляется и изначально единственное явление права – наказание. «Преступающего законы государство наказывает, и название этому наказанию...исправление, потому что возмездие исправляет» [4].

Размышления о справедливости, нравственных ценностях впервые появляются в контексте философского учения школы пифагорейцев. Пифагор и его последователи стоят у истоков того представления, что жизнь людей должна быть приведена в соответствие с выводами философии о справедливости. При этом пифагорейцы определяли справедливость как воздаяние равным за равное.

Высоко оценивал предупредительное воздействие наказания Протагор. С точки зрения Протагора, наказание используется ради того, чтобы ни сам преступник, ни какой-либо другой человек не совершал более преступлений. Он утверждал, что нельзя наказывать нарушителей права только за то, что они его нарушили. Так поступают только те, кто мстит подобно животному. Разумное наказание заключается в устрашении [4]. Тем самым Протагор связывал применение наказания с достижением полезных для общества целей.

Несколько иных взглядов придерживался другой философ Античности - Демокрит. Заслуга Демокрита состоит в исследовании таких важных категорий, как долг, мораль, справедливость. Демокрит считал, что в основе правомерного поведения людей должен лежать не их страх перед наказанием, а чувство долга. Государство при назначении наказания должно следовать соблюдению принципов справедливости, целесообразности и достаточности.

Особую значимость в утверждении нового подхода к понятию справедливости наказания имело социальное учение Сократа. Наказание воспринималось им как причинение страдания виновному за совершенное преступление. Сократ считал, что в основе наказания должно лежать соблюдение государством принципа справедливости. Признав законность и справедливость почти тождественными понятиями, Сократ определил, что в основе поступков, поведения людей может находиться либо знание, либо незнание. Лишь тот, кто знает, что есть добро и зло, справедливость и несправедливость, никогда не станет нарушать моральные и правовые нормы. Признавая все законы справедливыми, Сократ убежден в необходимости их исполнения. Изменять же законы следует не посредством насилия, а при помощи рациональной аргументации.

Ученик Сократа Платон также уделял особое внимание проблемам справедливости и наказания.

Он указывал на отрицательную роль безнаказанности как на основную причину совершаемых человеком проступков. Наказание, по мнению Платона, не направлено на причинение зла – оно подобно лекарству делает наказываемого лучше.

Преступление при этом рассматривается как болезнь души преступника. Заниматься лечением этой болезни должно государство. В случае особой злостности суд вправе признать человека неисцелимым, и тогда в его отношении допускается смертная казнь или иные суровые наказания. «При этом способе правосудие влечет за собою справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или изгнанием. Так обыкновенно отделяются от величайших, к тому же неисцелимых преступников, чрезвычайно вредных для государства» [6, с. 47].

Как мы видим, согласно учению Платона, преступление – это болезнь, излечить которую можно лишь посредством наказания.

Несомненной заслугой Платона является формулирование принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление. Данный принцип не теряет своего значения в настоящее время и означает, что никто не должен оставаться безнаказанным за совершенное преступление.

Что касается учения о наказании в трудах Аристотеля, то он уделял особое внимание предупредительной роли наказания, так как считал, что одними предписаниями невозможно обратить человека к добру. Большинство людей воздерживается от нарушения закона не из высоких побуждений, а из страха перед наказанием. Побуждениями высшего порядка руководствуются лишь немногие избранные. Большинство склонны предпочитать свои выгоды и удовольствия общему благу, а потому государство должно сдерживать дурные инстинкты угрозой наказания [1, с. 76].

В работе «Этика» особое внимание Аристотель обращает на роль закона воздаяния, дополняя его при этом принципом пропорциональности. Философ считал, что справедливое наказание не должно быть крайне жестоким или излишне мягким. Оно должно основываться на законе, гарантирующем справедливое и честное отношение к гражданам со стороны государства.

Древний мыслитель полагал, что честность и умеренность при определении наказания должны установить баланс между преступлением и наказанием и тем самым избавить общество от крайностей.

Значительный вклад в античную философию права внес древнеримский философ Цицерон. По мнению Цицерона, где есть законы, всегда есть их нарушители, а за нарушением законов должно следовать наказание. Он подчеркивал необходимость наказания, ибо безнаказанность лишь способствует новому нарушению закона [2, с. 29].

Одним из важных аспектов его учения о наказании является концепция принципов справедливой юстиции. Здесь в особенности разработаны и конкретизированы его общие наблюдения о назначении справедливости. Соответственно римским канонам суд и юстиция – это не соревнование в знании законных предписаний, а практическое установление справедливого. Подлинная виновность тогда будет наказана, когда в судах не останется места изначальному предубеждению. При отсутствии реальных доказательств вины любое предубеждение в отношении положения обвиняемого будет посягательством на изначальную справедливость.

Еще одним представителем римской школы философии является Сенека. Большое внимание философ уделял милосердию, как этической категории. Сенека считал, что только милосердие может смягчить наказание. И в этом проявляется его суть как стержня власти, поскольку правитель в силу величия души обязан уменьшить наказание. Это, безусловно, приведет к благоприятным последствиям, таким как: укрепление власти правителя, правопорядка в обществе. Противоположностью милосердия, по мнению философа, является жестокость, которая определяется им как «склонность души к более тяжким мерам наказания» [3, с. 18].

Итак, древние ученые заложили основы учения о наказании. Уже в этот период философами формулируются различные проблемы, связанные с осмыслением наказания, в частности, необходимость наказания, цели наказания, отношение к смертной казни, определение деяний, за которые должно следовать наказание. Своим учением они проложили дорогу последующим размышлениям о наказании эпохи Средневековья.

Литература

1. Аристотель. Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.
2. Павлова М.А. Возникновение идеи о наказании в догосударственном обществе и на Древнем Востоке // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2007. - № 3. – С. 29–30.
3. Сенека Л.А. О милосердии. Кн. II, гл. II. – С. 18.
4. Соловьёв В. Платон. Протагор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://solovev.ouc.ru/platon-protagor.html> (Дата обращения 04.08.2016).

5. Цицерон. Речи. В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Наука, 1993. – 444 с.
6. Щербаков А.И. Древнегреческая философия эпохи классики. Краснодар, 1994. – 119 с.

УДК 37.02 +371

© В.В. Пустовалова
г. Томск, Россия

Канд. пед. наук, директор муниципального автономного учреждения
информационно-методического центра г. Томска
E-mail:vega_2005_11@mail.ru

Экологически устойчивое развитие страны: вызовы отечественному образованию

Аннотация. Статья посвящена осмыслению вызовов отечественному образованию и необходимых изменений в нём, которые создали бы условия для экологически устойчивого развития страны. Рассматривается актуальная задача общего образования – формирование у обучающихся целостной современной картины мира, которое невозможно без выхода на мета-язык, метапонятия (культурные концепты), ценностно-смысловые связи содержания разных предметов. Обсуждается педагогическое средство понимания сложностей взаимосвязанного глобального мира – метафорическое мышление. Обсуждается роль когнитивных метафор для моделирования новой и сложной для восприятия и понимания учеником такой образовательной «области», как образование для устойчивого развития, для аксиоматизации идей устойчивого развития. Актуализируются понятия: «метапонятие – метаязык – когнитивная метафора – метафорическая модель – метафорический мыслеобраз экологического императива – «зеленая аксиома». Представляются научно-практические результаты деятельности в этом направлении пилотного проекта «Межрегиональное Сетевое партнерство по образованию в интересах устойчивого развития «Учимся жить устойчиво в глобальном мире: Экология. Здоровье. Безопасность. (программа УНИТВИН/ЮНЕСКО)», учредителями которого выступили Факультет глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», Департамент образования администрации г.Томска. Обозначены возможности образовательных учреждений и муниципальных методических служб освоения идей устойчивого развития.

Ключевые слова: экологическое образование; образование для устойчивого развития; глобальный эволюционизм; экологизация, метафорическая модель обучения, когнитивная метафора.

© V.V. Pustovalova
Tomsk, Russia
Candidate of Pedagogical Science,
Director of Municipal Autonomous Institution of
Information-Methodical Center

Ecologically Sustainable Development of the Country: Challenges to Russian Education

Abstract. The paper examines the challenges to Russian education and the necessary changes in it that would create the conditions for sustainable development of our country. The actual task of general education is considered as a formation of students' holistic modern worldview, which is impossible without access to metalanguage, metaconcepts (cultural concepts), axiological connections of the different subjects content. The paper discusses pedagogical means of understanding the complications of the interconnected global world - the metaphorical thinking. The paper considers the role of cognitive metaphors for simulation of new and complex educational field as sustainable development to perceive and to understand by a student and for axiomatization of sustainable development ideas. The paper offers following definitions: 'metaconcept'-'metalanguage'-'cognitive metaphor'-'metaphorical model'-'metaphorical thought form of the ecological imperative'-'green axiom'. The paper presents scientific and practical results of the pilot project 'Interregional Network partnership on education for sustainable development 'Learn to live sustainably in a global world: Environment. Health. Security. (program UNITWIN/UNESCO)', the founders of which were the Department of global processes of Lomonosov Moscow State University and FSSO Institute of education development strategy of the RAE, and Department of education of Tomskadministration. The paper points out opportunities for educational institutions and municipal methodical services to implement ideas of sustainable development.

Keywords: Environmental education, education for sustainable development, global evolutionism, greening, metaphorical model of education, cognitive metaphor

Тема экологически устойчивого развития страны вызывает широкий диапазон откликов: от горячей поддержки до нескрываемого раздражения. Но при этом актуальность этой темы признается всеми, потому что слишком много в современном мире подтверждающих «богатых» иллюстраций реальности. В связи с этим возникает вопрос о необходимости новых, эффективных моделей экологизации образования. Для такого движения к образованию в интересах устойчивого развития актуально решить проблему комплексности достижения планируемых результатов (метапредметные, предметные, личностные). Очевиден приоритет предметных результатов, при недооценке достижения метапредметных и личностных результатов. Последнее предполагает и актуализацию поиска «значений-для-себя», личностных смыслов значений учебных предметов.

Мир настолько быстро меняется, кратно обновляется картина мира, и соответственно, возникает

вопрос о том, формирует содержание образования картину мира, тождественную ли этим динамичным процессам обновления? И насколько возможно делать практические шаги, которые позволили бы понять процесс формирования у школьника современной научной картины мира, опирающейся на теорию глобального эволюционизма (Н.Н.Моисеев)? При этом, учиться видеть целостную картину мира не как самоцель, а для того, чтобы понимать и уметь сохранять здоровье Планеты, страны, общества, собственное, выявлять связи экологической, экономической, социальной сторон в любой деятельности человека на основе понимания взаимосвязи живой и неживой природы, общества как составляющих культуры устойчивого развития. Мир учится жить устойчиво в глобальном мире.

27 декабря 2016 года состоялось заседание Госсовета при Президенте РФ, посвященное вопросам экологического развития России. В перечне поручений по его итогам, утвержденным Президентом РФ, говорится: Правительству Российской Федерации «представить предложения: о включении в ФГОС требований к освоению базовых знаний в области охраны окружающей среды и устойчивого развития».

Включение в ФГОС базовых знаний в области охраны окружающей среды и устойчивого развития подчеркивает особую значимость движения (дел, действий) на практике к образованию для устойчивого развития (далее - ОУР).

Практики зачастую задают целый каскад вопросов: за счет чего осуществляется движение к образованию для устойчивого развития, опирающемуся на сложные категории теории систем, теоретической экологии, кибернетики, и требующему глобального пространственно-временного мышления? Традиционно сложившееся предметное содержание может быть основой такого движения? Ответом на эти вопросы является поиск содержания и путей работы детского сада, школы со знаниями в области устойчивого развития.

О содержании. Ревизия – выверка содержания предметов только позволит сфокусировать из имеющихся тем значимое ядро, аннотаций к ним. Добавятся ли какие-либо темы? Наверное, нет, потому что ОУР – это не отдельный предмет, а общекультурный вектор образования человека в течение всей его жизни – вектор, который может быть задан существующему образованию и который формирует мышление, ценности и действия в интересах сохранения для будущих поколений природного и культурного наследия, доставшегося нам от предков. Мало провести ревизию существующих значений устойчивого развития в разных учебных предметах, их важно проектировать на допредметном методологическом, мировоззренческом уровне содержания образования.

Об организации обучения и учения. Ключевым посылом в ответе на эти вопросы является метапредметность, с одной стороны, как метапредметные результаты (универсальные учебные действия, обобщенные способы действий), с другой, - метаязык, метапонятия, интегрирующие учебное содержание разных предметов в единую картину мира. И, несомненно, недостаточно в школе использован этот ресурс как основа непрерывного образования человека, его академической, профессиональной, личной (семейной и др.) мобильности. И недостаточно востребованы педагогические возможности метафоры. Это не панацея, а, скорее, шаг к метапонятиям и метаязыку, сшивающему смыслы разных учебных предметов и выводящему на «значение-для-меня» и личностные значения знаний в области устойчивого развития, а иначе, без последнего устойчивое развитие может задаваться только извне, а не из сути, нутра человека. И, если продолжать обращение к ресурсам движения к ОУР, совсем упрощается и нивелируется традиционной знаниевой парадигмой образования несметные возможности «зеленой аксиомы» (автор Е.Н. Дзятковская, 2013г.) как метафорического мислеобраза экологического императива.

И если речь идет не об изолированно-предметном обучении, то видится нераскрытой роль когнитивных метафор для моделирования новой и сложной для восприятия и понимания учеником образовательной «области», как образование для устойчивого развития, для аксиоматизации идей устойчивого развития.

И, по нарастающей, охарактеризуем этот ресурс движения к ОУР. Относительно организации, моделирования образовательного процесса, актуальны возможности метафорических моделей обучения. Одним из условий их реализации будет понимание учителем метафоры не как метода, приема, упрощающего путь ученика к пониманию сложного абстрактного знания (электроны и др.), а как дидактической единицы содержания образования, организации, в целом, образовательного процесса.

Обратимся к многогранному понятию метафора, относят её к филологии, языкознанию, литературоведению как языковое средство и к психологии, когнитивной лингвистике как средство мышления, механизм познания мира.

Термин «метафорическая модель обучения» обозначен в трудах Э.В. Будаева, А.П. Чудинова, М.А. Ахметова, Э.А. Мусеновой и др. Метафорические модели обучения могут быть различными, это

обусловлено вариативностью использования метафоры в образовательном процессе. Можно выделить использование дидактической (иллюстративной, поясняющей и др.) метафоры как методический инструмент, благодаря которому появляются возможности не только глубоко освоить новый учебный материал, но и развить, углубить первоначальное его понимание и даже совершать открытия в новом содержании. М.А. Ахметов, Э.А. Мусенова, Д. Трунов, А.А. Плигин, В.Е. Пугач и др. рассматривают метафору как средство активизации наглядно-образного мышления с учетом ведущей модальности восприятия ребенка. Другой вариант Е.Н. Дзятковской, требующий «переложения» на практику - это концептуальные метафоры сложных категорий, недоступных для понимания учащимися данной возрастной группы на теоретическом уровне, путем соединения научного контента с архетипическими матрицами (кодами) культуры.

«Зеленые аксиомы» как дидактическая единица содержания образования, задают новую, отличную от существующих вариантов, экологизацию современного образования [1, 2].

«Зеленая аксиома» может быть представлена в различных формах, в виде сказки, пословицы, инфографики [3]. Задача практиков – через взаимосвязь урочной, внеурочной, проектной, учебно-исследовательской деятельности, воспитательной работы востребовать педагогический потенциал инфографики, определить необходимую (достаточную) степень метафоричности инфографики, используемой в образовательном процессе. Понять особенность шагов создания инфографики учеником в роли автодидакта, позволяющей осуществлять смысловые шивки на основе двойной метапредметности: как содержательной (метаязык, метапонятия), так и универсальных учебных действий.

И один из вызовов образованию можно обозначить, как необходимость моделирования организации образовательного процесса, предполагающего реализацию трансдисциплинарного подхода, в том числе поиск причинно-следственной взаимозависимости, личностных смыслов значений учебных предметов для формирования картины мира ученика. Кажется, что нужен профессиональный диалог о возможностях реализации трансдисциплинарного подхода средствами метафорических моделей обучения, «зеленой аксиомы» как метафорического мыслеобраза экологического императива, создающих условия для формирования и развития метафорического мышления ребенка как средства понимания сложностей окружающего мира.

Решение вызовов отечественному образованию видится как движение по неведомой, но несметно богатой дорожке «метапонятие – метаязык – когнитивная метафора – метафорическая модель – метафорический мыслеобраз экологического императива – «зеленая аксиома».

Профессиональный диалог в этом смысловом поле ведется в рамках пилотного проекта «Межрегиональное Сетевое партнерство по образованию в интересах устойчивого развития «Учимся жить устойчиво в глобальном мире: Экология. Здоровье. Безопасность. (программа УНИТ-ВИН/ЮНЕСКО)», учредителями которого выступили Факультет глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», Департамент образования администрации г.Томска. Наш сайт — <http://partner-unitwin.net/>

География межрегионального сетевого проекта по образованию для устойчивого развития очень обширна. Это Москва, Московская, Рязанская, Томская, Челябинская, Кемеровская, Иркутская области, Республика Удмуртия, Забайкальский край ... И список этот пополняется новыми участниками.

Участниками пилотного проекта являются учителя, методисты, школьные психологи, социальные педагоги, воспитатели детских садов, преподаватели вузов и среднего профессионального образования, студенты, педагоги дополнительного образования, дети и взрослые, образовательные организации, муниципальные методические службы; муниципальные и региональные органы управления образованием, общественные организации.

Приглашаем к сотрудничеству!

Литература

1. Дзятковская Е.Н. «Образование для устойчивого развития в школе. Культурные концепты. «Зеленые аксиомы». Трансдисциплинарность» [Текст]: монография / Е.Н. Дзятковская. М.: Образование и экология, 2015. – 328 с.
2. Пустовалова В.В. Метафора в педагогике [Текст]: монография / В.В. Пустовалова. – М.: Образование и экология, 2016. – 264 с.
3. Пустовалова В.В. Инфографика как дидактическая единица содержания образования, или Просто о сложном [Текст]: монография / В.В. Пустовалова. – М.: Издательство "Перо", 2017. – 172 с.

Корпоративная культура как фактор коммуникативной природы управления в условиях социокультурных изменений современного общества

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть влияние корпоративной культуры на коммуникативную природу управления в условиях социокультурных изменений современного общества. Обоснован тезис о том, что корпоративная культура, являясь основой коммуникативной природы управления, лежит в основе всех социокультурных изменений происходящих в современных условиях. Отдельным фрагментом социальности в современных условиях являются организация, самоорганизованность и коммуникативность, которые дают возможность говорить об управленческих возможностях корпоративной культуры. Только активная корпоративная культура может влиять на коммуникативную природу управления, что связано с формированием активной структуры самой организации, которая строится на принципах, которые закладывают возможность активизации деятельности всех сотрудников, стимулирует их самостоятельность и инициативность и является серьезным конкурентным преимуществом организации.

Управленческий момент корпоративной культуры состоит в том, что она активизирует личностную мотивацию, имеет управленческое значение и управленческие функции.

Следствием коммуникативной природы управления корпоративной культуры является организация внутренних и внешних коммуникаций организации, основанных на культурных действиях, которые ведут к созданию наиболее эффективного имиджа организации, создания ее репутации, рекламы, технологических приемов пиара, сохранение социального института, развитие человека и ответственность за него.

Ключевые слова: корпоративная культура, корпоративное управление, управление, коммуникативная природа, социокультурные изменения, культура, социальный институт

© Т.П. Latygovskaya

Tomsk, Russia

Candidate of Philosophy, Assistant Professor

Department of History and Philosophy of Science and Technology

National Research Tomsk Technological University

Corporate Culture as a Factor of Communicative Nature of Management Under the Conditions of Socio-cultural Changes in Modern Society

Abstract. The paper considers the influence of corporate culture on communicative nature of management under the conditions of socio-cultural changes in modern society. The paper argues that the corporate culture being the basis of communicative nature of management defines all socio-cultural changes occurring in the modern society. In modern conditions, organization, self-organization, and communicativeness present a separate fragment of sociality which allows to speak about administrative opportunities of the corporate culture. Only active corporate culture may influence the communicative nature of management. That is connected with a formation of an active structure of organization based on the principles which give the opportunity to promote the activity of all employees. Moreover, such principles stimulate employees' independence and initiative and present significant competitive advantage to organization.

Administrative aspect of the corporate culture activates personal motivation. It possesses administrative value and administrative functions.

The result of communicative nature of management is the formation of internal and external communications of an organization based on cultural actions that lead to the creation of the most effective image of an organization, its reputation, advertising, processing methods of public relations, preservation of social institute, and responsible development of a person.

Keywords: corporate culture, corporate management, management, communicative nature, sociocultural changes, culture, social institute.

Необходимость исследования корпоративной культуры как фактора коммуникативной природы управления обусловлено различными социокультурными изменениями, которые сегодня происходят в связи с трансформациями в социальной реальности. Актуальность темы также обусловлена переменами, которые произошли в самом человеке, как агенте социокультурных коммуникаций. Современный человек – это человек коммуникаций, постоянно меняется (как и сами коммуникации), движется, вынужден всегда следить за происходящими изменениями как в социальных, культурных, также и в профессиональных областях.

Корпоративная культура, как фактор, является актуальной в социокультурных исследованиях и лежит в основе природы управления всех тех изменений, которые происходят в этой области.

Отдельным фрагментом социальности в современных условиях является организация. Корпоративная культура в ней характеризует специфическую атмосферу, отличающую данную организацию от другой. Самоорганизованность и коммуникативность в организации дает возможность говорить об управленческих возможностях корпоративной культуры. Грамотное управление корпоративными от-

ношениями является серьезным конкурентным преимуществом.

В современной литературе существует много определений корпоративной культуры. Так Т.Ю. Базаров пишет: «Корпоративная культура – сложный комплекс предположений, бездоказательно принимаемых всеми членами конкретной организации и задающих общие рамки поведения, принимаемые большей частью организации. Корпоративная культура проявляется в философии и идеологии управления, ценностных ориентациях, верованиях, ожиданиях, нормах поведения человека и дает возможность прогнозировать его реакции в критических ситуациях»[1]. Корпоративная культура, характеризуется единой символикой, передачей традиций и ценностей, негласными правилами поведения, способами взаимодействия как внутри организации, так и за ее пределами.

Корпоративные культуры различаются как активные и пассивные. Активная – это сильная, динамическая, открытая культура. Она может быть культурой заимствования. Пассивная культура – слабая, статическая, конформистская, закрытая. Формирование активной корпоративной культуры является одной из актуальных задач управления. В.И. Куликов считает, направления преобразований, связаны с созданием активной корпоративной культуры. Создание активной корпоративной культуры связано с формированием активной структуры самой организации, которая строится на принципах, которые закладывают возможность активизации деятельности всех сотрудников, стимулирует их самостоятельность и инициативность. Это возможно, если все структурные подразделения построены на принципе автономии, не нарушая организационной целостности. Все сотрудники организации обязаны знать общую стратегию организации, цели и задачи ее развития, долгосрочные и ближайшие перспективы, что определяет активность работы подразделений и их сотрудников. Также В. И. Куликов считает, что в формировании и управлении организации состоит в обязательности участие работников в разносторонней деятельности управления, в создании общей собственности, в получении прибыли, что способствует преодолению отчуждения от результатов своего труда, результатов деятельности организации, а также обеспечивает соответствие личных интересов каждого работника общим интересам коллектива.

Управленческий момент корпоративной культуры состоит в том, что она активизирует личностную мотивацию. Культура обычно стимулирует, создает условия, необходимые для постоянного развития работника [3, с. 167].

Наряду с корпоративной культурой существует понятие – организационной культуры. Различить эти два понятия в основе разного характера коммуникаций предлагает Т.Ю.Базаров. Он характеризует корпоративную культуру как пространство ценностно-нормативных коммуникаций, которые характеризуют как внутренние, так и внешние коммуникативные связи одной корпорации. Организационная культура - это «интегральная характеристика организации(внутренняя характеристика) - ее ценностей, паттернов поведения, способов оценки результатов деятельности, - данная в языке определенной типологии» [1]. Наличие в организации корпоративной культуры характеризуется следующими критериями:

- реализует себя в стремлении членов корпорации к достижению общих целей;
- охватывает не какую-то часть организации, обычно охватывает всех или подавляющее большинство сотрудников всех низовых звеньев;
- все сотрудники испытывают влияние на себе утвержденных и ставших традицией ценностей. С другой стороны, свобода индивида выражается тогда, когда каждый чувствует возможность обратного воздействия, т.е. он может влиять на состояние и тенденции развития организации. В этом он обнаруживает себя не просто как участие в управлении, а именно здесь сотрудники формируют и проявляют совместную творческую активность, создают общий не только профессиональный, но и социальный мир.

Таким образом, корпоративная культура, проверяется наличием в ней возможностей для личностного индивидуального роста и комфортного самочувствия индивида. По другому: корпоративная культура не может квалифицироваться только деятельностью по достижению общих производственных целей организации, а необходим баланс корпоративных и частных интересов.

Какие же управленческие функции имеет корпоративная культура? И в чем их управленческое значение? Так как корпоративная культура - следствие коммуникативной онтологии социальности и коммуникативной природы управления, то она организует наиболее эффективным образом внутренние и внешние коммуникации организации. Эффектом являются культурные действия, которые ведут к созданию наиболее эффективного имиджа организации, создания ее репутации, рекламы, технологических приемов пиара и т. п. К управленческим функциям корпоративной культуры относятся:

- адаптация организации к быстроменяющемуся миру;
- мобилизация всех сотрудников на деятельность в избранном и адекватном стратегическом

направлении;

- согласование ценностных ориентиров данной корпорации с интересами и ценностными установками окружающей среды и страны в целом.

Таким образом, корпоративная культура только тогда может считаться зрелой, когда члены корпорации явно видят в своей организации не только экономический, но, прежде всего социальный институт [2, с. 336], что означает, что основная цель корпоративного управления – цель, свидетельствующая о действительности сложившейся корпоративной культуры- это развитие человека, ответственность за него[8, с. 40].

Литература

1. Базаров Т.Ю. Управление персоналом развивающейся организации. М.: ИПК Госслужбы, 1996. –415 с.
2. Гуляр Ф., Келли Дж. Преобразование организации. М.: Дело, 2000. –376с.
3. Куликов В.И. Нужна активная организационная культура. Москва, ЭКО, 2003. –№7.
4. Петрова Г.И. Открытое образовательное пространство в контексте коммуникативной рациональности: Методологические подходы к практике управленческой деятельности в образовании: Монография. Томск: Томский ЦНТИ, 2008. –136с.
5. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Прогресс, 2002. –255с.
6. Томсон А.А., Стрикленд А.дж. Стратегический менеджмент. М.: ЮНИТИ, 1998. –575с.
7. Томсон А.А., Стрикленд А.дж. Организационная культура и лидерство: построение, эволюции, совершенствование. СПб.: Питер, 2002. –336 с.
8. Шепель В.М. Человеческая компетентность менеджера. Управленческая антология. М., 2000. – 544 с.

УДК 379.81

© Н.А. Затеева
Улан-Удэ, Россия
канд. социол. наук,
доцент кафедры социально-культурной деятельности
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
e-mail: z.n.a.-79@mail.ru

Участие молодежи в социально-культурной жизни региона

Аннотация. В представленной статье рассматриваются характеристики молодежи как специфической социальной группы в контексте современных многомерных моделей социальной стратификации, определены основные условия, влияющие на формирование социально-культурной деятельности современной молодежи региона, позитивные и негативные проявления социальной активности, причины внутренней дифференциации внутри группы. Рассматриваемая социальная группа обладает совокупностью признаков дифференциации, определяющей возможности и границы реализации ее социально-культурных потребностей. Противоречивость позиции современной молодежи обусловлена тем, что она, с одной стороны, имеет большую свободу в выборе форм социокультурной деятельности, более либеральна и независима по сравнению с предыдущими поколениями и присутствием определенного нигилистического и индивидуалистического отношения к социальным процессам – с другой стороны. Констатируя, что современное молодое поколение внутренне дифференцировано, закономерно заключение о различной степени участия молодых людей в процессе социально-культурного преобразования общества, в том числе регионального. Молодежь, представленная как наиболее активная и мобильная часть социума, дифференцируется в зависимости от своих социально-культурных потребностей, форм проявления социальной активности, в связи с этим различно участие отдельных молодежных групп в социально-культурной жизни региона.

Ключевые слова: молодежь, социально-культурная деятельность, социальная группа, социальная дифференциация

© N.A. Zateeva
Ulan-Ude, Russia
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Department of Social and Cultural Activities,
East-Siberian Institute of Culture

Youth Participation in Socio-cultural Life of the Region

Abstract. The paper examines the characteristics of youth as a specific social group in the context of modern multidimensional models of social stratification. It analyses main conditions influencing the formation of socio-cultural activity of the modern youth of the region, positive and negative manifestations of social activity, the causes of internal differentiation within the group. This social group has a set of differentiating signs that determines possibilities and limits of the realization of its social and cultural needs. Contradictory position of modern youth is due to the fact that it, on the one hand, has great freedom in choosing forms of socio-cultural activity. On the other hand, it is more liberal and independent in comparison with previous generations and has certain nihilistic and individualistic attitude to social processes. Stating that the modern young generation is internally differentiated, it is natural to conclude that there are different degrees of participation of young in the process of social and cultural transformation of society, including the regional one. Young people, represented as the most active and mobile part of society, differentiate depending on their social and cultural needs, forms of social activity. In connection with this, the participation of individual youth groups in the socio-cultural life of the region is different.

Keywords: youth, social and cultural activity, social group, social differentiation

Особенности социально-культурной деятельности, осуществляемой представителями различных социальных групп, определены теми параметрами, на основании которых конструируются современные многомерные стратификационные модели. К основным критериям социального неравенства относятся: отношение к средствам производства и рычагам власти, имущественное положение, доход. Среди специфических показателей, подчеркивающих расслоение внутри основных социальных слоев, выделяются: образование, самоидентификация, структура социальных интересов и реализация потребностей. Каждой социальной группе присуще специфическое сочетание указанных признаков дифференциации, которое определяет возможности и границы реализации социально-культурных потребностей. Участие и роль молодежи в социально-культурной жизни региона, специфика форм социально-культурной активности напрямую связаны с интегральной характеристикой этой социальной группы.

Условия, в которых формируются социокультурные потребности современной молодежи, характеризуются двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, современная молодежь имеет большую свободу в выборе форм социокультурной деятельности, более либеральна и независима по сравнению с предыдущими поколениями, что объясняется демократизацией общественных отношений. Это дает возможность для развития творчества, социальной инициативы и участия молодежи в политической, общественной, культурной, научной жизни общества. В нашем регионе функционируют различные молодежные организации и объединения, деятельность которых преследует цели расширения сферы социальной активности молодежи, формирования институтов гражданского общества. Можно отметить активную социальную позицию членов Молодежных палат при Горсовете г. Улан-Удэ и Народном Хурале Республики Бурятия, Ассоциации молодежных объединений Республики Бурятия, а также молодежных объединений различного статуса и направленности: «Акуна Матата», «Молодежь Еравны», «Совет молодых ученых Республики Бурятия», «Клуб молодых педагогов», «Молодая гвардия», «Союз коммунистической молодежи Республики Бурятия», «Фирн», «Молодые львы», «ЭРХЭ», «Бурятия молодая» и др. С другой стороны, современная социальная реальность диктует молодежи новые «правила выживания», заставляет более практично относиться к жизни, формирует определенное нигилистическое и индивидуалистическое отношение к социальным процессам. Во многом активность общественных организаций и освещение их деятельности в средствах массовой информации зависит от степени приближенности к институтам власти и возможности использования экономических и политических рычагов влияния. Социально-экономическая дифференциация общества, вызванная модернизационными процессами в стране, определяет формирование определенных «элитарных» слоев в каждой социально-демографической группе. Определенная часть молодежи в силу экономического фактора лишена возможности не только активного участия в социокультурной жизни региона, но зачастую - и потребления социокультурного продукта. Другая часть - сознательно дистанцируется от многих форм социально-культурной активности, концентрируясь на учебе, карьерном продвижении, предпринимательской деятельности, обеспечивая тем самым свое будущее. Таким образом, значительная часть молодежи в силу объективных и субъективных факторов не использует свой творческий потенциал, аполитична, не влияет на социокультурную динамику региона.

Дополнительным фактором социокультурной дифференциации в молодежной среде является социопропространственная локализация. Наиболее активная часть молодежи региона сосредоточена в городском социуме, в то время как в сельской местности социокультурные процессы значительно отличаются в количественном и качественном измерении. Наиболее активная часть сельской молодежи стремится мигрировать в город, в другие регионы, используя социокультурные каналы для изменения своего социального статуса.

По мнению современных исследователей, молодежь как специфическая социальная группа в социально-культурном отношении может быть охарактеризована следующим образом:

- данная социальная группа стремится выработать автономные формы поведения и независимые от взрослых формы мышления, выйти из под контроля взрослых;
- критически относится к традиционным ценностям, образу жизни старшего поколения;
- восприимчива к новым ценностям, идеалам;
- молодежи свойственна двойственность, амбивалентность психических переживаний, связанных с ее маргинальным статусом [2].

Социализация молодого поколения современной России проходила в условиях краха советской идеологии и последовавшего за ним духовного вакуума периода «первоначального накопления капитала», это определило новые акценты в системе ценностей и социокультурных ориентаций молодежи. Среди характеристик, присущих современной молодежи, исследователями отмечаются:

- Развлекательно-рекреативная направленность досуговых форм социально-культурной деятельно-

сти;

- Вестернизация (американизация) культурных потребностей и интересов. Экстраполяция художественных образов на уровень группового и индивидуального поведения молодых людей (прагматизм, жестокость, стремление к материальному благополучию в ущерб профессиональной самореализации);

- Приоритет потребительского отношения к культуре;

- Слабая индивидуализированность и избирательность культуры. Влияние групповых стереотипов и иерархии ценностей на формирование культурного конформизма в рамках неформальных группы общения и неприятие других ценностей и стереотипов;

- Внеинституциональная культурная самореализация. Осуществление досуговой самореализации молодежи вне учреждений культуры;

- Изменение инфраструктуры молодежного досуга [1].

Противоречия, присущие сознанию молодежи, проявляются в вариативности видов социально-культурной деятельности. С одной стороны, это преобразовательная, познавательная, ценностно-ориентационная, коммуникативная и художественная деятельность, ориентированная на самообразование, развитие, культуротворчество, активный отдых, рекреацию, формирование коммуникативных навыков, социально-активной позиции, с другой – это пассивное потребление продуктов массовой культуры и развлечение, а также деструктивные виды досуговой деятельности, девиация. Выбор тех или иных досуговых и социально-культурных занятий зависит не только от образовательного, культурного потенциала, но и от материальных, финансовых возможностей индивида, группы, общности.

Потенциально молодежь – это наиболее активная, мобильная и креативная часть общества, на которую общество возлагает решение многих проблем. В тоже время старшее поколение критически настроено по отношению к тем формам, в которых молодежь находит выход своей энергии. Это противоречие диалектически оправдано и объективно должно привести к качественному изменению социума, однако современные условия обуславливают внутреннюю разобщенность молодежи и рассогласованность целей ее деятельности. Современная молодежь внутренне дифференцирована и отдельные группы молодежи в разной степени включены в процесс социально-культурного преобразования. При этом на активной части молодежи лежит ответственность за действия всего поколения, традиционно именуемого «потерянным».

Таким образом, участие молодежи в социально-культурной жизни влияет на вектор социокультурной динамики региона в целом и обусловлено, во-первых, спецификой молодежи как социальной группы; во-вторых, принадлежностью отдельных индивидов к определенной социально-экономической страте; в-третьих, мотивацией участия в социально-культурной деятельности.

Литература

1. Лисовский В.Т. Социология молодежи. – СПб, 1996. – 361 с.
2. Современные технологии социально-культурной деятельности. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С.235–259.

УДК 069

© А.Л. Тимофеева
Барнаул, Россия
магистрант кафедры музеологии и документоведения,
Алтайский государственный институт культуры
E-mail: rp.mel@ya.ru

Теоретические и практические аспекты театрализации в культурно-образовательной деятельности современного музея

Аннотация. Автор даёт краткую историческую справку к вопросу изучения интеграции феномена театрализации в музейное пространство, и приводит положительные примеры использования театрализации в музейных мероприятиях театрального отдела - «Театр живописи» Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля (цикл программ «Картина в луче прожектора») и Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая, а так же, основываясь на собственном опыте работы в качестве преподавателя кафедры режиссуры праздников, предлагает определение феномена театрализации посредством подробного анализа его наполнения. Автор также анализирует существующую в научной литературе классификацию театрализации в музейном пространстве и предлагает собственную классификацию театрализованных музейных программ по количеству блоков театрализованного материала (полностью театрализованные музейные программы и программы с элементом театрализации), а также рассматривает пример самостоятельных развлекательных программ без их интегрирования в экспозиционно-выставочное пространство. В статье анализируется сущность театрализованных музейных программ и проводится анализ современных театрализованных мероприятий музеев города Барнаула (Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая, Государственного художественного музея Алтайского края, МБУ г. Барнаула "Музей Город").

Ключевые слова: театрализация, музей, мероприятие, праздник, экспозиция, образ, посетители.

© A.L. Timofeeva
Barnaul, Russia
Graduate Student
Department of Museology and Documentation
Altai State University of Culture

The Oretical and Practical Aspects of Staging in Cultural and Educational Activities of the Contemporary Museum

Abstract. The author gives a brief historical background to the study of integration of staging in the museum practice. The paper offers positive examples of the use of staging in museum events of the theatrical department 'Theater of Painting' at the Omsk Regional Museum of Fine Art by M.A. Vrubel (a series of events 'Picture in the Ray of Searchlight') and the State Museum of History of Literature, Art and Culture of Altai. Also, the author offers the definition of the phenomenon of staging drawing on their own experience as a teacher at the Department of Directing of Celebrations. The author also analyses existing scholarly classification of the staging in the museum space by the number of blocks of theatrical material (completely theatrical museum events and events with elements of staging). The author also considers example of individual entertainment events without their integration into exposition and exhibition space. The paper analyses the nature of theatrical museum events. It also analyses contemporary theatrical events of Barnaul museums (State Museum of History of Literature, Art and Culture of Altai, State Art Museum of Altai Region, MBY of Barnaul 'Museum-Town').

Keywords: staging, museum, event, celebration, exposition, image, visitors.

В пространство современного музея включаются элементы театрализации, выраженные в экспозиционно-выставочной работе, в культурно-образовательной деятельности. Опыт работы в качестве преподавателя кафедры режиссуры праздников, позволяет нам предложить следующее определение театрализации. Театрализация - это адаптациюлюбого материала для сценического воплощения специфическими выразительными средствами, характерными для театра.

Следует отметить, что музейные работники заинтересовались явлением театрализации и стали искать ему применение в музейной практике, начиная с 1970-х годов, когда классическая экспозиция утрачивала свою привлекательность для музейных посетителей. Экспозиция стала той основой, на которой появились театрализованные музейные программы, направленные к созданию единого художественного экспозиционного образа [6].

Как отмечает Л.М.Шляхтина: «опыт музеев России и мировая практика в использовании этого направления показывают эффективность художественного высказывания, демонстрируют её значение в прочтении заложенных в музейных предметах смыслов и расширении чувственной одномерности музея» [6, с. 17]. Художественное осмысление экспозиции способствует «погруженности» посетителей в атмосферу музея.

На сегодняшний день театрализованные музейные программы заслуженно завоевали популярность среди разновозрастной аудитории музеев, благодаря своей оригинальности и яркости. Многие музеи разработали и используют в своей работе несколько театрализованных программ, направленных на разновозрастную аудиторию, а также активно проводят театрализованные праздники и спектакли. Ярким положительным примером в данном случае является Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, в котором «Театр живописи» не устаёт удивлять посетителей. Основу вереницы музейных программ «Картина в луче прожектора» составляет спектакль, в котором главная героиня - картина, «рассказывает» о себе через игру профессиональных актёров, музыкальное и световое оформление [4].

Следует заметить, что театрализованные музейные программы активно используются в деятельности музеев города Барнаула. Так, например, Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая проводил в своих залах игровую театрализованную программу «Ах, что за прелесть эти сказки», в основе которой лежат сюжеты произведений А.С.Пушкина. Программа ориентирована на школьную аудиторию 2-5 классов. Для реализации программы внутри экспозиции сотрудниками организуются сценическая площадка и зрительный зал. Участники программы – посетители музея, надевают элементы костюмов, стилистически относящиеся к крестьянской одежде XIX века, и разыгрывают импровизации на сюжеты сказок А.С.Пушкина [2].

Музейные программы могут быть не полностью театрализованными, а только частично. В данном аспекте такие программы можно отнести к музейным программам с элементом театрализации. Подтверждающим примером является программа о традиционной одежде русских старожилов Алтая «Из бабушкиного сундука», разработанная сотрудниками Государственного художественного музея Алтайского края [1]. В ней элементом театрализации выступал блок русских народных игр и забав, в ко-

торых участвовали посетители музея, облаченные в реконструированные костюмы старожил.

Отметим, что анализ разработанных театрализованных музейных программ, показывает, что они могут выступать как самостоятельные развлекательные программы без интегрирования в экспозиционно-выставочное пространство, и, тем самым, полностью лишаются смысла существования на базе музея. Примером служит праздник для выпускников детского сада «Полный вперёд!», проведенного в музее «Город» (Барнаул) [3]. Программа данного праздника соответствует требованиям театрализации, но «музейная» составляющая отсутствует, поскольку для проведения мероприятия руководство музея предоставило свободный от экспозиции зал.

Анализ содержания и способов проведения театрализованных программ музеев Барнаула (Государственного художественного музея Алтайского края, Государственного музея истории литературы, искусства и культуры, музея «Город») позволяет сделать вывод о том, что большинство из них составлены и подготовлены на любительском уровне. Следует отметить, что автору статьи достаточно трудно разобраться: музейные работники заменяют в программах компоненты или подменяют понятия, не до конца разобравшись в чуждом для их профессии процессе театрализации [5].

Но, тем не менее, театрализованные музейные программы активно используются и внедряются музеями по всей России, и неизменно притягивая к себе внимание посетителей. Поэтому, для решения проблемы реализации подобных театрализованных проектов музейными учреждениями г. Барнаула предполагает сотрудничество с профессиональными специалистами таких направлений, как режиссеры, хореографы и актёры.

Литература

1. Официальный сайт Государственного художественного музея Алтайского края. [Режим доступа <http://ghmak.ru/index.php/events/itemlist/tag/> 2015]
2. Официальный сайт Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. [Режим доступа <http://gmilika22.ru/prosvetitelnye-programmy.html>]
3. Официальный сайт МБУ г.Барнаул «Музей «Город». [Режим доступа [http:// музей-город.рф](http://музей-город.рф)]
4. Официальный сайт Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля. [Режим доступа http://vrubel.ru/repertuar_teatra_jivopisi.html]
5. Увенчиков И. «Тарабум» – интерактивный музей-театр анимации // Праздник. 2012. №10. С. 4-7.
6. Шляхтина Л.М. Современный музей: идеи и реалии [Электронный ресурс]// Вопросы музеологии. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremenny-muzey-idei-i-realii/> (Дата обращения: 29.04.2017).

УДК 745:008:130.2(075)

© Ю.В.Иванова
Чита, Россия
д-р филос. наук, профессор кафедры
теории и истории культуры, искусства и дизайна,
Забайкальский государственный университет
E-mail: ivanovayuv@gmail.com

Прикладные ремёсла как фактор развития социокультурной сферы

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные прикладные ремесла в контексте развития социокультурной деятельности; проводится анализ видов связанной с прикладными ремёслами социокультурной деятельности, а также культурных индустрий как сферы актуализации прикладных ремёсел. Прикладные ремёсла – важнейшая часть материальной и нематериальной культуры народов мира, знаменательная в предметном и процессуальном аспектах. Необычайно разнообразные по своим национальным особенностям, техникам исполнения, использованию материала, трактовке изобразительных форм и утилитарности, прикладные ремёсла активно вовлекаются в современный культурный контекст, входят в сферу компетенции менеджеров социально-культурной деятельности, от которых требуются компетенция в маркетинге, социокультурном проектировании, высокий уровень общей культуры и эрудиции, экономическая и юридическая грамотность. Вариативность социокультурной деятельности создаёт многообразные возможности использования прикладных ремёсел: экспозиционные, этноконсолидирующие, событийные, педагогические, коммерческие, научные и иные. Прикладные ремёсла могут быть прекрасным материалом для обучения детей и взрослых. Продукция мастеров прикладных ремёсел привлекательна при организации всевозможных ярмарок, фестивалей, туристических маршрутов. Прикладные ремесла могут быть предметом научных исследований, этнографических экспедиций, научных конференций и симпозиумов и т.д. Прикладные ремёсла могут задавать основную тематику выставок, фестивалей, форумов или придавать событию дополнительный этнический или историко-культурный колорит. Поэтому с прикладными ремеслами в их многообразных аспектах работают множество социально-культурных организаций и учреждений. Обновленные прикладные ремесла, региональные традиции декоративно-прикладного творчества способны создать предпосылки финансового благополучия региона, значительно обогащая его «туристские ресурсы». Региональное брендинг народных промыслов, прикладных ремесел – значимый ресурс развития экономики региона.

Ключевые слова: прикладные ремёсла, народное искусство, нематериальное культурное наследие, социокультурная сфера, социокультурная деятельность, культурные индустрии, фестивали, ярмарки.

Applied Crafts as a Development Factor of Socio-cultural Sphere

Abstract. The paper examines traditional applied crafts in the context of the development of socio-cultural activities. It analyses the types of socio-cultural activities is associated with applied crafts as well as cultural industries as a sphere of actualization of applied crafts. Applied crafts are the most important part of the material and non-material culture that is significant in the subject and procedural aspects. They are extremely diverse in their national characteristics, techniques of execution, use of material, interpretation of pictorial forms and utilitarianism. Applied crafts are actively involved in the modern cultural context. They are within the competence of social and cultural managers, which are required for competence in marketing, socio-cultural design, high cultural level and erudition, economic and legal literacy. The variability of socio-cultural activity creates diverse possibilities for the use of applied crafts: exposition, ethno-consolidating, eventual, pedagogical, commercial, scientific, etc. Applied crafts can be an excellent material for teaching children and adults. The products of applied crafts are attractive for organizing various fairs, festivals, tourist routes. Applied crafts can be a subject of scientific research, ethnographic expeditions, scientific conferences and symposia, etc. Applied crafts can be a main theme of exhibitions, festivals, forums, or add an additional ethnic or historical and cultural flavor to an event. This is a reason why many socio-cultural organizations and institutions work with applied crafts in many ways. Updated applied crafts, regional traditions of decorative and applied art can create the prerequisites for the financial well-being of the region by significantly enriching its 'tourist resources'. Regional branding of folk crafts and applied crafts is a significant resource for the development of the region's economy.

Keywords: applied crafts, folk art, intangible cultural heritage, socio-cultural sphere, socio-cultural activity, cultural industries, festivals, fairs.

Изделия народного искусства, нематериальное культурное наследие, включающее ремесленные технологии и опыт мастеров, входят в культурное достояние любого региона, страны, которое сегодня как никогда нуждается в заботе и поддержке общества. Традиционные прикладные ремесла включают обработку дерева, металла, глины, растительного волокна, изготовление традиционной одежды, обуви, аксессуаров и украшений, приготовление традиционной пищи и т.д.

Управление социокультурной сферой в современном обществе требует сочетания традиционных и инновационных подходов в развитии культуры, использовании традиций как предпосылок модернизации.

В настоящее время выдвигаются повышенные требования к компетенции специалистов, занятых в социально-культурной сфере. В последние десятилетия в России произошёл болезненный переход от административно-распределительных технологий к преимущественному использованию экономических инструментов, когда учреждения должны жёстко конкурировать за бюджетные ресурсы, учиться привлекать внебюджетные средства, быть экономически независимыми. От менеджера социально-культурной сферы все в большей мере требуются компетенция в маркетинге, социокультурном проектировании, высокий уровень общей культуры и эрудиции, экономическая и юридическая грамотность, без скидок на какую бы то ни было «специфику» сферы.

Социокультурная деятельность – это особый вид деятельности, суть которой определяется человеческим фактором, межличностными коммуникациями, характером взаимодействия людей как субъектов социокультурных отношений. Социально-культурная деятельность – это целенаправленный, специально организуемый социальными институтами процесс приобщения человека к культурным ценностям общества и активного включения самой личности в этот процесс.

Социокультурная деятельность включает в себе, прежде всего, внедрение национальной культуры в повседневную жизнь, ее проникновение во все реальные виды активности, обогащение и дальнейшее развитие процесса удовлетворения различных человеческих потребностей. Ведущую роль при этом выполняют прикладные ремесла.

При этом возможно как прямое заимствование (использование орудий труда, техник изготовления, конкретных предметов), так и косвенное позитивное влияние (воздействие стиля, идей, целей деятельности). Таким образом, возможно разделение на технологическую и идеологическую область воздействия.

Прикладные ремесла представляют собой пример объединения двух этих направлений. Естественна субстанциальная связь ремесла с его материальным носителем – природным или искусственным сырьем, на основе которого возникает объект. В то же время неоспорима ведущая роль идеи, из недр культуры вырастающего замысла, реализацию которого и пытается воплотить конкретное производство ремесла.

В отличие от произведения искусства – изначально лишённого прагматического элемента, продукт ремесленной деятельности представляет собой прежде всего утилитарно предназначенный предмет,

лишь вторично исполняющий эстетические функции, в своей повседневности, однако, подчеркивающий незыблемую значимость воплощенных культурных ценностей. Соответствующая деятельность – от замысла до реализации изделия прикладного ремесла – пронизана поэтому глубочайшими культурными традициями, по которым возможна реставрация подлинного духа народа, его своеобразного вклада в мультикультурную среду.

Указанная вариативность социокультурной деятельности создаёт многообразные возможности использования прикладных ремёсел: экспозиционные, этноконсолидирующие, событийные, педагогические, коммерческие, научные и иные. Говоря иными словами, прикладные ремёсла могут составлять основную или дополнительную тематику выставок, фестивалей, форумов. Они могут быть вспомогательным, служебным компонентом социокультурных мероприятий (например, обеспечивать изготовление декораций, реквизита, костюмов массовых мероприятий). Прикладные ремёсла служат прекрасным материалом для краткосрочного (мастер-классы) и долгосрочного (курсы и студии) обучения детей и взрослых. Продукция мастеров прикладных ремесел весьма привлекательна при организации ярмарок. Прикладные ремесла являются безбрежным полем научных исследований, могут быть предметом этнографических экспедиций, научных конференций и симпозиумов.

Возможности использования прикладных ремёсел в социально-культурной деятельности можно классифицировать по её видам. Применительно к продукции прикладных ремёсел можно выделить такие виды социокультурной деятельности, как воспроизводство, инновация, элиминация, хранение и экспонирование, коммуникация, использование, популяризация, продажа, изучение, обучение технологиям изготовления, заимствование и другие. Каждый из этих видов деятельности может быть рассмотрен в краткосрочной и долгосрочной перспективе, каждому из них соответствует особая сфера осуществления (таблица 1):

Таблица 1

Виды социокультурной деятельности, связанной с прикладными ремёслами

№	Виды социокультурной деятельности, связанной с прикладными ремёслами	Пример сферы краткосрочного осуществления данного вида деятельности	Пример сферы долгосрочного осуществления данного вида деятельности
	воспроизводство	мастерские	промышленность
	инновация (обновление, обогащение, развитие)	мастерские	культурно-историческое развитие
	возрождение забытого (ревайвализм)	реконструкция	археология
	хранение и экспонирование	выставки	музеи, частные коллекции
	коммуникация	конференции, ассоциации	ремесленные кланы
	использование	концерты, спектакли, ролевые игры	быт
	популяризация	фестивали, массовые праздники, культурный туризм	книги, фильмы, средства массовой информации
	поддержка	гранты, спонсорская помощь	Федеральные целевые программы
	продажа	выставки-продажи, ярмарки	магазины, сайты
	обучение технологиям изготовления	мастер-классы	система основного и дополнительного образования: школы, курсы, студии и т.д.
	изучение	этнографические экспедиции, научные конференции	учебно-методические центры, научно-исследовательские институты
	заимствование	путешествие	аккультурация, межэтнические контакты
	элиминация (запрет, уничтожение)	цензура	религия

Рассмотрим некоторые из этих возможностей подробнее. Проведение фестивалей и выставок, тематически объединенных прикладными ремёслами, является в последние годы всё более популярным. Основной целью подобных фестивалей выступает развитие межрегионального сотрудничества по сохранению и возрождению этнических культур, в том числе традиционных ремесел. Это подра-

зумеает создание благоприятных условий для реализации творческого потенциала мастеров, популяризацию и привлечение талантливой молодежи к воссозданию и сохранению этнографических и древних производственных техник; привлечение внимания к отдельным регионам как территории межэтнического и межконфессионального согласия между народами, проживающими в тесном соседстве и взаимодействии; формирование устойчивого интереса населения к национальной культуре и истории, повышение культурного уровня современного общества; привлечение талантливых мастеров народных художественных промыслов, сохраняющих ремесленные традиции и стимулирование их дальнейшей творческой деятельности; укрепление сотрудничества между мастерами в сфере народных художественных промыслов и ремесел; гармонизацию межнациональных отношений; содействие сохранению преемственности поколений и развитию семейных традиций художественного ремесла; выявление лучших мастеров и формирование банка данных; приобщение к тематике народного костюма и декоративного искусства заинтересованных лиц и широкого круга посетителей; формирование у детей и молодежи художественного вкуса и приобщение к корням национальной культуры; знакомство с традиционным наследием регионов [1].

Уже сегодня в России проводится множество таких фестивалей, и число их постоянно увеличивается. По данным Информационного агентства «Выставочный мост» за 2 последние года (2015, 2016) проведено более 50 фестивалей и выставок, связанных с тематикой декоративно-прикладного искусства и ремесел. Среди них такие, как «АРТ-Красноярск 2016»; «Ремесленная изба 2016» (Волгоград); «Фестиваль народных мастеров и художников России – 2016» (Сочи) и др. [2]. Ряд мероприятий запланирован на 2017 г.: «Международная торговая ярмарка в Лиссабоне FIA Lisboa 2017»; «Уфаладья. Арт. Ремесла. Сувениры. 2017»; «Ладья-2017. Весенняя фантазия» (Москва). Как правило, подобные мероприятия имеют богатую программу, объединяющую познавательные и коммерческие компоненты. На выставках в Москве «ЛАДЬЯ-2016. Зимняя сказка» и «ЛАДЬЯ-2017. Весенняя фантазия» представлена продукция таких промыслов, как хохломская и городецкая роспись, гжельский фарфор, ростовская финифть, вологодское и елецкое кружево, богородская и беломорская резьба по дереву, палехская, федоскинская, холуйская и мстёрская лаковая миниатюра, холмогорская и тобольская резьба по кости, скопинская и псковская керамика, торжокское золотое шитье, оружие златоустовских и тульских мастеров и др.

Подобные мероприятия поучительны с точки зрения брендинга, разработки привлекательной разнообразным группам населения программы, подготовки площадки проведения и т.п. Нередко они становятся значимым поводом событийного туризма на локальной территории, способствуют развитию культурных индустрий.

Особой сферой актуализации прикладных ремесел выступают культурные индустрии. Культурные (творческие) индустрии определяются как деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и которая несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности.

Субсекторами креативных индустрий являются: кино- и видеопроизводство, анимация; музыка и музыкальное продюсирование; видеоигры, мультимедиа, компьютерные игры, онлайн игры, развлекательное программное обеспечение; мода; дизайн; туризм и культурный туризм; галерейный бизнес; реклама и маркетинговые коммуникации; креативные бизнес-инкубаторы и другие. В ряде указанных субсекторов велика роль прикладных ремесел.

Исследования культурных индустрий проводятся в мире с 1990-х гг. Так, в Великобритании по поручению Департамента культуры, медиа и спорта правительства Великобритании с 1997 года проводятся исследования по картированию креативных индустрий (исследования доступны на сайте <http://www.culture.gov.uk>) [3].

С 2008 года по инициативе Организации объединенных наций были подготовлены глобальные доклады «Креативная экономика» [4]. Доклады ООН посвящены развитию творческих индустрий по всему миру. Они содержат основные концепции и определения креативных индустрий, а также статистику и рекомендации для органов исполнительной власти по развитию творческих отраслей экономики. В Докладе 2013 года говорится: «Креативная экономика является сейчас одним из наиболее быстрорастущих секторов мировой экономики. Она также высоко изменчива в плане приносимого дохода, создания рабочих мест и экспортных поступлений... Цифры, опубликованные Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (UNCTAD) в мае 2013 г., показывают, что креативная экономика стала мощным двигателем развития: мировые продажи творческих товаров и услуг составили рекордную сумму в 624 миллиарда долларов США в 2011 году, что более чем в два раза превышает аналогичные показатели в период с 2002 по 2011 годы. Среднегодовой темп роста данного сектора за этот период составил 8,8 процента, а экспорт творческих товаров в развивающихся-

ся странах был еще сильнее, в среднем 12,1 процента в год за тот же период» [5].

«Кроме того, работа ЮНЕСКО на протяжении многих лет показала, что, когда творческий сектор становится частью общей стратегии развития и роста, он может способствовать активизации деятельности народного хозяйства, где происходят гибридные и динамичные экономические и культурные обмены и обогащаются инновации. Но это еще не все. Инвестиции в культуру и творческий сектор в качестве движущей силы социального развития также может привести к результатам, которые вносят свой вклад в общее благосостояние общин, индивидуальное чувство собственного достоинства и качества жизни, диалога и сплоченности. Эти результаты, полученные от укрепления творческих и культурных отраслей, может быть, труднее определить количественно, но они не менее важны» [6].

В России изучают и пытаются перенимать положительный опыт других стран, для чего создаются организационные структуры, проводятся исследования и эксперименты. Например, на сайте проектного и аналитического агентства «Креативные индустрии» говорится, что его деятельность направлена на развитие творческих индустрий, творческого предпринимательства и креативной экономики [7].

Агентство занимается исследованиями, мониторингами, подготовкой аналитических материалов в области творческих индустрий, креативной экономики и культурной политики; оказанием консалтинговых услуг по экономическим и юридическим вопросам в сфере культуры и творческих индустрий. Оно продвигает образовательные программы – дистанционные и очные курсы, тренинги; разрабатывает и внедряет дисциплины и курсы, посвященные новым отраслям современного гуманитарного знания; занимается проектами развития территорий – разработкой концепций и запуском творческих кластеров и культурных центров; международными проектами (конкурсы, стажировки); курирует организацию мероприятий в сфере культуры и творческих индустрий (форумы, ярмарки, конференции, круглые столы, дискуссии) [8].

Важно, что культурные индустрии основаны на творческих, художественных способностях индивидов, действующих в союзе с менеджерами социально-культурной деятельности и технологами. Экономическая ценность создаваемых в культурных индустриях рыночных продуктов заключается в их культурных (или «интеллектуальных») свойствах, а производственный цикл охватывает такие этапы, как зарождение идеи и воплощение её в культурных проектах, создание коммерчески реализуемых продуктов, их распространение в ходе трансляций, показов, записей и потребление конечным пользователем как получение определенного опыта. С точки зрения форм бизнеса, творческие индустрии – это преимущественно малые предприятия и микропредприятия, реже средний бизнес, производящих творческие продукты и услуги. В то же время это местные производства, ориентированные на поиск выхода на глобальные рынки в условиях постиндустриальной экономики.

Проблемы развития творческих индустрий в России связаны с недостаточной насыщенностью потребительского рынка, неразвитостью сферы услуг и недостаточным уровнем спроса на культурную продукцию в силу того, что российские регионы пока еще только вступают в ту зону, где определяющей становится «экономика переживаний». В тех городах, где производство в силу различных причин умирает, на смену пока еще приходят другие реалии, например, вместо производственных предприятий создаются торговые центры.

Тем не менее, культурные индустрии способны создать предпосылки финансового благополучия региона, значительно обогащая его «туристские ресурсы, в которые входят природные, исторические, социально-культурные объекты показа, а также иные объекты, способные удовлетворить духовные потребности туристов, содействовать восстановлению и развитию их физических сил». В качестве наиболее привлекательных и аутентичных ресурсов нередко выступают локальные традиционные ремесла и промыслы, а также региональные традиции декоративно-прикладного творчества.

Литература

1. Сыктывкар. Фестиваль ремесел народов Республики Коми, 16 Ноября 2015. // URL: <http://ukrainakomi.ru/news/advert/Сыктывкар.+Фестиваль+ремесел+народов+Республики+Коми/> (Дата обращения 4 мая 2017 г.)
2. Информационное агентство Выставочный мост. // URL: <http://www.vmost.ru/filtr.asp?rubr=27> (Дата обращения 4 мая 2017 г.)
3. Official Statistics. Creative Industries: 2016 Focus on. // URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/creative-industries-2016-focus-on> (Дата обращения 4 мая 2017 г.)
4. См., например, доклад «Креативная экономика. 2010» // URL: http://unctad.org/en/Docs/ditctab20103_en.pdf Дата обращения 12.11.2016; доклад «Креативная экономика. 2013» // URL: <http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf> (Дата обращения 4 мая 2017 г.)
5. Creative economy report 2013. P. 153 // URL: <http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf> (Дата обращения 5 мая 2017 г.)
6. Creative economy report 2013. P. 10 // URL: <http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf> Дата об-

ращения 5 мая 2017 г.

7. Creative industries // URL: <http://creativeindustries.ru/rus/> (Дата обращения 5 мая 2017 г.)

8. Агентство // URL: <http://creativeindustries.ru/rus/agency> (Дата обращения 5 мая 2017 г.)

УДК 371+008

© Н.А. Жапова
Улан-Удэ, Россия
канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии,
Бурятский государственный университет
e-mail: tumann4@rambler.ru

Роль культурологии в современном образовании

Аннотация. В статье говорится о необходимости культурологизации современного образования. Автор считает необходимым введение элементов систематизированного культурологического знания во все уровни образования, т.к. в рамках культурологии рассматриваются и решаются многие актуальные проблемы современного общества. Также отмечается важная роль социальной функции культуры. В современных условиях глобализации происходит кризис человеческой идентичности и развитие социокультурной маргинализации. В этой ситуации культурология может помочь пониманию специфики различных культурных миров, ценностей и норм, законов культурного развития, она может облегчить процесс коммуникации, а также может помочь установить свою собственную идентичность. Автор отмечает, что культурология позволяет увидеть наш мир как целостность и самое главное – учит понимать его и правильно воспринимать. Введение в систему образования дисциплин культурологического направления является тем средством, которое призвано обеспечить необходимую культуровостребованность всему процессу образования в целом.

Автор приходит к выводу, что культурология является необходимым элементом в сфере современного образования, т.к. способствует формированию нравственных сторон личности и мировоззренческих позиций гражданина. А компетентностный подход и его реализация позволяет определить важное место культурологии в системе современного образования как фактора формирования общекультурных, личностных и профессиональных компетенций у студентов средствами культурологического знания.

Ключевые слова: культурология, культурологизация, культуровостребованность, социально-гуманитарные науки, образование, современность, глобализация.

©N.A.Zhanova
Ulan-Ude, Russia
Candidate of Philosophy, Senior Lecturer
Department of Philosophy
Buryat State University

Role of Culturology in Modern Education

Abstract. The paper considers the necessity of culturogization of modern education. The authors argues for the necessary introduction of the elements of systematized cultural knowledge into all levels of education because the framework of cultural studies analyses and solves many issues of modern society. The paper points out the social role of culture. In today's globalization, there is a crisis of human identity and development of socio-cultural marginalization. In this situation, culturology may help understand the specifics of different cultural worlds, values, and norms, laws of cultural development. It may facilitate communication process and also help to establish one's own identity. The author notes that culturology allows us to see our world as an entity and, most importantly, it teaches us to understand and correctly perceive it. Introduction of culturological disciplines to the educational system presents the means that should provide necessary cultural desirability to the entire process of education as a whole.

The author comes to the conclusion that culturology is a necessary element in modern education because it contributes to the formation of moral personal aspects and world outlook. A competence approach and its implementation allows to determine the important place of culturology in modern education as a formation factor of general cultural, personal, and professional competences among students through cultural knowledge.

Keywords. Culturology, cultural desirability, humanities and social studies, education, modernity, globalisation

Роль культурологии в современном образовании является, как нам кажется, очень важной. Ведь в рамках культурологии рассматриваются и решаются многие актуальные проблемы современного общества. Сегодня мы наблюдаем обострение в мире социальных, политических, этнических, религиозных, экологических и других проблем. И в данной ситуации именно культура является тем созидательным механизмом, который поможет противостоять агрессии и конфликтности современного общества. Важную роль имеет социальная функция культуры, поэтому ее изучение в рамках отдельной науки в сфере образования является совершенно необходимым. Многие исследователи подчеркивают важность культурологизации как направления современного образования. Т.е. считают необходимым введение элементов систематизированного культурологического знания во все уровни образования. Так, по мнению Чагдуровой Э.Д., основная функция культурологического знания связана с решением задачи общей инкультурации личности учащегося, введения его в систему ценностно-смысловых, нормативно - регулятивных установлений, а также в систему языков и методов социальной коммуникации [1, с.58]. Конечно, данная задача решается не только с помощью культурологии, но и другими социально-гуманитарными дисциплинами (философией, историей, психологией, религиоведением,

литературой, родным и иностранными языками и т.п.). Но именно культурология дает слушателям наиболее целостное и систематическое представление о сущности, структуре и механизмах функционирования культуры. А это в свою очередь способствует пониманию ценности своей культуры, а также рассмотрению других культур как ценностей.

В современных условиях глобализации усиливаются тенденции, которые связаны с кризисом человеческой идентичности и с развитием социокультурной маргинализации. Люди теряют привычные связи и затрудняются сопоставлять свой мир с общепринятыми нормами, границы норм становятся размытыми и неопределенными. В этой ситуации культурология может помочь пониманию специфики различных культурных миров, ценностей и норм, законов культурного развития, она может облегчить процесс коммуникации, а также может помочь установить свою собственную идентичность.

До появления культурологии познание и образование рассматривались по отдельности. Культурология же предложила новый учебный метод, заключающийся в познании тех или иных явлений не в качестве подлежащих отдельному рассмотрению, а изучаемых с позиций их смысла и значимости в общем ходе событий. Культурология позволила увидеть наш мир как целостность и самое главное - понимать его и правильно воспринимать. Это проявляется не только в способности определенным образом осмысливать культуру как феномен, но и в способности выражать собственное отношение к миру и действовать в соответствии с данным социокультурным контекстом. Изучение явлений в культурологическом аспекте означает включение только что полученного знания в общую систему представлений о мире. Т.е. новая информация, которую получает слушатель, не пассивна, она уже не только результат обучения, но и стимул для дальнейшего познания. Таким образом, культурология предлагает обучающимся не только научное знание о культуре, но и формирует собственно их культурный опыт. Поэтому в образовательном процессе важным является использование культурных ресурсов, сочетание фактов, опыта и актуализации того, что люди воспринимают вокруг себя. В этом смысле те факты и примеры, на которые опирается преподаватель, становятся не менее важными, чем те понятия и термины, о которых он говорит. Преподаватель должен учитывать то, на какую почву будет ложиться преподаваемый материал, а также и то, куда транслируемое им знание может привести культурный опыт слушателей.

Исследователи подчеркивают, что сегодня вся получаемая информация в системе образования должна быть культурообусловлена и культуровостребована. И чтобы обеспечить эту культуровостребованность образования, нужно вводить дисциплины культурологического направления. Введение в систему образования дисциплин культурологического направления является тем средством, которое призвано обеспечить культуровостребованность всему процессу образования в целом. Знание, преподаваемое с учетом его роли и места в конкретной культуре, способно не только поднять статус знания на более высокий уровень, но и способствовать дальнейшей интеграции процессов образования, воспитания и становления человека как личности [2].

До недавнего времени культурологию часто определяли как фундаментальную науку, которая расширяет наши общие познания в области теории и истории культуры, но не имеет особого прикладного значения. Сегодня же исследователи отмечают то, что культурология, во-первых, помогает будущим специалистам исследовать и систематизировать актуальные социокультурные характеристики нашего общества [3]. А, во-вторых, помогает воздействовать на общественное и индивидуальное сознание в направлении повышения уровня социальной адекватности людей, развития в них мотиваций и навыков честной социальной активности, толерантности друг к другу. Таким образом, культурология способствует формированию общекультурных компетенций слушателей. Без современных культурологических знаний очень сложно выработать у будущих выпускников должные представления о мире и навыки адекватной социальной активности. Культурология помогает развить в слушателях национальную, социальную и религиозную толерантность, понимание и уважение законов и норм как собственной культуры, так и других культур. На современном этапе обществу требуется развивать не только самостоятельную и инициативную личность, но и формировать специалиста как человека культуры. И культурология на сегодня является практически единственной дисциплиной, формирующей нравственные стороны слушателя, его мировоззренческие и ценностные установки. В условиях научно-технического и социального прогресса, первичность общекультурного развития как фундамента личности и гражданина, должна быть в приоритете.

В современных высших учебных заведениях разных стран изучению отечественной и зарубежной культуры уделяется большое внимание. Эти предметы изучаются не только будущими специалистами - искусствоведами, но и студентами других специальностей. В России также в 1990-2000-е г.г. культурологию активно вводили в учебные планы подготовки специалистов различных профилей, а культурологический подход в образовании назывался как наиболее подходящий современности. В

российских вузах появились кафедры культурологии, начались активные научные исследования. Однако, с утверждением статуса науки культурологии, стало происходить уменьшение роли культурологической составляющей российского образования.

Основное внимание стало уделяться только профильным предметам, а не тем дисциплинам, которые напрямую не связаны с будущей профессией. Но каким образом в этой практически ориентированной системе образования способствовать формированию не только высокого профессионала, но и человека? Ведь, к примеру, статус классических университетов предполагает определенные требования для выпускников, которые должны иметь не только высокий уровень профессиональной подготовки, но и должны обладать широкой эрудицией, владеть грамотной речью, уметь вести себя в обществе и наконец, уметь адаптироваться к переменам в современном поликультурном мире. И воспитание перечисленных качеств, традиционно ложится на социально - гуманитарные дисциплины. Ведь основная задача вуза состоит не только в обучении профильной специальности, но и в формировании полноценной, многосторонне развитой личности, граждански ответственной и творчески самореализующейся.

Культурология как учебная дисциплина существует сравнительно недавно, поэтому имеются определенные проблемы, связанные с ее преподаванием. Так, исследователи отмечают некоторую смешанность культурологического знания, вариативность учебных пособий по культурологии и вариативность самих культурологических понятий. Также видны такие теоретико-методологические проблемы, как отсутствие академических традиций преподавания данной дисциплины и, соответственно, неразработанность методики преподавания культурологии. Тем не менее, культурология является необходимым элементом в сфере современного образования, т.к. способствует формированию нравственных сторон личности, мировоззренческих позиций гражданина, ценностных представлений, а также учит не только воспринимать окружающий мир как целостность, но и понимать его. А компетентностный подход и его реализация позволяет определить важное место культурологии в системе современного образования как фактора формирования общекультурных, личностных и профессиональных компетенций у студентов средствами культурологического знания.

Литература

1. Чагдурова Э.Д. Культурология и гуманитарные науки //Культурологическое образование: состояние, проблемы, перспективы: Мат. регион. межвуз. семинара. - Улан-Удэ, 1998. С. 56–61.
2. Флиер А.Я. Культурология в системе образования. // Высшее образование в России. 1996. №4. С. 61–73
3. Александрова Е.Я., Быховская И.М. Апология культурологии: опыт рефлексии становления научной отрасли// Общественные науки и современность, 1997, №2. С. 133 – 145

УДК 378.1

© М.Е. Николаева
Москва, Россия
ст. преподаватель кафедры социологии и
управления персоналом
Московский авиационный институт
(Национальный Исследовательский Университет)
E-mail: megasvetik1@rambler.ru

© С.К. Яримака
Москва, Россия
аспирант
Московский авиационный институт
(Национальный Исследовательский Университет)
E-mail: megasvetik1@rambler.ru

Социокультурные ценности современного студента

Аннотация. В статье сделана попытка исследовать социокультурные ценности современного студента. Исследование социокультурных ценностей современного студента проводится на основе сравнения трех групп студентов: «инженеров» (студентов, прошедших конкурс на бюджетные места), «гуманитариев» (студентов, успешно сдавших ЕГЭ по истории) и «менеджеров» (студентов, обучающихся на платной основе). Делается вывод о том, что студентов независимо от направления и формы обучения объединяют единые жизненные цели и ценности, общие проблемы, они одинаково чувствуют и состояние молодежи как социального слоя и общества в целом. Им присущи и чувство искренней гордости за свою страну и чувство адекватного стыда за негативные явления и процессы. Различия выявилось в ощущении студентами своей успешности, влияющей на социальную удовлетворенность в целом, и их дальнейших планах на жизнь.

Ключевые слова: портрет успешного молодого россиянина; факторы, влияющие на формирование социокультурных ценностей современного студента; жизненные цели и ценности; состояние молодежи; проблемы, волнующие современного студента; жизненные планы современного студента; события и явления, вызывающие гордость и стыд у современного студента

Socio-cultural Values of the Modern Student

(National Research University)

Abstract. The paper makes an attempt to explore socio-cultural values of a modern student. The study of the sociocultural values of the modern student is conducted on the basis of a comparison of three student groups: 'engineers' (students who passed the competition for budget places), 'humanitarians' (students who successfully passed the USE in history), and 'managers' (students studying on a tuition fee basis). It is concluded that students, regardless of the direction and form of education, share unified life goals and values, common problems, they equally feel the condition of youth as a social stratum and society as a whole. They have a sense of sincere pride for their country and a sense of adequate shame for negative phenomena and processes. The difference was revealed in the students' perception of their success, affecting social satisfaction in general, and their further plans for life.

Keywords: portrait of a successful young Russian, factors that influence the formation of sociocultural values of the modern student, life goals and values, state of youth, problems of the modern student, life plans of the modern student, events and phenomena that cause pride and shame in the modern student

Традиционно студенчество принято считать прогрессивной, политически активной частью общества, носителем оппозиционных настроений. В настоящее время студенчество определяется как особая социальная, социокультурная, социально-профессиональная, социально-демографическая группа, «объединенная возрастом, спецификой труда, особыми условиями жизни, поведением и психологией, общим видением мира, общими ценностями и идеями в едином культурном поле [2]. Социологи говорят о том, что «современные российские студенты инфантильны, лояльны к власти и всем довольны», «про свою страну практически ничего не знают», «живут здесь и сейчас» «с очень коротким горизонтом планирования» с мечтой «самореализоваться» (причем для них это значит «найти хорошую работу», «сделать так, чтобы было интересно, хорошо») и «восторженно-мифологическим» представлением о советском периоде; «ничего не хотят, кроме удовлетворения своего потребительского интереса»; боятся «каких-либо волнений и протестов», нестабильности [4].

В то же время по результатам пилотажного исследования, проведенного исследовательским комитетом Российского общества социологов «Социальные движения, коллективные действия и социальные перемены» (опрос проводился в апреле 2013 г. в двух московских вузах, N=234) «36% студентов готовы к активным действиям, в том числе и протестным, в случае ущемления своих прав; а 59% - готовы в зависимости от ситуации» [3, с.92].

Современная «молодежь живет в глобальном мире, где ключевую роль играют компьютерно-информационные технологии»; находится под влиянием «массовой потребительской культуры западного (прежде всего, американского образца); их «установки и ориентиры социального развития формируются стихийно, под воздействием Интернета, спутникового телевидения, кинематографа и т.д.», что способствует «утечке мозгов» за рубеж, ведет к разочарованию молодежи нынешним социальным порядком в России». Также «эпоха становления глобального информационного общества» характеризуется усилением «разрыва поколений», так как «старшее поколение уже не обладает необходимым социальным опытом, теряя социальные ориентиры, авторитет и, соответственно, способность к передаче эффективного социального опыта» [1]. Также социологи отмечают, что «у многих молодых людей вообще нет никакой собственной позиции». В исследованиях на протяжении нескольких лет предлагалось ответить на вопросы: «За что вы гордитесь своей страной и за что стыдитесь». Около 80 % «гордятся традиционно Великой Отечественной войной»; 20-30 % испытывают стыд по поводу репрессий. При этом часто не знают суть событий, но четко понимают, какого именно ответа от них ждут. В данной ситуации большое значение имеет ЕГЭ по истории: у сдававших – «в голове ясная картина, есть твердая система координат», остальные «просто ничего не знают» [4].

Отчасти принимая вышеприведенное описание современного студента, авторы не могут полностью согласиться с утверждением «о незначительной разнице между студентами разных вузов». Опираясь на свой преподавательский опыт и результаты проведенных ранее социологических исследований, показавших, что студенты имеют различия в исходных социальных позициях, общекультурном уровне, жизненных целях, мировоззрении, степени групповой сплоченности и т.п., авторы предпола-

гают: различия есть.

Целями данной статьи являются: 1) на основе разведывательного социологического исследования составить представление о том, каким видят современного «успешного молодого россиянина» наши студенты, и считают ли успешными себя; 2) составить определенное мнение о том, что представляет для современного студента особую ценность; каковы жизненные цели и планы современного студента; каковы проблемы, волнующие студентов; а также каким образом характеризуют состояние молодежи сами студенты; 3) узнать, какими явлениями или событиями (историческими или современными) гордятся и стыдятся наши студенты.

В процессе изучения данной проблемы на занятиях по социологическим дисциплинам были опрошены 89 студентов 1, 2, 4 курсов одного московского вуза (МАИ - Московского Авиационного института (национального исследовательского университета), применялся метод случайной выборки – были опрошены те студенты, которые присутствовали на занятиях на момент проведения опроса. В результате сложились три группы примерно равные по количеству студентов. Группу «инженеры», составили студенты, обучающиеся по направлениям «Металловедение», «Управление качеством сертификации», «Техносферная безопасность» на бюджетной форме обучения, т.е. набравшие определенное количество баллов ЕГЭ и выдержавшие конкурс. Группу «гуманитарии» составили студенты, обучающиеся по направлению «Организация работы с молодежью», сдававшие ЕГЭ по истории и также выдержавшие значительный конкурс (большинство обучается на бюджетной форме обучения, но есть и на платной). Группу «менеджеры», составили студенты, обучающиеся по направлениям «Управление персоналом» и «Государственное и муниципальное управление» на платной форме обучения, многие из которых не набрали необходимого или достаточного количества баллов для поступления на бюджет. Большинство студентов всех групп отнесли себя к «студентам, регулярно посещающих занятия, своевременно выполняющих задания, предусмотренные учебным планом, и удачно сдающих экзамены во время сессии», меньшинство отнесли себя к «студентам, не регулярно посещающих занятия, но вовремя сдающие зачеты и экзамены». В каждой группе есть студенты, имеющие «задолженности». Половина группы «инженеров», чуть больше половины группы «гуманитарии» и почти все студенты группы «менеджеры» проживают с родителями («экономически защищены, материально зависимы»), остальные – в общежитии или на съемных квартирах («самостоятельно планируют свой бюджет при поддержке родителей»); некоторым приходится зарабатывать. Все группы являются смешанными.

По мнению самих студентов, в большей степени на формирование социокультурных ценностей современного студента традиционно влияет «семья, ближний круг». На второе и третье место «инженеры» поставили «интернет-пространство» и «школу, вуз»; «гуманитарии» - «интернет-пространство» и «состояние общества»; «менеджеры» - «личность молодого человека» и «школу, вуз». Общий набор значимых факторов оставался неизменным. Малозначимыми или незначимыми оказались процессы глобализации (экспансия Запада), религия и «государственные органы».

Особую ценность для «инженеров» представляют (здесь и далее в порядке убывания) «верные друзья», «здоровье», «самореализация», «путешествия», «деньги», «любовь, отношения», «карьеру», «достойная работа», «свобода передвижения», «профессия», «качественное образование», «науки, технологии, в т.ч. информационные». Для «гуманитариев» значимы «здоровье», «дети, семья», «верные друзья», «самореализация», «путешествия», «деньги», «качественное образование» и «достойная работа». Для «менеджеров» важны «верные друзья», «дети, семья», «здоровье», «любовь, отношения», «достойная работа, «самореализация» и «карьера». То, что наибольшую ценность для молодежи представляют «верные друзья» и «здоровье» подтверждается и другими исследованиями [2] и объясняется тем, что друзья составляют ту группу, по законам которой «человек стремится жить», а здоровье дает «возможность» получить образование, достойную работу и «все радости жизни». «Законность», «толерантность», «демократические ценности», «традиции, национальная культура», «религиозная вера», «собственность», «социальная мобильность», «патриотизм», «экология» для студентов на данный момент менее значимы.

Среди жизненных целей студентов приоритет отдан «достижению высокого качества жизни». «Инженеры» на второе и третье место поставили «духовно-нравственные ценности» и «экономическую и физическую безопасность», «гуманитарии» - «экономическую и физическую безопасность» и «духовно-нравственные ценности», «менеджеры» - «духовно-нравственные ценности» и «самовыражение, самореализацию».

Состояние молодежи «инженеры» охарактеризовали в большей степени «стремлением добиваться целей любым путем», «социальной активностью» и «потерей молодежью социокультурных ориентиров», а в меньшей «ориентацией на западные ценности» и «гипертрофированным индивидуализмом».

По мнению «гуманитариев», состояние молодежи в равной степени определяют «социальная активность», «гипертрофированный индивидуализм», «потеря молодежью социокультурных ориентиров» и «ориентация на западные ценности». «Менеджеры» считают, что современное состояние молодежи в большей степени характеризуют «социальная активность» и «стремление добиться целей любым путем», а в меньшей «ориентация на западные ценности», «патриотизм», «потеря молодежью социокультурных ориентиров» и «гипертрофированный индивидуализм». «Менеджеры» давали и «свои» ответы такие, как: «интерес к новым социально-культурным веяниям» и «потеря нравственности».

Среди проблем, волнующих современных студентов доминирующее положение с большим отрывом от других занимают проблема трудоустройства. Помимо этого «инженеров» волнуют проблемы «социального неравенства», «системного кризиса всего российского общества», «неудовлетворенность качеством получаемого образования», «отсутствие социального лифта»; «гуманитариев» - «системный кризис всего российского общества» и социальное неравенство; «менеджеров» - «неудовлетворенность качеством получаемого образования», «системный кризис российского общества», проблемы «отцов» и «детей», «отсутствие социального лифта», «социальное неравенство».

Некоторые отличия во взглядах студентов исследуемых групп видны в ответах на вопросы, связанных с ощущением своей успешности и наличием планов. Так, портреты «успешного молодого россиянина» получились не однозначные. Для «инженеров» это «образованный, культурный человек, способный развиваться в разных направлениях»; «имеющий удовлетворяющую его работу», «достигший чего-то в жизни»; «богатый, здоровый человек, занимающийся любимым делом»; «активный участник политической жизни РФ». И даже «всех можно в какой-то мере считать успешными, каждый в чем-то хорош». Но были и такие ответы: «тот, который может подстроиться под современные требования рынка труда» и «кто уехал отсюда».

Часть студентов группы «гуманитариев» успешность связывает с достижением поставленных целей («человек, который смог добиться чего-то в жизни», «тот, у кого есть цель, он к ней идет» и т.п.). Для других это «гармонично развитая личность»; «человек, который имеет возможность заниматься любимым делом, а также развиваться и совершенствоваться», активный, стремящийся к познанию нового». Довольно часто встречались ответы, связывающие успешность с получением образования («высшее образование, работа по специальности», «Павел Дуров – человек, создавший компанию благодаря отечественному образованию»).

Среди «менеджеров» есть студенты, которые считают успешным «образованного, трудолюбивого, старательного», «интересного, эрудированного» человека; есть студенты, которые связывают успех с получением образования и достижением целей («человек, который получил образование и достиг поставленных перед собой целей, как профессиональных, так и личных»; «человек, который получил высшее образование, умеет добиваться целей»). Но в ответах подавляющего большинства виден «потребительский» смысл («человек, живущий в достатке (во всех смыслах)»; «человек, которому нравится свой образ жизни, если этот образ жизни вызывает восхищение, зависть, не вызывает отвращения у людей из различных социальных слоев общества»; «человек, который может себе ни в чем не отказывать»; «человек с высшим образованием, имеющий квартиру, машину и достаток около 1 200 000 рублей в год и более»; «человека, прошедшего через многие испытания, добившегося много в своей жизни»; «того, чьи желания совпадают с его возможностями»; «человека, зарабатывающего деньги своими усилиями для достойной жизни» и т.п.).

Если среди «инженеров» успешными считают себя более половины группы, а среди «гуманитариев» - менее половины группы, то в группе «менеджеров» успешными себя считает только четверть группы. И если в группах «инженеров» и «гуманитариев» чувствуют себя неуспешными по 1-2 человека, то в группе «менеджеров» каждый пятый.

Большинство студентов всех групп определили свои планы как «сдать ближайшую сессию и отдохнуть». Дальнейшие планы имеют различия. Подавляющее большинство «инженеров» собираются «продолжить учебу в магистратуре и найти достойную работу, возможно по специальности»; треть - «создать свое дело»; каждый четвертый – «уехать учиться за границу и остаться там работать»; каждый шестой - «после окончания бакалавриата найти подходящую работу»; а каждый восьмой - «продолжить учебу в аспирантуре и заняться научной деятельностью»; каждый десятый – «не задумывается, живет сегодняшним днем». Менее половины «гуманитариев» собирается «продолжить учебу в магистратуре и найти достойную работу, возможно по специальности»; четверть группы хотела бы «уехать учиться за границу с перспективой остаться там работать»; четверть ответила, что «уже все «запланировано» до конца дней». Половина «менеджеров» собирается сразу «после окончания бакалавриата найти подходящую работу»; только треть группы - «продолжить учебу в магистратуре и найти достойную работу, возможно по специальности»; треть - «создать «свое» дело». Каждый вось-

мой - «не задумывается о будущем, живет сегодняшним днем».

Большинство студентов безусловно искренне гордятся победой в Великой Отечественной войне и всем, что связано с празднованием Дня Победы. Гордятся также присоединением Крыма к РФ, «гуманитарной помощью мирным жителям в районах, охваченных войной» и ДНР, «сплоченностью народа во времена оккупации, начиная со времен монголо-татарского ига и до последних дней», «патриотизмом в обществе», «русской идеей», «многонациональностью и различием культур» и т.д.

Студенты стыдятся в большей степени коррупцией, низким уровнем жизни, расстрелом царской семьи, «приходом к власти большевиков, сталинскими репрессиями»; «запретом на массовые митинги», «утечкой мозгов», «псевдодемократией» и т.д.

Следует отметить, что качественных различий в ответах между студентами, сдававшими и не сдававшими ЕГЭ по истории нет. Но если «историки» почти все так или иначе выразили свое мнение, то треть «инженеров» и «менеджеров» не смогла сформулировать свое отношение к событиям или явлениям, происходящих в России.

Таким образом, подводя краткие итоги нашего исследования, можно сказать определенно, что студентов независимо от направления и формы обучения объединяют единые жизненные цели и ценности, общие проблемы. Они одинаково чувствуют и состояние молодежи как социального слоя и общества в целом. Им присущи и чувство искренней гордости за свою страну и чувство адекватного стыда за негативные явления и процессы. Различие выявилось в ощущении своей успешности, влияющей на социальную удовлетворенность в целом, и их дальнейших планах на жизнь.

Литература

1. Жаданов А.Ю. Социальное развитие молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества начала XXI века: диссертация – URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/socialnoe-razvitiye-molodezhi-v-usloviyah-sociokommunikativnyh-transformacij.html> (Дата обращения: 09.05.2017)

2. Петровичев В.М. Современное студенчество: проблемы социокультурной самоидентификации. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-studenchestvo-problemy-sotsiokulturnoy-samoidentifikatsii> (Дата обращения: 09.05.2017)

3. Сорокина Н.Д. Способствуют ли уменьшению социального неравенства перемены в образовании? В сб.: Социальные движения, коллективные действия в условиях социального неравенства. Сборник материалов Круглого стола. МГТУУ. Москва, 2016. С.91–97.

4. «У молодых вообще нет собственной позиции». Интервью с заведующей лабораторией политических исследований Высшей школы экономики Валерией Касамара – URL: <https://m.lenta.ru/articles/2017/02/25/kasamara/> (Дата обращения: 09.05.2017)

5. Шемякина Н.В. Социокультурные ценности современного студенчества различных социально-этнических культур : диссертация кандидата социологических наук : 22.00.04. Улан-Удэ, 2001. – 172 с. – URL: <http://www.disscat.com/content/sotsiokulturnye-tsennosti-sovremenogo-studenchestva-razlichnykh-sotsialno-etnicheskikh-kult> (Дата обращения: 09.05.2017)

УДК 140

© Д.Ш. Цырендоржиева
Улан-Удэ, Россия
д-р филос. наук, профессор кафедры философии,
Бурятский государственный университет
e-mail: dari145@mail.ru

© А.Ц. Батуева
Улан-Удэ, Россия
канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры теологии и религиоведения,
Бурятский государственный университет
e-mail: 79644020009@ya.ru

Гедонизм как одна из проблем современности

Аннотация. В статье раскрывается проблема гедонизма в современном социуме. Отмечается, что это этическое учение, возникнув в античности, на сегодняшний день претерпело значительные изменения. Эпикур, родоначальник гедонизма, выделял два вида удовольствий: динамические и пассивные. Пассивный вид удовольствий является предпочтительным. Дальнейшее становление учения о наслаждении представлено фрагментарно. Основной упор сделан на особенности современного гедонизма, который характеризуется поиском удовольствий ради удовольствий, зачастую не приносящих удовлетворения и радости. Объяснено, почему чрезмерный гедонизм опасен для человека и общества, так как крайности, в которые впадает человек, приводят к деформации личности. Гедонизм опасен тогда, когда он идет в разрез с этическими принципами. Отмечено, что источниками гедонизма являются массовая культура и чрезмерное внимание к человеку и его потребностям. Рассмотрены модели гедонистического человека, выявлены его особенности: стремление к праздности, самолюбованию, пафосности, к вечной молодости, усиленное внимание к своему телу, поскольку на первый план выступает физиологическое начало человека. Все это отодвигает на задний план нравственные ценности. За этим и кроется причина отрицательной

оценки современного гедонизма.

Ключевые слова: гедонизм, удовольствия, наслаждение, кризис человека, массовая культура, деформация личности, «разумное удовольствие», пресыщение, нарциссизм.

©D. Tsyrendonrzhieva

Ulan-Ude, Russia

Doctor of Philosophy, Professor

Department of Philosophy

Buryat State University

© A. Batueva

Ulan-Ude, Russia

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer

Department of Theology and Religion

Buryat State University

Hedonism as One of the Modern Issues

Abstract. The paper considers issue of hedonism in modern society. It states that that ethical doctrine that emerged in the Antiquity, today, has undergone significant changes. Epicurus, the founder of the hedonism, distinguished two types of pleasures: dynamic and passive. Passive type of pleasure is preferable. Further development of the doctrine of pleasure is presented fragmentary. The paper emphasises features of the modern hedonism that is characterised by a search of pleasure for pleasure that often does not bring satisfaction and joy. The paper explains why excessive hedonism is dangerous for a person and society because extremes into which the person falls may lead to a deformation of identity. The paper considers models of hedonistic person identifying following features: desire for idleness, self-admiration, pretentiousness, eternal youth, increased attention to one's body because person's physiological basis comes to the forefront. All that puts aside moral values. Behind that lies the reason for the negative evaluation of modern hedonism.

Keywords: hedonism, pleasures, person's crisis, mass culture, deformation of identity, 'reasonable pleasure', satiety, narcissism.

Современная культура постоянно призывает нас к получению удовольствий. Этот призыв мы ежедневно слышим и видим на экранах TV, рекламных плакатах. Рекламные ролики обращают нас к гуманистическим началам: «Ведь ты этого достойна», «Живи на яркой стороне», «Бери от жизни все!» и т.д. Вокруг человека возникает множество соблазнов, на это работает целая индустрия рекламы.

Основными признаками сегодняшнего общества, по замечанию многих исследователей, являются «радикальный» гедонизм (Э. Фромм) и нарциссизм (Г. Маркузе), которые воспринимаются как негативное явление. Действительно, нарциссизм и гедонизм, будучи взаимосвязанными, являются следствием процесса снижения духовности под натиском массовой культуры и идеологии потребления, а также из-за замены нравственных ценностей материальными. Гедонизм, который базируется на тяге к удовольствиям, и нарциссизм, основанный на преувеличенном внимании к внешним физическим данным человека, являются собой начало новой фазы культуры, сфокусированной на плотских влечениях.

Феномен «гедонизм» берет свое начало в античности. Гедонизм – это этическое учение, считающее наслаждение высшим благом, а стремление к наслаждению принципом поведения [1, с. 18]. Основоположителем данного учения является Эпикур. Позиция Эпикура необходимо отличать от других древнегреческих учений, в которых проповедовалась погоня за наслаждениями, неумеренность и распущенность в поведении.

Стремление к получению удовольствия является неотъемлемой частью человека и фактором его физического здоровья. Эпикур воспринимает удовольствие как благо, но в то же время он осознает необходимость меры. Если предаваться удовольствиям безмерно, то за ними наступит страдание. Эпикур выделяет два вида удовольствий: во-первых, удовольствия, влекущие за собой страдания, этот вид он назвал динамическими. Такими, к примеру, являются пьянство, слава. Второй вид удовольствий, названные им пассивными, более предпочтительны для человека, поскольку они не приносят страдания. К ним относятся дружба, философские дискуссии, занятия искусством и т.п. Эти удовольствия приносят человеку нравственное здоровье, что также необходимо, как и физическое здоровье.

В средневековье гедонизм воспринимался как ересь, а само стремление к наслаждениям объявлялось греховным, что наглядно показано у Данте, который поместил Эпикура на шестой круг ада. Но в целом, сама по себе концепция не потеряла своей значимости. В дальнейшем философская рефлексия об удовольствиях была переосмыслена гуманистами эпохи Возрождения, затем и материалистами XVII-XVIII вв. В начале XIX века трансформировалась утилитаристами в соответствии с духом времени, но все же опираясь на философию Эпикура. В XIX веке исследователи открыли новые аспекты феномена удовольствия через призму психоанализа, эстетики, этики, религиоведения. Можно добавить, что Д. Пирс, автор «Гедонистического императива», провозгласил гедонизм основополагающей

нравственной ценностью. Заметный вклад в дальнейшую разработку внесли писатели О. Уайльд, основатель эстетического гедонизма, и У. Пейтер, сторонник неоромантического гедонизма.

Двадцатый век, новое постиндустриальное общество вдохнул в гедонизм новый смысл. Сегодня гедонизм – это установка на беззаботную жизнь и стремление к удовольствиям. Само по себе стремление избежать жизненных невзгод и стремление к удовольствиям естественны для человека. Однако современная культура представляет собой динамичное эпикурейство. По мнению Э. Фромма, удовольствие сводится к удовлетворению потребностей без получения внутреннего удовлетворения и потому не приносит радости.

Новый гедонизм принимает гипертрофированные формы, что приводит к деформации личности. Сознание человека утрачивает глубину и критичность. Человеком движет жажда к праздности, нарциссическое самолюбование, пафосность, страсть к массовым мероприятиям.

Французский публицист Ф. Мюре на основе данных качеств создает новую модель человека Homo Festivus и отмечает, что нынешний исторический период маркирован массовой эйфорией [2]. С точки зрения автора, досуг человека типа Homo Festivus превращается в бесконечную череду развлечений, а погоня за острыми ощущениями становится смыслом жизни.

Что же явилось источником гедонистического воззрения? Как полагают многие специалисты, источником современного гедонизма является массовая культура. Она формирует эстетику досуга, выпячивая на передний план телесность, соблазн, эротику, и задвигая нравственные ценности. В нынешнее время на пьедестал взошли физиологическое начало человека, активная стимуляция сексуальных фантазий, культ вечной молодости. Современный гедонизм обращается к низменным желаниям человека. Кроме того, человек, находясь в условиях массовости и информационности, становится предметом всеобщего внимания. Ему со всех сторон предлагают взять выгодный кредит, приобрести товар по низкой цене, средства для ухода и косметики, которые обладают невероятными свойствами [3, с. 196]. Никогда человечество не существовало в таких комфортных условиях, сейчас мы наблюдаем практически сбывшуюся мечту о «земном рае». Такие условия изнежили человека, и он зачастую пасует перед трудностями. Если гаснет свет на несколько часов, это воспринимается как катастрофа.

Пресыщение наслаждениями таит угрозу, так как вызывает желание более изощренных и насыщенных, что приводит к разврату, лени, делает человека рабом тела, что в итоге угрожает общественному устройству. Подобные опасения возникали и в древности. С появлением такого учения, как гедонизм, возникали и критические умозрения. Зачастую гедонистов обвиняли в безбожии и аморализме. Но это объясняется господствовавшим в то время материализмом, который отрицал бессмертие души, влияние богов на жизнь человека, идеи посмертного воздаяния за грехи и т.д. При таком раскладе становится обоснованным принцип жить «здесь и сейчас», нет нужды отказываться от задуманного. Осознание конечности бытия приводит человека к активной жизни. Однако следует помнить, что философы-гедонисты призывали к «разумному удовольствию» и избегали крайностей.

Гедонизм таит в себе опасность в том случае, если он не соотносится с этическим кодексом. Современный гедонизм особо опасен потому, что сознание человека воспринимает его некритично, будучи одурманенным массовой культурой. Несомненно, умеренный гедонизм играет положительную роль в обществе, давая людям ощущение ценности бытия. На сегодняшний день ярко выраженный гедонизм является одной из причин кризиса человека и общества. Сейчас мы являемся свидетелями того, как современная культура меняет наше сознание, мысли, и превращает человека в упрощенную гедонистическую модель.

Литература

1. Некрасова Н.А., Некрасов С.И., Садикова О.Г. Тематический философский словарь. – Москва, 2008. – 164 с.
2. Мюре Филипп. После Истории. Фрагменты книги // Иностранная литература. – 2001. – № 4. – С. 224–241.
3. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. – Москва: Ключ-С, 1998. – 156с.

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 13:316

© И.А. Жерносенко
г. Барнаул, Россия,
канд. культурологии, доцент,
декан факультета развития общего образования,
Алтайский краевой институт
e-mail: irina.jernosenko@gmail.com

© Л.Г. Сандакова
г. Улан-Удэ, Россия
д-р филос. наук, доцент кафедры философии
Бурятский государственный университет
e-mail: aivt@list.ru

Концептуальные основания становления современной модели социального развития

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции становления футурологических моделей социального развития на основе теории ноосферы и концепции устойчивого развития. Анализ основных положений названных концепций на основе синергетического подхода позволяет определить и эксплицировать действенные механизмы социальной самоорганизации. Авторы определяют концептуальные основания современной модели социального развития на основе ноосферной теории, теории развития и теории самоорганизации. В статье отмечается, что переход к новому уровню и способу организации общественного бытия формирует новый тип культуры, имеющий высочайшую степень сложности по сравнению с другими культурными периодами. Выявлены закономерности перехода от технократической к ноосферной культуре с позиций всеобщих, философских методов, позволяющих исследовать процессы развития любых сложных и сверхсложных систем с их нелинейной самоорганизующейся природой. Отмечается, что для фазового перехода необходимо накопление определенного количества информации и энергии (меры), определяемого как разность энтропий (мера неупорядоченности) уровней самоорганизации.

Ключевые слова: теория ноосферы, концепция устойчивого развития, процессы самоорганизации, современная модель социального развития, эпоха постмодерна.

© I.A. Zhernosenko
Barnaul, Russia,
Candidate of cultural studies, Assistant Professor,
Dean of the Faculty of Development of General Education,
Altai Regional Institute

© L.G. Sandakova
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Philosophy, Assistant Professor
Department of Philosophy
Buryat State University

Conceptual bases for the Formation of the Modern Model of Social Development

Abstract. The paper considers modern trends in the development of futurological models of social development on the basis of the theory of the noosphere and the concept of sustainable development. An analysis of the main provisions of these concepts on the basis of the systemic-synergetic approach makes it possible to identify effective mechanisms of social self-organization. The paper notes that transition to new level and way of the organization of social being forms the new type of culture having the highest degree of complexity in comparison with other cultural periods. The paper identifies regularities of transition from the technocratic to noosphere culture drawing on the general philosophical methods allowing to investigate developments of any difficult and superdifficult systems with their nonlinear self-organizing nature. It is noted that a phase transition requires accumulation of certain amount of information and energy (measure) that is defined as a difference of entropiya (a disorder measure) of self-organization levels.

Key words: theory of noosphere, concept of sustainable development, self-organization processes, modern model of social development, Post-modern era.

Всеобщий характер переходных процессов, охвативших в современной России все системные уровни бытия, обусловил высокую потребность общества в осмыслении сложившейся ситуации и моделировании будущего по всем направлениям социокультурного развития. В трудах современных ученых «переходный период» рассматривается как особая фаза историко-культурного развития, осуществляющая выход культуры на новый уровень организации и позволяющая снять ее внутрисистемные противоречия за счет накопления необходимого количества информации и энергии как разности энтропий предшествующего и последующего уровней организации материи.

Переход к новому уровню и способу организации общественного бытия формирует новый тип

культуры, имеющий высочайшую степень сложности по сравнению с другими культурными периодами, формирующий новые ценности и проявляющий новые противоречия и проблемы: от технократической культуры периода модернизма к информационному обществу, определяемому как эпоха постмодерна. Осознать закономерности этого перехода возможно лишь при условии использования всеобщих методов, характеризующих процессы саморазвития любых сложных и сверхсложных систем, в русле синергетической методологии, учитывающей их нелинейную самоорганизующуюся природу.

Эпоха постмодерна, наряду с высочайшими технологическими прорывами, отмечена утратой целостного мировосприятия и мироощущения, эстетического и этического эклектизма, размыванием ценностных координат и т.п. На фоне глобальных проблем и «неразрешимых» противоречий, несмотря на наличие множества футурологических концепций цивилизационного и формационного развития, все более остро ощущается потребность в продуктивных моделях социокультурного развития. Нам представляется, что в основе концепции и модели развития должна лежать ноосферная модель стратегии развития, имеющая эвристическое значение для разных регионов Евразии.

Открытие В.И. Вернадским «стихийного геологического явления» – становящейся ноосферы как «растущей культурной биогеохимической энергии человечества», закономерной и неизбежной, как высшего проявления процессов самоорганизации, – позволило выдающемуся отечественному ученому и философу сформулировать прогностическую модель коэволюции природы и человечества в космологическом, геологическом и социально-историческом масштабах времени.

Основной предмет изучения теории ноосферы – это «продукт» мыслительной деятельности человека, осуществляющий трансформацию биосферы в ноосферу. Следовательно, мысль человека – это мощный инструмент преобразования не только социума и биосферы, но важный и существенный фактор космогенеза. И только от выбора человека зависит: станет ли этот инструмент орудием процветания планеты, или орудием ее уничтожения. Этот естественный вывод вытекает в результате анализа всех религиозных доктрин и философско-этических учений, а сегодня доказывается в физических лабораториях, исследующих тонко-полевые структуры. Важно лишь учесть, что этот мощный инструмент – человеческая мысль – настраивается при помощи чуткого камертона – нравственного императива. То есть понятие духовности зиждется не просто на информационных структурах – «продукте» ментальной деятельности человека, но, прежде всего, на системе созидательных ценностей, составляющих нравственный и этический каркас личности.

Физик и философ В.Г. Буданов – разработчик квантово-синергетической антропологии и автор ритмокаскадного подхода в истории, позволяющего выстраивать эффективные прогнозы цивилизационного развития, отмечает, что в современных условиях «обвальных потоков информации и культурной диссоциации» возможны два сценария развития общества: либо «перехода... ко второму кругу неoarхаики, либо к реализации нового квантового антропологического сдвига на планете», так как «пространство жизни включает теперь и информационное пространство». И существенным фактором позитивного «антропологического сдвига» станет «овладение личностью трансперсональными ноосферными качествами» [1]. Отметим, что еще В.И. Вернадский гениально спрогнозировал этот «сдвиг» и назвал его переходом от гетеротрофности («способа питания за счет других») – к автотрофности (самопитанию, т.е. аккумулярованию и генерированию собственной внутренней, духовной энергии). Понятно, что для этого необходимо, чтобы большинство людей на планете освоили практики, благодаря которым происходит переход к автотрофности. Мера, определяющая возможность перехода на этот уровень, как мы уже отмечали, есть количество необходимой информации и энергии. Именно духовно развитый человек является фактором космической эволюции (в терминах философии русского космизма), чья активная преобразующая творческая мысль, свободный дух и нравственная ответственность являются залогом строительства ноосферной цивилизации. Именно из таких людей формируется «духовная аристократия», способная осуществлять агиократическое правление через «бескорыстное служение высшему», «защиту и утверждение святынь своего народа», соблюдение нравственного закона при выполнении любых решений и вердиктов [2, с. 110]. В работе алтайских философов просвечивает апелляция к идеям П.И. Новгородцева, русского правоведа, философа, друга В.И. Вернадского, о «власти святынь», развивавшего положение евразийцев об идеократическом государстве: «Для создания новой России нужны новые духовные силы, нужны воспрянувшие к новому свету души» [3, с. 576]. Как будто о сегодняшнем дне говорил мыслитель более 90 лет назад: «Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране... Надо помнить, что всем нам придется жить в совершенно новом мире духовных соотношений, среди многих «потухших маяков», среди многих оскудевших и утративших обаяние ценностей. Холодно и неуютно будет в России; но, может быть, еще более холодно и неуютно будет и в той Европе, в кото-

рой издавна мы привыкли искать опоры своим стремлениям» [3, с. 577 – 579].

В работах бурятских ученых отчетливо прослеживается стремление положить в основу цивилизационного развития экологическую этику (В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова и др.), буддийскую этику (Ж. Аякова, Э.Ч. Дарибазарон, И.С. Урбанаева и др.). Идеи евразийства развиваются в трудах И.И. Осинского, О.А. Истоминой и др., синтеза восточных и западных учений развиваются в работах В.А. Балханова, Л.Г. Сандаковой, А.А. Бурзаловой, А.К. Захарова, А.В. Гомбоевой и др. В их работах показано, что интеллигенция может составить основу будущей «духовной аристократии» и возможности коэволюционного развития целостной системы «человек-природа-общество».

В подражании Западу, в вестернизации общественной жизни россиян происходит «унификация» норм, идеалов и ценностных ориентаций человека, «усреднение», а где-то и деградация. Поэтому все больше ученых задумывается о российском пути развития, адекватном именно российской ментальности, российским вмещающим ландшафтам «страны-континента» с «флагоподобным расположением зон» [4]. Сегодня устами философов, политологов, культурологов формулируется модель социального развития на основе двух взаимодополняющих концепций: ноосферогенеза и устойчивого развития.

Концепция ноосферогенеза позволяет обосновать не только гуманитарными, но и естественно-научными методами положение о том, что именно примат духовного и ментального над материальным вырабатывает действенные механизмы самоорганизации для достижения качественных изменений в социуме и окружающей среде. Иными словами, в настоящий момент большинство людей на планете находятся на уровне удовлетворения материальных потребностей. Социальный и духовный уровни потребностей вмещают меньшинство людей. Картина поменяется и человечество выйдет на следующий, ноосферный уровень тогда, когда большинство людей на планете «дорастут» до высших ценностей. Современная научная картина мира обосновывает энерго-информационный детерминизм и в космогенезе, и в антропогенезе, и в социогенезе. В лоне синергетической парадигмы сформулирован механизм самоорганизации нелинейных процессов в виде выстраивания конуса аттрактора – «идеи-магнита», структурирующей процессы самоорганизации в наиболее оптимальные состояния, способствующие достижению поставленной цели, даже тогда, когда она еще не осознана, но уже вершит свое деяние.

Четверть века назад, в условиях нарастающей глобализации, была сформулирована концепция устойчивого развития («sustainable development»), призванная, с одной стороны, обеспечить качество жизни людей, а с другой – разработать стратегию экономических и социальных изменений, при которых эксплуатация природных ресурсов, ориентация научно-технического прогресса, удовлетворение потребностей и устремлений человека, будут согласованы с укреплением существующего и будущего потенциала для развития общества.

Авторы нашумевшей книги «Пределы роста», впервые жестко поставившие проблему исчерпаемости природных ресурсов, спустя 20 лет в новой книге «За пределами допустимого» вновь возвращаются к определению устойчивого развития, акцентируя его гуманитарную составляющую: «общество устойчивого роста — это общество настолько дальновидное и гибкое (выделено нами –И.Ж., Л.С.), что оно может нормально функционировать в течение жизни многих поколений, не подрывая системы своего материального и социального обеспечения». [5].

Термин «sustainable development» неоднократно подвергался критике. В русском переводе он звучит как оксюморон и потому воспринимается как не соответствующий требованиям научного определения, «поскольку развитие и устойчивость сами по себе понятия несогласованные, и, вероятно, более удовлетворительным переводом по смыслу является «сбалансированное развитие» [6, с. 10]. А.Д. Урсул вообще сомневается в достижимости положений концепции: «Концепция устойчивого развития представляет собой форму исследования будущего (нормативного прогноза), в которой в одно целое соединены черты утопии и реальной возможности, вероятность осуществления которой пока достаточно мала» [7], настаивая на необходимости превращения ее в научную теорию на основе теории биологической стабилизации. По мнению ученого, реализация концепции устойчивого развития возможна лишь в результате интеграции антропоцентризма (главного принципа становления западной цивилизации) и биоцентризма в «единую коэволюционную систему человек – общество – природа, способную к ноосферогенезу» [7], а не просто преодоления и замены первого вторым, как призывают большинство экологов и их последователей.

Ряд отечественных ученых (Н.Н. Моисеев, С.А. Пегов, Г.С. Розенберг, В.В. Юшманов, А.Д. Яншин и др.), анализируя концепцию, пришли к выводу о необходимости серьезной теоретической и философской ее проработки.

Н.Н. Моисеев справедливо выводит понятие «sustainable development» от экологического термина «sustainability», означающего согласованное соразвитие популяции с окружающей ее экосистемой.

Следовательно, закономерно использование термина «sustainable development» по отношению к человеческому обществу, для сохранения биосферы, которая является экологической нишей человечества, но ученый предлагает в русскоязычной среде пользоваться термином «коэволюция человека и биосферы», обосновывая «зависимость характеристик биосферы от активной деятельности человека» [8]. Такая постановка вопроса, практически, развивает учение В.И. Вернадского о ноосфере, и Н.Н. Моисеев считает «разработку стратегии sustainable development определенным шагом к эпохе ноосферы, то есть шагом на пути ноосферогенеза», определяя термином «эпоха ноосферы» «этап истории человека (если угодно, антропогенеза), когда его коллективный разум и коллективная воля окажутся способными обеспечить совместное развитие (коэволюцию) природы и общества» [8]. Теория коэволюции человека и природы, по сути, становится фундаментальной наукой, имеющей при этом «абсолютно прикладной характер, поскольку эта дисциплина делается научной базой судьбоносных решений для человечества» [8].

Вместе с тем, концепция устойчивого развития реализуется в двух противоположных направлениях, основанные на противоположных идеологических подходах. С одной стороны, под руководством западной элиты формируется глобализм однополярного мира, насаждающий концепцию устойчивого развития для «золотого миллиарда», основанный на экстенсивном потреблении ресурсов планеты (нередко за счет чужих территорий), жестко подчиняющий сознание и разрушающий базовые ценности остального человечества с помощью элитарно-массовой культуры и глобального финансового капитала, сохраняющий лишь локальные участки социально-экологического рая для собственного проживания. В таком варианте концепция устойчивого развития, приобретает глобально-деструктивный или «глобально-экзистенциальный» (В.В. Мантатов) характер. С другой стороны, набирает обороты протестное движение (т.н. альтерглобализм) стран и народов, отстаивающих свои национальные интересы, свою культурную идентичность, напрямую связывая ее со своей природой (вмещающими ландшафтами, сакральными землями, природными ресурсами), ее охраной и бережным расходом ресурсов; восстановлением баланса отношений в системе «человек – природа» на основе разумных потребностей, согласованных с возможностями природы; становлением справедливых высококультурных отношений в людских сообществах.

Известный философ В.В. Мантатов подчеркивает, что любые вопросы устойчивого развития могут быть эффективно решены только при учете диалектики глобализации и регионализации (т.н. «глокализации») [9]. В своих исследованиях социального развития философ приходит к обоснованию модели ноосферного социализма как национальной идеи российского общества, основанной на концепции устойчивого развития («диалектического реализма») и имеющий своими истоками идеи русских космистов, религиозных философов, революционных демократов, В.И. Вернадского и других русских философов рубежа XIX – XX веков. По утверждению В.В. Мантатова, это «социализм нового образца – социализм научный, экологический и этический. Это общество, которое ориентировано на перспективу, на «детерминацию будущим» (в терминах синергетики), но при этом сохраняет и умножает достижения современного когнитивного капитализма» [9].

И еще один существенный акцент: базой научных поисков должны стать гуманитарные основания, так как «по существу, в основе теории ноосферогенеза лежат новые принципы нравственности, новая система нравов, которая должна быть универсальной для всей планеты, при всем различии цивилизаций населяющих ее народов» [8]. Названные принципы могут быть реализованы на основе так называемого «направляемого развития» общества, когда при все возрастающем технологическом совершенствовании всех областей жизнедеятельности человечества «главные усилия должны быть сосредоточены в гуманитарной сфере: как жить дальше, как переустроить общество, как изменить палитру потребностей, как определить максимально допустимые нагрузки на биосферу и согласовать с ними жизнедеятельность человечества» [10]. Созвучны утверждению Н.Н. Моисеева и идеи В.В. Мантатова, рассматривающего устойчивое развитие как нравственно-историческую задачу, так как: «в глубинных своих истоках устойчивое развитие общества совпадает с духовно-нравственным совершенствованием человека, укорененным в трансцендентных условиях бытия» [11].

Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе развития цивилизации сформировалась целая плеяда отечественных и зарубежных мыслителей, политических и общественных деятелей, обосновывающих единственно-возможный путь современного развития общества – это путь к цивилизации ноосферного типа, способной обеспечить устойчивое развитие человечества в балансе с живой и процветающей природой. Потому что уже, как удивительно точно подметил Н.А. Исаков: «Нам нечего (и теперь уже некогда) делить, кроме наших догм, заблуждений и невежества, которые каждому из нас придется преодолевать и которые не дают постигнуть истину о нас самих, увидеть в себе не физическую смертную личность с гипертрофированным Эго и «всепоедающим» потребитель-

ством, а бессмертных космических существ, со-творцов Вселенной» [12].

Литература

1. Буданов В.Г. Квантово-синергетический подход в антропосфере [Электронный ресурс] // Журнальный клуб Интелрос «Credo New», 2014, №4. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr4-2014/25718-kvantovo-sinergeticheskiy-podhod-v-anthroposphere.html (Дата обращения: 26.08.2015).
2. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Монография – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 240 с.
3. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М.: Изд-во «Пресса», «Вопросы Философии», 1991. – 640 с.
4. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. [Электронный ресурс] // Портал Gumilevica. Гипотезы. Теория. Мирозрение. Опубликовано 30.10.2000. URL 1: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm>; (Дата обращения: 24.01.2015)
5. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами допустимого: глобальная катастрофа или стабильное будущее? [Электронный ресурс] // Новая постиндустриальная волна на Западе. URL: http://iir-mp.narod.ru/books/inomezcev/page_1572.html (Дата обращения: 25.02.2016).
6. Лузгин Б.Н., Барышников Г.Я. Проблемы заповедных территорий в условиях усиливающихся загрязнений // Вестник АНЦ АНВШ. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000, №3. С. 9–16.
7. Урсул А.Д. Философия науки и концепция устойчивого развития [Электронный ресурс] // Сайт электронного научного журнала «Ноосфера. Общество. Человек». URL: noocivil.esrae.ru/pdf/2012/4/961.doc
8. Моисеев Н.Н. Козволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза [Электронный ресурс]. – Сайт АНО "Журнал "Экология и жизнь" / Экология и жизнь. Дискуссионный клуб. 1997, № 2-3. URL 1: <http://www.ecolife.ru/journal/echo/1997-2-1.shtml> (Дата обращения: 27.09.2016).
9. Мантатов В.В. Ключи от глобального кризиса: устойчивое развитие и ноосферный социализм [Электронный ресурс] // URL 2: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-1-57-2011/11632-klyuchi-ot-globalnogo-krizisa-ustojchivoe-razvitie-i-noosfernyj-socializm.html> (Дата обращения: 06.02.2016).
10. Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме козволюции [Электронный ресурс]. – Сайт АНО "Журнал "Экология и жизнь" / Экология и жизнь. Дискуссионный клуб. 1999. № 2. URL 2: <http://www.ecolife.ru/journal/ecap/1998-2-2.shtml> (Дата обращения: 27.09.2016).
11. Мантатов В. В. Теория устойчивого развития: онтология и методология. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский ун-т технологий и управления, 2009. –146 с.
12. Исакаев Н.А. Устойчивое развитие: наука и практика. – М.:ПАЕН, 2008. – 464 с.

УДК 94(57)

© О.Ю. Рандалова
г. Улан-Удэ, Россия
канд. филос. наук, доцент кафедры философии
Бурятский государственный университет
e-mail.ru: oyuna.randalova@gmail.com

Проблема теории фронта в применении к истории Сибири

Аннотация. В работе рассматривается проблема применимости теории фронта в качестве исследовательской парадигмы истории Сибири, утверждается неправомерность исторического параллелизма колонизации американского Запада и Азиатской России. Тернеровский фронт – это теория полностью исключая вторую сторону колониального взаимодействия. Теория фронта, применительно к проблеме создания Российского государства-империи, это теория, оставляющая без внимания роль второй стороны взаимодействия, исторические результаты, последствия «встречи» и синтеза для самого аборигенного населения. Именно за это она была подвергнута опровергающей критике «новых историков Запада» в США. В работе предлагается возможность использования теории общественного синтеза в исследовании межсоциальных взаимодействий в истории Сибири. Под общественно-историческим синтезом понимается процесс взаимодействия каких-либо разнородных социально-экономических или политико-идеологических начал, когда происходит переплетение, слияние, образование некоей внутренне противоречивой целостности. Исследование исторического процесса взаимодействия социальных организмов в Сибири с использованием идеи общественно-исторического синтеза, по нашему мнению, предполагает, что сибирские этносы не только являлись реципиентами достижений русской европейской цивилизации, но отстаивали и обогащали свое автохтонное культурное наследие.

Ключевые слова: теория фронта, колонизация, народы Сибири, теория общественного синтеза, межсоциальные взаимодействия.

© O.Yu. Randalova
Ulan-Ude, Russia
Candidate of Philosophy, Assistant Professor
Department of Philosophy
Buryat State University

The Issue of Frontier Theory Applied to the History of Siberia

Abstract. The paper considers the problem of applicability of the frontier theory as a research paradigm of the history of Siberia. It argues on the illegitimacy of historical parallelism between colonization of the American West and Asian Russia. Turner's frontier is a theory that completely excludes the second side of colonial interaction. When applied to the problem of foundation of the Rus-

sian Empire, frontier theory ignores the role of the second side of interaction, historical results, consequences of the 'encounter' and synthesis for the aboriginal population. That is why it was criticized by the US 'new historians of the West. The paper offers the possibility of using the theory of social synthesis in analyzing intersocial interactions in the history of Siberia. The socio-historical synthesis is understood as an interaction process between any heterogeneous socio-economic or politico-economic basis when there is an interlacing, merging, or formation of some internally contradictory integrity. In our opinion, when applying the idea of socio-historical synthesis, the study on historical processes of interaction of social organisms in Siberia suggests that the Siberian ethnos served not only as recipients of the achievements of the Russian European civilization, but also defended and enriched their autochthonous cultural heritage.

Keywords: frontier theory, colonization, peoples of Siberia, theory of social synthesis, intersocial interactions.

Теория фронта возникла в американской историографии конца XIX века в работах Фредерика Тернера, и была поддержана многими историками США. Суть этой теории заключается в признании линии или области открытой, незанятой и слабозаселенной земли, которая образует внешний край переселенческой волны. Продвигая эту линию, линию встречи дикости и цивилизации, по мнению автора теории, новые американцы в течение ряда веков шли с востока на запад («Запад»), от Атлантического океана до Тихого, осваивая мирным путем новый континент [1, с. 213–214]. Акцент делался именно на идее освоения «практически незаселенных» земель, и преимущественно его мирном характере. Понятие колонизации на американском континенте заменяется понятием фронта – подвижной линией мирного продвижения колонизаторов по новой территории. Идея фронта выступила объясняющим фактором эволюции американской истории. «Американская демократия, «сложная национальность», индивидуализм, физическая и социальная мобильность, по его мнению, напрямую связаны с фронтом» [1, с. 214]. Последователи Ф. Тернера в дальнейших исследованиях развили мысль о «предохранительном клапане» - наличии свободных земель, способствующих сглаживанию социальных противоречий. Нужно отметить, что теория фронта не раз подвергавшаяся критике, состоялась как своего рода парадигма исторического исследования американской истории и пребывала в этом статусе вплоть до 80-х годов прошлого века, когда ее правомерность подверглась серьезному сомнению, если не опровержению со стороны самих же американских историков. Если на родине данной теории от нее практически отказались, или, во всяком случае, не считают ее уже полноценно востребованной методологией исторического процесса, то в нашей отечественной литературе идея была вновь подхвачена как методологический подход для исследования сложного процесса присоединения народов к России. Так авторы академического издания «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI-XX века» осуществили сравнительный анализ истории Америки и истории России в плане исторического параллелизма колонизации американского Запада и Азиатской России. Идея фронта привлекает их тем, что « в соответствии с этим концептуальным методом, ключевым фактором колонизационного процесса является рождение нового общества, образовавшегося в результате синтеза социальной практики колонистов, освоенной ими окружающей среды и аборигенного населения» [1, с. 208]. Авторы монографии правомерно указывают на невозможность прямого переноса данной теории на российскую почву, однако в их интерпретации эта теория концептуально трансформируется, ведь применительно к американской истории не может вестись речь ни о каком синтезе. Тернеровский фронт – это теория полностью исключая вторую сторону колониального взаимодействия. Следует признать, что компаративистская основа методологического использования теории фронта выступает ограничивающим фактором, не позволяющим рассмотреть результаты взаимодействия как целостное явление. Теория фронта – это только частный случай более широкой, системной теории – теории империализма, колониализма. Ее «достоинство» только в том, что она определяет и оправдывает менталитет колониально господствующей американской нации, типологически ориентирует ее сознание на будущее освоение незанятых земель, богатств» на Ближнем Востоке, Азии, даже Сибири (вспомним Мадлен Олбрайт). Ее недостаток в том, что собранные по ее методу факты не могут служить обоснованием исследования исторического процесса, потому что предполагают несколько одностороннюю интерпретацию. Теория фронта, применительно к проблеме создания Российского государства-империи, это теория, оставляющая без внимания роль второй стороны взаимодействия, исторические результаты, последствия встречи и синтеза для самого аборигенного населения. Именно, в основном за это она была подвергнута опровергающей критике «новых историков Запада» в США. Однако, авторам академического исследования удалось преодолеть недостатки оригинальной концепции. Работа ценна тем, что обращает внимание на сложный и неоднозначный процесс складывания «Азиатской России».

Еще одна идея, связанная с теорией фронта, то, что синтез, европейского центра России с ее суровой азиатской периферией поднял Россию вровень с США, как могущественной державой XX века. Это неверно по большому историческому счету. Россия в течение многих веков развивалась, имея в своем составе Сибирь, но только благодаря крупнейшему социальному перевороту, строительству

нового общественного строя и победы в Великой Отечественной войне во второй половине XX века стала второй могущественной державой мира наряду с Соединенными штатами Америки.

На наш взгляд, при исследовании истории присоединения, колонизации, в частности, Сибири плодотворной могла бы быть именно концепция синтеза, которую развивали отечественные исследователи стран колониального Востока. В центре концепции общественного синтеза, предложенной Н.Я.Симонией и Л.И.Рейснером, рассматривалась ситуация наложения разнородных структур, стадийно различных в результате процесса взаимного влияния Запада и Востока [3]. Причем синтез в данном понимании имеет динамичный характер, как движение на более высокий уровень. Под общественно-историческим синтезом понимается процесс взаимодействия каких-либо разнородных социально-экономических или политико-идеологических начал, когда происходит переплетение, слияние, образование некоей внутренне противоречивой целостности. Синтез представляет собой и процесс и его конкретные результаты. Общественный синтез может возникать, как в ходе естественного саморазвития общества (эндогенный синтез), так и в результате воздействия на общество извне. В том или ином виде общественный синтез присутствует или присутствовал в любом процессе исторического развития [2]. Это, прежде всего формационный синтез, именно в рамках формационной теории развивалась идея общественного синтеза. Методология общественного синтеза органично сочетается со всеми тремя основными направлениями современного обществоведения: формационный (межформационный синтез), цивилизационный (межцивилизационный синтез) подходы, не будет противоречивой идеей синтеза и мир-системному анализу (отношения «ядро» - «периферия» применительно к экзогенному синтезу). Взаимодействие со своей метрополией этих социумов, находящихся на разных уровнях стадийного развития можно рассматривать в разных аспектах: экономическом, политическом, культурном, цивилизационном. Межсоциумные взаимодействия в евразийском пространстве это и межэтнические и кросскультурные взаимодействия, но немаловажным фактором является и разноразноуровневость исторического развития.

Исследование исторического процесса взаимодействия социальных организмов в Сибири с использованием идеи общественно-исторического синтеза, по нашему мнению, позволит дополнить как саму методологию общественного синтеза новым локальным вариантом исследования, так и внести новый элемент в философско-исторический анализ развития данного региона. Межсоциумные взаимодействия в истории Сибири включают такие процессы как восприятие и освоение народами азиатской России элементов европейской, русской культуры. Сибирские этносы не только являлись реципиентами достижений русской европейской цивилизации, но отстаивали и обогащали свое автохтонное культурное наследие. В течение всего XX столетия, особенно в советскую эпоху происходило взаимодействие, взаимовлияние русской, европейской культуры и культур народов Сибири.

Литература

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI-XX века. – Москва: Наука, 2004. – 600 с.
2. Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. – Москва: Наука, 1999. – 331 с.
3. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. Москва: Наука, 1984. – 578 с.

УДК 14:61

© Э.Ч. Дарибазарон
Улан – Удэ, Россия

д-р филос.наук, профессор кафедры философии, истории и культурологии,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
e-mail: aryadar@mail.ru

Человек и универсум в контексте принципа взаимодополнительности

Аннотация. Современное развитие человека, полагающее универсализацию всех компонентов способа его бытия, а стало быть, всех измерений его здоровья, требует вовлечения Космоса, космической природы в сферу предметной деятельности, и, следовательно, сама космическая деятельность находит свое выражение в глубинных процессах, наполняющих не только и не столько социально-экономические и производственные, сколько духовные сферы человеческого существования. Медицина сегодняшнего времени преодолевает классическую парадигму как единственно возможную, согласно которой основное внимание уделяют болезни, а не здоровью. В парадигмальных рамках классической медицины люди искали причины своих заболеваний не в отклонении от видовых норм жизни, не в утрате гармонии с природой, а в неких самопроизвольно возникающих нарушениях в деятельности внутренних органов и сами же эти болезни рассматривали как их «поломку». Упрощенный взгляд на человеческие недуги породил веру в возможность «отремонтировать» каждый орган. Эта ошибочная позиция привела к неверной европейской концепции медицины, не видящей человеческий организм как целое, не имеющей критериев здорового человека и даже наносящей вред человеческому организму (например, через такие теории, как теория калорийности пищи).

Ключевые слова: медицина, целостность, Космос, сознание, человек, дополнительность, парадигма.

Human and the Universe in the Context of Principle of Complementarity

© E.Ch. Daribazaron

Ulan-Ude, Russia

Doctor of Philosophy, Professor

Department of Philosophy, History and Culturology

East-Siberian State University of Technology and Management

Abstract. Modern human development that believes the universalization of all components to be the way of their being, and hence each dimension of health, requires involvement of the Cosmos, nature space within the scope of its substantive work, and therefore, the space activities is reflected in the underlying processes, filling not only socio-economic and productive, but also spiritual spheres of human existence. Medicine now overcomes the classical paradigm as the only possible according to which main focus was on disease rather than health. In paradigmatic framework of classical medicine people searched for the causes of their disease not a deviation from the generic rules of life, not a loss of harmony with nature, but in some spontaneously arising irregularities in the activity of internal organs and these diseases considered as their 'damage'. A simplified look at human ills engendered faith in the possibility to 'repair' every body. This travesty has led to incorrect European concepts of medicine that sees the human body as a whole, not in the criteria of a healthy person and even harmful to the human body (for example, through such a theory as the theory of caloric intake).

Keywords: medicine, integrity, Cosmos, consciousness, man, subsidiarity, paradigm

Современная цивилизация развивается и функционирует в особую историческую эпоху, общекультурный смысл которой определяется включенностью в решение проблемы выбора жизненных стратегий человечества, поиска им нового метафизического контекста бытия. Весь XX в., по мнению М. Хайдеггера, был эпохой неподлинного бытия («забвения бытия»). Между тем вопрос о подлинном бытии наиболее остро стоит перед человеком в кризисные времена. Основываясь на мировоззренческой парадигме Нового времени, люди, по сути, «отказались» от бытия, ушли в мир приобретения, обладания, в то время как сущностное измерение человека - «быть», а не «иметь». Парадигма обладания, покорения природы и привела к системному кризису, в том числе антропологическому, означающему тот факт, что человек становится другим [1], другим становится его сознание, мировоззрение.

Бытие человека связано с его здоровьем, имеющим, по крайней мере, три аспекта, напрямую связанных с его экологией в нынешнюю эпоху. Это, прежде всего физическое здоровье. Во-вторых, это психическое здоровье. Наконец, это здоровье духовное, под которым имеются в виду отсутствие эгоизма, терпимость, стремление к единению с природой, к вселенской любви. Можно сказать, что духовное здоровье - это гармония между отдельным человеком и Космосом, Универсумом. В неразрывной связи с духовным находится психическое здоровье, т.е. гармоничное сочетание сознательного и подсознательного, которое и обеспечивает устойчивость человеческого организма и унаследованных им видовых механизмов приспособления к среде. Физическое здоровье - это интегральный показатель, он труднее всего поддается изучению. Сегодня необходимо возродить личную ответственность каждого за сохранность собственного здоровья, а также переориентировать науку на изучение законов природы, обеспечивающих развитие системы «природа - человек». Чтобы устранить причины массовых хронических заболеваний, отрицательно влияющих на генофонд народа, необходимо обогатить общественную мысль, современную медицину идеями В.И. Вернадского, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, А.Л. Чижевского, А.М. Уголева, И.Л. Герловина и многих других, обосновавших необходимость соблюдать мудрые законы Природы. Необходимо также возродить на новой качественной основе идеи древних мыслителей Востока, которые утверждали единство человека и космоса.

Неразделимость человека и Универсума, влияние Космоса на здоровье человека - неотъемлемая черта восточной медицины. В соответствии с принципом единства микрокосма и макрокосма индо-тибетская медицина, например, признает влияние «космических сил» на тело, ум и сознание человека. Ценность индо-тибетской медицины заключается в том, что она дает оригинальное целостно-экологическое видение проблемы человека, раскрывает синергетический механизм его самоисцеления. Индо-тибетская медицина рассматривает организм человека, во-первых, как самоорганизующуюся и самоподдерживающуюся систему, обеспечиваемую внутренней жизненной энергией. Во-вторых, рассматривает организм человека как целостную систему, как гармоничное единство трех функциональных систем («ветер», «желчь», «слизь»). Все части и элементы организма человека взаимосвязаны, и связь между ними осуществляется бесчисленным множеством каналов - пульсаций. Характерно, что сочинения по индо-тибетской медицине называются тантрами (санскритский корень этого слова означает «ткать»). Само название указывает на взаимопереплетенность всех элементов в организме. В-третьих, рассматривает организм человека как открытую систему, находящуюся в непрерывном и постоянном взаимодействии с окружающей средой.

Индо-тибетская медицина представляет собой холистическую систему медицины, основанную на мировоззренческих принципах буддизма. Таинственная сила и эффективность этой медицинской системы непо-

средственно связаны с ее исходными философскими принципами. Имеются в виду такие метафизические буддийские основоположения, как идеи единства энергии и материи, принцип взаимопроникновения и единства всего сущего. Следует подчеркнуть, что в этом отношении теоретико-методологические императивы индо-тибетской медицины конгениальны с открытиями естественных наук, в особенности современной физики. Исследование оснований индо-тибетской медицины свидетельствует об эвристической ценности буддийской методологии [2]. Но не только восточная, но и западная медицина сейчас вплотную подошла к манифестации единства человека и космоса, влияния последнего на его здоровье. Космическая антропология и космическая экология исследуют здоровье человека во взаимодействии его с окружающей средой в планетарно-космических масштабах. В рамках указанных научных направлений системно исследуются проблемы здоровья настоящего и будущего поколений людей с учетом всего комплекса локальных, региональных, планетарных и космических факторов. Стержневым аспектом обоих направлений является медико-биологический, достаточно широко представленный в литературе. Значительное место в ней занимают, например, проблемы хронобиологии и хрономедицины, представляющие не только научно-медицинский, но и философско-мировоззренческий интерес. Хронобиология, как известно, занимает особое место в системе современных медико-биологических исследований, поскольку она, так или иначе, вскрывает суть экологической, антропокосмической ситуации, а именно: непосредственную зависимость здоровья и нормальной жизнедеятельности людей от ритмов Космоса. Исследуя эту зависимость, ученые обращаются к одному из главных положений антропокосмизма - детерминированности принципиальных параметров ритма жизненных процессов от соответствующих природно-космических циклов. Эта мысль нашла в свое время обоснование не только в восточной, в частности - буддийской философии и медицине, но и в трудах русских космистов, особенно в работах Н.Г. Холодного (который, собственно, и ввел термин «антропокосмизм»), А.Л. Чижевского и В.И. Вернадского. Эти выдающиеся ученые впервые высказали идею о тесной зависимости биосферных явлений от космических факторов, в том числе и от электромагнитных солнечных полей.

А.Л. Чижевский, являясь основателем гелиобиологии, обобщил и математически обработал громадное количество фактов и сделал поразительные открытия. Он доказал, в частности, что для органического мира Земли существенна не только постоянно излучаемая Солнцем энергия, но и периодически возникающие изменения солнечной активности. Его исследования раскрывают постоянные действующие связи биосферы с космическими факторами, расширяют представления об условиях существования жизни на Земле: в понятие «внешней Среды» было включено и космическое пространство, прежде всего, солнечно-земные связи. В исследованиях А.Л. Чижевского тесно связанными оказались биология, физиология, медицина, геофизика, метеорология и астрономия.

Современные успехи в познании, как человеческого организма, так и информационной реальности, позволяют на новом уровне говорить об энергоинформационном единстве Человека и Универсума. Парадокс всякого организма состоит, с одной стороны, в его единстве с матерью-природой, а с другой - в удивительной цельности и автономности его самого. Находясь в гармонии с окружающей средой благодаря метаболизму, он максимально открыт для нее благодаря многочисленным и тонко устроенным органам ощущений и обмена. Это означает, что видимое внутреннее нагромождение деталей любого организма, начиная с живой клетки, есть всего лишь адекватное отображение и повторение сложности самой породившей его «экоплазмы», с которой он неразрывно слит, являясь, таким образом, ее неотъемлемой частью. Причем такой частью, которая тождественна целому. Исследования в области информатиологии, медицины, философии и методологии науки свидетельствуют, что всякий живой организм, видимо, воплощает не только свою собственную автономность, но и ЦЕЛЬНОСТЬ всего бытия.

Высокие возможности системы естественного оздоровления неопровержимы. Здоровье - это гармоничный баланс «витальных» информационно-энергетических систем, нашего тела и природно-космических сил. Классическая медицина исходила из того, что конкретному заболеванию всегда искала определенные симптомы, которые достаточно легко обнаружить. Однако изучение более глубоких уровней и аспектов здоровья - намного сложнее и требует более тонкого подхода. Современная медицина, объединяя аналитическую мощь западной и синтетическую эвристичность восточной медицины, дает нам возможность рассматривать человека как континуум взаимопроникающих энерго-информационных полей. Согласно принципам современной медицины человек, представляя собой нечто большее, чем совокупность химических соединений, зависит от «жизненной силы Космоса» (кит. аналог - ЦИ, инд. - ПРАНА), определяющей его целостность и жизнеспособность как синергетической открытой системы.

Таким образом, как теоретический, так и практический синтез восточной и западной парадигм предполагает единство бытия как неразрывность материи и сознания. Подобное единство проявляется на уровне человеческого организма как единство тела и духа (разума). Чтобы понять связь тела и разума, мы должны в первую очередь уяснить, что тело и разум - это единое целое, недифференцированная цельность. Целост-

ность нашего организма определяют энергоинформационные потоки, которые непрерывно сообщаются и перетекают друг в друга, зависят от наших мыслей, чувств и физиологических функций различных частей нашего организма. Образно выражаясь, можно сказать: наши тела - это «реки» интеллекта, информации и энергии, постоянно самообновляющиеся, причем в каждый момент своего существования. Выходит, что тело - не столько «вещь», сколько процесс. Подобный взгляд аналогичен принципам традиционной индийской медицины, согласно которым человеческое тело определяется как колебания некой энергии. Попытки построения научной картины мира на основе единства сознания и материи предпринимаются сейчас не только в рамках метафизики, но и современной науки. Так, известны высказывания физиков по поводу взаимодополнительности материального и духовного начал в мироздании. Более того, сейчас речь идет уже о включении сознания исследователя в структуру знания об объекте, что происходит при попытках построения общей физической теории. Можно сослаться на обобщающую статью А.Е. Акимова и Ю.П. Карпенко, где обсуждаются проблемы включения сознания в физику, как на основе стандартных представлений, так и на основе квантово-механического подхода и на принципах новой физической парадигмы [3]. Проведенный авторами анализ приводит к выводу о том, что современная физика позволяет не только на строгом фундаментальном уровне решать задачу Единой теории поля, но и на основе ясных физических принципов включить в физику Сознание.

Мысли о необходимости включения сознания в построение общей физической теории хотя и высказываются отдельными учеными, но остаются пока маргинальными для науки в целом. Принятые в научном сообществе критерии рациональности не так быстро поддаются кардинальной ломке. При этом ростки нового мировоззрения, которые пробиваются в современном физическом, психологическом и медицинском знании, могут явиться основой для пересмотра критериев научности знания.

На рубеже XXI столетия можно говорить не только об углублении наметившихся тенденций в науке и ее основаниях, но и о формировании новых мировоззренческих установок. Основу этого формирующегося мировоззрения составляют разработки новейшей физики, глубинной психологии и медицины, которые отражают сближение позиций рационального западного мышления с установками восточной философии и медицины. Главной чертой нового мировоззрения, определяющей его другие характеристики, является представление единства мира, в котором каждый элемент равен по значимости остальным элементам, и человек является одним из множества элементов этого единства.

Медицина конца XX в., осуществляя переход от классического мировоззрения к современному, изменяет свой облик, формируя одновременно новый метафизический фундамент в лице холистического миропонимания: она подходит к формированию целостного представления о бытии человека, его здоровья, предполагающего неразрывное единство тела и духа. Эта модель конгениальна целостному мировоззрению [4], преодолевающему приоритет материального и восстанавливающему паритет материального и духовного начал в человеке. Парадигма целостного мировоззрения — это парадигма, теоретическим ядром которой является не материализм или идеализм, а «системная» философия, где субстанцией являются отношение «материя - сознание», становящееся бытие как процесс онтологизации духа или раскрытия духовности материи в ее «достраивании» в соответствии с Разумом, Сознанием. Согласно парадигме целостного мировоззрения, являющейся современной и актуальной мировоззренческой парадигмой, человек стремится «лепить себя по образу и подобию мира», не перестраивая его, а встраивая себя в упорядоченное мироздание. Отсюда следует одно существенное положение, сутью которого является естественная тяга к стремлению отыскать сквозные, универсальные, общие для мира духа и мира материи закономерности развития как закономерности мироупорядочения, самоорганизации, что и осуществляет синергетика, являясь естественнонаучным фундаментом целостного мировоззрения [5]. В рамках целостного мировоззрения его партикулярные формы, преодолевая свой партикуляризм, не трансформируются при этом в банальный дуализм, а становятся взаимодополнительными (в смысле Н. Бора) сторонами единого мировоззрения.

Целостное мировоззрение соответствует сложности и цельности бытия, характеризующегося не только «физическими параметрами отдельных материальных объектов, но и «информационным каркасом» бытия, воплощенным в бесчисленные скрытые взаимодействия всего со всем, когда каждая отдельность служит одновременно и неразрывной частью целого, отражая его разом более или менее четко подобно осколку голубинки» [6].

Можно считать, что современная наука, опирающаяся на концептуальный базис синергетики и информатиологии, подводит соответствующий фундамент под высказывания древних мудрецов Востока о том, что человек лучше всего познает мир, странствуя в беспредельном мире своего сознания. Древнекитайский мыслитель Лао-Цзы говорил: «Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть Дао». Это, в известной мере, обосновывает гипотезу объяснения трансперсонального опыта, экстаза, творческого вдохновения, медитации и так называемых парапсихологических феноменов.

Адекватным метафизическим контекстом бытия человека и современной медицины является мировоззрение, определяющей чертой которого является диалог, взаимодополнительность различных парадигм и подходов в рамках объединяющей парадигмы, где нет непримиримой борьбы двух начал - материи и духа - с предполагаемой и даже неизбежной победой одного из них и поражением другого. В этом смысле современная медицина объединяет ранее несовместимые модели западной и восточной медицины, которым соответствовали материалистические и идеалистические парадигмальные контексты, обосновывающие каждую из них.

Целостное мировоззрение разрушает антропоцентрическое мирозерцание, освобождая место антропокосмизму. Антропокосмизм - как новая форма космизма - представляет собой структурообразующий принцип новой системы научного мировоззрения, новой научной картины мира, в которой космическая точка зрения на человека находит свою наиболее адекватную реализацию. В антропокосмизме самое существенное - определить место человека в природе в свете взаимоотношений его с Космосом на основе естественно-научных знаний и философского осмысления. В широком плане можно говорить об изучении экологии человека, а имея в виду закономерности взаимодействия человека и общества с окружающей средой, включающей и мировое пространство, Космос, - о «космической антропоэкологии», исследования которой тесно связаны с изучением антропного космологического принципа, имеющего огромное не только научное, но и мировоззренческое значение. В рамках целостного мировоззрения идея взаимосвязи человека и космоса получает более полное развитие: человек, представляя одну из органических частей мира, духовно возвышая свои потребности, гармонично вписывается в космосоциогенез, обеспечивая тем самым свое устойчивое развитие. Основываясь на целостном мировоззрении, человек может найти ключ к своему подлинному бытию и действительному духовно-нравственному и физическому здоровью как проявлениям двух важнейших ипостасей единого Здоровья. Об этом говорили не только русские космисты, но еще и древние мыслители Востока.

Таким образом, метафизическим контекстом решения бытийных проблем человека, его здоровья, условием становления современной медицины является целостное мировоззрение, снимающее противопоставленность духовного и материального в рамках парадигмальной субстанции - процесса взаимопроникновения материального и духовного, своеобразной онтологизации духа.

Литература

1. Петров В.И., Седова Н.Н. Антропологический кризис в зеркале медицины // Человек в современных философских концепциях. Волгоград, 1998. – С. 36–41.
2. Гундаров И.А. Парадоксы российских реформ. Уроки исторического идеализма. М., 1997. С. 34 – 42.
3. Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. Экологическая этика: буддизм и современность. Улан-Удэ, 1997. С. 116– 128.
4. Акимов А. Е., Карпенко Ю.П. Место сознания в системе научного знания // Сознание и физическая реальность. 1999. Т. 4, № 5. С. 24 – 35.
5. Балханов В.А. Синергетика и целостное мировоззрение // Вестник Бурятского университета. Сер.: Философия. 1999. Вып. 3. С. 21– 35.
6. Силин А.А. Творение нового как переход от возможного к действительному // Философские науки. 1999. № 3– 4. С. 89– 97.

УДК 316.4

© З.А. Данилова
г. Улан-Удэ, Россия
д-р социол. наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
Байкальский институт природопользования СО РАН
e-mail: ziha@mail.ru

© Б.Б. Данилов
г. Москва, Россия
аспирант департамента финансовых рынков и банков
Финансовый университет
e-mail: bulat@mail.ru

Человеческий потенциал региона

Аннотация. В статье даны некоторые результаты оценки развития человеческого потенциала (ЧП) в регионе; выявлена динамика совокупного индекса человеческого развития в сравнении с регионами РФ и миром в целом; представлены тенденции, структура изменения индексов развития ЧП. Новизна: систематизированы и обобщены основные показатели оценки человеческого развития, представлен анализ развития физического, трудового, интеллектуального потенциала с введением в научный оборот новых эмпирических данных. Оценка развития ЧП в регионе рассматривалась по методике, разработанной ООН, в которой представлены основные показатели развития человеческого потенциала. Данные показатели возможно рассматривать и как ресурсы. Регион традиционно отстает от страны по совокупному индексу человеческого развития, однако

происходит некоторое нивелирование этого индекса за счет достаточно высоких показателей интеллектуального потенциала. Отмечаются противоречия между базовым (накопленный) и деятельностным (реализуемый) уровнем развития человеческого потенциала, которые будут нарастать при прежних темпах социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: человеческий потенциал, развитие, регион, индексы, рейтинг, оценка, ресурсы.

Human Potential of the Region

© Z.A. Danilova
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Sociology, Professor,
Leading Researcher,
Baikal Institute of Nature Management SB RAS

B.B. Danilov
Moscow, Russia
Graduate student
Department of financial markets and banks
Financial university

Abstract. The paper presents results of the evaluation of human development (HD) in the region. It also presents the dynamics of the aggregate index of human development in comparison with the regions of the Russian Federation and the world. It demonstrates trends and the structure of changes in the indices of the development of HD. The paper systematized and summarized basic indicators of the evaluation of human development. It analyses the development of physical, labor, and intellectual potential with the implementation of new empirical data into the scientific circulation. The evaluation of the development of human potential in the region was considered according to the methodology developed by the UN that presents the main indicators of human development. These indicators can also be considered as resources. The region traditionally falls behind the country in terms of the aggregate human development index, however there is some leveling of this index due to sufficiently high indicators of intellectual potential. There are contradictions between the basic (accumulated) and actionable (realized) level of human potential development, which would increase at the later rates of social and economic development of the region.

Keywords: human potential, development, region, indices, rating, evaluation, resources.

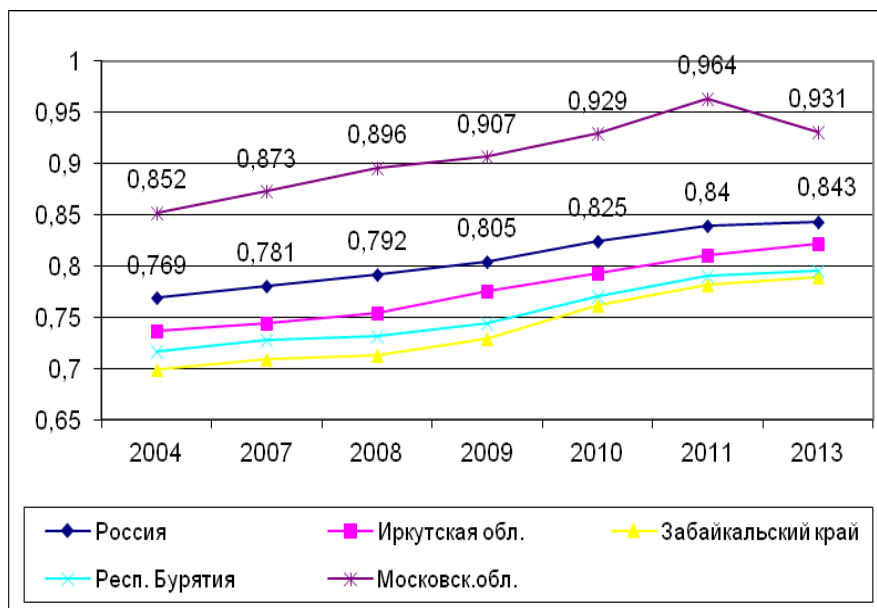
В настоящее время отмечается противоречивость в методологическом и концептуальном обосновании понятия «человеческий капитал», уточняется система показателей оценки качества человеческого капитала, разрабатываются теоретико-методологические основы стратегии развития человеческого потенциала (ЧП). В экономическом контексте человеческий потенциал представляет собой обобщенную, собирательную характеристику человеческих ресурсов, имеющих двойственную природу – социальную и материальную. Вследствие неразвитости институциональной среды, структурных и территориальных диспропорций рынка труда, слабой мотивации между накопленным и реализуемым уровнем человеческого потенциала возникают противоречия, которые приводят к снижению эффективности общественного производства.

Результаты

1. Определены *тенденции в развитии человеческого потенциала*. На мировом уровне РФ, в том числе Бурятия, входят в группу с высокой степенью развития человеческого потенциала. Отмечается отставание региона от РФ по совокупному индексу развития человеческого потенциала. По показателям ВРП на душу населения, продолжительности жизни и индексу долголетия регион традиционно занимает предпоследние места в РФ. В то же время здесь сохраняется высокий уровень развития интеллектуального потенциала, о чем свидетельствуют показатели индекса образования взрослого населения, совокупный валовый коэффициент охвата населения средним и высшим образованием. В условиях демографического кризиса в регионе ощущается дефицит трудового потенциала вследствие снижения уровня воспроизводства населения, его высокой смертности в трудоспособном возрасте, эмиграции.

2. Отражена динамика *совокупного индекса человеческого развития*, определен рейтинг региона по данному индексу. Республика Бурятия занимает по индексу человеческого развития предпоследние места, находится в группе двадцати отстающих регионов. В 2013 г. по индексу человеческого развития Бурятия находилась на 69 месте из 80 мест в рейтинге регионов РФ. Ниже РБ показатели человеческого развития имеют регионы Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Забайкальский край и замыкает рейтинг Республика Тыва (80 место). Регион значительно отстает по данному индексу от г. Москва, имеющего наиболее высокие показатели ЧР, а также от страны в целом и соседней Иркутской области. С годами отмечается некоторый рост ИЧР (Рис.1), обусловленный повышением индексов дохода и образования. Среди стран мира Россия, в том числе Бурятия, входят в группу с высоким индексом человеческого развития (от 0,786 до 0,700). В группе стран с очень высоким уровнем ИЧР в 2013 г. лидирует Норвегия (0,944), очень низким – Бурунди (0,389).

Рис. 1. Динамика совокупного индекса развития человеческого потенциала РБ в сравнении с регионами РФ

Источник: данные Росстат

3. При анализе динамики *физического потенциала* региона выявлено заметное его отставание от среднероссийских показателей. Индекс долголетия за последние 13 лет остается практически на одном и том же уровне и колеблется в пределах 0,93 - 0,95 от среднероссийского индекса. Средняя продолжительность жизни с годами возрастает. Однако данный показатель в регионе отстает от уровня РФ приблизительно на 2,5 лет [Табл.2]. Заметное отставание от среднероссийских показателей наблюдается в 2004-2005 гг., преимущественно за счет высокого уровня смертности, снижения уровня воспроизводства населения. Позитивная динамика индекса продолжительности жизни наблюдается с 2006 г. , когда начался естественный прирост населения региона, в целом по стране он отмечается с 2013 г. [1].

4. Установлено, что условия для воспроизводства *трудового потенциала* в регионе неблагоприятные, его сокращение происходит за счет смертности населения в трудоспособном возрасте, безработицы, эмиграции высококвалифицированных специалистов, особенно молодого возраста. Показатели динамики развития трудового потенциала региона по отношению к среднему по РФ значительно ниже, за исключением доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Уровень зарегистрированной безработицы с годами снижается, однако, по сравнению с РФ, остается высоким. Остается высокой скрытая незанятость населения. Выявлена гендерная сегрегация трудового потенциала. В 2014 г. гендерный разрыв в заработной плате в пользу мужской рабочей силы составлял 26,3%. Данный показатель несколько выше в регионе, чем в целом по РФ и миру. При выполнении одной и той же работы во всем мире женщины зарабатывают на 24% меньше мужчин [2, с. 13]. Разрыв в оплате труда наиболее значителен среди высокооплачиваемых категорий специалистов.

5. На основе расчетов индексов достигнутого уровня образования, грамотности взрослого населения, исследования научных и инновационных компонентов дана оценка *интеллектуального потенциала*, изучены риски его развития в регионе. В республике отмечается выше среднего по РФ индекс образования взрослого населения, совокупный валовый коэффициент охвата населения средним и высшим образованием (Табл.1). В то же время наблюдается снижение качества и уровня образовательного потенциала, сохраняется дисбаланс в подготовке специалистов (гуманитарный, экономический уклон), отток высококвалифицированных кадров, недостаточное финансирование научно-исследовательской работы, использование инновационной продукции, передовых производственных технологий. Отмечается изменение структуры кадрового состава в сфере науки и образования (гендерный и возрастной дисбаланс).

Таблица 1. Индекс человеческого развития РБ в сравнении с регионами РФ, 2014 г.

РФ, регионы	Душевой ВВП долл.ППС	Индекс дохода	Ожидаемая продолж. жизни, лет	Доля учащихся 7-24 лет	Индекс образования	ИЧР 2014	Рейтинг
Россия	25365	0,924	70,9	0,806	0,933	,874	0
г.Москва	47188	1,000	76,7	0,927	0,975	,946	0 1
г.Санкт-Петербург	30344	0,954	74,6	0,955	0,984	,921	0 2
Тюменская область	80566	1,00	71,5	0,812	0,935	,903	0 3
Иркутская область	25601	0,926	66,9	0,856	0,949	,858	0 27-28
Республика Бурятия	12113	0,801	68,5	0,859	0,950	,825	0 71
Забайкальский край	14536	0,831	67,3	0,787	0,926	,821	0 72

Источник [3, с.285-287; 4, с.69-70]

В регионе отмечается достаточно высокий базовый человеческий потенциал, но отсутствуют условия для его эффективного применения. В будущем при условии стагнации региональной экономики, сокращения сфер применения занятости населения, прежней политики подготовки кадров, не ориентированной на запросы местного рынка труда и др. противоречия между базовым и деятельностным человеческим потенциалом будут сохраняться. Степень реализации ЧП, особенно высококвалифицированного, продолжительное время будет оставаться низкой из-за недостаточного развития высокотехнологичных секторов экономики с высокодоходными рабочими местами. Из-за отсутствия последних высококвалифицированные специалисты вынуждены мигрировать в развитые в технологическом отношении регионы и зарубежные страны.

Литература

1. См. подробно: Данилова З.А. Социальные риски в Байкальской Азии. / Проблемы прогнозирования. М., 2015, №1 С.119–128.
2. Доклад о человеческом развитии. Труд во имя человеческого развития. - Нью-Йорк: ПРООН, 2015.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. - М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 298 с.
4. Статистический ежегодник. Улан-Удэ: Бурятстат, 2016.

УДК 947.088

© М.М.Боронова
г. Улан-Удэ, Россия
д-р ист. наук, профессор кафедры истории Бурятии,
Бурятский государственный университет
e-mail: mboronova@yandex.ru

Проблемы регионального развития в условиях постсоветских трансформаций (на материале Республики Бурятия)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы усиления территориальной асимметрии регионов России в постсоветский период на примере Республики Бурятия. Автор отмечает, что после распада СССР усилился разрыв в уровне социально-экономического развития европейской и азиатской частей России. Восточные регионы стали стремительно терять завоеванные в советский период позиции, усилилась их экономическая деградация и, как следствие, снижался демографический потенциал этих территорий. Сложившаяся в советский период структура экономики не позволяла этим регионам быстро адаптироваться к условиям рыночного хозяйства. В условиях постсоветских трансформаций большинство предприятий в Республике Бурятия закрылись, что негативно отразилось на общей социально-экономической ситуации в регионе. Закономерным следствием ухудшения экономической ситуации стала внешняя миграция населения. Отток населения сокращает часть естественного прироста и обостряет проблему качества трудовых ресурсов в регионе, так как уезжает в основном наиболее образованная и квалифицированная часть населения. Наблюдающаяся тенденция сокращения абсолютной численности населения в северных и восточных регионах страны представляет, по мнению автора, реальную угрозу геополитическим интересам России в Азии и требует активного вмешательства государства в происходящие процессы.

Ключевые слова: экономика, трансформация, рынок, асимметрия, население, регион, миграция.

Issues of Regional Development in the Context of Post-soviet Transformations (the Case of the Republic of Buryatiya)

© M. M. Boronova
Ulan-Ude, Russia
Doctor of History, Professor
Department of History of Buryatia
Buryat State University

Abstract. The paper discusses the issues of strengthening of territorial asymmetry of the Russian regions in the post-Soviet period drawing on the case of Buryat Republic. The author notes that after the collapse of the Soviet Union a development gap between the European and Asian parts of Russia have increased. The Eastern regions began to rapidly lose their positions achieved in the Soviet period. Economic degradation had increased and, consequently, demographic potential of these regions had reduced. The structure of their economy formed in the Soviet period did not allow these regions quickly adapt to the market economy. After the collapse of the USSR, the majority of enterprises in the Republic of Buryatiya were closed. That had a negative impact on the socio-economic situation in the region. External migration of the population was a natural consequence of the deteriorating economic situation. The outflow of the population reduces natural growth and complicates the problem of labour resources in the region, since for mainly the most educated and qualified part of the population is leaving. Reduction of the absolute population in the Northern and Eastern regions of the country is, in the author's opinion, a real threat to Russia's geopolitical interests in Asia, which requires active state intervention in the processes.

Keywords: economy, transformation, market, asymmetry, population, region, migration.

Геополитическая катастрофа – распад СССР в 1991 г. – стал отправной точкой процесса общественной трансформации постсоветской России, который продолжается уже более четверти века и имеет весьма неоднозначные последствия, как для отдельных территорий, так и для страны в целом. Разрушение единого экономического пространства, попытки войти в рынок с помощью «шоковой терапии» привели к значительным изменениям на всем постсоветском пространстве. В числе этих перемен следует отметить нарастание территориальной асимметрии в уровне экономического и социального развития европейской и азиатской части России.

Известно, что в социально-экономическом развитии европейской и азиатской частей России исторически существовали диспропорции, и территориальная асимметрия, столь характерная для царского периода, продолжала существовать и в советский период. Более густонаселенная и хорошо освоенная в хозяйственном отношении европейская часть, долгое время являлась главным локомотивом экономического развития страны. Азиатская же часть России традиционно отставала по основным параметрам хозяйственного развития и нуждалась в более пристальном внимании со стороны центра.

Значительный хозяйственный прорыв в освоении территории к востоку от Урала произошел в советский период после открытия месторождений нефти, газа и других природных ископаемых. С этого времени началось форсированное наращивание промышленного потенциала Сибири и Дальнего востока. До начала перестройки восточные регионы сумели сделать существенный шаг вперед в промышленном развитии и вошли в число развитых экономических районов страны. Так, в середине 1970-х гг. общий объем производства в Сибири превысил суммарный выпуск продукции в Казахстане и республиках Средней Азии. По величине душевого производства национального дохода в 1975 г. Сибирь примерно на 16% превосходила среднесоюзный уровень [1, с. 130].

Однако в постсоветский период восточные регионы страны стали стремительно терять завоеванные позиции, усилилась их экономическая деградация и, как следствие, снижался демографический потенциал этих территорий. Наглядным примером может служить Республика Бурятия. С распадом единого государства резко замедлился темп социально-экономического развития региона. Разрыв сложившихся за десятилетия советского развития производственных связей, потеря традиционных хозяйственных партнеров крайне негативно отразились на экономической и социальной ситуации в республике. В 1990-2000-х годах один за другим закрывались промышленные объекты, игравшие ключевую роль в экономике республики. Одним из первых закрылся Улан-Удэнский стекольный завод, не выдержали экономической разрухи Джидакомбинат, Тонкосуконный комбинат, завод Электромашина, Теплоприбор и другие производства.

Сложившаяся в предшествующие десятилетия структура промышленного производства не позволяла республике, как и многим другим регионам на востоке страны, быстро адаптироваться к новым условиям рыночной экономики. После закрытия большинства бывших советских государственных предприятий на их месте, к сожалению, так и не появились новые инвесторы, заинтересованные в развитии местного производства. Структура региональной экономики деградировала и фактически была отброшена на десятилетия назад.

Нельзя сказать, что местные власти не пытаются решить проблему возрождения реального сектора

экономики. Одной из таких идей стала попытка создания промышленного парка Бурятии, где при активной поддержке государства реализуются перспективные идеи по развитию местного производства. К числу таких направлений относится наращивание выпуска трикотажных изделий, возрождение производства местной алкогольной продукции, производство собственной шерсти, тротуарной плитки, ПВХ-труб и другой продукции [2, с. 15]. Однако на сегодняшний день эта идея еще не получила практического воплощения в жизнь и для ее реализации еще потребуются немалые инвестиции и время.

Между тем реальный сектор экономики в республике представлен лишь отдельными предприятиями, в основном местного ВПК, которые не были подвергнуты процессу приватизации. Ключевую роль среди них играет Улан-Удэнский авиационный завод. Его доля составляет от 60% до 40% производства всей промышленной продукции, выпускаемой в республике [3, с. 9]. Это обеспечивает почти половину финансовых поступлений в республиканский бюджет. Таким образом, столица республики неуклонно превращается в типичный моногород, жизнедеятельность которого почти полностью зависит от текущей ситуации на одном крупном предприятии.

Закономерным следствием ухудшения экономической ситуации стала внешняя миграция населения. Республика Бурятия в постсоветские годы вошла в число регионов, где наблюдался стабильный отток населения. Особенно интенсивно миграционные процессы происходили в 1990-е-2000-е годы. Причем миграционный отток населения из республики значительно превышал аналогичный показатель по Сибирскому Федеральному округу [4, с. 79]. С 2009 г. в связи с началом экономического кризиса внешняя миграция за пределы республики несколько ослабла, но по-прежнему превышает аналогичный показатель в соседних регионах.

Наиболее подвижным в миграционном отношении было население, прибывшее в республику относительно недавно, в 1960-1970-х гг., когда шло интенсивное промышленное развитие, строился БАМ. В конце 1980-х-1990-х гг. в условиях экономического кризиса это население, в составе которого было много представителей из республик бывшего СССР, в основном выехало за пределы Бурятии.

С 2000-х гг. в составе мигрантов неуклонно повышалась доля собственно выходцев из республики, представленных в основном молодыми людьми трудоспособного возраста. Основным мотивом их отъезда с малой родины стали вопросы трудоустройства, невозможность найти достойное место работы, неудовлетворенность условиями труда, низкий уровень заработной платы.

По данным статистики основной поток мигрантов из Бурятии выезжал в более благополучные в социально-экономическом отношении регионы страны: Иркутскую область, Красноярский край, Москву, Санкт-Петербург и южные регионы страны, а также в Крым. Отток населения «съедает» часть естественного прироста и обостряет проблему качества трудовых ресурсов в регионе, т.к. уезжает в основном наиболее образованная и квалифицированная часть населения.

Наблюдающаяся тенденция сокращения абсолютной численности населения в северных и восточных регионах страны представляет, по нашему мнению, реальную угрозу геополитическим интересам России в Азии. За годы постсоветских трансформаций усилился разрыв в уровне социально-экономического развития регионов страны. Его преодоление требует разработки и реализации долгосрочной стратегии приоритетного развития восточных территорий, огромный внутренний потенциал которых может быть задействован только при активном участии государства.

Литература

1. Боронова М.М. Бурятия в контексте сибирской модернизации XX в. /Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – 158 с.
2. Промпарк: от идеи до бизнеса - Номер один. – 19 апреля 2017 г.
3. У спада промышленного производства объективные причины – Информ Полис – 19 ноября 2014
4. Ханхараев В.С. Этнодемографические процессы в Бурятии – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. – 105с.

УДК 168.5+303.8

© Ц.В. Жигмытов
Улан-Удэ, Россия
аспирант кафедры философии,
Бурятский государственный университет
e-mail: ts.zhigmytov@bsu.ru

Основания стратегий управления сложностью

Аннотация. Управление сложностью, являющееся частью процессов развития, с необходимостью подразумевает управление социальной сложностью. К нему предъявляются требования глобального экологического императива (Н.Н.Моисеев)

и возвращения субъектности, гуманизации знания (А.С.Кравченко). Эти требования распространяются на все уровни принятия решений и осуществления выборов, вплоть до индивидуального. С учетом положений этнометодологии (Г.Гарфинкель), акторно-сетевой теории (Б.Латур), а также критики трансцендентализма, аутопоэз, самосотворение сетей акторов, интеллектуально-деятельностных сетей, хирам (А.В.Олескин) являются наиболее эффективными решениями по урегулированию конфликтов самого разного рода. Процесс самоконструирования интеллектуально-деятельностных сетей, хирам может быть разделен на три фазы: интеллектуальную, деятельностную, габитуальную; при этом он должен соответствовать как ресурсно-экологическим, так и ценностно-гуманистическим императивам, что сдвигает пространство интеллектуального внимания (Р. Коллинз) за пределы имеющейся «твёрдой» научной картины мира, и ставит под вопрос сложившуюся коммуникационную и дисциплинарную структуру науки. Производство социального доверия, а также дизайн научного знания, понимаемый как пересборка науки в целях её большего «дружелюбия» к деятелю и решателю (decision-makerfriendlyscience), становятся ключевыми проблемами, затрагивающими самые обширные планы современной реальности.

Ключевые слова: сложность, управление, социальная сложность, субъектность, гуманизация, экологический императив, дизайн науки.

© Ts.V. Zhigmytov
Ulan-Ude, Russia
postgraduate student, Department of Philosophy,
Buryat State University

Foundations of Strategies for Complexity Management

Abstract. Complexity management as a part of development processes implies social complexity management. It requires global environmental imperative (N.N. Moiseev) and return of subjectivity, humanization of knowledge (A.S. Kravchenko). These requirements apply to all levels of decision and choice making, including individual. Taking into an account ethnomethodology (H. Garfinkel), actor-network theory (B. Latur), and criticism of transcendentalism and autopoiesis, self-creation of the actor networks', intellectual-actionable networks, and hiram (A.V. Oleskin) present the most effective conflict settlement decision. It is divided into three conjugated spaces: intellectual, actionable, and habitual. At the same time, this process should match resource-environmental imperatives as well as value-humanistic imperatives that move the space of intellectual attention (R. Collins) far beyond «hard» scientific picture of the world and problematizes communication and disciplinary structure of the science. The social trust production and scientific knowledge design that is understood as a reassembly of science (with the aim of greater friendliness to decision makers, «decision-maker friendly science») become the key problems of modern reality.

Keywords: complexity, management, social complexity, subjectivity, humanization, environment imperative, scientific design.

Сложность физического мира, который можно понимать как совокупность всех регистрируемых человеческим сознанием сигналов, не может быть освоена без предварительного освоения сложности социальной, т.е. взаимодействий среди человеческого сообщества: социальная сложность является пререквизитом сложности физической. «Экологический императив» Н.Н.Моисеева — одна из попыток подхода к этой группе проблем: «Стратегия Разума — это, прежде всего, стратегия обеспечения будущего человечества» [1, с. 247], которая понимается как обеспечение совокупности условий, нарушение которых будет иметь для человечества катастрофические последствия. Можно говорить о требовании взаимовключенности критериев локального решения и критериев глобальных, учитывающих интересы всего человечества как вида.

С другой стороны, сложность ситуаций выбора такова, что имеет смысл говорить не только о глобальной, но и о групповых и индивидуальных стратегиях по управлению сложностью. «Социология ассоциаций», описанная и противопоставляемая Б.Латуром «социологии социального», прямо утверждает, что, кроме воплощения и взаимодействия этих стратегий и их акторов, в обществе больше ничего и нет. Более того, сама «задача понимания и упорядочения социального должна быть оставлена самим акторам, а не взята на себя аналитиком» [2, с. 38.], что перекликается с этнометодологией Гарфинкеля, установившей, что члены общества обладают полным словарем и полной социальной теорией, позволяющими понимать их поведение. У человечества, взятого как единый этнографический суперобъект, также нет внешнего аналитика, который бы был способен выйти за рамки и посмотреть со стороны; поэтому подход изнутри, вслед за акторами, представляется наиболее перспективным, если вообще не единственно реально возможным.

Таким образом, стратегия управления сложностью должна учитывать эти две группы требований: глобальный экологический императив как результат осознания ограниченности ресурсов и принцип локальности, присутствия субъекта, связанности его как с ситуацией, так и с последствиями решения. Это означает осведомлённость субъекта об оценке последствий его действий, что, с учётом ограничений нашего мозга, влечёт требование упаковки/донесения достоверных знаний до уровня «конкретного деятеля» без существенной потери эффективности, релевантности, адекватности этих знаний, а также вскрывает проблему доверия между обществом и наукой. В идеале деятель, в свете этих требований, предстаёт как аватар суперсубъекта-глобального человечества, действующий во имя его интересов и будущего (кем он с точки зрения воображаемого «постороннего» и является). Этот суперсубъект отличается от трансцендентального наблюдателя тем, что он конкретен (хоть и очень велик) и постигаем, в то время как т-наблюдатель не только всегда остаётся за кулисами акта познания, но и

несвободен от подозрений в ангажированности его конкретным носителем, его историей и обстоятельствами.

С.А.Кравченко (МГИМО) пишет о необходимости движения в направлении гуманизации сложного общества, в противовес отчётливо наметившейся «квантофренической» (П.Сорокин) смычке естественных и социальных наук [3]. Как показывает историческая и управленческая практика, осознанное, зрячее участие в производстве сложности резко повышает темпы и качество развития, адекватность и эффективность решения задач. Для распоряжения такими ресурсами требуется новый подход к стратегиям и тактикам развития, уже практически нащупываемый прикладными проектно-управленческими дисциплинами: технологии «agile», «канбан», «scrum» в той или иной форме пытаются использовать человеческие ресурсы наиболее эффективным образом, то есть через групповое взаимодействие, визуализацию, доступ всех к общей картине. Всё это, на наш взгляд, требует не просто философской рефлексии, но и достойно переноса в сам процесс производства гуманитарного знания.

В силу принципиальной ограниченности ресурсов — материальных, энергетических, интеллектуальных, коммуникационных, других — управление сложностью всегда носит оптимизационный характер, что влечёт необходимость упорядочивания задач по приоритету; эта же ограниченность ресурсов означает сравнительно малое количество основных инструментов по обращению с реальностью в единицу времени. Совокупность, единство главных проблем и главных инструментов, выполняет роль ориентира при исполнении практик более высокого (конкретного) уровня. Наиболее эффективные стратегии, по нашей интуиции, разворачиваются на фундаменте и в рамках если не единой, то близких, сопряжённых когнатур, которые выполняют роль ситуационного и окончательного арбитров, базы для взаимодействия.

Субъектами социальной сложности являются интеллектуально-деятельностные сети, или же хирамы. (А.В.Олескин термином «хирама» обозначает High-Intensity Research and Management Association, «исследовательское и управленческое объединение высокой интенсивности», которое он определяет как «креативную команду, создаваемую для решения некоторой сложной, нечеткой, междисциплинарной задачи» [4]) Рост и развитие такой сети происходит в трёх энергетически, масштабно и ресурсно различных аспектах, измерениях: пространстве интеллектуального внимания, деятельностном пространстве и пространстве габитуальном. Взаимные переходы между этими измерениями носят эмерджентный, самоорганизованно-критический (П.Бак) характер, что подразумевает накопление определённой избыточности на уровне, с которого совершается переход, или, в терминах теории самоорганизованной критичности, лавина или обрушение. Модельная траектория роста хирамы, рассмотренная нами в докладах ранее — от высказывания к габитусу — является аналитическим приближением и не отражает всего спектра возможных вариантов складывания интеллектуально-деятельностных сетей [5].

С учётом положений этнометодологии, социологии ассоциаций и критики трансцендентализма стратегию выращивания интеллектуально-деятельностной сети следует понимать как стратегию самосотворения, аутопоэза этой сети. Эта стратегия определяется критериями подбора единомышленников, учеников и противников, «оппонентного круга» М.Г.Ярошевского (1983) [6, с. 27]), которые опираются на список проблем, подлежащих решению, и наличных/требуемых инструментов их решения, т.е., в итоге, на когнатуру. Вторым важным компонентом стратегии является устранение недоверия, или, точнее, производство доверия между участниками сети, подразумевающее в первую очередь организационные усилия по элиминации нежелательных для участников последствий его нарушения. Третьим важным компонентом является агентность, осознание своей принадлежности к человеческому виду, и настоящий учёт интересов суперсубъекта-человечества при принятии решений.

Фокус и стиль взаимодействия агентов определяются когнатурой, которая, в свою очередь, формируется во взаимодействии биологических оснований и метафизической критики на всех этапах развития и деятельности хирамы. Когнатура создаёт поле, ориентирующее интеллектуалов и деятелей подобно магнитному, но не ограничивающее и не подавляющее их. Субъектность деятелей подразумевает владение самими передовыми положениями науки; отсюда следует проблема дизайна научного знания, понимаемого как совокупность форм её представления для наиболее эффективного использования на любом уровне принятия решений. Дизайн науки не сводится к проблеме научной коммуникации, а представляет собой отдельную методологическую дисциплину из той же категории, что и правила написания научных статей, принципы проведения экспериментов и владение математической статистикой, ориентированную на «дружелюбие науки к решателю» (decision-maker friendly science). Пока что задача представления научных результатов в удобной для принятия решений форме решается в частном порядке, в рамках отдельных проектов и, как правило, самими учёными и за-

казчиками; очевидно, что более системный подход значительно удешевит этот процесс, и позволит воспользоваться другим его результатами.

«Глобальные» дисциплины склонны к утрате адекватности в ситуации локальных решений, поэтому состыковка всех достижений разных дисциплин, перевод их на язык локальной проблемы, согласование интересов разномотивированных социальных субъектов при выработке конкретных решений — это главная задача деятеля, для которой и требуется разработка нового поля (языка) научного и организационного поиска. Опираясь на метафору фрактала, можно сформулировать «фрактальные критерии» научной теории: теория на любом уровне должна давать результаты, приемлемые для этого уровня; теория должна быть самоприменима, т.е. допускать исследование себя собственными методами; теория должна допускать неограниченное уточнение результатов при уменьшении масштаба и сохранении структуры; у теории должен быть уровень, позволяющий освоить её человеку за достаточно быстрый срок, с результатами требуемого качества.

Литература

1. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера / Н.Н.Моисеев. — Москва: Молодая гвардия, 1990. — 351 с.
2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию /Б. Латур, пер. с англ. — Москва : ИД ВШЭ, 2014. — 384 с.
3. Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — №1(28). — С.180–184.
4. Олескин А.В. Парадигмы сетевой организации и их применение при практическом создании сетевых структур. — Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/networks/paradigmysetevoj-organizacii-i-ix-primenenie-pri-prakticheskom-sozdanii-setevykh-struktur/> — (Дата обращения 09.05.2017).
5. Жигмытов Ц.В., Сандакова Л.Г. От гладиолуса до габитуса: как идеи меняют общество (сетевая модель) // Материалы Всероссийской научной конференции «Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы». Иркутск, 21 апреля, 2017 г. — С.277.
6. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф.Петренко. — Москва: Новый хронограф, 2009. — 440 с.

УДК124. 5: 37.013.73

©Л.В. Алеева

Томск, Россия

Зав. Муниципальное автономное дошкольное образовательное учреждение № 13,
E-mail: larisaaleeva13@gmail.com

© Н.В. Брюханцева

Томск, Россия

канд. филос. наук, региональный руководитель Томского отделения общественной организации «Педагогическое общество России», научный руководитель МАДОУ № 13
E-mail: bruhantseva@mail.ru

Мировоззренческие ценности и перспективы холизма всех уровней образования России

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы разобщенности уровней образования: дошкольного, начального школьного, общего, высшего, послевузовского, утверждается ценность и целостность мировоззрения в системе современного образования. На примере деятельности дошкольного учреждения представляются возможные пути в реализации новых подходов для совершенствования не только образовательного процесса, но и создания условий для развития личности педагога. Поиск определен межинтеграционными связями в процессе реализации проекта «Аксиологическое акме педагога». Доказывается тесная связь форм деятельности, конкретной практики педагога с развитием его мировоззренческих ориентаций, широким гуманитарным кругозором. Управление данной организации строится с учетом темы научного исследования, то есть опирается на подлинные ценности в педагогической деятельности - справедливость, нравственность, идеалы, всегда принимается к сведению мнение педагогического коллектива. Ставится вопрос о возможности и необходимости холизма всех уровней образования. Образование как сложная открытая нелинейная подсистема социума находится в состоянии постоянного преобразования и реформирования, продиктованного как внутренними, так и внешними факторами. Цель работы – поиск новых форм взаимодействия в образовательно–воспитательном пространстве в условиях, когда рост коммуникации обусловил появление новых технологических методов в современном образовании – воспитании.

Ключевые слова: целостное мировоззрение, холизм, педагог, личность, инновационный проект, ценности, идеалы, акмеология, аксиология.

© L.V Aleeva

Tomsk, Russia

Head of Municipal Autonomous Preschool Educational Institution № 13

Worldview Values and Perspectives of Holism at all Educational Levels in Russia

Abstract. The paper examines issues of dissociation of the levels of education: pre-school, elementary school, general, high, and postgraduate. It analyses the value and integrity of a worldview in modern education system. There are possible ways to implement new approaches for improvement of the educational process and also to create conditions for the development of pedagogic identity. They are illustrated on the example of preschool education activities. The search is defined by inter-integration connections in the process of implementation of the project 'Axiological Acme of the Teacher'. There is a close connection of forms of activity, specific teacher's practices with the development of the irworldview positions, broad humanitarian outlook. The management of the organization is based on scientific research that draws on the true values in pedagogical activity - justice, morality, ideals, always taken note of the opinion of the teaching staff. We raise the issue of possibility and necessity of holism at all levels of education. Education as a sophisticated open nonlinear subsystem of society seems to be in the state of constant conversion and reforming caused by both the internal and external factors. The purpose of the paper is to search for new forms of interaction in the upbringing-educational space, when the increase of communications led to the emergence of new technological methods in modern educations and upbringing.

Keywords: holistic worldview, holism, teacher, identity, innovative design, values, ideals, psychology, akmeology, axiology.

Серьезно занимаясь проблемами дошкольного образования, мы осознаем, что система данного уровня образования в основном решает задачи активного развития личности ребенка и подготовки его к школе. Считаем важным подчеркнуть, что образование как феномен культуры является фактором развития личности педагога. В сфере профессиональной подготовки педагогов - «дошкольников» делается все возможное, но в плане совершенствования ментальных, личностных, ценностных и мировоззренческих установок в условиях постоянно изменяющегося информационного общества ситуация не столь оптимистична. Нас интересует не только профессиональные качества педагога и развитие личности дошкольника, но и соответствующее современным изменениям в жизни социума развитие личности педагога, поскольку уровень, качество, потребности и мотивы его самосовершенствования профессионального и личностного непосредственно оказывают воздействие на детей, их родителей, членов их семей и общество в целом.

Проблема личности, её развития и становления не нова, но нам интересна проблема развития личности педагога. Справедливо считается, что педагогом можно назвать того, кто сам постоянно учится, совершенствуется всю жизнь. Поэтому мы обращаем своё внимание на личность педагога, работающего с детьми до школы. Л. Н. Толстой утверждал, что воспитание детей есть только самосовершенствование воспитателей. При этом нельзя забывать, что объект воспитания - ребенок – непрерывно растет, развивается, год от года меняются условия воспитания, и все это влечет за собой совершенно неизбежную эволюцию педагогического знания. Каким должен быть педагог детского сада? Естественно, обладать определенным набором личностных качеств. Круг наших интересов в отношении личности связан с проблемами ее становления, развития и зрелости в педагогической сфере дошкольного образования. Более того, мы представляем изучение особенностей развития личности педагога в тесной связи с развитием личности ребенка и членов его семьи.

Мы осознавали, когда создавали многолетний инновационный проект «Аксиологическое акме педагога», что изменения в мировоззрении педагога повлекут изменения в мировоззрении воспитанников педагогов и их родителей. Но мы поняли во время реализации проекта, что для успешных исследований мы должны быть связаны со школой, высшим образованием и многими другими федеральными и городскими и федеральными структурами. Это мы осознали тогда, когда на всероссийских конференциях постарались решать проблемы данного образовательного уровня.

Мировоззренческие установки являются сложными для коррекции, изменений, поскольку носят глубинный характер в структуре личности, требуют достаточно много времени. Мы убеждены, что одним из безусловных вызовов нашего времени является требование профессионального обеспечения решения проблемы культивирования человеческого в человеке. Это условие напрямую связано с преодолением отчужденности человека, его дезориентированности в современной жизни, порой опустошенности и усталости от стремительной и многоплановой жизни. Вызов педагогического образования сегодня заключается в переходе от сторителлинга к сториплейнингу, то есть от понимания и совершенствования через метафоры к пониманию и изменениям личности через конкретную деятельность. Современный образованный человек, особенно педагог в сфере дошкольного образования, уже знает теоретически, что в первые пять лет жизни ребенок усваивает порядка 70% всей информации, всех базовых и необходимых жизненных навыков. Тем не менее, педагог не всегда может увидеть,

осознать результативность своей педагогической деятельности, а также уровень своей ответственности перед ребенком, его семьей и обществом за свой уровень профессионализма. Именно поэтому мы уделяем особое внимание постоянному самосовершенствованию педагога дошкольного образовательного учреждения с привлечением специалистов разного профиля.

Одним из важных факторов в системе образования мы считаем личностные и социальные идеалы и ценности. Осознать и оценить систему существующих сегодня идеалов и ценностей в социуме сложно. Вопросы, связанные с позитивным - оптимистическим мировоззрением кажутся нам принципиально важными для полноценного развития современного педагога каждого из уровней образования. Мы уверены, что образованный, интеллигентный, воспитанный педагог с оптимистическим мировоззрением, основанном на широком кругозоре, педагогическом опыте, освоенных современных технологиях и высоких личных качествах станет для воспитанников и членов его семьи авторитетной и уважаемой личностью в сложном процессе познания мира. Но мы понимаем, что принципиально важно, какого уровня профессионалы его будут встречать на последующих ступенях образования. Это необходимо серьезно исследовать, обсуждать, корректировать. Поскольку ни для кого не секрет, что сегодня дети испытывают, как правило, стресс не только при переходе из детского учреждения в школу, но из школы в университет, любое среднее специальное образовательное учреждение. Мы уверены, что встречи педагогов и специалистов разных уровней образования необходимы, обязательны в ближайшее время, поскольку специфика современной социокультурной ситуации характеризуется возрастанием значимости каждого уровня образования.

Благодаря созданию и реализации проекта мы заключили договоры и сотрудничаем с большим количеством партнеров в городе Томске и за его пределами.

Эффект проекта, как мы и предполагали, не стал явно заметным за короткий – двухгодичный срок. Справедливости ради, следует заметить, что уже после нескольких проведенных лекций и практических занятий, можно было говорить о том, что педагоги уже задумались о своем будущем в профессии, обратили внимание на собственные перспективные возможности педагогической деятельности данного уровня. Мы не исключали, что кто-то из членов педагогического коллектива может поменять профессию после того, как однозначно поймет, что педагогическая сфера деятельности является не его сферой профессиональных интересов. Единично это случилось. Кто-то из педагогов не изменился вообще, поскольку не готов к поискам и тем более изменениям – это всегда запрограммированные риски. Тем не менее, мы были уверены, что все педагоги в процессе реализации проекта получат много важной информации и научатся находить важные знания для самореализации, создания собственных мировоззренческих установок в самосовершенствовании.

Ментальное восприятие жизни как постоянного движения и развития позволяет расширять и уничтожать рамки личных комплексов и проблем. Мы уже сегодня имеем квалифицированного педагога, работаем над тем, чтобы получить педагога – исследователя, педагога – акмеолога. За два прошедших года в проекте опубликовано более 30 статей членами педагогического коллектива по самой разнообразной тематике. Мы создаем педагогику нового времени – креативную педагогику, основанную на развитии личности самого педагога. Вызовы времени и потребность в инновациях заставили нас сделать этот шаг и это принесло уже сегодня свои результаты: активность в творческой, профессиональной, социальной жизни педагогического коллектива. В результате нашей исследовательской и инновационной деятельности мы получили:

- Теоретический и практический ресурс для создания банка тестов по определению уровня квалификации педагога, его коммуникативных, психологических, творческих, педагогических способностей и возможностей;

- Разработали более гибкую и современную политику управления персоналом на основе формирования высокого уровня ответственности, информированности, сплоченности педагогического коллектива;

- Новую модель самосовершенствования личности педагога и современный уровень повышения профессиональной квалификации;

- Расширили в своей деятельности социальные и научные контакты;

- Повысили методическую и научную, творческую и профессиональную активность педагогического коллектива;

- Стабильность и регулярность научно-педагогических публикаций в научных и методических изданиях города Томска, Сибирского региона, Российской Федерации.

Методология научно – педагогического, акмеологического и аксиологического исследований, как основных методов, активно переплетались в нашем проекте с антропологией, системным анализом, философией, социальной деятельностью, медициной, социологией, философией и другими научными

направлениями.

Управление проектом для нас в самом начале представлялось достаточно сложным. Мы объединяли очень разные виды деятельности воедино и подключали к работе в детском саду специалистов из разных сфер деятельности, квалификации, постоянно искали новые формы вовлечения педагогов в инновационные формы и методы исследований и практики. Приказом заведующего была утверждена созданная активом проекта схема регулирования, контроля, анализа, корригирования и стимулирования участников проекта.

Управление проектом предполагало создание дополнительных структур для полноценного существования и реализации намеченного в проекте. Это открытие кафедры образовательной политики и лаборатории креативной педагогики. В настоящее время формируется кафедра психологии ребенка.

За время активной работы в проекте, сотрудничая с университетами, научными институтами, образовательными учреждениями, мы поняли, что для воспроизводства общества как целостной системы, образование тоже должно стать целостным, то есть взаимодействие между уровнями системы должно быть более активным. Феномен образования в современной культуре заключается в том, что он является фактически единственным социальным институтом для раскрытия потенциальных возможностей, творческих сил человека. Образование как сфера бытия человека соотносится с экзистенцией человека. Современное общество, выдвигая только креативный идеал образованности, возлагает надежды на то, что в таком аспекте образование призвано стать механизмом противодействия обезличиванию личности в социуме с диктатом массовой культуры и коммуникации. Нам важно увидеть преемственность всех уровней образования в развитии духовного мира личности. При этом должно быть обеспечено гармоничное соотношение реализации внутренней свободы личности, высвобождение потенциальных возможностей, спонтанный акт творчества и ответственность личности, что обеспечивает естественное вхождение в социальную культуру, не разрушая её целостности.

Литература

1. Брюханцева Н. В. Возможности фантазии и перспективы идеала / под ред. А. А. Степанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 134 с.
2. Брюханцева Н. В. Образование, творчество, одухотворяющие истины и святыни Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. – Вып. 3. Российское предпринимательство и духовная культура / Под ред. Протоиерея Л. М. Хараима и к.филос.н. О. Т. Лойко – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 61 – 67.
3. Алеева Л. В., Брюханцева Н. В. Аксеологическое акме педагога как основа его профессионального самоопределения // Деятельность образовательных организаций по реализации ФГОС дошкольного и начального общего образования. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. М.: Педагогическое общество России, Московский государственный областной гуманитарный институт, 2014. – С. 10 – 12.
4. Алеева Л. В. Брюханцева Н. В. Целостность и ценности мировоззрения XX в. в современной педагогической практике. Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. Улан – Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. – С. 78 – 85.
5. Алеева Л. В. Брюханцева Н. В. Инновационный проект «Аксеологическое акме педагога» МАДОУ № 13 г. Томска // Дошкольное образование: проблемы, перспективы и возможности. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Москва: Педагогическое общество России, 2016. С. 3 – 7.
6. Алеева Л. В. Брюханцева Н. В. Особенности аксеологического акме педагога дошкольной организации. // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы IX Международной научно-практической конференции. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016 - № 2, С. 9 – 13.
7. Алеева Л. В. Брюханцева Н. В. Целостное мировоззрение и ценностные основания современного менеджмента в дошкольном учреждении: нравственность идеалы, справедливость. // V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» Екатеринбург, 2016. – С.1491 – 1498.
8. Айзексон, Уолтер. Инноваторы. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2015. – 636 с.

© Альбрехт Штайн
г. Мюнхен, Германия
доктор медицины, преподаватель,
Людвиг-Максимилиан-Университет, Мюнхен, Германия

© Бьянка Ширрмахер
г. Мюнхен, Германия
доктор социальных наук, зав. отделением
Институт Фрезениус, Мюнхен, Германия

© Александра Рид
г. Мюнхен, Германия
магистр естественных наук, социальный работник,
Ассоциация социального обеспечения работников
Мюнхен, Германия

Интернациональная миграция: проблемы интеграции в новую социальную структуру на примере сферы здравоохранения в Германии

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются исторические и современные тенденции интернациональной миграции, вводятся понятия «позитивной», т.е. направленной на более полное раскрытие идентичности личности, реализации ее ресурсов, миграции и «негативной», т.е. вынужденной миграции. Особое внимание уделяется возможности интеграции мигрантов в существующую социальную систему. Сложный путь к интеграции иллюстрируется на примере включения беженцев в сферу здравоохранения Германии. После краткой характеристики основных принципов этой системы авторы рассматривают такие проблемы, как законодательная регуляция, мобилизация ресурсов, отношение граждан принимающей страны к беженцам, феномен неравенства в области здоровья. Интеграция беженцев в существующую немецкую систему здравоохранения встречается с многочисленными сложностями. Кроме связанных непосредственно с медицинским обслуживанием, существуют проблемы в сфере социальной стигматизации и изоляции соискателей убежища и беженцев. В противовес этой тенденции отмечено и растущее число негосударственных инициатив поддержки в различных сферах жизни. В целом, в связи с гетерогенным характером социальной группы мигрантов, определяющим наличие различных ресурсов, проблем и потребностей, отмечается необходимость дифференцированного подхода к проблеме адаптации и интеграции мигрантов в новую социальную среду.

Ключевые слова: Интернациональная миграция, вынужденная миграция, «позитивная» и «негативная» миграции, интеграция, социальная система, неравенство в области здоровья, социальная стигматизация

© Albrecht Stein
Munich, Germany
Doctor of medicine, university lecturer, Ludwig Maximilians University Munich

© Bianca Schirrmacher
Munich, Germany
Doctor of Social Sciences, faculty academic manager, Fresenius University of Applied Sciences

© Alexandra Ried
Munich, Germany
Master of Science, social teacher, Worker's Welfare Association Munich

International Migration: the Problems of Integration in a New Social Structure on the Example of Health Care in Germany

Abstract. The proposed article examines historical and modern trends of international migration, introduces the concepts of "positive" migration, aimed at a more complete disclosure of the individual identity, the realization of its resources, and "negative", forced migration. Particular attention is paid to the possibility of integration of migrants into the existing social system. A difficult path to integration is illustrated by the example of the inclusion of refugees in the health care sector in Germany. After a brief description of the basic principles of this system, the authors consider such problems as legislative regulation, resource mobilization, the attitude of host country citizens to refugees, and the phenomenon of health inequity. Integration of refugees into the existing German health system is encountered with numerous difficulties. In addition to directly related to medical care, there are problems in the sphere of social stigmatization and isolation of refugees. In contrast to this trend, a growing number of non-state support initiatives in various spheres of life have been noted. In general, due to the heterogeneous nature of the social group of migrants, which determines the availability of various resources, problems and needs, there is a need for a differentiated approach to the problem of adaptation and integration of migrants into a new social environment.

Keywords: International migration, Forced migration, "positive" and "negative" migration, integration, social system, Health Inequity, social stigmatization

Миграция населения как изменение места постоянного проживания известна с древнейших времен. Она представляет собой вид пространственной, горизонтальной (в отличие от социальной, вер-

тикальной) мобильности, характеризующейся, в отличие от туризма или перманентного странствия, долгосрочностью, целенаправленностью, а также переносом на новое место пребывания центра индивидуальной социальной жизнедеятельности [7, с. 13–18].

Интернациональная миграция как разновидность миграции возникает с появлением национальных государств с их границами и обладает, в принципе, сходными характеристиками, с учетом, как правило, большего масштаба сопутствующих изменений различных аспектов жизни.

Социологическая перспектива изучения феномена интернациональной миграции, в отличие от, например, этнографической, экономической или политологической, заключается в отслеживании, описании и изучении связанных с ней социальных процессов, динамики социальных объектов и социальной структуры общества.

Влияние, оказываемое миграционными процессами, наиболее заметно проявляется на особенностях субъектов, непосредственно осуществляющих переселение. Однако воздействие осуществляется и на всех уровнях и во всех областях жизни обществ: от индивидуального восприятия до изменений в социальной сфере, политике, культуре и т.д. Затронутыми при этом оказываются реалии обоих обществ: «донора», утрачивающего мигранта и «реципиента», его получающего. Если же учесть растущую глобализацию всех сфер жизни, то оказывается, что воздействие феномена миграции воистину всеобъемлюще.

Различные характеристики и разновидности переселения, т.е. миграции в целом, свойственны и ее конкретным проявлениям в интернациональном масштабе – эмиграции и иммиграции. Оба эти термина относятся, по сути, к одному явлению, рассматриваемому с точки зрения различных обществ.

Глобализация интернациональной миграции происходит, с одной стороны, в количественном аспекте. Она охватывает все большее количество стран и людей; интенсификация миграционных потоков, в первую очередь, вынужденной миграции, влияет на демографическую ситуацию в странах, а также на уровень потребления ресурсов в обществах-реципиентах. В качественном аспекте она ведет к необходимой адаптации и трансформации не только самих мигрантов, но, по сути, всех элементов социальной структуры «принимающего» общества.

В интернациональной миграции существуют две основные тенденции: «позитивная» и «негативная». «Позитивная» интернациональная миграция, подобно фроммовской «свободе для», направлена на более полное раскрытие идентичности личности, реализации ее ресурсов. Экономически выражаясь, она является результатом сравнения стоимости индивидуального человеческого капитала в различных странах. После информированного анализа издержек и выгод возможно принятие рационального решения о конкретной миграции. В основном, это относится к высококвалифицированной и предпринимательской миграции, часто пользующейся привилегированной схемой въезда в принимающее общество.

«Негативная» интернациональная миграция, подобная «свободе от», направлена на избежание неблагоприятной ситуации. Она часто отличается ярко выраженным эмоциональным компонентом. К классическим подобным случаям относится бегство («бегство от смерти»), спасение от преследований («бегство от неволи»). Оно направлено, прежде всего, на выживание, на сохранение себя как социальной единицы (индивида, семьи, группы). В этом случае возможны самые разнообразные социальные и индивидуальные характеристики мигрантов. Низкоквалифицированная миграция предполагает, в свою очередь, чаще всего, стремление повысить уровень благосостояния и ориентируется на более высокий экономический уровень общества-реципиента («бегство от бедности»). Социальные характеристики и достоинства мигранта (образование, информированность и т.д.) после миграции могут при этом значительно обесцениваться. Специальную разновидность «негативной» миграции представляет «бегство от себя». Спектр относящихся к этой группе случаев, как и социокультурные характеристики мигрантов отличаются большим разнообразием. Импульсом могут служить психологические проблемы, стремление к новому образу жизни, кризис отношений и многое другое.

Именно миграция в русле второй, негативной тенденции (вынужденная миграция) вызывает качественные, порой перерастающие в кризисы, изменения общественных подсистем. Область здравоохранения, например, как одна из важнейших составных частей социальной сферы, во многом определяющая не только объективное состояние членов общества, но и субъективно переживаемое качество жизни, подвергается в принимающей стране многочисленным новым требованиям и вызовам.

Структура и логика отрасли здравоохранения, например, в такой принимающей стране, как Германия, соответствует, в первую очередь, внутренним потребностям воспроизводства собственного общества. Ее сектора (амбулаторный, стационарный, реабилитационный) основаны на принципах обязательного страхования, финансирования за счет страховых взносов, солидарности и самоуправления. Построенное на этих принципах здравоохранение должно обеспечивать сохранение и под-

держку здоровья всех членов общества с помощью лечебных и профилактических мероприятий.

Феномен вынужденной интернациональной миграции, приобретший в Западной Европе в 2014-2016 годах статус глобального процесса (более миллиона новопривывших [2]), остро ставит вопрос интеграции мигрантов в новую культуру, организации и социальную структуру. Интеграция беженцев в существующую немецкую систему здравоохранения встречается с многочисленными сложностями.

Существующее немецкое законодательство регулирует в основных документах «Законе об убежище» (Asylgesetz) и «Законе о предоставлении услуг соискателям убежища» (Asylbewerberleistungsgesetz) в т.ч. объем и порядок предоставления медицинского обеспечения данной категории лиц. По прибытии и заселении в общежитие проводится обязательное первичное медицинское обследование на наличие инфекционных заболеваний, объем которого определяется на уровне федеральной земли, производятся прививки [4, 3]. Дальнейшие медицинские услуги в течение минимум 15 первых месяцев пребывания ограничиваются лечением острых заболеваний, состояний острой боли, а также специальными необходимыми случаями. В особый раздел выделяются наблюдение беременности, родовспоможение, помощь несовершеннолетним без сопровождения и жертвам насилия.

Таким образом, выявляются категории случаев, остающихся за рамками регулярного медицинского обеспечения – прежде всего хронические и психические заболевания [6, с. 24], превентивные меры и специальные терапии. Кроме того, организационным барьером является необходимость предварительного получения талона на право посещения врача в соответствующем социальном учреждении. Возможностью введения электронной карты, дающей возможность сохранения информации, пользуются лишь некоторые федеральные земли.

Таким образом, проявляются первые аспекты неравенства в области здоровья («Health Inequity»), сопровождаемые и усиливаемые неблагоприятными социальными детерминантами здоровья (например, условия проживания в общежитиях превращают вынужденных мигрантов в группу, особенно уязвимую прежде всего для инфекционных заболеваний). Проблема при этом не ограничивается только медицинской тематикой, поскольку имеет место определенная социальная стигматизация и, как следствие, изоляция беженцев. При этом распространенность неинфекционных хронических болезней среди вынужденных мигрантов ниже, чем у коренного населения, что объясняется, например, достаточно молодым средним возрастом беженцев [6, с. 35]. С другой стороны, оставаясь без внимания, приводят такие болезни в долгосрочной перспективе к общему ухудшению состояния здоровья и к большим затратам на лечение. Здесь опять проявляется особенность децентрализованной структуры немецкого здравоохранения, т.к. ответственность и финансирование переходит поочередно от федеральной земли (первичное размещение) к коммуне, а затем, после возможного получения рабочего места, к системе медицинского страхования [5, с. 155].

Барьеры, препятствующие интеграции вынужденных мигрантов в немецкую систему здравоохранения, а, значит, адекватному медицинскому обслуживанию, многочисленны и разнородны. На макроуровне социальной системы таковыми являются законодательно закрепленное ограничение объема первичного обследования и последующих услуг, недостаточная координация и документация обслуживания. На мезоуровне отдельных организаций заметны прежде всего факторы, осложняющие анамнез и лечение – нехватка переводчиков, недостаточные знания социально-правовых и специфически-медицинских аспектов, например, иного, чем в Германии, спектра болезней [8, с. 117]. дефицит сетей государственных и негосударственных структур. На микроуровне индивидуальными барьерами являются как стереотипы, отчуждение, неадекватные реакции отдельных местных граждан, так и культурная специфика представлений о болезнях, незнание социальной и медицинской систем, недоверие к официальным учреждениям и невладение языком со стороны беженцев [9, с. 36].

Уже за время, предшествующее прибытия в Германию, переживают многие беженцы физические и психические травмы, усугубляющиеся опытом дискриминации, языковыми проблемами, частыми переменами места пребывания, отсутствием адекватной информации, долгим ожиданием принятия решения о предоставлении убежища и являющимися причинами эмоциональных нарушений, депрессии, приступов панического страха, проблем со сном, различных психосоматических заболеваний. Специфика социокультурных стрессоров в различных фазах миграции и их клинических проявлений остаются при медицинском обслуживании беженцев недостаточно учтенными [1, с. 2].

Наряду с упомянутыми тенденциями стигматизации, изоляции беженцев со стороны коренного населения, институционально закрепляемыми особенностями социальной системы, нужно отметить и растущее число негосударственных инициатив поддержки, например, групп добровольных переводчиков и сопровождения, сбора вещей, организация неформальных языковых курсов и т.д.

В целом, необходим дифференцированный подход к проблеме адаптации и интеграции мигрантов

в новую социальную среду. Гетерогенный характер этой социальной группы определяет наличие различных ресурсов, проблем и потребностей. Определяющую роль здесь играют политические процессы, от которых зависит принципиальная возможность осуществления надежды на создание единого, общечеловеческого мирового пространства.

Литература

1. Bajbouj, M. Psychosoziale Versorgung von Flüchtlingen in Deutschland / M. Bajbouj // Die Psychiatrie. – Nr. 4. – 2016. – P. P. 1– 5)
2. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. Aktuelle Zahlen zu Asyl. Ausgabe April 2017. URL: www.bamf.de (дата обращения 09.05.2017)
3. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Asylbewerberleistungsgesetz. § 4, § 6.
4. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Asylgesetz. § 62.
5. Epping, B. Medizinische Versorgung von Flüchtlingen: teure Hürden. / B. Epping // Zeitschrift für Orthopädie und Unfallmedizin. – Nr. 155. – 2017. P. P. 129– 134.
6. Frank, L., Razum, O. et al. Gesundheit und gesundheitliche Versorgung von Asylsuchenden und Flüchtlingen in Deutschland / L. Frank, O. Razum et al. // Journal of Health Monitoring. – Nr. 2. – 2017. P.P. 24– 47.
7. Oswald, I. Migrationssoziologie / I. Oswald. – Konstanz: UVK, 2007. – 225 p.
8. Schwienhorst, E., Stich, A. Medizinische Versorgung von Flüchtlingen und Asylbewerbern – Erfahrungen aus dem Würzburger Modell / E. Schwienhorst, A. Stich // Journal Flug- und Reisemedizin. – Nr. 22. – 2015. P.P. 116– 121.
9. Sothmann, P. Medizinische Versorgung von Flüchtlingen / P. Sothmann // Deutsche Medizinische Wochenzeitschrift. – Nr. 141. – 2016. P.P. 34– 37.

УДК 314.04

© И.А. Макарова
Чита, Забайкальский край
ст. преподаватель кафедры социологии,
Забайкальский государственный университет
E-mail: m5115397@yandex.ru

К вопросу о браках и разводах в регионах России (на примере Забайкальского края)

Аннотация. На основе данных статистики и итогов переписи населения за 2010 г., рассматривается динамика браков и разводов в Забайкальском крае на фоне Сибирского Федерального округа. Раскрывается социальная сущность браков и разводов. Установлено, что молодёжь в возрасте от 25...34 г. выступает социальной детерминантой процесса воспроизводства населения и социальной структуры общества в целом. Выявлено, что половина браков заканчиваются разводами, что характерно для большинства регионов в России. Инициатором развода чаще становятся женщины. Так же выявлена возрастная категория на которую приходится большее количество разводов как среди женщин, так и среди мужчин. Самый высокий показатель количества разводов в СФО выявлен в Красноярском крае, самый низкий в Республике Тыва. Выделены факторы способствующие разводу. Основными условиями, предопределяющими развод, являются урбанизация образа жизни, миграция населения, индустриализация страны, эмансипация женщин. Возникли новые ролевые и статусные позиции мужчины: постепенно утратилась традиционная монополия на брачный выбор, расширилась избирательность в брачно-семейном поведении, выросла автономия от социальных общностей. Предложены меры профилактики разводов. Семейное консультирование или Курсы молодых родителей, по мнению автора, способствуют улучшению семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: брак, развод, причины разводов, семья, мужчина, женщина, роль.

To the Question of Marriage and Divorce in the Regions of Russia (on the example of Zabaikalsk Region)

©I.A. Makarova
Chita, Zabaikalsk Region
Senior Lecturer
Department of Sociology,

Zabaikalsk State University

Abstract. Based on the statistics and the results of the 2010 population census, the dynamics of marriages and divorces in the Zabaikalsk region against the backdrop of the Siberian Federal District is considered. The social essence of marriages and divorces is disclosed. It is established that young people between the ages of 25 ... 34 are a social determinant of the process of reproduction of the population and the social structure of society as a whole. It was revealed that half of marriages end in divorce, which is typical for most regions in Russia. Women become initiators of divorce more often. Also, an age category has been identified, which accounts for a greater number of divorces both among women and men. The highest indicator of the number of divorces in the Siberian Federal District is found in the Krasnoyarsk region, the lowest is in the Republic of Tyva. Factors contributing to divorce are singled out. The main conditions that predetermine divorce are the urbanization of the way of life, the migration of the population, the industrialization of the country, the emancipation of women. New role and status positions of men were developed: the traditional monopoly on marriage choice was gradually lost, selectivity in marriage and family behavior has expanded, autonomy from social communities has grown. Measures to prevent the divorce are proposed. Family counseling or Courses for young parents, according to the author, contribute to the improvement of family-marriage relations.

Keywords: marriage, divorce, causes of divorce, family, man, woman, role.

Брак и семья в любом обществе – важнейшие социальные институты. Они имеют решающее значение, как для индивидуальной жизни человека, так и для социального, экономического развития

общества. Кроме того, семья это приоритетная ценность любого современного государства, заинтересованного в сохранении своего народонаселения.

Люди, вступающие в брак, ориентированы на рождение детей, на их воспитание и развитие на основе взаимодействия пространств семейного, общественного и государственного образования.

Таким образом, положение семьи, тенденции развития семейно-брачных отношений, характеризующие ее состояние, являются показателями благополучия в стране и ее перспектив на будущее.

Двадцатый век стал периодом глобальных перемен в семейных устоях в развитии семейных отношений, отношений между полами. Стало привычным явление широкого распространения разводов, которые еще в начале XX в. были редким явлением. Рост коэффициента разводимости наблюдается практически во всех странах – бедных и богатых, западных и восточных, северных и южных.

Согласно статистике, Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню разводимости, существенно опережая другие индустриальные страны (табл. 1), [1].

Таблица 1

Количество браков и разводов в России (2010-2014 гг.)

Год	Кол-во зарегистрированных браков	Кол-во разводов
2010	1215066	639321
2011	1316011	669376
2012	1213598	644101
2013	1225501	667971
2014	1225985	693730

В Забайкальском крае за пять лет с 2010-2015 гг. наблюдается снижение брачности. Максимальное количество браков было зарегистрировано в 2011 г., минимальное в 2015 г.

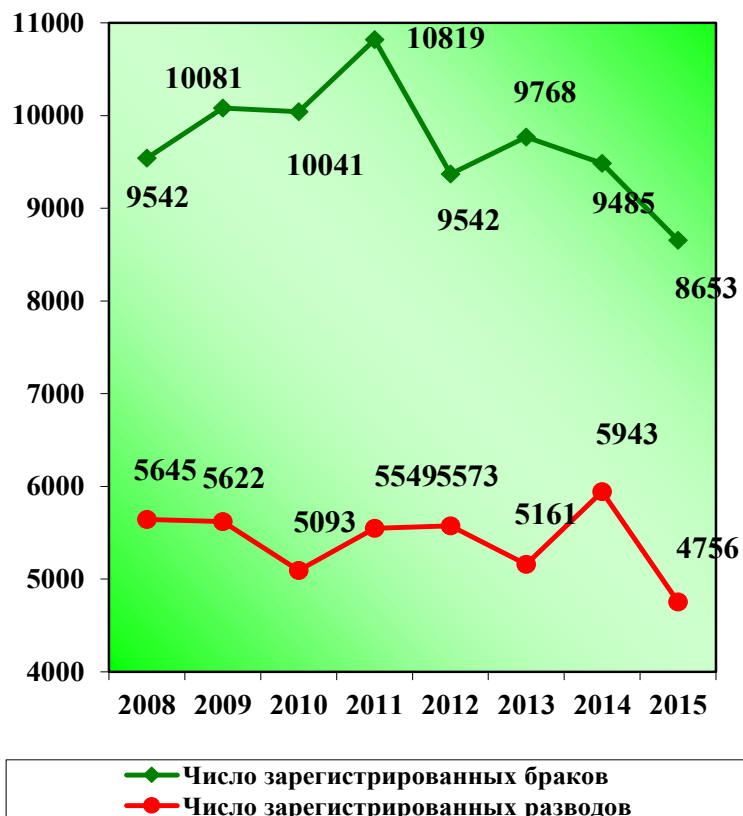
Установлено, что мужчины чаще всего вступают в брак в возрасте 25–34 года, женщины – в возрасте 18–24 года. Доля лиц, вступивших в брак первый раз, составляет около 78 % как среди мужчин, так и среди женщин.

Регистрация браков имеет выраженный сезонный характер. Самое большое количество зарегистрированных браков приходится на летние месяцы, меньше всего браков заключается в мае.

По данным Забайкалкрайстата половина браков заканчиваются разводами (табл. 2), [2].

Таблица 2

Количество браков и разводов в Забайкальском крае

За первый квартал 2017 г. управлением зарегистрировано 1164 акта о расторжении брака.

Количество разводов по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. уменьшилось на 19 %, или 283 акта. Данная тенденция характерна в целом для России, СФО и ряда регионов СФО – Иркутской и Томской областей (табл. 3)

Самый высокий показатель количества разводов на 1 тыс. человек среди регионов СФО за 2016 г. – в Красноярском крае (1,17), самый низкий в Республике Тыва (0,4). В Забайкальском крае показатель количества разводов за указанный период составил 1,03 [1].

Возрастная категория, на которую приходится самое большое количество разводов, как среди женщин, так и среди мужчин – 25-39 лет, максимальное число разводов, как среди женщин, так и среди мужчин приходится на 2014 г. (табл. 4).

По оценке специалистов по годам семейной жизни разводы распределяются так: до 1 года – 3,6 %, от 1 до 2 лет – 16 %, от 3 до 4 лет – 18 %, от 5 до 9 лет – 28 %, от 10 до 19 лет – 22 %, от 20 и более лет – 12,4 %. Таким образом, за первые 4 года происходит около 40% разводов, а за 9 – около 2/3 их общего числа.

Определить причины разводов в органе ЗАГС фактически не возможно. Как отмечают специалисты, для установления причины развода, необходимо проведение мониторинговых социологических исследований, в результате которых можно определить направления работы государственных органов, общественных организаций и религиозных конфессий для снижения количества разводов, в том числе пропаганду семейных ценностей.

Таблица 3

Количество браков и разводов по СФО за 2016-2017 гг.

	Браков		2017 г. в % к 2016 г.	Разводов	
	2017 г.	2016 г.		2017 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6
Российская федерация	173704	196138	102,7	146395	145346
Сибирский федеральный округ	25463	23092	110,3	20904	20799
Республика Алтай	270	234	115,4	203	230
Республика Бурятия	1216	1139	106,8	857	852
Республика Тыва	456	399	114,3	133	127
Республика Хакасия	797	591	134,9	610	623
Алтайский край	2469	2397	103,0	2485	2411
Забайкальский край	1667	1447	115,2	1164	1191
Красноярский край	4226	3744	112,9	3335	3373
Иркутская область	3961	3101	127,7	2887	2731
Кемеровская область	3028	2879	105,2	2838	2901
Новосибирская область	3567	3527	101,1	3192	3180
Омская область	2474	2383	103,8	2109	2075
Томская область	1332	1251	106,5	1091	1105

Таблица 4

Число мужчин и женщин, зарегистрировавших развод

возраст	2013		2014		2015	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
до 18	-	4	-	2	-	2
18 – 24	208	525	261	693	211	610
25 – 39	1186	1700	1739	2427	1384	2131
40 – 49	371	394	527	565	438	467
50 – 59	236	228	322	304	241	231
60 лет и старше	72	55	84	75	78	69
возраст не указан	3088	2255	3010	1877	2412	1246

По статистике наиболее ответственный период в жизни семьи, когда супругам от 20 до 30 лет. Установлено также, что браки, заключенные до 30 лет, в среднем вдвое долговечнее браков, возникших, когда супругам было за 30.

Инициатором развода в 68% случаев являются женщины. Процесс эмансипации, вовлечение женщин в общественное производство, занятость работой вне дома, повышение уровня образования, из-

менение ценностей и жизненных приоритетов, формирование экономической независимости и автономности от мужчин, разрушил традиционные основы семьи и брака, сделав их неустойчивыми. Традиционные гендерные ценности и роли, предписывающие мужчинам быть кормильцами семьи, а женщинам – заниматься домашним хозяйством, вступили в противоречие с реальными процессами выхода женщин за рамки семейных обязанностей. Это повлияло на увеличение количества разводов, происходящих по инициативе женщин.

Анализ литературы, посвященной браку и разводу, позволяет выявить ряд социальных факторов, которые дестабилизируют брак и увеличивают вероятность развода:

- супружеская неверность;
- поспешное, необдуманное вступление в брак или брак по расчету;
- сексуальная неудовлетворенность друг другом;
- несовместимость характеров и взглядов;
- психологическая и практическая неподготовленность к семейной жизни и, как следствие, накопление ошибок в семейных отношениях, разочарование в любимом человеке или себе;
- пьянство.

Данные факторы не являются исчерпывающими, причины могут быть самыми разнообразными.

Американский исследователь семейных проблем К. Витакер, видит основную причину разводов в том, что «часто муж и жена исполняли функции отца и матери, так и не став личностями. Когда испарилось религиозное ощущение святости брака и появилось стремление к индивидуации, развод стал способом вырваться из цепей такого рабства, где двое отказываются от своего лица, становясь никем ради того, чтобы стать частицей симбиотического союза под названием брак».

В результате чего развод превратился в один из параметров современной жизни, в важный компонент современной семейной системы, способствующий предотвращению перманентного конфликта двух взрослых в семье.

Для того чтобы семья могла реализовать свои функции и предотвратить развод, необходим комплекс мер, способствующий полноценному функционированию семьи, предотвращая возможные проблемы. Один из таких путей – разработка специально обучающих и просветительских программ, например, семейное консультирование или Курсы для молодых родителей (на базе отдела ЗАГС, центра планирования семьи). Таким образом, данные мероприятия будут способствовать повышению уровня информированности молодых супругов о возможных проблемах в сфере брачно-семейных отношений, что приведет к снижению бракоразводных процессов и улучшению демографической обстановки.

Литература

1. Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. (Режим доступа: www.gks.ru)
2. Демографический ежегодник Забайкальского края, Стат.сб./ Забайкалкрайстат. - Чита, 2016. – 46с.
3. Лагойда Н.Г., Бадараев Д.Д. К проблеме браков и разводов в Республике Бурятия (социологический аспект) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 05. С. 139–145.
4. Макарова И.А. Динамика межэтнической структуры населения забайкальского края по итогам переписи населения // Аспирант: труды молодых ученых, аспирантов и студентов: приложение к журналу «Вестник Забайкальского государственного университета». 2013. № 1 (13). Чита: ЗабГУ. С. 107–113.

УДК 316:351.74

© Р.Р. Мухина
Иркутск, Россия
редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела,
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: renata02@yandex.ru

Некоторые особенности личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

Аннотация. Преступность в правоохранительных органах занимает особое место. Именно на них лежит основная задача по борьбе с преступлениями и правонарушениями. Поэтому при совершении преступлений сотрудниками правоохранительных органов, наносится колоссальный репутационный ущерб всей правоохранительной системе государства. Нами была предпринята попытка выявить особенности личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления. В статье раскрываются основные характеристики личности, сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления. Акцент сделан на пол, возраст, образование, национальность и семейное положение. Рассмотрено также место проживания, так как оно влияет на формирование особенностей личности. В статье используются данные собственных социологических исследований. Нами была подготовлена анкета, которая включала вопросы с заранее подготовленными ответами, а также были включены вопросы, требующие самостоятельного заполнения. Было проанкетировано 565 со-

трудников мужского пола, а также 28 женщин сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления. Анкетирование велось в различных исправительных учреждениях России с разными режимами содержания, а также в следственном изоляторе ГУФСИН России по Иркутской области. Сделаны краткие выводы по выявленным особенностям личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления.

Ключевые слова: сотрудник правоохранительных органов, пол, возраст, семейное положение, место проживания, образование, национальность.

© R.R. Mukhina
Irkutsk, Russia
Editor

Research and Editorial And Publishing Department
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Some Identity Features of Employees of Law Enforcement Agencies that Committed Crimes

Abstract. Crime in law enforcement agencies holds a specific place. The main objective of these agencies is to fight against crimes and offenses. Therefore, enormous reputation damage is caused by the crimes caused by law enforcement officers to all law-enforcement system of the state. We attempted to reveal identity features of the law enforcement officers who have committed crimes. The paper analyses main identity features of the law enforcement officers who committed crimes. The emphasis is placed on sex, age, education, nationality, and marital status. Also, the place of residence is considered as it influences formation of identity features. The paper draws on the data of the author's sociological researches. We have prepared the questionnaire which included questions with prepared answers and also open questions. 565 male and 28 female law enforcement officers who have committed crimes were questioned. Questioning was conducted in various correctional facilities of Russia with different detention regime, and also in the pre-trial detention center of Russian Federal Penitentiary Service across the Irkutsk region. Short conclusions on the revealed identity features of the law enforcement officers who have committed crimes are drawn.

Keywords: law enforcement officer, sex, age, marital status, place accommodation, education, nationality.

Преступность охватывает почти все сферы общества: социальную, экономическую, политическую и другие. Как отмечают ученые, среди наиболее острых проблем, преступность в правоохранительных органах занимает особое место. Тревогу вызывает, что криминализация коснулась лиц, призванных с ней бороться. В первую очередь, это относится к сотрудникам органов внутренних дел, ведь именно на них приходится больший процент преступлений, по сравнению с другими сотрудниками правоохранительных органов [1, с. 21].

На сегодняшний день наблюдается рост правонарушений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов. Как показало выборочное исследование, проведенное нами, только за период 2009-2014 гг. к реальному сроку отбывания наказания было осуждено 76,6% из числа осужденных сотрудников правоохранительных органов. О росте преступлений среди сотрудников правоохранительных органов говорят и другие ученые [2].

Поэтому нами в рамках статьи, будут рассмотрены некоторые особенности личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления. Личность преступника, является предметом изучения как юридических, так и социологических наук.

Уголовное право, рассматривает личность с точки зрения возможного применения к субъекту норм уголовного воздействия. В криминологии личность преступника, является основным элементом предмета изучения, а также преступник рассматривается с точки зрения профилактики и предупреждения новых преступлений. Уголовный процесс, очерчивает ограниченный круг сведений, необходимых для изучения личности преступника, а также прописывает процедуру, для принятия полученной информации и приобщения ее в качестве доказательств. Криминалистика, рассматривает личность преступника через свойства и качества, которые получили отражение в следах преступления.

Отметим, что именно социология дает больше возможностей для изучения личности преступника. Методы социологического исследования позволяют выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, найти техники для ресоциализации преступника, а также разработать методики профилактики правонарушений и преступлений.

Согласимся с Ю.Р. Герасимовой, что «на сегодняшний день изучение личности преступника – одно из основных направлений не только современной криминологии, но и социологии, девиантологии, психологии, педагогики, уголовного и уголовно-исполнительного права» [3]. Тем самым, личность преступника является ключевым предметом во всех областях наук юридического профиля, а также психологических и социологических. Нами будут рассмотрены социально-демографические особенности сотрудников правоохранительных органов, совершающих преступления.

В ходе проведенного исследования было опрошено 565 сотрудников правоохранительных органов мужского пола, совершивших преступления и 28 женщин-сотрудниц, совершивших преступления.

Одним из основных демографических показателем является возраст. Другие показатели как семья,

образование, наличие детей и другое зависят именно от возраста [4, с. 72]. Данные о возрасте, рассматриваемой категории выглядят следующим образом (таблица 1).

Как видно из таблицы возраст сотрудников, совершивших преступления приходится на период большей активности, то есть возраст от 31 до 35 лет 27,4%. В это время когда адаптация к условиям службы у сотрудника уже пройдена, а до завершения службы еще далеко. 20,5% приходится на возраст от 41 до 50 лет, это время, когда профессиональная деформация у сотрудника неизбежна. Схожие данные были получены и другими учеными в разное время. Так, Г.Б. Калманов, А.Ф. Караваев и Ю.К. Лебедева отмечают, что 40,6% тяжких преступлений приходится на лиц старше 30 лет [5]. Н.В. Сторчилова в своем исследовании говорит о том, что 39,9% коррупционных преступлений приходится на возраст 31-40 лет [6]. Отметим, что возраст 30-40 лет является самым трудоспособным как в физическом, так и в карьерном смысле, это возраст наибольшей активности человека. Как видно активность проявляется не только в законопослушной деятельности, но и в противоправной, ведь именно в этом возрасте совершаются преступления.

Таблица 1

Возраст сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

№	Возраст	Число респондентов	%
1	От 18 до 25 лет	51	9
2	От 26 до 30 лет	110	19,5
3	От 31 до 35 лет	155	27,4
4	От 36 до 40 лет	103	18,2
5	От 41 до 50 лет	116	20,5
6	Старше 50 лет	30	5,3

Одной из особенностей личности сотрудника правоохранительных органов, совершивших преступления является его национальность. В СМИ можно встретить упоминание о национальной принадлежности подозреваемых, обвиняемых, осужденных, тем самым формируя в сознании общества негативное отношение к лицам определенной национальности. Среди наших респондентов, 83,4% осужденных сотрудников свою национальную принадлежность указали как «русский», 3,4% – бурят, 3% – татарин и остальные 10,2% приходится на другие национальности (украинцы, белорусы, армяне, евреи, азербайджанцы и др.).

На формирование личности, в какой-то степени влияет место жительства, поэтому нами оно тоже будет рассмотрено. Местом проживания до совершения преступления 30,1% респондентов указали города федерального значения (г. Москва, г. Санкт-Петербург и г. Севастополь), 24,2% – проживали в областном центре и 30,1% – в других городах, оставшиеся 15,6% приходится на поселки городского типа, села и деревни. Как видно, большая часть респондентов это городские жители. Высокие показатели приходятся на города федерального значения. Во-первых, это города с миллионным населением, так население г. Москва составляет свыше 12 миллионов человек, г. Санкт-Петербург – свыше 5 миллионов, г. Севастополь хоть и не является городом-миллионером (население 350 тысяч человек), но 11 апреля 2014 г. был включён в перечень субъектов Российской Федерации в Конституцию России. Во-вторых, согласно Указа Президента от 1 января 2014 г. установлена предельная штатная численность органов внутренних дел 1087064 единицы, в том числе сотрудников органов внутренних дел 904868 (из них сотрудников полиции – 782001 единица), федеральных государственных гражданских служащих – 4851 единица, работников – 117345 единиц). Это без учета органов юстиции, судейского аппарата, ФСБ и других структур. Соответственно доля распределения сотрудников правоохранительных органов в Центральной части России будет выше, чем в регионах, как и проявление противоправных деяний с их стороны. В-третьих, ч. 1. ст. 73 УИК РФ предусматривает что, осужденные к лишению свободы, отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. В исключительных случаях по состоянию здоровья осужденных или для обеспечения их личной безопасности, либо с их согласия они могут быть направлены для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации. Также отмечено в качестве основного направления развития уголовно-исполнительной системы в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. где закреплено, «оптимизация размещения мест отбывания наказания на территории страны, в том числе для сохранения социально полезных связей осужденных, доступности места отбывания наказания для родственников, за исключением случаев, требующих изоляции членов организованного преступного сообщества, а также обеспечения без-

опасности самого осужденного».

Особенностью личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступление является образование.

Из представленных данных видно, что идет тенденция к получению высшего образования сотрудниками правоохранительных структур. Процент лиц со средним образованием становится значительно меньше 13,5%, на среднее специальное и незаконченное высшее образование приходится 23,7% и 24,4% соответственно. 38,4% имеют высшее образование, это говорит о том, что квалификационные требования к сотрудникам повышаются и наличие высшего образования становится обязательным требованием как вновь поступающим на службу, так и работающим сотрудникам. Однако сдерживающим фактором наличие образования не стало.

Таблица 2

Образование, сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

№	Варианты ответов	Количество респондентов	Всего
1	Среднее общее	76	13,5
2	Среднее специальное (техникум, колледж).	134	23,7
3	Незаконченное высшее	138	24,4
4	Высшее	217	38,4

Таблица 3

Высшее образование сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

№	Образование	Число респондентов	%
1	Юридическое	139	64,1
2	Педагогическое	25	11,5
3	Экономическое	41	18,9
4	Техническое	8	3,7
5	Другие	4	1,8
6	Всего	217	100

Из полученных данных видно, что высшее юридическое образование имеют 64,1%, 18,9% приходится на экономическое образование и 11,5 на педагогическое.

Кроме этого к сотрудникам отдельных подразделений предъявляются дополнительные требования в узких направлениях, так сотрудники ОБЭП получают дополнительное экономическое образование, сотрудники по работе с несовершеннолетними психологическое или педагогическое образование. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. предусматривает подготовку работников уголовно-исполнительной системы, владеющих новейшими психологическими и педагогическими методиками и технологиями воздействия на поведение граждан в условиях их изоляции от общества, в том числе и навыками работы с новыми телекоммуникационными системами. То, например, к судьям законодательно закреплено требование наличие юридического образования, а также приветствуется наличие ученого звания кандидата или доктора юридических наук.

Можно сделать вывод о том, что 38,4% сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления имели высшее образование, из них больше половины имели юридическое образование.

Немаловажную роль в формировании личности сотрудника правоохранительных органов играет семья. Именно в семье происходит становление и развитие личности, возникают нормы поведения, которые приняты и одобрены обществом. Так, исследователи проблем социологии семьи И.И. Осинский и Э.В. Гылькова пишут «Семья служит для личности первым источником социальных идеалов и образцов. Велико ее значение в организации потребления и семейного быта людей. Она имеет важное психологическое значение для удовлетворения потребности человека в симпатии, уважении, эмоциональной поддержке, признании и защите» [7, с. 4].

Семейное положение наших респондентов иллюстрирует следующая таблица.

Таблица 4

Семейное положение сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

№	Варианты ответов	Число респондентов	%
1	Состоял в браке	260	46
2	Проживал гражданским браком	169	30
3	Разведен	56	9,9

4	Холост	77	13,6
5	Вдовец	3	0,5

Как видно из таблицы, 46% респондентов состояли в браке, 30% проживали гражданским браком, 13,6% никогда не состояли в брачных отношениях и 9,9% – разведены. Несомненно, семья имеет важное значение для профилактики преступлений, но и играет важную роль в ресоциализации сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступление.

На вопрос «Есть ли у Вас дети, если да то сколько?» мы получили следующие ответы: 34,2% имеют одного ребенка, 31,3% – два ребенка, 10,6% – три и более детей, и 23,9% – ответили, что детей нет.

Проведенное анкетирование показывает, что у большинства исследуемой нами социальной категории сотрудников были семья и дети, то есть охарактеризовать такую семью можно как благоприятную.

В заключении отметим, что сотрудники правоохранительных органов, совершившие преступления никак нельзя назвать криминальным контингентом или лицами, ведущими асоциальный образ жизни. К особенностям личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления можно отнести следующие характеристики:

- пол, как показало наше исследование, большинство лиц рассматриваемой категории – мужчины;
- возраст приходится на 31-35 лет, в правоохранительных органах данный возраст относится к наиболее активному, когда время адаптации прошло, идет активный рост по служебной лестнице;
- 84,3% респондентов указали свою национальность как «русский», отметим, что это не связано с национальными особенностями, а с тем, что людей идентифицирующие себя как «русский» значительно больше, чем лиц иной национальности;
- большинство респондентов имеют хорошее образование, в том числе 64,1% - высшее юридическое, что не характерно для иных лиц, совершающих преступления;
- 76% сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления состоят в официальном браке или проживают фактически.

Исследование личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления имеет важное практическое значение, особенно в системе профилактики преступлений такой социально-профессиональной группы и минимизации пенитенциарной преступности, а также для выявления и осмысления тех свойств и характеристик, которые порождают их преступное поведение [8, с. 276].

Литература

1. Варьгин А.Н. О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань, 2013. № 11. С. 21–25.
2. Уразаева Г.И. Преступность сотрудников органов внутренних дел: формы ее проявления и психологические особенности // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань, 2015. - № 4. С. 6–12; Касперович Ю.Г. Особенности личности сотрудника ОВД, совершающего преступления коррупционной направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1. С. 52-55.
3. Герасимова Ю.Р. К вопросу об изучении личности осужденного к лишению свободы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012, № 2. С. 31–38.
4. Гайдай М.К., Герасимова Ю.Р. Основные характеристики социального облика женщин, лишенных свободы // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур. Иркутск, 2015. С. 72–81.
5. Калманов Г.Б., Караваев А.Ф., Лебедева Ю.К. Механизмы социально-психологической деформации у сотрудников ОВД: уголовно-правовой аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. М., 2001. № 1 (15). С. 73–79.
6. Сторчилова Н.В. Особенности криминологической характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершающих коррупционные преступления // Теория и практика общественного развития: Научный журнал. 2009, № 3-4. URL:http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2009/3-4/storchilova.pdf (дата обращения 05.03.2017).
7. Осинский И.И., Гылыкова Э.В. Бурятская городская семья на рубеже XX–XXI вв. Социологический анализ / И.И. Осинский, Э.В. Гылыкова. Улан-Удэ: Издательство бурятского госуниверситета, 2003. – 143 с.
8. Гайдай М.К. Криминологическая характеристика осужденных к лишению свободы бывших работников судов и правоохранительных органов // Евразийский юридический журнал. – 2016. – №5 (96). – С. 273–276.

Самоидентификация в местах лишения свободы

Аннотация. Пенитенциарные учреждения как разновидность закрытой социальной системы со свойственными особенностями осуществления исправительной деятельности (срок, режим, условия отбывания наказания), с присущей контингенту исправительного учреждения неформальной иерархией, совокупностью неофициальных поведенческих норм («понятий»), определяющих взаимоотношения индивидов между собой, оказывают сильное влияние на человека, способствуют изменению, приобретению или «усилению» специфических, отклоняющихся от социальных норм качеств. На сегодняшний день в местах лишения свободы возросло число осужденных, совершивших наиболее тяжкие преступления. Пребывание подобных лиц в среде себе подобных обуславливает существование в местах лишения свободы своеобразного преступного микромира, в котором происходят процессы деформации личности, и мотивируется девиантное поведение. Статья посвящена отклоняющемуся от нормы поведению осужденных внутри исправительных учреждений, то есть пенитенциарной девиантности. Одной из форм которой является пенитенциарная (тюремная, тюремно-лагерная) субкультура, как одна из разновидностей криминальной субкультуры. В статье приводятся наиболее приемлемые автором определения, указываются составляющие ее элементы: неформальные нормы и правила поведения, специфический язык общения и невербальные средства общения, тюремное творчество, игры, развлечения, татуировки, дифференциация осужденных на касты, масти и т.д. Благодаря проведенному исследованию лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Иркутской области, у автора появилась возможность представить данные самоидентификации личности в условиях пенитенциария.

Ключевые слова: лишение свободы, субкультура, идентификация, каста, стратификация, пенитенциарная субкультура, девиантное поведение.

© Yu.R. Gerasimova
Irkutsk, Russia
Candidate of Sociology, Deputy Head
Department of General Legal Training
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Self-identification in the Places of Imprisonment

Abstract. Penitentiary institutions as a type of closed social system with specific features of the implementation of corrective activity (term, regime, conditions of serving punishment), with an informal hierarchy inherent in the correctional institution, a set of unofficial behavioral norms that determine interrelations of individuals, exert a strong influence on the person. They contribute to changing, acquiring or strengthening of the qualities that deviate from social norms. To date, the number of convicts who committed the most serious crimes has increased in places of imprisonment. The stay of such persons in their own environment determines the existence of a kind of criminal microcosm in which the processes of deformation of the person take place, and deviant behavior is motivated. The paper examines the deviant behavior of convicts within correctional institutions, that is, penitentiary deviance. One form of which is prison (prison, prison-camp) subculture, as one of the varieties of criminal subculture. The paper offers the most acceptable definitions for the author, specifies the constituent elements: informal norms and rules of behavior, specific language of communication and non-verbal means of communication, prison creativity, games, entertainment, tattoos, differentiation of convicts into castes, etc. Drawing on the research of persons serving their sentences in correctional institutions of the Irkutsk region, the author presents data on the person identity in a penitentiary.

Keywords: deprivation of freedom, subculture, identification, caste, stratification, penitentiary subculture, deviant behavior.

Преступность охватила почти все сферы общества: социальную, экономическую, политическую и другие. Как отмечают ученые, среди наиболее острых проблем, преступность в правоохранительных органах занимает особое место. Тревогу вызывает, что криминализация коснулась лиц, призванных с ней бороться. В первую очередь, это относится к органам внутренних дел, ведь именно на них приходится больший процент преступлений, по сравнению с другими сотрудниками правоохранительных органов [1, с. 21].

На сегодняшний день наблюдается рост правонарушений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов. Как показало выборочное исследование, проведенное нами, только за период 2009-2014 гг. к реальному сроку отбывания наказания было осуждено 76,6% из числа осужденных сотрудников правоохранительных органов. О росте преступлений среди сотрудников правоохранительных органов говорят и другие ученые [2].

Поэтому нами в рамках статьи, будут рассмотрены некоторые особенности личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления. Личность преступника, является предметом изучения как юридических так и социологических наук.

Уголовное право, рассматривает личность с точки зрения возможного применения к субъекту

норм уголовного воздействия. В криминологии личности преступника, является основным элементом предмета изучения, а также преступник рассматривается с точки зрения профилактики и предупреждения новых преступлений. Уголовный процесс, очерчивает ограниченный круг сведений, необходимых для изучения личности преступника, а также прописывает процедуру, для принятия полученной информации и приобщении ее в качестве доказательств. Криминалистика, рассматривает личность преступника через свойства и качества, которые получили отражения в следах преступления.

Отметим, что именно социология дает больше возможностей для изучения личности преступника. Методы социологического исследования позволяют выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, найти техники для ресоциализации преступника, а также разработать методики профилактики правонарушений и преступлений.

Согласимся с Ю.Р. Герасимовой, что «на сегодняшний день изучение личности преступника – одно из основных направлений не только современной криминологии, но и социологии, девиантологии, психологии, педагогики, уголовного и уголовно-исполнительного права» [3]. Тем самым, личность преступника является ключевым предметом во всех областях наук юридического профиля, а также психологических и социологических. Нами будут рассмотрены социально-демографические особенности сотрудников правоохранительных органов, совершающих преступления.

В ходе проведенного исследования было опрошено 565 сотрудников правоохранительных органов мужского пола, совершивших преступление и 28 женщин-сотрудниц, совершивших преступления.

Одним из основных демографическим показателем является возраст. Другие показатели как семья, образование, наличие детей и другое зависят именно от возраста [4, с. 72]. Данные о возрасте, рассматриваемой категории выглядят следующим образом (таблица 1).

Таблица 1

Возраст сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

№	Возраст	Число респондентов	%
1	От 18 до 25 лет	51	9
2	От 26 до 30 лет	110	19,5
3	От 31 до 35 лет	155	27,4
4	От 36 до 40 лет	103	18,2
5	От 41 до 50 лет	116	20,5
6	Старше 50 лет	30	5,3

Как видно из таблицы возраст сотрудников, совершивших преступления приходится на период большей активности, то есть возраст от 31 до 35 лет 27,4%. В это время когда адаптация к условиям службы у сотрудника уже пройдена, а до завершения службы еще далеко. 20,5% приходится на возраст от 41 до 50 лет, это время, когда профессиональная деформация у сотрудника неизбежна. Схожие данные были получены и другими учеными в разное время. Так, Г.Б. Калманов, А.Ф. Караваев и Ю.К. Лебедева отмечают, что 40,6% тяжких преступлений приходится на лиц старше 30 лет [5]. Н.В. Сторчилова в своем исследовании говорит о том, что 39,9% коррупционных преступлений приходится на возраст 31-40 лет [6]. Отметим, что возраст 30-40 лет является самым трудоспособным как в физическом, так и в карьерном смысле, это возраст наибольшей активности человека. Как видно активность проявляется не только в законопослушной деятельности, но и в противоправной, ведь именно в этом возрасте совершаются преступления.

Одной из особенностей личности сотрудника правоохранительных органов, совершивших преступления является его национальность. В СМИ можно встретить упоминание о национальной принадлежности подозреваемых, обвиняемых, осужденных, тем самым формируя в сознании общества негативное отношение к лицам определенной национальности. Среди наших респондентов, 83,4% осужденных сотрудников свою национальную принадлежность указали как «русский», 3,4% – бурят, 3% – татарин и остальные 10,2% приходится на другие национальности (украинцы, белорусы, армяне, евреи, азербайджанцы и др.).

На формирование личности, в какой-то степени влияет место жительства, поэтому нами оно тоже будет рассмотрено. Местом проживания до совершения преступления 30,1% респондентов указали города федерального значения (г. Москва, г. Санкт-Петербург и г. Севастополь), 24,2% – проживали в областном центре и 30,1% – в иных других городах, оставшиеся 15,6% приходится на поселки городского типа, села и деревни. Как видно, большая часть респондентов это городские жители. Высокие показатели приходятся на города федерального значения. Во-первых, это города с миллионным населением, так население г. Москва составляет свыше 12 миллионов человек, г. Санкт-Петербург – свыше 5 миллионов, г. Севастополь хоть и не является городом-миллионером (население 350 тысяч че-

ловек), но 11 апреля 2014 г. был включён в перечень субъектов Российской Федерации в Конституцию России. Во-вторых, согласно Указа Президента от 1 января 2014 г. установлена предельная штатная численность органов внутренних дел 1087064 единицы, в том числе сотрудников органов внутренних дел 904868 (из них сотрудников полиции – 782001 единица), федеральных государственных гражданских служащих – 4851 единица, работников – 117345 единиц). Это без учета органов юстиции, судейского аппарата, ФСБ и других структур. Соответственно доля распределения сотрудников правоохранительных органов в Центральной части России будет выше, чем в регионах, как и проявление противоправных деяний с их стороны. В-третьих, ч. 1. ст. 73 УИК РФ предусматривает что, осужденные к лишению свободы, отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. В исключительных случаях по состоянию здоровья осужденных или для обеспечения их личной безопасности, либо с их согласия они могут быть направлены для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации. Также отмечено в качестве основного направления развития уголовно-исполнительной системы в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. где закреплено, «оптимизация размещения мест отбывания наказания на территории страны, в том числе для сохранения социально полезных связей осужденных, доступности места отбывания наказания для родственников, за исключением случаев, требующих изоляции членов организованного преступного сообщества, а также обеспечения безопасности самого осужденного».

Особенностью личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступление является образование.

Таблица 2

Образование, сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

№	Варианты ответов	Количество респондентов	Всего
1	Среднее общее	76	13,5
2	Среднее специальное (техникум, колледж).	134	23,7
3	Незаконченное высшее	138	24,4
4	Высшее	217	38,4

Из представленных данных видно, что идет тенденция к получению высшего образования сотрудниками правоохранительных структур. Процент лиц со средним образованием становится значительно меньше 13,5%, на среднее специальное и незаконченное высшее образование приходится 23,7% и 24,4% соответственно. 38,4% имеют высшее образование, это говорит о том, что квалификационные требования к сотрудникам повышаются и наличие высшего образования становится обязательным требованием как вновь поступающим на службу, так и работающим сотрудникам. Однако сдерживающим фактором наличие образования не стало.

Таблица 3

Высшее образование сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

№	Образование	Число респондентов	%
1	Юридическое	139	64,1
2	Педагогическое	25	11,5
3	Экономическое	41	18,9
4	Техническое	8	3,7
5	Другие	4	1,8
6	Всего	217	100

Из полученных данных видно, что высшее юридическое образование имеют 64,1%, 18,9% приходится на экономическое образование и 11,5 на педагогическое.

Кроме этого к сотрудникам отдельных подразделений предъявляются дополнительные требования в узких направлениях, так сотрудники ОБЭП получают дополнительное экономическое образование, сотрудники по работе с несовершеннолетними психологическое или педагогическое образование. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. предусматривает подготовку работников уголовно-исполнительной системы, владеющих новейшими психологическими и педагогическими методиками и технологиями воздействия на поведение граждан в условиях их изоляции от общества, в том числе и навыками работы с новыми телекоммуникационными системами. То, например, к судьям законодательно закреплено требование наличие юридического образования,

а также приветствуется наличие ученого звания кандидата или доктора юридических наук.

Можно сделать вывод о том, что 38,4% сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления имели высшее образование, из них больше половины имели юридическое образование.

Немаловажную роль в формировании личности сотрудника правоохранительных органов играет семья. Именно в семье происходит становление и развитие личности, возникают нормы поведения, которые приняты и одобрены обществом. Так, исследователи проблем социологии семьи И.И. Осинский и Э.В. Гылыкова пишут «Семья служит для личности первым источником социальных идеалов и образцов. Велико ее значение в организации потребления и семейного быта людей. Она имеет важное психологическое значение для удовлетворения потребности человека в симпатии, уважении, эмоциональной поддержке, признании и защите» [7, с. 4].

Семейное положение наших респондентов иллюстрирует следующая таблица.

Таблица 4

Семейное положение сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления

№	Варианты ответов	Число респондентов	%
1	Состоял в браке	260	46
2	Проживал гражданским браком	169	30
3	Разведен	56	9,9
4	Холост	77	13,6
5	Вдовец	3	0,5

Как видно из таблицы, 46% респондентов состояли в браке, 30% проживали гражданским – браком, 13,6% никогда не состояли в брачных отношениях и 9,9% – разведены. Несомненно, семья имеет важное значение для профилактики преступлений, но и играет важную роль в ресоциализации сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступление.

На вопрос «Есть ли у Вас дети, если да то сколько?» мы получили следующие ответы: 34,2% имеют одного ребенка, 31,3% – два ребенка, 10,6% – три и более детей, и 23,9% – ответили, что детей нет.

Проведенное анкетирование показывает, что у большинства исследуемой нами социальной категории сотрудников были семья и дети, то есть охарактеризовать такую семью можно как благоприятную.

В заключении отметим, что сотрудники правоохранительных органов, совершившие преступления никак нельзя назвать криминальным контингентом или лицами, ведущими асоциальный образ жизни. К особенностям личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления можно отнести следующие характеристики:

- пол, как показало наше исследование, большинство лиц рассматриваемой категории – мужчины;
- возраст приходится на 31-35 лет, в правоохранительных органах данный возраст относится к наиболее активному, когда время адаптации прошло, идет активный рост по служебной лестнице;
- 84,3% респондентов указали свою национальность как «русский», отметим, что это не связано с национальными особенностями, а с тем, что людей идентифицирующие себя как «русский» значительно больше, чем лиц иной национальности;
- большинство респондентов имеют хорошее образование, в том числе 64,1% - высшее юридическое, что не характерно для иных лиц, совершающих преступления;
- 76% сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления состоят в официальном браке или проживают фактически.

Исследование личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления имеет важное практическое значение, особенно в системе профилактики преступлений такой социально-профессиональной группы и минимизации пенитенциарной преступности, а также для выявления и осмысления тех свойств и характеристик, которые порождают их преступное поведение [8, с. 276].

Литература

1. Варьгин А.Н. О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань, 2013. № 11. С. 21–25.
2. Уразаева Г.И. Преступность сотрудников органов внутренних дел: формы ее проявления и психологические особенности // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань, 2015. - № 4. С. 6–12;
3. Герасимова Ю.Р. К вопросу об изучении личности осужденного к лишению свободы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012, № 2. С. 31–38.
4. Гайдай М.К., Герасимова Ю.Р. Основные характеристики социального облика женщин, лишенных свободы // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур. Иркутск, 2015. С. 72–81.
5. Калманов Г.Б., Караваев А.Ф., Лебедева Ю.К. Механизмы социально-психологической деформации у сотрудников

ОВД: уголовно-правовой аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. М., 2001. № 1 (15). С. 73–79.

6. Сторчилова Н.В. Особенности криминологической характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершающих коррупционные преступления // Теория и практика общественного развития: Научный журнал. 2009, № 3–4. URL:http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2009/3-4/storchilova.pdf (дата обращения 05.03.2017).

7. Осинский И.И., Гылыкова Э.В. Бурятская городская семья на рубеже XX–XXI вв. Социологический анализ / И.И. Осинский, Э.В. Гылыкова. Улан-Удэ: Издательство бурятского госуниверситета, 2003. –143 с.

8. Гайдай М.К. Криминологическая характеристика осужденных к лишению свободы бывших работников судов и правоохранительных органов // Евразийский юридический журнал. – 2016. – №5 (96). – С. 273–276.

УДК: 159.938.362.63

© Е.В. Багрова
г. Ноябрьск, Россия
PhD, канд. филос. наук, доцент,
Ноябрьский институт нефти и газа (филиал) ТИУ
E-mail: nngkcergei@mail.ru

© С.В. Кручинин
г. Ноябрьск, Россия
канд. филос. наук, доцент,
Ноябрьский институт нефти и газа (филиал) ТИУ
E-mail: nngkcergei@mail.ru

Соотношение нравственности и стремления к прибыли в контексте развития нефтяного рынка: философский аспект

Аннотация. Нефтяной рынок - это не только сверхприбыли и поддержание стабильного состояния экономики, нефтяной рынок является полем боя, на котором происходят открытые сражения и ведутся «подковерные» игры. Чего ждать в будущем, каких событий стоит ожидать уже в текущем 2017 году?

Рассматривая проблемы противостояния на нефтяном рынке мы акцентируем внимание на открытых сражениях и скрытых действиях противоборствующих сторон. Каким образом нравственные ориентиры могут быть реализованы в системе жесткого конкурентного прессинга? Представляется, что никаким. Любые договоренности существуют до момента, пока выгода не будет превалировать над стремлением к открытому диалогу. Данный концепт остается неизменным на протяжении всей истории человечества, с момента появления устойчивого стремления к получению и максимизации прибыли. Именно прибыль является действенным механизмом развития цивилизации.

Ключевые слова: торговля, нефтяной рынок, санкционное давление, развитие, конкуренция

©E.V. Bagrova
Noyabrsk, Russia
PhD, Candidate of Philosophy, Assistant Professor
November Institute of Oil and Gas (Branch) TIU

©S.V. Kruchinin
Noyabrsk, Russia
Candidate of Philosophy, Assistant Professor
November Institute of Oil and Gas (Branch) TIU

The Ratio of Morality and Pursuit of Profit in the Context of the Oil Market Development: Philosophical Aspect

Abstract. The oil market is not only enormous profits and maintaining of a stable state of the economy. The oil market is a battlefield with open battles and ‘hidden’ games. What to expect in the future? What events should be expected in the current 2017?

Considering the issues of confrontation in the oil market we focus on open battles and covert actions of the opposingsides. How moral values can be implemented in the system of rigid competitive pressure? It seems that none. Any agreements exist until the benefit would prevail over the desire for open dialogue. This concept remains unchanged throughout the history of mankind, since the advent of the sustainable pursuit and maximization of profit. The profit is an effective mechanism of civilization development.

Keywords: trade, oil market, sanctions pressure, development, competition

Любая торговля, в том числе и торговля нефтью и нефтепродуктами направлена на получение прибыли. Прибыль это конечный результат и целевой ориентир в развитии нефтяного рынка. Жесткая конкуренция зачастую определяет поведение участников рынка.

В марте 2017 года стало известно, что Саудовская Аравия, которая активнее других стран выполняла венские соглашения, впервые за три месяца стала предоставлять существенные скидки на чёрное золото своим клиентам. Вероятно, с помощью неожиданных дисконтов королевство пытается сохранить имеющиеся экспортные объёмы. Однако это может стать поводом для новой ценовой войны на глобальном нефтяном рынке, поскольку другие нефтедобывающие государства также могут по-

следовать примеру монархии. Как следствие, котировки начнут снижаться.

Есть ещё одна причина саудовской «щедрости». Укрепление позиций российских энергоносителей на рынке Азии повлекло за собой ответные действия королевства, которое не готово молчаливо уступить экспортную нишу конкурентам.

Объём сбыта российской нефти азиатским потребителям растёт, и наше государство постепенно начинает вытеснять оттуда традиционных ближневосточных поставщиков, включая Саудовскую Аравию. В первую очередь Россия увеличивает экспорт чёрного золота в Китай, который занимает второе место в мире по потреблению этого сырья.

Нефть всегда была одной из традиционных составляющих российского экспорта. Ее основными потребителями являются страны Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Функционирование компаний нефтяной отрасли российской экономики происходит в условиях наметившейся положительной динамики роста цен на нефть на мировых рынках и продолжающегося действия секторальных санкционных ограничений, которые были направлены на создание неблагоприятных условий для ведущих отраслей российской экономики. В этой связи вполне уместным становится поиск ответов на вопрос о стратегических перспективах развития нефтяной отрасли с учетом объективных, а главным образом – субъективных реалий, навязанных российской экономике посредством неправомерного введения секторальных санкционных ограничений.

В настоящее время в России разведано 2750 нефтяных месторождений, из которых 1580 месторождений находятся в разработке. В них сосредоточено 78% всех запасов нефти в стране. На долю активно разрабатываемых приходится одна треть всех разведанных запасов, из которых 67% приходится на трудноизвлекаемые (ТРИЗ) запасы, в том числе высоковязкие нефти – 13%, малопроницаемые коллекторы – 36%, малые толщины пластов – 4%, подгазовые зоны – 14% [1]. По итогам 2014-2015 годов нефтяная отрасль российской экономики вопреки всем прогнозам показала достаточно хорошие результаты, как в части добычи нефти, так и ее экспорта. Рост добычи нефти и газового конденсата в целом по Российской Федерации в 2015 г., по сравнению с 2014 г., составил 7,4 млн. тонн (+1,4%) [1].

В достаточно сложных условиях отрасль смогла сохранить положительную динамику своего развития благодаря действующим налоговым стимулам на добычу нефти, а также установленным льготам по налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и таможенным пошлинам. Совокупность указанных и ряда других стимулов создавала определенные преимущества для компаний, добывающих нефть на новых месторождениях Восточной Сибири и Дальнего Востока страны, а также для компаний, осваивающих месторождения с повышенной сложностью добычи нефти, а именно: шельфовые месторождения и месторождения добычи вязкой нефти и нефти повышенной вязкости. К указанным выше факторам добавился фактор резкой девальвации рубля, который, по существу, оказался своего рода демпфером, существенно смягчившим негативные в целом последствия от падения цен на нефть на мировых рынках.

Произошло это вследствие того, что российские нефтяные компании основной объем своих издержек номинировали в рублях, а весь объем поступлений от экспорта нефти – в долларах США. Поэтому российские нефтяные компании на начальном этапе смогли сгладить негативные последствия падения цен на нефть на мировых рынках. Большая часть нефтяных компаний также показали завидную финансовую устойчивость в условиях значительного падения цен на нефть на мировых рынках и продолжающегося действия секторальных и технологических санкционных ограничений. Но, по нашему мнению, эта устойчивость имеет в большей мере кратковременный характер, поскольку была обеспечена во многом за счет совокупного воздействия ряда факторов, непосредственно зависящих от отраслевой специфики их производственной деятельности, участия государства в регулировании условий продажи и перераспределении поступающих потоков финансовых ресурсов, а также достаточно длительным периодом сохранения низких цен на нефть на мировых рынках. Так, рост объемов добычи нефти в 2015-2016 годах был обеспечен масштабными инвестициями в отрасль, которые были сделаны еще в 2011-2014 годах. При этом большая часть объемов добычи пришлась на действующие крупные месторождения, на которых средняя себестоимость добываемой нефти не превышает 20 долл. США за один баррель [2, 3]. Как видим, имеющее место положительная динамика развития отрасли во многом базируется на совокупном воздействии целого ряда факторов краткосрочного характера. Поэтому повышается актуальность обоснования целесообразности использования различных стратегических мероприятий и механизмов, способных обеспечить развитие нефтяной отрасли в более отдаленной перспективе.

Не смотря на достигнутые успехи в своем развитии нефтяная отрасль российской экономики неизбежно сталкивается со все большим числом внешних и внутренних вызовов. Данное обстоятель-

ство вызывает насущную потребность поиска действенных ответов на них в виде системы различных стратегических мероприятий и механизмов, способных обеспечить развитие нефтяной отрасли. Определяющим среди внешних вызовов для нефтяной отрасли стал, во-первых, резкий обвал цен на нефть на мировых рынках, а во-вторых, практически непредсказуемая динамика их изменения даже в краткосрочной перспективе. Инициатором первого внешнего вызова в свое время стала Саудовская Аравия, которая надеялась за счет низкой себестоимости добычи нефти и увеличения объемов ее продажи выйти на лидирующие позиции в мире и получение в перспективе дополнительной прибыли. Однако при этом не были тщательно просчитаны и проанализированы все возможные варианты развития событий, что привело к обвалу цен на нефть на мировых рынках. Ответной реакцией большинства стран - экспортеров нефти, естественно, стало наращивание объемов ее добычи и рост предложения на мировых рынках. В результате достаточно быстро совокупное предложение превысило спрос, что привело стремительному падению цен на нефть на мировых рынках.

Дошло до того, что их искусственно удерживали в районе 25-30 долл. США за баррель в течение нескольких месяцев. Как оказалось, такая ситуация не принесла выгоды никому. Реакцией на нее стала постепенная активизация переговорных процессов в самых различных форматах и на разных уровнях. Но ситуация еще достаточно долго не претерпевала существенных перемен. Только с началом участия России в сложной системе переговорных процессов появились первые положительные подвижки. Пусть не сразу, но постепенно большинство стран-экспортеров нефти пришли к выводу о необходимости временного ограничения добычи нефти. Кульминационным моментом этого процесса стал саммит стран ОПЕК и ряда других стран - производителей нефти, который прошел в Вене 30-го ноября 2016 года. Его участникам удалось договориться о сокращении добычи нефти на 1,2 млн. баррелей в день с текущего уровня в 33,6 млн. баррелей, что соответствует примерно 1% общемировой добычи. Это соглашение позволило в короткие сроки восстановить рыночный баланс спроса и предложения, что незамедлительно отразилось на росте котировок цен на нефть на мировых рынках. В настоящее время они достаточно уверенно удерживаются в районе 50-60 долл. США за один баррель.

Для России такой вариант развития событий следует признать успешным, учитывая, что ее бюджет на 2017-2019 годы верстался из расчета средневзвешенной цены на нефть в 40 долл. США за баррель. Не менее значимым внешним вызовом стало введение странами запада нерыночных санкционных ограничений дискриминационной направленности по отношению к нефтяной отрасли российской экономики, что проявилось в запрещении доступа к рынкам заемных средств, закупок комплектующих, оборудования и технологий иностранного производства для проведения разведки и добычи нефти (бурения). Указанные действия разрушили широко используемый механизм привлечения инвестиций через зарубежные банки для открытия новых проектов проведения разведки и добычи нефти. Естественно, что в таких условиях нефтяная отрасль российской экономики была вынуждена переориентироваться на инвестиции за счет собственных средств. Однако снижение цен на нефть на мировых рынках привело к заметному сокращению потенциальных объемов собственных инвестиций, а также существенному ограничению возможности поддержки новых проектов со стороны государства.

В совокупности это порождает риски дополнительного роста долговой нагрузки на отрасль в среднесрочной перспективе для поддержки всей экономики страны. Значимым внутренним вызовом развития нефтяной отрасли российской экономики стала необходимость проведения ее структурной трансформации или, другими словами, замещения объемов добычи нефти на действующих месторождениях, которые постепенно сокращаются, вводом в эксплуатацию новых месторождений.

Вся сложность этого процесса заключается в том, что на действующих месторождениях себестоимость добычи нефти существенно ниже, чем на новых по объективным причинам, начиная от масштабов самих месторождений и заканчивая их геологическими особенностями – как правило, это месторождения с ТРИЗ и шельфовые месторождения. Кроме того, необходимо систематически проводить разведку новых месторождений. Однако дискриминационные санкционные ограничения препятствуют этому. Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время порядка 70% нефти добывается на таких крупных месторождениях, как Самотлор, Уренгой, Ромашкинское, Ванкорское и др., но уже в недалекой перспективе прирост добычи нефти будет обеспечиваться в основном за счет более мелких месторождений, начальные объемы извлекаемых запасов на которых не превышают 10-15 млн. тонн [4].

Освоение таких месторождений потребует принципиально иного подхода, который будет кардинально отличаться от традиционно принятой практики освоения крупных месторождений. Оно приведет к качественному изменению структуры добычи нефти в пользу более дорогих проектов, развитие которых в условиях дефицита инвестиций будет достаточно проблематичным.

Еще одним внутренним вызовом для развития отрасли стала проблема технологической модернизации переработки нефти путем улучшения ее качественных характеристик. До настоящего времени в России использование вторичных процессов переработки нефти остается на низком уровне до 57% от первичной переработки. В то же время в странах ЕС этот показатель превышает 100%, а в США он составляет более 160% [5].

Другими словами в нефтяной отрасли российской экономики глубина переработки нефти фактически не растет, хотя объемы переработки нефти увеличиваются. Для модернизации переработки нефти в 2011 году была разработана «дорожная карта», но процесс ее реализации затянулся, а соблюдение указанных в ней сроков в текущих условиях маловероятно. Кроме того, этот документ был ориентирован на развитие гидрокрекинга нефти и рост производства дизельного топлива, но при этом развитию производства автомобильных бензинов было уделено недостаточно внимания.

В 2017 году тенденция интенсификации сбыта российского сырья получила продолжение, поскольку нефтяные компании России наращивают продажи независимым китайским нефтеперерабатывающим заводам.

Известная южнокорейская нефтеперерабатывающая компания SK Energy не так давно объявила, что заключила первый за десятилетие контракт на поставку сырья из России. Южнокорейская компания приобрела один миллион баррелей нефти у Litasco, трейдингового подразделения ПАО «Лукойл». В пресс-службе SK Energy пояснили, что переориентация на импорт нефти из России связана со снижением возможностей ближневосточных традиционных поставщиков.

По данным Росстата, в декабре 2016 года Россия снова стала крупнейшим в мире нефтедобытчиком, опередив по объемам производства чёрного золота Саудовскую Аравию. В среднем в России производилось 10,509 миллиона баррелей в сутки. Среднесуточный объём добычи нефти монархией в декабре составил 10,474 миллиона баррелей нефти. По скорректированным данным Росстата, в ноябре королевство в среднем добывало 10,623 миллиона баррелей в сутки, Россия - 10,424 миллиона баррелей в сутки.

В ноябре 2016 года Саудовская Аравия установила персональный производственный рекорд, доведя объём нефтедобычи до 10,72 миллиона баррелей в сутки. Предыдущий рекорд она поставила в июле 2016 года. Тогда уровень добычи саудовской нефти составил 10,673 миллиона баррелей в сутки. В декабре Саудовская Аравия увеличила экспорт нефти на 7 процентов по сравнению с тем же месяцем 2015 года, доведя объём внешних поставок до 8,014 миллиона баррелей в сутки. Сколько тогда экспортировала Россия, эксперты JODI пока не подсчитали.

Любопытно, что у Саудовской Аравии и России самые большие обязательства сократить объём добычи нефти в рамках венских соглашений. Монархия обязалась урезать производство на 486 тысяч баррелей в сутки, российская сторона - на 300 тысяч баррелей. За точку отсчёта сокращения добычи взят октябрь 2016 года.

В марте 2017 года поступила информация о том, что саудовская государственная компания Saudi Aramco подписала соглашение с малайзийской компанией Petronas о строительстве нефтеперерабатывающего комплекса в Малайзии на 7 миллиардов долларов. Завод в штате Джохор мощностью 15 миллионов тонн планируется ввести в эксплуатацию в 2019 году. Сделка позволит Saudi Aramco поставлять туда две трети объёма нефти, которую будет использовать новый нефтеперерабатывающий завод.

Конкуренция среди производителей нефти на глобальном рынке растёт, подобные сделки являются частью стратегии Saudi Aramco по инвестированию в нефтепереработку с целью обеспечить спрос на собственное чёрное золото [6].

Каким станет российский ответ? ПАО «Роснефть» приобрела 49% в индийском нефтеперерабатывающем комплексе

Несмотря на конкуренцию с Россией, в 2017 году Саудовская Аравия будет стремиться к тому, чтобы цены на нефть достигли приемлемой отметки 60 долларов за баррель, но ни в коем случае не превзошли её. Такое мнение высказали эксперты из государств ОПЕК, опрошенные на условиях анонимности агентством Reuters.

Конкурируя с Россией на нефтяном рынке Азии, Саудовская Аравия параллельно не забывает о развитии так называемой альтернативной энергетики для покрытия внутренних потребностей в электроэнергии за счёт возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

К 2023 году государство намеревается ежедневно получать почти 10 ГВт электроэнергии на основе ВИЭ. Солнечные и ветряные электростанции появятся в пустыне на северо-западе страны. Это позволит государству ежедневно экономить 80 тысяч баррелей нефти для получения эквивалентного объёма энергии. Если прибавить к этому существующие проекты по добыче газа, которые должны

быть запущены до 2020 года, то удастся увеличить вышеотмеченный показатель в 4 раза. Такой объём мог бы полностью заменить то количество нефти, что используется страной для внутренних нужд в зимние месяцы.

Эти планы соответствуют попыткам государства, последние два года из - за низких цен на нефть живущего с дефицитом бюджета, диверсифицировать экономику. Саудовская Аравия планирует инвестировать 30-50 миллиардов долларов в развитие возобновляемой энергетики.

Агентство Bloomberg опубликовало любопытную заметку, посвящённую министру нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии в 1995-2016 годах А. аль-Наими. Приведем перевод наиболее ярких фрагментов публикации.

Больше двух десятилетий глобальный нефтяной рынок внимал каждому слову А. аль-Наими, но теперь он больше не хочет и слышать о чёрном золоте. «Что касается нефти и цен на неё, то я оставил это позади», - сказал он в феврале на презентации своей книги «Из пустыни: моё путешествие из кочующих бедуинов в сердце мировой нефтяной индустрии» [7].

В марте 2017 года стало известно, что Саудовская Аравия, которая активнее других стран выполняла венские соглашения, впервые за три месяца стала предоставлять существенные скидки на чёрное золото своим клиентам. Вероятно, с помощью неожиданных дисконтов королевство пытается сохранить имеющиеся экспортные объёмы. Однако это может стать поводом для новой ценовой войны на глобальном нефтяном рынке, поскольку другие нефтедобывающие государства также могут последовать примеру монархии. Как следствие, котировки начнут снижаться [8].

Подводя итоги, следует констатировать, что прибыль является главным катализатором современных событий, происходящих на мировой арене. Сложно предполагать, что данная ситуация может измениться когда-либо и нравственные ориентиры и принципы морали станут неотъемлемой частью геополитики и мировой экономики.

Литература

1. Данные официального сайта Министерства энергетики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL – <http://minenergo.gov.ru/> (Дата обращения: 12.04.2017)
2. Баскова М.Л. Анализ развития нефтяной отрасли России // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы III междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 16 – 19.
3. Громов А.И. Перспективы развития российской нефтяной отрасли в условиях турбулентности на мировом нефтяном рынке // Бурение и нефть, 2016. №2.
4. Адушев М.Н. Современные проблемы нефтеперерабатывающей промышленности России // Вестник Пермского университета, 2015. №1 (24). С. 35.
5. Левченко Л.В., Иванова Н.И. Перспективы развития российского нефтяного комплекса в контексте мировой экономики // Вопросы экономики и права, 2015. №8. С. 57 – 62.
6. Зайцева С.П. Развитие корпоративной культуры нефтегазовой компании на основе использования ресурсов учебного центра профессионального образования (на примере ОАО «СУРГУТНЕФТЕГАЗ»). Образование и наука. 2016;1(8):38-51. DOI:10.17853/1994-5639-2016-8-38-51
7. Кручинин С.В. Духовно-нравственный кризис современного общества: сущность, причины и возможные пути преодоления. Глобальный научный потенциал. 2015. № 10 (55). С. 107–109.
8. Багрова Е.В. Глобализация и постглобализация. Монография. Москва, 2016.

УДК 364-3/-7

© В. Н. Меринова
г. Иркутск, Россия
канд. социол. наук, доцент кафедры социальной работы,
Иркутский государственный университет
E-mail: eresh80@mail.ru

© Е. В. Решетникова,
г. Иркутск, Россия
канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой социальной работы
Иркутский государственный университет
E-mail: eresh80@mail.ru

Повышение роли социальной работы как объективная потребность в дальнейшей интеграции российского общества

Аннотация. В статье рассматриваются специфика социальной работы как профессиональной деятельности. Проводится анализ специфики её интеграции в сферу общественных отношений. Дальнейшая интеграция общества посредством социальной работы, на наш взгляд, может быть реализована в следующих формах. Прежде всего, эта поддержка должна осуществляться посредством государства. В статье приводятся статистические данные, которые показывают увеличение числа

государственных учреждений и структур, форм социальной поддержки населения. Вместе с тем, увеличивается число обращений граждан за получением социальных выплат и услуг. Ещё одной формой интеграции общества посредством социальной работы может быть поддержка и усиление волонтерского движения, которое получает особенное развитие последние десятилетия. Рост числа волонтерских организаций различной направленности ежегодно растёт. Также увеличивается число официально зарегистрированных добровольческих движений. Третьей формой интеграции общества посредством социальной работы является актуализируемая сегодня деятельность некоммерческих объединений. Эти объединения сегодня являются очень большой силой и средством социальной реабилитации дезадаптированных групп населения. Новая редакция 442 Федерального Закона позволяет НКО предоставлять определённые социальные услуги. Это расширяет границы их деятельности, но и открывает ряд проблем.

Также проанализированы основные факторы, повышающие роль интеграции социальной работы, а также формы повышения интеграции социальной работы посредством работы некоммерческих организаций, активизации волонтерских организаций и увеличению числа государственных учреждений социального обслуживания.

Ключевые слова: социальная работа, интеграция, волонтер, некоммерческие организации, социальные службы, российское общество, социальное развитие.

©V.N. Merinova

Irkutsk, Russia

Candidate of Sociology, Assistant Professor

Irkutsk State University

©E.V. Reshetnikova,

Irkutsk, Russia

Candidate of Philosophy, Assistant Professor

Head of Department of Social Work

Irkutsk State University

The Rise of the Role of Social Work as an Objective Need of Further Integration of the Russian Society

Abstract. The paper examines specific social work as a professional activity. The paper analyzes the specifics of its integration into the sphere of social relations. Further integration of the society through social work, in our opinion, can be implemented in the following forms. First of all, this support must be carried out by the state. The paper presents statistics that show an increase in the number of state institutions and structures, forms of social support of the population. However, the number of citizens receiving social benefits and services is increasing. Another form of integration of the society through social work can be a support and strengthening of the volunteer movement, which developed especially in the last decade. The number of voluntary organizations of different types is increasing annually. The number of officially registered voluntary organizations is also increasing. The third form of integration of the society through social work is the activities of non-profit organizations. These organizations are a very great force and means of social rehabilitation of maladjusted groups of the population. New edition of the 442 federal law allows non-profit organization to provide certain social services. This widens the scope of their activities but also opens up a number of issues. The paper also analyzes main factors that increase the role of the integration of social work and forms of improving the integration of social work through the work of nonprofit organizations, volunteer organizations, and increasing number of the state social service institutions.

Keywords: social work, integration, volunteer, non-profit organizations, social services, Russian society, social development.

Социальная работа – это профессия, развивающаяся вместе с постоянными изменениями в обществе. На практике, она вынуждена сталкиваться со сложными вопросами и этическими дилеммами, которые во многих случаях не позволяют получить лёгких или утвердительных ответов. Миссией социальной работы является координация воспитательных средств, которыми располагает общество, стремление разумно оберегать и направлять его духовную энергию.

Таким образом, социальная работа сегодня может рассматриваться как один из механизмов интеграции современного российского общества с целью улучшения качества жизни, повышения его уровня и достижения социального благополучия.

В современных условиях резко повышается роль социальной работы как фактора интеграции российского общества. Это связано с тем, что социальная работа должна быть направлена на непосредственное создание нормальных условий жизни и благоприятных возможностей социального развития всех членов общества.

Одним из ведущих факторов, повышающих роль социальной работы может быть увеличение клиентов в социальных службах.

- расширение спектра оказания социальных услуг населению, что позволяет вовремя регулировать возникающее напряжение в социальных группах.

- повышение качества оказания социальных услуг. Этому способствует принятие новой редакции 442 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Дальнейшая интеграция общества посредством социальной работы, на наш взгляд, может быть реализована в следующих формах:

1. Прежде всего, эта поддержка должна осуществляться посредством государства. Эта поддержка может проявляться в увеличении числа учреждений социального обслуживания и социальной защиты

граждан. По данным ОГКУ «Управление социальной защиты населения по г. Иркутску» граждане получают 108 мер социальной поддержки, за 2016 год поступило 140 000 обращений граждан за социальными гарантиями.

Активизация и усиление роли таких учреждений должно стать приоритетной задачей нашего государства. Конечно, немаловажным станет процесс реализации новой редакции Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», устанавливающего новые подходы к оказанию социальных услуг. Результатом решения этой задачи должно стать повышение качества социального обслуживания, привлечение негосударственных, общественных организаций к оказанию социальных услуг, проведение независимой оценки качества работы социальных учреждений, внедрение и совершенствование новых форм социального обслуживания (участковая социальная служба по технологии доступной социальной помощи), реализация «Плана мероприятий по развитию системы социальной защиты граждан пожилого возраста».

По данным на официальном сайте Министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области на территории Иркутской области в 2015 году насчитывалось 82 учреждения социального обслуживания населения. В настоящее время, по словам министра Владимира Родионова, в структуру министерства входят 93 учреждения социального обслуживания, в том числе два образовательных. Среди них домов-интернатов для престарелых и инвалидов – 8; Специальный дом-интернат для престарелых и инвалидов – 1; Геронтологический центр – 1; Реабилитационный центр – 1; Психоневрологические интернаты – 10; Комплексные центры социального обслуживания – 31; Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних – 7; Реабилитационные центры для детей и подростков – 2; Детские дома-интернаты для умственно отсталых детей – 4; Центр социальной помощи семье и детям – 6; Иркутский реабилитационный техникум – 1; Учебно-методический центр – 1; Центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей – 15.

2. Ещё одной формой интеграции общества посредством социальной работы может быть поддержка и усиление волонтерского движения, которое получает особенное развитие последнее десятилетие.

Само по себе понятие и терминология слова «волонтер», «доброволец» до сих пор вызывает неоднозначную реакцию учёных и практиков социальных наук. В настоящее время в Государственной думе готовится к принятию Федеральный закон «О волонтерстве». Термин «волонтер» раскрыт в Федеральном законе от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Волонтеры – это граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездной работы различного характера в интересах благополучателя.

В словаре Ожегова С. И. волонтерское движение трактуется как добровольное осуществление разных работ по оказанию благородной и бескорыстной общественной помощи, услуг, добровольный патронаж над инвалидами, больными и пожилыми людьми, а также лицами и общественным категориям населения, оказавшиеся в сложных жизненных ситуациях.

Е. И. Холостова считает что, волонтеры – это индивиды, делающие что-либо неформально, работая без заработной платы как в государственных, так и в частных организациях медицинской, образовательной сферы или сферы социального обеспечения, либо являются членами волонтерских организаций.

Невзирая на изобилие содержания волонтерской деятельности и разнородность ее целевой направленности, можно отметить о существовании общих характеристик данного явления.

Ключевой особенностью является то, что волонтеры не должны заниматься волонтерской деятельностью с целью извлечения финансового дохода, а любое финансовое возмещение не должно превышать стоимости выполненной работы. Волонтерская деятельность должна реализовываться добровольно, по собственной воле индивида, без принуждения извне.

Согласно целенаправленной ориентированности волонтерская деятельность направлена:

- на взаимопомощь, если люди исполняют волонтерскую поддержку, чтобы помочь другим членам своей же социальной группы или общества;

- на благотворительность, если объектом поддержки является участник группы, в которую не входит сам волонтер;

- на содействие в местном самоуправлении, если член какого-либо сообщества на добровольном основании вступает в деятельность по управлению им (например, в деятельность территориальных органов самоуправления).

По данным информагентств наблюдается ежегодный рост числа волонтерских организаций.

3. Одной из важнейших форм интеграции общества посредством социальной работы является актуализируемая сегодня деятельность некоммерческих объединений.

Базовые представления о миссии и задачах НКО в современный период только формируются. Нам близка точка зрения известного американского социолога Питера Друкера, который четко сформули-

ровал различие ролей между тремя секторами (государство, бизнес и общество) и обозначил особую миссию некоммерческих организаций: «Задача государства – разрабатывать правила и вводить их в действие силой закона, бизнеса – зарабатывать деньги. Задача организаций социального сектора – способствовать здоровью и благополучию человека. Эти организации служат еще одной, не менее важной цели. Они пробуждают чувство гражданской ответственности. Все, что мы можем делать в качестве организаций социального сектора, можно внести в такое положение вещей определенные коррективы».

По данным Правительства Иркутской области в 2017 году, зарегистрированы и работают 3068 организаций. Большинство из них имеют социальную направленность. В 2016 году студентами института социальных наук Иркутского государственного университета был проведен экспертный опрос с целью выявления ведущих проблем в деятельности НКО на территории Иркутской области. Экспертами выступили руководители таких НКО, как Иркутская областная общественная организация инвалидов детства «Надежда»; Автономная некоммерческая организация Адаптационно – Педагогический Центр «Прибайкальский Талисман»; Иркутский общественный благотворительный фонд Тихомировых по реабилитации детей – инвалидов с помощью верховой езды. Данные организации имеют многолетний опыт в социальной реабилитации детей с особенностями развития.

В ходе исследования, было выявлено, что активизацией деятельности НКО по интеграции регионального сообщества препятствуют следующие нерешённые проблемы:

- недостаточное материальное обеспечение;
- проблемы с помещениями;
- отсутствие поддержки властей и изменения в законодательной базе;
- наличие очередей клиентов в НКО.

Работать в данных учреждениях достаточно сложно, для этого нужно иметь не просто образование, а необходимо желать и хотеть работать в данной области и любить этих детей. Такие люди и работают, в изученных нами некоммерческих общественных организациях.

Хотелось бы отметить еще такой момент, что повышению качества социально-интеграционной работы способствует то, что данные некоммерческие общественные организации обучают своих специалистов не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом. Кроме того, они часто сами проводят различные семинары, делятся опытом своей работы, и развиваются во всех направлениях.

Во всех организациях активно ведется работа с родителями, ведь для того чтобы оказать максимальную помощь ребятам, необходимо взаимопонимание всех участников реабилитационного процесса. Они оказывают консультативную помощь семьям, психологическую помощь и т.д.

В заключении представляется возможным отметить, что социальная работа посредством своих государственных форм, волонтерского движения и некоммерческих организаций должна и может способствовать интеграции российского общества и увеличению сплочённости людей вокруг таких базовых ценностей, как патриотизм, национальное единство, гуманизм.

Литература

1. Решетников В. А. Социальная реабилитация дезадаптированных детей: Монография / В. А. Решетников, Т. М. Хижаева. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2005. – 150 с.
2. Решетникова Е.В. Гуманизм как философско-мировоззренческая основа социальной работы / Е.В. Решетникова. – Иркутск: РИО РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. – 144 с.

УДК 316.356.2 (571.54)

© С.С. Абидуева
г. Улан-Удэ, Россия
соискатель кафедры философии
Бурятский государственный университет
E-mail: abidueva.sayana@mail.ru

Проблемы семей, имеющих детей с ограниченными возможностями (на примере Республики Бурятия)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социальной адаптации детей с ограниченными возможностями в обществе. Проблемы потенциальных возможностей детей с ограниченными возможностями, приспособления их в жизни приобретают большую социальную значимость. Для этого разрабатываются психолого-педагогические критерии отбора детей в специальные учреждения, постоянно совершенствуются организационные формы их воспитания и обучения, исследуются разнообразные стороны интеграции этих детей в общество. По мнению автора, комплексная реабилитация имеет, прежде всего, социальный аспект. Меры реабилитации в рамках этого аспекта направлены на решение задач

материально-бытовой, материально-технической и социальной поддержки инвалида и его семьи, члены которой являются непосредственными проводниками реабилитационных мероприятий. Сегодня среди многочисленных проблем, с которыми сталкиваются родители ребенка с ограниченными возможностями, на первый план выступают две наиболее значимые. Первая и основная – отношение окружающих. Вторая проблема – образование таких детей. Большое значение для их развития имеют не только биологические, но и социальные факторы, поэтому при создании благоприятных психолого-педагогических условий обучения на базе АУСО РБ «Республиканский реабилитационный центр для детей с ограниченными возможностями «Светлый», прогноз достаточно оптимистичен.

Ключевые слова: дети с ограниченной возможностью, инвалид, семья, общество, жизнедеятельность, проблемы, социальная реабилитация, социальная защита,

©S.S. Abidueva
Ulan-Ude, Russia
Applicant of the Department of Philosophy
Buryat State University

Issues of Families Who Have Children with Limited Opportunities (the case of the Republic of Buryatia)

Abstract. The paper analyses the problems of social adaptation of children with disabilities. The problems of potential opportunities for children with disabilities, their adaptation in life acquire greater social significance. For this purpose, psychological and pedagogical criteria for selecting children for special institutions are developed, organizational forms of their upbringing and education are constantly improved, various aspects of the integration of these children into society are explored. In the author's opinion, complex rehabilitation has, first of all, a social aspect. Rehabilitation measures in this aspect are aimed at solving the tasks of material, technical, and social support for the disabled person and their family whose members are direct agents of rehabilitation activities. Today, among many problems faced by the parents of a child with disabilities, the two most significant are the following. The first and the main is the attitude of others. The second problem is the education of such children. Of great importance for their development are not only biological, but also social factors. Therefore, the forecast is quite optimistic when creating favorable psychological and pedagogical training conditions on the basis of АУСО RB 'Republican Rehabilitation Center for Children with Disabilities 'Svetly'.

Keywords: children with disabilities, disabled person, family, society, life activity, problems, social rehabilitation, social protection.

Семейное воспитание детей с ограниченными возможностями – один из важнейших факторов их реабилитации и социальной адаптации. Совместные усилия семьи, медицинских учреждений, образовательной системы, социальной службы обеспечивают приобщение ребенка с ограниченными возможностями к активной деятельности, выявление его способностей и выбор доступной профессии. В Основных направлениях государственной семейной политики, утвержденных 14 мая 1996 года Указом Президента Российской Федерации, говорится о необходимости кардинального улучшения охраны здоровья семьи, медико-социальной помощи детям-инвалидам, которые зависят от создания и внедрения программ обучения родителей основам реабилитации и воспитания детей с физическими и умственными недостатками.

За последние несколько лет значительно снизился уровень жизни семей с детьми в России. По данным независимого института социальной политики (НИСП), сокращение реальных доходов до уровня ниже прожиточного минимума наблюдается у 39% семей с двумя детьми и выше, у 64% - с тремя и более детьми. Федеральный бюджет направляет на соцзащиту 1,4 трлн. руб., или около 9% всех своих расходов (2016г.), из них лишь 40,5 млрд. руб., или 3% социальных выплат, можно отнести к адресным – это федеральная доплата к пенсии до уровня прожиточного минимума. У регионов к адресной социальной помощи можно отнести около 25% выплат.

Кроме выплат есть льготы (например, по оплате жилищно-коммунальных услуг), а также немонетизированные услуги (например, лекарственное обеспечение), вместо которых можно взять деньги. Денежный эквивалент санаторной путевки – чуть более 100 рублей, люди выбирают, конечно, путевку, однако она достается лишь 10% претендентов. Эффективность подобных мер, тонким слоем «размазанных» на значительную часть населения, крайне низка. В то же время, например детское пособие составляет лишь 7% прожиточного минимума – никого такое пособие поддержать не может. Особые трудности испытывают безработные родители и одинокие матери. Семья с ребенком-инвалидом изначально имеет более низкий уровень качества жизни, чаще социально дезадаптирована, испытывает психологические затруднения.

Члены семей с детьми, имеющими наследственные и приобретенные дефекты, ограничены в профессиональном, материально-экономическом, бытовом, досуговом отношении, им в меньшей степени доступна медицинская помощь, получение образования, проведение совместного отдыха родителей с детьми. Семья, имеющая ребенка-инвалида, нуждается в социальной защите и разных формах социальной помощи.

Министерством социальной защиты населения Республики Бурятия проводится огромная работа по выявлению ключевых потребностей таких семей и определение мер социальной поддержки, необходимых для ее нормального функционирования.

В Реабилитационном центре для детей с ограниченными возможностями здоровья «Светлый» с декабря 2014 г. созданы 4 вида групп в полустационарной форме «Особый ребенок». Основным ее направлением является оказание психолого-педагогической помощи и поддержки родителям, воспитывающим детей с нарушением в развитии.

Группы «Особый ребенок» посещают дети с ограниченными возможностями, имеющие сложные нарушения в развитии – детский церебральный паралич, синдром Дауна, олигофрения, задержка психоречевого и моторного развития и т.д.

Занятия в группе проводятся психологом, логопедом, музыкальным руководителем, воспитателем, социальным педагогом.

Основной технологией является психолого-педагогическое сопровождение с использованием игровых методов для проведения психокоррекции, психотерапии, базирующихся на принципах лечебной педагогики.

Цель:

Получение ребенком квалифицированной помощи специалистов психолого-педагогического отделения, направленной на индивидуальное развитие для успешной адаптации, реабилитации ребенка в социуме; социально-психологическое содействие семьям, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья.

Задачи:

Изучить личность ребенка и его родителей, системы их отношений.

Анализ мотивационно-потребностной сферы ребенка и членов его семьи.

Формировать у детей навыки общения со сверстниками в процессе совместной деятельности.

Развивать и совершенствовать коммуникативные функции, эмоционально-волевую регуляцию поведения.

Формировать и стимулировать сенсорно-перцептивные, интеллектуальные процессы у детей.

Формировать адекватные родительские установки на заболевание и социально - психологические проблемы ребенка путем активного привлечения родителей в психокоррекционный процесс.

Развивать коммуникативные навыки в процессе совместной деятельности детей и взрослых, актуальных форм сотрудничества взаимодействия с семьей.

Развитие творческих способностей с использованием арт-терапевтических технологий. Обучение социально-бытовым навыкам, трудотерапии. Профессиональное ориентирование детей-инвалидов.

С целью выявления основного запроса по реабилитации и процента удовлетворенности качеством оказываемых услуг, выявления динамики развития и эффективности получаемых услуг постоянно проводится анкетирование родителей.

Для занятий с детьми используются технологии лечебной педагогики из опыта работы ЦЛП г. Москва, средовый подход и предметно-символьное расписание, здоровьесберегающие технологии, технологию сенсорной интеграции, игротерапию, музыкотерапию, арт - терапию, сказкотерапию, адаптивную физкультуру, Монтессори - педагогику, альтернативные формы коммуникации, самообслуживание и продуктивную деятельность (ручной труд). В 2016 г. внедрены новые технологии в работе с особыми детьми:

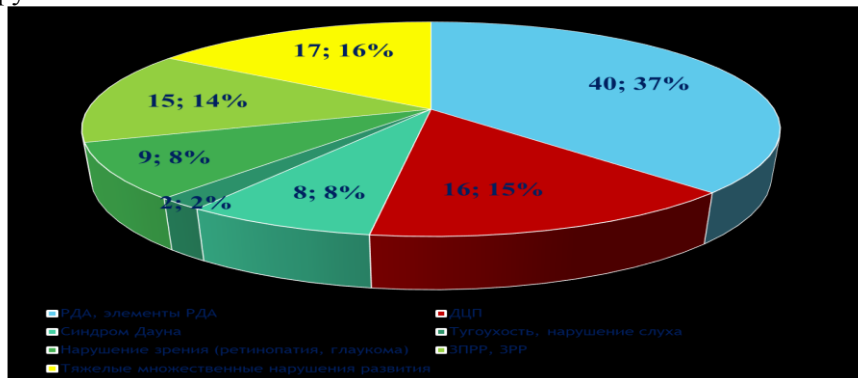
1. «Справедливые облака», где проводим занятия по сенсорной интеграции в батутном центре «В облаках». Основными задачами занятий является развитие вестибулярного аппарата, координации движений, умения контролировать процессы возбуждения и торможения в процессе двигательной деятельности, обогащение сенсорного опыта, перенос сформированных двигательных навыков на занятиях по АФК в новые условия, расширение коммуникативного потенциала, социализация ребёнка. Также решаются задачи привития здорового образа жизни и социальная, психолого-педагогическая поддержка института семьи, воспитывающего ребёнка с ограниченными возможностями.

2. В результате оказания финансовой поддержки по реабилитации детей-инвалидов появилась возможность внедрения мероприятия: Иппотерапия - лечебно-верховая езда с Конноспортивным клубом «РОКСиС» по сопровождению детей-инвалидов.

Особая роль отводится работе с родителями. Согласно принципам лечебной педагогики, ребенок с нарушенным развитием нуждается в согласованных действиях родителей и педагогов, именно при сочетании семейного воспитания и помощи специалистов достигаются наиболее высокие результаты развития и адаптации. Поэтому родители - всегда активные участники образовательного процесса,

вместе с ними специалисты намечают цели развития, определяют необходимую форму проведения занятий, обсуждают достигнутые результаты. Проводятся мастер-классы для родителей, с целью повышения педагогической компетенции родителей, ознакомления с методиками лечебной педагогики, показов приемов и методов успешного взаимодействия с детьми дома, организации игр дома. Проводятся беседы, индивидуальные консультации психологом и педагогами по запросу родителей или в случае необходимости. Порой педагоги сами учатся у родителей некоторым практическим приемам работы с конкретным ребенком.

Основные нарушения

Обучаемость зависит от того, что понимается под обучением и воспитанием, и говорить о ней можно только тогда, когда осуществляется воспитание, а не просто уход. В неблагоприятном варианте обучаемость может быть затруднена вследствие дефицита воспитания, социокультурной обделенности, органических дефектов настолько, что бывает непросто найти подходящие способы педагогического воздействия, чтобы проявить и реализовать ее. В целом обучаемость часто рассматривается как предпосылка к воспитанию, но все же не как феномен, который проявляется только через воспитание. Она отрицается, если развитие направлено на цели, находящиеся в абстрактных интеллектуальных высотах.

От таких высоких целей и образов умственно отсталый ребенок остается так далеко, что попытка его воспитания сразу кажется безнадежной. Против таких абстрактных идеалов образования можно возразить, что многообразие форм проявления и осуществления всего свойственного человеку указывает на невозможность положить в основу педагогики законченный и для всех обязательный «объективный» образ. Это, разумеется, не исключает того, что воспитание практически постоянно ориентируется на определенный имманентный человеческий образ.

Во всяком случае, недопустимо рассматривать обучаемость как отличительную черту ребенка и не принимать в расчет недостаточность оказанной ему педагогической помощи.

Подводя итог, мы можем специальное воспитание у детей с ограниченной возможностью описать так: воспитание есть направленное социальное взаимодействие, в основе которого лежит намерение оказывать другому человеку помощь и поддержку в его развитии и в реализации его возможностей в настоящей жизни.

Литература

1. Шпек О. Люди с умственной отсталостью: Обучение и воспитание: пер. с нем. А.П. Голубева; Науч. ред. рус. текста Н.М. Назарова. Издательский центр «Академия», 2003. – 432с.
2. Ю.А. Блинков, Е.а. Губарев, А.М. Черных. Основы формирования полноценной жизнедеятельности детей с ограниченными возможностями. – Курск: Изд-во КГМУ, 1999. – 432с.
3. Взаимосвязь государственных и общественных организаций на муниципальном уровне по оказанию социально-психологической помощи семьям, имеющим детей с ограниченными возможностями. Методические рекомендации. – М., Союз социальной защиты детей; Агентство «Кречет». 1998. – 44с.

Интеллигенция в духовной сфере китайского общества

Аннотация. Интеллигенция играет важную роль в жизни общества. Особенно велико ее влияние на духовную сферу. Общественное сознание формируется под воздействием идей, которые создаются интеллигенцией. Проблема ориентации на собственные традиции или западные идеи для китайской интеллигенции встала в начале 80-х годов. Борьба между оппонентами была острой. Китайской интеллигенции хватило мудрости, сохраняя традиционные ценности модернизировать страну не потеряв основания, сохранив самобытную культуру и создав новый путь развития общества. До настоящего времени идет борьба идей и ценностей за умы подрастающего поколения. В модернизирующемся обществе для интеллигенции всегда встает вопрос морально-нравственного выбора. Остаться в своей стране и пытаться изменить к лучшему общество или эмигрировать? Должен ли интеллигент всегда быть критиком власти или он может быть частью государственных управляющих?

Интеллигенция по своему составу разнородна. Китайская интеллигенция имеет специфические черты. Ее сращённость с бюрократией (ганьбу) являлась основой её генезиса. Современная китайская интеллигенция, получившая образование за рубежом все чаще делает выбор в пользу своей страны и возвращается работать в Китай. Поэтому все чаще мы наблюдаем «инновации на основе традиции», в том числе и в духовной сфере китайского общества. Китайские интеллектуалы намного влиятельнее, чем их западные коллеги, так как их идеи получают признание со стороны правительства, они часто приглашаются для оказания консультаций президентам, премьер министрам и высшим партийным и должностным лицам страны. Им удается следовать традициям и выступать инноваторами.

Ключевые слова: интеллигенция, сознание, духовное, ценности, традиции, западные, китайское, общество.

Intelligentsia in the Spiritual Sphere of Chinese Society

©O. D. Barlukova
 Ulan-Ude, Russia
 Candidate of Sociology, Assistant Professor
 Acting Dean of the Faculty of Humanities
 Buryat State Agricultural Academy

Abstract. Intelligentsia plays an important role in society. Its influence is especially great on the spiritual sphere of society. Intelligentsia's ideas form public consciousness. In the early 1980s, Chinese intelligentsia faced a problem of orientation on its own traditions or Western ideas. The struggle between opponents was acute. The Chinese intelligentsia saved traditional values, originality of culture, and created new way of social development. Till present, there is a struggle for ideas and values of the rising generation minds. In the modern society, the question about moral selection is always relevant for intelligentsia. Stay in the motherland and to try to change the society for the better or immigrate? Should an intelligent person always be critical towards the authorities or become a part of the civil service?

Intelligentsia is heterogeneous. The Chinese intelligentsia has specific attributes. It's joined with bureaucracy (ganbu). The modern Chinese intelligentsia receives education abroad and comes back to China to work. There fore, we can see 'innovation on the basis of tradition' including in the spiritual sphere of the Chinese society. The Chinese intelligentsia is more influential than its Western colleagues because its opinion is welcomed by the government where the intelligentsia to advise. The intelligentsia manages to follow traditions and be innovators.

Keywords: intelligentsia, consciousness, spiritual, value, traditions, western, Chinese, society.

Реформы 80-х годов XX в. вызвали не только экономические преобразования, они стали основой процессов в духовной сфере, названной самими китайцами «культурной лихорадкой». Этот процесс достиг кульминации в июне 1988 г, когда по главному телевизионному каналу продемонстрировали документальный фильм «Речная элегия», посвященном истории Хуанхе. Он был использован для масштабной критики китайских традиций. Всё величие китайской истории принижалось, западные идеалы становились единственным путем на пути процветания и модернизации. Кульминацией «культурной лихорадки» стали события на площади Тяньаньмэнь. Они стали определяющими в дальнейшей не только политической, экономической, но и духовной жизни Китая.

«До 1989 г. интеллектуалы реформаторского толка объединялись в своих исследованиях и ориентировались на западные идеи, рассматривая политический и экономический либерализм как единое целое, способное принести пользу всему китайскому народу. Их противниками были «консерваторы» выступавшие за сохранение маоистского статус-кво. После массовой бойни на Тяньаньмэне реформаторы разделились на два лагеря: «Новые правые», ведомые учеными, подобными Чжан Вэйину, рассматривали создание свободного рынка в качестве наиболее важной задачи и стремились сочетать это направление с политическим авторитаризмом; «Новые левые» - возглавляемые такими учеными, как Ван Хуэй – профессор Университета Цинхуа. «Новые левые»- это несвязанная формальными обя-

зательствами группа в основном состоит из ученых, призывающих уделять больше внимания ликвидации неравенства в обществе и борьбе с загрязнениями окружающей среды, акцентирующие внимание на укрепление равенства и политической демократии, путем ограничения беспределных свобод рыночных отношений» [1].

Они называют себя «новыми», потому что в отличие от «Старых левых» поддерживают рыночные реформы. Они считают себя «левыми» поскольку в отличие от «Новых правых» не закрывают глаза на неравенство. В одном из интервью Ван Хуэй излагал их исходные позиции движения следующим образом: «Китай застрял между двумя противоположными позициями: с одной стороны – неправильно организованный социализм, с другой – основанный на принципах кампанейщины капитализм, а потому страдает от наихудших проявлений каждой из систем. Я в целом поддерживаю курс страны на проведение рыночных реформ, однако развитие Китая должно быть более сбалансированным, более сбалансированным, не должны отдавать приоритет росту валового внутреннего продукта за счет урезания прав рабочих и нанесении ущерба окружающей среде» [1, 57-58].

Существуют разные типы интеллигенции. Некоторые сидят в тюрьмах, сосланы в ссылку, боятся и молчат. Многие ученые, которые имеют возможность высказывать своё мнение – сознательно выбрали жизнь в континентальном Китае, хотя имели возможность остаться за границей. Марк Леонард в своей книге «О чём думают в Китае?» говорит, что они научились приравниваться к режиму. С точки зрения нравственных и моральных постулатов, что является более нравственным и моральным? Уехать из страны и устраивать жизнь за рубежом, на расстоянии переживая за свою страну и критикуя политическое руководство. Или остаться в своей стране, подвергаться гонениям за свои мысли, испугаться или пойти на эшафот за свои убеждения? Можно ли считать приспособленцами тех, кто занимается поисками возможных изменений, путей развития страны? Мы не в праве оценивать. Это выбор каждого человека и зависит от типа мировоззрения.

С точки зрения того же М.Леонарда китайские интеллектуалы намного влиятельнее, чем их западные коллеги, так как их идеи получают признание со стороны правительства, они часто приглашаются для оказания консультаций президентам, премьер министрам и высшим партийным и должностным лицам страны.

Многие китайские мыслители, по-прежнему практически неизвестны за пределами Китая. Но мы обязательно почувствуем влияние их идей. Они добиваются признания со стороны правительства, предлагая планы реформ, способных изменить характер китайской экономики, политики и международных отношений. Эти ученые принимают участие в вечной борьбе между «левыми» и «правыми» по таким основополагающим темам, как масштабы государственного регулирования, характер политических реформ и природа власти. В процессе их горячих споров рождается новая философия, и именно ей суждено сыграть существенную роль в определении пути развития всего мира.

Если в 90-е годы были восприняты и воплощались в жизнь идеи «Новых правых», то в начале XXI в. идеология «Новых левых» набирают всю большую популярность. Их идеи послужили развитию сбалансированной политики развития с китайской спецификой.

Ван Хуэй отмечал: «Мы не можем рассчитывать на создание у нас государства по германской или скандинавской модели. У нас такая огромная страна, что государственный аппарат должен быть чрезвычайно многочисленным, чтобы гарантировать социальное обеспечение. Вот почему нам нужны институальные нововведения. Ван Шаогун, экономист-политолог, ведет речь о низкочастотной системе здравоохранения. Цуй Чжиюань, политолог, подчеркивает необходимость национализации капитала и реформировании прав собственности для того, чтобы дать трудящимся возможность высказывать своё мнение в отношении компаний, на которые они работают. Экономист Ху Аньган обращает внимание на проблемы экологии. «Мы должны найти альтернативный путь. Это величайшая миссия нашего поколения» - так ставится вопрос «Новыми левыми» [1, с. 59].

Современные китайские исследователи становятся самостоятельными и рассуждая о будущем Китая строят собственные теории. По мнению политолога Гань Яна, основная задача заключается в том, чтобы использовать исторический опыт Китая, разработать новую идею развития страны в условиях современного мира – а не импортировать «оптом» заграничные теории. Так, в одной из своих работ он, в частности, писал: «Сегодня в Китае признанием пользуются следующие три традиционных представления. Одно из них сформировалось в течение последних двадцати восьми лет эры реформ... Согласно ему, рыночные отношения занимают центральные позиции, а наряду с ними и целый ряд концепций, затрагивающих проблемы свобод и прав человека. Другое - возникло в период правления Мао Цзедуна. Его главной отличительной чертой является борьба за равенство и справедливость. Наконец, тысячи лет назад зародилась самая важная традиция, и ее чтут по сей день. Это конфуцианская культура. Раньше мы зачастую считали, будто все эти традиции находятся в конфликте между

собой. На самом деле это не так» [1, с. 31-32].

Это на самом деле так, потому что конфуцианское учение в основе содержит общечеловеческие ценности, которые существуют и признаются всеми культурами. Это еще одно доказательство того, что интеллигенция может и должна существовать на основе вечных морально-нравственных ценностей, а на них накладываются материальные и социальные потребности, которые дают многообразие индивидуальных и групповых особенностей интеллигенции.

Интеллигенция играет важную роль в символическом (знаково-понятийном) пространстве (формировании общественного сознания). Это вся совокупность идей, понятий, выраженных в словах или иных знаках, содержащая коды массового восприятия и поведения. Социальное прогнозирование, макросоциальное программирование, управление массовым поведением одни из важных функций современной интеллигенции. К сожалению, интеллигенция начинает отходить от своих ролей.

Создание идей, влияние на формирование общественного сознания является одной из важнейших функций интеллигенции. Интеллигенция, будучи неоднородной группой, создает разные идеологические программы. Разные группы интеллигенции формируют разные теории, которые способствуют выработке официальной идеологии. Китайская интеллигенция всегда разделялась на чиновничью (обладающую властными полномочиями) и не обладающую ими: дискуссии и споры между ними способствуют синергетическому эффекту и положительно влияют на ход реформ.

Современное общество как никогда остро нуждается в интеллигенции как хранителе нравственных начал человечества и одновременно инноваторе, порождающем новые типы социальной реальности.

Литература

1. Леонард М. О чем думают в Китае? /Марк Леонард, пер.с англ. И.В.Кузнецова.- М.: АСТ: АСТ Москва, 2009.–222 с.

УДК 1:316

© К.В. Лугавцов
Улан-Удэ, Россия
Аспирант кафедры философии
Бурятский государственный университет
e-mail: konstantin-21@mail.ru

Особенности классического подхода к социально-философскому осмыслению феномена коррупции

Аннотация. Историко-философская ретроспектива понимания коррупции на различных этапах развития социально-гуманитарного знания позволяет выделить три основные ступени изучения и осмысления указанного явления: классический (моральный), модернистский и отраслевой (научный) подходы. В настоящем исследовании рассматривается исторически первый подход к пониманию коррупции – классический (моральный) подход, распространенный в философии античности, Средних веков и эпохи Возрождения. В статье дается основная характеристика данного подхода и освещаются исторические предпосылки к его возникновению (прежде всего, возникновение и развитие институтов государства и права, становление первых государственных аппаратов). В связи с неоднородностью взглядов представителей классического подхода на феномен коррупции в различные периоды развития общества и государства обозначены выводы основных представителей социально-философской мысли в исследуемый период. Основной чертой классического периода обозначено понимание коррупции как явления, нарушающего общепринятые нормы справедливости, честности и добросовестности. Использование термина «коррупция» осуществлялось преимущественно для характеристики морально-нравственного состояния общества. Подчеркивая значение классического периода понимания коррупции, автор считает возможным использовать его основные идеи в рамках формирования единого социально-философского подхода к изучению коррупции как социально-правового явления.

Ключевые слова: коррупция, мораль, справедливость, этика, государство, государственный аппарат, управление, классический период.

© K.V. Lugavtsov
Ulan-Ude, Russia
PhD Student
Department of Philosophy
Buryat State University

Features of the Classical Approach to Social and Philosophical Understanding of Corruption

Abstract. Historical and philosophical understanding of corruption at various stages of the development of social and humanitarian knowledge allows to distinguish three main stages of studying and understanding this phenomenon: classical (moral), modernist, and sector (scientific) approaches. The paper examines historically the first approach to understanding of corruption – the classical (moral) approach that was common for the Ancient philosophy, philosophy of the Middle Ages and Renaissance. The paper offers

main characteristics of this approach and highlight historical prerequisites to its emergence (first of all, the emergence and development of the state and legal institutions, state apparatus). Regarding heterogeneous views of the classical approach scholars on corruption in different periods of the social and state development, the paper identifies main scholarly conclusions on this topic. The main feature of the classical approach is understanding of corruption as a phenomenon that violates generally accepted norms of justice, honesty, and conscientiousness. The term 'corruption' was used primarily to characterize moral and ethical state of society. Stressing out the importance of the classical period of understanding of corruption, the author believes it possible to use its main ideas within a single social and philosophical approach to studying corruption as social and legal phenomenon.

Keywords: corruption, morality, justice, ethics, state, state apparatus, management, classical period

Как известно, коррупция выступает одним из наиболее опасных факторов, деструктивно влияющих на состояние национальной безопасности государства. Она подрывает систему управления, подменяет формальные отношения неформальными и выстраивает стену недоверия между обществом и властью. Разрушительному воздействию подвергаются основы правового регулирования жизни общества. Как феномен общественной и государственной жизни коррупция обладает повышенной степенью общественной опасности в сравнении с другими схожими элементами социальной действительности. Вместе с тем, понятие коррупции, ее сущность, причины и условия возникновения и функционирования, сферы и масштабы проявления, негативные последствия и их оценка – все это по-разному оценивалось в различные периоды развития науки и практики.

Исторически первым в понимании коррупции является классический подход. Осмысление феномена коррупции начинается с формированием первых государственных образований и первых законодательных источников, в которых устанавливались наказания за коррупционные деяния (например, законы Хаммурапи, законы Ману). На момент создания указанных правовых источников государства еще не обладают профессиональным аппаратом, что заставляет рассматривать коррупцию не как негативное явление, препятствующее управленческой деятельности, а как феномен, нарушающий общепринятые понятия справедливости, честности и добросовестности.

Первое социально-философское упоминание явления коррупции встречается у Платона, который в своем проекте идеального государства предлагает лишить лиц, обладающих властью, частной собственности, чтобы исключить возможность использования властных полномочий в личных целях. Управление государством, по мнению Платона, требует высоких моральных качеств. «Если же бедные и неимущие добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру» [9, с. 274].

Данную идею продолжает развивать Аристотель, выделяя коррупцию как фактор, способный привести государство к вырождению или даже к гибели. Жизнеспособность государственного устройства он видит в его направленности на достижение общего блага, а не на удовлетворение корыстных интересов отдельных лиц. Аристотель отмечал, что должностные лица «бывают доступны подкупу и часто приносят в жертву государственные дела ради угождения. Поэтому было бы лучше, если бы они не были освобождены от всякого контроля» [3, с. 432]. Этот контроль, по мнению Аристотеля, должны осуществлять граждане, к которым он в первую очередь относил представителей среднего класса. Кроме того, Аристотель сформулировал меру, которая в настоящий момент стала неотъемлемой в организации государственного аппарата – запрет одному человеку в государстве занимать одновременно несколько должностей. Данная рекомендация была реализована в государственном устройстве Афинской республики. По этому поводу Гегель писал: «В Афинах существовал закон, предписывающий каждому гражданину отчитываться, на какие средства он живет; теперь же полагают, что это никого не касается» [4, с. 116].

В философии Эпикура ценность и смысл государства и права состоит в их полезности: они возникают из простого договора в качестве необходимого, но недостаточного института охраны жизненных ценностей. Справедливость же носит относительный характер и подчинена полезности. Эпикур признавал естественным стремление человека к наслаждению, однако отвергал «порочные удовольствия, за которыми следует страдание, как нецелесообразные с природой» [8]. Примером подобных «порочных удовольствий» может служить и коррупция.

В философии стоицизма, как указывает А. В. Чечуров, «происходит решительное разведение блага и зла – в одну сторону, и всего прочего как индифферентного – в другую. При помощи столь радикального разрыва стойки мыслили возможным исцеление общественных пороков своей эпохи, одним из которых являлась коррупция. Стойки считали, что источник зла в общем и коррупции в частности – крушение античного полиса, социальные и политические потрясения» [10, с. 159].

Важно отметить, что сам термин «коррупция» применительно к его социальному значению впервые начинает употребляться как раз в античном периоде. По одной из версий, латинский термин «коррупция» (*corruptio*) происходит от греческого слова, означающего «грязь» [6, с. 369]. По другой

версии, приставка «сог», добавляясь к многозначному глаголу «гипреге» («рвать», «ломать», «разрушать», «разрубать», «пронзать», «проламывать»), дает множество подобных значений – «нарушать мир», «расторгать договор», «преступать закон» [1, с. 19]. Однако уже в Законах XII таблиц [5] в Древнем Риме термин «коррупция» используется в узконаправленном значении и обозначает подкуп судьи либо изменение за деньги показаний в суде.

В Средневековье термин «коррупция» получает преимущественно религиозную трактовку и связывается с греховной природой человека. Под коррупцией понимали брэнность человека, его подверженность разрушению, дьявольскому соблазну. Наследственная греховная порча обычно рассматривалась как первопричина всех грехов (Аврелий Августин, Фома Аквинский). В узком юридическом смысле (как способность давать и брать взятки) коррупция не рассматривалась.

Осознать коррупцию как социальное явление наряду с отцами церкви пытались и ученые эпохи Возрождения. Н. Макиавелли определял коррупцию как «использование публичных возможностей в частных интересах» [7, с. 286]. Он сравнивал коррупцию с болезнью, которую вначале трудно распознать, но легко лечить, а позже – уже легко распознать, но почти невозможно лечить. По Макиавелли, разращенному коррупцией народу крайне трудно остаться свободным. Падение Римской империи он связывает в значительной степени с расцветом коррупции.

Таким образом, в рамках классического подхода к пониманию коррупции она рассматривалась как нарушение общепринятых норм справедливости, честности и добросовестности, а сам термин использовался преимущественно для характеристики морально-нравственного состояния общества. Как писал Жан-Клод Ваке в книге «Коррупция. Этика и власть во Флоренции в 1600-1770 гг.», «в рассматриваемый период дискурс о коррупции был дискурсом не о государстве, а о человеческой природе» [цит. по: 2, с. 12].

Оценивая значение классического подхода к пониманию коррупции, отменим, что он позволяет оценить данное сложное и противоречивое явление как этически недопустимое поведение, обусловленное общим морально-нравственным состоянием общества. В рамках формирования единого социально-философского подхода к изучению коррупции возможно использование основных идей классического периода ее изучения.

Литература

1. Алакшина И. С. Коррупция как элемент социальной действительности современного российского общества: дис. канд. филос. наук. Краснодар, 2005. – 133 с.
2. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема : история и современность / В. Д. Андрианов. – Москва : Экономика, 2011. – 301 с.
3. Аристотель. Политика // Соч.: В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – Москва: Мысль, 1984. – 830 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права: пер. с нем. / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.
5. Законы XII таблиц (Таблица IX) [Электронный ресурс] // (Режим доступа: <http://www.ancientrome.ru/gosudar/12.html>.)
6. Лехин И. В., Петров Ф. Н. Словарь иностранных слов. - Москва, 1954. – 854 с. С. 369.
7. Макиавелли Н. Государь : Сочинения / Н. Макиавелли. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 656 с.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд [Электронный ресурс]. (Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH834faad77d32fdcb402683>)
8. Платон. Государство. Законы. Политик / Предисл. Е. И. Темнова. – Москва : Мысль, 1998. – 798 с.
9. Чечуров А. В. Коррупция: историко-философская ретроспектива // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. –2010. № 2 (12). – С. 158–163.

Евразийские принципы философии толерантности

Аннотация. Одним из вызовов глобализации в современной жизни остаются межэтнические конфликты. Статья посвящена проблеме этнической толерантности, которая остается важной и для российского общества. Обращается внимание на получившее в последнее время расширение понятия толерантности как мировоззренческой ценности. В статье рассматриваются главные принципы философии толерантности, разработанные в начале XX в. классическим евразийством - ярким самобытным направлением философии русского зарубежья, являющиеся универсальными и остающиеся актуальными для современного общества. Обращается внимание на то, что евразийцы предвосхитили современное понимание толерантности как мировоззренческой ценности.

Как основополагающие в евразийской концепции выделены принципы самопознания и осознания равноценности всех народов, а для российских народов особенно важно осознание общечеловеческой ценности этнокультурного разнообразия России. В статье обращается внимание на евразийскую характеристику «истинного, ложного и воинствующего» национализма, на противопоставление «воинствующему национализму» «общеевразийского национализма» - осознания евразийского братства народов при сохранении их национальной и культурной самоидентификации. Важным остается указание евразийцев на то, что воспитание «общеевразийского национализма» - это многогранная работа для всей гуманитарной общности (для философов, публицистов, писателей и др.).

Ключевые слова: толерантность, философия толерантности, евразийство, национализм, общеевразийский национализм.

©S.M. Sokolov
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Philosophy, Assistant Professor
Department «Philosophy, History and Culturology»
East-Siberian State University of Technology and Management

Eurasian Principles of Philosophy of Tolerance

Abstract. In modern life, interethnic conflicts remain one of the challenges of globalization. The paper examines the problem of ethnic tolerance which remains important to the Russian society. Attention is drawn to the recent expansion of the concept of tolerance as a worldview value. The paper examines the main principles of philosophy of tolerance developed in the early twentieth century by the classical Eurasianism. That is a bright original direction of philosophy of the Russian emigration. These principles are universal and remain relevant for the modern society. Attention is drawn to the fact that the Eurasianists anticipated a modern understanding of tolerance as a worldview value.

As the fundamental principles of the Eurasian concept, the principles of self-knowledge and awareness of the equivalence of all peoples are singled out. And for Russian people it is especially important to realize the universal value of the ethno-cultural diversity of Russia. The paper draws attention to the Eurasian characteristic of «true, false, and militant» nationalism, to the contrast of «militant nationalism» and «common Eurasian nationalism» - awareness of the Eurasian brotherhood of nations, while preserving their national and cultural self-identification. The Eurasianists' instruction remains important on that the education of «common Eurasian nationalism» is a multifaceted work for the entire humanitarian community (for philosophers, publicists, writers, etc.).

Keywords: tolerance, the philosophy of tolerance, Eurasianism, nationalism, common Eurasian nationalism.

Одним из ключевых понятий гуманитарных наук и современной жизни остается «толерантность» в связи с тем, что одним из вызовов глобализации остаются всем известные межэтнические и межконфессиональные конфликты в разных частях света. Например, как известно, в США они касаются преимущественно латиноамериканцев, афроамериканцев, в Германии – выходцев из Азии, Ближнего Востока. В начале XXI в. ЮНЕСКО провозгласило, что только на основе принципов толерантности могут существовать и успешно развиваться государства, может выжить человечество. Традиционно определяемая как терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению, толерантность в последнее время рассматривается как мировоззренческая ценность. Так, Р.Р.Валитова подчеркивает, что толерантность «предполагает заинтересованное отношение к другому, желание прочувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно – иное, чем-то похожее на собственное восприятие действительности» [1, с. 33].

В Советском Союзе смысл межэтнической, межконфессиональной терпимости был понятен всем. В постсоветской России имеется комплекс проблем межэтнических отношений, находящие свое отражение в частности в средствах массовой информации, некорректных высказываний с экранов теле-

визоров др., например, благодаря СМИ в свое время вошли в обиход определения «Лицо кавказской национальности», «Чеченская мафия», «понаехавшие» и т.п. Совсем недавно было такое явление как скинхеды. По данным социологических исследований, приток мигрантов воспринимается частью россиян, прежде всего этнических русских, как нарушение сложившегося общественного порядка. Как известно, межнациональные конфликты относятся к трудно регулируемым явлениям общественной жизни. «Как учит история, во многих полиэтнических странах они по своим масштабам, продолжительности и интенсивности значительно превосходят иные формы социальных конфликтов (политические, экономические, трудовые, семейные и др.)... именно межнациональный конфликт предстает наиболее фундаментальным явлением в истории человечества, а остальные виды конфликта играют второстепенную роль» [2, с. 3–10]. В связи с этим, следует вспомнить, что Л.Н.Гумилев, отвечая на вопрос о возможной угрозе ослабления России в результате межэтнических и межконфессиональных конфликтов, сказал, что «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [3, с. 31].

Классическим евразийством – самобытным направлением философии русского зарубежья в начале XX в. были разработаны универсальные принципы философии толерантности. Она, как и многие идеи евразийства, не утратившая своей актуальности, исходила из понимания евразийского суперэтнуса России-Евразии как симфонической личности (по определению интеллектуальных вождей евразийства Н.С.Трубецкого, Л.П.Карсавина, Н.Н.Алексеева). Понятие «симфоническая личность», восходящее к христианству, связано с призывом Евангелия жить в мире со всеми народами. Это уподоблялось святым Августином музыкальной симфонии (гармонии), возникающей при звучании инструментов и множества специально подобранных звуков. Согласно евразийской концепции, человек, народ должен быть лишен национального тщеславия, быть принципиально миролюбив.

Уровень толерантности связывался с принципом самопознания, восходящего к жизненному правилу Сократа «познай самого себя» и «будь самим собой». В работе «Об истинном и ложном национализме» Трубецкой писал, что истинное самопознание «укажет человеку (или народу) его настоящее место в мире, покажет ему, что он – не центр Вселенной, ни пуп земли. От постижения своей собственной природы человек или народ... приходит к осознанию равноценности всех людей и народов». Принципы самопознания и осознания равноценности всех людей и народов осознания общечеловеческой ценности этнокультурного разнообразия России. являлись основополагающими в евразийской философии толерантности. Евразийцы различали истинный, ложный и воинствующий национализм, шовинизм. «Истинный националист», по определению Трубецкого, «всегда будет принципиально миролюбив и терпим по отношению ко всякой чужой самобытности... Постигнув с большой ясностью и полнотой самобытную психику своего народа, он с особенной чуткостью будет улавливать и во всяком другом народе все черты, похожие на его собственные». Особенно большую опасность они видели в «воинствующем шовинизме», в стремлении «распространить язык и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменников, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность». Показательна критика Трубецкого русских «националистов», которые «старались говорить о какой-то самобытной русской культуре XIX века, раздувая до полукосмических размеров значение всякого создания русского или хотя бы русскоподданного творца» и требовали русификации, принудительного введения русского языка [4, с. 44, 53, 54]. Евразийцы предупреждали, что этот национализм может привести к русскому сепаратизму, что чисто русская Россия, которую хотят возродить такие националисты, реально возможна в границах этнографической России (до уральской России).

Евразийцы считали, что для народов России в целом характерен достаточно высокий уровень толерантности, исторически обусловленный, вековыми соприкосновениями и приоритетами духовной культуры над материальной. Вместе с тем, они придавали большое значение воспитанию «обще-евразийского национализма» - осознания исторически сложившегося евразийского братства народов при сохранении их национальной и культурной самоидентификации. Актуальным и важным остается указание на то, что воспитание «обще-евразийского национализма» - это «непочатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников, музыкантов и для ученых самых различных специальностей» [5, с.504]. Это указание свидетельствует о том, что евразийцы предвосхитили современное понимание этнической толерантности, прежде всего как мировоззренческой ценности.

Литература

1. Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель // Вестник Московского университета. Сер. Философия. -1996. -№1.
2. Зеленков М.Ю. Межнациональные конфликты: проблемы и пути их решения (правовой аспект). – Воронеж: ВГУ, 2006, –262с.
3. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. - Москва. : Прогресс: Фирма"Пангея":Центр экол.просвещения и развития"Экопрос",

1993. – 576с.

4. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Мир России – Евразия. Антология / сост.: Л.А. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 43-55

5. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Москва: АГРАФ, 1999. – 554 с.

УДК 02.01; 02.41

© А. М. Раманжарова
Астана, Казахстан
магистр гуман. наук, преподаватель кафедры философии
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева
E-mail: akbota_enu@mail.ru

Толерантность гарант стабильного развития Казахстана

Аннотация. В статье рассматривается казахстанская модель толерантного общества. Одним из важных условий развития Республики Казахстан является политическая стабильность, которая обеспечивается рядом факторов, в том числе утверждением в обществе культуры толерантности.

Толерантность рассматривается сегодня как принцип терпимости одного социального субъекта к социальным, политическим, этническим, конфессиональным и иным особенностям другого социального субъекта, т.е. как признание мировоззренческого, религиозного, социально-политического, культурного, национального и этического плюрализма.

Статья посвящена анализу становления и развития межэтнической толерантности как фактора национального единства и общественного согласия в Республике Казахстан. Анализ данного вопроса позволил установить теоретико-правовые основы модели межэтнической толерантности в современном казахстанском обществе. Показана роль Ассамблеи народа Казахстана как института достижения межэтнического и межконфессионального согласия. Ассамблея народа Казахстана — инструмент гражданской интеграции населения с целью сохранения, укрепления национального единства, толерантности и межконфессионального согласия.

Принцип толерантности для Казахстана - не только норма политической культуры, но и государственный принцип. Культура толерантности в Казахстане стала залогом стабильности в условиях модернизации казахстанского общества, а ее дальнейшее развитие остается постоянной и важной задачей государства и всех гражданских институтов.

Ключевые слова: Толерантность, стабильность, межнациональное согласие, Ассамблея народов Казахстана, солидарность, развитие, единство

Tolerance as Guarantor of Stable Development of Kazakhstan

©А.М. Ramanzharova
Astana, Kazakhstan
Master of Humanities, Lecturer
Department of Philosophy
Eurasian National University by L.N. Gumilev

Abstract. The paper examines the Kazakhstan model of tolerant society. One of the important conditions for the development of the Republic of Kazakhstan is political stability which is provided by a number of factors, including the establishment of a culture of tolerance in the society.

Today, tolerance is considered as a principle of tolerance of one social subject towards social, political, ethnic, confessional, and other peculiarities of another social subject. That is as a recognition of philosophical, religious, socio-political, cultural, national, and ethical pluralism.

The paper analyses formation and development of interethnic tolerance as a factor of national unity and public consent in the Republic of Kazakhstan. The analysis of this issue allowed us to establish the theoretical and legal foundations of the model of interethnic tolerance in the modern Kazakhstan society. The role of the Assembly of the people of Kazakhstan as an institution for achieving inter-ethnic and inter-confessional consent is shown. The Assembly of the people of Kazakhstan is an instrument of civil integration of the population with the aim of preserving and strengthening national unity, tolerance, and inter-confessional accord.

The principle of tolerance for Kazakhstan is not only a norm of political culture, but also the state principle. The culture of tolerance in Kazakhstan has become a guarantee of stability in the conditions of modernization of the Kazakhstan society. And its further development remains a constant and important task for the state and all civil institutions.

Keywords: Tolerance, stability, interethnic accord, Assembly of the Peoples of Kazakhstan, solidarity, development, unity

Значительная часть пройденного Казахстаном пути - это уникальная история культурного и этнического взаимодействия населяющих его народов, проникающего по существу во все сферы бытия – язык, мировосприятие, поведенческие стереотипы, образ жизни и мышления. В нашей Республике, в которой, по данным последней переписи, проживают более 130 национальностей, на протяжении многих лет складывалась собственная модель межнационального поведения, основа которой – толерантность. Главным документом, начинающимся словами «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государственность на исконной казахской земле» была заложена прочная основа устойчивого развития и процветания Казахстана. Строительство «демократического, светского, правового и социального государства» закреплено ключевыми направлениями цели

страны. В Конституции заложена правовая основа казахстанской модели социального согласия и межэтнической толерантности, соответствующей международным стандартам в области защиты прав национальных меньшинств. Исходя из этого, опираясь на конституционные принципы общественного согласия, государственная национальная политика Казахстана направлена на формирование единства народа в соответствии с общечеловеческими формулировками.

Толерантность – это восприятие с пониманием местным народом представителей других национальностей и людей других религий, это признак терпимости. Общая толерантность присуща цивилизованному обществу. Известно, что данное качество не может сформироваться за один день. Это и есть яркий показатель совершенствования самосознания, традиций, духовного богатства народа. Можно заметить, что с этой точки зрения общественные отношения Казахстана поднялись до определенного уровня. Торжество межнационального согласия в нашей стране является ярчайшим признаком того, что политическая культура казахского народа, составляющего основу нашего государства, поднялась на очень высокий уровень. Если хотите знать, то толерантность – это высочайшая ценность. Не преувеличением будет, если скажем, что это является важнейшим достижением за 25 лет независимости. На сегодняшний день созданы все условия для обновления религии и традиций представителей различных национальностей. Многие страны не могут достичь такого мирного существования. Казахстан – единственная в Центральной Азии страна, которая, сохранив межнациональное единство, не допустила разногласия. На сегодняшний день представители других национальностей, сплотившись вокруг Ассамблеи народов Казахстана, развивают свои традиции и культуру. Исключительной является роль, созданной с этой целью в 1995 году Ассамблея народов Казахстана. Названный центр дружбы сегодня выполняет плодотворную работу в качестве организации, объединяющей национально-культурные центры и защищающей интересы национальных меньшинств на казахской земле. По возможности созданы все условия для реализации потребностей национальных меньшинств, проживающих на территории Казахстана, для создания гармонии в сфере межнациональных отношений. Надо отметить, что все реализуемые мероприятия, связанные с защитой гражданских, политических, экономических, культурных прав всех национальностей соответствуют международным стандартам и в связи с этим способны быть образцом для других государств. Наряду с этим у реализуемой внутренней политики Казахстана есть еще один выигрышный момент, взаимосвязанный с воспитанием у казахстанцев толерантности к различным религиозным конфессиям.

Оживленное строительство в последние годы в Казахстане разнообразных религиозных учреждений (мечети, православные приходы, католические костелы, храмы и т.д.) еще раз доказывает, что государство создает приемлемые условия для гармоничного общественного развития. Направленные на взаимоуважение и толерантность, мир и согласие общественные отношения способствуют формированию истинно положительного имиджа Казахстана на мировой арене. Известно, что политологи, прибывающие в нашу страну для анализа общественно-политического положения, говорят об этом. Расцветающая вместе с независимостью Ассамблея обладает важным значением для нашей страны. Несомненно, что наша миролюбивая жизнь для многих стран является истинным образцом для подражания. Каждый человек, анализирующий общественно-политическое положение Казахстана, в первую очередь отмечает, что на казахской земле отсутствует какая-нибудь неприязнь по отношению к любой нации. Если учитывать эти обстоятельства, то начинаешь сполна понимать значение и содержание сформированного толерантного общества. Наряду с этим, съезд мировых религиозных лидеров, который был проведен Главой Государства Нурсултаном Назарбаевым, на сегодняшний день стал важнейшим глобальным мероприятием в обсуждении воспитания и мира, борьбы против терроризма. В ближайшее время толерантность должна превратиться в ежедневную привычку, традицию нашего народа. Также необходимо придавать значение тому, чтобы из-за толерантного общества мы не лишились национальной самобытности. Наоборот, нужно рассматривать пути достижения толерантным обществом языкового, национального превосходства. На проходившей недавно очередной сессии Ассамблеи Глава Государства Нурсултан Назарбаев открыто назвал государственный язык основным инструментом, объединяющим народы, проживающие в нашей стране. В связи с этим, поддержав Президента, мы тоже должны внести свой вклад в развитие казахского языка. Потому что казахская культура считается одной частью мировой цивилизации. В будущем наша культура должна превратиться в источник общечеловеческой цивилизации. Язык – оплот народа. Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев на V сессии Ассамблеи народов Казахстана сказал, что «Общественное согласие – основа устойчивости и развития Казахстана. Это – не придуманная формула или политическое положение, это – стержень нашей внутренней политики. Однако он должен день ото дня дополняться истинными и показательными действиями» и определил наше основное направление. В связи с этим непреложной истиной является то, что общественное согласие есть

гарантия устойчивого развития государства. Общество должно добровольно участвовать в этом явлении.

На пути общественного согласия особенно важным значением обладает гармоничное взаимодействие институтов государственного и гражданского общества в определении направления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Проблема достижения согласия между различными социальными и этническими группами в обществе и в межгосударственных отношениях - одна из главных проблем, корнями, идущая глубоко в древнюю историю государства. Раскрывающий значение этого явления термин «консенсус» (лат. яз. Consensus - согласие, солидарность, гармония) показывает, что общественное согласие является необходимым на любом этапе, любой форме политического и социального развития общества. Именно поэтому несомненным является тот факт, что закономерность формирования, развития и укрепления общественного согласия станут темой еще многих исследований и дискуссий. Как видим из самой жизни, общественное согласие превратилось в важную политико-идеологическую ценность. Оно, являясь первопричиной плодотворного экономического, политического развития общества, определяет его облик, тесно связанный с национальным интересом. Если рассматривать с этой точки зрения, принцип общественного согласия раскрывает безграничный потенциал определенной Конституцией Республики Казахстан роли институтов государственного и гражданского общества в обеспечении «общественного согласия и политической стабильности». В свою очередь, Конституция – сила, влияющая на мощь, оказывающую влияние на полноценное участие граждан в общественно-политической жизни и на принятие ими решений. Норма Конституции в качестве национальной меры в сфере межэтнических отношений регулирует межнациональные отношения в нашей стране. В ней определены предпосылки совершенствования законодательства в этой сфере. Благодаря этому был проложен новый путь развития, направленный на укрепление общественного согласия и межэтнического единства. В частности, в принятом в 2008 году законе «Об Ассамблее народа Казахстана» был обновлен терминологический аппарат, ранее применявшийся в сфере межэтнических отношений. Национально-культурные центры в нашей стране прошли перерегистрацию в качестве этнокультурных общественных объединений. А также нашли свое отражение сформированные на основе казахстанской модели общественного согласия и межэтнической толерантности основные положения Казахской формулы успеха «Доктрина национального единства Казахстана». В Доктрине национального единства четко указано, что «все мы - сыны и дочери одного Отечества, а наша Независимость - воплощенная мечта многих поколений, итог труда, героизма и воли народа. Независимость и развитие государственности, созданной на исконной казахской земле, - наша главная ценность» [1, с. 141]. Данный подход корнями уходит глубоко в идеи граждан страны, которые вели к развитию великих целей государства.

В результате дальновидной политики, нацеленной на умножение благосостояния народа, в стране, наряду с экономическим ростом, на базе ценностей мира и согласия были установлены единство народа, устойчивое развитие, устои новых казахстанских традиций и менталитета. Именно эти ценности явились началом общественной идеологии. Общество, близко их восприняв, живет по ним. Базовые ценности превратились в основополагающий фактор общества Казахстана. Реализуемая с момента провозглашения независимости внутренняя политика создает приемлемые условия для процветающего развития в обществе Казахстана межнациональной солидарности и международной дружбы. Отношения между религиозными конфессиями и народностями, этносами в Казахстане провозглашают истинный дружеский нрав отечественных народов. Сегодня дружно живущие под единым шаныраком, строящие историю своей страны представители более ста национальностей с гордостью могут сказать, что они «казахстанцы». В мире существует множество многонациональных государств. Однако, то, что прохлада современного кризиса в зеркале политико-экономической жизни не сумела внести разлад в сплоченность многонациональной страны, заставило в мире воспринимать феноменом такое государство, как Казахстан.

Казахстаном поддерживается внутренняя политика, направленная на развитие многонациональной культуры и единства. Здесь каждому народу предоставляется широкий спектр возможностей для развития собственной культуры и традиций. Президент РК Н.Назарбаев в послании народу сказал так: «Превратившееся в важнейшую предпосылку развития, Единство Казахстана получила достойную оценку глав государств и руководителей конфессий в мире как достойный для подражания образец». Казахстан, своей направленной на мировую интеграцию динамичной мощью за годы независимости, достижениями восхищает и удивляет другие государства.

Литература

1. Доктрина национального единства Казахстана //Государственная этнополитика Казахстана: новые тренды. Методическое пособие /под общ. ред. Е.Л. Тугжанова. - Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2011. С. 139–145.

Концепция личностного образования

Аннотация. В статье представлена концепция образования в контексте структурообразующей связи учитель-ученик, направленной на развитие личности. Воспроизводство личностных качеств учителя является базовой функцией образования и основным фактором социализации ученика. Разрушение системообразующей связи определяет деградацию образовательной системы и, соответственно, деградацию и неустойчивость социальной системы в целом. Реформы образования в России в последние годы направлены на разрушение данной связи, поэтому качество образования неуклонно снижается, понижается и социальный статус учителя. Данная проблема обуславливает и прочие проблемы современного российского образования, среди которых можно выделить фундаментальные: бюрократизация образовательного процесса, увеличение бумажной отчетности, зарплатная дифференциация в системе образования, разрыв дохода администрации и простых преподавателей, феминизация образования, абсолютное доминирование женщин в российских школах и ВУЗах. В статье акцентировано предлагаются механизмы усовершенствования процесса обучения через заинтересованность в качестве обучающего процесса учителя и ученика. Заинтересованность ученика предполагается через рейтинговую систему, заинтересованность учителя предполагается через личную ответственность в качестве ученика. Подобное личностное образование предполагает запрос общества на творческую личность, а не на паразитирующего потребителя.

Ключевые слова: система образования, структурообразующая связь, учитель-ученик, бюрократизация образования, дифференциация, феминизация образования, качество обучения, рейтинговая система.

©A.V. Chebunin
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Philosophy, Assistant Professor
East-Siberian State Institute of Culture

The Concept of Personal Education

Abstract. The paper presents the concept of education in the context of a structural relationship between a teacher and student aimed at the development of personality. Reproduction of the personal qualities of the teacher is the basic function of education and the main factor of the student's socialization. The destruction of the system-forming link determines the degradation of the educational system and, consequently, the degradation and instability of the social system as a whole. In recent years, the reform of education in Russia is aimed at destroying this link. The refore, the quality of education is steadily declining, and the social status of the teacher is also decreasing. This problem also causes other issues of the modern Russian education, among which there are three fundamental issues: bureaucratization of the educational process, increase in paper reporting, wage differentiation in the education system, the income gap of the administration and simple teachers, feminization of the education, absolute dominance of women in Russian schools and universities. The paper focuses on mechanisms for improving the learning process through interest in the quality of the teaching process of teacher and student. The student's interest supposed to be through a rating system, the teacher's interest supposed to be through the student's personal responsibility. Such personal education presupposes the society's request for a creative personality, and not for a parasitic consumer.

Keywords: Education system, structure-forming connection, teacher-student, bureaucratization of education, differentiation, feminization of education, quality of teaching, rating system.

Система образования является важнейшим фактором формирования будущего общества через воспитание личности гражданина. Тот тип личности, который формирует система образования, через несколько лет будет определять основные направления социального и политического развития общества. Поэтому формирование будущего закладывается в современном образовании и концептуальные стратегические ошибки в этой системе могут привести к гибели общества и государства.

В настоящее время кризис системы отечественного образования проявляет себя все отчетливее, все попытки его реформирования имеют обратный эффект. Абсолютное большинство учителей школы и педагогов ВУЗов недовольно сложившейся ситуацией. Ухудшается не только качество образования, но и разрушается основа его полноценного функционирования. Создается обоснованное впечатление, что власть поставила себе задачу уничтожить качественное образование в России.

Несмотря на все заверения реформаторов о задачах усовершенствования системы образования тенденции этого «усовершенствования» показывают ложное стратегическое направление, определяемое неправильным концептуальным пониманием всей структуры образовательного процесса. В этом процессе структурообразующей связью является отношение учитель-ученик (преподаватель-студент), на искоренение которого и направлены все инновации.

Структурообразующая связь образования учитель-ученик представляет собой основополагающий принцип не только передачи знания, но и формирования личности ученика через воспроизведение основных качеств учителя. Данный принцип был заложен с самого начала появления системы обра-

зования. Если вспомнить всех великих учителей древности, то главной задачей их деятельности по большому счету являлось именно формирование личности, где передача знаний была лишь одним из средств этого процесса. И именно авторитет учителя служил основой уважительного отношения к качеству знаний ученика, подкрепляемым в процессе практической деятельности. Соответственно, собственно учительская оценка и его рекомендации служили самой верной оценкой знаний и личностных качеств ученика.

Так называемая объективизация оценивания знания (тестовые задания) полностью разрывает эту связь, не учитель оценивает качество своей работы и работы ученика, а некая абстрактно-объективная структура, зачастую некорректно составленная. Более того, в процессе информационного развития общества, когда объем информации увеличивается с геометрической прогрессией, на первый план выходит умение видеть целостную картину и иметь системное мышление, а не знание отдельных фактов, на что направленно тестирование. В результате, тестирование убивает двух зайцев в буквальном смысле – разрывает структурообразующую связь учитель-ученик и подавляет системно-абстрактное мышление ученика.

Данная объективизация оценивания, помимо этого, ведет к общей бюрократизации образования. Учителя и преподаватели завалены бумажным валом, вместо того, чтобы развивать свои профессиональные качества учителя и преподаватели отписывают никому не нужные (кроме проверяющих) бумаги, образовательный процесс оценивается не по качеству знаний и умению их применить, а по качеству этих бумаг. В процесс внедряются новые структуры, наподобие системы менеджмента качества, но чем больше таких структур и бумаг, тем хуже качество знаний, наблюдается прямая взаимосвязь. Обезличивание обучения приводит к тому, что ученики и студенты теряют заинтересованность к учебе, вместо развития системного мышления самоцелью становится фактология. Это увеличивает и различные коррупционные схемы, напрямую определяющие результаты тестирования, что непосредственно противоречит заявленной цели реформирования.

Нет нужды останавливаться на описании всех кризисных явлений нашего образования, они известны всем и могут быть обобщены в трех пунктах. Во-первых, зарплатная дифференциация, когда зарплата администрации во много раз превышает таковую у простых педагогов. Во-вторых, бюрократизация, завал ненужных письменных форм. И в-третьих, феминизация, когда коэффициент женщин-педагогов превышает 80%. Наша задача показать другое концептуальное видение образовательного процесса и механизмы его осуществления. Данное видение определяется, прежде всего, восстановлением структурообразующей связи учитель-ученик (преподаватель-студент).

Механизм восстановления структурообразующей связи учитель-ученик главным образом заключается в субъективно-личностном оценивании ученика учителем, когда учитель оценивает не только качество знаний ученика, но и качество своей работы с ним. Оценивание должно быть персональным, под каждой оценкой должно стоять имя учителя. В результате, учитель берет на себя ответственность за оцененное качество знаний, что полностью соответствует традиционной системе образования. Даже в случае замены учителя, оценивающий не снимает с себя ответственности за свою оценку.

В таком варианте, тестирование теряет свое довлеющее значение, становится дополнительным, вторичным средством проверки знаний. На первый план выходит умение ученика продемонстрировать своему учителю необходимый багаж знаний и способность работы с ним, на что и направлен так называемый компетентностный подход. При этом за эти знания и умения отвечает конкретный учитель, поставивший свое имя под оценкой. Содержание знаний и умений традиционно определяется ГОСом, отраженным в персональной образовательной программе учителя по курсу, по этой программе ученик ориентируется в заданиях, по ней его оценивают и аттестуют в дальнейшем.

Подобный вариант значительно усилит заинтересованность учителя в качестве своей работы, стимулирует его работать на свое имя. У каждого учителя должен быть журнал учета учеников, что ликвидирует проблему коррупционной оценки. Неизбежному требованию руководства и учеников в повышенных баллах, а также желанию учителя зависеть свои показатели необходимо предоставить необходимую в этом случае объективную аттестацию учеников. Аттестация должна проводиться комиссией с участием учителя не менее 2-ух раз в течение первого и второго года после оценки с учетом коэффициента остаточных знаний, при этом тестирование должно быть полностью исключено, оцениваться должно устное выступление и личностные качества ученика. При завышенной первоначальной оценке ставится вопрос о профессиональной пригодности учителя. Механизмы воздействия в этом случае легко можно проработать: от понижения стимулирующих добавок к заработной плате, до понижения разряда и звания. При аттестации, при значительных расхождениях возможны варианты изменения оценки в обе стороны.

Для повышения соревнования и заинтересованности в обучении у учеников необходимо ввести

рейтинговую систему в классах и группах, как по отдельным дисциплинам, так и в целом. Для этого следует реформировать давно устаревшую пятибалльную систему оценки. Наилучший вариант представляет 100-балльная система, которая легко трансформируется в любую другую систему, в определенной степени соответствует проценту усвоенного материала. Для примера, пятибалльная система переводится в 100-балльную следующим образом: 2 = 0-25, 3 = 26-50, 4 = 51-75, 5 = 76-100. Данные системы могут существовать на первом этапе параллельно, они легко переводятся из одной в другую (чистая 3 = 38, 4 = 63, 5 = 88, + или – в пределах 12 баллов). В соответствие со 100-балльной системой можно легко составлять рейтинги учеников, который будет явным показателем конкурентоспособности ученика по дисциплине или в целом по сравнению с остальными. Родителям станут более ясны способности и возможности своих детей. Возможно внесение показателя рейтинга в документ об образовании, что тоже окажет сильное стимулирующее воздействие на учеников. Стипендия может распределяться у первой половины студенческой группы (или государство/вуз определит другой процент по своим возможностям), что в какой-то степени уберет проблему завышения оценки студента из жалости и усилит их желание учиться. Также необходимо избавиться от зачетной системы и перейти к балльной оценке всех, даже промежуточных дисциплин, что закрепит рейтинговую систему.

Персональное оценивание, определяющее персональную ответственность за подготовку ученика, ученический рейтинг, определяющий сравнительные способности и возможности, обеспечит укрепление структурообразующей связи учитель-ученик, даст стимул личностного развития, как учителя, так и ученика. Данная образовательная система в силу своей гибкости может применяться в различных формах обучения, обеспечивая высокий уровень качества, особенно в свете последних тенденций развития дистанционных форм обучения. В будущем возможны варианты выбора курсов и учителей.

В силу своей гибкости данная система может вводиться поэтапно, не ломая старые формы. Так, на первом этапе может быть введена 100-балльная система, параллельно с пятибалльной, пока образовательная сфера не привыкнет к новой системе, а также ученическая рейтинговая система. На втором этапе может быть введена система аттестации учеников, продуманы механизмы и параметры комиссионной проверки остаточных знаний. И, наконец, только на третьем этапе может быть введена система персонального оценивания и постепенно разработаны механизмы личной ответственности, при активном обсуждении.

Данные механизмы, что очень важно, не ломают традиционную систему, а значительно расширяют и углубляют ее возможности. В этом случае образовательный процесс поворачивается лицом к учителю и ученику, его результаты оцениваются непосредственно, а не через бумажную документацию. Как у учителя, так и у ученика появится мощный стимул личностного развития, что в конечном итоге приведет к соответствующему результату – обучение станет настоящим обучением, а не профанацией, а учитель будет напрямую заинтересован в качестве своей работы, подразумевающей личностные качества и качество знаний ученика, а не бумажные отчеты.

Подобная концепция системы образования возможно лишь в одном случае: когда государство заинтересовано в развитии личности человека и в его высоких морально-нравственных качествах. Но куда государственной целью является материальное обогащение, а с высших эшелонов власти призывают воспитывать потребителей, такая система противоречит базовым установкам государственной политики. Паразитирующий потребитель становится легкой мишенью манипуляции, только не всегда средствами манипуляции распоряжается государство. Поэтому толпы потребителей готовы уничтожить любую власть, мешающую им паразитировать. Последние тенденции в западных странах и в России вызывают опасения развития именно такого сценария. И если направление политического развития не изменится, государство, проводящее такую политику, просто погибнет вместе со всеми сферами социальной жизни, ибо паразитизм губит сам себя вместе с погибающим организмом.

УДК 316.343.2

©Л.Д. Унарова
Якутск, Россия
д-р филос. наук, доцент, зав. кафедрой общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Высшая Школа музыки РС (Я) (институт) им. В.А. Босикова
e-mail: unarova@mail.ru

Почетные граждане Якутска: Бурятия в их судьбах

Аннотация. Социокультурный опыт является необходимым условием для любого исследовательского анализа и обобщения событий и явлений. Также невозможно осмыслить и отобразить идущие сегодня процессы в России без субъектов социального действия, то есть активных членов общества. В данной статье предлагается рассмотреть один из уникальных

аспектов взаимопроникновения и совмещения индивидуального и общественного в личности, наглядно проявляющемся в почетном гражданстве. Речь идет о почетных гражданах г. Якутска, в судьбах которых Бурятия напрямую, либо косвенно имела место. Эта плеяда замечательных людей включает в себя якутского губернатора И.И. Крафта, одного из выдающихся государственных деятелей дореволюционной Сибири, свободно владевшим бурятским языком и знавшим обычаи бурятского народа; советского и партийного руководителя Якутской АССР П.М. Упхолова; шахтера-взрывника, участника Великой Отечественной войны, уроженца Тарбагатай П.С. Хромова; одну из первых женщин Бурятии и Якутии, получившей профессию инженера-строителя М.Н. Шантагарову, более 40 лет занимавшейся дорожным строительством. Их почетное звание есть результат самоотверженного труда, активного и сознательного отношения к выполнению гражданского долга, признания заслуг перед обществом.

Ключевые слова: почетное гражданство, трудовой вклад, общественная и гражданская активность, ответственность, энтузиазм, преданность, долг.

Honorary Citizens of Yakutsk: Buryatia in their Fate

©L.D. Unarova,
Yakutsk, Russia

Doctor of Philosophy, Assistant Professor
Head of Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines
Higher School of Music of the RS (Ya) (Institute) by B.A. Bosikov

Abstract. Sociocultural experience is necessary for analysis and generalization of events and phenomena. It is also impossible to comprehend and reflect the current processes in Russia without subjects of social action, i.e. active members of society. This paper proposes to consider one of the unique aspects of interpenetration and combining the individual and the public in a person that is visually manifested in an honorary citizenship. We are talking about honorary citizens of Yakutsk, in whose fate Buryatia directly or indirectly took place. This includes the governor of Yakutia I.I. Kraft, one of the outstanding statesmen of pre-revolutionary Siberia, fluent in the Buryat language and who knew the customs of the Buryat people; soviet and party leader of the YaSSR P.M. Upholov; miner, native of Tarbagatay P.S. Khromov; M.N. Shantagarova, one of the first women of Buryatia and Yakutia who received the profession of civil engineer and more than 40 years engaged in road construction. Their honorary title is the result of selfless labor, active and conscious attitude to the fulfillment of civic duty, recognition of merits before the society.

Keywords: honorable citizenship, labor contribution, public and civic activity, responsibility, enthusiasm, devotion, duty.

Как известно, институт почетного гражданства ведет свою историю со времен Французской буржуазной революции 1789 г. В России за заслуги на гражданской службе, в науках, искусстве и в религиозной сфере стали причислять к почетным гражданам представителей разных социальных групп с 1832 г.

Помимо общероссийского почетного гражданства до Октябрьской революции данное поощрение широко применялось практически во всех городах России по отношению к горожанам, особо отличившимся и имеющим неоспоримые заслуги перед сообществом.

Якутская городская Дума стала использовать указанный способ признания заслуг граждан с 1889 г. До 1917 г. звания «Почетный гражданин» были удостоены 11 жителей города. Затем наступил полувековой перерыв, связанный с переломными историческими событиями. И только в 1967 г. была возобновлена прерванная традиция поощрения наиболее выдающихся горожан. За указанный период почетными гражданами г. Якутска признано 96 человек [5].

Среди 107 человек, которые вошли и останутся в истории города, являя собой примеры патриотизма, служения делу и благу, честного труда, общественной и гражданской активности, ответственности и праведности, есть люди, в судьбу которых в той или иной степени вписана Бурятия – это губернатор И.И. Крафт, ветеринарный техник, затем советский и партийный работник П.М. Упхолов, горный инженер П.С. Хромов, инженер-дорожник М.Н. Шантагарова.

Одним из самых выдающихся государственных деятелей дореволюционной Сибири может быть назван действительный статский советник, губернатор Якутской области И.И. Крафт (1861-1913 г.г.). Он родился в Витебской губернии в семье польского дворянина, лишённого этого звания и сосланного за совершение должностного преступления в Енисейскую губернию на 25 лет. Отцу И.И. Крафта пришлось отделить 12-летнего сына от семьи, чтобы сохранить за ним права и звание потомственного дворянина, что давало бы ему впоследствии возможность поступить на государственную службу [1].

Будущий губернатор прошел все этапы служебной лестницы: от писаря, сортировщика в почтовой конторе до чиновника особых поручений в канцелярии Забайкальского генерал-губернатора Я.Ф. Барабаша. Семилетнее пребывание в Забайкалье позволило И.И. Крафту свободно овладеть бурятским языком, изучить быт и культуру бурятского народа, тем самым снискав к себе уважение инородцев. Далее его карьера складывалась в Оренбурге, где он проявил такой же интерес к языку и культуре казахов, проживавших в степях Тургайского края. Владение инородческими (бурятским и казахским) языками, знание проблем коренных сибирских народов помогло И.И. Крафту написать научный труд «Положение об управлении в степных областях» (1893 г.), затем обширную записку «О преобразова-

нии управления оседлыми и кочевыми инородцами».

Он был убежден, что система управления инородцами нуждается в реформировании и реорганизации: законы об инородцах так устарели, что задерживают естественный процесс их обрусения и тем самым не обеспечивают интересов государства [3]. Став губернатором Якутской области, руководствовался этим убеждением, что позволило ему ввести административные, организационно-экономические, социально-культурные новшества на вверенной территории [2].

И.И. Крафт был человеком нового мышления, сторонником реформ П. Столыпина, он, по отзыву работавших с ним чиновников, «был самым выдающимся по своей энергии, работоспособности, широте и глубине замыслов» [2, с. 4].

Наиболее значительным вкладом И.И. Крафта явились преобразования в экономике, здравоохранении, просвещении местного населения: повышение рентабельности сельского хозяйства, введение научной базы (открытие ветеринарных пунктов, бактериологической лаборатории, опытно-показательных хозяйств); организация производства из мамонтовой кости, древесины, шерсти; расширение рыбного промысла. В годы управления областью было создано 43 потребительских кооператива, открыты телеграф, телефон, построена электростанция. По его инициативе начались статистико-географические и геологические исследования края, в результате чего открыли месторождения мрамора, золотых россыпей, железной руды, каменного угля, строительных материалов, соляных отложений.

Видение перспектив по разработке природных богатств и возможности увеличения производства сельскохозяйственной продукции заставляло его ходатайствовать на присоединении области к Транссибирской железнодорожной магистрали. Неоспорима роль губернатора в организации борьбы с голодом, засухой, в увеличении числа светских школ, училищ, открытии кочевых школ на Севере, в улучшении медицинского обслуживания населения – строительство больничного комплекса в г. Якутске, больниц в других населенных пунктах области, увеличение штата медицинских работников. Дети местного населения получили возможность продолжить учебу в высших учебных заведениях страны, им выделялась стипендия в 2000-3000 рублей. По его предложению Городская дума приступила к подготовке проекта о всеобщем начальном образовании детей в г. Якутске. Документально подтверждается деятельность губернатора по улучшению жизни и быта ссыльных, беспризорных детей и больных, устройства их в благотворительные учреждения.

В сфере демократизации социально-политической жизни создавались общественные организации, различные общества. С 19 июля 1907 г. начала выходить газета «Якутский край» - «Саха дойдута» на русском и якутском языках в сотрудничестве политических ссыльных и передовой якутской интеллигенции.

Крафт придавал исключительное значение знанию якутского языка для чиновников администрации и судебного ведомства. Исходя из собственного опыта знания инородческих языков, он считал, что владение языком способствует пониманию различных сторон жизни местного населения. По его ходатайству был выпущен Академией наук «Словарь якутского языка», составленный Э.К. Пекарским. Губернатор требовал от чиновников знания якутского языка и всячески поощрял тех, кто овладевал языком.

Вся его деятельность была направлена на государственное укрепление и благоустройство. Его рвение, неутомимость, работоспособность (рабочий день начинался с 6 утра и продолжался до позднего вечера, в день принимал по 50-60 посетителей) были поистине беспрецедентными, да и должны быть образцом служения своему Отечеству.

Значительный вклад в развитие северного края внес П.М. Упхолов (1920-2001 г.г.), бурят по национальности, он приехал в Якутию в 1938 г. До этого времени, проучившись 3 года в г. Иркутске, перевелся в г. Якутск и закончил сельхозтехникум, получив диплом ветеринарного техника в 1939 г.

После окончания техникума его направили сначала в отдаленный Верхоянский район, затем в арктический Абыйский район заведующим ветучастками. Молодому специалисту приходилось преодолевать десятки тысяч километров на оленьих упряжках в более чем 50-градусные морозы зимой, а летом – на лодке по рекам, верхом на лошадях, чтобы переехать с одного района в другой, или объехать вверенные олени стада, стойбища, населенные пункты. Это были места, покрытые непроходимыми топями, полные опасности, диких зверей, где людские поселения разбросаны на расстоянии нескольких сотен километров друг от друга. Ветеринарному технику надо было просмотреть, сделать метку об осмотре и провести профилактику или лечение каждого животного из многотысячных стад, надо признать, работа была крайне изнурительной, требующая упорства, настойчивости и ответственности.

В 1944 г. П.М. Упхолова направили работать в Оймяконский район, а для чего надо было преодолеть с женой и 3-летним сыном около 1300 километров на оленях по бездорожью, горным ущельям, наледям и перевалам Момского и Черского хребтов. А в Оймяконе ему одному, единственному вете-

ринару на весь район, с двумя наспех обученными санитарями из местного населения пришлось локализовать очаг эпидемии сибирской язвы [6]. Затем с 1946 г. по 1949 г. работал в Таттинском районе главным ветврачом, организовал в крупных селах ветучастки, в 1949 г. его назначили заведующим отделом сельскохозяйственной работы райкома партии, затем избрали вторым секретарем райкома партии. К этому времени он овладел якутским языком, что мог не только свободно изъясняться в быту, но и выступать с официальными речами и докладами.

В 1964-1971 г.г. П.М. Упхолов работал первым заместителем Председателя Совета Министров ЯАССР, курировал сельское хозяйство. Именно в эти годы происходили коренные изменения в отрасли: реорганизация колхозов в совхозы, укрепление их материально-технической базы, увеличение производства сельхозпродукции, повышение благосостояния жителей села. Затем он возглавил Министерство мелиорации – водного хозяйства республики, при нем была создана мощная база, благодаря которой в хозяйственное пользование введено 253, 9 тысяч га земли (за счет орошения, осушения и др.).

В течение 7 лет П.М. Упхолов руководил Управлением охотничье-промыслового хозяйства, при нем появились Усть-Ленский и Олекминский заповедники, госпромхозы – специализированные охотхозяйства, велся учет, расселение и воспроизводство промышленных видов животных. Он возглавлял Совет ветеранов г. Якутска в последние годы своей жизни.

Якутия стала для него второй родиной, он связал свою жизнь с ней и посвятил ей всю свою трудовую деятельность.

«Человек-легенда» – так прозвали П.С. Хромова (1912-2004 г.г.), уроженца Тарбагатайского района Бурятии, жители угольного поселка Кангалассы. Он воевал в саперном взводе на дальневосточном фронте. По профессии П.С. Хромов – шахтер-взрывник. С 1932 г. работал в горной промышленности. В 1955 г. был назначен начальником Кангаласской угольной шахты. При нем были введены такие технологические новшества, которые позволили перейти к добыче угля открытым способом, что привело к снижению затрат [4]. Были сооружены линия электропередачи и причал для отгрузки угля. Кардинальные изменения коснулись шахтерского поселка: были построены школа, клуб, детский сад, пекарня, магазины, благоустроенные жилые дома. В поселке был открыт вечерний филиал горного факультета Якутского государственного университета. Численность населения стала увеличиваться, люди понимали, что о них заботятся, что в них нуждаются.

После выхода на пенсию П.С. Хромов руководил поселковым советом, так же весь свой энтузиазм посвящал благоустройству поселка, уделял внимание морально-психологическому климату, укреплению рабочих династий, лучших трудовых традиций. Затем он перешел на работу в Капитоновский дом-интернат для инвалидов и престарелых, создал подсобное хозяйство при нем.

Всегда был неравнодушным и заботливым к людям. Всей своей долгой и активной жизнью показывал пример яркого человека, отдавшего себя поселку, угольному разрезу, новой родине.

М.Н. Шантагарова (1917-2005 г.г.) являлась одной из первых женщин Бурятии и Якутии, получившей высшее инженерное образование в сфере строительства. Она окончила Казанский институт коммунального строительства по специальности «инженер-дорожник» в 1939 г. После окончания института работала в Улан-Удэ главным инженером по благоустройству города, в 1950 г. переехала в Якутск, стала работать главным инженером в СМУ. Под ее руководством был построен первый в г. Якутске асфальтобетонный завод и проложены первые асфальтированные улицы Ленина, Кулаковского и Октябрьская[4].

Больше 40 лет М.Н. Шантагарова отработала в «Гордормостострое», ушла на пенсию в 74 года, ее часто можно было видеть на улицах, возведенных ею, за рулем автомобиля.

Самоотверженным трудом, знаниями и большим опытом работы она активно делилась с молодыми коллегами, постоянно интересовалась делами и событиями, происходящими на родном предприятии.

Каждый из этих людей прошел с честью и достоинством свой жизненный путь, сохранил верность своим принципам – честно жить, ответственно трудиться, сполна отдавать себя долгу служения людям и отечеству, быть преданным своему выбору, совершать благие дела, занимать активную жизненную позицию, сохранять любовь и интерес к окружающему миру. Они ясно и четко понимали, что и во имя чего они делают.

После этих людей остались преобразованные дороги и улицы, возведенные школы и больницы, возделанные поля и культурные пастбища – все это вместе несет на себе отпечаток их духовного влияния и социокультурной деятельности.

Литература

1. Кикилова Т.М. И. И. Крафт: от писаря до губернатора // Мартыановские краеведческие чтения (2003-2004 г.г.): сб.

докладов и сообщений. – Выпуск III / Минусинский регион. краевед. музей им. Н. М. Мартыанова. – Абакан : Светоч, 2005. С. 215 – 217.

2. Павлов А.А. Губернатор И. И. Крафт: опыт управления Якутской областью: автореф. дис. ... к. ист. наук. – Якутск, 2003. – 24 с. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/gubernator-i-i-kraft-opyt-upravleniya-yakutskoi-oblastyu#ixzz4ORVeWWBr> (дата обращения 30.10.2016).

3. Потапов И. Ф. Иван Иванович Крафт // Енисейская губерния: история в фотографиях и документах. – Красноярск: Офсет, 2008. С. 106 – 108.

4. Почетные граждане города Якутска / сост. И.В. Уваровская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Якутск: СММК-Мастер. Полиграфия, 2012. – 205 с.

5. Унарова Л.Д. Почетное гражданство: прошлое и настоящее // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире: материалы XI Межд. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. – Т.2. С. 86 – 92.

6. Упхолов П.М. Дороги моей судьбы. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. – 216 с.

УДК 304.3

© Д.Б. Хобракова
Улан-Удэ, Россия
педагог-психолог,
Республиканский многоуровневый колледж
E-mail: gdimid88@mail.ru

Особенности становления харизматического лидера в современном обществе

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению процесса становления харизматического лидера. На наш взгляд, харизма представляет собой многогранный социальный феномен, присутствующий во всех сферах жизни общества, где есть группы людей, в которых неизбежно появляется лидер, поскольку формируется и развивается сложноорганизованная система. Поэтому в данной статье процесс становления харизматического лидера рассматривается через призму наиболее ярких исторических личностей. Рассматриваются примеры становления лидеров, каким образом они добились высоких позиций и обожания, возвеличивания со стороны своих сторонников и последователей. При этом показаны те методы и способы, которые были использованы при создании вокруг определенной личности харизматического образа: метод ассоциирования себя с каким-либо сакральным предметом или объектом, метод дистанцирования, метод поддержания близости, метод культивирования личности, метод разрушения существующих ценностей, норм и традиций. Особое внимание уделено мнению о том, что людей можно научить демонстрировать харизматические формы поведения, развивать определенные способности. При этом выделены принципы харизматического поведения, которые могут стать инструментом в процессе становления личности как лидера-харизматика. Для выявления особенностей процесса становления лидера харизматического толка выделены основные объективные и субъективные факторы. Также показана определенная последовательность действий личности, в результате выполнения которых состояние развития харизматической личности меняется от потенциального харизматика, до действующего харизматического лидера.

Ключевые слова. Харизма, лидер, личность, процесс становления, потенциальный харизматик, действующая харизматическая личность, методы создания харизматического образа.

© D.B. Khobrakova
Ulan-Ude, Russia
Lecturer, Psychologist
Republican Multilevel College

Features of the Charismatic Leader's Formation in the Modern Society

Abstract. This paper examines the process of becoming a charismatic leader. In our opinion, charisma is a multifaceted social phenomenon that is present in all spheres of society, where there are groups of people in whom the leader inevitably appears, since a complexly organized system is being formed and is developing. Therefore, this paper views the process of becoming a charismatic leader through the prism of the most vivid historical personalities. Examples are considered of becoming leaders, how they have achieved high positions and adoration, exaltation from their supporters and followers. The paper shows the methods and techniques that were used to create a charismatic image around a certain person: the method of associating oneself with some sacred thing or object, the method of distancing, the method of maintaining proximity, the method of cultivating the personality, the method of destroying existing values, norms, and traditions. Particular attention is paid to the opinion that people can be taught to demonstrate charismatic forms of behavior, develop certain abilities. At the same time, the principles of charismatic behavior are singled out, which can become a tool in the process of becoming a personality as a charismatic leader. To identify the characteristics of the process of becoming a charismatic leader, the main objective and subjective factors have been singled out. Also, the paper shows a certain sequence of personality actions as a result of which the state of development of a charismatic personality changes from a potential charismatic to an active charismatic leader.

Keywords. Charisma, leader, personality, process of becoming, potential charismatic, active charismatic person, methods of creating charismatic

В древние времена в силу недостаточных знаний о природе вещей божественной силой наделялись явления природы, сама природа, жрецы, священнослужители, правители и герои. Поэтому в ос-

нове процесса становления лидера-харизматика в те времена была слепая вера в божественных существ и богов. Все, что не поддавалось объяснению, интерпретировалось как обладание сверхъестественными способностями и возможностями. Например, умение гипнотизировать могло восприниматься людьми как проявление божественности. Даже какие-то определенные физические особенности человека являлись доказательством обладания харизмой. Потенциальному харизматику оставалось лишь убедить окружающих людей, что он наделен этими силами. Сделать это он мог с помощью своих сообщников, применяя определенные методы создания образа харизматического лидера.

Одним из таких способов являлся метод ассоциирования себя с каким-либо сакральным предметом или объектом. Например, у римского генерала Сертория был любимец молочно-белый олень, которого ему подарили в Испании во время военных действий. Так как Серторий знал, что его подчиненные варвары суеверны, он создал вокруг этого оленя впечатление священного существа, которое способно раскрыть перед ним любую тайну. Однажды олень исчез, но затем нашелся, когда вспрыгнул на трибуну, где его хозяин выслушивал требования. Это действие было явно срежиссированно и дало определенный эффект. В начале люди были удивлены, потом их охватило чувство радости и они аплодировали Серторию. Эта сцена убедила их, что он является избранным и наделен божественной силой [1].

В Древней Греции и Персии для создания харизматического образа правители использовали два действенных способа. В Персии применялся метод дистанцирования правителя от подданных. Вокруг властителя создавалась особенная аура с помощью распространения слухов о его божественном происхождении, сохранения дистанции между правителем и его подданными, и обычая простиранья ниц перед ним. Совершенно противоположным является греческий метод поддержания близости между лидером и его последователями. Греки предпочитали лидера, который поддерживает с ними взаимоотношения, с которым можно обсудить насущные проблемы и совместно принимать решения. Для них было важно осознавать, что их лидер один из них, хотя и лучший в своем деле. [2, С. 245-250].

В годы советской власти становление харизматического лидера основывалось на культивировании личности. Культ личности, по нашему мнению, создается искусственно. Например, И.В. Сталин (Джугашвили) создавал мощный культ личности самого себя и занимался этим как приоритетной задачей все годы своего правления, вплоть до марта 1953 года. При жизни И.В. Сталина советской пропагандой создавался ореол вокруг него, согласно которому он выступал «великим вождем и учителем». Например, множество предприятий и организаций получило дополнение «имени И.В. Сталина» в названиях, его именем называли советскую технику, которая выпускалась в 1930-1950 годах (Паровозов ИС, Сталинец-1, Сталинец-60, танк ИС-1 и танк ИС-2). Во времена советской власти И.В. Сталина провозгласили как «Великого Отца советского народа». Люди, не понимая сложного механизма развития государства, рассматривали общество как большую семью и поэтому возлагали свои надежды на лидера – харизматика [3, С.48-76.]. В культах Ленина и Сталина расцвела преувеличенная роль отца, характерная для примитивного общества. В.И. Ленин и И.В. Сталин стали представлять собой «родовой символ». Это произошло, потому что для советского общества было свойственно естественное человеческое стремление быть под защитой покровителя, знающего способы решения трудных вопросов, взявшего на себя всю ответственность.

Также становление харизматического лидера основывается на разрушении существующих ценностей, норм и традиций. Харизматическим лидером вносятся инновации в отношении старых ценностей или происходит полная их замена. Например, А. Гитлер (Шикльгрубер), установивший в Германии режим фашистского террора. Он является непосредственным инициатором развязывания второй мировой войны 1939-1945 годов, а также одним из главных организаторов массовых истреблений военнопленных и мирных жителей оккупированных территорий. В связи с этим в последующем он был признан Нюрнбергским процессом главным из нацистских военных преступников [4, С.54]. Также Б. Муссолини, представляющий собой фашистского диктатора Италии 1922-1943 годов, правительство которого под его руководством установило в данном государстве фашистский террор и придерживалось агрессивной внешней политики, вслед за фашистской Германией развязало вторую мировую войну [5].

Мы согласны с позицией М. Вебера о том, что харизма лидера проявляется в различные периоды кризисов и перемен социального и социально-политического характера. Данную позицию разделяют Е. Эрикссон, С. Фридландер, Д. Мэдсон, П. Сноу и другие авторы [6]. По их мнению, актуализация харизматических лидеров происходит с вызревания сложных общественных процессов. Другими словами, харизматические личности наиболее заметны в экстраординарных или кризисных ситуациях, на этапах нестабильного социально-экономического общественного развития, в периоды резких социальных перемен.

По версии Д. Мэдсона и П. Сноу, периоды кризисов и перемен изменяют всю социальность людей таким образом, что они изолируются от всех социальных групп (семья, друзья, знакомые). Личность испытывает такую подавленность от этих изменений, что со временем совсем обессиливает. Харизматический лидер в такой момент дает людям ощущение, что у политики есть смысл, когда он у власти, что он имеет возможность изменить такую сложившуюся ситуацию, сохраняя ответственность за нужды своих сторонников. Этот эффект назвали «вверительным контролем» [7].

Мы считаем, что в современном обществе процесс становления харизматического лидера происходит несколько иначе, нежели в более ранние времена. Однако два этапа этого процесса остаются неизменными. Их выделил Р. Лепсьюз, когда исследовал процесс становления харизматического лидера, произошедший в период властвования А. Гитлера в Германии. По его мнению, первым этапом является латентная харизматическая ситуация (скрытый этап), которая сама по себе несет только предпосылки становления харизматика, но не гарантирует при этом его возникновение. В этот этап входит общественная легитимация харизмы и приобретение опыта деятельности в кризисных ситуациях, однако их сочетание может привести в действие процесс возникновения харизматического лидера. Такого рода ситуация может перейти в явную (явный этап). Это происходит в том случае, если общество признает в нем харизматического лидера, который воспринимается ими как спаситель. Другими словами, общество наделяет этого лидера харизмой и возлагает на него ответственность за происходящие события, за принимаемые решения, за полученный результат, и даже за самих себя [8, p 53].

Стоит отметить, что существует мнение, что людей можно научить демонстрировать харизматические формы поведения. Например, владение ораторским искусством, умение выстраивать стратегию, способность убеждения, а также ряд других способностей. Для этого необходимо развиваться в данном направлении, необходимо усвоить следующие принципы харизматического поведения:

1. Необходимо дать собеседнику почувствовать собственную значимость. В любом человеке ощущение собственной значимости и стремление к признанию невероятно сильно. Когда один человек чувствует себя значимым рядом с другим человеком, тем более позитивно он относится к нему.

2. Постараться дать людям то, чего они хотят, и высказать то, что они думают. Люди в основном интересуются только самими собой и тем, что общение с кем-то может дать им. Чтобы эффективно общаться с окружающими, необходимо постоянно помнить это правило.

3. Не забывать об эффекте бумеранга. Человек имеет бессознательную потребность отблагодарить дарителя. Если человеку что-то подарить или оказать какую-либо услугу, то у него появится желание, что-то подарить взамен или сделать ему что-нибудь приятное.

В настоящее время многие авторы (Л. В. Сморгалова, О. В. Шкурко, Т. А. Филь и другие исследователи) [9] склоняются к мнению, что процесс становления харизматического лидера – это процесс тренировки харизматических качеств, с помощью определенных способов, методов и тренингов. Следовательно, развивать харизматические способности или научиться быть харизматиком возможно, так как каждый с рождения имеет определенный набор свойств, качеств и характеристик, развитие и совершенствование которых зависит от него самого. Лидеры, известные истории как носители харизмы, развивали свои умения, совершенствовали свои способности, увеличивали свои знания, обретали опыт на практике. В таком случае возникает необходимость в разработке и практической реализации способов, методов и технологий формирования лидера-харизматика. В качестве такого примера можно взять разработанную Т.А. Филь [10, С. 124-128] тренинговую программу развития идентичности личности педагога через развитие харизматических качеств. Исходя из чего, можно предположить, что подобная программа может использоваться для развития потенциальных лидеров-харизматиков. Данная программа включает пять блоков, которые включают в себя определенные упражнения, направленные на развитие составных частей харизматической личности: аффективный, мотивационный, поведенческий и когнитивный компоненты. Целью таких упражнений является необходимость развить сензитивные и эмпатические способности. Такого рода упражнения направлены на развитие восприятия, понимания и рефлексии.

Особый интерес вызывает то, что в настоящее время в быстроизменяющихся условиях на все процессы, происходящие в обществе, влияют, ежедневно появляющиеся более новые модернизированные средства, программы и технологии. Под их воздействием меняется и само общество, его потребности, ценности и уровень образованности. Вместе с этим меняются и политические системы государств, и их социально-экономические возможности. Это все играет огромную роль в процессе становления лидера-харизматика. Поэтому, на наш взгляд, стоит рассмотреть объективные и субъективные факторы, способствующие становлению харизматического лидера.

К объективным факторам мы отнесем социально-экономические условия в стране (регионе) (кризисная ситуация); политический режим государства; вид цивилизационной структуры общества; уро-

вень образованности общества.

Субъективными факторами становления харизматического лидера, на наш взгляд, являются готовность людей к трансформациям, которые может предложить потенциальный харизматик в конкретный период времени; финансовые возможности; степень доверия со стороны населения; обладание личностью уникальными качествами; стиль поведения и действий личности.

Воздействие харизматического человека на окружающих объясняется его положительной жизненной позицией, увлеченностью в преследовании своих целей и верой в их осуществимость. Харизматический лидер осознает, контролирует и регулирует собственные действия, готов к большим нагрузкам и рискам ради благополучия общества. Поведение такого лидера идет в разрез с социальными стереотипами. При этом харизматический лидер способен влиять на членов группы, таким образом, что их ценности, мотивация, интересы изменяются. В итоге этой трансформации реализация личных интересов соотносится с достижением общих целей группы. Именно благодаря такому поведению харизматик достигает уважения и авторитета со стороны последователей.

Кризис может разрешиться только за счет действий успешного лидера. При этом действия политика рассматриваются как проявление его личных характеристик. По этой причине успех личного проекта лидера воспринимается не столько как результат его личных достоинств. Именно успех подтверждает и обосновывает в глазах массы моральное право на лидерство. В связи с этим придается особое внимание формализации политического успеха. «Успех» становится главным доказательством обладания харизмой. У политического лидера и его административно-управленческого аппарата появляется необходимость периодически искусственно создавать кризисные ситуации, требующие их преодоления, а затем с успехом восстанавливать равновесие в обществе. Все действия направлены на то, чтобы в массовом сознании складывалось и постоянно поддерживалось убеждение, что действия лидера по разрешению трудностей успешны.

Следовательно, харизматическим лидером определенная личность становится вследствие наличия конкретной ситуации, в которой выдвигаются определенные требования к деятельности людей, объединенных в группу, и формируется потребность в таком лидере; возможностей потенциального лидера, которые зависят от модели и структуры государства; готовности людей к трансформациям, которые может предложить лидер в конкретный период времени; конкретных ожиданий от потенциального лидера со стороны группы последователей; конкретных черт, характеристик, особенностей, способностей, качеств, свойственных потенциальному лидеру: умения работать с разными группами людей, умения удовлетворять запросы последователей; умения выстраивать коммуникации; новых идей, которые поддержат последователи, которые будут стремиться воплотить в жизнь. Данные факторы способствуют проявлению необходимых качеств потенциального харизматика, проверяют его готовность к самореализации и подталкивают к определенным последовательным действиям. На наш взгляд, именно эта последовательность действий личности, в результате которых меняется состояние ее развития от потенциального харизматика до действующего харизматического лидера и является процессом его становления.

Таким образом, в современных условиях процесс становления харизматического лидера состоит из следующих действий потенциального харизматика:

1. Разработка или доработка социально-значимой идеи. Только социально-значимая идея способна дать обществу общую цель, к которой необходимо двигаться. Она даже может придать смысл их жизнедеятельности.

2. Презентация данной социально-значимой идеи. Необходимо показать и доказать обществу, что представленная идея действительно социально значима. Только после этого она начинает спланировать вокруг потенциального харизматика последователей и сторонников.

3. Создание определенного положительного образа харизматического лидера. Однако, по нашему мнению, формирование образа харизматика ведет к созданию псевдохаризматического лидера, который в какой-то момент, безусловно, будет разоблачен.

4. Работа над расширением социальной базы, или распространение информации. В нынешних условиях для распространения информации необходимо взаимодействовать со средствами массовой коммуникации и информации. Безусловно, необходимо работать с разными социальными группами и заручиться их поддержкой.

5. Работа над увеличением числа доверяющих последователей. В настоящее время важным критерием оценки харизматичности лидера является степень доверия со стороны населения, эмоциональная поддержка масс (количество приверженцев).

6. «Постоянное поддержание харизматического образа» в народных массах через представление доказательств своих сил и организаторских способностей. Важным для харизматика становится по-

стоянное предоставление доказательств своих сил и способностей, преодолевая различные испытания, а также демонстрация выгоды своего господства для последователей и масс. В противном случае его харизматическое господство может исчезнуть, поэтому основной задачей носителя харизмы является оттягивание неизбежного процесса ее рутинизации.

Таким образом, в нынешних условиях, по нашему мнению, одной из приоритетных задач является проблема формирования современной генерации лидеров, способных мобильно вводить инновации в социальные процессы и готовых к коренным трансформациям во всех сферах общественной жизнедеятельности (политика, культура, производство, предпринимательство, бизнес, социальная сфера), происходящим в процессе прогресса. В условиях плюрализации основных ценностных ориентаций и идеалов, религиозных и социально-культурных убеждений и установок, основополагающих норм и ценностей каждой личности в отдельности и общества в целом возникает необходимость в формировании лидеров харизматического толка. Лидеры такого порядка способны быстро и адекватно оценивать и эффективно реагировать на происходящие трансформации, воодушевлять и сплачивать разные группы людей для решения возникающих сложных нетривиальных вопросов, проблем и задач. Это обуславливает возрастающую роль и значение разработки и реализации на практике способов, методов и технологий формирования харизмы или харизматических способностей у лидеров.

Литература

1. Плутарх. Серторий. Описание жизни и деятельности Сертория в Испании / Плутарх. - С. 311-312. - URL: file: // C:/Users/User/Downloads/d645e20d8a31d4dfe8d2659aab352774ab06eafb.pdf (Дата обращения: 15.11. 2015 г.).
2. Адаир Д. Психология власти / Д. Адаир. – Москва: Изд-во Эксмо, 2004. – 318 с.
3. Волкогонов Д. 10 вождей. От Ленина до Медведева / Д. Волкогонов, Л. Млечин. – Москва: Яуза: Эксмо, 2011. – 896 с.
4. Фромм Э. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии / Э. Фромм. – пер. с англ. – Москва: Высшая школа, 1992. – 143 с.
5. Зыкин Д. Власть, элита, народ: подсознание и управляемая демократия / Д. Зыкин. – Москва: «Самотека», 2007. – 272 с.
6. Erikson E.H. The Young Luther: a Study in Psychoanalysis and History / E.H. Ericson. - London, 1968; Friedlander S. History and Psychoanalysis / S. Friedlander. - New York, 1978; Madsen D. The Charismatic Bond / D. Madsen, P.G. Snow. - Cambridge, Ma., 1991.
7. Madsen D. The Charismatic Bond / D. Madsen, P.G. Snow. - Cambridge, Ma., 1991.
8. Lepsius R. Charismatic leadership: Max Webers model and its applicability to the Rule of Hitler / R. Lepsius // Changing conceptions of leadership. – New York: Springer Verlag, 1986.
9. Сморкалова Л.В. Харизматическое лидерство как феномен социальной жизни / Л.В. Сморкалова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2011. – № 5. – С. 133-141. URL: http://brstu.ru/static/unit/journal_2/docs/number5/133-141.pdf (Дата обращения 16.02.2014 г.).
10. Филь Т.А. Возможность формирования идентичности личности и развития педагогической харизмы в условиях тренинговой работы / Т.А. Филь // Мир науки, культуры, образования. - 2011. - №6(31). - С. 124-128. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnostformirovaniyaidentichnostilichnosti-i-razvitiya-pedagogicheskoy-harizmy-v-usloviyah-treningovoy-raboty> (Дата обращения: 14.02.2014 г.).

УДК 378

© В.В. Зорина
г. Красноярск, Россия
канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка и
методики его преподавания,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
e-mail: zorina@kspu.ru

© Г.И. Чижакова
г. Красноярск, Россия
д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и
психологии начального образования,
Красноярский государственный педагогический
университет им.В.П. Астафьева
e-mail: chizhakova@mail.ru

Этическая культура педагога: философский аспект

Аннотация. Цель данной статьи заключается в рассмотрении философского аспекта этической культуры педагога. Современный учитель, выступающий духовным наставником обучающихся и являющийся носителем общечеловеческих ценностей, должен обладать сформированной этической культурой. Культура – понятие многогранное, многоаспектное. Рассмотрены различные толкования понятия «культура». Исследования в области философии рассматривают культуру, во-

первых, как сумму общественных достижений, благодаря которым человек выделился из природы и выходит за рамки биологической детерминации; во-вторых, как совокупность способов организации жизнедеятельности человека, набор образцов и норм деятельности, которые задают своеобразную социальную технологию; в-третьих, как продуктивную силу, творческую способность, присущую человеку; и последнее, культура рассматривается как специфический язык, знаковая система. Понятие «этическая культура» является родовидовым по отношению к категории культура, в большей степени акцентируя внимание на ее духовно-нравственных, аксиологических характеристиках. В научной литературе сущность этической культуры рассматривается в философских, психологических, педагогических работах. В данной статье представлена сущность этической культуры с позиций философских трудов, акцентирующих внимание на этических категориях и нравственных качествах человека, раскрывающих личностные и социально-значимые характеристики и соответствующие им типы поведения.

Ключевые слова: культура, культурология, этическая культура, этические категории, философские исследования, добро, зло, добродетель.

©V.V Zorina
Krasnoyarsk, Russia
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Russian Language
Department and Methods of teaching it
Krasnoyarsk State Pedagogical University of. V.P. Astafeva

©G. I. Chizhakova
Krasnoyarsk, Russia
Doctor of Pedagogy,
Professor of pedagogy and
Psychology of Primary Education
Krasnoyarsk State Pedagogical University of. V.P. Astafeva

Ethical Culture of the Teacher: Philosophical Aspect

Abstract. The purpose of this paper is to examine the philosophical aspect of the ethical culture of the teacher. The modern teacher, who acts as a spiritual mentor of students and a carrier of universal values, must have a formed ethical culture. Culture is a multifaceted, multidimensional concept that includes different understandings of "culture". Philosophers consider culture, first, as the amount of public achievements, by which man is separated from nature and goes beyond the biological determination. Second, the culture is viewed as a set of ways of organizing human activity, a set of samples and standards, which specify a kind of social technology. Third, it is understood as a productive force, a creative ability, inherent in man. Finally, culture is considered as a specific language, sign system. The concept of "ethical culture" is generic in relation to the category of culture, mostly focusing on its moral, axiological characteristics. In the scientific literature, the essence of ethical culture is considered in philosophical, psychological, and pedagogical works. This paper presents the nature of ethical culture drawing on the philosophical works that focus on ethical categories and moral qualities of a person, reveal personal and socially significant characteristics and corresponding types of behavior.

Keywords: culture, cultural studies, ethical culture, ethical category, philosophical studies, good, evil, virtue.

Культура возникла одновременно с появлением человечества. Каждая эпоха обладала своей особой культурой и вносила определенный вклад в развитие мировой культуры.

Культура – понятие многогранное, многоаспектное. В словаре В.И. Даля культура определяется как «образование, умственное и нравственное»[1, с. 217].

В современном толковом словаре культура определяется и как совокупность материальных и духовных ценностей, и как сфера человеческой деятельности, и как степень соответствия образцам и т.д. [5, с.2 24].

В философских работах, посвященных культуре, содержатся различные толкования. Так, существуют определения категории «культуры», имеющие семантический (Ю.М. Лотман), диалогический (В.С. Библер), исторический (А.Я. Гуревич) характер. С точки зрения имеющих в культурологии Запада трактовок культуры, выделяют следующие основные группы: антропологическую, социологическую и философскую (Л.Е. Кертман и др.) [6, с. 158].

В отечественной культурологии в рамках аксиологической, этносоциологической и духовной концепции по-разному определяется понятие «культура» [2, с.8]. Так, этносоциологическая концепция понимает под культурой мир, создаваемый самим человеком. Сторонники этой концепции видят в культуре совокупность всего того, что делает человека человеком. При этом подчеркивается, что именно культура отличает человека от всех остальных живых существ.

Духовная концепция относит к культуре духовную жизнь общества. В рамках данной концепции в один ряд с духовной культурой ставят культуру интеллектуальную, нравственную, правовую, художественную и религиозную.

Аксиологическая концепция трактует культуру как совокупность накопленных людьми материальных и духовных ценностей; как предметный мир, наполненный значимыми для человека ценностями; как созидательная, гуманная, позитивно-значимая, творческая деятельность человека, сохра-

няющая и развивающая его (человека) сущность и приумножающая в мире истинное, доброе и прекрасное; как система ценностей, являющихся специфическим итогом всего многообразия активности человека, порождает сложную иерархию идеалов и смыслов, значимую для конкретного общественного организма и его представителей, направленную на реализацию важных целей (А.И. Арнольд, П.С. Гуревич, М.С. Каган, З.Н. Орлова, П.А. Сорокин, Н.З. Чавчавадзе, Е.С. Юркова и др).

В целом, исследования в области философии рассматривают культуру, во-первых, как сумму общественных достижений, благодаря которым человек выделился из природы и выходит за рамки биологической детерминации; во-вторых, как совокупность способов организации жизнедеятельности человека, набор образцов и норм деятельности, которые задают своеобразную социальную технологию; в-третьих, как продуктивную силу, творческую способность, присущую человеку; и последнее, культура рассматривается как специфический язык, знаковая система» [7, с.326]. К примеру, А.А. Радугин определяет культуру как неповторимую Вселенную, созданную определенным отношением человека к миру и к самому себе [4, с. 12].

При этом подчеркивается, что существует столько видов культуры, сколько видов самой человеческой деятельности.

Понятие «этическая культура» является родовидовым по отношению к категории культура, в большей степени акцентируя внимание на ее духовно-нравственных, аксиологических характеристиках.

В данном исследовании в качестве рабочего рассматривается определение, сформулированное В.А. Кондрашовым, который рассматривал этическую культуру как системообразующую составляющую всех элементов культуры: политической, правовой, художественно-эстетической, религиозной и др. [3].

Действительно, подобное рассмотрение этической культуры как многогранного явления позволяет выделить в нем в качестве значимой аксиологическую составляющую. Для данного исследования, рассматривающего этическую культуру как профессиональную ценность будущих бакалавров-педагогов, это важно, так как позволяет более предметно раскрыть ее аксиологические характеристики, учитывая гуманистическую направленность профессиональной деятельности.

В научной литературе сущность этической культуры рассматривается в философских, психологических, педагогических работах.

В данной статье представлено, как раскрывается сущность этической культуры в философских трудах.

Философские исследования акцентируют внимание на таких этических категориях, как добро и зло, справедливость, долг, совесть, свобода, ответственность, достоинство, честь, гуманизм, добродетель; нравственных качествах человека, раскрывающих личностные и социально-значимые характеристики (воспитанность, образованность, преданность служению долгу, работа на благо общества и др.) и соответствующие им типы поведения (Конфуций, Протагор, Аристотель, Зенон, Сенека, Марк Аврелий, Спиноза, И. Кант и др.).

В работах вышеназванных философов в качестве культурных образцов рассматриваются :

- уважение старших по возрасту, борьба с собственными отрицательными качествами (алчностью, жестокостью, хвастовством), соблюдение норм и образцов общественно достойного и ответственного поведения; преданность служебному долгу, работа на благо общества (Конфуций);

- нравственность как путь спасения человека (Будда);

- справедливость как закон жизни (Моисей);

- счастье как добродетель; счастливые люди – добродетельные люди (Эпикур);

- моральные ценности, допускаемые сознанием человека, обоснованные и доказанные им (софисты Древней Греции). «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» (Протагор). При этом критерием оценки хорошего и дурного становятся чувственные склонности отдельного индивида;

- определение добродетели как знания о том, как поступать. При этом безнравственный поступок – это следствие незнания истины: что если человек знает, что именно хорошо, то он никогда не поступит дурно (Сократ);

- честность, справедливость, великодушие, щедрость, вежливость - этические добродетели. Формирование нравственности зависит в большей степени от нравственных навыков и упражнений в нравственных поступках (Аристотель);

- разумность, умеренность, справедливость - основные добродетели, по мнению стоиков (Зенон, Сенека, Марк Аврелий). Особое значение придавалось умению владеть собой, определять свои поступки не обстоятельствами, а разумом;

- цель человека как творца своей жизни и судьбы - служение обществу, что является моральным

подвигом (философы эпохи Возрождения);

- нравственный идеал человека – это мудрец, свободный человек, который достигает душевного удовлетворения в бесконечном процессе познания себя и природы вещей. Гордыня, зависть, ненависть, скупость не относятся к этическим качествам человека (Спиноза);

- справедливость, благоразумие, умеренность, полезная деятельность как основные моральные качества (Гельвеций, П.А.Гольбах);

- разум как критерий морального существа; моральные поступки, лишённые расчёта и выгоды; долг как чистота нравственного мотива и твердость нравственного мотива (И.Кант);

- добродетель как средство для достижения счастья (Джон Стюарт Милль);

- активность духа и труд как основополагающие нравственные ценности (Гегель);

- отсутствие эгоизма как критерий нравственности (А. Шопенгауэр);

- искренность, открытость, желание помочь как основа нравственности (Ницше);

- любовь, творчество и ответственность как основа нравственной позиции человека (Эрих Фромм);

- добро - то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей (А. Швейцер) и др.

Итак, в трудах обозначенных философов представлены этические категории и нравственные характеристики человека, составляющие сущность этики и определяющие этическую культуру. Современный учитель, выступающий духовным наставником обучающихся и являющийся носителем общечеловеческих ценностей, таких, как истина, долг, справедливость, свобода, честь, совесть и др., должен обладать сформированной этической культурой.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1979. Т.2. –779с.
2. Бенин В.Л. Педагогическая культура: философско-социологический анализ. - Башк.пед.ин-т. Уфа,1997. – 144 с.
3. Кондрашов В.А. Понятие этической культуры: методологический аспект. (Режим доступа URL: http://samlib.ru/k/kondrashov_w_a/ocherk20.shtml)
4. Культурология:учеб.пособие/ сост. А.А.Радугин. М.:Центр, 1999.–304 с.
5. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка.М.: Рус.яз. 1993. – 704с.
6. Орлова З.Н. Понятие «культура»: аксиологический аспект. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – Издательство Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. - 2007г. №2. С.158–162.
7. Рыбина Е.П. Гуманитарная культура студента через призму духовной и профессиональной культуры личности. Режим доступа URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/323/image/323-325.pdf>

УДК 1Ф

©М.Ю. Ханхунова
Улан-Удэ, Россия
аспирант,
Бурятский государственный университет
E-mail:khanmaria@mail.ru

Интернет-пространство как среда функционирования этнической идентичности

Аннотация. Изучение интернет-сообществ представляет особый интерес для подробного анализа характера влияния этих сообществ на различные социальные практики. В частности, интернет-пространство рассматривается как особая социальная действительность, где происходит процесс конструирования этнической идентичности.

Благодаря виртуальному пространству и социальным сетям, в частности, идентичность становится публичным продуктом, так как все действия, осуществляемые пользователем интернета в тот или иной момент, становятся достоянием широкой общественности. Процесс конструирования идентичности пользователя происходит с помощью полученной в интернете информации, где сама среда конструирует определенные качества идентичности каждого участника.

Виртуальное коммуникативное пространство функционирует в условиях постмодернизма и этот факт является главным фактором существования этого пространства. Это позволяет виртуальности изобретать новое мышление, новую идеологию, которые в корне пересматривают традиционные мировоззренческие ценности или социокультурные традиции, являющиеся частью культуры того или иного этноса. Традиции под влиянием интернет-технологий также переходят в виртуальное пространство, где с помощью различных инструментов и программ участвует в формировании и развитии идентичностей и создавая «эффект присутствия», касающегося я не только индивидуального, но и группового восприятия.

Ключевые слова: социальная действительность, этническая идентичность, виртуальное пространство, коммуникативное пространство, интернет, интернет-сообщества, социальные сети, интерфейс.

©M.Yu.Khankhunova
Ulan –Ude, Russia
Postgraduate Student
Buryat State University

Internet as a Space for Ethnic Identity

Abstract. The analysis of the Internet communities presents a big interest because of the nature of its impact on various social practices. In particular, the Internet space is considered as a special social reality where there is the process of constructing ethnic identity.

Virtual space and the social media help the identity to become a public product because all actions performed by the user become public. The process of constructing a user's identity takes place with the help of information received in the Internet where the space itself constructs particular qualities of each participant.

The virtual communicative space functioning in the postmodernism conditions and this fact is the main factor of the existence of this space because it allows virtuality to invent new way of thinking, new ideology that radically revises traditional worldview values. The virtual space is characterized by the presence of the participation or presence effect, which is created through computer communication. This effect concerns not only individual but also group perception.

Keywords: social reality, ethnic identity, virtual-space, Internet, social communities, social media, interface.

Современное общество существует в новом цифровом измерении – социальной действительности, где роль технологического процесса главенствует над развитием общественных отношений. С социально-философской точки зрения социальная действительность – это такая ее форма, саморазвитие которой обусловлено как собственными противоречиями, так и противоречиями всех предшествующих форм движения материи [2, с. 97].

Социальная действительность формируется под влиянием потребностей различного уровня. В этом процессе противостоят как индивидуальные, так и социально-групповые интересы. Конкретные нравственные нормы, обычаи и традиции являются результатом постоянно меняющегося соотношения количественных и качественных характеристик их носителей. Под социальной действительностью следует понимать объективно существующую общественную систему связей между индивидами, обусловленную совместной человеческой деятельностью.

Переход идентичности в виртуальное коммуникативное поле обусловлено желанием пользователя уйти от реалий и действительности. В виртуальном поле пользователи создают условия этой действительности и в дальнейшем определяют направления, возможные пути развития своей идентичности. Виртуальная действительность, в которой существует сообщество, предопределяет и формирует структуру, содержание идентичности, ее актуальность в той или иной этнической группе.

Инструменты, предлагаемые социальными коммуникационными сервисами, помогают пользователю задуматься, понять, а может, принять ценности, в том числе определяющие этнос. Помимо функции идентификации, социальные сети налаживают контакт с представителями того же этноса, которые поддерживают благоприятную идентичность не только и не столько через общение, сколько через обмен «продуктами» идентичности, в виде фото или видео.

Испанский социолог М. Кастельс определяет интернет не просто как инструмент или технологию, а как некий конструкт общественных движений информационной эпохи. «Интернет – это средство коммуникации и материальная инфраструктура» [4, с. 166], которая мобилизует вокруг себя различные общественные движения: культурные движения, политические партии и профсоюзы и др. К примеру, интернет и средства массовой информации, на базе которых активизируются культурные движения, помогают найти новых сторонников и привлечь тех, кто придерживается таких же ценностей, и могут воздействовать на сознание всего общества в целом.

Вместо привычного использования термина «информационное общество» М. Кастельс предложил использовать «информациональное общество» [8, с. 55], которое, по мнению Д.И. Спичевой, развивается на фоне ускоряющихся и противоречивых процессов глобализации, процессов, затрагивающих все точки земного шара, вовлекая или исключая из общего социального, символического и экономического обмена [10].

Продолжая мысль М. Кастельса о существовании «сетевой логики» Э. Тоффлер анализировал процесс конструирования общей социальной памяти – общей, открытой для совместного доступа, которая продолжает свое существование на протяжении длительного времени [12, с. 6–26]. Главное ее преимущество в том, что к ней можно обратиться в любое время. В отличие от частной памяти, которая зависит от самого индивида, общая социальная память сохраняется в форме истории, мифов, традиционных знаний и передается через социокультурный опыт (комплекс традиций, фольклор и т.д.) и различные социальные институты. Глобализационные процессы позволили памяти не только стать объективированной (воплощаться в артефактах, книгах, газетах, фотографиях, фильмах и т.д.), но и стать активной посредством интернета.

Благодаря интерфейсу социальные сети помогают засвидетельствовать нашу память. Пользователь может рефлексировать над собой, видеть с ним происходящие изменения, документировать настоящее с помощью фотографий и записей. Сегодня общество невозможно представить себя без социаль-

ных сетей и некоторых ресурсов, а это позволяет нам осознавать себя в качестве объекта. Воспоминания, которые ранее хранились в нашей памяти, теперь сохраняются в интерфейсе программ. Понятие интерфейса социолог Б. Латур считает «основной определяющей сетевую среду категорией, без которой он (интерфейс) немислим» [11, с. 355].

Отечественный исследователь И.Н. Розина при классифицировании виртуальных сообществ замечает, что необходимо учитывать два фактора: членство (формальное, неформальное или отсутствие такового) и свободу доступа, интерактивность и участие (или только доступ и интерактивность) [9].

На основе работы Н. Карпентера она условно выделяет четыре модели сообществ, которые направлены на привлечение внешних пользователей для объединения и предоставления им средств коммуникации: традиционные организации, поощряющие привлечение новых участников к их сетевой деятельности (наличие членства); организации без наличия членства, заинтересованные в привлечении членов других организаций и предоставляющие им возможности доступа и взаимодействия в рамках деятельности этой организации (например, издательства журналов); организации с членством, которое дает возможность участия в некоторой специфичной внешней деятельности через свою структуру (например, SPACE, Community Wifi); организации без членства, которые дают всем желающим возможность формирования содержания созданной ими структуры (например, My Space, Facebook и Вконтакте, Flickr, YouTube, LinkedIn и Профessionалы.ру, Passado/Wasabi и Одноклассники.ру и др.).

Сообщества, ориентированные на идентичность, скорее соответствуют первой, второй и третьей классификациям одновременно. Во-первых, они объединяют представителей одной и той же группы с общими интересами, а во-вторых, такие сообщества, как правило, заинтересованы в привлечении как можно большего числа сторонников для ведения возможной общей внешней деятельности: общих мероприятий, проектов и т.д.

Среди особенностей виртуального коммуникативного пространства можно выделить и главные его преимущества – внезапность (режим реального времени), мультиплицирование (дальнейшее распространение и размножение информации на каком-либо интернет-ресурсе), характере бесконечности (в скорости распространения информации и бессмертия информации, которая может храниться бесконечно (способность кэширования), самоформируемость (когда участники виртуального поля сами формируют контент, оценивают ценность этой информации и передают ее дальше членам своего сообщества, а те, в свою очередь, другим), гипертекстуальность (создание системы связи между отдельными документами благодаря гиперссылкам, позволяющих пользователю возвращаться к информации непрерывно), социальное пространство и идентичность, деиерархизация коммуникации, отсутствие телесности и смещение авторитета знания и т.п.

Наличие безграничных возможностей, предлагаемых интернетом, дает участникам сети возможность для конструирования своего социального пространства. Интернет состоит из виртуальных ссылок на информацию и в этом представляется ее основная ценность. Таким образом, пользователь выстраивает коммуникацию, создавая свое поле и его бытийность, в рамках этого взаимодействует с другими его участниками и конструирует свою окружающую реальность.

В рамках виртуального поля происходит смена авторитетности источника информации. Доступность информации подвергает риску достоверность, надежность и точность различных источников. Используемую информацию из интернета необходимо перепроверять разными способами: начиная от репутации автора, использования альтернативных, рецензируемых источников информации, отзывов и комментариев, информация также должна быть своевременной и актуальной. Вся информация, представленная в интернете, обладает мультимедийным характером в том смысле, что она представлена в различных форматах: текстовом, графическом или звуковом, что дает более полную возможность для участия в информационном обмене и понимания информационного контента.

На основе вышеперечисленных характеристик отечественный специалист В.Н. Поправко проанализировал интернет-сообщества, выделив специфические характеристики виртуальности, задающие, по его мнению, новое поле бытийности. Он добавил к уже существующим характеристикам среды: временную неопределенность коммуникации внутри сообщества, «растянутость» во времени; наличие цели, предмета или общего интереса; особый характер членства в сети (в виртуальном пространстве социальные связи разрываются с гораздо меньшими усилиями, чем в реальности. Кроме того, в сообществе возможно наличие большого количества «наблюдателей», следящих за развитием взаимодействия, но не принимающих в нем участия); рекурсивность социальных практик (определяется технически заданным набором актов коммуникации и обусловлена техническими функциями и социальными практиками), осуществление эффективной обратной связи между пользователями [7].

Информационное пространство в своем виртуальном выражении – это вербальное пространство, в

котором на первый план соответственно выступают именно самоописания, самопрезентации, считают социальные психологи. Информационное общество делает реальность самопрезентации «истиной в последней инстанции», своего рода окончательной реальностью, транслируя этот принцип в реальное социальное взаимодействие [1, с. 102]:

- Анонимность («Интернет никому не принадлежит и не контролируется, следовательно, не управляется»).
- Возможность «игры» с ролями и построение множественного «Я» («Множественная реальность постмодерна требует от человека постоянных переключений на различные социальные ситуации»).
- Самопрезентация («Нередко социально необходимой остается лишь инсценировка своей индивидуальности, в результате личность проявляет себя лишь через «фасад» Я»).
- Виртуальная реальность предлагает человеку максимум возможностей для любого рода конструирования.

Но необходимо дополнить данную систему концептуальных характеристик следующими особенностями создания сетевых сообществ. Во-первых, необходимо учитывать индивидуальные настройки пользователей и предпочтения, создающие границы для аудитории. К примеру, функция приватности, позволяющая ограничивать доступ к личной странице для других пользователей. Приватность важна при создании малых групп и сообществ. Во-вторых, существует риск зависимости пользователей друг от друга – «интернет-зависимость» и клиповое сознание, что является результатом эпохи информационного общества и основная форма восприятия информации. По мнению американского футуролога

Э. Тоффлера, клиповое мышление – это закономерность, возникшая вследствие объема поступающей информации различной направленности [3, с. 169–176].

Интернет-среда достаточно мобильна и находится в постоянном развитии, вследствие воздействия технологического процесса и самих пользователей. На технологический процесс также влияют свойства виртуального мира, технологические возможности социальной сети, а пользователи влияют своим отношением и мотивацией общения. Психологический аспект эффекта киберпространства выступает культурным и социальным контекстом, где появляются новые возможности для экспериментирования, как с реальной, так и с виртуальной идентичностью.

Значит ли это что контент, размещаемый в виртуальном пространстве, существенно влияет на действия, осуществляемые в реальности?

Общение в интернете оказывает влияние и на характер онлайн-взаимодействия из-за контекста сообществ и их эффекта, который переносится в реальную действительность. Другими словами, идентичность виртуальная совмещается с той, что создается вне сети [14, с. 55]. А уже упоминаемая выше группа исследователей отмечает, что количество пользователей, отреагировавших на размещенную информацию в социальных сетях, в большей степени влияет на формирование личностной идентичности.

Функции самопрезентации достигаются путем размещения персональной информации на индивидуальных страничках пользователей. Здесь публикуются как основные анкетные данные: ФИО, возраст, контакты, так и более личные, как интересы, религиозные взгляды и т.п. Но вместе с тем на этих страничках размещается только та информация, которую пользователь сам желает продемонстрировать другим участникам сети. Кроме того, такая страничка позволяет публиковать фотографии и делиться понравившимися изображениями, хранить и обмениваться музыкой и видеозаписями, создавать дискуссии и опросы, вести дневниковые записи, управлять сообществами по интересам.

Именно в интернете возрастает необходимость подчеркивания своей индивидуальности, в силу обезличенности и анонимности участников сети этот эффект усиливается. Пользователь получает свободу выбора своей идентичности, которую можно демонстрировать с помощью некоторых функций, не столь заметных, тогда как в реальной жизни демонстрировать свою идентичность не всегда представляется возможным в силу различных барьеров в коммуникации.

Качество заполненной виртуальной страницы является индикатором поведения индивида в реальной жизни, то есть она в любом случае отражает интересы пользователя. С помощью доступных функций социальных сетей довольно просто организовать свой бизнес и найти сторонников по творчеству или другим интересам, получая одобрение участников «своего», а не «чужого» сообщества, которое становится более значимым, чем одобрение отстраненного «общества» [6].

В свою очередь, виртуальная идентичность становится неким символическим пространством, в рамках которого происходит формирование идентичности личностной и возможности получения мгновенной обратной связи от других пользователей сообщества в виде комментариев и репостов

(англ. repost – распространение), а также кнопок «like» и «Мне нравится». Эта функция позволяет пользователям не только проявить интерес и любопытство к содержимому, но и дает импульс для того, чтобы поступить точно так же. Таким образом, срабатывает эффект подражания [15, р. 77]. Отмечая комментарий или изображение, посвященное этнической тематике как понравившееся, пользователь увеличивает «спрос» на это мнение. Остальные пользователи видя, что кому-то понравилось сообщение, скорее последуют его примеру, предпочтут согласиться с ним, то есть также отметят эту информацию как понравившуюся. В конструировании идентичности как раз эта форма группового мышления играет существенную роль.

Социальные сети выступают социальным пространством, где происходит трансформация традиционных форм социализации и социальных отношений. От влияния социальных сетей зависит конечный образ пользователя и его идентичность.

Эффект социальных сетей объясняет и теория известного психолога Л. Фестингера. Суть ее заключается в том, что пользователи больше доверяют мнению других в ситуации, где физическая реальность не определена, то есть в виртуальной реальности [16, с. 271-282]. Так, публичное оценивание различных аспектов пользователя верифицирует его виртуальный образ, и он становится его реальным выражением. Получается, что социальные сети обладают функцией управления желаемым впечатлением окружающих, являются идеальной площадкой для формирования такого мнения. Отсюда и порождение проблем, связанных с психологическими факторами бытия личности, среди которых можно назвать нарциссизм или сдвиги, связанные с самооценкой. Кроме того, имеет смысл задуматься над последствиями возможностей виртуальной среды, насколько интернет влияет на самочувствие и способы самореализации индивидов.

Социальные сети играют существенную роль в процессе социализации молодого человека, когда происходит формирование основных ценностных ориентаций, социальных норм, идентификации и т.д. Идентификация как один из механизмов социализации личности, посредством которого усваиваются определенные нормы, тесно связана с социальными институтами – семьей, системой образования, но в обществе современном и информационном роль этих институтов нивелируется и наиболее важными факторами социализации молодежи выступают социальные инструменты коммуникации [13, с. 169-177].

Поскольку виртуальное пространство обладает определенной спецификой, то отождествление человека с конкретными этническими качествами сегодня не всегда фиксируется. Язык, общая территория или религия не столь важны для индивида сегодня, насколько важными могут быть социальная деятельность человека или какой-то определенный социокультурный маркер. Этническая идентичность ситуативна, гибка и открыта. Ситуативность позволяет этнической идентичности при определенных обстоятельствах, на любой стадии исторического развития общества актуализироваться и быть востребованной [17, р. 21-52, р.33]. Характер этнической идентичности еще и непрерывен: пассивная этническая идентичность, унаследованная генетически, все чаще находит свое отражение в виртуальном поле, без которого немислимо сегодня наше общение.

Вместе с тем существует и личная зависимость пользователей друг от друга, от общения и комментирования и постоянного одобрения действий друг друга. Именно сообщества так важны в анализе этнической идентичности в виртуальном пространстве, потому как участники таких «сетей» склонны объединяться вокруг каких-то ценностей. Это могут быть как более личные сообщества, созданные на основе межличностного общения, так и более общие для поддержания своей этнической культуры.

Членами подобных групп, «интернетизированными» и активными участниками виртуального дискурса в основном выступают молодые люди в возрасте до 30 лет (как раз когда формируется весь комплекс идентичностей), а пользователи среднего возраста (до 40-50 лет) представлены в социальных сетях менее активно. Такие группы и сайты становятся своего рода проводниками для молодых людей в постоянно трансформирующемся обществе и играют значительную роль в самореализации.

Перспективное поле для этого – социальные сети, коммуникационные программы по обмену сообщений: мессенджеры, блоги и пр. Именно сообщества так важны в анализе этнической идентичности в виртуальном пространстве, потому как участники таких «сетей» склонны объединяться вокруг каких-то ценностей, признаваемых общими. Это могут быть как более личные сообщества, созданные на основе межличностного общения, так и более общие для поддержания своей этнической культуры.

Виртуализация не только коммуникации, но и предметов обсуждения, включая и саму этничность, как популярная тема различных сетей отражает реалии эпохи постмодерна. Находясь в условиях постмодерна, народы существуют в состоянии плюральности и мире различий. Условия постмодернистского общества диктуют мобильность и непостоянство идентичности, вследствие чего меняются

ценности, идеалы индивидов и представления о социальной реальности. Этот переход от одного общества к другому увеличивает неопределенность общества. Члены общества находятся в состоянии постоянного стресса и выбора: «кем я являюсь?», «каким образом адаптироваться в новых условиях?». И здесь необходимо брать во внимание свободное виртуальное пространство.

Интернет выступает главным инструментом развития постмодерна, являясь содержательно и функционально богатым средством информационной деятельности и коммуникации, которые всегда происходят в тех или иных социальных группах. Тем не менее, виртуальная среда не должна быть основным пространством для конструирования идентичности, хотя в структуре повседневной реальности интернет и социальные сети занимают значительное место и играют значительную роль в коммуникативном общении современного человека.

Опорой этнической идентичности остается народ и его культура, питаемая этническими символами, сохраняющая привязанность и сопричастность к этносу, которые становятся видимыми в виртуальном пространстве. Виртуальное пространство своего рода ресурс, способствующий выживаемости этноса.

Уже сегодня большой интерес представляют инструменты, связанные с исследованием прошлого, личных историй – это дневники, сборники интервью прошлых лет. Пользователи социальных сетей будут присутствовать в разнообразных сообществах, что позволяет разнообразить повседневность, компенсирует недостаточную ресурсность жизни или даже ее содержательную насыщенность. Социокультурные традиции, являясь частью культуры этноса, также переходят в виртуальное пространство с помощью различных интернет-технологий, инструментов и программ. Объемы информации, размещаемые в интернете, предоставляют новые возможности для исследований в области социокультурных факторов и культуры в целом.

Виртуальное поле воздействует на социальную активность индивидов и участвует в формировании и развитии идентичностей. В интернете индивид, а точнее пользователь, воссоздает с помощью различных инструментов свою роль, а может одновременно несколько ролей, которые участвуют в процессе самоотождествления и способствуют воспроизводству идентичности. Поэтому среди пользователей социальных сетей встречаются преимущественно молодежь и подростки, которые в период социализации и становления личности становятся интернетозависимыми.

Таким образом, виртуальная действительность или интернет-пространство – это такая форма социальной действительности, которая обусловлена потребностями людей в коммуникации и проявляется через онлайн-общение посредством интернета. Процесс общения регламентируется и управляется с помощью технических характеристик (алгоритмов, программ или технологий и пр.), предлагаемых средой и нормами поведения, созданных в рамках этой виртуальной действительности.

Литература

1. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 208 с.
2. Бобров В. В. Введение в философию: Учеб. пособие – 2-е изд., исправл. – М.: ИНФРА – М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. – 224с.
3. Додука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. – С. 169-176.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
5. Кармин А. С. Культурология. – СПб, «Лань», 2006. – 928с.
6. Омельченко Е. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла [Электронный ресурс] URL: www.identities.h15.ru/readingsomelchenko2.html (дата обращения: 11.06.2016).
7. Поправко В.Н. Интернет-сообщества: специфика и роль в формировании социального пространства: Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Томск, 2011. – 146с.
8. Птицына С.С. Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретико-социологический анализ. *Всероссийский журнал научных публикаций. Социологические науки*. 2011. – С.57–57.
9. Розина И.Н. Виртуальные исследовательские сообщества: от зарубежных моделей к отечественным примерам [Электронный ресурс] URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v12_i2/html/7.htm (дата обращения: 16.12.2015).
10. Спичева Д.И. Имидж как коммуникативно-управленческий феномен: социально-философский анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Томск, 2014–.
11. Социология вещей: Сборник статей / под ред. Виктора Вахштайна. Издательский дом «Территория будущего». – М., 2006. – С. 345–355.
12. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 261 с.
13. Ханжунова М.Ю., Чойропов Ц.Ц. Социальные медиа как инструмент формирования ценностных ориентаций // *ВЕСТНИК ВСГУТУ*. 2013. №2. С.169– 177.
14. Baym N.K. The emergence of on-line community. In Steven Jones (ed.) *Cyber Society 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. London: Sage, 1998.
15. Colman A. *Oxford Dictionary of Psychology*. – New York: Oxford University Press, 2003. Festinger L. *Informal social*

communication // Psychological Review. 1950. Vol. 57. – P. 271-282.

16. Heisler M.O. Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Massachusetts/Toronto, 1990.

УДК 316.454

© Л.А. Гуринович
г. Иркутск, Россия
ст. преподаватель кафедры социальной работы,
Иркутский государственный университет
e-mail: milgur@mail.ru

© Е.В. Решетникова
г. Иркутск, Россия
канд. филос. наук, доцент,
зав. кафедрой социальной работы,
Иркутский государственный университет
e-mail: eresh80@mail.ru

© Е.А. Туринцева
г. Иркутск, Россия
канд. социол. наук, доцент,
зав. кафедрой социальной работы,
Иркутский государственный университет
e-mail: e_turin@mail.ru

Особенности построения образовательных стратегий в контексте исследования образа благополучия студенческой молодежи

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования образа благополучия в студенческой среде современного вуза на примере Иркутского государственного университета. Приводятся данные социологического исследования образовательных стратегий и ценностей студентов. Большинству респондентов свойственно строить жизненные планы, за точку отсчета принимая окончание школы и поступление в вуз, рассчитывая вперед на пять лет. Основные планы большей части респондентов связаны с завершением обучения, созданием собственной семьи. Каждый третий намерен заниматься поисками высокооплачиваемой работы, любимым делом, еще четверть студентов намерены найти работу по специальности. Готовность уехать в другой город или страну высказали каждый пятый опрошенный. Высшее образование респонденты выбирают в связи с большими возможностями построения карьеры. В целом, образ благополучия в представлении студентов-бакалавров сформирован из трех составляющих: финансовое, профессиональное и социальное. При этом, по итогам опроса, студенты удовлетворены наличием и развитием социального благополучия и стремятся к финансовому и профессиональному благополучию.

Положительное отношение к системе высшего образования испытывают теперь, чаще всего, только настоящие и будущие студенты и их родители, рассматривая образовательную систему как стартовые возможности для обеспечения благополучия дальнейшего жизненного пути.

Ключевые слова. Благополучие, студенты, система образования, университет, жизненные планы, образовательные стратегии, мотивы выбора образования.

©L. A. Gurinovich
Irkutsk, Russia
Senior Lecturer
Department of Social Work
Irkutsk State University

©E.V. Reshetnikova
Irkutsk, Russia
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of Social Work
Irkutsk State University

©E.A. Turintseva
Irkutsk, Russia
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Head of the Department of Social Work
IrkutskStateUniversity

Formation Features of Educational Strategies in the Context of Studies of the Youth Social Welfare

Abstract. The paper examines the questions of forming of the image of prosperity in the student environment of higher education institution on the example of the Irkutsk state university. It draws on the sociological research of educational strategies and values of students. The majority of respondents tend to build life plans for five years taking graduation and entrance into university as a start-

ing point. Most of the respondents associated basic plans with a completion of studies, starting their own family. Every third person intends to engage in the search for high-paying jobs, love. A quarter of students intend to find work in the specialty. Willingness to go to another city or country was expressed by every fifth respondent. Respondents choose higher education associating it with greater career opportunities. In general, the image of prosperity was generated by undergraduate students on the basis of three components: financial, professional and social. Thus, according to the survey, students are satisfied with the availability and development of social well-being and strive for financial and professional well-being.

A positive attitude towards higher education is often expressed by only the present and future students and their parents that consider the education system as a start for the welfare of future life.

Keywords: Prosperity, students, system of education, university, vital plans, educational strategies, reasons of choice of education.

Высшее образование в российском обществе в течение последних полутора столетий составляло основу вертикальной социальной мобильности, имело статусное значение для большинства граждан России и, в этой связи, являлось обязательным элементом образа благополучия. Изменение ценностных установок в отношении образования начало происходить как следствие массовизации последнего, а также на фоне включенности нашего государства в двухуровневую систему образования. Трансформация значимости высшего образования как фактора формирования образа благополучия, таким образом, становится сегодня актуальной проблемой экономического (для планирования спроса на услуги высшего образования) и социального характера, а выявление динамики этого процесса – актуальной задачей социологических исследований. При этом особенно важно изучить место и роль высшего образования в том образе благополучия, который формируют для себя молодые люди.

Существуют разные подходы в определении благополучия. Наиболее распространена точка зрения Н. Д. Твороговой, согласно которой социальное благополучие проявляется в широкой (достаточной для данного индивида) динамичной системе социальных связей, с наличием позитивных межличностных отношений в форме дружбы, любви [5]. Л.И. Галиахметова уточняет, что компонентом благополучия является «удовлетворенность жизнью», а отдельные исследователи полагают, что данные термины нужно рассматривать как синонимы [2]. Том Ратер и Джим Хартер [см. 2] выделили следующие сферы формирования благополучия: профессиональная (включает карьеру, профессию или работу, а также призвание), физическая (рассматривается здоровье в категории «крепкое»), социальная (наличие родных и близких людей в ближайшем окружении, а также позитивных социальных взаимоотношений), финансовая (удовлетворенность уровнем жизни и финансовая безопасность) и экологическая (безопасность среды проживания и собственный вклад в развитие общества). Российская молодежь, как показывают исследования, в понятие «благополучие» вкладывает такие факторы как «семья (родительская), образование, профессия, работа, семейное положение», обеспечивающие удовлетворенность социальным и социально-экономическим положением [1]. Таким образом, высшее образование как ступень к профессиональной самореализации, может также рассматриваться в качестве компонента благополучия.

Мы согласны с Л.И. Галиахметовой, что на первый план выходит анализ субъективного понимания благополучия, что подтверждается итогами нашего исследования субъективного представления жителей Восточной Сибири о тех положительных и отрицательных элементах системы благополучия, которые они считают наиболее важными среди существовавших в промежутке времени с 50-х по 80-е годы XX века [3]. И в этом смысле важными для анализа действительного состояния трансформации значимости высшего образования как фактора формирования образа благополучия являются массовые опросы молодых людей в виде свободного интервью.

По заказу администрации ФГБОУ ВО «ИГУ» в 2016 году было проведено исследование жизненных стратегий студенческой молодежи университета. В исследовании приняли участие 15 экспертов и 757 студентов ИГУ.

Одной из целей данного исследования было изучение места образования в системе взглядов на образ благополучия, который складывается при построении жизненных и образовательных траекторий студентов.

Полученные результаты говорят о том, что подавляющему большинству респондентов свойственно строить жизненные планы. Факторы, влияющие на этот шаг, различны. Определяющим событием для начала построения жизненных планов называют окончание школы (32,5%) и поступление в вуз (22,6%). Также к событиям подобного рода молодые люди относят такие самостоятельные шаги как проживание отдельно от родителей (11,2%), создание собственной семьи и получение первой зарплаты (по 7,4% соответственно). Каждый десятый дал свой вариант ответа, большое число которых приходится на долю идентификации и осознания своего места в социальной реальности. Жизненные планы можно рассматривать как проектное решение, касающееся определенного периода времени. Участникам был задан соответствующий вопрос относительно периода, на который строят жизнен-

ные планы. Ответы показывают, что почти половина студентов строят планы на 5 лет (44,9%). На более длительный период строят планы каждый пятый студент: 14,7% респондентов строят планы на 10 лет; 8,1% - на 20 лет; не строят планы 9,1%; 7% строят планы на весь жизнеспособный и трудоспособный период (4,1% - до наступления старости; 2,9% - до выхода на пенсию). Ответы «другое включили в себя как кратковременные периоды, измеряемые месяцами 1-2 годами либо «на всю жизнь», иногда подчеркивая, что могут ответить за себя, но не за других». Как видим, образование сегодня является не только компонентой, включаемой в жизненные планы молодежи, но и рубежом, при переходе которого формируется следующий этап планирования.

Начиная строить жизненные планы в период между окончанием школы и поступлением в вуз, молодежь строит намерения, которые отличаются от планов предыдущих поколений отсутствием долгосрочного планирования, что подтверждает вывод о включенности поколения в пространство неопределенности в обществе риска, что, в свою очередь, предполагает отсрочивание периода наступления зрелости и самостоятельности вследствие «ограниченности самостоятельного конструирования биографий» [4, с. 323]. Это также может объясняться тем, что студенты 2 и 3 курсов находятся в промежуточном состоянии между выбором дальнейшего пути, принимая решение между двумя основными направлениями проявления действия по окончании обучения в бакалавриате – продолжить обучение в магистратуре либо начать работать.

На вопрос о том, на какой период обычно строят свои планы по обучению молодые люди, были получены следующие ответы: 4 года после школы (бакалавриат) - 41,5%; 6 лет (бакалавриат и магистратура) – 31%; не строят планов, действуют по обстоятельствам – 13,1%; на ближайшие 10 лет после окончания школы – 8,1%; затрудняюсь ответить – 2,4%; другое – 2,1%.

Как показывают результаты, основные планы большей части респондентов построены на этот обозначенные периоды и связаны с завершением обучения (67,8%), созданием собственной семьи (51,5%). Каждый третий намерен заниматься поисками высокооплачиваемой работы (35,8%), любимым делом (31,3%), еще четверть студентов намерены найти работу по специальности (25,9%). Готовность уехать в другой город или страну высказали каждый пятый опрошенный. Также жизненные планы студентов связаны с намерениями обзавестись жильем (15,2%), созданием собственного бизнеса (13,2%), покупкой машины (8,6%) и поступлением в другой вуз (7,9%).

Наиболее популярными мотивами выбора вузовского образования респонденты называют «возможность построения карьеры в будущем» (24,8%) и «без диплома вуза не берут на работу» (17,1%). Каждый десятый респондент считает, что получение высшего образования обеспечивает интеллектуальный рост (11,1%), стабильность жизненного пути (10,3%) и получение интересной профессии (9,2%). 9,6% респондентов утверждают, что это необходимость, продиктованная современным развитием общества.

В эпоху расширения спектра образовательного процесса вплоть до непрерывного и расцвета образовательной мобильности стало важным рассмотреть, какие направления работы университета будут привлекательными для продолжения обучения. В первую тройку вошли такие ответы, как «возможность трудоустройства» (57,7%), «образовательная деятельность» (47,3%) и «качественный профессорско-преподавательский состав» (40,3%). Вторую группу мотивов составили «научно-исследовательская деятельность» (30%), «поощрения за активное участие (премии, стипендии, гранты)» (29,1%) и «проведение производственных практик» (20,2%). Также популярны такие мотивы, как «скидки при оплате за обучение» (10,8%) и «культурно-массовая и творческая жизнь» (9,4%). Небольшое число ответов получили такие мотивы продолжения обучения как «работа студенческих организаций, клубов и движений» (4,4%), «воспитательная деятельность» (4,4%) и «спортивная деятельность» (2,4%).

Изменение ценностных ориентаций в последние полтора десятка лет на индивидуальные достижения привела, по мнению социологов, к изменению ценностей молодых людей. Нами был задан вопрос о присущих молодежи ценностям и студентам ИГУ, при этом можно было выбрать не более пяти вариантов ответа.

Как показывают результаты, первые три места занимают инструментальные ценности: деньги (53,1%), карьера (53%) и благосостояние, благополучие (44,5%). Вторую группу ценностей, присущих молодежи, по мнению студентов ИГУ, составляют семья (34,5%), отдых, развлечения (33,9%), друзья (36,6%), здоровье (30,9%), любовь (25,2%). В третью группу внесены успех (22,5%) и образование, знание (20,2%). От 10 до 15% мнений респондентов сошлись на таких ценностях, как интеллект (15,7%), креатив, творчество (15,2%), признание (14,7%), жизнь (13,5%) и интересная работа (13,3%). В пятую группу внесены ценности, набравшие от 2 до 8%, а именно: доверие и гордость за успехи (свои, друзей, Отечества) (по 8,3% соответственно), достоинство и единство, солидарность (2%).

Таким образом, проведенное исследование дает возможность делать следующие выводы.

Переход системы высшего профессионального образования на двухуровневую систему принесло значительные изменения в создание образа благополучия. Все изменения, связанные с реформами системы образования, в конечном итоге преобразовали отношение к образованию как инструментальной ценности. В целом, образ благополучия в представлении студентов-бакалавров сформирован из трех составляющих: финансовое, профессиональное и социальное. При этом, по итогам опроса, студенты удовлетворены наличием и развитием социального благополучия и стремятся к финансовому и профессиональному благополучию, о чем говорит анализ ответов на вопрос об успехе и отдельных аспектах удовлетворенности жизнью и образовательным процессом.

Оптимизация и модернизация системы высшего профессионального образования, в ходе которой вузы разделили на три категории, затем начали объединять с целью уменьшения их количества и дальнейшего преобразования, например, убрав из наименования понятие «профессиональное», изменило отношение к нему со стороны работодателей. При этом процесс формализации высшего образования происходит на фоне бюрократизации, что автоматически нивелирует демократизм университетского образования, трансформируя университет в «конвейер бакалавров и магистров». Положительное отношение к системе высшего образования испытывают теперь, чаще всего, только настоящие и будущие студенты и их родители, рассматривая образовательную систему как стартовые возможности для обеспечения благополучия дальнейшего жизненного пути.

Следовательно, для стабилизации общественного интереса к системе образования, возврату образования в компоненты благополучия, а не только в качестве инструмента для трудоустройства, как партнера по процессу непрерывного образования, необходимо консолидировать процесс регионального просвещения, взаимодействия образовательной системы и общества, что, в свою очередь, даст новые возможности для развития и улучшения социокультурного пространства региона и страны, солидаризирует общество и обеспечит взаимосвязь его компонентов. Субъективное восприятие образа благополучия гражданами, строящееся на представлениях о стабильности и взаимодействии, нуждается в акцентуации при построении социальной политики государства через его социальные сферы, в первую очередь, систему образования, обеспечивающую не только формирование образовательных и профессиональных траекторий, но и настроение социальной стабильности общества.

Литература

1. Бабаян И.В. Конструирование социального благополучия в биографических сюжетах молодежи / И.В. Бабаян, А.Д. Любимова [Электронный ресурс]. - URL: <http://elibrary.ru/download/20076882.pdf>
2. Галиахметова Л.И. Феномен удовлетворенности жизнью на современном этапе [Электронный ресурс]. - URL: <http://elibrary.ru/download/38282601.pdf>
3. Гуринович Л.А. Советское благополучие через четверть века глазами жителей Восточной Сибири / Л.А. Гуринович, Е.А. Туринцева...
4. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – 608 с.
5. Творогова Н.Д. Клиническая психология / словарь [Электронный ресурс]. - URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/socialnoe-blagopoluchie>

УДК:378.183

© Е.Ю. Башкуева
г. Улан-Удэ, Россия
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Бурятский научный центр СО РАН
E-mail: frombear@mail.ru

Формирование культуры здорового образа жизни среди учащейся молодежи: опыт Республики Бурятия

Аннотация. В статье рассмотрен опыт Республики Бурятия по формированию и пропаганде культуры здорового образа жизни среди учащейся молодежи. Эмпирическая база исследования - данные Росстата, Бурятстата, Федерального медико-биологического агентства, отчеты министерства здравоохранения Республики Бурятия, материалы экспедиционного обследования Заиграевского района Республики Бурятия, данные экспертных интервью на тему «Здоровье и медицинское обслуживание учащейся молодежи: состояние и проблемы». Выполнен анализ деятельности министерства здравоохранения Республики Бурятия и подведомственных ему учреждений по формированию культуры здорового образа жизни среди молодежи и координации работы по его продвижению. Установлено, что в Бурятии выработан единый подход к решению задач сохранения здоровья молодежи, наработаны деловые связи, выверены совместные действия по формированию здорового образа жизни, профилактике социально-негативных явлений, предупреждению неинфекционных заболеваний. Выявлено, что деятельность по распространению культуры здорового образа жизни недостаточно эффективно представлена в сельских

районах республики. Описана деятельность волонтерского молодежного движения по пропаганде здорового образа жизни, которая интенсивно развивается в Бурятии. Предложены меры по использованию низкобюджетных интернет-технологий пропаганды культуры здорового образа жизни среди учащейся молодежи Бурятии.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, культура, учащаяся молодежь, Республика Бурятия, министерство здравоохранения, пропаганда, профилактика

©E.Yu. Bashkueva

Ulan-Ude, Russia

Candidate of Historical Science, Researcher

Buryat Research Center SO RAN

Forming of Healthy Life Style Culture Among Studying Youth: the Case of the Republic of Buryatia

Abstract. The paper examines the case of the Republic of Buryatia formation and promotion of a healthy lifestyle culture among the studying youth. Empirical base of a research is the data of Rosstat, Buryatstat, Federal Medical Biological Agency, reports of the Ministry of Health Care of the Republic of Buryatia, materials of forwarding inspection of the Zaigrayevsky district of the Republic of Buryatia, the expert interviews on a topic 'Health and medical care of the studying youth: state and problems'. The paper also draws on the analysis of activity of the Ministry of Health Care of the Republic of Buryatia and institutions subordinated to it on formation of culture of a healthy lifestyle among youth and coordination of work on its advance. It is established that in Buryatia uniform approach to the solution of problems of conservation of youth health is developed, business contacts are acquired, joint actions for formation of a healthy lifestyle, prevention of negativesocial phenomena, to the prevention of noninfectious diseases are verified. It is recorded that activities for dissemination of the healthy lifestyle culture are insufficiently presented in rural areas of the republic. Activities of volunteer youth movement for promotion of the healthy lifestyle which intensively develops in Buryatia are described. Measures for use of the cheap Internet technologies of promotion of the healthy lifestyle culture among the studying youth of Buryatia are proposed.

Keywords: healthy lifestyle, culture, students, the Republic of Buryatia, Ministry of Health Care, propaganda, prevention

Актуальность исследований здорового образа жизни молодежи (в том числе учащейся) и популяризации его культуры вызвана неудовлетворительным состоянием физического и духовного развития современного поколения россиян. По мнению многих исследователей, причина кроется в распространении моделей поведения, которые характеризуются высокой долей факторов риска: курением, алкоголем, употреблением токсических и психотропных веществ, негативными чертами так называемой клубной культуры и др. [2, с. 1].

Российский социолог Н.И. Белова определяет здоровый образ жизни молодежи как «осознанное и целенаправленное поведение людей в возрасте от 15 до 24 лет, которое предусматривает в каждодневной социальной практике материальных, духовных факторов и условий, благотворно влияющих на сохранение и укрепление их здоровья, продиктованное сформированными ценностными ориентациями, установками, мотивами здоровьесберегающей деятельности («стилем жизни»)[1, с.84].

Культура здорового образа жизни молодежи – это ценностное отношение личности к своему здоровью и осознанное стремление к его сохранению и укреплению. Под культурой здорового образа жизни понимается сложное системно-структурное образование, интегративное качество личности, отражающее личностные и социально-значимые потребности в здоровье, интегрированные в знаниях и практической деятельности [5, с. 196].

Интересен опыт отдельно взятых регионов Российской Федерации по формированию и пропаганде культуры здорового образа жизни (далее – ЗОЖ) среди учащейся молодежи. В настоящей статье будет рассмотрен опыт Республики Бурятия – приграничного региона Российской Федерации, отличительной особенностью которого является низкий уровень жизни населения, депрессивная экономика, неразвитая инфраструктура, низкая плотность населения. В месте с тем, демографическая ситуация в Республике Бурятия за последние 5 лет характеризуется положительными сдвигами – в республике увеличилась рождаемость [3].

Эмпирическая база исследования – данные Росстата, Бурятстата, Федерального медико-биологического агентства, отчеты министерства здравоохранения Республики Бурятия, материалы экспедиционного обследования Заиграевского района Республики Бурятия, данные экспертных интервью на тему «Здоровье и медицинское обслуживание учащейся молодежи: состояние и проблемы» (N=60).

В Республике Бурятия основным государственным органом, ответственным за формирование и пропаганду культуры ЗОЖ и координацию работы по его продвижению, в том числе среди контингента учащейся молодежи, является министерство здравоохранения Республики Бурятия, которое реализует мероприятия по формированию ЗОЖ граждан, включая популяризацию здорового питания, спортивно-оздоровительных программ, профилактику алкоголизма и наркомании, противодействие потреблению табака.

Мероприятия по формированию культуры здорового образа жизни (в рамках финансирования основной деятельности) также предусмотрены республиканскими целевыми программами. В республике разработаны и реализуются межведомственные планы мероприятий противодействия потреблению табака, по реализации государственной политики в области здорового питания и по формированию здорового образа жизни в Республике Бурятия, в том числе среди учащейся молодежи.

В целом, в Бурятии выработан единый подход к решению задач сохранения здоровья молодежи, наработаны деловые связи, выверены совместные действия по формированию здорового образа жизни, профилактике социально-негативных явлений, предупреждению неинфекционных заболеваний. Партнерами министерства здравоохранения Республики Бурятия в данном разделе выступают МВД по РБ, министерство культуры РБ, министерство образования и науки РБ, министерство социальной защиты населения РБ, министерство промышленности и торговли РБ, министерство сельского хозяйства и продовольствия РБ, СМИ, общественные организации.

В республике создана и устойчиво действует система гигиенического обучения молодежи по актуальным вопросам сохранения и укрепления здоровья, профилактике заболеваний, которое проводится на базе центров медицинской профилактики, а также с выездом в медицинские организации, образовательные и иные учреждения по согласованным планам. Задачами гигиенического обучения молодежи являются выработка гигиенических навыков и приверженности к здоровому образу жизни, предупреждение потребления наркотических и психотропных веществ, охрана репродуктивного здоровья, развитие коммуникативных навыков и стрессоустойчивости.

Вместе с тем, считаем, что профилактическая работа достаточно слабо поставлена в учреждениях образования и здравоохранения сельских территорий Республики Бурятия. В 2015 г. сотрудниками Отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН ходе экспедиционного обследования Заиграевского района установлено, что оздоровительная и профилактическая работа в учреждениях образования и здравоохранения с контингентом школьников и студентов ССУЗов проводится на низком уровне. Так, повсеместно не хватает наглядных материалов по профилактике заболеваний, в ряде школ района отмечено неудовлетворительное состояние спортивных залов и инвентаря для полноценных занятий по физической культуре. Нами отмечена недостаточная работа Министерства здравоохранения РБ и подведомственного ему Республиканского центра медицинской профилактики, а также Министерства спорта и молодежной политики РБ по методическому сопровождению пропаганды культуры здорового образа жизни среди сельской молодежи РБ и переданы аналитические справки в указанные ведомства [4].

Значительную роль в просвещении молодежи играет широкое информирование по вопросам сохранения и укрепления здоровья. Работа со средствами массовой информации республики ведется на основе пресс-конференций и пресс-релизов, предоставления видеoinформации для телевизионных каналов республики, с республиканскими газетами. Широко представлена информация о здоровом образе жизни в интернет-пространстве Республики Бурятия. Чаще используются возможности сайтов Администраций муниципальных образований. Активно используются возможности сайта «Улановка.ру», «Вконтакте», «Одноклассники», «Байкал-Дейли» и др.

Ежегодно увеличивается количество массовых мероприятий по пропаганде здорового образа жизни, причем активно участвуют в них представители волонтерского движения. В республике интенсивно развивается добровольческое молодежное движение по пропаганде здорового образа жизни. Подготовка волонтеров осуществляется в 5 республиканских ЛПУ, 9 районах и Городской больнице № 4 г. Улан-Удэ. С целью повышения эффективности работы волонтеров и координации их деятельности при Минздраве Республики Бурятия с 2010 г. действует Координационный совет волонтерского движения. В настоящее время в республике зарегистрировано свыше 1500 волонтеров ЗОЖ. С участием волонтеров ежегодно проводятся массовые мероприятия с охватом большого количества населения.

Так, в 2015 г. наиболее значимым были массовая информационно – пропагандистская акция «День борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями» под девизом «Время быть здоровым!», республиканский информационно-просветительский декадник «Здоровое сердце», республиканский смотр-конкурс на лучшую Школу здоровья в МО ПМСП и Центрах здоровья, акция «Единый день профилактики» в Мухоршибирском и Хоринском районах, Республиканский конкурс среди журналистов и СМИ «Пером поможем здоровью», II Республиканский конкурс социальной рекламы по пропаганде ЗОЖ среди учащихся образовательных учреждений Бурятии под девизом «Мы - молодежь, выбираем ЗОЖ». межведомственная Республиканская акция Агитпоезд «Тур здорового образа жизни», приуроченная к Международному дню борьбы с наркоманией – 26 июня в Бичурском районе, IV Республиканский конкурс среди работников медицинских организаций республики Бурятия «Через творчество – к профессиональному успеху!», VII Республиканский слет волонтеров здорового образа жизни.

Положительно следует оценивать и деятельность центров здоровья - в республике действуют два центра здоровья для взрослых и один центр здоровья для детей. Центры здоровья проводят комплексное обследование населения, в том числе учащейся молодежи и консультации специалистов. Например, ГБУЗ «Городской центр медицинской профилактики в 2013 г. обследовал 731 человек (студентов следующих образовательных учреждений: БГУ, торгово-экономический техникум, БЛПК, колледж искусств, Сиб ГУТИ, Гуманитарный институт, МЭСИ, ВСГАКИ, БКТиС, медицинский колледж, педагогический колледж), в 2014 - 870 человек (ВСГУТУ, БРИТ, УУИППК, Бурятский республиканский техникум пищевой и перерабатывающей промышленности, БГСХА, БРИЭТ, ТЭТ, колледж искусств, аграрный колледж, МЭСИ, техникум строительства), в 2015 г. - 485 человек (БГУ, ВСГУТУ, студенческая поликлиника) и в 2016 г. - 892 человека (БГУ, Агротехнический колледж, БКТиС, БРИТ, торгово-экономический колледж).

В Бурятии действуют на принципах клиник, дружественных молодежи молодежные консультации «Акуна-Матата» при детской поликлинике ГБУЗ «Городская больница № 4» и «Молодые – для молодым» при ГБУЗ «Республиканский перинатальный центр». Данные учреждения играют важную роль в создании эффективного и комфортного социального сервиса, направленного на сохранение здоровья, поддержание благополучия и облегчения социальной адаптации. Однако, все эти учреждения (центры здоровья и клиники, дружественные молодежи) находятся в столице Бурятии – городе Улан-Удэ. Представляется необходимым увеличить количество центров здоровья и клиник, дружественных молодежи, с целью охвата не только городского, но и сельского населения.

Таким образом, формирование культуры здорового образа жизни среди молодежи является важной функцией и задачей органов и учреждений здравоохранения, санитарного просвещения, образования, культуры и социальной защиты Республики Бурятия. На наш взгляд, положительно оценивая деятельность всех заинтересованных в вопросе организаций и учреждений Республики Бурятия, следует больше внимания уделять развитию культуры ЗОЖ среди молодежи в сельских районах республики. Ввиду сокращения финансирования всей социальной сферы Бурятии целесообразно шире использовать низкочастотные интернет-технологии по пропаганде культуры ЗОЖ – видеоконференции, размещение и рассылку информации в социальных сетях, создание новых сайтов и интерактивных программ обучения.

Литература

1. Белова Н.И. Парадоксы здорового образа жизни учащейся молодежи // Социологический исследования. – 2008. – № 4. – С. 80 – 90.
2. Демкина Е.П. Формирование здорового образа жизни как фактор повышения качества жизни современного российского студенчества (на материалах Республики Татарстан) : автореф. дис. ...канд. соц. наук: 22.00.04 / Е.П. Демкина; Пензенский государственный университет. – Пенза, 2016. – 26 с.
3. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 01.04.2017 г.)
4. Дэбэева, Т.Б. Башкуева, Е.Ю. Состояние здоровья и медицинского обслуживания учащейся молодежи Республики Бурятия: особенности, проблемы, пути совершенствования / Т.Б.Дэбэева, Е.Ю. Башкуева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2016. - № 3(38). – С. 98 – 104.
5. Петрова О.В. Психолого-педагогические аспекты формирования культуры здорового образа жизни студентов // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 196 – 200.

УДК 13:159.9.01

© Е.Л. Яковлева
г. Казань, Россия
д-р филос. наук, доцент,
зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин,
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
E-mail: mifoigra@mail.ru

Теоретизирования Каюма Насыри о воспитании и детская игра

Аннотация. Статья посвящена детской игре, на которую были перенесены взгляды татарского просветителя Каюма Насыри о воспитании. Занимая особое место в повседневности, игра приобщает ребенка к жизни, помогая вхождению в нее с удовольствием и радостью. В игре высвечивается особый мир ребенка, которому присуще собственное мироощущение и миропонимание, благодаря которым осуществляется накопление знаний и опыта. Игру можно назвать заботой о себе, помогающей ребенку познать самого себя и проявиться в социальном. Воспитательные принципы Каюма Насыри, оказывавшиеся созвучными детскому игровому пространству, сосредоточены на воспитании здорового духа и тела, учат нравственным проявлениям в коллективе, формируют коммуникативные способности, основанные на доброте и порядочности. Игра, в том числе внедренная в образовательный процесс, выступает в качестве эффективного метода, совмещающего в себе знания, пользу и удовольствие. В современности идеальная детская игра, внедряющая интеллектуальные, нравственные и эстетические принципы, предложенные Каюмом Насыри, оказывается актуальной, противопоставляя гламурному обществу свою

непосредственность и чистоту.

Ключевые слова: игра, детская игра, забота о себе, Каюм Насыри, «Книга о воспитании», татарский Леонардо да Винчи, познать самого себя.

©E.L. Iakovleva
Kazan, Russia

Doctor of Philosophy, Assistant Professor
Kazan Innovative University by V.G. Timiryazev

Nasyri Kayum's the Orizing about Education and Children's Game

Abstract. The paper examines the children's game that absorbed sights of Tatar educator Kayum Nasyri about education. Occupying a special place in everyday life, the game attaches the child to life helping to join it with pleasure and joy. The game displays the special world of the child with their own attitude and understanding of the world. Due to that the accumulation of knowledge and experience is carried out. The game can be called care about themselves that helps the child to know itself and to manifest socially. Educational principles of Kayum Nasyri turn out to tune into a children's play space, focused on the education of a healthy mind and body, teach moral manifestations of the collective, form communication skills based on kindness and decency. Game, including the introduction in the educational process, serves as an effective method combining a knowledge, usefulness, and pleasure. Nowadays, the ideal children's game that introduces intellectual, moral, and aesthetic principles proposed by Kayum Nasyri, becomes relevant by opposing to the glamorous society its immediacy and purity.

Keywords: game, children's game, taking care of yourself, Kayum Nasyri, «The book about education», Tatar Leonardo da Vinci, to know yourself.

Одним из интересных элементов повседневного мира является игра. Она занимает уникальное место в жизни человека, но особо значима для ребенка, обучающегося и усваивающего посредством нее ценности своего народа/окружения/семьи. Согласимся с К.Д. Ушинским, заключившим, что «в игре дитя живет, и следы этой жизни глубже остаются в нем, чем следы действительной жизни, в которую он не мог еще войти по сложности ее явлений и процессов» [1, с. 439]. Рассуждая далее, русский педагог подчеркивает, если для взрослой жизни ребенок остается несмышленным, то в игре он «уже зреющий человек», испытывающий собственные возможности.

Игра ставит перед ребенком задачи, решая которые он выбирает, с точки зрения взрослой оптики, непонятные и нестандартные маршруты. Но именно это придает игре оригинальность с особым, специфически детским, характером. Игра таит в себе интригу: ребенок нередко не знает, что попадет в сферу его внимания, во что он будет играть, каким образом, кто будет его партнером? Карты мироздания, полноценных знаний и фиксированных планов у ребенка нет, поэтому ориентируется он интуитивно. В его игре одновременно все мимолетно и фундаментально, серьезно и несерьезно, реально и фантазийно. Каждый игровой процесс рождает множество проблем и вопросов, стимулируя познавательный поиск, который проявляется в любопытстве. Задавая множество вопросов, ребенок открывает тайны мироздания, интерпретируя их с позиций собственного опыта. Желание, играя, познавать и открывать расширяет детский опыт и кругозор, давая простор для воображения и фантазирования. Можно утверждать, игра как бытийственная сфера и точка стремлений ребенка есть одновременно интеллектуально-морально-эстетический феномен, помогающий находить то, что ищешь, получая от процесса колоссальный жизненный заряд энергии, знаний и навыков.

Игра одновременно воплощает неразделимое взаимопроникновение жизни в игру и игры в жизнь. В отличие от взрослого, «ребенок еще не двойт своей деятельности на труд и забаву, еще не знает другого труда, кроме игры; игра – приготовление к работе, игра для него исчерпывает лучшую часть его жизни, и потому он высоко ее ценит» [2, с. 53]. Игра и ее элементы растворяются в повседневном мире ребенка, доставляя ему удовольствие и приобщая к жизни в обществе. В этом отношении игру можно считать активной детской заботой о себе, высвечивающей «решимость» ребенка войти во взрослую жизнь.

В обширном наследии татарских ученых большое место занимает разработка проблем воспитания и образования, в контексте которых улавливаются интуиции, связанные с игрой. Эффективность процессов воспитания и образования, по их мнению, во многом зависит от выбранных методов, в качестве одного из которых выступает игра. Вследствие перечисленного, обратим внимание на некоторые высказывания Каюма Насыри, собранные в его «Книге о воспитании». Необходимо подчеркнуть, татарский мыслитель, которого в силу многогранности таланта по праву можно считать татарским Леонардо да Винчи, большую часть жизни отдал детям, организовывая для них образовательный процесс, в котором обучал не только теоретическим, но и практическим навыкам. Ученый считал, что сила разума наиболее ярко проявляется в деятельности, потому что «всякое дело нуждается в уме. Но ум сам нуждается в практике» [3, с. 64]. К. Насыри подчеркивал, именно синтез знаний и опыта дает

«более верное представление о событии» [3, с. 594] как со-бытии. Заметим, обучение, объединяющее в себе теорию и практику, знания и опыт, коррелирует в этом отношении с игрой: чередование в образовательном процессе теоретико-познавательных и практических аспектов с паузами между ними указывают на игровую активность.

Татарский Леонардо да Винчи акцентирует внимание на том, что процесс воспитания и образования необходимо начинать в раннем детстве, когда ребенок легко воспринимает информацию об окружающем мире и без проблем запоминает, пронося ее через всю жизнь: «когда придется тебе воспитывать детей, будь особенно старателен, пока они малы. Знания, полученные в детстве, подобны орнаменту, выбитому на камне. Прут легче гнется, куда тонок» [4]. Следуя логике просветителя и перенося ее на игру, заметим: необходимо обращать внимание на то, чтобы игры содержали в себе воспитательно-образовательный элемент, направленный на развитие духа и здорового тела.

По мнению просветителя, в процессе воспитания прорастают зерна одной из значимых жизненных целей личности – познать самого себя. Известное античное изречение, высеченное в дельфийском храме Аполлона, «Познай самого себя», в татарском варианте было сформулировано следующим образом: «если человек познает самого себя, то это показывает его зрелость» [5, с. 31]. Здесь явно прочитывается идея постмодерниста Мишеля Фуко, призывающего проявлять заботу о себе, одним из принципов которой является познание личностью себя. Приводящая к Я/себейности забота о себе в интерпретации Каюма Насыри есть ничто иное как зрелость, связанная со знанием себя.

Детская игра представляет собой своеобразное путешествие, помогающее не только открыть мироздание, но и познать свое Я – его возможности и интенции, постоянно расширяя их. Разносторонние знания и навыки, полученные в игре и закрепленные в жизни, помогают ребенку проявиться и быть самодостаточным не только в детстве, но и в дальнейшем, при взрослении, что позволяет связать игру и знания. Образовательная игра познавательна: она содержит в себе интеллектуальные зерна, стимулируя их дальнейшее прорастание. Именно этим качеством отличается интеллектуальная игра от (симулятивной/бесполезной) игры случая, позволяя разграничить умное и глупое, нужное и ненужное, знания и незнания. Каюм Насыри считал, что «"не знаю" – одно слово, "знаю" – много слов». Данным высказыванием он подчеркивал, что человек знающий многогранен/«многословен», он способен дать достойный ответ бытию и его многочисленным вопрошаниям, а незнающий – односторонен/«однословен» или, по Г. Маркузе, одномерен, он не может постигнуть сути явлений/феноменов окружающей жизни и дойти до самого себя. Но главная задача полученного, в том числе, в игре, знания – освещать жизненный путь личности, заботясь о ней. Как подчеркивал татарский мыслитель, полученные знания необходимо использовать с пользой, в противном случае – они бесполезны.

К. Насыри советовал не бояться негативных проявлений бытия, в виду того, что жизнь подобна игре и состоит не только из выигрышей, но и проигрышей. Победы и поражения в жизни неизбежны, а учиться можно у любой жизненной ситуации: постигай мудрость, «наблюдая невежд и глупцов» [4]. Безусловно, если предлагается выбор, указывающий на игровую ситуацию «или – или», то предпочтения необходимо высказывать в пользу позитивного: лучше всего учиться у людей мудрых и умных. «Послушать мудреца – удовольствие для души, словно бы постоять возле лавки торговца благоуханиями: хотя и не перепадет тебе ничего, зато вволю ароматом надышишься». Но не стоит тратить время на беседу с незнающим и злым человеком, потому что это «все равно, что побывать в кузнице: лишь искры обожгут тебя, причинив боль» [4].

Некоторые жизненные принципы, которым учил К. Насыри, оказываются значимыми в игровом пространстве ребенка. Татарский Леонардо да Винчи настоятельно рекомендовал каждому человеку заниматься не только развитием духа, но и физическими упражнениями. Гармоничное состояние души и тела можно достичь посредством различной игровой активности, с привлечением в повседневный мир интеллектуальных и двигательных игр, развивающих в ребенке ум, внимание, фантазию, силу, ловкость и подвижность. Перечисленное говорит в пользу того, что образовательные игры должны быть не эпизодическими, а систематическими. В воспитании и образовании системность обладает организующим и структурирующим началом, а регулярно используемые образовательные игры, как и сам процесс обучения, приравниваются в жизни ребенка трудовой деятельности. В этом отношении показательным является высказывание татарского просветителя по поводу труда: только постоянство и усердие в труде, воспитывающие в личности выдержку, умение контролировать себя и владеть собой, могут привести к славе и почету. Как записал К. Насыри в семьдесят первом наставлении, «слава и почет добываются старательностью».

Еще один важный элемент заботы о себе – умение быть осмотрительным в жизни и прогнозировать ситуации будущего. Данные черты необходимы в игровом процессе: интеллектуальные и двига-

тельные игры требуют внимательности, логики, осторожности, умения прогнозировать ход игрового процесса. Неслучайно К. Насыри предупреждает, «не бросайся на всякое понравившееся тебе дело – прежде хорошенько подумай». Вступая в игру, необходимо оценить ее качество, что требует от игрока рефлексивности и осмотрительности. Не каждая игра способна принести пользу. В связи с этим ребенок стоит перед трудным для него выбором: стоит ли играть во все игры, в том числе, пустые и бессмысленные, или отдать предпочтение тому, что принесет одновременно удовольствие и пользу? Нередко без помощи взрослых подобная дилемма не разрешима.

Размышления о качестве игры, игрового процесса и игроков являются показателями заботы о себе и умения заглядывать в будущее. Каюм Насыри подчеркивает, человек разумный должен не только прогнозировать ситуацию, предвидя ее позитивные и негативные последствия, но и рассчитывать свои силы в доведение любого начатого дела до конца, что приводит нас в сферу этического. Просветитель предупреждает, «кто думает о последствиях, избавит себя от многих бед и огорчений», поэтому «прежде чем войти, подумай, как выйти», а «открывая дверь, подумай, как ее затворить», «и вообще, за какое бы дело ты ни взялся, заранее прикинь, сможешь ли довести его до конца» [4]. Приведенная цитата, демонстрирующая рефлексирование личности над ситуацией, заставляет ее соизмерять собственные силы и знания с игрой, в которую начинает играть.

Особое место в системе воспитания и образования татарский Леонардо да Винчи уделял нравственной компоненте метафизики личности, что является значимым и в мире детской игры: «что посеешь, то и пожнешь», а «за добро тебе воздастся добром». Он считает, каждый человек должен стремиться к доброму счастью, не мечтая о несбыточном, а довольствуясь тем, что имеет [4].

Чтобы счастье никто не нарушил, Каюм Насыри предупреждает об опасности общения с некоторыми типами людей: необходимо сторониться лжецов, глупцов, алчных людей, скряг и трусов. Подчеркнем, перечисленные типы людей нежелательны и в игровом процессе, они способны его разрушить. Акцентируем внимание на следующем факте: Каюм Насыри был всегда однозначен в оценке лжи, интерпретируя ее как негативное качество личности. Он предупреждал, «человеку, прослывшему лжецом, не поверят, если даже слова его – чистейшая правда», потому что «совершь один только раз – доверия лишишься на всю жизнь» [4]. Татарский просветитель обращает внимание и на тот факт, что правда бывает иногда неприятной и горькой, тем не менее, он рекомендует «никогда не кривить душой». Такие свойства личности привлекают и восхищают: «как нельзя не восхититься красотой, так нельзя не полюбить открытого, приветливого человека» [4].

Особый пункт в воспитательно-образовательной программе татарского просветителя – это добро. Оно должно высвечиваться во всех поступках и речах личности. Наставляя учеников, Каюм Насыри призывал их помогать людям, творя добро и избегая зла. Каюм Насыри, подчеркивая «сколь могуч воспитанный человек», утверждает, что «доброта и кротость берут города; надо быть добрым и снисходительным ко всем», остерегаясь «говорить дурно даже о своих врагах» [4]. Исследователь считает, что созидание добра должно стать характерной чертой бытия человека, особенно в детстве и молодости, когда жизнь насыщена и событийна, а в самой личности раскрываются, заложенные в ней, возможности, интенции и энергии. Доброе поведение, сочетающееся с мягкостью и приветливостью, гарантирует любому человеку много друзей, а дружба близкого человека есть одна из радостей жизни. В этом обнаруживается общность взглядов татарского мыслителя и Аристотеля. Античный философ определял дружбу как благо счастливого человека, способствующее совершенствованию добродетелей. К. Насыри в одном из своих наставлений акцентировал внимание на том, что «дружить необходимо с людьми хорошими», а общаться – «непременно с хорошими людьми» [4]. Ориентация на лучшее способствует личному совершенствованию, что делает индивида счастливым. В детской игре закладываются основы дружеских отношений, которые нередко сопровождают личность всю жизнь. Основанная на симпатии, терпимости, бескорыстии, доверии и искренности, дружба предполагает нравственную ответственность.

В «Книге о воспитании» значительное внимание уделено искусству общения. Каюм Насыри учил детей проявлять эмпативность и соучастность, что формирует умение понимать людей и чутко относиться к их проблемам. Как мы считаем, наиболее ярко данные качества проявляются в игре, характеризующейся интенсивностью происходящих в ней процессов и действий, а также экспрессивностью игровых взаимоотношений. К. Насыри акцентирует внимание на речи, которая при любом взаимодействии должна быть продуманной («хорошо подумай, прежде чем сказать») и основываться на добром слове: «злой язык опасней стали», он может ранить «так жестоко, что легче вынести боль, причиняемую при отсечении руки пилой». За своей речью и ее качественно смысловым содержанием ребенок должен следить, ведь «беспощадное слово способно пронзить сердце», причинив боль и обиду. Помимо этого, ребенок в своей речи должен избегать грубости, «сказанного ведь не вернешь», а

«навстречу приветливым словам раскрываются сердца людей» [4]. Заметим, что за позитивностью речи ребенка должны наблюдать взрослые, которым, в свою очередь, необходимо следить за собой: ребенок нередко копирует их слова.

Просветитель предупреждал о недопустимости жестокости («бойся жестокости»), приносящей боль играющим и вносящей деструктивный элемент не только в пространство игры, но и в метафизику личности. Запрещение жестокого обращения распространяется и на взаимоотношения между игровыми оппонентами – противниками. Здесь Каюм Насыри очередной раз обращает внимание на диалектичность жизни, в которой противоположности, взаимодействуя, могут меняться местами: «не причиняй зла врагу, ибо он может стать тебе другом» [4]. «Истинным мужеством» исследователь называет «умение простить», что оказывается возможным благодаря способности адекватно воспринимать ситуацию. «Умение простить» значимо и в игровом пространстве: оно способно снять напряжение и разрешить конфликт, что особенно важно в конце игры и при выходе из нее в мир повседневной реальности.

Подводя итог воспитательно-образовательной модели Каюма Насыри, положения которой оказываются созвучными детским играм, подчеркнем следующие моменты. Внимание татарского просветителя было сосредоточено на воспитании личности образованной, трудолюбивой, ответственной и порядочной, несущей идеи разума, нравственности и красоты. Данный процесс необходимо начинать в раннем детстве, закладывая в ребенка основы метафизического проявления в социальном. Со всеми перечисленными функциями воспитания и образования великолепно справляется игра, выступающая в качестве эффективного метода, помогающего формированию личности. В ней должны органично коррелировать знания, польза и удовольствие. Игра для ребенка есть способ бытия, в котором высвечивается его мироощущение и миропонимание, позволяя проявляться/проявляться без преград в мироздании. Именно воспитательно-образовательная направленность игрового процесса представляет собой уникальную заботу о себе ребенка, помогая становлению Я, нахождению пути к себе и взрослой жизни. Перечисленное позволяет говорить о личности ребенка как «душистом саде» (метафора Каюма Насыри об идеальном человеке). Подчеркнем, в условиях современных социально-культурных трансформаций идеи Каюма Насыри и построенная на их основе идеальная модель игры оказываются актуальными, возвращая ребенка в чистоту детского мира, далекого от гламурной пустоты и симулятивности, приводящим к трансформациям на личном уровне.

Литература

1. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. В 8 т. М., 1950. Т. 8.– 774 с.
2. Симонов П.В. Информационная теория эмоций и психология искусства// Искусствознание и психология художественного творчества. М., 1988.
3. Насыри К. Фаваких ал-джуласа. Казань, 1884.
4. Насыри К. Книга о воспитании. (Режим доступа: <http://kitap.net.ru/nasyri.php>)
5. Насыри К. Кырык бакча. Казань, 1902.

УДК 930.1

© Е.Б. Баторова
г. Улан-Удэ, Россия
канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
e-mail: elenabatorova2607@mail.ru

Эволюция этических ценностей гражданского общества в эпоху Нового времени

Аннотация. Современные ценности гражданского общества: идея демократии и связанные с ней идеалы свободы, равенства, справедливости, были рождены и обоснованы постренессанской философией Западной Европы. Точкой отсчета в рассуждении о гражданском обществе стала не группа, что было характерно для античной демократии, а индивидуум. Тем самым была заложена традиция толкования морали, которая определила дальнейшую социально-политическую историю Европы, и стала неотделима от ее современной культуры. Эта традиция пережила несколько отчетливо различимых стадий. Средневековая теория естественного права проложила дорогу концепции общественного договора семнадцатого века и теории гражданского общества восемнадцатого века, которые, в свою очередь, в значительной мере сформировали либерализм девятнадцатого и двадцатого веков. При этом один пункт оставался неизменным. Вера в моральное равенство людей была центральной на всех стадиях развития того, что сегодня является главным нравственным императивом. В статье рассматривается эволюция и трансформация этих идей под влиянием социально-исторических факторов, связанных с генезисом капиталистического производства и формированием новой системы политических отношений. Отмечается, что в новых условиях с необходимостью происходит разрушение этического универсализма и поиск партикулярных моральных принципов, соответствующих принципу разумного эгоизма.

Ключевые слова: Этические ценности, гражданское общество, свобода, равенство справедливость, либеральная идеология, гуманизм.

Evolution of Civil Society's Ethical Values in the New Time

Abstract. Modern values of civil society: idea of democracy and its associated ideals of freedom, equality, justice, were born and proved by the post-renaissance philosophy of Western Europe. The starting point in the discourse on civil society was not the group that was characteristic for ancient democracy but the individual. Thus, the tradition of interpretation of morality was started that determined further socio-political history of Europe and has become inseparable from modern culture. This tradition has survived several clearly distinguishable phases. Medieval theory of the natural law paved the way for the concept of the social contract of the seventeenth century and theory of civil society in the eighteenth century, which, in turn, have to a large extent shaped the liberalism of the nineteenth and twentieth centuries. One thing remained unchanged. Belief in the moral equality of people was central at all stages of the development of what today is a major moral imperative. The paper discusses the evolution and transformation of these ideas that was influenced by socio-historical factors associated with the genesis of capitalist production and the formation of a new system of political relations. It is noted that in new conditions there is the destruction of ethical universalism and the search for the particular moral principles that are consistent with the principle of rational egoism.

Keywords: Ethical values, civil society, freedom, equality, justice, liberal ideology, humanism.

В основе современных рассуждений о природе гражданского общества лежат этические ценности и связанные с ними идеалы свободы, равенства, справедливости, которые обосновала философия эпохи европейского Возрождения и Нового времени. Данный период в истории Европы имеет важное значение для понимания генезиса современной западноевропейской цивилизации. Социально - экономические, политические процессы, которые имели место в данный период, сопровождались становлением новой философии и нового мировоззрения, трансформацией традиционных представлений о социальной справедливости. Вместо предположения о «естественности» социального неравенства, вследствие этого не нуждающегося в оправдании, рассуждения о природной естественности равенства людей с необходимостью утверждало закономерность гражданского общества. Эти рассуждения произвели революционизирующее воздействие на человека, пробудили его социальную активность. Человек, понятый философией XVII века как самостоятельная субстанция, постепенно начинает осознавать себя как функционально общественное существо.

Очевидно, что современные демократии, наследуя многие традиции исторических демократий, приобрели новые сущностные и процедурные черты. Однако в любом случае они основываются на морально - этических идеях Возрождения, Реформации, Просвещения. С этих пор социальное неравенство в статусе человека и в обращении с людьми больше не может считаться само собой разумеющимся, что получает свое философское обоснование и моральное оправдание.

Эпоха Нового времени в истории Европы - это время начала процесса модернизации социальной системы, зарождение гражданского общества, ломка традиционных структур. Но идеологические и мировоззренческие предпосылки этих изменений, рост демократических настроений в обществе - лежат в философии эпохи Возрождения и Реформации. Гуманистические идеи эпохи Возрождения преодолевают непреодолимое противопоставление земного и божественного, характерного для средневекового христианства, и тем самым создают новую природную онтологию бытия человека. В этих учениях утверждался принцип человеческой активности, сопряженной с радостью творческой деятельности суть которого выразил П. Тиллих. «...возрождению античности в Новое время сопутствует не аскетизм, а активное вмешательство в царство материи» [1]. Возвышение человека, формирование представления о нем как о высшей ценности, стало источником новой этики и связанных с ней новых политических идеалов. Дальнейшее развитие этих идеалов и становление либеральной идеологии происходило в контексте сложной эволюционной трансформации религиозных представлений о самоценности земного бытия человека в эпоху Реформации. Протестантизм внес новую струю в христианскую доктрину человека, развив на религиозной основе принцип этического и социального индивидуализма, положив начало становлению культуры толерантности, признания свободы личности. Христианские идеи духовного равенства благодаря этой идеологии стали осознаваться как условие земного бытия и тем самым получили возможность претворяться в жизнь. Начался процесс воплощения нравственного статуса в социальный. Христианское учение получившее новую этическую интерпретацию в протестантизме, реализуемое в публично отправляемых общинных ритуалах, преодолело различия в социальных статусах. Социокультурными основаниями этого процесса, как известно, стало катастрофическое разрушение старых социальных порядков, вызванных религиозными войнами, и обострившиеся противоречия между устаревшими феодальными структурами и новыми социальными отношениями, характерными для капитализма. Точкой отсчета в рассуждении о гражданском об-

ществе стала не группа, что было характерно для античной демократии, а индивидуум. Оно основывается на предположении о моральном, или «естественном», равенстве и, следовательно, о едином статусе, которым наделен каждый человек как таковой, а не как член какого-то конкретного общества. Это моральное равенство дает индивидам возможность предъявлять друг другу веские требования относительно справедливости. Важно то, что предположение о моральном, или естественном, равенстве, которое следует рассматривать как право на равное отношение к любому человеку, если отсутствуют этически обоснованные причины для иного, породило традицию толкования морали, неотделимую от развития современной Европы. Эта традиция пережила несколько отчетливо различимых стадий. Средневековая теория естественного права проложила дорогу концепции общественного договора семнадцатого века и теории гражданского общества восемнадцатого века, которые, в свою очередь, в значительной мере сформировали либерализм девятнадцатого и двадцатого веков. При этом один пункт оставался неизменным. Вера в моральное равенство людей была центральной на всех стадиях развития того, что сегодня является главным нравственным императивом. Эта традиция толкования морали внутренне связана с развитием европейского общества со времен раннего средневековья. На протяжении столетий она решающим образом способствовала тому, что можно назвать социальной революцией. Ее идеи и ценности создали предпосылки появления в Европе современной общества, современной цивилизации. Уникальность западноевропейской идеи демократического общества заключается в том, что она отвергает все виды привилегий и основывает правовой порядок на правах и обязанностях индивидуумов, а не на правах каст, корпораций или семьи. Равенство перед законом заменило привилегию в качестве основополагающего принципа социальной организации. Обеспечив метод критической переоценки наследственных социальных ролей, эта идея стала революционным инструментом дальнейшего развития европейского общества. Идея социального равенства, как принципа организации общества, в различные исторические эпохи понималась по-разному. Однако фундаментальным его основанием является этическое равенство и заложенный в него принцип формального равенства, который в зависимости от сферы применения и выбора ценностной основы формирует различные содержательные модели и концепции равенства. Формальное равенство представляет собой одинаковое отношение к подобным ситуациям. Оно противостоит произвольности действий, вводя определенные правила поведения и создавая основу для внесения в деятельность индивида некой безусловной последовательности.

Таким образом, европейская либеральная мысль, рожденная как моральный протест против религиозной ортодоксии и в борьбе против привилегий аристократии, становится, по сути, суммой социальных воззрений и принципов: экономических и политических. Своей зрелости она достигает в эпоху Просвещения и представляет собой пример чисто рассудочного восприятия экономики и политики. Как философское мировоззрение оно стало обоснованием конституционного строя и политического господства буржуазии, основные ценностные понятия которой - «польза», «договор». С этого момента развитие гражданского общества определялось либеральной экономикой и этикой и соответствующим им ценностями. Либерализм как идеология свободы – это идеология свободного рынка, порождающая иллюзии о капитализме как гражданском обществе. Постренессанская абстрактная мораль, возвысившая человека, к XIX веку трансформировалась в этику либеральной идеологии и современного капиталистического общества. Центром своей философии она сделала отдельного индивида с его желаниями и прагматическими ценностями. Эти этические ценности буржуазного общества, оправдывают предпринимательство и стремление к наживе. Данная философия сделала личный интерес законом природы, а «любовь к деньгам» движущей силой прогресса [2].

Но все же следует отметить, что этические теории Нового времени по своему содержанию были гуманистически направлены. Так или иначе, они все стремились обосновать необходимость признания свободы и прав личности, равенства и справедливости, полагая, что государство должно быть их гарантом. Однако как отмечают исследователи, основная проблема, с которой столкнулась философская мысль этого периода, стало противоречие между универсализмом и партикуляризмом моральных норм. Исходный принцип универсализма вошел в противоречие с развивающимся обществом и капиталистическим производством, в результате чего «противоположные моральные принципы предстали как равно обоснованные, одинаково выводимые из разума» [4].

Литература

1. П. Тиллих Мужество быть. //Пауль Тиллих. Избранное. Теология культуры. Москва, 1995, с.19
2. Доусон К.Г. Боги революции. СПб. 2002. – 332 с.
3. Дубко Е.Л. Политическая этика. М., Академический проект. 2005. – 720 с.
4. Разин А.В. Этика: История и теория. М., Академический проект. 2002. – 490 с.

© А.Р. Монсонова
г. Улан-Удэ, Россия
канд. псих. наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии,
Бурятский государственный университет
e-mail: monsonova@rambler.ru

© Д.Р. Базарова
г. Улан-Удэ, Россия
канд. псих. наук, доцент кафедры общей и социальной психологии,
Бурятский государственный университет
e-mail: dolgor.bazarova@yandex.ru

© Р.Д. Санжаева
г. Улан-Удэ, Россия
д-р псих. наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии
Бурятский государственный университет
e-mail: rimmasan24@mail.ru

Этноконфессиональная идентичность личности в условиях интеграции светских и духовных знаний

Аннотация. Проблема этноконфессиональной идентичности личности актуализируется в условиях трансформации российского общества, когда социальные, межэтнические конфликты становятся индукторами личностных кризисов. Изменения, происходящие в современном обществе (изменение системы ценностей, ломка этнокультурных стереотипов, размывание социально-ролевой структуры общества), способствуют росту состояний, связанных с трансформацией идентичности личности человека, приводят к нарушениям его поведения и социально-психологической адаптации. Одна из проблем, стоящих перед современным человеком, - поиск и построение стабильной, позитивной идентичности, конструирование собственной идентичности, в структуре которой важную роль приобретает этноконфессиональная идентичность. В связи с этим проблема выбора ценностей, норм и самоопределения личности становится особо актуальной. Несмотря на имеющиеся исследования, психологические концепции, нет однозначного ответа на вопросы о природе, закономерностях и механизмах формирования идентичности, особенно этноконфессиональной, о феноменологии, классификации, структуре и состояниях идентичности. В контексте современной постнеклассической психологии, ее методологической толерантности, важным является анализ параметров социо-культурных процессов. К ним относится проблема этноконфессиональной идентичности личности, ее духовного развития и воспитания, актуальность которой подчеркивается последними правительственными документами: «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года» (2015), «Стратегия государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» (2012), «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» и др.

Ключевые слова: этнос, идентичность, конфессия, духовность, механизмы адаптации, социализации, индивидуализации.

©A.R. Monsonova
Ulan-Ude, Russia
Candidate of Psychology, Assistant Professor
Department of Age and Pedagogical Psychology,
Buryat State University

© D.R. Bazarova
Ulan-Ude, Russia
Candidate of Psychology, Assistant Professor
Department of General and Social Psychology,
Buryat State University

© R.D. Sanzhaeva
Ulan-Ude, Russia
Doctor of Psychology, Professor
Department of Age and Pedagogical Psychology,
Buryat State University.

Ethno-confessional Identity in the Conditions of Integration of Secular and Spiritual Knowledge

Abstract. The problem of ethno-confessional identity is actualized in conditions of transformation of the Russian society, when social and interethnic conflicts become inducers of personal crises. The changes taking place in modern society (changing value system, breaking ethno-cultural stereotypes, eroding of a socio-role structure of society) contribute to the increase of states associated with the identity transformation, lead to violations of their behavior and socio-psychological adaptation. One of the problems facing by the modern person is the search for and building of a stable, positive identity, constructing one's own identity, in the structure of which an important role is played by ethno-confessional identity. In this regard, the problem of the choice of values, norms, and self-determination of the individual becomes particularly relevant. Despite the available research, psychological concepts, there is no un-

ambiguous answer to questions about the nature, patterns, and mechanisms of identity formation, especially ethno-confessional identity, about phenomenology, classification, structure, and states of identity. In the context of modern post-non-classical psychology and its methodological tolerance, it is important to analyze the parameters of socio-cultural processes. These include ethno-confessional identity, its spiritual development and upbringing, the relevance of which is emphasized by the latest government documents: 'The Strategy for the Development of Education in the Russian Federation until 2025' (2015), 'The Strategy of The State National Policy in the Russian Federation for the Period to 2025' (2012), 'Strengthening of the Unity of the Russian Nation and Ethno-Cultural Development of the People of Russia (2014-2020)', etc.

Keywords: ethnos, identity, confession, spirituality, mechanisms of adaptation, socialization, individualization.

Важнейшими проблемами современности являются: слабое общероссийское гражданское самосознание при усилении значимости этнической и религиозной самоидентификации; неудовлетворенность в среде различных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав; недостаточное использование имеющихся ресурсов в целях достижения гармонизации межнациональных отношений, укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации и т.д. Поэтому основными целями всех образовательных учреждений как одного из основных институтов развития и воспитания в контексте Национальной доктрины образования РФ являются: национальная и религиозная терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов, формирование культуры мира и межличностных отношений, развитие культуры межэтнических отношений. Д.И.Фельдштейн писал, что национальная инициатива «Наша новая школа» в своих задачах подчеркивает «важность раскрытия закономерностей не только когнитивного, социального, но и духовного развития детей, их переживаний, стремлений, сомнений. При этом актуализируется необходимость выявления средств, механизмов, условий формирования ценностной базы растущих людей, их нравственных установок и ориентаций, введения в мир большой духовной культуры, формирующей уважение Человека, уважение важнейших человеческих качеств, разработки, в частности, психолого-педагогических основ воспитания личностных особенностей, кумулирующих в единстве лучшие черты конкретного этноса, в целом российского народа и общечеловеческих ценностей. При этом важно самим определиться, к чему мы готовим ребенка: к конкуренции, алчности, деньгам? Или к осознанию к ответственности за себя и других людей, за безопасность жизни на Земле, стимулируя совершение поступков, достойных человека?» [13, с.52].

Принятие личностного эталона имеет важную психологическую функцию: оно облегчает вхождение ребенка, подростка в новую социальную позицию, усвоение новых отношений, образование новых личностных структур, формирует его личностную идентичность [2, с. 68]. Американский философ и психолог У.Джемс еще на рубеже XIX-XX вв. выразил представление о личностной идентичности как о последовательности, непротиворечивости личности. Как один из первых создателей теории личности, он различал три ее стороны – физическую, социальную и духовную, которые образуют естественную личность. Духовная же личность должна быть для человека высшим сокровищем, чтобы не утратить духовные блага нашей личности: совокупность чувств, действий и опыта отдельной личности, поскольку их содержание определяет отношение личности к тому, что она почитает Божеством [5].

Анализ различных концепций, видов, типов, структур, иерархий идентичности позволяет сделать вывод, что этноконфессиональная идентичность личности, определяемая нами в рабочем варианте, как позитивный результат процесса идентификации личности с окружающим миром в пространстве и во времени (Культе Вечного Синего Неба, гор и др.), с системой ценностей и смыслов культуры своего этноса, принятием его конфессиональных, духовных традиций, норм и открытостью, толерантностью к ценностям мировых конфессий, ее сущность проявляется во всем многообразии подходов к проблеме идентичности. Это можно подтвердить феноменом современной мировой религиозности – верующие без религии, со слабо выраженной конфессиональной идентичностью, с принципом: «Бог един».

Позитивная и негативная (по Э.Эриксона) этноконфессиональная идентичность проявляется в современной толерантности / интолерантности, стереотипах и автостереотипах по отношению к конфессиональным ценностям других народов, что является фактором международной напряженности. Психологической проблемой становится этноконфессиональная безопасность. С.В.Иванова отмечает ситуацию возрастания глобальных рисков, период не мира – не войны: У нас сегодня мир? Но мы воюем. У нас сейчас война? Да. Но не на нашей территории [7, с.6]. Гуманистический характер конфессиональных ценностей проявляется в признании ценностей, стоящих выше только националистических интересов.

Динамика процесса формирования этноконфессиональной идентичности личности связана с позитивными образовательными направлениями: введением в школы учебного предмета в 4-5 классах «Основы религиозных культур и светской этики», создание условий преемственности духовных зна-

ний в средних и старших классах через ФГОС, учебные универсальные действия (УУД): личностные, познавательные, коммуникативные, регулятивные; открытие кафедр теологии, преподавание этого предмета на разных факультетах по инициативе патриарха России Кирилла. Этноконфессиональная идентичность наиболее связана с этнической идентичностью, которая рассматривается многими авторами как условие целостности и саморазвития личности. А.В.Серый, М.С.Яницкий, Г.М.Авилов справедливо отмечают, что в массовом сознании национальная принадлежность все более устойчиво связывается с конфессиональной принадлежностью, что группы с различной конфессиональной принадлежностью характеризуются различными ценностными системами, отражающими особенности религиозных представлений, имеющими различную степень осознанности ценностей и их внутреннего принятия. Конфессиональная принадлежность выступает одной из детерминант формирования ценностно-смысловой сферы личности и, соответственно, должна учитываться в кросс-культурных исследованиях ценностных предпочтений конфессиональной группы [12].

Каждый этап формирования этноконфессиональной идентичности личности мы связываем с действиями психологических механизмов: идентификации, интеграции, локуса контроля, адаптации, социализации и индивидуализации. Механизм идентификации является основным психологическим механизмом обучения в системе «учитель-ученик» в восточной культуре, что нашло отражение в концепции учителя в школе «Йога ламы» реформатора буддизма Цзонкхавы (1357-1419) «Лам-рин чен-по». Йога лама в качестве социально-психологического метода, влияющего на мотивы поступков, делала особый упор на развитие мышления, эмоции и чувства человека. К Учителю предъявлялись требования: 1. проявлять любовь к ученику; 2. учить его достойному и хорошему поведению; 3. старательно обучать его, наделять знанием наук и мудростью древних; 4. хорошо отзываться об ученике его друзьям и родственникам; оберегать его от опасности. Таким образом, механизм идентификации из системы «Учитель-ученик» и по сей день остается реально действующим механизмом психокультуры этноса, механизмом формирования этнического самосознания, этнической и этноконфессиональной идентичности человека.

В структуре этноконфессиональной идентичности личности традиционно нами выделяются когнитивный, эмоционально-аффективный и конативно-поведенческий компоненты. В процессе этноконфессионального образования и воспитания формируется этноконфессиональная компетенция - умение ориентироваться и адекватно вести себя в ситуациях межкультурного, межконфессионального общения – как элемент общей и нравственной культуры личности. Овладение этноконфессиональной компетенцией происходит на основе поэтапной социализации учащихся в этнокультурной среде, включая микро - (Я-концепция), мезо - (Я-и-другие) и макроэтапы (Я-и-мир). А.А.Гостев, профессор ИП РАН, пишет: «Если вспомнить древнюю идею и допустить, что в «человеке-микрокосме» идеально представлена вся «реальность-макрокосм», что в принципе признается научной методологией, то через свою образную сферу человек потенциально связан с любым элементом мироздания, которые могут открываться *в образных событиях качественно иного уровня и иного класса*. Об этом свидетельствует как спонтанный духовный опыт (в рамках различных культур и религий), так и опыт психотехнически моделируемый.» [4, с.335]. При осмыслении разных путей познания одним из основных вопросов является соотношение научного и религиозного познания: попытки увидеть нечто общее в них, соотнести познавательные возможности, подчеркнуть различие. А.А.Гостев отмечает, что «в познании мира Библия опережает науку. Об образовании мира из бесформенной материи Книга премудрости Соломона сообщает (11:18), что всемогущая рука Бога создала «мир из необразного вещества». Св.Василий Великий говорил о невещественности энергии - «невещественном свете». То, что Земля круглая, сказала третья книга Ездры (11:32), и св. Иоанн Златоуст в толковании на Книгу пророка Исани (40:22), там же (40:26) читаем о законе сохранения энергии. Атомы - «пылинки Вселенной» - мы находим в Притчах Соломона (8:26). О том, что, помимо нашего четырехмерного мира, существует и мир духа – религия говорила всегда» [там же, с.339].

Сохранение российской этноконфессиональной идентичности является неперенным условием для сохранения и развития нашей страны. Сейчас одновременно с мощным процессом духовного возрождения русского народа идет работа по дискредитации самой идеи этого возрождения. Будущее нашей страны возможно только в том случае, если сохранится связь с корнями нашего великого прошлого. Разорина Д.Н. [10,с.217] справедливо указывает на то, что обособленность методологических традиций изучения идентичности, специфичность получаемых результатов, противоречивость и фрагментарность представлений о ее структуре и динамике свидетельствуют о необходимости переосмыслить и систематизировать накопленные по проблеме идентичности теоретические и эмпирические данные.

Литература

1. Абаев Н.В. Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. Кызыл: Изд-во ТывГУ. 2007. –168 с.
2. Базарова Д.Р. Структурно- содержательные характеристики образа мира молодежи Байкальского региона: дисс... канд. психол.наук. Улан-Удэ. 2012. –186 с.
3. Бучек А. А. Этническое самосознание личности в пространстве полиэтничного мира. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга. 2012. –386 с.
4. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 512 с.
5. Джемс У. Сокровища религиозного опыта. М.1992. – 142 с.
6. Дагбаева С.Б., Санжаева Р.Д. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект.- Чита: Изд-во ЗабГУ, 2008. 2008. – 135 с.
7. Иванова С.В. Гражданская идентичность в период не мира – не войны. Слово главного редактора // Ценности и смыслы. 2015. № 5 (39). С.5 – 7.
8. Монсонова А.Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций молодежи (Байкальский регион). Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. ГУ. 2010. – 126 с.
9. Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия: монография / науч.ред. А.Д.Карнышев.- Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 427 с.
10. Разорина Д.Н. Проблема структуры и динамики идентичности в современной зарубежной социальной психологии // Вестник Кемеровского государственного ун-та. 2015. №3(63). Т.3. С. – 211–218.
11. Санжаева Р.Д. Этнопсихокультура бурят в контексте постнеклассической психологии // Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: колл. монография / Науч.ред. Р.Д.Санжаева. Улан -Удэ: Изд-во Бурят. ГУ. 2012. С.5 – 19.
12. Серый А.В., Яницкий М.С., Авилов Г.М. Особенности ценностно-смысловой сферы представителей русского этноса в зависимости от конфессиональной принадлежности // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. науч. статей междунар. конф./ под ред. Р.Д.Санжаевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС. 2008. Т.1. – 304 с.
13. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 1 (26). С.45 – 55.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. –412 с.
15. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2012. –227 с.

УДК 001+24(571/54)

© Ж. А. Аякова
Улан-Удэ, Россия
Канд. филос.н., специалист Отдела международных связей
Бурятская Сельскохозяйственная академия
E-mail: ayakova@mail.ru

Тензин Чодрон (И.С. Урбанаева): ученая и монахиня в постсоветской Бурятии

Аннотация. Тензин Чодрон (в миру Ирина Сафроновна Урбанаева)- ученая и монахиня, открывшая новые пути и возможности для буддийских женщин в Республике Бурятия. В статье описывается, как в период политических перемен и религиозного возрождения на постсоветском пространстве Тензин Чодрон вела активную общественную работу по возрождению и объединению буддизма в Бурятии. В работе представлены автобиографические материалы Тензин Чодрон, в которых обсуждаются ее ранняя жизнь, образование, профессиональная работа и общественная жизнь, показывающие возможные пути, преодолевая которые женщины могут реализовать свой потенциал и играть важную роль в современном бурятском обществе. Пример Тензин Чодрон показывает, что наравне с мужчинами, женщины имеют право быть посвященными и получить образование в строгой буддийской философской традиции, которая пережила суровые годы религиозных гонений в буддийских регионах страны. Наравне с другими монахинями в современном мире, ее активное участие в обществе помогает сформировать новый взгляд в контексте международного буддийского диалога, который предоставляет женщинам возможность быть услышанными буддийскими иерархами, что женщины действительно могут стать буддийскими мастерами.

Ключевые слова: бурятские женщины, буддийские монахини, Тензин Чодрон, тибетский буддизм, буддийская философия

© Zh. Aiakova
Candidate of Philosophy, Department of International Relations
Buryat State Agricultural Academy

Tenzin Chodron (I. Urbanaeva): a Scholar Nun of Post-soviet Buryatia

Abstract. Tenzin Chodron is a scholar nun who has opened up new pathways for Buddhist women in the Republic of Buryatia. The paper describes how, at a critical juncture in the political and religious transition from Soviet rule, she has endeavored to bring together scholarship, social activism, and religious life. An introduction to the Buddhist history of Buryatia serves as the backdrop for Tenzin Chodron's autobiographical materials, which discuss her early life, education, professional work, and social engagement, with the aim of bringing to light the ways that women can realize their potential and play important roles in post-Soviet Buryat society. The example of Tenzin Chodron illustrates that, like men, women have the right to be ordained, at least as novices, and to be educated in the rigorous Buddhist philosophical tradition that has been carefully preserved through the cold winter of religious persecutions in this region of Siberia. Like many other nuns in the contemporary world, her active engagement in society is helping to shape a new

international Buddhist conversation that gives women a greater voice and signals to Buddhist institutional authorities that women can indeed become Buddhist masters.

Keywords: Buryat women, Buddhist nuns, Tenzin Chodron, Tibetan Buddhism, Buddhist philosophy

Buddhism in Buryatia

The key elements of Buddhist doctrine – the Four Noble Truths, the Eightfold Path, the Twelve Links of Dependent Arising (*pratityasamutpada*) – are the essence of the Buddhist tradition adopted by the Tibetans, Buryats, and Mongols. During its more than 2,500 years of existence, Buddhism has undergone profound changes, yet the essence of the Buddha's Dharma (the path to awakening) has been preserved through the ages unchanged. In the canonical literature of the Tibetan Buddhist tradition, we find all the main teachings attributed to Shakyamuni Buddha, including the transitory nature of all compounded phenomena, the pervasiveness of suffering, the connection between human suffering and actions created in previous rebirths, as well as the way to overcome suffering and become free from the craving for existence. In Buryatia, the Four Noble Truths became the guiding principles for Buddhist followers, impelling them to meditate on the nature of existence and the meaning of life. As elucidated in the Buddha's teachings and practiced on the Eightfold Path, all happiness and misfortune, in this and future lives, depends on understanding the immutable law of karma. The impersonal law of cause and effect places the responsibility for all actions on the individuals concerned and evolution on the path means abstaining from the ten nonvirtuous actions: three of body, four of speech, and three of mind. The Twelve Links of Dependent Arising explains the process of causation that traps sentient being in the wheel of cyclic existence (*samsara*) and also the process of achieving liberation.

In the seventeenth century, Tibetan Buddhism came to Buryatia from Mongolia and Tibet, and spread among the Buryats inhabiting the region of Transbaikalia. The Gelug tradition predominated and Guru Tsongkhapa, the founder of the Gelug tradition, was revered by the Buryat people on a par with Sakyamuni Buddha [1, 197–215]. By the end of the nineteenth century, Buddhism in Buryatia had become a sophisticated religious system. As a result, there was intensive construction of monasteries, shrines, and several stupas. Schools of theology, philosophy, medicine, and astrology were established, as were foundries producing Buddhist religious art and ornamentation. Buddhism became an inseparable part of Buryat life and contributed greatly to the people's social development [2, p. 25].

Some transformations and modifications took place due to the influences of local religious and cultural traditions. As Buddhism became widespread throughout Buryat territory, it interacted with important shamanic deities and rituals, which became incorporated into Buddhist practice. Buryat and Tibetan Buddhists demonstrate their unique refraction of the Mahayana tradition in their rituals and magical practices. These modifications are due to the influence of traditional, more ancient and archaic beliefs, practices, and rituals of the Tibetans and Buryat Mongols that predate the introduction of Buddhism. In its philosophical, psychological and ethical teachings, Buryat Buddhism does not differ significantly from the fundamental provisions of Mahayana Buddhism as presented in the Tibetan version of the Buddhist canon.

Buryatia women's attitudes are strongly influenced by the all-male Buddhist clergy's belief in women's inferior status. For most Buryat Buddhist women, only a man can be a genuine lama and teacher. Hence, it is widely believed that only males are genuine Buddhist practitioners and teachers. A woman's gender is conditioned by her *karma* and to be a woman is considered an unfortunate consequence of her actions in a previous life. In modern Buryat families, men and women are recognized as equal, with husbands and wives equally responsible for the welfare of the family. The worldviews of Buryat women are becoming transformed [3, p. 261-279]. Their knowledge about the roots of Buddhism and about the equality of women and men in all spheres of social and spiritual life is growing. But as a patriarchal society, it is impossible to maintain egalitarian principles of human coexistence. The patriarchal mentality is evident in all areas of life, in traditions and customs, and in the lifestyle of Buryat women. The men in the family – husbands, brothers, and sons – are respected as creatures superior to women. Violation of these norms by a woman is considered to be the result of a lack of appropriate education in her family and disrespectful to Buryat traditions and culture. A Buryat woman considers her karma in terms of how to earn merit in this life in order to be born as a man in future lives, and thereby have the good fortune to travel along the path to enlightenment. This point of view is pervasive in Buryatia even today, regardless that His Holiness the 14th Dalai Lama says that men and women have equal potential to attain enlightenment and liberation.

During Soviet period Buryat Buddhist women had to be very careful about receiving religious instruction and empowerments. Due to unfavorable state policies, most women conscientiously hid their Buddhist identity and avoided overt demonstrations of religious behavior. Some women shaved their heads, however, and some wore an *orhimzho*, [4, p. 66] a kind of a long scarf of red or maroon color draped over the left shoulder. For that reason, they were disparagingly called *shabgantsa* and subjected to sarcasm [4, p. 16].

The Life of Tenzin Chodron

Today the situation of Buddhist women in Buryatia is improving. Contemporary Buryat women are educated and have different opportunities to realize themselves in many areas of social life including religion. Buryat women openly practice Buddhist religion and, more importantly, they study Buddhist philosophy and are engaged in social activities to revive and spread Buddhist values among the population. Among these dynamic women is the Buryat nun Venerable Tenzin Chodron (Irina Urbanayeva), who has taken the precepts of a novice nun (*getsulma*). She holds a doctoral degree in Philosophy and currently works as a researcher at the Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies in Ulan-Ude, Republic of Buryatia.

Tenzin Chodron was born in Olkhon, a place near Lake Baikal that is considered sacred by the Buryat people. Olkhon is also famous as the native place of a Buryat man named Barnashka. This man was very well-known among the Buryats in the twentieth century due to his extraordinary ability to foretell future events, predictions that usually came true. Tenzin Chodron related:

My mother mentioned Barnashka every time an event transpired just as Barnashka had predicted it would. People regarded him as a shaman, but I later learned that he was a Buddhist. For some time, he practiced at a monastery known as Datsan Tunkinskiy. During prayers, he sat at the right hand of Lama Shiretuy, who was the abbot of the monastery [5].

Tenzin Chodron kept in mind these memories of the place where she was born. As a young adult, these recollections helped her recall her physical and spiritual roots. This was during the Soviet era, a time when all evidence of Buddhism in Buryatia had been erased, due to the anti-religious state ideology. Tenzin Chodron's parents were formally atheists, as was required at the time. By origin, she belonged to an ethnic group known as the Irkutsk Buryats or Western Buryats. Traditionally, the Irkutsk Buryats are said to be shamanistic by faith, but she rejects that claim. Her research led her to the conclusion that not all Irkutsk Buryats were shamanists; some were also Buddhists. In her analysis, the presence of two Buddhist monasteries (*datsan*) in the Irkutsk region – Selo Sarantsy and Skala Shamanka – proves that there were Buddhists among the Irkutsk Buryats. It is an historical fact that some Tibetan monks meditated at Olkhon. Moreover, Olkhon is considered to be a residence of the Buddhist deity Paldan Lhamo.

Reflecting on her own family's connections with Buddhism, Tenzin Chodron recalls:

My grandfather on my father's side had no children for a long time. After some time, my grandfather took refuge at Tamchinsky Datsan, where he was given some Buddhist relics. These relics were kept for a long time by his family. After he had children, they were entrusted with keeping the relics and with preserving the story of the relics as a family treasure. Later, during Stalin's political repressions, my grandfather was arrested and, as was common at that time, his fate is unknown.

My mother's father was a communist and Buryat nationalist patriot. He was very worried about his family and decided to move them to Selo Egita, where today there is a famous sandalwood Buddha enshrined at Egituyskiy Datsan. Later, he was also arrested and nobody has any information about his fate.

My father worked as the director of a school. Any evidence of Buddhism was strongly prohibited in my family – no Buddhist relics, books, even conversations on Buddhism were allowed. Because Buddhism has been maintained as a folk tradition, my mother secretly visited the *datsan* and lamas, because she always felt a need for spiritual and moral support. My father usually drove her on these visits to the *datsan* and waited for her outside, sitting in the car somewhere, so nobody could see him [5].

One incident left a deep impression on Tenzin Chodron's consciousness, because it ran counter to the regime's anti-religious ideology and contravened the rules and norms of Soviet society:

When I was in school, I had a classmate who invited me to her home. Nearby, there was a little house where (I later learned) her grandfather stayed and practiced meditation. I never saw him, but my classmate told that he meditated and recited mantras all the time, with only short pauses for taking food and drink. Now I realize that he was in an intensive retreat and was a dedicated Buddhist practitioner. At the time, I was very impressed by the thought of this old man sitting in meditation posture and continuously reciting mantras. It caused me to reflect, because, at the time, this was something extraordinary [5].

Another event that had major impact on Tenzin Chodron and encouraged her on the Buddhist path occurred when she was a student of the Department of Philosophy at Moscow State University. Her family moved to the village of Baryun Hasurta and there her mother became acquainted with two *shabgantsa*, older women with shaved heads who observed five Buddhist precepts [6, p.17]. These women lived together and prayed all the time in front of the Buddhist altar in their home. Her mother and father became their caretakers, treating them as if they were their own mothers. Since they had no parents of their own, they wanted the women to feel like their closest relatives. The *shabgantsas* had taken Mahāyāna vows and were genuine Buddhist practitioners, even *yoginis*. When Tenzin Chodron visited her parents during her vacations, she ob-

served the women, trying to understand their practice and hoping to get some idea about Buddhism in general. When the two women went away, they left their altar with a statue of Avalokiteśvara, a very beautiful prayer wheel apparently made in China, and a copy of the *Sutra of Golden Radiance* (Buryat: Altan Gerel) for her mother. Tenzin Chodron keeps the statue of Avalokiteśvara on her altar today to this day. At this stage, Buddhism became associated with mystery and wonder in her mind:

One day, my mother met a pilgrim who was a tantric practitioner of *chod* (Buryat: *zhodchin*) and invited him to our place, where he performed *tsog*. We were not allowed to observe this ceremony, but my younger sister managed to take a peak while hiding behind the fence. She told us that, at the end of this practice, a big plate of food was brought out the house and scattered about. Suddenly, she heard loud sounds like dogs barking and eating the food, but there were no dogs to be seen! We decided that hungry ghosts had visited our house [7].

As a student, Tenzin Chodron was interested in philosophy in general. At that time, students at the universities studied Russian and Western philosophy, and the courses included no information about Buddhist philosophy or Buddhist teachings. The meaning of life and the problem of death were questions of central importance for her, but at the university she was not able to find satisfactory explanations or answers to her many questions.

At this point, Tenzin Chodron began to feel a strong need for guidance and teachings. In the end, her spiritual quest led her to the Buddhist philosopher and *yogin* Geshe Jampa Thinley. When this Tibetan lama came to Buryatia in 1993 as a representative of His Holiness the 14th Dalai Lama to Russia, news of his visit was not widely disseminated. There was no publicity and no mass media announcing the event. Tenzin Chodron received information about the event accidentally, but it went straight to her heart. She had a feeling that Geshe Thinley was the right person to teach her and lead her along the Buddhist path. Since the time of their first meeting, she has followed Geshe Thinley, who has worked tirelessly to help restore Buddhist traditions and has given teachings all over Russia, especially in the three Buddhist regions of Buryatia, Kalmykia, and Tuva.

Tenzin Chodron's next challenge was to make an effort to reconcile her new-found interest in traditional Buddhist teachings with her personal and professional life:

As I now understand, I had a long way to go to develop a deep understanding the Buddhist teachings. But at the time, after that first meeting, I still had to continue with my everyday work in the Buryat Scientific Center and my public activities as a leader of the Union of Buryat Intelligentsia. This organization aimed to support Buryat intellectuals in their efforts to restore Buryat traditions and Buddhist culture. I was very active in the social and political life of Buryatia. At that time, during the 1980s and 1990s, I was known to be a Buryat extremist and nationalist, speaking out against the Communist Party. It is difficult to assess which direction was right or wrong, but gradually I realized that I needed to transform myself and found it very important to try to understand more about my inner world [7].

As she began to devote more time to her spiritual development, her social activities became more closely entwined with Buddhism and she made Buddhist friends.

As Tenzin Chodron learned more about Buddhism and reflected on her personal development on the Buddhist path, she became more devoted and eventually came to the decision to become ordained as a nun. Geshe Thinley approved her decision and advised her to go to India where he and some of his teachers, including Geshe Namgyal Wangchen and Geshe Sopa Rinpoche, could ordain her. In 2002, she went to India with a group of Buryat pilgrims to attend the Kalachakra empowerment ceremony, which unfortunately was canceled due to the illness of H.H. Dalai Lama. In Bodhgaya, Geshe Namgyal Wangchen and Geshe Thinley ordained her with the vows of renunciation (*rebchung*). In 2003, she received the precepts of a novice nun (*getsulma*). Three women were ordained as nuns at that ordination ceremony: two from Buryatia and one from Moscow. However, nuns are not regarded as equal to monks in Buryat society and, generally speaking, are not taken seriously. They are considered unusual and outside the mainstream in Buryat society. For these reasons, two of the nuns ordained at that time later disrobed.

Only a few lay people in Buryatia know about the existence of Buddhist nuns and their activities. The example of Tenzin Chodron illustrates that, like men, women have the right to be ordained, at least as a novice, and to be educated in a rigorous Buddhist philosophical way. Like many other nuns in the contemporary world, she is actively engaged in society. For example, in 2005, in the center of Ulan Ude, she organized a large-scale meeting and collected the signatures of Buddhist followers and lay people to invite His Holiness the 14th Dalai Lama to visit Buryatia. Despite her best efforts, the Russian government did not grant a visa for His Holiness to visit Buryatia. Tenzin Chodron was able to attract the attention of all the local mass-media resources, but all their efforts were unsuccessful. Russia and China have been building what they call a "strategic partnership," so in recent years, Moscow has wished to maintain good relations with China.

Buryat Buddhists aspire to see His Holiness on Buryat land once again and keep the hope that one day their dream will come true. “What kind of freedom of conscience can we claim if we have no chance to see our Buddhist leader the 14th Dalai Lama in Buryatia and other Buddhist regions in Russia – Kalmykia and Tuva?” Venerable Tenzin Chodron asks [8]. She initiated a letter to Putin, the President of the Russian Federation, in which Buryat Buddhists expressed their resentment toward the position of silence that Russia has maintained regarding the violent crackdown on peaceful protests in Tibet since March 10, 2008. The signers requested the Russian government not to close its eyes to the Tibet issue, but instead to act as a mediator in negotiations between the Chinese government and the 14th Dalai Lama as a positive contribution to resolving the conflict. Buryat Buddhists are deeply concerned about the situation in Tibet and pray for the Dalai Lama and all the Tibetan people. Tenzin Chodron believes that for Buddhists in Buryatia, Kalmykia, and Tuva, the Tibetans are brothers and sisters, and the Buryats cannot remain indifferent to their hardships. So far there has been no answer from the President, but the Ministry of Foreign Affairs has stated that resolving the conflict was an internal affair. Tenzin Chodron replied, “For all the world community the 14th Dalai Lama is a great personality, Nobel Peace Prize laureate, philosopher, political and religious leader, and preacher of peace throughout the world. The most precious figure that the Tibetan people have is the Dalai Lama . . . It is difficult to describe how they treat and love His Holiness. In himself, he represents all that is sacred and precious to the Tibetans in their history, which is all connected with their culture, faith, and hope.” [8].

As the leader of the Green Tara (Nogon Dara Ekhe) Buddhist community, Tenzin Chodron has been active in society for many years. Green Tara has used a holistic approach to community development, working in research, publications, training, and social mobilization. Members aim to bridge the gap between rural and urban, rich and poor, and men and women in accessing services and improving their health and well-being through community development, philosophy, principles, and ethics.

Buryat Buddhism in an International Context

Tenzin Chodron has been exploring Tibetan Buddhism, history, and culture, as well as the so-called Tibet issue. Having traveled to the countries where Tibetan refugees live, such as India, Nepal, China, and Mongolia, she has explored the life of the Tibetans and Tibetan Buddhist monasteries, which has allowed her to gather extensive research materials for many publications and monographs. When speaking about Tibet’s unique culture and how the Tibetans have managed to maintain their Buddhist teachings and traditions, Tenzin Chodron repeatedly emphasizes that the preservation of Tibetan language and culture means the preservation of Buddhism in general. Her research interests include Tibetan Buddhism, logic, meditation, Tibetan written and oral sources, and the relationships between Buddhism and science. One way she pursues these interests is through her position as the leading editor of Je Tsongkhapa Publishing House, which is dedicated to spreading the teachings of the Buddha in Russia and to publishing the texts of great Buddhist masters in Russian and Buryat languages [9].

Tenzin Chodron is the author of more than one hundred publications. Her knowledge of Tibetan language allows her to translate many philosophical texts and to adapt them for Russian readers in a way that expresses deep wisdom and insight. Today, due to her diligent efforts, Russian and Buryat people are discovering the principals of Buddhism as philosophy and science. Among her recent books that have been published in Buryatia are *Buddhist Philosophy and Meditation in Comparative Context, Based on the Indo-Tibetan Texts and Oral Traditions of Tibetan Buddhism* and *The Formation of Tibetan and Chinese Mahayana in the Context of Authentic Buddhist Questions*. In the first book, she studies the rationalist approach of Buddhism in comparison with the cognitive approach of modern science and Western philosophy. She explains the relationship between Buddhist philosophy and meditation as presented in the Indo-Tibetan tradition and explores the meaning of the Nalanda scholarly heritage as preserved in the Tibetan Buddhist tradition. In the second book, she examines the most important aspects of Tibetan and Chinese Buddhism in a comparative format to better understand their objectives and the cultural and psychological factors and strategies that influenced the development of Buddhism in Tibet and China.

Tenzin Chodron’s vast scholarship can be summarized in what is explained as the union of wisdom and method: “The doctrine of *śūnyatā* (emptiness) is related to what is called the ultimate *bodhicitta*. The highest *bodhicitta* is the mind that comprehends *śūnyatā* in conjunction with conventional *bodhicitta*. The conventional *bodhicitta* is love and compassion toward all sentient beings. One of the central Buddhist prayers is, ‘May I become a Buddha for the sake of the happiness of all sentient beings.’ In my opinion, we must pay attention to this altruistic message if we want to liberate ourselves and achieve awakening.” [8]. This message represents the core of the Buddhist teachings that Tenzin Chodron shares with the Buryat people.

References

1. Nataliia L. Zhukovskaia, "The Revival of Buddhism in Buryatia," *Religion and Politics in Russia: A Reader*, ed. Marjorie Mandelstam Balzer New York: Routledge, 2015
2. Sergey Lepekhov, "Monasteries and Philosophical Schools as the Key Elements in Buddhist Civilization," *Buddhism in Buryatia: History and Modernity* [in Russian] (Ulan Ude: Buryat State University, 2002)
3. Karma Lekshe Tsomo, "Transition and Transformation: Buddhist Women of Buryatia." *Buddhism in Mongolian History, Society, and Culture*. Edited by Vesna Wallace New York: Oxford University Press, 2015)
4. The Buryat word *orhimzho* means to leave or escape, implying to leave mundane life. Larisa Budozhapova, *Buddhist Terminology in Buryat Language* [in Russian] Ulan Ude: Buryat State University, 2012
5. Interview with Tenzin Chodron, February 26, 2016
6. Surun-Handa Syrtypova, *Female Deities in Buddhist Confession in Buryatia* (Synopsis)(Ulan-Ude: n. p., 1998, p. 17)
7. Interview with Tenzin Chodron, February 26, 2016
8. Larisa Bochanova, "An Interview with Ven. Tenzin Chodron (Irina Urbanayeva)." [in Russian] http://savetibet.ru/2008/07/21/irina_urbanayeva.html. Accessed March 27, 2016
9. Dulma Ayusheeva and Leonid Yangutov, "Irina Urbanayeva: A Prominent Scholar in the Field of Buddhist Philosophy," *Vestnik Buryatskogo Nauchnogo Tsentra* [in Russian] 1:4(2011) 246.

УДК 800.1

© М.Л. Рыбалко
Иркутск, Россия
Канд. ист. наук, доцент кафедры
политологии, истории и регионоведения
Иркутский государственный университет
E-mail: mikhail.rybalko@gmail.com

Теоретические аспекты лингвистической ассимиляции

Аннотация. Политическое представительство этнических меньшинств привлекло достаточное внимание исследователей. После распада Советского Союза в титульных субъектах Российской Федерации произошли значительные изменения в этническом составе региональных парламентов (на основе данных советской переписи 1989, российской переписей населения 2002 и 2010 годов, вебстраниц региональных парламентов в этнических регионах России). В научной литературе определяется, что этническая группа имеет различные подгруппы (ассимилированные и неассимилированные). Воздействие лингвистической ассимиляции на политическое представительство этнического меньшинства еще слабо изучено. Мой аргумент заключается в следующем: уровень использования родного языка может объяснить различные уровни этнического представительства в титульных регионах. Изучение лингвистической ассимиляции в научной литературе имеет большую важность для построения теории. Теории, в свою очередь, помогают создать абстрактные модели и предсказать будущие события. Научные разработки американских исследователей также может помочь в объяснении главного механизма – лингвистическая ассимиляция служит измерением этнической мобилизации в постсоветской России. Этнические меньшинства, переходящие на официальный государственный язык, обычно не поддерживают националистические лозунги. Это исследование делает акцент на ключевых факторах и особенностях лингвистической ассимиляции в научной литературе США.

Ключевые слова: этническое представительство, титульный регион, лингвистическая ассимиляция, региональные парламенты, теория ассимиляции, этническое меньшинство, изменение идентичности

© M.L. Rybalko
Irkutsk, Russia
Candidate of Philosophy, Assistant Professor
Department of Politics, History and Region Studies
Irkutsk State University

The Oretical Aspects of Linguistic Assimilation

Abstract. Ethnic representation of minority groups has received much scholarly attention. After the end of the Soviet Union, Russia's ethnic homelands (titular regions) experienced significant shifts in ethnic compositions of their parliaments (based on the data from Soviet census 1989, Russian Census Data 2002 and 2010, Russian regional titular parliaments' websites). The ethnic group has different subgroups (assimilated and non-assimilated) and the untested impact of linguistic assimilation on ethnic representation. I argue that the levels of native language use can explain different ethnic representation patterns in Russia's ethnic homelands. The examination of linguistic assimilation in academic literature is important for building a theory. Theories in turn help create abstract models and predict future events. The US scholarly literature can also help explain the main mechanism – linguistic assimilation serves as a measure of ethnic mobilization in the post-Soviet setting in Russia. Ethnic minority groups picking up the main official state language tend to support less nationalistic slogans. This paper focuses on determinants and main features of linguistic assimilation in the works of mainly US scholars.

Keywords: ethnic representation, titular region, linguistic assimilation, regional parliaments, assimilation theory, ethnic minority, identity change.

Проблемы адаптации и взаимодействия этнических меньшинств привлекают внимание исследователей полиэтнических обществ (Gordon 1965; Teske and Nelson 1974; Horowitz 1985; van Den Berghe 1987; Alba and Nee 1997, 2003; Laitin 1998; Kymlicka 2001; Gorenburg 2006). Ассимиляция может быть

представлена как процесс слияния одной этнической группы в другую [1]. В научной литературе существует большое количество определений ассимиляции. Ассимиляция может быть представлена как создание общества, в котором представлены народы различного этнического / расового происхождения и культурного наследия, что приводит к общему национальному (государственному) существованию [2]. Ассимиляция может привести к постепенному исчезновению этнических меньшинств по мере того, как более молодые поколения все больше интегрируются в доминантную культуру и идентичность [3].

Фундаментальной работой в теории ассимиляции является анализ Гордона [4]. Он определяет семь типов ассимиляции (аккультурация, структурная, брачная, идентификационная, поведенческая, ценностная и гражданская). Структурная ассимиляция предполагает вход группы меньшинства в доминантную общественную сеть групп и институтов. Структурный тип автоматически ведет за собой все другие типы ассимиляции. Идея Гордона об аккультурации заслуживает особого внимания. Первая стадия ассимиляции предполагает принятие культурных характеристик доминантного общества. Именно в этой стадии иммигранты изучают язык своей новой родины [4]. В этом контексте отсутствует акцент на уровне знания этого языка.

Вопросы аккультурации и ассимиляции также активно обсуждались другими исследователями. Ван Ден Берге разделяет процесс ассимиляции и аккультурации [5]. Аккультурация воспринимается как развитие культурной схожести между группами. Подчиненная группа (этническое меньшинство) принимает некоторые видимые черты в поведении под влиянием доминантного большинства. Ассимиляция, в свою очередь, предполагает потерю группой «субъективной идентичности» и началом поглощения этнического меньшинства [5]. В этом контексте, аккультурация может функционировать как предтеча ассимиляции. Ван Ден Берге измеряет аккультурацию как «потерю родного языка», в то время как ассимиляция определяется процентом межэтнических браков. Анализируя этническое и лингвистическое разнообразие Советского Союза, Горенбург выделяет две фазы ассимиляции. Первая происходит, когда представители этнического меньшинства переходят на главный язык государства, но при этом сохраняют свою этническую идентификацию. В свою очередь, вторая фаза заключается в приобретении не только языка доминантной культуры, но и этнической идентичности [1].

Лингвистический компонент ассимиляции предполагает первоначальный шаг по пути дальнейшей интеграции в этническое большинство. Лингвистическая ассимиляция – процесс потери своего собственного языка и переход к языку большинства в государстве [6]. Однако, используя примеры этнической и лингвистической идентификации в советских переписях, Горенбург определяет, что лингвистические изменения не способствуют полному поглощению этнического меньшинства [1]. В этой связи Кимлицка отмечает, что процесс ассимиляции может быть сопровожден культурной трансформацией меньшинства, которое принимает модели поведения, преференции и интересы основной этнической группы [6]. Результатом этого процесса является то, что ассимилированные члены группы могут выработать новую форму идентичности, одновременно придерживаясь двух культур (своей и большинства)[3, 7, 6].

Ассимиляция – это мотивация для представителей меньшинства поменять свои модели поведения [5]. Культурное воздействие ассимиляции определяется политическим контролем доминантной группы [8] (Teske and Nelson 1974). В этой связи, подчиненная группа может инициировать процесс ассимиляции при условии, что это позволено доминантной группой [5]. Доминантные этнические группы могут включать или исключать меньшинства [3]. В этом случае Гордон подчеркивал, что приобретение культурных черт большинства автоматически не гарантирует членства в доминантной группе, которая может блокировать такие попытки [4]. Такое непринятие меньшинства определяется как «сегментированная» и «нисходящая» ассимиляция, которая может быть выделена в отношении небелого населения США [2]. В противовес сегментированной инкорпорационной модели, существует и плюралистическая модель, которая может быть применена к расово схожим этническим группам из Европы, которые были быстро приняты в американское общество [2]. В этой связи, расовая (а не этническая) идентификация постоянно задействуется государственными институтами и СМИ в Соединенных Штатах.

Многие исследователи акцентируют внимание на изменении социального статуса, как основного двигателя в процессе ассимиляции [9]. Принятие образовательных и профессиональных черт большинства позволяет этническому меньшинству приблизиться к доминантной политической и экономической культуре. Исследователи США отмечают мобильность поколений. Первое поколение иммигрантов не может качественно овладеть языком страны; второе поколение владеет своим и основным языком, но отстает от большинства в использовании возможностей для своего карьерного роста; только третье поколение способно достичь верха карьерной лестницы. Ассимиляция определяет воз-

возможности этнической группы стать частью доминантного общества [2]. В этой связи, большая роль принадлежит институтам в предоставлении возможности принятия меньшинств с помощью образования и трудоустройства. Культура большинства представляется в радужном цвете и становится источником улучшения socioэкономических возможностей. Источником ассимиляции на примере США – расовое и этническое неравенство [2]. Таким образом, улучшение экономических условий становится движущей силой ассимиляции, которая больше представляется как уменьшение этнических, культурных и социальных различий. Ассимиляция – долгосрочный процесс, который необязательно ведет к исчезновению этнической идентичности [2]. Существование и поддержание большого числа этнических идентичностей в США и многих государствах Европы подтверждает сложность процесса ассимиляции.

Литература

1. Gorenburg, Dmitry. (2006). "Soviet Nationalities Policy and Assimilation." Ed. by Blair Ruble, Nancy Popson and Dominique Arel, *Rebounding Identities: The Politics of Identity in Russia and Ukraine*. Washington, DC: Cambridge University Press.
2. Alba, Richard and Victor Nee. (1997). "Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigrants". *International Migration Review*, 31(4): 826-874
3. Horowitz, Donald. (1985). *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press
4. Gordon, Milton. (1964). *Assimilation in American Life*. NY: Oxford University Press.
5. Van den Berghe, Pierre. (1987). *The Ethnic Phenomenon*. NY: Praeger.
6. Kymlicka, Will (2001). "Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe." Ed. by Will Kymlicka & Magda Opalski, *Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*. Oxford, NY: Oxford University Press
7. Laitin, David D. (1998). *Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca, NY: Cornell University Press
8. Teske, Raymond H. C. and Bardin H. Nelson. (1974). "Acculturation and Assimilation: A Clarification." *American Ethnologist*, 1(2): 351-367
9. Blau, Peter M. and Otis D. Duncan. (1967). *The American Occupational Structure*. NY: Wiley.

УДК 947.084.4(571.54)

©А.А. Спиридонова
Улан-Удэ, Россия
магистрант I курса исторического факультета
Бурятский государственный университет,
e-mail: alina.spiridonova.94@mail.ru

Деятельность городского управления в 1922 году

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы деятельности городского управления, сформированного в 1922 году в г. Верхнеудинске. Во второй половине 1921 года по всей Дальневосточной республике прошли выборы уполномоченных в Народное собрание. В связи с этим, деятельность народно-революционных комитетов Дальнего Востока прекращается, и им на смену приходят городские управления. В декабре 1921 года в г. Верхнеудинск городским собранием уполномоченных было избрано городское управление. На основании фондов Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) Ф.Р.-968 «Верхнеудинское городское управление Верхнеудинского уезда Прибайкальской области», Ф.Р.-300 «Ревком Прибайкальской губернии (Пригубревком)» проанализированы характерные особенности Верхнеудинского городского управления, основные проблемы его формирования, а так же цели и ключевые направления его экономической, социальной, финансовой деятельности и деятельности по благоустройству города. Кроме этого, исследуется структура, состав и методы работы аппарата городской власти. В результате анализа использованных источников, автор устанавливает точные даты осуществления полномочий Верхнеудинского городского управления в 1922 году. В заключении автор приходит к выводу, что Верхнеудинское городское управление является приемником Верхнеудинского городского народно-революционного комитета, так как основные цели и задачи управления городом остаются неизменными.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Верхнеудинск, городские органы власти, народно-революционный комитет, городское управление, советская власть, гражданская война.

©А.А. Spiridonova.
magistracy,
1st course of the Faculty of History Buryat State University
e-mail: alina.spiridonova.94@mail.ru

Activity of Urban Management in 1922

Annotation. The article considers the main problems of urban management, formed in 1922 in Verkhneudinsk. In the second half of 1921 throughout the Far Eastern Republic elections were held for delegates to the People's Assembly. In this connection, the activities of the People's Revolutionary Committees of the Far East cease, and they are replaced by city administrations. In December 1921 in the city of Verkhneudinsk city assembly of commissioners was elected city administration. Based on the funds of the State

Archives of the Republic of Buryatia (SARB) F.-R.-968 «Verkhneudinsk City Administration Verkhneudinsky County Baikal region», F.-R-300 «Revcom Baikal province (Pribgubrevkom)» analyzed the characteristics of Verkhneudinsky city government, the main problems of formation, as well as the goals and key directions of its economic, social, financial activities and activities for the improvement of the city. In addition, the structure, composition and methods of work of the city government apparatus are examined. As a result of the analysis of the sources used, the author establishes the exact dates for the exercise of the authority of the Verkhneudinsk City Administration in 1922. In conclusion, the author comes to the conclusion that the Verkhneudinsk City Administration is a receiver of the Verkhneudinsk city people's revolutionary committee, since the main goals and tasks of city management remain unchanged.

Keywords: Far Eastern Republic, Verkhneudinsk, city authorities, people's revolutionary committee, city government, Soviet government, civil war.

Во второй половине 1921 года по всей Дальневосточной республике прошли выборы уполномоченных в народное собрание. В связи с этим, деятельность народно-революционных комитетов Дальнего Востока прекращается, и им на смену приходят городские управления. В декабре 1921 года в г. Верхнеудинск городским собранием уполномоченных было избрано городское управление. Таким образом, городской народно-революционный комитет существовал с 8-14 августа 1920 года по декабрь 1921 года.

На основании постановления Прибайкальского областного управления № 43 от 27 января 1922 года, опубликованного в газете «Прибайкальская Правда» №20 (86) от 29 января 1922 года было решено в порядке ст. 79 Положения о местных органах управления переименовать Верхнеудинский городской народно-революционный комитет в Верхнеудинское городское управление[1, л.13]. До изготовления необходимых печатей и штампов Верхнеудинское городское управление пользовалось ранее существовавшими печатями и штампами горнарревкома.

Аймачные и хошунные нарревкомы были преобразованы в соответствующие управления[12, с. 147].

При горуправлении существовали следующие отделы:

1. Административный;
2. Хозяйственный;
3. Финансовый;
4. Здравоохранения;
5. Народного образования и военного ведомства[10, л. 16].

Указанные отделы действовали до конца существования Верхнеудинского городского управления.

В состав горуправления вошли: А.П. Алютин (председатель горуправления), Н.А. Гальперов, С.Ф. Городков, М.В. Душин, С.М. Киселев. Отделы были распределены между членами горуправления на заседании Верхнеудинского городского управления 29 января 1922 года (Протокол № 2)[2, л.16]. Так, председатель горуправления А.П. Алютин был назначен заведующим Административным отделом. Заместитель председателя товарищ С.Ф. Городков – Хозяйственный отдел. Член горуправления М.В. Душин – Финансовый отдел. Член горуправления С.М. Киселев – отдел Здравоохранения и член горуправления Н.А. Гальперов заведовал отделом Народного Образования, но за невозможностью в ближайшее время оставить службу по военному ведомству исполнение обязанностей было возложено на Ф.П. Потапова. 28 сентября 1922 года члены Горуправления С.Ф. Городков и С.М. Киселев выбыли из состава Горуправления. В частности, С.Ф. Городков за нецелевое использование денежных средств был временно отстранен от должности заведующего хозяйственным отделом, а затем уволен со службы.

На собрании Уполномоченных Верхнеудинского городского управления от 28 сентября 1922 года решался вопрос о выборах членов Горуправления, взамен выбывших С.М. Киселева и С.Ф. Городкова, на котором были избраны большинством голосов В.И. Ворожейкин и Г.В. Сарапулкин (назначен заведующим отделом Народного Образования). Временно исполняющим обязанности заведующего хозяйственным отделом назначили И.Н. Мокеева.

На заседании Уполномоченных Верхнеудинского Городского Самоуправления председатель уполномоченных товарищ А.А. Сакач обратился к собранию со следующей речью: «...Хочу вкратце коснуться перспектив, тех целей, которые стоят впереди нашей деятельности, которые должны выражать свое содержание в нашей работе, как в идейном, так и в организационном отношении. Я хочу коснуться того фазиса, в который мы вступили на революционном фоне. Для всех, товарищи, ясно, что мы в своем революционном периоде стали на новую грань исторической эпохи, на грань хозяйственного строительства. Мы пережили затяжной военный период, в котором выразили много героизма и самопожертвования для защиты своих революционных идеалов. Сейчас же момент другой – момент хозяйственный и нужно сказать откровенно, что он труднее первого. Теперь недостаточно сражаться на фронтах, а нужно быть хорошими практическими организаторами народного хозяйства...»[3, л. 38-39 об.]. Протокол № 1 от 31.12.1921 г. заседания уполномоченных Верхнеудинского

городского самоуправления. Из анализа данного документа следует, что уже тогда пришло четкое осознание необходимости перехода от военных действий к планомерному строительству народного хозяйства. Важнейшими составляющими в деле строительства народного хозяйства должны были стать специализация, умение и образованность людей, создающих светлое будущее.

Долгие годы Первой мировой войны и гражданской войны разрушили народное хозяйство в общественном масштабе и привели весь хозяйственный аппарат в плачевное состояние.

Верхнеудинское городское управление осуществляло всю полноту власти в пределах города. В частности, административным отделом был проведен в жизнь закон о квартирно-жилищном положении, хозяйственный отдел разрешал вопросы капитального ремонта жилых помещений городских зданий и т.д.

Одной из основных задач Верхнеудинского городского управления было формирование бюджета. Необходимо было рационально составлять сметы о доходах и расходах местного Управления. В этом нелегком деле Городскому управлению помогала бюджетно-финансовая комиссия областных, уездных и городских управлений. Эта комиссия устанавливала вид, размер налогов, регламентировала их повышение или понижение. В частности, в обязанности Верхнеудинского городского управления входил сбор налогов с населения и их учет. Существовали следующие виды налогов: подоходно-поимущественный налог, промысловый налог, дополнительный сбор на патенты по продаже и изготовлению крепких алкогольных напитков, процентный сбор со скота, доход с лесов, сбор с легитимационных билетов (10 коп. золотом в сельской местности, 50 коп. золотом в городах), канцелярский сбор, судебные пошлины и сборы, гербовый сбор, речной сбор, сбор с вывесок торговых и промышленных предприятий и др.

В отчетах финансового отдела Верхнеудинского городского управления отмечается крайне тяжелое финансовое положение. Поэтому для сокращения расходов и увеличения доходов принимаются следующие меры: ликвидация задолженности центральных учреждений перед местными, в основу расчетов положен принцип твердого расчета деньгами, сокращение местного административного аппарата, усиление ответственности за несвоевременную оплату или передачу налогов и сборов местным управлениям и центральным учреждениям.

Собранные налоги и сборы перераспределялись между Областными, Уездными, Волостными, Городскими и Сельскими управлениями. Например, от всего собранного промыслового налога 20 % отчислялись в пользу Областных управлений, 30 % - в пользу Городских и Сельских управлений, как и сборы с продажи и изготовления крепких напитков, доходы с лесов (по 50 %) и судебных пошлин (25 %), так как на Городские и Сельские управления ложилось бремя содержания камер Народных Судей[4, 79-79 об.].

Согласно протоколу №72 заседания Верхнеудинского городского управления от 18 августа 1922 года было введено изменение таксы за проезд по Удинскому мосту: до 20 коп. золотом с дорожного экипажа при трех лошадях и воза с купеческой кладью, автомобили; до 5 коп. золотом облагались телега с крестьянской кладью, лошадь, бык и корова, идущие на продажу; до 3 коп. золотом мелкий скот[5, л. 126].

Согласно ведомости о расходах Верхнеудинского городского управления за январь-июнь 1922 года основными статьями расходов были: жалование личному составу, канцелярские и хозяйственные расходы, содержание пожарной команды, городской бани, электрической станции, пособия на содержание учебных и просветительных заведений, богадельни, детского дома, городской больницы, анатомического покоя, заразной больницы, на благоустройство города, охрану городских лесов и покосов, расходы по празднованию 1 мая, пожертвования фронту. В общей сложности эта статья в бюджете города составила 91238 руб. золотом[7, л. 532-533].

В то время как доходы за этот же период в соответствии с ведомостью о доходах Верхнеудинского городского управления равнялись 91491 руб. золотом[8, л. 534-536]. Доходная часть бюджета города формировалась из оценочного налога с недвижимых имуществ, сборов с торгово-промышленных учреждений (трактиры, постоянные дворы, частные торговые бани, частный водовозный промысел, подводная повинность, привозимое на продажу сено), за регистрацию собак и нотариальных актов, браков, рождений и пр., с публичных зрелищ и увеселений, с земель под усадебными местами, платы за лечение в городской больнице, обучение в школах и др.

Верхнеудинское городское управление регламентировало порядок часов торговли на городских базарах и в торговых помещениях, распределяло сенокосные и пахотные участки среди населения, решало вопросы по стоимости и подаче электричества населению, контролировало деятельность жилищной и финансовой комиссий, устанавливало размер налогов и сборов, порядок их взимания, работу учреждений здравоохранения, рассматривало личные заявления граждан. Заботилось о санитарном

состоянии города, прекращении распространения различных эпидемий (брюшного тифа), об отпуске денег на разные нужды (например, празднование 1 мая, годовщины Октябрьской революции).

Верхнеудинское городское управление существовало до конца ноября 1922 года, затем власть передана коммунальному отделу Губревкома [9, л. 7]. В докладе о деятельности отделов Прибайкальского губернского революционного комитета за время с 7 ноября 1922 года по 1 января 1923 года [11, л. 39-43об.] комиссией был сделан вывод, что хозяйственно-экономическая политика, проводимая администрацией городского управления до 1 декабря 1922 года была ошибочной и дала отрицательные результаты. Были причинены значительные убытки: не была извлечена прогнозируемая прибыль, не сохранено движимое и недвижимое имущество. Положительной же чертой в деятельности городского управления, по мнению комиссии, являлась аккуратная выплата содержания всем служащим в размере 100%. При переименовании Верхнеудинского городского управления в коммунальный отдел Губревкома было установлено единоличное управление взамен коллегиального.

Не смотря на то, что комиссия признала деятельность Верхнеудинского городского управления ошибочной, считаю, что за все время своего существования, проделанная Горуправлением работа все-таки послужила базисом для последующей деятельности коммунального отдела при Губревкоме.

Как уже упоминалось выше, Гражданская война и иностранная интервенция практически разрушили до основания народное хозяйство, которое Верхнеудинское городское управление всеми силами пыталось восстановить. Сельское хозяйство на период военных действий было полностью заброшено, все мужское трудоспособное население сражалось на фронтах, так же следствием войны было огромное количество инвалидов, не способных к полноценному физическому труду. Все заводы и фабрики города простаивали так же по причине нехватки рабочих рук. Для того, чтобы стабилизировать ситуацию, поспособствовать восстановлению хозяйства Городское управление снижало налог на аренду земельных участков для населения под пашни и огороды, издавало специальные распоряжения об обязательном культивировании арендуемых участков. Признание деятельности Верхнеудинского городского управления образцом «полной бесхозяйственности» считаю неоправданным, так как работа этого органа местного управления была краткосрочной (с 27 января 1922 по 9 ноября 1922 года, т.е. 10 месяцев), а за этот период восстановить полностью народное хозяйство до показателей довоенного времени не возможно. Единственно возможным в данной ситуации является его стабилизация и охрана от очередного падения.

Так же весомой причиной является недостаток денежных средств. Из анализа расходной и доходной статей бюджета, описанных выше, видно, что наблюдался дефицит бюджета. Для того, чтобы изменить эту ситуацию, Городским управлением была организована бюджетно-финансовая комиссия, главной задачей которой была рационализация и правильное составление сметы. Таким образом, Верхнеудинским городским управлением предпринимались попытки для улучшения финансового положения в городе.

Так же немаловажной проблемой, с которой в своей работе столкнулось Верхнеудинское городское управление, является непрофессионализм служащих. Председатель Горуправления А.П. Алютин отмечал в своем приказе №185 от 16 октября 1922 года [6, л. 196], что служащие Горуправления вступали с посетителями в разговоры частного характера, чем отвлекались от своих прямых обязанностей и нарушали ведение работы. Так же как и при Верхнеудинском горнарревкоме, остро ощущалась нехватка квалифицированных специалистов. Кадровый вопрос оставался нерешенным. Несформированность четкой организационной структуры и непрофессионализм трудящихся так же сказывались на работе горуправления и, в какой-то степени, повлияли на признание его деятельности ошибочной.

Верхнеудинское городское управление в целом продолжило линию горнарревкома, остались прежние отделы: административный, финансовый и хозяйственный. К ним прибавились отдел Народного образования и отдел здравоохранения, что свидетельствует о более разветвленной структуре и специализации. Главное отличие Верхнеудинского городского управления от Верхнеудинского городского народно-революционного комитета – это его приоритетная задача. Если горнарревком ставил, в первую очередь, задачу борьбы с контрреволюционными силами, то городское управление все свои силы направляло на восстановление народного хозяйства. Для этого были созданы жилищная и социальная комиссии, которые проводили оценку сложившейся ситуации и пытались найти оптимальные пути для выхода из нее.

Остальная деятельность городского управления была направлена на решение злободневных бытовых проблем, и своими формами и методами напоминала деятельность Верхнеудинского городского революционного комитета.

Литература

1. Государственный Архив Республики Бурятия . Ф. Р-968. Оп.1. Д.1 Л.13.
2. Государственный Архив Республики Бурятия. Ф. Р-968. Оп.1. Д.2. Л.16.
3. Государственный Архив Республики Бурятия . Л.38-39об.
4. Государственный Архив Республики Бурятия. Ф. Р-968. Оп.1. Д.6. Л.79-79об.
5. Государственный Архив Республики Бурятия. Л.126.
6. Государственный Архив Республики Бурятия. Л.196.
7. Государственный Архив Республики Бурятия. Л.532-533.
8. Государственный Архив Республики Бурятия .Л.534-536.
9. Государственный Архив Республики Бурятия . Ф. Р-968. Оп.1. Д.9. Л.7.
10. Государственный Архив Республики Бурятия. Ф. Р-968. Оп.1. Д.12. Л.16.
11. Государственный Архив Республики Бурятия. Ф. Р-300. Оп.1. Д.55. Л.39-43об.
12. Окладников А.П. История Бурят – Монгольской АССР. / А.П. Окладников. – Улан-Удэ: Бурят – Монг. гос. из-во, 1951. – Т.2. – С.147.

УДК 130.1

© В.В. Тыхеев
Улан-Удэ, Россия
аспирант кафедры философии
Бурятский государственный университет
E-mail: vytcaf@yandex.ru

Томизм и паламизм как социальные эпистемы

Аннотация. Данная статья посвящена анализу католической томистской и православной паламитской концепций о Боге и мире в контексте взаимоотношений между такими областями культуры, как религиозное сознание и социально-политические учения, рассматриваемые в рамках единой эпистемологической структуры общественного сознания. Раскрывается понятие «эпистема», понимаемая вслед за М.Фуко как некая «культурно-цивилизационная матрица», создающая весь массив знания, конституирующий конкретную культуру. Указывается на фундаментальное различие между двумя эпистемами (томистской и паламитской), сформировавшими духовно-религиозные традиции западной и восточной христианских культур. В статье прослеживается глубокая связь между метафизическими концепциями католического томизма и православного паламизма с западной либералистской и восточной традиционалистско-авторитарной политическими традициями в контексте культурологической и социально-психологической проблематики. Автор делает вывод о том, что томизм способствовал формированию персоналистского (личностного) типа культуры, требующего от личности самореализации и сугубой ответственности за себя и за окружающий мир, а паламизм обусловил дальнейшее развитие иной формы мышления и социального действия, в рамках которой самореализация личности не рассматривается в качестве самостоятельной и значимой ценности и цели.

Ключевые слова: религия, общество, культура, томизм, паламизм, метафизика, эпистема, аристотелизм, неоплатонизм.

©V.V. Tyheev
Ulan-Ude, Russia
PhD Student
Department of Philosophy
Buryat State University

Tomism and Palamism as Social Epistemes

Abstract. This paper analyses Catholic Thomist and Orthodox Palamitic concepts of God and the world in the context of relations between such areas of culture as religious consciousness and socio-political doctrines considered in the framework of a single epistemological structure of public consciousness. The paper examines the notion of «episteme» that is understood drawing on M. Fuko as a certain «cultural-civilizational matrix» that creates an entire array of knowledge constituting particular culture. The paper stresses out fundamental difference between two epistemes (Thomist and Palamitic) that formed spiritual and religious traditions of Western and Eastern Christian cultures. The paper traces a deep connection between metaphysical concepts of Catholic Thomism and Orthodox Palamism based on Western liberalist and Eastern traditionalist-authoritarian political traditions in the context of cultural and socio-psychological problems. The author concludes that Thomism contributed to the formation of personalistic (personal) type of culture that requires from an individual self-realization and responsibility for oneself and surrounding world. And Palamism determined the further development of different form of thinking and social action where individual's self-realization is not considered as an independent and significant value and purpose.

Keywords. Religion, society, Thomism, Palamism, metaphysics, episteme, Aristotelianism, Neoplatonism.

Каким образом влияет религия на общество, и каким – общество на религию? Даже с точки зрения самой религии – по крайней мере, точки зрения современной теологии и церковной истории – религиозные феномены суть плод человеческого творчества; точнее, плод того или иного осознания истин религии о предметах веры. Например, христианская догматика сформировалась в течение столетий – в результате борьбы разных доктрин о Боге, человеке и мире. Конечно, само понятие религии (лат. religare - «связывать») так или иначе, подразумевает наличие непосредственного участия Бога (или иной некоей высшей разумной реальности – в нетеистических религиях) в любом человеческом творчестве – тем более, в создании религиозных доктрин. Но в данном случае речь мы будем вести о вза-

имовлияниях религии и общества.

Другими словами, мы попытаемся вычленивать в религиозных и социальных феноменах то случайное, которое может быть проявлением «слишком человеческого». Для этого нам необходимо определить механизмы таких религиозно-социальных взаимовлияний. Во-первых, религиозная культура (а традиционная культура – а именно традиционная культура создаёт эпистемы – всегда являлось религиозной) создаёт определённую «эпистему», понимаемую, по определению М.Фуко как «обусловленное исторически культурно-когнитивное априори, совокупность правил и отношений в конкретных месте и времени, формирующих условия существования исторических форм культуры и знания»[1]. Во-вторых, эпистема сама начинает участвовать в развитии культуры, направляя её в заданном ей направлении. Ведь «эпистема включает набор дискурсивных практик, создающих аппарат производства знания» [1], а знания оставляют основу культуры. В свою очередь, «дискурс – это совокупность высказываний, существующих в речи или письме и подчиняющихся определенным правилам и отвечающим определенным критериям»[2]. Наверное, излишним будет напоминать, что «совокупность правил и отношений» определялось и во многом до сих пор продолжает определяться – мифологическими и религиозными традициями, заложенными в человеческом сознании не только в виде личного опыта социализации, но и на уровне «коллективного бессознательного» и его архетипов. В-третьих, сами религиозные практики и доктрины являются творчеством конкретных людей – причём людей, естественно, находящихся в определённом эпистемологическом культурном контексте; а любое творчество есть сфера сугубой свободы самоопределения – человек через творчество выбирает себя, в конце концов. А человеку свойственно ошибаться и даже врать, как известно, зачастую не осознавая своей лжи (и тем более, своего заблуждения).

Таким образом, очевидно, что социальные и религиозно-научные исследования многое теряют в точности анализа действительности, если не учитывают фактора сильного, а порой и определяющего взаимовлияния этих двух областей социальной реальности. Ведь человек – существо в первую очередь «интроспективное», т.е. духовное и эмоциональное, обращённое в духовный мир, который внутри него, и лишь затем политико-экономическое. Человек сам даёт всему свой смысл – всему происходящему вокруг него, и эта феноменологическая интенциональность индивидуального и общественного сознания очень во многом обусловлена той религиозно-духовной традицией, в которой развивалась конкретная человеческая личность, конкретное человеческое общество.

В качестве примера культуuroобразующих эпистем мы можем привести две теологические традиции, определившие духовный облик двух христианских конфессий – католической и православной. Соответственно, это томизм (учение Фомы Аквината, являющееся официальной с XIX века католической философией и теологией) и паламизм (учение епископа Григория Паламы, принятое в качестве догмата православной Церкви на константинопольском соборе 1351-го года). Точнее, на наш взгляд, определяющими для католического Запада и православного Востока эпистемами являются два типа метафизики – томистская, основанная на рецепции аристотелизма, и паламитская, базирующаяся на неоплатонической парадигме раннесредневековой Церкви.

Томистская метафизика исходит из понимания Бога как абсолютного Бытия; абсолютное здесь в смысле такого существования, которое совпадает с сущностью (природой) Божества [3, с.97]. Любое иное (т.е. не Божественное, или иначе, сотворённое) существование черпает своё бытие от Бога – в соответствии с собственной сущностью (природой). Здесь не будет лишним отметить, что неотомизм (современная форма томизма, ныне плодотворно и многообразно развивающаяся) например, в лице неотомиста Ж.Маритена [4, с. 51], а также даже атеистический экзистенциализм в лице Ж.П.Сартра – исходят из концепции самоопределения собственной сущности всяким существом, обладающим свободной волей (направленной по природе бытия к самореализации и к большей свободе и счастью); другими словами, всё сотворённое обладает свободой существовать в соответствии с выбранным способом бытия и сознания. В контексте только что сказанного и заявленной нами темы вполне актуально процитировать Священное Писание христиан:

«Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, - но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1Кор.8; 5-6) [5].

Судя по этому отрывку из Библии, Бог дарует от Своего бытия и тем духам, которые «формально» не находятся к Нему в подчинении (включая, конечно, и неверующих в Него людей), и возможно, вообще не догадываются о Его существовании (например, ввиду нетеистичности их религиозной традиции). Причём Библия не называет этих духов врагами Бога, но богами (не падшими духами).

Данная метафизическая концепция Фомы Аквината (уходящая своими философскими корнями в

учение Аристотеля о Перводвигателе (который в то же время – чистая Актуальность, Энергия, Действительность), и в ветхозаветное имя еврейского Бога «Иегова» - Сущий) имеет своё сакральное обоснование в ином отрывке из христианской Библии: «ибо мы Им (*Богом*) живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род» (Деян.7;8) [5].

В свою очередь, православная метафизика опирается на неоплатоническую парадигму, доведённую до своего логического предела в концепции Григория Паламы (выраженной в догматических определениях Пятого Константинопольского собора 1351-го года [6]), который провозгласил составность природы Бога на абсолютно трансцендентную сущность (в которой, по логике вещей, пребывают Личности Троицы; ведь Божественные «энергии» понимаются в паламизме как общие Лицам – т.к. действие Лиц одно [4]) и на имманентную миру нетварную (т.е. предвечную) энергию, которая также именуется Паламой и в созданной им догматической традиции – благодатью и нетварным Светом (совершенно в духе неоплатонической метафизики Псевдо-Дионисия и на основании опыта монахов, видевших Бога как свет) [7, с. 112-119]. Как известно, подобную метафизику содержит в себе неоплатоническая философия (созданная в 2-3 веках в борьбе и для борьбы с растущим влиянием христианства, но парадоксальным образом взятая на вооружение христианской Церковью в эпоху арианских споров); концепция о трансцендентном Едином, которое эманурует последовательно в Ум (аналог христианской второй ипостаси Троицы – аналог Слова Божия, Логоса, Сына Божия, Бога Слова) и в Душу мира (аналог Святого Духа – третьей ипостаси Божественной Троицы) – эта концепция оказалась «ко двору» в ранней Церкви, которая породила эпоху средневековья, которое было характерно именно строгой иерархичностью как социального, так и метафизического бытия (в религиозном сознании).

Таким образом, в лице Фомы Аквината (XIII в.) и Григория Паламы (XIV в.) мы видим два разных пути, по которым пошла европейская христианская культура; Запад рецепцией аристотелизма начал свой путь ко всё большей персонализации и индивидуализации понимания всех форм бытия (ведь сущность аристотелизма – в признании реальности именно конкретных существ и вещей; сущность вещей не в занебесном мире идей, а в самих вещах; сущность вещей, по Аристотелю, является субстанциональной формой, которая даёт бытие данной вещи [3, с. 172]), а Восток в лице паламизма избрал дорогу ко всё большему «всеединству» всех форм бытия (и социального в том числе), заключённых в строгую структурную иерархичность.

Здесь мы подошли, наконец, к главному вопросу этого доклада – к вопросу о различных социальных учениях в связи с разными религиозно-духовными культурными эпистемами (ведь мы, напомним, условились рассматривать религиозные феномены сугубо в культурно-эпистемологическом аспекте). Западная, томисткая (томизм был признан ортодоксальной метафизической доктриной уже в 14-м веке – после первоначального столетнего периода отвержения; до томизма и на Западе господствовавшей метафизической парадигмой был неоплатонизм) эпистема породила персоналистский (личностный) тип культуры, требующий от личности самореализации и сугубой ответственности за себя и за окружающий мир [8, с. 79-85]. Западное видимое благополучие и высокий уровень модернизации и либеральной свободы – были достигнуты многовековым воспитанием личности, осознающей свою предельную ответственность перед Богом (за свою вечность – т.е. за свои межличностные отношения с Отцом, Сыном, Святым Духом в любви и единстве), перед собой (за свою самореализацию, т.е. счастье) и лишь в последнюю очередь перед обществом (которое понимается не более как сумма таких же личностей, как она сама). Отсюда либералистские социальные учения стали господствующими в западной политической культуре. [4, С.51]

Восточная же, паламисткая эпистема обусловила дальнейшее развитие неоплатонической формы мышления и социального действия, а также и неоплатонического теологического и религиозного метода в восточно-христианской мистической культуре (ведь цель православной мистики – не межличностное единство с Богом во взаимной любви, но «обожение» - этот изначально неоплатонический термин означает соединение христианина с «нетварной энергией» Бога – которая по паламисткому учению, является общей Лицам Троицы). «Иерархическое всеединство» – этими двумя словами можно охарактеризовать парадигму восточно-христианской культуры, программирующей всех причастных к ней – более на умение приспособливаться к социальной среде, чем на стремление к изменению (развитию) этой социальной среды; самореализация личности вообще не рассматривается в рамках этой парадигмы в качестве самостоятельной и значимой ценности и цели. На наш взгляд, ни консервация феодальной социальной парадигмы вплоть до начала XX в. в православной по культуре России, ни феноменальный успех марксистской модели социалистического «идеального общества» (имеющего все черты платоновской модели идеального государства) в российской истории XX в. – не яв-

ляются случайными.

Литература

1. Визгин В. П. Эпистема // Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хёффе (нем.)русск., В. С. Малахова, В. П. Филатова при участии Г. А. Дмитриева. Ин-т философии РАН. — М.: Культурная революция, 2009. С. 203. — 392 с.
2. Колесова О.В. Анализ гносеологической значимости понятия «эпистема»: концептуальный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 6(1). С. 445—451.
3. Свежавски С. Святой Фома, прочитанный заново. — Брюссель: 2003.- 381 с.
4. Губман Б. Л. Символ Веры Ж. Маритена // Маритен Ж. Философ в мире. — М.: Высшая школа, 1994. — С. 135—177
5. Священное Писание Ветхого и Нового Заветов. Синодальный перевод.
6. Акты Константинопольского собора 1351. Против Варлаама и Акиндина / Электронный ресурс. (Режим доступа: <https://ancient-orthodoxy.narod.ru/doc/1351.htm>.) Дата обращения 05.05.2017.
7. Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды св. Григория Паламы: Введение в изучение. С-Пб.: Византинороссика, 1997. — 349с.
8. Этьен Жильсон. Избранное. Том 1. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. М.: Гуманитарная академия, 1999. — 496 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Пленарное заседание	
Осинский И. И. Некоторые проблемы социокультурного развития Бурятии как компоненты ее модернизации.....	4
Абаева Л. Л. Социокультурный контекст эволюции религиозных культур в полиэтнической и поликонфессиональной России.....	7
Будаев К. А. Конституционно-правовое регулирование внедрения рыночной экономики в Китайской Народной Республике.....	9
Булатова Н.Н. Приоритеты участия России, Монголии и Китая в трехстороннем международном сотрудничестве...	14
Истомина О.Б. Сетевая агрессия как форма современного интолерантного дискурса.....	17
Коломыц Д.М. Мифология фашизма как способ осуществления глобалистского проекта.....	19
Хвесюк Н.Г. Корпоративизм как основа социальных отношений в системе власть-бизнес-общество.....	23
Гайдай М.К. Реформа уголовно-исполнительной системы России глазами осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов.....	26
Бальчиндоржиева О.Б. Проблема цивилизационного выбора в контексте перспектив развития экологической цивилизации.....	29
Цырендоржиева Д.Ш., Никифоров А.А. Системный подход к исследованию государственной власти.....	31
Секция 1. Социально-политические процессы в современном мире	
Болдонова И.С., Надагурова А.А. Коммуницируемость традиции в евразийском пространстве: герменевтический взгляд.....	34
Туркулец С.Е., Туркулец С.В. Философско-правовой подход к анализу социальной реальности.....	37
Очирова В.М. Некоторые штрихи к стратегии обеспечения национальной безопасности России.....	41
Манжуева О.М. К вопросу об информационной этике как методологии решения проблемы информационной безопасности.....	45
Корягин В.В. Особенности развития современного информационного общества.....	47
Нестеркин С.П. «Вовлеченный буддизм» как форма социального активизма на Западе.....	51
Жамбаева У.Б. Исторический экскурс Тибета и Китая: политическая игра.....	54
Насибулина А. Устойчивое развитие и глобальная биоэтика.....	57
Мальшенко В.А. О некоторых аспектах избирательного законодательства в Республике Бурятия.....	59
Гнеушева Е.Б. Концепт судебной власти: социально-философский аспект.....	61
Курило С.В. Развитие института семьи в свете изменений, происходящих в обществе.....	63
Гаврилова Ю.В. Социальные изменения как фактор синкретизма религий.....	66
Струк Е.Н. Предельные состояния культурных систем в современном мире.....	70
Багаева К.А. К вопросу о взаимодействии государства и нетрадиционных религиозных организаций в России.....	74
Жамбаев Б.Ц. Изучение структурно-динамического аспекта новых форм этнических общностей.....	77
Чагдурова Э.Д. Концепция длинных экономических волн Н. Д. Кондратьева и смена мировоззренческих парадигм..	80
Секция 2. Социокультурные изменения в обществе	
Бадмаева М.В. П.А. Сорокин о методологии исследования социокультурных явлений.....	83
Лига М.Б. Культуроцентричность образования в контексте парадигмы качества жизни.....	86
Имихелова С.С. Художественное осмысление проблемы национального самоопределения в тувинской и бурятской литературе (1990–2000-е гг.).....	88
Рассказов Л.Д. Россия в условиях трансформации: философский анализ кризисных социально-культурных и социально-медицинских тенденций.....	92
Чукреев П.А., Саргаев А.В. Влияние толерантного отношения принимающего общества на социально-культурную и правовую адаптацию мигрантов (на примере Республики Бурятия).....	96
Бадмацыренов Т.Б., Тартыгашева Г.В. Социокультурные особенности интеграции буддийских сообществ современной Бурятии.....	101
Будаева Д.Ц. Оценка населением качества услуг учреждений культуры.....	105
Пуиг Порталь Б. Э. Ключевые проблемы языковой политики в Республике Бурятия.....	107
Иванкина Л.И. Образ партнера и ролевые ожидания в семейных отношениях в современной молодежной среде.....	117
Данчинова М.Д. Конгломеративность жизненных начал как основа гармонии.....	119
Рудакова Д.Т. Информационные технологии для организации познавательной деятельности и развития личности	122
Гнеушева Т.Б. Проблема наказания в античной философии.....	124
Пустовалов В.В. Экологически устойчивое развитие страны: вызовы отечественному образованию.....	127
Латыговская Т.П. Корпоративная культура как фактор коммуникативной природы управления в условиях социокультурных изменений современного общества.....	130
Затеева Н.А. Участие молодежи в социально-культурной жизни региона.....	132
Тимофеева А.Л. Теоретические и практические аспекты театрализации в культурно-образовательной деятельности современного музея.....	134
Иванова Ю.В. Прикладные ремесла как фактор развития социокультурной среды.....	136
Жапова Н.А. Роль культурологии в современном образовании.....	141
Николаева М.Е., Ярмака С.К. Социокультурные ценности современного студента.....	143
Цырендоржиева Д.Ш., Батуева А.Ц. Гедонизм как одна из проблем современности.....	147

Секция 3. Проблемы системной трансформации современного общества

Жерносенко И.А., Сандакова Л.Г. Концептуальные основания становления современной модели социального развития.....	150
Рандалова О.Ю. Проблема теории фронта в применении к истории Сибири.....	154
Дарибазарон Э.Ч. Человек и универсум в контексте принципа взаимодополнительности.....	156
Данилова З.А. Человеческий потенциал региона.....	160
Боронова М.М. Проблемы регионального развития в условиях постсоветских трансформаций (на материале Республики Бурятия).....	163
Жигмытов Ц.В. Основания стратегий управления сложностью.....	165
Алеева Л.В., Брюханцева Н.В. Мировоззренческие ценности и перспективы холизма всех уровней образования России.....	168
Штайн А., Ширрмахер Б., Рид А. Интернациональная миграция: проблемы интеграции в новую социальную структуру на примере сферы здравоохранения в Германии.....	172
Макарова И.А. К вопросу о браках и разводах в регионах России (на примере Забайкальского края).....	175
Мухина Р.Р. Некоторые особенности личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления.....	178
Герасимова Ю.Р. Самоидентификация в местах лишения свободы.....	183
Багрова Е.В., Кручинин С.В. Соотношение нравственности и стремления к прибыли в контексте развития нефтяного рынка: философский аспект.....	187
Меринова В.Н., Решетникова Е.В. Повышение роли социальной работы как объективная потребность в дальнейшей интеграции российского общества.....	191
Абидуева С.С. Проблемы семей, имеющих детей с ограниченными возможностями.....	194
Барлукова О.Д. Интеллигенция в духовной сфере китайского общества.....	198
Лугавцов К. В. Особенности классического подхода к социально-философскому осмыслению феномена коррупции.....	200

Секция 4. Межнациональные отношения и толерантность в эпоху глобализации

Соколов С.М. Евразийские принципы философии толерантности.....	203
Раманжарова А.М. Толерантность гарант стабильного развития Казахстана.....	205
Чебунин А.В. Концепция личностного образования.....	208
Унарова Л.Д. Почетные граждане Якутска: Бурятия в их судьбах.....	210
Хобракова Д.Б. Особенности становления харизматического лидера в современном обществе.....	214
Зорина В.В., Чижакова Г.И. Этическая культура педагога: философский аспект.....	218
Ханхунова М.Ю. Интернет-пространство как среда функционирования этнической идентичности.....	221
Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Туринцева Е.А. Особенности построения образовательных стратегий в контексте исследования образа благополучия студенческой молодежи.....	227
Башкуева Е.Ю. Формирование культуры здорового образа жизни среди учащейся молодежи: опыт Республики Бурятия.....	230
Яковлева Е.Л. Теоретизирования Каюма Насыри о воспитании и детская игра.....	233
Баторова Е.Б. Эволюция этических ценностей гражданского общества в эпоху Нового времени.....	237
Монсонова А.Р., Базарова Д.Р., Санжаева Р.Д. Этноконфессиональная идентичность личности в условиях интеграции светских и духовных знаний.....	240
Ayukova Zh. Tenzin Chodron (I. Urbanayeva): A Scholar Nun of Post-Soviet Buryatia.....	243
Рыбалко М.Л. Теоретические аспекты лингвистической ассимиляции.....	248
Спиридонова А.А. Деятельность городского управления в 1922 г.	250
Тыхеев В.В. Томизм и паламизм как социальные эпистемы.....	254

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ**

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

(Улан-Удэ, 27–29 июня 2017 г.)

Компьютерная верстка К. А. Багаевой

Дизайн обложки М. Д. Гармажаповой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 22.06.2017 г. Формат 60x84 1/8
Уч.-изд. л. 30,59. Усл. печ. л. 30,22. Тираж 500. Заказ 150.
Цена договорная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского госуниверситета
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а